

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Карагодин Андрей Васильевич

**Дачные курорты на Южном берегу Крыма в конце XIX – начале XX
века: методологические и источниковедческие аспекты исследования**

Специальность 5.6.5 – Историография, источниковедение,
методы исторического исследования

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Н.Б. Селунская

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Методы анализа информативной ценности источников по истории формирования предпосылок дачного строительства на Южном берегу Крыма	63
1.1. Атрибуция владельцев замка «Ласточкино гнездо», символа Южного берега Крыма	69
1.2. Восстановление страниц истории великокняжеских дворцов «Дюльбер» и «Чаир» по материалам архивных фондов и воспоминаний современников	89
1.3. Опыт применения методов компьютерной картографии для реконструкции истории культурного ландшафта Южного берега Крыма (на примере изучения имений и дач местности Магарач)	113
Глава 2. Источниковедческие проблемы изучения дачных курортов Южного берега Крыма (по материалам архивных фондов)	134
2.1. Основание дачного поселка Новый Симеиз в отражении материалов из фондов Государственного архива Республики Крым	138
2.2. Особенности информационного поиска и методики реконструкции истории дачного курорта Новый Мисхор	167
2.3. Методы просопографического анализа материалов личного происхождения из семейных архивов (на примере истории дач Нового Симеиза)	203

2.4. Этапы выявления и процедуры интерпретации материалов по реализации проектов «городов-садов» на Южном берегу Крыма в годы Первой мировой войны	234
Глава 3. Персональные истории владельцев дач Южного берега Крыма: исторические интерпретации эго-источников	266
3.1. Мемуары и дневники графа Д.А. Милютинина – источники по истории Южного берега Крыма конца XIX века	273
3.2. Источники и этапы реконструкции биографий земских врачей и филантропов супругов Михайловых на Южном берегу Крыма	289
3.3. Воспоминания представителей творческой и научной интеллигенции как источник по истории дачных курортов России и Франции	311
3.4. Источниковедческие аспекты изучения ментальности владельцев имений и дач Южного берега Крыма в годы Гражданской войны (1917–1921)	327
Глава 4. Формы цифровых информационных ресурсов по истории Южного берега Крыма позднеимперского периода	359
4.1. Типология, особенности формирования и методы работы с цифровыми базами данных	369
4.2. Методы анализа публикаций по истории Южного берега Крыма на краудсорсинговых платформах и в социальных сетях	382
4.3. Методики формирования и оценка потенциала авторских историко ориентированных тематических сайтов по истории Южного берега Крыма	397

Заключение	416
Список использованных источников и литературы	431
Приложение: иллюстрации	469

Введение

Диссертация посвящена источниковедческим и методологическим аспектам изучения исторического пространства Южного берега Крыма (далее – ЮБК) в конце XIX – начале XX века. Этот период характеризуется как время «курортного бума», одной из отличительных черт которого стало образование на землях бывших приморских имений знати курортных дачных поселков, ставших местом оформления новых социокультурных моделей и парадигм, характерных для общества, находившегося в процессе модернизации.

Научная значимость и актуальность. Обращение к избранной теме обосновывается на трех уровнях – методологическом, источниковедческом и конкретно-историческом.

Повышение роли методологического знания признается сегодня в мировой историографии наиболее значимым аспектом дальнейшего развития гуманитарных наук. Важнейшей характеристикой методологии современных исторических исследований является «мемориальный поворот». В фокусе внимания историков оказываются вопросы, связанные с соотношением истории и памяти о прошлом, репрезентацией исторической идентичности, с изучением форм сохранения и передачи социально значимой информации, типов исторического сознания, феноменов «мест памяти»¹ (этот термин был введен в историографический оборот французским историком П. Нора). С 1984 по 1992 год Пьер Нора координировал усилия почти ста двадцати историков, перед которыми была поставлена задача запечатлеть в ста двадцати восьми статьях «образ Франции». Труд получил название «Франция. Места памяти»². По словам П. Нора, к последним десятилетиям XX. в., в условиях, когда общественная модернизация привела к радикальным изменениям социальной структуры и к исчезновению групп – носителей естественной памяти, прежде всего крестьянства, все прочно бытовавшие в

¹ Селунская Н.Б. Спасение от забвения...: репрезентация прошлого в источниках исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 4. С. 114–131.

² Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999.

общественном сознании основы того, что называлось Францией, стали исчезать: «все сильнее нас охватывал страх, что мы забудем свое прошлое, что оно исчезнет, затеряется в суеде настоящего <...> об этих проблемах вспоминают, когда разгорается очередная “война памяти”»³. В таких условиях нужна актуализация «исторической памяти» через посредство «мест памяти».

Место памяти, по мнению П. Нора, это «любое значимое явление, вещественное или нематериальное по своей природе, которое по мановению человеческой воли или под воздействием времени приобрело статус символа в мемориальном наследии того или иного сообщества»⁴. Иными словами, «место памяти» – это «след», как умозрительный, так и материальный, с помощью которого устанавливается связь прошлого с настоящим. Когда же эта связь обрывается, в дело должны вступать историки, которым следует изучать традицию памяти и реконструировать «места памяти». Речь идет уже не о восстановлении истории событий, а о воспроизводстве их образа в общественной ментальности, оценке и переоценке их значения; не о прошлом, каким оно было, а его присутствии в настоящем. Практики историописания структурируют серии фрагментарных событий в стройные нарративы (разномасштабные и по-разному организованные), в которых «факты» прошлого изображаются в соответствии с господствующей в обществе или в социальной группе оптикой.

Так, через взаимное влияние памяти и истории память вновь актуализируется, заново становится источником осмысления прошлого. По определению Л.П. Репиной, с чьим именем связана рефлексия «мемориального поворота» в отечественной исторической науке, «разделяемые образы прошлого в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в окружающем мире и в конкретных ситуациях настоящего»⁵.

³ Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // Империя и нация в зеркале исторической памяти / Ред.-сост.: И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М., 2011. С. 47.

⁴ Нора П. и др. Указ. соч. С. 26–27.

⁵ Прошлое для настоящего. История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2020. С. 5.

С «мемориальным поворотом» в мировой историографии тесно сопряжен «пространственный поворот», который выражается в существенном изменении предмета и методологии междисциплинарного исследования исторического пространства. Представления о пространстве как совокупности характеристик, описывающих какие-либо реальные территории, местности, регионы, страны, меняясь в связи с изменениями проблематики, методологии и источниковой базы исследований, целей познавательной деятельности, перестают ограничиваться вниманием к природно-географическому фактору. Основными составляющими понятия «историческое пространство» становятся не только и не столько географические и территориальные характеристики, сколько относящиеся к социокультурным аспектам, объединяющим людей и определяющим их коммуникации, стереотипы поведения на основе эстетических, нравственно-психологических, этнокультурных ценностей, уклада повседневной жизни и т.д. Социокультурное измерение и историко-антропологический подход к исследованию «исторического пространства» являются предметами обсуждения исторического общества, побуждают интерес к расширению круга исторических источников, исследовательских сюжетов⁶.

В контексте междисциплинарности исследований разрабатывается проблематика культурного ландшафта, который понимается как природно-культурный комплекс, сформировавшийся на определенной территории в результате социокультурной и хозяйственной деятельности человека в динамическом взаимодействии с природной средой, состоящий из характерных связей взаимообусловленных природных и культурных компонентов⁷. Подразумевается, что «культурный» слой ландшафта включает в себя как материальную, так и духовную культуру: такое прочтение концепта культурного ландшафта, впервые заявленное

⁶ Селунская Н.Б., Карагодин А.В. Культурный нарратив о европейской идентичности в контексте персональных историй (размышления о книге Орландо Файджеса) // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 415–420.

⁷ Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008; Культурный ландшафт как объект наследия. М., 2004.

отечественной наукой еще в первой половине XX в., стало особенно активно развиваться начиная с 1980–1990-х гг., в диалоге с мировой научной мыслью⁸.

За культурным ландшафтом, понятым широко, как комплексное системное образование, закрепляется важнейшая роль в трансляции «исторической памяти». Она отражает различные этапы, «слои» взаимодействия человека с окружающей средой, которые фиксируются не только в самом преобразованном ландшафте, но и его выражении в культуре (топонимах, историях, апокрифах и т.п.) и, в целом, в «исторической памяти» как отдельных социальных групп, так и национальных общностей. В работе с говорящим названием «Ландшафт и память» английский историк С. Шама предположил, что каждый ландшафт на нашей планете является в какой-то мере рукотворным, «культурным», а следовательно, будучи плодом работы человеческого разума и культуры по своему созданию либо осмыслению, поэтизации, служит еще и хранилищем социальной памяти и ментальности людей: «природа и человеческое восприятие, де-факто, неразделимы <...> драматургия ландшафта выстроена в такой же мере из слоев памяти, как из скальных пород <...> ландшафт – это текст, в котором поколения записывают свои идеи»⁹.

В российской историографии актуализируется рефлексия на тему отечественных «мест памяти», их репрезентации на основе широкого комплекса источников, производства достоверного исторического знания¹⁰. Одним из таких «мест памяти» для России, несомненно, является Крым в целом и его Южный берег – в частности. Востребованность обществом изучения истории как основы национальной и государственной идентичности, модели для понимания самого

⁸ Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как хранитель памяти ойкумены // Человек: образ и сущность. 2019. № 1 (36). С. 23; Дурновцев В.И. Исторический источник как объект природы и культуры // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. № 4/2. С. 195–206.

⁹ Schama S. Landscape and Memory. London, 1995. P. 6, 12.

¹⁰ В фокусе наследия: сборник статей, посвященный 80-летию Юрия Александровича Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева. М., 2017; Прошлое для настоящего... М., 2020.

себя с особенной остротой проявляется на примере региона, исключительно важного в контексте как новейшей истории России, так и конструирования памяти российского общества о прошлом¹¹.

Второй существенный аспект актуальности выбранной темы исследования – источниковедческий. Историко-антропологический социокультурный, подход позволяет привлекать новые источники, бывшие за рамками спектра интересов историков ранее. Круг источников изучения «исторической памяти» не исчерпывается воспоминаниями участников и свидетелей событий. Речь идет о выходе за рамки письменного источника, появлении в структуре источниковой базы изучения «исторической памяти» визуальной и монументальной форм «репрезентации прошлого».

Сегодня в литературе все чаще говорят о «визуальном повороте» в исторических исследованиях. В силу возросшей технической вооруженности историка, множущихся программ оцифровки архивов и музейных фондов, реализуемых как на государственном, так и на локальном уровне, большей доступности баз и банков оцифрованных фотографий, открыток, иллюстрированных изданий именно изобразительные источники – фото-, кино-, видеодокументы – выходят на передний план в арсенале источниковедов, а приемы источниковедческой критики этих источников получают первостепенное внимание в методологической работе¹².

Благодаря «цифровому повороту» – совокупности перемен в гуманитарном знании, вызванных постоянно ускоряющимися темпами развития информационного общества, микрокомпьютерной революцией, всеобщей «датификацией», доступностью электронных архивов и «больших данных», – историческая

¹¹ *Карагодин А.В.* Крымская война 1853–1856 гг. в свете мемориального поворота: размышляя о книге английского историка Орландо Файджеса «Крым. Последний крестовый поход» // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 3. С. 93–103.

¹² Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки / Автор-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.Г. Голиков. М., 2019; *Голиков А.Г., Рыбаченок И.С.* Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010; *Медяков А.С.* Война формата 9x14: открытки в немецкой «культуре войны» 1914–1918 гг. М., 2021; *Андреанова Е.Н.* «Фотографии с натуры» – источник по социальной истории России конца XIX в. Саарбрюкен, 2011.

профессия оказывается во все большей степени ориентирована на построение электронных баз данных, вместе с функционалом глобальных информационных сетей обеспечивающих эффективное взаимодействие с информацией, доступ к ресурсам знаний. В профессиональном сообществе постулируется необходимость овладения утонченными инструментами работы как с вновь генерируемыми, так и с уже накопленными человечеством огромными массивами оцифрованных данных, основанными на извлечении неявно выраженной, скрытой информации с помощью контент-анализа формализованных текстовых и визуальных источников, вычисления коэффициентов корреляции и регрессии между вариационными и динамическими рядами данных, многомерного анализа данных и т.п. Неслучайно этот сюжет оказался в центре дискуссий на XXII Международном конгрессе исторических наук в 2015 г. в Китае, программа которого была целиком посвящена проблематике «цифрового поворота»¹³.

Речь, в первую очередь, идет о необходимости создания историками новых электронных баз данных, которые осознаются при этом еще и как вторичные, или мета-источники, которые интегрируют сведения исходных поливидовых документов в процессе исторического исследования и одновременно существенно облегчают процесс распространения достоверного исторического знания¹⁴.

Все перечисленные выше тренды осмыслены и реализованы в настоящем диссертационном исследовании; с ними напрямую связано и конкретно-историческое измерение актуальности выбранной темы.

После воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. общественный интерес к его истории многократно возрос. Он кристаллизуется вокруг памятников истории и культуры на ЮБК, созданных в имперский период – на протяжении XIX и

¹³ *Бородкин Л.И.* «Цифровой поворот» в дискуссиях на XXII Международном конгрессе исторических наук (Китай, 2015 г.) // Историческая информатика. 2015. № 3–4. С. 56–67.

¹⁴ *Гарскова И.М.* Базы данных в исторических исследованиях: опыт и перспективы // Круг идей: базы данных в исторических исследованиях: сборник научных трудов / Под ред. В.Н. Владимирова, И.М. Гарсковой. Барнаул, 2013. С. 7.

в начале XX века, после присоединения Крыма к России в 1783 г. и до установления советской власти в Крыму в 1920 г. (об этом свидетельствует, в частности, масштабная выставка «Романовы. Воспоминания о Крыме», прошедшая весной и летом 2022 г. в Государственном историко-архитектурном, художественном и ландшафтном музее-заповеднике «Царицыно»¹⁵). Большое внимание уделяется феномену «курортного бума» конца XIX – начала XX века, когда наступил, по словам современника, «новый этап возрождающейся Ялты как всероссийской санатории. <...> Огромная Россия начинала сознавать значение для нее маленького Крыма. <...> Весь Южный берег застраивался дворцами, курортами, дачами»¹⁶. Достопримечательности, созданные в то время, подобно рожденным тогда же литературным произведениям из «южнобережных циклов» рассказов А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.И. Куприна, по сей день определяют образ Крыма в массовом сознании, его привлекательность в глазах гостей курорта.

Однако при этом на историко-культурной карте ЮБК все еще остается немало белых пятен, памятников и ландшафтов с плохо, недостоверно или вовсе не реконструированной историей. Не решены задачи локализации многих имений и дач, персонализации культурного ландшафта – документального установления имен владельцев, гостей, арендаторов даже некоторых самых известных памятников, истории их строительства и перестройки, реконструкции визуального облика курортов, изучения истории повседневности, выявления социально-экономических, социокультурных факторов, влиявших на ход курортного освоения ЮБК в позднеимперский период конца XIX – начала XX века. Даже самые популярные памятники подчас слабо изучены, плохо атрибутированы, рассказ об истории этих мест отдан на откуп местным краеведам и историкам-любителям, которые зачастую транслируют апокрифы, не выдерживающие серьезной критики.

¹⁵ Романовы. Воспоминания о Крыме: издание к выставке. Государственный музей-заповедник «Царицыно». 2022 / Автор-сост. О.И. Барковец. СПб., 2022.

¹⁶ Врангель Л.С. Крым. Paris, 1939. С. 151.

Актуальность решения этих задач усиливается и тем, что сам вопрос об определении характера перемен в жизни российского общества на рубеже и в начале XX века – когда, по словам писателя В.В. Набокова, «в первое необыкновенное десятилетие века фантастически перемешивалось новое со старым, либеральное с патриархальным, фатальная нищета с фаталистическим богатством»¹⁷ – по-прежнему находится в фокусе острых общественных и историографических дискуссий¹⁸.

Автору исследования представлялось важным отойти от распространенного в искусствоведческой, краеведческой литературе, посвященной ЮБК, акцента на беллетризованном, апологетическом описании старины, на научной основе систематизировать, оценить, свести воедино информацию, содержащуюся в справочной и научной литературе, исторических источниках, как уже известных и введенных в оборот, так и вновь выявляемых, оценить информационный потенциал и возможности повышения информационной отдачи источников, создав тем самым основу не только для восстановления фактов, но и для объяснения, анализа тех условий и факторов – экономических, социальных, культурных, – в пространстве которых развивались судьбы индивидуумов. Именно такой многомерной работы сразу в трех ракурсах – истории событий, истории социальных структур и личной, биографической истории – требует, по мнению многих авторитетных отечественных и зарубежных авторов, историческая наука на современном этапе ее развития¹⁹.

Была очевидна и необходимость новых, релевантных наступившей цифровой эпохе форм организации и репрезентации профессионального исторического знания по истории ЮБК, создания цифровых мета-источников, агрегирующих как письменную, так и визуальную информацию из первичных источников и в дальнейшем репрезентирующих ее в виде доступных широкой аудитории

¹⁷ *Набоков В.В.* Рассказы. Воспоминания. М., 1991. С. 461.

¹⁸ *Мироненко С.В.* 100 событий, которые изменили Россию. М., 2019; *Мионов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2015.

¹⁹ *Селунская Н.Б., Карагодин А.В.* Указ. соч. С. 415–420; *New Perspectives on Historical Writing / Ed. by P. Burke.* Pennsylvania, 2001. P. 283–300.

историко ориентированных тематических, просветительских сайтов в сети Интернет.

Объектом исследования стал культурный ландшафт Южного берега Крыма в конце XIX – начале XX века, взятый как историческое пространство, претерпевавшее существенные изменения в силу ускорившихся процессов социально-экономической и социокультурной модернизации. Крупные дворянские землевладения преобразовывались в дачные курорты, становившиеся местом организации новых форм досуга представителями нарождавшегося среднего класса России: инженерами, предпринимателями, деятелями науки и искусства.

Под культурным ландшафтом автор понимает природно-культурный комплекс, представляющий интерес для исторической науки как транслятор социальных перемен. Основными компонентами культурного ландшафта являются: природная среда; сообщество людей, рассматриваемое в социальном, семейном, профессиональном, этнологическом и прочих аспектах; их хозяйственная деятельность; способ пространственной самоорганизации сообщества в природном ландшафте; культура и искусство как средство саморефлексии обитателей культурного ландшафта, отражающееся в формировании и репрезентации «исторической памяти».

Предметом исследования, исходя из выбора объекта, стала разнообразная историческая информация о культурном ландшафте Южного берега Крыма конца XIX – начала XX века и его развитии, воплощенная в письменных, визуальных, вещественных источниках, а также новые методы ее поиска, извлечения, обработки, анализа и объяснения. Выбор содержательного аспекта информации был обусловлен актуальностью указанной проблемы для изучения процессов модернизации российского общества рубежа XIX–XX веков. Источниковедческий ракурс предполагал систематизацию, выявление комплексов не введенных ранее в оборот исторических источников и разработку методов повышения их информационной отдачи. Не менее важный методологический ракурс был обусловлен необходимостью вписать тематику, ранее бывшую в основном достоянием кра-

еведов и историков-любителей, в актуальный историографический и парадигматический контекст, учесть для ее анализа лучшие наработки и достижения отечественной и мировой историографии, поставить в контекст исторической компаративистики, выйти на уровень исторического объяснения.

Целью исследования являлась выработка наиболее эффективных эвристических и эпистемологических алгоритмов, методологии и методики анализа комплекса источников, позволяющих реконструировать процесс развития дачных курортов как отражения социально-экономической, социокультурной трансформации ЮБК в конце XIX – начале XX века, определить его наиболее существенные черты и особенности.

Для достижения цели были поставлены следующие **исследовательские задачи**:

– определить пути выявления и поиска источников разной типовой и видовой принадлежности, имеющих информационную ценность для реконструкции предпосылок, истории и этапов формирования дачных курортов как яркого феномена исторического пространства ЮБК в конце XIX – начале XX века;

– классифицировать источники по заявленной теме, учитывая их внутривидовые особенности, охарактеризовать их информационный потенциал и разработать пути его повышения;

– определить особенности формирования и методы работы с архивными фондами, в первую очередь фондами Государственного архива Республики Крым, других архивов, каталогами музейных собраний, а также цифровыми базами и агрегаторами исторической информации (с акцентом на изобразительные источники);

– разработать методику выявления и характеристики действующих лиц исторического процесса, создания их коллективного портрета и индивидуальных биографий, методы анализа материалов личного происхождения из вновь выявленных семейных архивов потомков дачников ЮБК, а также исторической интерпретации эго-источников;

– сформировать электронные базы данных, содержащие в систематизированном виде извлеченную из вновь выявленных и ранее опубликованных источников информацию о дачниках ЮБК, на примерах самого первого (хронологически) и самого крупного из дачных курортов на ЮБК в начале XX в. – Нового Мисхора и Нового Симеиза соответственно;

– выстроить методику разработки историко ориентированных тематических сайтов по истории ЮБК и оценить их потенциал в плане создания вторичного (мета-) источника знаний по заявленной теме, организации и распространения достоверного исторического знания.

Таким образом, с точки зрения историка-источниковеда и методолога, речь шла о выявлении, характеристике, типизации, подборе методов для изучения и репрезентации, а также определения истинности и ценности комплексов источников различных типов и видов по теме дачного строительства на ЮБК на рубеже XIX–XX вв. в русле методологических и методических наработок отечественной школы источниковедения. И.Д. Ковальченко называл метод «интеллектуальной машиной для производства знаний»: следуя этой логике, задачей автора было предоставить дальнейшим исследователям истории ЮБК собранную и проверенную на практике «машину» для производства новых исторических знаний по теме развития культурного ландшафта ЮБК в конце XIX – начале XX в. на всех уровнях исследования – от постановки задачи и выявления историографически-информационной основы ее решения, обзора основных направлений источниковедческого поиска, выбора методов исторического исследования до выдвигания объясняющих парадигм.

Хронологические рамки исследования стали двойными для объекта и предмета изучения. Первые были обусловлены временем начала организации дачных курортов на землях бывших крупных дворянских имений ЮБК, то есть последним десятилетием XIX века, с одной стороны, и окончательным установлением советской власти в Крыму в ноябре 1920 г., сменой характера социально-

экономических отношений, законодательной национализацией всех частновладельческих имений ЮБК, началом организации советских курортов на месте бывших частновладельческих дач и имений – с другой.

Содержательно этот период может характеризоваться как отдельный этап развития ЮБК как курорта («курортного бума»), когда происходили освоение Южного берега представителями новых социальных слоев, разделение сложившихся в начале и середине XIX века имений крупных помещиков-землевладельцев на части, которые продавались или сдавались в аренду под дачи, предназначенные для сезонного отдыха состоятельных жителей Центральной России, инвестиции в развитие новых дачных и коммерческих курортов, вдохновленных передовыми европейскими образцами.

Хронологические рамки предмета исследования гораздо шире и определяются годами формирования разнообразных корпусов источников и литературы, представляющих интерес для реконструкции истории формирования дачных курортов ЮБК на рубеже XIX–XX веков: с конца XVIII в., когда Крым был присоединен к Российской империи, и до наших дней.

Аналогичное соображение относится и к **географическим рамкам** исследования. В смысле объекта они совпадают с границами Южного берега Крыма (илл. 1). Это полоса земли между главной грядой Крымских гор и Черным морем, которая находится на 45-й параллели – так же, как французская и итальянская Ривьера, северные берега Адриатики и Эгейского моря. Начинаясь на западе от мыса Айя близ Балаклавы, ЮБК на востоке оканчивается мысом Киик-Атлама близ Феодосии. Длина его чуть менее 200 км, ширина в районе Алушты – 10–12 км, в районе Симеиза – 4–5 км, в районе мыса Сарыч – несколько сотен метров. Горы защищают Южный берег от холодных ветров с севера зимой и зноя летом, а долины рек и незамерзающее море способствуют формированию субтропического климата побережья – но более сухого и прохладного, чем влажный субтропический климат Черноморского побережья Кавказа. Южный берег разделен спускающимися к морю хребтами, образующими бухты. Благодаря такой естественной защите штормовые ветры бывают в бухтах Южного берега всего

несколько дней в году. Сухие ветры-фены зарождаются в горных долинах, поднимаются на перевалы, отдают влагу и устремляются к берегу, нагреваясь в общей сложности до 15–20 °С. Эти ветры зимой приносят тепло, летом компенсируются бризами, которые днем дуют с моря на сушу, насыщая воздух ионами йода, брома, магния и других микроэлементов, а ночью приносят прохладу. Число ясных дней – больше двухсот в году. Средняя температура во все времена года плюсовая и составляет зимой 3,25 °С, весной 9,3 °С, летом 17,93 °С (хотя средняя температура июля – 24,4 °С), осенью 10,8 °С.

Природно-климатическое своеобразие повлияло на формирование на протяжении многих столетий особенного культурного ландшафта Южного берега Крыма. Культурная деятельность человека на ЮБК началась в эпоху палеолита, приблизительно 300 тысяч лет тому назад, что подтверждают обнаруженные археологами в районе мыса Ай-Тодор орудия труда, выполненные из морской гальки. С рубежа железного века и до II века нашей эры здесь обитали тавры – «горные жители», рядом с ними основывали города-колонии греки²⁰. Из одной из них, Пантикапея, выросло мощное Боспорское царство, одно время контролировавшее ЮБК. В I–III веках римляне построили крепость Харакс на мысе Ай-Тодор. В III в. нашей эры во время Великого переселения народов на ЮБК появились аланы и готы. После образования Византии эти жители стали «федератами» – союзниками Константинополя, которые при императоре Юстиниане обитали рядом с греческими крепостями в Алустане и Горзувитах (совр. Алуште и Гурзуфе). Крепости контролировал Херсонес, ставший самым северным форпостом Византийской империи (его руины находятся на территории современного Севастополя). После прихода в Европу татаро-монголы подвергли разгрому и обложили данью и ЮБК. К XIV в. на ЮБК появились и крепости генуэзцев, которые вели торговлю с татарами. Набеги крымских татар на север продолжались сотни лет. С конца XV в., после установления власти над Крымом Османской империи и падения христианского княжества Феодоро и генуэзской Кафы,

²⁰ *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье: реконструкция реликтов языка. М., 1999.

жизнь на ЮБК затихла, от прибрежных городов остались лишь деревеньки. Ситуация усугубилась после устроенного в 1778 г. переселения греков из татарского Крыма в Мариуполь и Херсон, и только присоединение Крыма к Российской империи в 1783 г. открылся совершенно новый этап освоения ЮБК²¹.

Что касается предмета исследования, то география охватывала те регионы и страны, где хранятся источники разной типовой и видовой принадлежности, содержащие необходимую для настоящего исследования информацию.

Методологическая основа исследования, понимаемая нами как «совокупность путей и принципов, требований и норм, правил и процедур, орудий и инструментов, призванная обеспечить взаимодействие ученого с познаваемым объектом с целью решения поставленной задачи»²², обусловлена принадлежностью автора к школе И.Д. Ковальченко, приверженцы которой всегда подчеркивали, что именно методы исследования являются тем наиболее динамичным компонентом науки, который движет ее вперед.

Основой работы явился принцип историзма. В исследовании применялись как традиционные, так и новые методы исторического исследования, источниковедческого анализа исторической информации по выбранной теме и методов ее обработки, повышения информационной отдачи. Все они исходят из общенаучной методологии системного подхода, благодаря чему в комплексе источников разные их типы и виды рассматриваются как тесно взаимосвязанные элементы информационной системы, что позволяет провести классификацию рассматриваемой системы с познавательными функциями.

Произошедший в мировой историографии за последние полвека поворот к социокультурной истории, описываемый также как маневр от «социальной истории культуры» к «культурной истории социального», обозначил сдвиг интереса от внеличных социальных структур к индивидууму. Задача историка была заново определена как изучение культурных практик, регламентов повсе-

²¹ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 годах. М., 1959.

²² Селунская Н.Б., Петрова О. С., Карагодин А. В. Измерение прошлого. СПб., 2018. С. 54.

дневных отношений, посредством которых осуществляется конструирование социального бытия²³. На первом плане оказалась частная сфера человеческой жизни. Внимание стали уделять истории досуга как способу изучения обществ переходных эпох через рассмотрение практик самоидентификации их представителей вне рабочего времени (было заявлено, что четкое разделение рабочего времени и времени на отдых – характерная черта модернизированных обществ²⁴). Начало исследований в этом направлении положила конференция журнала английских историков-марксистов *Past and Present* в Лондоне в 1964 г.²⁵

В Российской империи важнейшей особенностью самоидентификации представителей нарождавшегося среднего класса в эпоху модернизации стала дачная культура. Само понятие «дача» неслучайно не имеет четкого аналога в других языках и традиционно считается отражением российского национального феномена. Начиная с конца XIX века дача стала в России не только и не столько дополнительным домовладением для отдыха горожан на природе (регулярного, сезонного или эпизодического), не предполагавшим, в отличие от дворянского имения (которое ранее также могло называться «дачей»), полномасштабной хозяйственной деятельности. Дача приобрела характер социокультурного микрокосма с четкой модернизационной функцией. В то время как на западе Европы на рубеже XIX–XX века идентичность расширявшего свои ряды среднего класса с характерным для него вниманием к приватности, индивидуализму, четкому разделению рабочего времени и времени на отдых, организации досуга по последнему слову моды, освобождению от гнета официоза кристаллизовалась в появлявшейся городской публичной культуре (кафе, варьете, журналы моды и т.п.),

²³ *Репина Л.П.* Новая историческая наука и социальная история. М., 1998.

²⁴ *Ловелл С.* Досуг в России: «свободное» время и его использование / Пер. А. Блюмбаум // Антропологический форум. № 2. Исследователь и объект исследования. СПб., 2005. С. 136–273; *Ульянова Г.Н.* Досуг и развлечения. Зарождение массовой культуры // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. М., 2011. Т. 1: Общественно-культурная среда. С. 455–529.

²⁵ *Thomas K.* Work and Leisure in Pre-Industrial Society // *Past and Present*. 1964. № 29. P. 50–66; *Thompson E.P.* Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism // *Past and Present*. 1967. № 38. P. 56–97; *Bailey P.* Leisure, Culture and the Historian // *Leisure Studies*. 1989. № 8. P. 107–128; *Burke P.* The Invention of Leisure in Early Modern Europe // *Past and Present*. 1995. № 146. P. 136–150.

в России местом рождения и оформления аналогичной «современной» городской культуры в значительной степени становились территориально обособленные сообщества среднего класса – пригородные дачные поселки.

Таким образом, будучи очагами городской культуры за городом, дачи давали нарождавшемуся среднему классу российского общества возможность и площадку для самоидентификации.

В зарубежной историографии на этот феномен впервые обратили внимание английские историки С. Ловелл и Л. МакРейнолдс, в работах 2000-х гг. поместившие историю русской дачи в контекст разрабатывавшегося в английской историографии с 1960-х гг. направления изучения «истории досуга»²⁶. Исследования о феномене дачи в русском обществе начала XX века появились за последние десятилетия и в отечественной историографии. По словам Г.Н. Ульяновой, «рост железнодорожного движения и дачного строительства стал зеркалом мощных социальных сдвигов в России. Он свидетельствовал о том, что в стране “проклюнулся” средний класс со свойственным ему образом жизни»²⁷. При этом отечественные авторы указывали на противоречивость процесса формирования городской социокультурной среды в пореформенной России: по словам Л.В. Кошман, «наличие сословного фактора создавало серьезные препятствия процессу социальной консолидации горожан, купечества и мещанства <...> что касается роли культурного центра, то ее город в России приобрел значительно раньше»²⁸.

²⁶ Ловелл С. Дачники. История летнего житья в России, 1710–2000 / Пер. с англ. Л.Г. Семенов. СПб., 2008; McReynolds L. Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era. Ithaca; London, 2003.

²⁷ Ульянова Г.Н. Дворцы, усадьбы, доходные дома: исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья. М., 2012. С. 85.

²⁸ Кошман Л.В. Город в пореформенной России. Социокультурные и правовые аспекты. М., 2018.

Однако до сих пор такие исследования были посвящены лишь дачным пригородам Москвы и Санкт-Петербурга в начале XX в. (работы Г.Н. Ульяновой, М.В. Нащокиной, О.Ю. Малиновой-Тзиафета, Д.В. Тараканова)²⁹.

Периодизацию развития института дачи и дачного поселка (применительно к окрестностям Москвы и Санкт-Петербурга) в конце XIX – начале XX в. предложила М.В. Нащокина. По ее мнению, на первом этапе (1850–1880 гг.) образовывались дачные местности вдоль шоссежных дорог близ столичных городов. На втором (1890–1900 гг.) – началось массовое строительство дачных поселков в пригородах крупных городов, вдоль железных дорог в радиусе 30–40 км., складывалась устойчивая архитектурно-планировочная организация поселков. Наконец, на третьем этапе (1910-е гг.) осуществлялись попытки объединения теоретических основ организации европейских городов-садов с практикой строительства дачных курортов в России³⁰.

В настоящей работе выдвинуто предположение, что аналогичные процессы происходили и на ЮБК: развивались дачные курорты, формировалась культура досуга, складывалась новая социокультурная идентичность дачников – представителей нарождавшегося среднего класса из столиц и крупных городов России, покупавших и строивших приморские дачи для летнего отдыха себя и своих близких, коллег, друзей. Пристальное изучение этих сообществ, документальная реконструкция истории самих дачных поселков ЮБК, установление имен владельцев дач, истории повседневности, которой в историографии пока практически не занимались, призваны дополнить картину социокультурной трансформации русского общества на рубеже XIX–XX веков.

²⁹ Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб., 2013; Нащокина М.В. Архитектура дачных поселков конца XIX – начала XX вв. // Ф.О. Шехтель и проблемы истории русской архитектуры конца XIX – начала XX веков. М., 1988. С. 89–95; Тараканов Д.В. Дачные поселки Подмосковья в конце XIX – начала XX в.: дисс. канд. ист. наук. М., 2007; Ульянова Г.Н. Дворцы, усадьбы, доходные дома: исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья. М., 2012.

³⁰ Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Общая характеристика и теоретические проблемы. М., 2001–2010. Т. 2: Города и новые типы поселений. 2003. С. 352–353.

Необходимым условием для начала такой работы являлось определение круга литературы и источников, способных дать информацию о жизни на дачных курортах Южного берега, и выбор наиболее эффективных методов обработки содержащейся в них информации. Как указывал И.Д. Ковальченко, в историческом источнике, выполняющем функцию накопления, хранения и передачи социальной информации о прошлом, зафиксирована информация двух типов: выраженная, то есть очевидная творцу источника, и скрытая, неочевидная для него. Следовательно, возможности информационной отдачи исторических источников практически неисчерпаемы³¹. Важны методология системного подхода и структурного анализа, методы и приемы комплексного источниковедения, позволяющие реконструировать историческую действительность с помощью анализа и сопоставления информации, извлеченной из многочисленных источников разных типов (письменных, изобразительных и вещественных) и видов.

Вспомним слова выдающегося историка и археолога, академика В.Л. Янина, произнесенные в статье «К проблеме интеграции письменных и вещественных источников»: «Правильное исследование любой проблемы истории должно опираться не на специфически ограниченную группу источников <...> а на исчерпывающую совокупность этих источников или же на достаточно репрезентативное их сочетание. Источниковедение обязано быть комплексным. В этой связи и научно-организационная деятельность должна учитывать такую потребность исследования и стремиться к объединению в единых рабочих и авторских коллективах специалистов разных профилей <...> синтез источников в едином исследовании – главное средство развития исторической науки сегодня»³².

Важно отметить и преимущества компаративного подхода к источнику. Историческая компаративистика, как указывал немецкий историк Ю. Кока, «эвристически служит идентификации проблем и тем, которые иначе не попали бы

³¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 119–139.

³² Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С.20–21.

в поле зрения историков или обзор которых сопровождался бы известными трудностями, дескриптивно – помогает более выпукло увидеть конкретное явление или процесс, аналитически – оказывает неоценимую помощь историческому объяснению, а парадигматически – служит отстранению историка от своего предмета, своего рода концептуальной “депровинциализации” его взгляда»³³.

Указанное соображение приобретает особенную актуальность на нынешнем этапе развития исторической науки и общества в целом, который принято называть цифровым или информационным. Традиционно наиболее трудоемкой задачей для историка было, в первую очередь, выявление источников для реконструкции исторической действительности: именно поиск документов в архивах, библиотеках, музеях отнимал больше всего времени и сил. На нынешнем этапе, когда в силу набирающей обороты оцифровки фондов доступ к источникам становится все менее обременительным, на первый план выходят методы выявления информации как таковой, установления ее достоверности и репрезентативности, сравнительного анализа.

С целью углубленного системного анализа источниковой базы в работе была применена технология создания проблемно ориентированных баз данных, в ходе работы преобразованных в интегрированный мета- (вторичный) источник – собрание историко ориентированных тематических сайтов³⁴.

Степень изученности проблемы. Тема истории курортов Южного берега Крыма рубежа XIX–XX веков в силу ее общественной значимости, разумеется, попадала в сферу внимания историков, историков архитектуры, искусствоведов и краеведов. Однако большинство авторов занимались в основном историей отдельных памятников либо связанных с ними историй замечательных людей. Анализ информационной разработки темы культурного ландшафта ЮБК,

³³ *Koska J.* The Uses of Comparative History // *Societies Made up of History*. Edsbruk, 1996. P. 197–209.

³⁴ *Бородкин Л.И.* Историко ориентированные тематические сайты: источниковедческие аспекты разработки контента // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С. 147–150.

источников и методов его исследования в отечественной и зарубежной историографии привел автора настоящей работы к выводу о наличии существенных лакун как в историографическом и источниковедческом, так и в конкретно-историческом знании. Системное, комплексное изучение социальной, экономической, культурной истории ЮБК указанного периода в историографии находилось на начальной стадии.

Впервые процесс трансформации культурного ландшафта и развития дачных курортов Южного берега Крыма в XIX – начале XX века концептуально осмыслили авторы сборника «Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма». Он был издан в 1935 г. в Симферополе и представлял собой результат работы коллектива специалистов по проектированию преобразования ЮБК с целью дальнейшего развития там социалистического курорта общесоюзного значения. Возглавлял коллектив, собранный по просьбе СНК Крымской АССР, видный советский архитектор, профессор М.Я. Гинзбург³⁵. В разделе сборника (пока он, к сожалению, слабо введен в научный оборот), посвященном курортному строительству, была предложена и периодизация истории развития Южного берега как курорта в царские времена.

Были выделены три этапа. Первый хронологически связывался с деятельностью генерала-губернатора Новороссийского края с 1823 по 1854 гг. М.С. Воронцова и содержательно раскрывался как начальный для устройства крупного дворянского землевладения в Крыму. В это время происходили организация крупных помещичьих владений, устройство виноградарства, строительство первой южнобережной дороги, благоустройство и озеленение ЮБК. Вторым этапом, по мнению авторов сборника, приходился на 1860-е гг. – это была пора «кульминации помещичьего землевладения», когда «205 дворян владели 46000 десятин земли, то есть 4% землевладельцев сосредоточили в своих руках 66,5% всей земли Ялтинского района»³⁶. Толчок развитию ЮБК как курорта дали появление

³⁵ Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. Материалы районной планировки ЮБК. Симферополь, 1935.

³⁶ Там же. С. 179.

железнодорожного сообщения с Крымом (1872–1875 гг.) и приобретение Романовыми имения в Ливадии. Территория Ялты увеличилась с 5 до 300 десятин, развивались как курорты поселки Алупка, Алушта, Гурзуф. Одновременно начались сдвиги в строительстве к востоку от Ялты на территориях, до того использовавшихся под плантации винограда и табака.

Наконец, третий этап приходился на начало XX в., когда, по словам авторов сборника, «на земли Южнобережья предъявляет свои права новый хозяин – буржуазия». Происходили скупка имений разорившихся помещиков, инвестиции в развитие новых курортов (наиболее активным образом – на окраинах ЮБК). В центре ЮБК процесс шел более сложным образом: тут крупные имения разбивались на части, которые продавались или сдавались в аренду. В итоге к 1910 г. крупнейшие земельные владения (если не считать удельных) уже «принадлежат представителям новой буржуазии (на долю сельских обществ приходится 25,5% земель, крупных собственников – 35,5%, мелких – 39,0%)»³⁷.

По мнению авторов сборника «Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма», к 1914 г., все многообразие курортных владений на ЮБК могло быть сведено к пяти основным типам:

– крупные имения единоличных владельцев, где курортный характер сочетался с ведением подсобного хозяйства, «уцелевшие остатки феодальных владений» царской семьи (Ливадия, Ореанда) либо имения, перешедшие в единоличное владение крупных предпринимателей и промышленников (Форос, Меллас);

– крупные в прошлом курортные имения, разбитые на части новыми владельцами и характеризующиеся «случайностью и бессистемностью» дачной застройки, – к таким, по мнению авторов сборника, относился дачный курорт Новый Мисхор Шуваловых-Долгоруковых;

³⁷ Там же. С. 179.

– курортные дачные поселки, где расчленение имений ведется по системе и плану, с элементами благоустройства (примером такого типа называется Новый Симеиз, «наиболее организованный»);

– города-курорты Ялта, Алушка, Гурзуф, Алушта, складывавшиеся исторически как курортные, административные и торговые центры;

– курорты – коммерческие предприятия западноевропейского типа, рассчитанные на прием большого количества отдыхающих, с развитой инфраструктурой (кафе, казино, концертные залы и т.п.) – вроде Суук-Су и Гурзуфа.

В целом приведенная периодизация не вызывает возражений и взята за основу в настоящей работе. Что касается предложенной типологии, то она будет подвергнута критическому рассмотрению ниже.

К *общей научной литературе*, посвященной трансформации культурного ландшафта ЮБК в конце XIX – начале XX века, стоит отнести, в первую очередь, вышедшую в 2004 г. монографию «Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи: конец XVIII – начало XX века» крымского ученого А.В. Мальгина, в которой была впервые предпринята попытка рассмотреть курортное развитие Крыма как комплексный социально-экономический и социокультурный феномен эпохи модернизации России (этому же автору, вместе с П.Н. Марциновским и А.Д. Поповым, принадлежит соответствующий параграф в вышедшей по случаю воссоединения Крыма с Россией под эгидой Института российской истории РАН первой коллективной монографии «История Крыма»); однако становлению именно Южного берега Крыма как курорта на рубеже XIX–XX веков в ней посвящены лишь несколько разделов³⁸. Следует отметить также работы Н.Д. Борщик, в том числе опубликованную в 2022 г. статью, посвящен-

³⁸ Мальгин А.В. Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи: конец XVIII – начало XX века. Симферополь, 2004; История Крыма: в 2 т. / Отв. ред. А.В. Юрасов. М., 2017–2018. Т. 1. 2017.

ную роли российских предпринимателей в развитии ЮБК: создании коммерческого курорта Гурзуф П.И. Губониным, развитии дачного курорта Симеиз промышленником С.И. Мальцовым и его наследниками³⁹.

В многотомном труде «Градостроительство России середины XIX – начала XX века: общая характеристика и теоретические проблемы» под редакцией Е.И. Кириченко развитию курортов Крыма посвящена отдельная глава, автором которой стала М.В. Нащокина; отчасти в главе раскрывается и тематика становления дачных курортов ЮБК в конце XIX – начале XX в.⁴⁰ В 2019 г. под эгидой Фонда имени Д.С. Лихачева (Санкт-Петербург) вышел сборник статей специалистов в разных областях, от археологии и географии до курортологии, призванный конспективно осветить разные аспекты культурного ландшафта ЮБК с целью подготовки к «описанию его черт, инвентаризации и сохранения культурного наследия»⁴¹. Анализ этого сборника также убеждал в том, что настоящая, фундаментальная работа подобного рода только предстояла специалистам.

Сюжет дачного строительства затрагивался в отдельных частях *узкоспециальных работ* местных краеведов. История крымского краеведения (с акцентом на работы первой половины XX в.) достаточно подробно исследована в работах крымских историков – С.Б. Филимонова (являющегося учеником авторитетного историка-источниковеда и одного из теоретиков отечественного исторического краеведения С.О. Шмидта) и А.А. Непомнящего⁴². Работы краеведов первой половины XX в. были посвящены, как правило, первым десятилетиям освоения Россией ЮБК, то есть началу XIX в. Разумеется, крымские краеведы

³⁹ Борщик Н.Д. Роль российских предпринимателей в создании курортов Крыма в конце XIX – начале XX в. (на примере Симеиза и Гурзуфа) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2022. № 24. С. 181–192.

⁴⁰ Градостроительство России середины XIX – начала XX века... С. 313–335.

⁴¹ Южный берег Крыма. Материалы к описанию культурного ландшафта. Вып. 1. СПб., 2019.

⁴² Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). Симферополь, 2004; Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь, 2015; Сидоров А.В. Отечественная ориенталистика в Крыму в судьбах ее создателей // Диалог со временем. 2022. №. 79. С. 389–395.

затрагивали в своих публикациях и тематику освоения ЮБК как курорта на рубеже XIX–XX века. Однако в краеведческой литературе, изданной в советское время, особенно в послевоенные годы, позднеимперский период преподносился довольно тенденциозно, преобладали гиперкритические акценты и оценки⁴³.

В 1990–2010-х гг., когда крымское краеведение получило новый импульс, связанный, несомненно, с социально-экономическим и социокультурным шоком постсоветского времени, образ царской Ялты был, напротив, идеализирован, репрезентирован как условно идеальная Россия 1913 г., «которую мы потеряли», на контрасте с кризисным настоящим и негативно оцениваемым советским прошлым. В эти же годы сложилась традиция регулярных встреч крымских краеведов в рамках специализированных форумов на базе местных музеев – с участием специалистов из Москвы и Санкт-Петербурга и приглашенных из-за границы потомков бывших владельцев дач и имений на ЮБК. В Алушкинском дворцово-парковом музее-заповеднике неоднократно проводились чтения «Мир усадебной культуры», Крымские международные Воронцовские научные чтения «Воронцовы и русское дворянство: между Востоком и Западом», были изданы сборники докладов. Большое количество информации по интересующей нас теме было введено в оборот через формат публикаций материалов Дмитриевских чтений, которые проводились с 1996 г. Ялтинским историко-литературным музеем по инициативе З.Г. Ливицкой (чтения были названы в честь медика, выпускника Московского университета В.Н. Дмитриева, который по рекомендации С.П. Боткина приехал на излечение в Крым в 1867 г. и запомнился на ЮБК более чем 40-летней активностью в качестве курортного врача и общественного деятеля). Всего было проведено 16 Дмитриевских чтений, по первым десяти – изданы

⁴³ Макаров М.Н. Алушка – Симеиз. Симферополь, 1954; Шантырь С.П. Мисхор. Кореиз. Гаспра. Очерк-путеводитель. Симферополь, 1960; Шапоров Ф.Ф. Симеиз. Краеведческий очерк-путеводитель. Симферополь, 1960; Шафранский Е.И. Симеиз: путеводитель. Симферополь, 1968.

сборники статей. Чтения проводились в музее в зале, рассчитанном 20–25 человек: фактически, аудитория состояла только из докладчиков, а сборники издавались тиражом 100 экземпляров⁴⁴.

Для краеведческой литературы постсоветского времени был, как правило, характерен описательный, подчас апологетический характер изложения информации. Даже в таком описании, как установлено в настоящей работе на примере исследования истории символа ЮБК – замка «Ласточкино гнездо», – допускались существенные фактические ошибки. Источниковая база такой литературы была также, за редкими исключениями, ограничена, оставались слабо разработанными методология и методика работы с этими источниками и содержащейся в них информацией.

Тем не менее некоторые из работ краеведов по истории дачных курортов ЮБК позднеимперского периода заслуживают отдельного упоминания. Отнесем сюда книгу краеведов М.М. Будзар и Г.Г. Филатовой «Дворянские имения Ялты XIX – начала XX в.», посвященную истории пяти дворянских имений в Ялте и ее окрестностях (Массандра, «Ай-Василь», «Уч-чам», «Пустошь Хорошая», «Сельбиляр»), описанных впервые в историографии с привлечением большого количества документов из архивов и музейных фондов, в первую очередь, Государственного архива Республики Крым, воспоминаний и писем из личных архивов, а также изобразительных источников – фотографий, копий архивных документов, репродукций живописных полотен, гравюр и рисунков⁴⁵. Интерес представляет и обзорный вводный очерк этой работы, названный «Дворянские имения южного берега Крыма: из века XVIII в век XX». К сожалению, книга была издана крошечным тиражом и практически недоступна.

В указанной книге, а также в работах краеведа из Алушки А.А. Галиченко можно найти утверждение о том, что в пореформенное время началось «завоевание Крыма» представителями новых слоев русского общества, что, по мнению

⁴⁴ История Южного берега Крыма: VI Дмитриевские чтения: сборник научных трудов. Ялтинский историко-литературный музей / Под ред. З.Г. Ливицкой. Ялта; Симферополь, 2002.

⁴⁵ Будзар М.М., Филатова Г.Г. Имения Ялты. XIX – начало XX веков СПб., 2014.

автора, «не преминуло проявиться к рубежу XIX–XX веков в образовании комплексов (“колоний”) небольших усадебок, принадлежавших представителям научно-творческой элиты – ученым, писателям, художникам, музыкантам: инженеров-путейцев в Новом Симеизе, ученых-медиков в Алушке, творческой интеллигенции в Новом Мисхоре, Новом Кучук-Кое, “Профессорском уголке” в Алуште»⁴⁶. В целом этот тезис не вызывает возражений, хотя, как мы убедимся ниже, подобная «профессионально-территориальная» сегрегация дачных курортов представляется не очень убедительной.

Стоит выделить краеведа из Алушки М.М. Петрову. На протяжении многих лет автор с опорой преимущественно на архивные материалы атрибутировала имена владельцев имений и дач на ЮБК в XIX – начале XX века. Однако единственной опубликованной работой М.М. Петровой, помимо нескольких сообщений в малотиражных сборниках материалов краеведческих чтений, стала небольшая брошюра «Симеиз. Путешествие по старым дачам», вышедшая в 2006 г. в Симферополе ограниченным тиражом⁴⁷. В известное степени это относится ко всей краеведческой литературе ЮБК: работы крымских краеведов выходили микроскопическими тиражами, не были известны за пределами Крыма, историческое знание распространялось слабо.

Отметим и корпус литературы по *сопредельным областям* исторического и источниковедческого знания, оказавшей существенную помощь в работе над настоящим исследованием. Большой труд по поиску, введению в научный и информационный оборот неизвестных источников по истории культуры, научной и общественной мысли, краеведения в Крыму в начале XX в. проделал уже упоминавшийся С.Б. Филимонов. Отдельно следует выделить подготовленный им сборник неизвестных, обнаруженных автором в архивах публикаций известных деятелей науки и искусства, сделанных ими в местных периодических изданиях

⁴⁶ Там же. С. 82.

⁴⁷ *Петрова М.М.* Симеиз: путешествие по старым дачам: очерк-путеводитель. Симферополь, 2006.

во время пребывания в Крыму в годы Гражданской войны⁴⁸. обстоятельный обзор дореволюционной периодической печати Таврической губернии (1836–1916) дан в монографии О.С. Хоменок⁴⁹, по смежной теме на кафедре источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова подготовлено диссертационное исследование С.В. Хоменко⁵⁰.

В плане источниковедения и методов разработки изобразительных источников нельзя не выделить монографию В.М. Магидова – по сути, первую в отечественной историографии, целиком посвященную проблеме источниковедения аудиовизуальных документов как области научного знания, анализу места этой «современной документальной системы» на карте исторического знания⁵¹, а также вышедшую в 2021 г. монографию А.С. Медякова, в которой представлен широкий обзор существующих в мировой историографии взглядов на источниковедение характерного для эпохи модернизации визуального коммуникационного медиума – открытки – в контексте множественности ее информационных функций⁵². Надлежит отметить и изданные в последние годы под редакцией Е.А. Воронцовой по итогам проведенных представительных конференций объемные сборники статей, посвященных всевозрастающей в современных условиях роли в обеспечении исторической науки изобразительных и вещественных типов источников⁵³.

Учитывая важное место в настоящем исследовании современных цифровых методик организации знания, существенную роль сыграли работы представителей кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ

⁴⁸ *Филимонов С.Б.* Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь, 2010.

⁴⁹ *Хоменок О.С.* Дореволюционная периодическая печать Таврической губернии (1838–1916). Очерк истории и библиографический указатель. Одесса, 2003.

⁵⁰ *Хоменко С.В.* Региональная периодическая печать как источник по истории выборов в Государственную думу: на примере Таврической губернии: дисс. канд. ист. наук. М., 2019.

⁵¹ *Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005.

⁵² *Медяков А.С.* Указ. соч.

⁵³ Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки...; Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки / Автор-сост. Е.А. Воронцова. М., 2020.

имени М.В. Ломоносова и связанного с ней круга исследователей, в которых очерчены наиболее перспективные направления развития цифровой гуманитаристики, разобрана проблематика семантического и сетевого анализа, ГИС и цифровой картографии, создания баз данных, историко ориентированных тематических веб-сайтов. Теоретико-методологические, историографические проблемы цифровизации гуманитарного знания, анализа информации с помощью компьютерных технологий обсуждаются в работах Л.И. Бородкина⁵⁴. Вопросам геоинформатики, компьютерной картографии, построения ГИС для продвижения исторических исследований посвящены работы В.Н. Владимирова⁵⁵. Проблемы построения исторических баз данных на протяжении многих лет разрабатываются в трудах И.М. Гарсковой⁵⁶.

Источниковая база исследования обширна; большинство проанализированных источников впервые вводятся в научный оборот. В синтаксическом аспекте (имеется в виду единство способа кодирования информации и ее хранения) рассматриваются источники трех типов – письменные, изобразительные и вещественные. Исходя из прагматического аспекта информации и ее видового разнообразия (определяется единством происхождения, назначения, внутренней формы группы исторических источников), были выделены такие виды источников, как делопроизводственная документация и частные акты, справочная литература, периодическая печать, картографические материалы, документы личного происхождения (мемуары, дневники, письма, фотографии), почтовые открытки, памятные здания и иные сооружения.

В ходе исследования осуществлялись изыскания в архивах, библиотеках Республики Крым, Москвы и Санкт-Петербурга, работа с электронными базами

⁵⁴ *Бородкин Л.И.* Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 14–30; *Он же.* Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб., 2016.

⁵⁵ *Владимиров В.Н.* Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул, 2005.

⁵⁶ *Гарскова И.М.* Историческая информатика. Эволюция междисциплинарного направления. СПб., 2018.

данных письменных и визуальных источников (в каталоге Национальной электронной библиотеки, Российской государственной библиотеки, Госкаталоге Музейного фонда Российской Федерации, других цифровых депозитариях), проводились осмотр и фотофиксация сохранившихся вещественных источников – элементов культурного ландшафта. Информация выявлялась в справочной и краеведческой литературе, хранящейся в библиотеках Москвы и Крыма, частноправовых и иных документах из архивных фондов, в первую очередь Государственного архива Республики Крым в Симферополе, а также центральных и региональных архивов, в столичной и региональной периодической печати изучаемой эпохи, опубликованных и рукописных источниках личного происхождения (мемуарах, письмах), с помощью методик устной истории (интервью с местными жителями, краеведами, хранителями «исторической памяти»).

Особенное внимание уделялось работе с группой источников личного происхождения («эго-источников»): «микронарративы» о том, как перемены в жизни государства и общества переживаются в практике повседневной жизни, содержат большое количество важной информации. Ее поиск в огромном массиве неструктурированных текстовых данных сегодня существенно облегчается благодаря цифровизации библиотечных, архивных и музейных фондов, появлению инструментов контент-анализа содержимого баз данных.

Как правило, информационный поиск при постановке какой-либо конкретно-исторической проблемы начинается с *библиографических* и *биобиблиографических исследований* по выбранной тематике; подспорьем здесь должны выступать, помимо каталогов библиотек и архивов, библиографические указатели. Известны, к примеру, библиографические указатели «Русская усадьба: историко-библиографический обзор литературы (1787–1992)» и «Старинные усадьбы и дачи Подмосковья», составленные Г.Д. Злочевским – краеведом, биб-

лиофилом, членом возрожденного Общества по изучению русской усадьбы, изданные в 2003 и 2008 гг. соответственно⁵⁷. Список публикаций общего характера и публикации об отдельных усадьбах, дачах и дачных поселках даны в них по годам, а также сопровождаются двумя указателями – указателем тем публикаций общего характера («Архитекторы», «Интерьеры», «Усадебные парки» и т.д.) и указателем названий усадеб, дач и дачных поселков. К сожалению, подобного библиографического справочника по истории Южного берега Крыма (и всего Крыма) до настоящего времени не создано, хотя потребность в таком указателе очевидна.

Тем не менее попытки систематизировать сведения по имениям и дачам ЮБК и их владельцам на протяжении конца XVIII – начала XX в. уже предпринимаются. Так, в 2020 г. вышла объемная (более 1000 стр.) книга А.Ю. Краснолуцкого, историка-любителя и краеведа из Санкт-Петербурга, автора путеводителей-справочников по Санкт-Петербургу и его окрестностям. Сборник называется «Южный берег Крыма. История имений и дач с 1783 по 1920 год»⁵⁸. Автор свел воедино все известные ему публикации (зачастую довольно редкие) и немало архивных источников по истории земельных владений на Южном берегу в императорское время. Никто ранее в таком объеме подобную информацию воедино не собирал. Справочник снабжен большим количеством иллюстраций (черно-белых), картографического материала и библиографическим указателем.

Разумеется, с точки зрения профессионального историка такой обзор должен лишь предварять настоящую работу по реконструкции прошлого, к тому же к сборнику можно предъявить множество вопросов по спорной структуре (материал выстроен по географическому принципу, от запада к востоку ЮБК), репрезентативности источниковой базы, достоверности фактической информации.

⁵⁷ Злочевский Г.Д. Русская усадьба: историко-библиографический обзор литературы (1787–1992). М., 2003; *Он же*. Старинные усадьбы и дачи Подмосковья: библиографический указатель. М., 2008.

⁵⁸ Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма: история имений и дач с 1783 по 1920 год. СПб., 2020.

Как нам неоднократно довелось убедиться в ходе практической работы, справочник не обошелся без неточностей, фактических погрешностей. Впрочем, и сам автор пишет в предисловии: «Мое исследование носит характер справочника <...> я умышленно свожу к минимуму авторский текст и использую его лишь в качестве связующего материала для обширных цитат <...> свод источников может стать справочником для всех интересующихся <...> отправной точкой для дальнейшего серьезного научного исследования в этом направлении»⁵⁹. Учитывая, что историк-любитель А.Ю. Краснолуцкий осуществил, по сути, дебютное исследование такого рода, не следует умалять его достоинств.

Из *справочной литературы* по ЮБК, выпущенной в конце XIX – начале XX в. и имеющей информационную ценность, выделим, в первую очередь, путеводители. Замечая, что в Европе литература этого жанра была уже достаточно развитой, но в России делала лишь первые шаги, разбиравший этот сюжет в монографии «Русская Ривьера» А.В. Мальгин выделяет следующие этапы развития путеводителей по ЮБК.

Первый – от окончания Крымской войны (1856 г.) до конца 1860-х гг. К этому этапу автор относит вышедший в 1858 г. «Путеводитель от Крыма до Москвы» А. Штакельберга, изданный в 1861 г. под эгидой поездки императрицы Марии Александровны во вновь приобретенную Ливадию путеводитель Министерства внутренних дел «От Москвы до Южного берега Крыма», «Подробное описание Южного берега Крыма» В.Х. Кондараки, изданное в 1867 г. в Николаеве, и путеводитель Коха, вышедший в 1867 г. в Лейпциге. Второй этап, по мнению А.В. Мальгина, начался в 1870-е гг. и был связан с улучшением путей сообщения и, как следствие, ростом потока туристов в Крым. Свой «Путеводитель по Крыму для путешественников» издала в Одессе М.А. Славич (под псевдонимом М. Сосногорова): первое издание в 1871 г., второе и третье в 1874 и 1880 гг. На обложке четвертого издания, помимо имени М. Сосногоровой, фигурировало и

⁵⁹ Там же. С. 10.

имя историка Г.Э. Караулова. В 1883 г. М. Сосногорова передала издание статистики К.А. Вернеру и геологу Н.А. Головкинскому, выпустившим 5-е издание путеводителя. Шестое – последнее – издание ставшего бестселлером гида вышло в 1894 г. В 1885 г. В.Х. Кондараки издал «Новый обстоятельный путеводитель по Крыму». Привлекал внимание читателей и путеводитель «Лечебные места Южного берега Крыма» доктора В.И. Чугина.

Наконец, третий этап, по мнению А.В. Мальгина, начался в конце 1880-х гг. и был связан прежде всего с именем Г.Г. Москвича. С 1888 г. его фирма «Русский Бедкер» выпустила в Одессе около двадцати различных путеводителей, в том числе «Практический путеводитель по Крыму», которые выдержали почти две сотни переизданий⁶⁰. Эти путеводители отражали начавшийся «курортный бум» и удовлетворяли потребности в пособиях для туристов, содержащих информацию о бытовых аспектах крымской жизни: сведения о проезде, характеристику курортных местностей, условиях найма квартир, ценах и т.д.

Одновременно вышел ряд других гидов. В 1901 г. А.Я. Безчинский издал «Путеводитель по Крыму», который до 1908 г. выдержал шесть изданий. В 1914 г. ученые из крымского Общества естествоиспытателей и любителей природы издали путеводитель «Крым». На кораблях Русского общества пароходства и торговли пассажирам предлагался путеводитель РОПИТ, освещавший маршруты Общества по Черному и Средиземному морям. Аналогичные путеводители (спутники) были в распоряжении пассажиров железных дорог. Во второй половине 1880-х гг. появились и путеводители-справочники по отдельным популярным курортам – Алушке и Ялте, а в следующем – путеводители по Ялте и ее окрестностям (среди них издания Г.Г. Москвича и А.Я. Безчинского). Серию справочников выпустило в конце XIX – начале XX в. ялтинское издательство Н.Р. Лупандиной. Сегодня многие из упомянутых путеводителей оцифрованы и доступны в онлайн режиме в крупнейших библиотеках страны, работа с ними, в

⁶⁰ Мальгин А.В. Указ. соч. С. 303–307.

том числе с привлечением интегрированных в электронные каталоги инструментов контент-анализа, не представляет никакой сложности и оказала существенную информационную поддержку автору настоящего исследования. Несомненно, именно с них следует начинать информационный поиск по теме курортного развития ЮБК.

Однако имеет смысл учитывать и то обстоятельство, что популярные путеводители по Крыму начала XX века – например, ежегодный путеводитель Г.Г. Москвича, – слабо иллюстрированы, и также, как выясняется при подробном анализе, не были избавлены от ошибок и неточностей.

На этом фоне особняком стоит богато иллюстрированный путеводитель «Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма»⁶¹, составленный одним из первых дачников дачного курорта Новый Симеиз, бурно развивавшегося с рубежа XIX–XX вв. на распродававшихся землях наследников промышленника С.И. Мальцова, – инженером В.М. Кузьменко. Путеводитель вышел в 1913 г. одновременно в Москве и Ялте. Это первый путеводитель по ЮБК, в котором подробно описаны геология, климат, археология места, история создания дачного курорта, дан список дач и их владельцев, предложены познавательные маршруты по окрестностям. Помимо этого, путеводитель В.М. Кузьменко содержит 87 фотографий и 3 карты, причем одна из карт представляет собой детальный план Нового Симеиза с нанесенными на нем номерами проданных и продаваемых участков.

К сожалению, больше ни один из дачных курортов Южного берега Крыма таким подробным, системным образом описан не был. Поэтому дальнейшая разработка темы невозможна без привлечения других источников – *делопроизводственных*, из фондов местных учреждений разного рода, аккумулированных в первую очередь в Государственном архиве Республики Крым (далее – ГАРК).

⁶¹ Кузьменко В.М. Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма: с краткими очерками по геологии и археологии местности, 2 схематическими картами, 89 иллюстрациями и планом поселка с его окрестностями. М., 1913.

По этим документам можно уточнить историю дачных курортов, определиться с именами собственников земельных участков, характером и особенностями их застройки.

Ориентацию в фондах ГАРК облегчают путеводители по архиву. Первый из них, однотомный, был опубликован в Симферополе в 1961 г. («Крымский областной государственный архив. Путеводитель»)⁶², публикация второго, многотомного, была начата несколько лет назад и продолжается по сей день⁶³. Именно с помощью этих путеводителей следует продолжить свой поиск исследователям, интересующимся проблематикой развития курортов ЮБК на рубеже XIX–XX веков.

История Государственного архива Республики Крым началась 22 мая 1919 г., когда Наркомат просвещения Крымской Социалистической Советской Республики утвердил предоставленный профессором Таврического университета (в будущем – прославленным отечественным историком, академиком) Б.Д. Грековым проект устройства в Симферополе Таврического центрального архива. Официальное открытие состоялось 13 июня 1919 г. Одними из первых в архив поступили документы Таврического губернского дворянского депутатского собрания и Симферопольского уездного полицейского управления. После занятия Крыма в июне частями Добровольческой армии генерала А.И. Деникина архив временно прекратил свою деятельность, и лишь после окончательного установления советской власти в ноябре 1920 г. Б.Д. Грекову была вновь поручена работа над архивами Крыма. Принятые СНК РСФСР декреты от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела» и от 31 марта 1919 г. «О губернских архивных фондах (Положение)» заложили для этого правовую основу.

В начальный период деятельность Крымцентрархива была направлена на концентрацию документов ликвидированных дореволюционных учреждений,

⁶² Крымский областной государственный архив. Путеводитель. Симферополь, 1961.

⁶³ Государственный архив Республики Крым. Путеводитель. Т. I–IV. Симферополь, 2020–2022.

которые сосредотачивались в специальном здании, построенном в 1833 г. для архива Таврического губернского правления. В мае 1921 г. Крымцентрархив взял на учет все архивы бывших губернских присутственных мест. 18 октября 1921 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР была образована Крымская АССР в составе РСФСР. 30 января 1923 г. на объединенном заседании президиума ЦИК и СНК Крымской АССР было принято постановление «О бумаге архивов», согласно которому проводилось полное изъятие всех дореволюционных архивов из ведомств и у частных лиц и передача их Крымцентрархиву. В феврале 1926 г. ЦИК Крымской АССР перевел Крымцентрархив в свое подчинение, вскоре было утверждено «Положение о Крымском центральном архивном управлении», по которому документы были разделены на два архива – Исторический и Октябрьской революции – с делением каждого из них на секции: политики и права, народного хозяйства, культуры и быта, военно-морскую. С преобразованием Крымской АССР в область (1945 г.) архив стал называться Государственным архивом Крымской области.

В 1991 г. архив получил название Центрального государственного архива при Совете Министров Крымской АССР, в 1992 г. – Центрального государственного архива Республики Крым, в 2002 г. – Государственного архива в Автономной Республике Крым. После вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации 10 декабря 2014 г. было организовано Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым».

На 1 января 2016 г. в ГАРК числилось 7042 фонда, 1460485 единиц хранения документов на бумажной основе, 588 единиц хранения кинодокументов, 37888 единицы хранения фотодокументов, 354 единицы хранения фонодокументов, 22 единицы хранения видеодокументов. В архиве хранятся документальные материалы со времени присоединения Крыма к России (1783 г.) до наших дней. Период до 1917 г. представлен фондами канцелярий Таврического губернатора, Таврического областного и губернского правлений, Феодосийского и Керчь-Еникальского градоначальников, городских дум, управ, волостных и сельских

управлений, органов сословного и земского управлений, учреждений Министерства государственных имуществ, земледелия и лесного хозяйства, прокуратуры и нотариата, полицейских и судебных органов, военно-административных и военных, налоговых, кредитных и таможенных учреждений, строительных организаций и промышленных предприятий, транспорта и связи, органов просвещения, научных и культурно-просветительных учреждений и организаций, учреждений духовного ведомства.

Период Октябрьской революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.) отложился в фондах учреждений Социалистической Советской Республики Тавриды, первого и второго Крымского краевого правительства, Крымской Советской Социалистической Республики, учреждений, функционировавших при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России.

Основная часть документов архива – фонды периода 1921–2014 гг. В них отражены создание и становление Крымской АССР, восстановление и развитие народного хозяйства, культурное и национальное строительство.

Особый комплекс документов – личные и фамильные архивы: автографы и фотодокументы членов царской семьи Романовых из Ливадийского архива, служебные и личные документы Воронцовых-Дашковых, Клейнмихелей, инженера и археолога А.Л. Бертье-Делагарда и пр. Интерес представляет научно-техническая документация – проекты землеустройства и землепользования, застройки городов Южного берега Крыма, планы и чертежи отдельных объектов промышленного и культурно-бытового назначения в фондах Таврической губернской чертежной, Ливадийско-Массандровского удельного управления в Крыму.

В читальном зале архива в Симферополе установлена компьютерная система, позволяющая получить доступ к описям фондов дореволюционного (ф. 1–853), советского периодов (ф. Р-1 – 5165), партийного раздела, газетного фонда ГАРК. С 2017 г. архив раз в год выпускает «Вестник историка-архивиста», где публикуются доклады ежегодных Крымско-московских чтений.

Работа автора в фондах ГАРК позволила подготовить своего рода дорожную карту, путеводитель по тем фондам ГАРК, которые представляют особую информационную ценность в контексте изучения темы дачных курортов на Южном берегу Крыма в конце XIX – начале XX века.

Главными в условиях слабой обеспеченности справочно-информационной литературой становятся вопросы об именах собственников земельных участков, их сословном и профессиональном статусах, размере и границах самих участков, датах вступления в права владения. Как показала практика, основной массив информации, способной пролить на это свет, содержится в двух фондах ГАРК – ф. 62 (документы Ялтинской уездной земской управы) и ф. 529 (материалы Статистического бюро Таврического губернского земства).

Ценнейшим является ф. 62, хранящий документы Ялтинской уездной земской управы (444 ед. хр., 1866–1920 гг.). Уездные земские управы (всего в ГАРК 5 таких фондов, 1995 ед. хр., 1866–1920 гг.) были созданы на основании «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. Временно прекращали деятельность в периоды установления в Крыму советской власти (январь–апрель 1918 г., апрель–июнь 1919 г.) и были окончательно ликвидированы в ноябре 1920 г. Управы занимались вопросами развития местной промышленности, торговли, народного образования, здравоохранения, их фонды содержат журналы заседаний и определений управ, ведомости раскладки и поступления земских сборов, поземельные книги, сведения о состоянии сельского хозяйства, урожайности, применении сельскохозяйственных машин, оказании продовольственной помощи крестьянам, выставках виноградарства и виноделия, садоводства, животноводства, анкеты, характеризующие аграрные отношения в губернии, материалы по обводнению Крыма, сведения о сети медицинских участков, больниц, аптек, сиротских приютов, открытии и работе школ, составе и движении населения, сметы и планы строительства дорог, школ, больниц, справочные цены на продукты, дела о страховании имущества и другие документы.

Именно благодаря поземельным книгам Ялтинской уездной земской управы из ф. 62 в ходе настоящего исследования удалось выявить (или подтвердить извлеченную из справочной литературы) информацию о владельцах участков на дачных курортах Новый Симеиз и Новый Мисхор; важно, что начиная с 1910 г. в окладных книгах, помимо фамилии, имени и отчества собственника земельных участков, указывался и его сословный статус.

Второй по значимости фонд – ф. 529, где собраны материалы Статистического бюро Таврического губернского земства (149 ед. хр., 1896–1917 г., описи). Статистическое бюро было создано по постановлению Таврического губернского земского собрания от 23 января 1884 г. (ликвидировано в 1920 г.) и занималось систематическим сбором и обработкой сведений о сельском хозяйстве, местной промышленности, торговле, народном образовании и здравоохранении. Среди материалов фонда – итоговые статистические таблицы переписи о населении и его национальном составе, землепользовании, скотоводстве, механизации сельского хозяйства по уездам Таврической губернии (1917 г.), сведения о ценах на продукты и фураж, карточки первичного учета хозяйств по Всероссийской сельскохозяйственной переписи (1917 г.), список населенных пунктов Таврической губернии.

Именно в материалах ф. 529 находятся купчие карточки дачников на владение землей по Ялтинскому уезду, сформированные в результате проведенной в 1913 г. переписи. В них указывается имя, отчество, фамилия владельца, его национальность, место жительства (уезд, волость, имение), местонахождение земли (при каком селении, название имения), номера по земельной книге и земскому плану, когда, у кого и как (покупкой, по наследству, дарственная и т.п.) приобретена земля. Указан состав владения (усадебная – дом и постройки, пахотная и т.п.), аренда земли, посева и урожай, сдается ли внаем помещение: сколько комнат, сколько выручает в месяце за все комнаты, сколько месяцев продолжается сдача, по некоторым владениям – и цена аренды. Материалы ф. 529, таким образом, прекрасно подходят для дополнительной проверки материалов, извлеченных из ф. 62.

Сюда же примыкают документы ф. 42 (Таврическое губернское по земским и городским делам присутствие. 1463 ед. хр., 1901–1918 гг.). Присутствие было учреждено по Городовому положению от 11 июня 1892 г., ликвидировано постановлением Временного правительства от 9 июня 1917 г. Осуществляло контроль за деятельностью органов городского и земского самоуправления. В фонде хранятся указы Сената, циркуляры и инструкции МВД по выборам в Государственную думу (1912 г.), журналы заседаний присутствия, доклады и обязательные постановления городских дум, сведения об учреждении Таврического губернского комитета виноградарства и виноделия (1911 г.), о земских и городских расходах по содержанию правительственных учреждений, должностных лиц, учебных заведений. Фонд содержит ходатайства частных лиц, обществ и земств о покупке земель и отчуждении их в частную собственность, жалобы на неправильные действия земских учреждений.

Могут представлять интерес для поиска информации о владельцах земельных участков и материалы ф. 376 (Симферопольский окружной суд. 20877 ед. хр., 1869–1920 гг.). Суд был учрежден 22 апреля 1869 г. по указу Сената от 5 июня 1868 г. о введении судебных установлений в округе Одесской судебной палаты с отнесением к нему Таврической губернии. Интерес представляет оп. 5 фонда, содержащая исковые дела о размежевании земель, утверждении духовных завещаний, введении в права наследства. Впрочем, надо иметь в виду, что в материалах есть лакуна: утрачены документы за 1894–1904 гг.

Далее стоит обратить внимание на ф. 25 (Старший нотариус Симферопольского окружного суда. 25 ед. хр., 1874–1919 гг.). Должность старшего нотариуса была учреждена в 1869 г. и ликвидирована в 1920 г. Старший нотариус утверждал нотариальные акты, составленные частными нотариусами, вел книги записи запрещений на куплю-продажу имущества, реестры крепостных дел, заведовал нотариальным архивом, вел дела о выдаче залоговых свидетельств, совершении купчих крепостей на продажу недвижимости, утверждения отдельных актов на имение, вел книги запрещений на куплю-продажу имений по уездам.

Крепостная книга по Ялтинскому уезду с купчими крепостями на продажу недвижимого имущества содержится в оп. 1, д. 10.

Большой объем информативного картографического материала содержится в фонде 377 (Таврическая губернская чертежная. Ф. 377, 21309 ед. хр., 1784–1920 гг.) Это учреждение было создано в 1784 г. как Таврическая областная чертежная, прекратила деятельность в соответствии с указом императора Павла I от 12 декабря 1796 г. о ликвидации Таврической области и возобновила как Таврическая губернская чертежная согласно указу императора Александра I от 8 октября 1802 г. о создании Таврической губернии. Ликвидировано в 1920 г. Губернская чертежная занималась межеванием казенных и частных земель, составлением планом и карт уездов, городов и отдельных земельных владений, межевых книг. В ее фондах содержатся определения Таврического губернского правления, предписания Таврического губернатора, губернского землемера о возобновлении межевания по уездам, нарезке земель для дорог, отмежевании церковных земель, журналы заседаний чертежной, протоколы технических совещаний по землеустройству, годовые отчеты, а также планы генерального и специального межевания по уездам, топографические карты Крымского полуострова, планы земельных участков, межевые книги, приговоры сельских сходов о принятых проектах по размежеванию надельной земли, переписка о возобновлении межевых знаков и изготовлении карт земельных владений.

Далее следует назвать материалы ф. 49 (Таврическое губернское дворянское депутатское собрание. 6071 единиц хранения. 1803–1919 гг.) Это учреждение было создано в 1803 г. на основании «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» от 21 апреля 1785 г. (ликвидировано в 1919 г.) и занималось причислением лиц к дворянскому сословию и исключением из него, ведением дворянских родословных книг, выборами предводителя дворянства и депутатов дворянского собрания. Фонд содержит, среди прочего, указы Сената о порядке причисления лиц к дворянскому сословию и лишения дворянства за проступки, о наборе рекрутов для укомплектования армии и флота, протоколы депутатских дворянских собраний, съездов уездных

предводителей дворянства, сведения о выборах в дворянское депутатское собрание, сборе налогов с дворянских имений, освоении свободных земель в Крыму переселенцами. Интерес в контексте интересующей нас тематики представляет, в первую очередь, содержащиеся в оп. 1, д. 6820 (Расчетная книга по Ялтинскому уезду для записи окладов и недоимок сбора на частные повинности с дворянских имений. 1897–1899 гг.), д. 6843 (Окладная расчетная книги для записи недоимок оброка на частные дворянские повинности с городского недвижимого имущества Ялтинского уезда. 1915–1917 гг.), д. 6845 (Окладная расчетная книга для записи недоимок оброка на частные дворянские повинности с городского недвижимого имущества по городам Ялте, Керчи, Бердянску, Балаклаве, Алешки и гор. Старый Крым). Все эти документы позволяют выявить владельцев участков на дачных курортах, принадлежавших к дворянскому сословию, а таковых, как показывает анализ созданным нами баз данных, среди владельцев и арендаторов дач на ЮБК было большинство.

Полезными могут оказаться и фонды церковных приходов (55 фондов, 881 ед. хр., 1800–1924 гг. Описи. Открыты в XVIII–XIX вв.), занимавшихся, помимо отправления религиозных обрядов, регистрацией метрических записей о родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Так, в ф. 298 (Архангело-Михайловская церковь, поселок Алупка, Ялтинского уезда Таврической губернии 1836–1921 гг. Оп. 2. Д. 53.) содержится список граждан селения Алупка, с указанием рода занятий, посещающих местную церковь, в том числе дачников Нового Симеиза и курорта Алупка-Сара.

В ряде случаев сохранились и фонды отдельных дворянских имений, на базе которых на рубеже XIX–XX веков и образовывались (путем распродажи или сдачи в аренду) дачные курорты. Материалы этих фондов, как мы убедимся ниже, исключительно информативны. В них, как правило, содержатся планы и чертежи имений, переписка управляющих имениями с владельцами о покупке, продаже, сдаче в аренду земель, заключении на них страховых договоров, порядке продажи и вывоза вина, переписка по хозяйственным и финансовым вопросам, копии купчих крепостей на продажу части земель имений, сведения о

произведенных в имениях работах, о винных подвалах, табачных плантациях, описи имущества. Таковы, к примеру, фонды имения Алупка Трубецких, на землях которого создавался дачный курорт Алупка-Сара (ф. 196, 74 ед. хр., 1868–1919 гг.), два фонда имения Мисхор. В ф. 339 (Имение Мисхор графа Шувалова Ялтинского уезда Таврической губернии, 6 ед. хр., 1899 г.) особенный интерес представляют д. 1 (Выписки из нотариальных актов книг о заключении договоров на аренду участков земли. 1899–1901 гг.), д. 2 (Планы участков земли, сдаваемых в аренду), д. 6. (План дачи Уманского в имении графа Шувалова). В ф. 334 (Управление имением Мисхор княгини Долгорукой, Ялтинский уезд Таврической губернии, 11 ед. хр., 1903–1916 гг.) исследователь должен обратить внимание на д. 1 (Докладные записки управляющего имением), д. 2 (Копии выписей из нотариальных актов книг на сдачу в аренду земельных участков), д. 4 (Переписка конторы с арендаторами по вопросу передачи аренды другим лицам), д. 6 (Смета и чертежи планируемой дороги), д. 7 (Страховые свидетельства на постройки), д. 10. (Планы участков земли, отданной в аренду). Именно на этих документах, наряду с эго-источниками, основывается осуществленная нами реконструкция истории первого дачного курорта ЮБК Новый Мисхор (гл. 2).

Исключительную ценность для реконструкции истории самого крупного дачного курорта ЮБК Новый Симеиз представляет ф. 333 (Имение «Симеиз» наследников генерал-майора Сергея Ивановича Мальцова, Симеиз Ялтинского уезда Таврической губернии. 1923–1920 гг.), в особенности, в описи 1 – д. 3 (Со списками лиц, коим была продана и куплена земля Мальцовыми с указанием количества ее, и списками служащих в имении. 1825–1920 гг.), д. 6 (Опись инвентаря, находящегося в помещениях имения Н. Симеиз, и описью всего имения с постройками землею садами и др. за 1893 г.), д. 7 (Условия устройства дачного поселка и курорта в имении Симеиз. 31 марта 1902 г.). Отдельно стоит остановиться на деле 1 (Переписка по вопросу об утверждении в праве наследников на имущество Бородина и Мальцова и о доверенности присяжным поверенным ходатайства). Именно обработка этого документа позволила, при информационной поддержке других источников, ответить по существу на вопрос, долгое время

остававшийся в историографии неясным: о причинах, побудивших наследников видного промышленника С.И. Мальцова к распродаже фамильных земель в Симеизе. Существовавшая литература ограничивалась общими словами о «желании Мальцовых создать образцовый курорт» или «кризисе крупного дворянского землевладения в пореформенной России». Вновь выявленные нами в ГАРК документы вкупе с изучением истории кризиса и банкротства промышленной империи Мальцовых позволили вполне ясно установить, почему эта распродажа имела место, и благодаря этому проложить дорогу к более широким историческим объяснениям.

В годы революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. в Крыму происходило множество событий. Радикализация Черноморского флота, рейды восставших матросов из Севастополя вдоль побережья, организация Социалистической Советской Республики Тавриды в 1917 – начале 1918 г., германская интервенция 1918 г., правление Антанты вместе с Добровольческой армией и кадетско-социалистическим правительством С.С. Крыма в 1918–1919 гг., недолгое второе завоевание Крыма большевиками (февраль–июль 1919 г.) и первая эвакуация представителей русской знати из Крыма, осуществленная «союзниками», новое пришествие Добровольческой армии, правление генерала П.Н. Врангеля, окончательное установление власти большевиков в Крыму (ноябрь 1920 г.), сопровождавшееся эвакуацией Добровольческой армии вместе с частью населения в Константинополь и другие города. Их свидетелями и участниками стали жители дачных курортов ЮБК, многие из которых перебрались в Крым из столиц и средней полосы России, желая переждать революционные волнения. Источником информации об этом являются в том числе и документы, содержащиеся в ф. Р-999 (Министерство внутренних дел краевого правительства. 624 ед. хр. 1918–1919 гг.). Министерство было создано 25 июня 1918 г. (ликвидировано 10 апреля 1919 г.) и осуществляло надзор за деятельностью местных органов власти, земских и общественных учреждений, соблюдением законов и постановлений правительства, обеспечивало общественный порядок, личную безопасность и за-

щиту имущественных прав граждан. В состав фонда входят постановления, распоряжения и протоколы заседаний крымского краевого правительства, приказы премьер министра и министра внутренних дел, приказы и протоколы заседаний отдела народного здоровья, протоколы заседаний союза землевладельцев, сведения и переписка об организации крымской краевой стражи, учреждении германских этапных комендатур в городах Крыма (июнь 1918), высадке десанта белогвардейской армии и передачи ей крепости Керчь (ноябрь 1918), реквизиции помещений для белогвардейцев, мобилизации офицерского состава, проведении выборов в Учредительное собрание (1918), эвакуации ценностей из городов Крыма (апрель 1919), выдаче разрешений на проведение собраний, утверждении уставов обществ и союзов, рапорты о происшествиях. В работе по реконструкции истории дачного курорта Новый Симеиз существенную роль сыграли хранящиеся в этом фонде (оп. 1, д. 119, 4 февраля 1919 – 5 марта 1919, 81 стр.) материалы о выборах гласных и кандидатов Ново-Симеизской поселковой управы. В них содержатся протоколы заседаний избирательной комиссии, списки кандидатов и избирателей, по которым можно восстановить, кто из дачников, членов их семей, обслуживающего персонала находился в это время в Новом Симеизе и какую роль в общественной жизни курорта играл.

Не менее важное значение для изучения дачных курортов и иных частных владений на ЮБК на рубеже XIX–XX веков имеют и архивные фонды советского периода. В первую очередь внимание стоит обратить на ф. Р-361 (Управление Южнобережных совхозов в Крыму. Управление южнобережными совхозами Крыма (Южсовхоз). Управления совхозами Крыма, город Ялта, Крым (с ноября 1920 по март 1921 г.). Красноармейское районное управление совхозами Управления совхозами Крыма, гор. Красноармейск, Крым (с марта 1921 по август 1921 г.). Ялтинское районное управление совхозами Управления совхозами Крыма, гор. Ялта Крымской АССР (с августа 1921 по апрель 1922 г.)), в котором содержатся материалы национализации множества частных имений ЮБК в 1920–1921 гг.

Так, в оп. 1, д. 3 за 1920–1921 гг. находится приказ Управления Южсовхоза о национализации частных имений, а в д. 23–48 той же описи – акты о приеме имений в состав Управления Южсовхоза. Среди этих имений – Мисхор (д. 39. Акты о приеме имения Мисхор в состав управления Южсовхоза, план имения 20 ноября 1920 – 21 июля 1922 г.), Новый Симеиз (д. 43. Новый Симеиз. 12 декабря 1920 – 21 июня 1922 г.) и многие другие. В оп. 2 за 1920–1922 годы в д. 28 содержатся сведения о советских имениях Южсовхоза с указанием бывших владельцев, в том числе имеющий исключительную ценность общий список национализированных имений на 16 марта 1921 г. (л. 15–16 об.) В той же оп. 2 хранятся дела с актами приема бывших имений: д. 76 – имения Красного Креста в Симеизе (бывш. Милютин), д. 77 – дачи «Ласточкино гнездо», д. 85 – дачного курорта Алупка-Сара, д. 91 – имения Мальцова «Старый Симеиз», а также многих других. Ценность этих актов заключается в подробном описании и инвентаризации имущества, что дает возможность не только точно атрибутировать принадлежность домовладения, но и получить как бы мгновенный снимок, зафиксировавший множество деталей повседневности владельцев имений и дач на момент прекращения бытования этой формы собственности⁶⁴.

История национализации, демунципализации и очередной муниципализации частных владений ЮБК, позволяющая более точно атрибутировать их владельцев после установления советской власти, прослеживается по материалам ф.

⁶⁴ Так, из материалов д. 91 (Бывшее имение Мальцова и приложение к ним. 4 июня 1921 – 1 сентября 1922 г.) можно узнать, что «симеизский виноградник уже с 1914 года не обрабатывается надлежащим образом и урожайность его падает с каждым годом» (л. 9 об.), ознакомиться с описью хранящегося в винподвалах на 5 января 1921 г. вина (более 1400 ведер урожая 1917–1920 гг. и в помещении при доме – 363 бутылки) (л. 36, 37), увидеть полную опись имущества, находящегося во дворце эмигрировавшего Н.С. Мальцова, узнать, что библиотеку, «имеющую огромное научное значение», было решено оставить в неприкосновенности вплоть до решения судьбы ее Наркомпросом (подробнее об этой библиотеке и ее судьбе речь пойдет в гл. 3). Многие документы в деле написаны вручную на оборотной стороне изданных типографским способом бланков «Для делопроизводственной документации Контора имения Симеиз Николая Сергеевича Мальцова», «Контора Крымских южнобережных вин собственных виноградников Н.С. Мальцова в Симеизе. Счет. Продано и отпущено вам вина», а также «Акт о продаже участков, принадлежащих Ивану Сергеевичу и Николаю Сергеевичу Мальцовым в прибрежной части имения Симеиз, выделенной под дачный поселок, и разбитых на участки по особому плану, одобренному Ялтинской земской управой, продан...» (л. 84 об., 86 об.).

Р-2732 (Ялтинский районный земельный отдел Ялтинского районного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Земельный отдел начал свою деятельность в ноябре 1923 г. в связи с упразднением округов и образованием районов в Крымской АССР, в его функции входило руководство развитием, укреплением и социалистической реконструкцией сельского хозяйства, проведение земельной реформы, руководство колхозно-кооперативными организациями, землеустроительными работами, заведывание государственными земельными имуществами. Так, в д. 145 (оп. 1) за 1922–1932 гг. нами обнаружена выписка из протокола заседания Президиума ЦИК Крымской АССР о муниципализации строений в сельских местностях Ялтинского района, выписка из протокола заседания Совнаркома Крымской АССР о порядке ликвидации строений Государственных земельных имуществ, список муниципализированных строений, циркуляры Наркомата земледелия Крымской АССР о приеме имущества от выселяемых помещиков, а также опубликованный в газете «Красный Крым» 31 декабря 1925 г. список муниципализированных на основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 г. и изданной Крымкоммунхозом совместно с Наркомземом инструкции строений в Ялтинском районе. Анализ этого списка позволяет выявить имена последних на момент национализации хозяев множества частных владений. Д. 149 той же описи (Дело о муниципализации, продаже и передаче строений по Ялтинскому району. Обследование построек в местности Кацевели Кекенеизского сельсовета, вошедших в список муниципализированных строений, опубликованных Крымкоммунхозом в газете «Красный Крым» от 31 декабря 1925 г.) дает представление о дачной местности Кацевели, где насчитывалось 17 дач (есть план дачного курорта, сделанный карандашом от руки), часть которых на момент обследования была населена уже не прежними владельцами, а крестьянами. Д. 201 (О передаче государственных земельных имуществ в ведение Ялтинского районного дачно-курортного треста) содержит, среди прочих актов приема земельных имуществ, акты осмотра дачи «Ласточкино гнездо» (л. 106, см. ниже, гл. 1).

Большое количество материалов, содержащих интересные и важные детали, характеризующие судьбу строений бывших дачных курортов и частных владений ЮБК в 1920-е гг., а также судьбу их бывших владельцев, можно обнаружить в ф. Р-1128 (Ялтинское районное курортное управление (ЯРКУ) Центрального управления курортами Крыма (ЦУКК) гор. Ялты Крым. АССР). Это учреждение было организовано в Ялте 16 декабря 1920 г. В функции фондообразователя входили организация и строительство курортов, руководство, инструктаж и контроль за работой подрайонных курортных управлений, руководство лечебной работой в санаториях, распределение больных по санаториям, эвакуация больных, финансовая деятельность, снабжение санаториев и домов отдыха продуктами питания, инвентарем, подбор кадров.

Вот лишь несколько примеров ценных в информационном плане дел, обнаруженных нами в этом фонде. В ф. Р-1128, оп. 2 (1920–1929 годы) это: д. 38а (Переписка с Центросоюзом об аренде дач «Камея», «Дельфин» и «Завгороднего», 1922–1923), д. 52 (Договоры ЯРКУ с учреждениями и частными лицами о сдаче санаториев и лечебных помещений в аренду. Сметы ремонта санаториев. 1 августа 1922 – 2 августа 1924), д. 97 (Сметы расходов на ремонт санаториев в 1926 г. План курорта Симеиз. Список зданий и сведения о состоянии зданий, принадлежащих управлению государственных курортов Южного берега Крыма. 1 окт. 1923 – 1926), д. 267 (Дело о расторжении арендного договора на ванное заведение в Новом Симеизе, 1924), д. 268 (Дело о расторжении арендного договора с Симеизским православным обществом на дачу б. Аракина, 1924–1925), д. 269. (Дело о расторжении договора на дачу в Нижнем Симеизе, 1924–1926). Последнее дело позволяет в деталях, на примере истории тяжбы врача Б.Н. Зубаровского с властями по поводу права проживания и аренды его бывшей дачи реконструировать перипетии судьбы тех из дачников ЮБК, кто не стал эмигрировать или уезжать в столицы, а рискнул остаться в собственных дачах (подробнее см. гл. 2).

Продолжим перечисление дел из оп. 2, ф. Р-1128, имеющих ценность для реконструкции истории самого крупного на ЮБК дачного курорта Новый Симеиз: д. 271 (Дело о расторжении арендного договора на дачу б. Свягина, 1924–1925), д. 285 (Сметы на производство ремонтно-строительных работ по Госкурорту Симеиз. Дефектные акты осмотра зданий. 1924–1925), д. 516 (Список дач жилфонда Симеизского госкурорта, предназначенных к эксплуатации в 1924–1925 гг. покомнатно с расценкой. Переписка с санаториями об аренде помещений). Благодаря последнему делу удалось пролить свет на обстоятельства жизни в советском Симеизе автора его первого путеводителя инженера В.М. Кузьменко. Благодаря д. 731 из этого же фонда (Эксплуатационный план жилфонда Симеиза по категориям на 1926 г. Договоры на аренду помещений) удалось локализовать дачу семьи Вивденко «Белый лебедь» и установить ее судьбу, что было важно в контексте реконструкции истории группы южнобережных дачников из числа представителей творческой интеллигенции, образовавшей после эмиграции русскую колонию в приморском местечке Ла-Фавьер на юге Франции (подробнее см. гл.3).

В ф. Р-1128 содержатся и документы, имеющие ценность для реконструкции истории дачного курорта Новый Мисхор. В оп. 2 это: д. 798 (Копии планов дач: б. Морозовой, Баулиной, Петрово-Соловово, Кордо-Сысоева и Мурзаевой в Мисхоре. Штатное расписание по санаторию «Группа дач Мисхора» на 1926 г.), д. 973 (Опись построек и сооружений ЮБК. Мисхор 1927 г.), д. 1037 (Материалы по землеустройству Мисхорского парка 1928–1929). Подробнее речь о них пойдет в гл. 2.

Отдельный весьма важный пласт документов содержится в группе дел ф. Р-1128, посвященных восстановлению южнобережных курортов после крымского землетрясения 1927 г. (дела с 1129 по 1185, с 1283 по 1300, 1928 г.), – в них перечислены мероприятия, собраны сметы и планы по восстановлению построек после землетрясения, в том числе по бывшим дачным поселкам Новый Симеиз,

Новый Мисхор и другим. В ряде случаев содержащиеся в указанных делах описания и планы – единственные источники, позволяющие судить об оригинальной архитектуре дач этих курортов.

По мере выявления информации нами были также исследованы фонды из центральных архивов: Российского государственного архива древних актов в Москве (ф. Рейнбот-Резвая № 1615, оп. 1, 117 ед. хр., 1857–1917), Российского государственного исторического архива (ф. 229, оп. 19, д. 2844. Инженер-путеец Свиягин Николай Сергеевич; ф. 789. Браиловский Л.М. и многие другие), Российского государственного архива литературы и искусства, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Российского государственного архива военно-морского флота и других, а также музейных хранилищ (Алупкинского музея-заповедника, Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника, Ялтинского историко-литературного музея, Государственного музея-заповедника «Дмитровский Кремль»).

Важную информацию удалось обнаружить и в *периодических изданиях*. Изучение периодики Крыма позднеимперского периода осложняется тем, что ее историография практически не разрабатывалась, а коллекции изданий сохранились не полностью и разбросаны по различным местам хранения в разных регионах⁶⁵. Основная работа проводилась в отделе периодики Российской государственной библиотеки (Химки) и библиотеке «Таврика» имени А.Х. Стевена Центрального музея Тавриды в Симферополе. Наиболее информативными для разработки темы развития дачных курортов на ЮБК оказались частные ежедневные газеты, начавшие выходить в Ялте, Севастополе и Симферополе с 1888 г. Это «Крымский вестник» (1888–1920), «Ялтинская справочная газета» (с 1893 г. – «Ялта», с 1898 по 1907 – «Крымский курьер»), «Ялтинский листок» (1901–1904), «Курортный посредник» (1904), «Русская ривьера» (1907–1917), «Южный берег» (1907) «Ялтинский вестник» (1909–1916), «Ялтинская жизнь» (1916), «Вестник Юга» (1912–1916), «Южные ведомости» (1906–1916) и другие. В частных ежедневных газетах публиковались, помимо местных и национальных новостей,

⁶⁵ Хоменок О.С. Указ. соч.

объявления о разного рода торгах, списки приехавших в Ялту, расписание движений транспорта, а также многочисленные справочные и рекламные объявления (о продаже участков во вновь создаваемых дачных курортах, предлагаемых ими услугах и т.п.), в которых содержится потенциально наибольший объем полезной информации. Идущая оцифровка библиотечного фонда, несомненно, повысит информационную отдачу такого рода источников.

Работа с группой *источников личного происхождения*, за которыми в историографии в последние годы чаще закрепляется понятие «эго-источники», или «эго-документы», оказалась особенно продуктивной. Письма, мемуары, историческая публицистика, рассказы хранителей семейной памяти содержат огромное количество деталей, важных как для реконструкции исторических фактов, так и для изучения биографии исторических личностей, в деятельности которых проявлялись «черты той среды, к которой они принадлежали, и той эпохи, которая их породила»⁶⁶.

Поиск в огромном массиве неструктурированных текстовых данных в настоящее время существенно облегчается благодаря цифровизации библиотечных, архивных и музейных фондов и появлению инструментов онлайн-поиска и контент-анализа, позволяющих осуществлять поиск по ключевым словам (таким, как «Южный берег Крыма», «дача», «Новый Симеиз», «Новый Мисхор», фамилии южнобережных дачников) не только в систематических и алфавитных каталогах, но и в массивах самих оцифрованных текстов источников, хранящихся в базах библиотечных данных. Такая работа проводилась, в частности, с каталогами Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки и других собраний. В результате для изучения исторического пространства ЮБК конца XIX – начала XX века, истории его повседневности, персонализации культурного ландшафта были привлечены редко использовавшиеся ранее в таком контексте мемуары и дневники видных государ-

⁶⁶ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. С. 269.

ственных, общественных деятелей, представителей науки и искусства – императора Николая II, военного министра, графа Д.А. Милютина, графа С.Ю. Витте, биолога И.И. Пузанова, писателя В.В. Набокова, историка М.И. Ростовцева, танцовщицы В.А. Судейкиной, сестры писателя М.П. Чеховой (а также ее переписка с О.Л. Книппер-Чеховой) и многих других. Некоторые из эго-источников, неопубликованные и хранящиеся в архивах потомков либо опубликованные микроскопическим тиражом, впервые вводятся в информационный и научный оборот в настоящем исследовании.

Повышенное внимание в актуальной историографии уделяется *изобразительным источникам*. Исследователи ведут речь о «визуальном повороте» в исторических исследованиях в XXI веке, обусловленном как постоянно возрастающей технической доступностью банков оцифрованных изображений из архивных, музейных хранилищ, так и усиливающимся методологическим акцентом на расширении типологии арсенала источников «исторической памяти». Подобные аргументы не раз звучали в докладах на конференции «Роль источников визуальной информации в информационном обеспечении исторической науки», состоявшейся в МГУ имени М.В. Ломоносова 28 февраля 2019 г., по итогам которой был опубликован сборник статей и докладов, в том числе в пленарном докладе А.Г. Голикова «Источниковедение изобразительных источников как учебная дисциплина», ретроспективно представившем традицию разработки изобразительных источников в отечественном источниковедении, трудах представителей кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова⁶⁷.

Одна из первых работ, на серьезном уровне разбирающих отражение ЮБК в русской живописи XIX–XX веков, была опубликована в 1968 г. и принадлежала искусствоведу, заместителю директора Алушкинского дворца-музея, выпускнице исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.П. Пальчиковой. Исследователь указывает, что «уже сразу после присоединения Крыма к

⁶⁷ Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки / Автор-составитель Е.А. Воронцова; ответственный редактор А.Г. Голиков. М., 2019.

России здесь начинают работать русские художники <...> так, в штабе Потемкина находился пейзажист и баталист М.М. Иванов (1748–1823), который зарисовывал виды присоединенных к России новых городов и различных мест Крыма». А.П. Пальчикова отмечает, что «в пейзажах Васильковского, Орловского, Айвазовского, Мещерского <...> перед нами встает малонаселенный, почти пустынный, неблагоустроенный Южный берег Крыма 60–90-х годов XIX в.», – давая, таким образом, яркую характеристику культурного ландшафта ЮБК накануне начала дачного курортного бума⁶⁸.

Важнейшим источником информации о трансформации культурного ландшафта ЮБК являются фотографии и открытки, которые сегодня все более доступны исследователю благодаря масштабным программам оцифровки архивов, в том числе личных, и музейных фондов. Говоря о фотоисточниках, к их основным выигрышным чертам В.М. Магидов причисляет способность не только «остановить мгновенье», но и «возможность посредством информации, заключенной в фотодокументе, не только образно представить событие, но и осмыслить его; разнообразие информации, заключенной в фотодокументе, создает условия для интегрированного представления о действительности»⁶⁹. Исторический фотодокумент может быть носителем как выраженной, так и скрытой информации: этот тезис в полной мере подтверждается в настоящей работе.

Подробней речь о фотографиях и открытках, их информационном потенциале, а также о современных цифровых базах данных визуальных источников, пойдет в гл. 4.

Особое место в исследовательском арсенале занимает фотофиксация существующего культурного ландшафта, отдельных его элементов (памятных зданий, малых архитектурных форм, элементов ландшафтной архитектуры), которые рассматриваются как *вещественные источники*. Речь идет не только о реконструкции внешнего облика зданий: перед историком стоит задача восстановить

⁶⁸ Пальчикова А.П. Южный берег Крыма в живописи // В помощь экскурсоводу. Сборник статей о Южном берегу Крыма. Симферополь, 1968. С. 45–61.

⁶⁹ Магидов В.М. Указ. соч. С. 222.

сам культурный контекст эпохи, «историю бытования, среды пользования», а также «взаимоотношений внутри социума»⁷⁰.

Важна и форма, в которую переводится информация, которой могут поделиться вещественные источники. Как отмечал И.Д. Ковальченко, «вещественные памятники, будучи остатками, реликтами действительности, несомненно, содержат обширную и разнообразную информацию о ней. Однако эта информация выражена как результат практической деятельности людей и в этом отношении выступает в объективно-синтактическом смысле, т.е. как следы практической деятельности, которые должны быть переведены в синтактически-субъективную форму, или, иначе говоря, выражены в той или иной знаковой системе. Она может быть естественно-описательной, графически-изобразительной или иной. Процесс выявления объективно-синтактической информации, заключенной в вещественных источниках (информации, возникшей независимо от обращающегося к ней субъекта), и перевода ее в синтактически-субъективную форму, т.е. форму, пригодную для использования в познавательных целях, весьма сложен»⁷¹.

В настоящем исследовании задача решалась с помощью авторской фотофиксации исторических зданий и элементов ландшафта с последующим комментированием полученных изображений на основе информации, полученной из комплекса иных источников. Фотографии с подписями размещались на систематизированной основе в электронных базах данных, в дальнейшем оформленных как историко ориентированные тематические сайты.

В современных условиях процедура создания баз и банков оцифрованных источников различных видов и извлеченных из них данных приобретает особое значение – так же, как овладение навыками цифровой картографии и создания ГИС-систем, презентация исторического знания в виде историко ориентированных тематических сайтов, которые становятся своего рода новыми, вторичными,

⁷⁰ *Алексеев В.В.* Теоретико-методологические основы изучения вещественных источников // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки. М., 2020. С. 28.

⁷¹ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 2003. С. 134.

или мета-источниками, синтезирующими в доступной (электронной) форме вновь выявленную из первичных документов информацию⁷². Такие задачи были также успешно решены в ходе настоящего исследования.

Научная новизна исследования заключается в том, что диссертация является первым опытом комплексного анализа источников и методов изучения культурного ландшафта Южного берега Крыма конца XIX – начала XX века как исторического пространства, арены масштабных социокультурных трансформаций, выразившихся в создании дачных курортов. Предложены новые методологические парадигмы в рамках «мемориального», «пространственного» поворота, социокультурного подхода, изучения истории досуга. Выявленные в ходе анализа информационные ресурсы впервые вводятся в научный оборот и рассматриваются в комплексе с опубликованными ранее, но слабо изученными в контексте заявленной темы источниками разной типовой и видовой принадлежности.

Благодаря комплексному источниковедческому подходу впервые в литературе документально реконструирована история как отдельных важных памятников истории и культуры ЮБК (к примеру, символа Крыма – замка «Ласточкино гнездо», великокняжеских дворцов «Дюльбер», «Чаир» и «Кичкине»), так и сложившихся в изучаемую эпоху дачных курортных поселков (Новый Мисхор, Новый Симеиз, Батилиман). Выявлены наиболее информативные фонды по изучаемой теме в Государственном архиве Республики Крым, разработаны новые методики изучения и повышения информационной отдачи источников личного происхождения, визуальных источников по теме, в том числе агрегированных на появившихся в последние годы цифровых онлайн-платформах.

Составлены проблемно ориентированные электронные базы данных, содержащие систематизированную информацию о дачных курортах ЮБК начала XX в., на основе которых разработаны историко ориентированные тематические

⁷² Селунская Н.Б., Петрова О.С., Карагодин А.В. Измерение прошлого: учебно-методическое пособие. СПб., 2018; Карагодин А.В. Историко ориентированный тематический сайт «Симеиз. Путеводитель по старым дачам»: этапы разработки и перспективы исследования // Историческая информатика. 2020. № 1. С. 143–157.

веб-сайты, выполняющие роль вторичного, или мета-источника по теме и удобного инструмента распространения исторического знания.

Теоретическая значимость. Примененные в работе комплексный источниковедческий подход, методы междисциплинарного социокультурного исследования, приемы исторической компаративистики вносят значимый вклад в развитие российской исторической науки, открывают перспективы для накопления достоверного исторического знания по общественно значимым темам истории России позднеимперского периода, Южного берега Крыма как важного региона и места «исторической памяти» России. Акцент на передовых методах исторического исследования (контент-анализ, построение электронных баз данных и историко ориентированных тематических сайтов, компьютерная картография) позволяет оценить потенциал этих методов и выявить некоторые закономерности развития исторического знания на современном этапе.

Практическая значимость исследования имеет несколько измерений. Материалы диссертации могут быть использованы при усовершенствовании и подготовке лекционных и специальных курсов по источниковедению истории России, методам исторического исследования, истории России, Крыма, а также для создания новых специальных лекционных курсов по источниковедению, методологии, социокультурной истории России XIX – начала XX века. Вновь выявленная в ходе осуществления исследования конкретно-историческая информация может применяться и уже активно используется в научно-просветительской деятельности, в качестве методических указаний для краеведов, музейных работников, экскурсионных бюро и т.д.

Достоверность результатов исследования. Степень достоверности подтверждается богатой источниковой базой исследования, которая содержит справочные, архивные материалы, источники личного происхождения, визуальные и картографические документы. Достоверность определяется избранными методами, призванными усилить информационную отдачу источников, выявить скрытую, неявно выраженную информацию. Применены системный и сравнительный подходы к выявлению источников, количественные методы, в том числе

дескриптивный статистический анализ и контент-анализ. В работе представлена визуализация итогов источниковедческого анализа. На основании комплексного изучения источников построены электронные базы данных, доступные без ограничения в виде историко ориентированных тематических сайтов в сети Интернет.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации и ее выводы отражены в 32 научных работах диссертанта общим объемом 65,46 п.л., в том числе в 15 работах общим объемом 25,43 п.л., опубликованных в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6 – Исторические науки, а также 3 работах общим объемом 5,08 п.л. в журналах из списка ВАК. 7 статей опубликовано в соавторстве; диссертанту принадлежит в них три четверти авторства (авторский вклад – 9,5 п.л, общий объем – 13,17 п.л.). Положения работы были представлены в сообщениях и докладах на международных и российских научных конференциях, отражены в публикациях и выступлениях в СМИ.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Структура исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения с иллюстративным материалом.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Социокультурный подход к изучению исторического пространства, методология исследования «исторической памяти» являются мощным инструментом познания трансформации культурного ландшафта ЮБК в конце XIX – начале XX века, одной из главных особенностей которой стало превращение крупных имений аристократии в дачные курорты представителей нарождавшегося среднего класса российского общества – предпринимателей, инженеров,

врачей, деятелей науки и искусства. Акцентирование «мест памяти» ЮБК на основе достоверной реконструкции их истории способствует сохранению историко-культурного наследия России, лучшему пониманию особенностей процесса социокультурной модернизации России конца XIX – начала XX века, рефлексии российского общества по поводу своего прошлого, настоящего и будущего.

2. Различные виды эго-документов – мемуары, дневники, письма, как опубликованные, так и хранящиеся в неопубликованных семейных архивах, – обладают богатым информативным потенциалом для выявления специфики индивидуального восприятия происходивших в историческом пространстве ЮБК перемен и процесса самоидентификации личности, осознания ее принадлежности к среде и эпохе. Выявленные эго-источники вместе с информацией, извлеченной из архивных фондов и справочной литературы, позволили выйти на уровень построения коллективных портретов и реконструкции персональных историй южнобережных дачников. Такая реконструкция представляется особенно значимой в связи с осознанной современным историческим сообществом востребованностью персонализации исторического процесса, а также общественного запроса на актуализацию «исторической памяти».

3. Отечественную традицию комплексного источниковедения развивают и дополняют новые приемы и подходы, рожденные в рамках «цифрового поворота» в гуманитарном знании. Источниковедческий анализ материалов из Государственного архива Республики Крым и столичных архивов, а также справочно-информационных изданий и документов личного происхождения дополняется исследованием изобразительных источников, в том числе агрегированных на цифровых платформах нового поколения (Госкаталог Музейного фонда Российской Федерации, краудсорсинговая платформа pastvu.com). Важную роль в установлении достоверности информации играют современные методики фотофиксации вещественных источников и компьютерной картографии.

4. Одной из составляющих «цифрового поворота» является появившаяся у историка возможность эффективно обрабатывать большие массивы оцифрованных нарративных источников. В условиях отсутствия тематических библиографических справочников по теме развития культурного ландшафта ЮБК в конце XIX – начале XX века компьютерный контент-анализ по ключевым словам в электронных каталогах и фондах архивов и библиотек продемонстрировал исключительную эффективность.

5. В ходе исследования были сформированы новые авторские проблемно ориентированные базы данных, содержащие большой массив разноплановой информации о дачах и дачниках ЮБК (имена владельцев, их сословная и профессиональная принадлежность, годы приобретения участка, его размер и стоимость, годы постройки дач, имена архитекторов и многое другое), визуальную и картографическую информацию, материалы современной фотофиксации памятников и ландшафтов. Базы данных, оформленные в дальнейшем в виде историко ориентированных тематических веб-сайтов, выступая как своего рода мета-источник по теме, обеспечивают новые возможности работы с информацией как для профессионального исследователя, так и для широкой публики.

Глава 1. Методы анализа информативной ценности источников по истории формирования предпосылок дачного строительства на Южном берегу Крыма

Задачей настоящей главы является демонстрация на конкретных примерах того, как раскрытие информационного потенциала источников различной типовой и видовой принадлежности, реализация методик комплексного источниковедения позволяет на новом содержательном уровне реконструировать предпосылки начала и развития «курортного бума» рубежа XIX-XX века, складывания на Южном берегу Крыма новой культуры дачного досуга, трансформации культурного ландшафта ЮБК в конце XIX в., формирования нового образа ЮБК в начале XX в. в контексте «курортного бума». Актуальность исследований подобного рода обусловлена, в том числе, происходящим в мировой историографии «мемориальным поворотом»: сдвигом интересов историков от реконструкции исторических фактов к изучению памяти о прошлом, образов прошлого, «мест памяти». Именно образы «исторической памяти», как представляется историкам, играют существенную роль в конструировании представления социальных групп и наций о прошлом, настоящем и будущем.

Как показывает опыт работы с мемуарными источниками, восприятие истории своей родины, отдельных ее событий могли существенно различаться как по запечатленным в памяти эпизодам, так и их эмоциональным оценкам. К примеру, любопытно сравнить два образа ЮБК, представленные в записанных в 1930-х гг. мемуарах политика, депутата Государственной думы князя А.Д. Голицына, с одной стороны, и поэта М.А. Волошина, так же, как А.Д. Голицын, принадлежавшего к «образованному обществу» императорской России, однако оставшемуся в России советской – с другой.

А.Д. Голицын, политик, уездный предводитель харьковского дворянства, член 3-й Государственной думы, член Совета правления Русско-английского банка, в 1925 г. ставший одним из организаторов Союза русских дворян во Франции, описывает Южный берег Крыма как «место, где богатая южная природа с

невиданными экземплярами флоры чередовалась с благоустроенными курортами, роскошными дворцами, татарскими саклями, уютящимися под скалами, и снова дворцами, парками, виноградниками.... На южном побережье Крыма выгодно сочетались нетронутая природа с высшей культурой. Рядом с девственными лесами, покрывающими горные массивы, вы могли наслаждаться огромными парками, окружающими все там находящиеся дворцы, сообщаться на всем побережье по чудно сооруженным шоссе, восхищаться высокой культурой виноградников и рядом с этим в Ялте пользоваться всеми благами курортного центра... Здесь природа повсюду сохранила свои преимущественные права. Все воздвигнутое на побережье усилием человеческих рук только способствовало возвеличиванию и украшению его»⁷³.

Князь А.Д. Голицын перечисляет «места» своей персональной памяти о ЮБК начала XX в.: «Вот чудный курорт Симеиз с единственным на южном побережье до Ялты песчаным пляжем и с торчащими из воды двумя скалами. Знаменитый Воронцовский дворец Алупки, окруженный парком, с террасами, спускающимися прямо к морю. Напротив него, возвышаясь над общим уровнем окаймляющих побережье гор, красуется вершина Ай-Петри, а у подножья приютилось татарское поселение. Далее следуют Мисхор и Кореиз, имение графов Сумароковых и резиденция князей Юсуповых, все сплошь утопающие в миндальных рощах, весной, во время цветения, устилающих всю местность розовыми и белыми лепестками, словно снегом. Напротив Кореиза через бухту, среди зелени и серых скал, выделяется своею белизною Дюльбер – дворец великого князя Петра Николаевича. Немного далее за поворотом Чаир, дворец великого князя Николая Николаевича, где присвоенные его двору цвета желтый и лиловый выявлены вьющимися желтыми розами *Marechal Niel* по стенам дворца и фиалками, которыми усеяны все открытые площади вокруг. При приближении к Ялте дворцы и частные резиденции чередуются все чаще и чаще. Вот Харакс и Ай-

⁷³ *Голицын А.Д.* Воспоминания. М., 2008. С. 66.

Тодор – великокняжеские резиденции. А вот вычурная частная вилла, построенная на голой скале, выступающей прямо в море – «Ласточкино гнездо» – мы, наконец, въезжаем в Государево имение Ореанда со сгоревшим в нем при загадочных обстоятельствах дворцом»⁷⁴.

Как видим, образ ЮБК в памяти А.Д. Голицына идеализирован. Противоположную характеристику дает тому же «культурному» ландшафту в 1925 г. поэт и художник М.А. Волошин: «Магометов рай уничтожен дочиста. Взамен пышных городов из «Тысячи и одной ночи» русские построили несколько убогих уездных городов по российским трафаретам. Древняя Готия от Балаклавы до Алустона застроилась непристойными императорскими виллами в стиле железнодорожных буфетов и публичных домов и отелями в стиле императорских дворцов. Этот музей дурного вкуса, претендующий на соперничество с международными европейскими вертепами на Ривьере, очевидно, так и останется в Крыму единственным монументальным памятником “Русской эпохи”»⁷⁵.

Приведенный пример демонстрирует: если «историческая память» репрезентирует набор категорий, посредством которых та или иная социальная группа систематически выстраивает свою картину мира во времени и пространстве, то задачей историка-профессионала становится, помимо реконструкции фактов, реконструкция репрезентаций, объяснение того, как и почему в процессе исторического развития транслировалась, воспроизводилась, деформировалась или разрушалась та или иная традиция памяти – «это и можно назвать историей памяти»⁷⁶.

При этом проинтерпретировать эти репрезентации едва ли возможно без тщательной реконструкции исторических фактов. В случае с историей ЮБК такая реконструкция до настоящего времени во многих случаях представлялась за-

⁷⁴ Там же. С. 66-67.

⁷⁵ *Волошин М.А.* Культура, искусство, памятники Крыма // Крым: Путеводитель. Под общ. ред. И.М. Саркизова-Серазини. М.-Л., 1925. С. 130.

⁷⁶ Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности. Под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2020. С. 5–8.

труднительной в силу слабой освещенности сюжета в историографии, преобладания краеведческой литературы над научной, недостаточной разработанности источниковой базы. Все это давало почву разного рода апокрифам, подчас удивившим от истины.

В настоящей главе мы рассмотрим три примера осуществленной нами работы по анализу и повышению информативной ценности источников, имеющих первостепенное значение для атрибуции и реконструкции истории важных «мест памяти» на Южном берегу Крыма, напрямую связанных с формированием предпосылок курортного бума рубежа XIX-XX века и образа этой эпохи в глазах современников и последующих поколений.

Это, во-первых, дача-замок «Ласточкино гнездо» – общепризнанный символ «курортного бума» позднеимперского периода, ставшая за последнее столетие также и символом всего ЮБК в глазах миллионов жителей и гостей Крыма. Несмотря на такой статус (а возможно, и благодаря ему), до последнего времени история постройки и владения памятником была окружена загадками, легендами и мифами, не были точно известны имена владельцев и строителей этого сооружения, неоднократно менявшего свой внешний облик.

Достоверно реконструировать историю сооружения и реконструкции «Ласточкиного гнезда» и земельного владения, где был возведен замок, на документальной основе, разрешив все споры и ликвидировав «белые пятна», удалось лишь в ходе настоящего исследования. История владения этой землей, которую мы проследили по комплексу вновь выявленных источников от начала колонизации ЮБК русскими помещиками в первой трети XIX в. и до момента национализации всех частных имений в конце 1920 г., смены ее владельцев, также как и история строительства и последующих перестроек здания в конце XIX- начале XX в., в полной мере отражает формирование предпосылок «курортного бума» на ЮБК, его формирования и кульминации и насильственного окончания по итогам Гражданской войны, создания дачных курортов и особой социокультурной среды, а сам процесс информационного поиска – преимущества методик комплексного источниковедения.

Не менее важным «местом памяти» являются виллы «Дюльбер» и «Чаир», ставшие первыми дворцами для великих князей и императорской семьи Романовых, построенными в окрестностях Ялты по проектам ялтинского архитектора Н.П. Краснова и в известной степени спровоцировавшие «моду на Крым» в русском обществе в начале XX в. Дворцы «Дюльбер» и «Чаир», возведенные в 1899 г. и 1907 гг. для приморского досуга великих князей, братьев Петра Николаевича и Николая Николаевича Романовых на купленных незадолго до того специально для этих целей относительно небольших участках земли, традиционно считаются одними из главных достопримечательностей ЮБК «императорского» периода, жемчужинами его культуры и архитектуры, привлекают внимание: свидетельством этого стала масштабная выставка «Романовы. Воспоминания о Крыме», организованная в Государственном музее-заповеднике «Царицыно» (март–июль 2022 г.)⁷⁷.

Как обстоятельства сооружения дворцов, так и феномен их «центральности» для «исторической памяти» об эпохе, в популярной и краеведческой литературе зачастую считались очевидными и в объяснениях не нуждающимися. При этом оставались без ответа вопросы: почему любимым архитектором семьи Романовых на ЮБК, которому было доверено построить императорский Ливадийский и другие дворцы, стал местный зодчий Николай Краснов, а не маститые столичные мастера, постройками которых восхищалась европейская пресса того времени? Как мы убедимся, во время создания стиль этих дворцов вызывал неоднозначную – от хвалебной до уничижительной – реакцию искусствоведов, что было сопряжено с размышлениями умов того времени о судьбе русской монархии. Тщательная, основанная на комплексном подходе работа с источниками, в первую очередь архивными материалами и мемуарами, позволила не только существенным образом уточнить и скорректировать историю строительства дворцов, но и дать новую интерпретацию «центральности» их образа для «исторической памяти».

⁷⁷ Романовы. Воспоминания о Крыме: издание к выставке. Государственный музей-заповедник «Царицыно», 2022. Автор-сост. О. И. Барковец. СПб., 2022.

В-третьих, речь пойдет об истории земельных владений в местности Магарач к востоку от Ялты. В отличие от «Ласточкиного гнезда» и дворцов Романовых, сегодня эта местность запущена, отдана под частную застройку и в общественном сознании редко наделяется какой-либо исторической значимостью. Однако на деле именно в Магараче на рубеже 1830-х гг. указом генерал-губернатора Новороссии М.С. Воронцова была создана первая на ЮБК колония просвещенных дворян-виноделов, активных участников второй волны колонизации Южного берега, а в историю смены владельцев имений Магарача в последние десятилетия XIX в. и вплоть до 1920 г., когда он также превратился в преимущественно дачный курорт, вписаны многие имена, сыгравшие важную роль в истории ЮБК. Осуществленные нами в сотрудничестве с ялтинскими краеведами изыскания с привлечением источников различной типовой и видовой принадлежности, а также современных методик цифровой картографии, заставляют взглянуть на местность Магарач по-новому, осознать ее как полноценное «место памяти». Как выяснилось благодаря применению методик компьютерной картографии, культурный ландшафт Магарача до сих пор сохраняет многие артефакты прошлого, отражающие социокультурную специфику двух различных этапов освоения ЮБК как курорта: активной колонизации представителями приближенной к генерал-губернатору Новороссии М.С. Воронцову просвещенной аристократии в 30-х гг. XIX в. и более демократичного «дачного бума» начала XX в.

Реконструировать историю всех упомянутых «мест памяти», заново интерпретировать их место на карте ЮБК или вновь поместить их на эту карту помогли, прежде всего, приемы комплексного источниковедения, существенно повышающие информационную отдачу источников разных типов (письменных, визуальных, вещественных) и видов, а также вооруженность современными методиками исторического исследования – цифровой картографией, работой с ГИС-системами, базами оцифрованных визуальных данных. Осуществленные изыскания несомненно послужат установлению более справедливого представления о ценности памятников истории и культуры, зачастую «невидимых» среди

современной застройки, распространению исторического знания, просвещению жителей ЮБК и его гостей.

1.1. Атрибуция владельцев замка «Ласточкино гнездо», символа Южного берега Крыма⁷⁸

Популярность дачи-замка «Ласточкино гнездо», ставшей символом курортного освоения Южного берега Крыма на рубеже XIX–XX веков, да и символом всего Крыма в целом – лучшее доказательство важности тезиса о неразрывности природного и человеческого, материального и духовного компонентов в культурном ландшафте: из сотен частных южнобережных дач и вилл, возведенных на рубеже XIX–XX вв., именно построенная на Аврориной скале мыса Ай-Тодор дача «Ласточкино гнездо» привлекла внимание публики. Причин тому было множество – но главной, несомненно, было само место, где был сооружено здание, мыс Ай-Тодор в Мисхоре близ Ялты, точнее, центральный отрог этого мыса под названием Монастырь-Бурун, который оканчивается Аврориной скалой высотой 38 метров.

Вторая причина популярности «Ласточкиного гнезда» – его запоминающийся архитектурный облик: здание выстроено на краю обрыва в неоготическом стиле, напоминая средневековый замок на скале над морем. А третья причина – связанные с «Ласточкиным гнездом» многочисленные мифы и легенды: на протяжении многих лет и научные работы, и справочная, популярная литература давали разные, часто противоречивые сведения о владельцах и строителях замка «Ласточкино гнездо».

Актуальность решения проблемы установления истории этого памятника была очевидна многие годы. Назывались различные имена собственников –

⁷⁸ При подготовке данного параграфа диссертации использованы публикации автора в соавторстве: *Карагодин А.В., Петрова М.М.* Владельцы и строители замка «Ласточкино гнездо» – символа Южного берега Крыма – без мифов и легенд // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 6. С. 54–68. (1,2/1,62 п.л.); *Карагодин А. В., Петрова М. М.* Комплексное источниковедение – ключ к разрешению споров об истории создания замка "Ласточкино гнездо" на Южном берегу Крыма // Научный вестник Крыма. 2020. № 5. С.1–20. (1,8/2,31 п.л.)

нефтепромышленника Штейнгеля, московских купцов Рахмановых, неких таинственных генералов, строивших на скале «Замок любви» – и архитектора (чаще всего называлась фамилия Шервуд). Не так давно свои предположения по поводу создания «Ласточкиного гнезда» сообщила известный специалист по русской городской и усадебной архитектуре конца XIX – начала XX в. М.В. Нащокина⁷⁹. Посетовав на то, что «в сведениях об этом сооружении кочует много ошибок, переписываемых из книги в книгу, из путеводителя в путеводитель», она поочередно опровергает предположения, что строителем «Ласточкиного гнезда» могли быть А.В. Шервуд (1869–1919) (он не имел ни архитектурного, ни инженерного образования, и после выхода с военной службы возглавлял небольшую фирму в Москве, занимавшуюся изготовлением декоративных решеток), – скульптор Л.В. Шервуд (1871–1930) и В.С. Шервуд – живописец, сын старшего сына В.О. Шервуда Сергея (1858-1899). По мнению М.В. Нащокиной, «возвести здание на вершине скалы <...> только настоящий профессионал-архитектор, причем возвести настолько хорошо, что оно сохранилось даже во время губительного землетрясения 12 сентября 1927 года <...>, гораздо естественней предположить, что автором особняка <...> был Владимир Шервуд-младший (1867–1930), член Московского отделения Императорского Русского технического общества, строитель с огромным опытом инженерного укрепления и надстроек старых зданий, немало строивший именно в готических формах. Заметим, что ему были знакомы и испано-португальские мотивы, которые просматриваются в облике “Ласточкиного гнезда”»⁸⁰.

Иную версию высказывал крымский краевед Д. Тарасенко. На основании переписки с потомками Шервудов в Санкт-Петербурге он предположил, что строителем был все-таки А.В. Шервуд⁸¹. Как продемонстрировало наше исследование, оба предположения оказались неверными.

⁷⁹ *Нащокина М.В.* Стилистические предпочтения в творчестве архитектора Владимира Владимировича Шервуда // *Династия Шервудов в истории и культуре России*. Под ред. Ю.Р. Савельева. М., 2017. С.222.

⁸⁰ Там же. С.223.

⁸¹ *Тарасенко Д.* Кто построил замок на скале? // "Крымские известия". 2012. 4.11.2012.

Очевидно, что реконструкция подлинной истории покупки участка на Аврориной скале и строительства на нем дачи-замка «Ласточкино гнездо» требовала системного исследования, основанного на тщательной работе с как уже известными источниками разного типа (повествовательными и изобразительными), рода (документальными и художественными), вида (делопроизводственными, личного происхождения, периодической печати и т.п.), так и поиске и введении в оборот новых документов. Особого внимания к себе требовали визуальные источники, роль которых в исторических исследованиях, как и в работе человека с информацией целом, в наше время возрастает.

Восстановить полную историю владения землей на мысе Ай-Тодор и постройки, перестройки, купли и продажи знаменитого здания помогла тщательная работа с документами из хранящихся в ГАРК фондов Ялтинской уездной земской управы, Таврической губернской чертежной, Таврического дворянского депутатского собрания, справочной литературой и путеводителями разных лет, мемуарами, местной периодикой, открытками и фотографиями из музейных хранилищ, ставшими доступными благодаря программам оцифровки. Воспроизведем последовательность исследовательских действий, осуществлявшихся в Москве, Санкт-Петербурге, Симферополе и Ялте, в сотрудничестве с крымским краеведом М.М. Петровой.

Согласно данным путеводителей, до 1880 г. на центральном отроге мыса Ай-Тодор современных строений не было, только остатки средневековых построек. Однако путеводитель по Крыму Н.А. Головкинского, изданный в 1894 г., уже рассказывает о том, что «на последнем утесе, у края обрыва, стоит оригинальный дом г. Тобина, в виде замка с башнею. Между маяком и средним утесом разбросаны дачные домики того же землевладельца»⁸². В дальнейшем авторы всех путеводителей уже заимствовали друг у друга сведения о том, что замок «Ласточкино гнездо» на Аврориной скале построил доктор Тобин, и случилось это в конце 1880-х годов.

⁸² Головкинский Н.А. Путеводитель по Крыму. Симферополь, 1894. С. 342.

Чтобы разобраться, так ли это, мы обратились к истории покупки земель на мысе Ай-Тодор. Наиболее ценными для определения владельцев имений оказались крепостные книги Ялтинского уезда, где по годам отмечены владельцы земель, их количество, дата приобретения, продажи. Первой их владелицей на мысе Ай-Тодор в Гаспре в 1827 г. оказалась София-Юлия (Анна) Алексеевна де Беркгейм (1782–1865), дочь баронессы Варвары-Юлии Крюденер, урожденной Фитингоф-Шель (1764–1824).

Когда после наполеоновских войн русское общество охватило стремление к самосовершенствованию на началах мистицизма и пиетизма, одной из наиболее видных последовательниц этого учения в России стала баронесса Крюденер. Она познакомилась с княгиней Анной Сергеевной Голицыной (урожденной Всеволожской, 1779–1838), приехала в Санкт-Петербург, а когда митрополит Фотий добился указа закрытия тайных обществ и закрытия масонских лож, баронесса Крюденер вместе с княгиней Голицыной решили переселиться в пустынную тогда Тавриду. Дамы приобрели барку и весной 1824 г., захватив колонистов из Лифляндии Швейцарии, Южной Германии, по Волге и Дону, отправились в Таганрог, а оттуда на паруснике в Феодосию.

Баронесса Крюденер скончалась от чахотки в ночь на 25 декабря 1824 г. в Карасубазаре, так и не доехав до Южного берега Крыма⁸³. Дочь баронессы Крюденер баронесса Беркгейм, похоронив мать, вместе с княгиней Голицыной в 1825 г. переехали в Кореиз. Вместе они строили дом самой княгини Голицыной, дом для баронессы Беркгейм, для сестры Софьи Сергеевны Мещерской, урожденной Всеволожской (1775–1848), флигели, винзавод, сажали виноград, маслины, разбивали парк⁸⁴. В 1827 г. баронесса София-Юлия Беркгейм приобрела несколько участков земли на дачах Гаспра, Алупка, Мисхор, Гурзуф. Земли в Гаспре находились на мысе Ай-Тодор, где насчитывалось шесть участков⁸⁵.

⁸³ Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1912. №48. С. 175.

⁸⁴ *Фадеева Т.М.* Южный берег русской аристократии: из истории крымского Южнобережья 1820–1830 гг. в неопубликованных письмах княгини А.С. Голицыной Александру I, М. С. Воронцову и другим лицам. М., 2016.

⁸⁵ ГАРК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3593. Л. 38.

В более пологой части центрального отрога мыса Ай-Тодор баронесса посадила виноград, небольшие плантации которого видны на фотографиях позднейших лет. Жилых строений на мысе Ай-Тодор у нее не было.

Когда 9 февраля 1838 г. княгини Голицыной не стало, все ее имущество по составленному ранее завещанию перешло баронессе Беркгейм. В завещании было также указано, что в случае кончины баронессы все должно перейти племяннице Голицыной, княгине Марии Ивановне Гончаровой, родной дочери ее сестры Софьи Сергеевны Мещерской (урожденной Всеволожской)⁸⁶. Баронесса Беркгейм при получении наследства не составила реестр имущества, растратила все деньги, не платила налоги. Брат Марии Ивановны, генерал-майор Сергей Иванович Мещерский на правах опекуна несколько десятилетий боролся за сохранение имений княгини Голицыной. Последний суд в 1865 г. постановил ввести во владение именьями семейство Гончаровых⁸⁷. Поскольку именья были разорены, коллежскому секретарю Александру Ивановичу Гончарову пришлось продавать часть бывших имений княгини Голицыной, чтобы оплатить задолженности по налогам, в том числе и земли на мысе Ай-Тодор. Их владельцами стали великий князь Михаил Николаевич, инженер-технолог Василий Андреевич Малышев, доктор медицины Адальберт Карлович Тобин и его жена Елизавета Александровна⁸⁸.

Из документов в ГАРК о докторе Тобине удалось выяснить только то, что у него в 1875 году были участок и дом в Ялте на улице Аутская⁸⁹. Узнать, что он служил в Ливадийской больнице, помогли изыскания сотрудников Ливадийского музея. С помощью материалов из фондов РГИА в Санкт-Петербурге, посвященных его брату – профессору Дерптского университета Эвальду Сигизмунду Карлу Тобину (1811–1860), который дослужился в 1851 г. до декана юридического факультета С.Петербургского университета, был доктором русского

⁸⁶ ГАРК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 3774. Л. 16 – 16 об.

⁸⁷ ГАРК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 155. Л. 15.

⁸⁸ ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6802. Л. 81; ГАРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 26. Л. 86; ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 45. Л. 13.

⁸⁹ ГАРК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 250. Л. 48.

права, удалось найти место и год рождения и Адальберта Карловича Тобина – 1831 г., город Якобштадт Курляндской губернии⁹⁰. Выяснилось, что Тобин участвовал в Крымской войне, за участие в Балаклавском сражении был представлен к ордену св. Анны 3-й степени⁹¹. Далее, благодаря просмотру год за годом Российского медицинского списка, издававшегося Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел, удалось установить, что с 1861 г А.К. Тобин работал старшим врачом в Воронеже, выяснить детали⁹². В метрических записях балтийско-немецкого дворянства С.Петербургской лютеранской духовной консистории XVIII-XIX вв. была найдена информация, что в 1869 г. надворный советник Тобин А.К. женился на баронессе Елизавете Александровне Штейнгель в Царском селе. Жениху было 38 лет, невесте 32 года⁹³.

Видимо, вскоре молодожены переехали в Ялту: там А.К. Тобин получил врачебную практику, с 1876 по 1882г. служил врачом в больнице царского имения Ливадия⁹⁴, баллотировался в гласные Ялтинской городской думы на два четырехлетних срока – в 1883 и 1887 годах⁹⁵. О планах А.К. Тобина открыть рядом с Ялтой полноценный курорт-колонию для климатолечения мы впервые прочитали в путеводителе по Крыму за 1885 год В.Х. Кондараки, который, ссылаясь на выходявший в Санкт-Петербурге «Сезонный листок Русских Минеральных вод» доктора Вебера, с удивлением рассказал, что на безлюдном мысе Ай-Тодор, «где ветер валит с ног, где море постоянно ревет, ударяясь о скалы», затеяна организацию курорта⁹⁶. Сам «Сезонный листок» нашелся в отделе дореволюционных газет Российской государственной библиотеки в подмосковных Химках. На

⁹⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1343. Оп. 30. Д. 1718. Л. 20–22, 27, 30.

⁹¹ *Карташов В.С., Карташов А.В.* Награда врачам участникам Крымской войны и обороны Севастополя в 1854-1856 года // Актуальные проблемы современной науки. 2016. №1. С. 18.

⁹² *Маликова А.А.* Из истории создания и деятельности Воронежских медицинских обществ конца XIX – начала XX вв. // Сова. 2016. №2. С. 729-30.

⁹³ Метрические записи балтийско-немецкого дворянства С.Петербургской лютеранской духовной консистории XVIII-XIX вв. Митава, 1908 (на нем. яз.) С. 126.

⁹⁴ ГАРК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 562. Л. 40.

⁹⁵ ГАРК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 420. Л. 86; ГАРК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 516. Л. 3 об.

⁹⁶ *Кондараки В.Х.* Новый, обстоятельный путеводитель по Крыму с 65 политипажами В.Х. Кондараки, автора универсального описания Крыма. М., 1885. С. 97.

его страницах, действительно, сказано: «в Ялте с населением 3225 человек постоянно работает 11 врачей, среди них ... доктор Тобин А.К., который отстраивает участок земли возле маяка Ай-Тодор, для организации колонии для больных»⁹⁷.

Помимо организации будущего курорта, доктор Тобин с супругой решили построить на центральном отроге мыса Ай-Тодор по дому для себя. С западной стороны мыса Тобин, как гласят архивные документы, купил у Гончарова 20 мая 1888 г. 2 дес. , на которых построил в 1889 г., дом с белой балюстрадой на крыше под названием «Белая ласточка»⁹⁸, что подтверждается данными из «Карманного путеводителя по Ялте и окрестностям» 1889 г. А чуть раньше, в 1885-1886 г. Елизавета Александровна Тобина построила каменный дом над 38-метровым обрывом на восточной стороне, который назвала замком «Ласточкино гнездо». Именно такую датировку позволяет дать сравнение сведений, имеющих в путеводителях Г. Москвича, Н.А. Головкинского и других⁹⁹.

Но жить в своих «Ласточках» долго и счастливо супругам Тобиным не пришлось. Доктора медицины А.К. Тобина не стало в конце 1891 г. – это тоже следует из документов на недвижимость¹⁰⁰. Очевидно, вскоре его вдова поняла, что одной создание курорта ей не осилить, и стала распродавать семейные земли на мысе Ай-Тодор. Большую часть их купил в 1892 г. купец П.Г. Шелапутин, в том числе и 2 десятины А.К. Тобина с домом «Белая ласточка», и создал курорт «Жемчужина». 18 октября 1902 г. Тобина продала и участок площадью 526 кв. саж. с каменным домом под названием «Ласточкино гнездо». Покупателем, судя по данным поземельной книги Ялтинской уездной земской управы за 1907 год, стала баронесса Штейнгель Софья Александровна¹⁰¹. В путеводителе по Крыму Г. Москвича за 1903 г. указано, что замок принадлежит «наследникам Тобиной». «Ласточкино гнездо», принадлежавшее уже баронессе Штейнгель – каменное,

⁹⁷ Сезонный листок Русских Минеральных вод. 1884. № 1–2.

⁹⁸ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 45. Л. 13.

⁹⁹ Головкинский Н.А. Путеводитель по Крыму Симферополь, 1894. С. 368–369.

¹⁰⁰ ГАРК. Ф. 522. Оп.1. Д. 694. Л. 231.

¹⁰¹ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 228. Л. 74 об. – 75.

оштукатуренное и выкрашенное в красный цвет снял в 1904 г. работавший тогда с апреля по сентябрь в Крыму пионер отечественной цветной фотографии С.М.Прокудин-Горский (1863–1944) (илл. 2). Эти слайды ныне хранятся в Библиотеки Конгресса США и доступны для просмотра в онлайн каталоге библиотеки¹⁰².

Фамилию Штейнгель, говоря об истории «Ласточкиного гнезда», упоминали довольно часто. Как правило, звучит имя бакинского нефтепромышленника барона П.Л. Штейнгеля (1880–1965), который будто бы купил «Ласточкино гнездо» и перестроил его в 1910-х гг., придав зданию модный в то время «неоготический» средиземноморский вид с зубцами и башенками. За перестройку отвечал, как сообщали большинство авторов, кто-то из династии архитекторов Шервудов – один из родственников В.О. Шервуда, автора проекта Исторического музея на Красной площади в Москве. На памятной доске, установленной на здании в советское время после реконструкции в 1970 г., было начертано имя А.В. Шервуда (1869–1919), в литературе также упоминались имена Владимира Шервуда-младшего и В.С. Шервуда – живописца, внука В.О. Шервуда. В начале Первой мировой войны барон Штейнгель якобы распродал свою собственность и уехал в Германию, продав «Ласточкино гнездо» московскому купцу Шеллапутину, у которого оно и было национализировано в 1921 г. советской властью.

На деле, как нам удалось выяснить, купившая «Ласточкино гнездо» Софья Александровна Штейнгель была никем иной, как родной младшей сестрой вдовы доктора Тобина Елизаветы Александровны, в девичестве – Штейнгель. Установить это удалось с помощью комплексной работы с информацией. Статью «Бароны фон Штейнгель в истории России» опубликовал в Санкт-Петербурге в восьмом научном сборнике «Немцы в Санкт-Петербурге» П.А.Головин¹⁰³. Иоанн

¹⁰² Prokudin-Gorskii Collection. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.loc.gov/pictures/collection/prok/search/?q=LC-DIG-prok-00188&co=prok> (Дата обращения: 12.09.2022).

¹⁰³ Головин П.А. Бароны фон Штейнгели в истории России». Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект XVIII-XIX в. Кунсткамера. №8. С. 273-314. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-248-7/978-5-88431-248-7_28.pdf (Дата обращения: 12.09.2022).

фон Штейнгель был министром курфюрства Саксонского; его сыновья Иоанн Вильгельм, полковник русской службы, русский посланник при германском императоре Иосифе II, и Фридрих Яков были пожалованы в баронское достоинство в 1777 г. В 1818 г. бароны фон Штейнгели были внесены в 3-ю часть Дворянской родословной книги Эстлянского дворянства. Иоанн фон Штейнгель был женат на Гертруде-Катарине Крамер, их сын Генрих Людвиг Магнус (1771–1847) – на Шарлотте Якобине Штейнгель. У них родилось двое сыновей – Вильгельм Фридерик и Карл Магнус, или по-русски Василий Максимович и Александр Максимович. У Василия Максимовича и его жены баронессы Шиллинг Паулины Амалии Софии родилось 11 детей. С 1877 г. их род обосновался в Киеве. Леонгард Васильевич Штейнгель (1845–1918) заведовал материальной частью при строительстве железной дороги Новороссийск-Владикавказ, занимался производством подсолнечного масла. Именно его сына Павла Леонгардовича (1880-1965), инженера по специальности, нефтепромышленника, во многих публикациях не обоснованно называли владельцем замка «Ласточкино гнездо».

Упоминаний младшего брата Василия Максимовича Штейнгеля Александра Максимовича и его потомков в литературе было почти не найти – хотя именно они, как в конце концов выяснилось, и важны для реконструкции истории замка «Ласточкино гнездо». На след этой ветви рода Штейнгелей нас вывели справочники «Весь Петербург», а также статья Александра Романова об открытии первого памятника А.С. Пушкину на месте его гибели. Воспоминания о месте дуэли оставил барон Эммануил Штейнгель в Петербургской газете №28 от 29 января 1887 г. под названием «Рассказ сторожила»¹⁰⁴. Благодаря этой статье удалось найти документы владений семьи барона Штейнгеля в Санкт-Петербурге в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга и Российском государственном историческом архиве¹⁰⁵. В адресных книгах С.-

¹⁰⁴ Романов А. История пушкинских мемориалов у Черной речки и в Святогорье. [Электронный ресурс]. URL: <https://his.1sept.ru/2001/05/4.htm> (дата обращения: 12.09.2022).

¹⁰⁵ РГИА. Ф.412. Оп. 7. Д. 404; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф.355. Оп.1. Д. 3577.

Петербурга указано, что в 1898–1899 гг. С.А. Штенгель проживала на улице Введенской №8 вместе с бароном Эммануилом Александровичем Штейнгелем, своим братом¹⁰⁶. Их отец, Александр Максимович родился в 1804 г. на мызе Ваймастфер, прожил 76 лет, был военным. Его владения находились в Лифляндской губернии, Дерптском уезде Новгородской губернии. Был женат на графине Елизавете Мендоза, имел трех дочерей Елизавету, Вильгемину, Софию и сына Эммануила.

Именно дочери Александра Максимовича Штейнгеля – Елизавета и София – и владели поочередно замком «Ласточкино гнездо». Елизавета Александровна Штейнгель 1837 года рождения в 1869 г. вышла замуж за доктора медицины Тобина Адальберта Карловича (1831–1891) и была первой владелицей замка, а когда мужа не стало, продала его своей младшей сестре, Софье Александровне.

После приобретения С.А. Штейнгель, но не ранее 1911 г., по свидетельству многочисленных путеводителей и открыток, замок «Ласточкино гнездо» был перестроен и приобрел те самые «сказочные» черты, которые сделали его символом ЮБК (илл. 2). Значит ли это, что баронесса С.А. Штейнгель перестроила замок "Ласточкино гнездо"? К сожалению, документов Ялтинской уездной земской управы о владельцах земель в Гаспре после 1907 не сохранилось, а первые данные о том, что Софья Александровна уже не владеет землей на мысе Ай-Тодор с замком «Ласточкино гнездо», датируются 1915 г. Путеводитель Г. Москвича по Крыму за 1912 г. указывает владельцем замка «бар. Штейнгель».

Однако другой документ – земельной переписи 1913 г., хранящийся в Ф. 529 ГАРК (документы Статистического бюро Таврического губернского земства), – гласил: «Рахманова Агния Павловна, проживающая в Москве, Воронцово поле, купила в Гаспре имение Ласточкино гнездо в 1911 г. у баронессы

¹⁰⁶ Весь Петербург. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1894-1917. На 1898. С. 592; Весь Петербург. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1894-1917. На 1899. С. 1008; Весь Петербург. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1894-1917. На 1907. С. 769.

Штейнгель Софьи Александровны 536 кв. саж. за 30000 руб. плюс 3000 руб. купчая»¹⁰⁷.

Вышедшая в 2013 году монография главного научного сотрудника московского Государственного исторического музея Е.М. Юхименко о купцах-старообрядцах, благотворителях и коллекционерах Рахмановых, в которой впервые увидели свет фотографии из семейных архивов Рахмановых, подтвердила: именно московские купцы Рахмановы купили в 1911 г. и вскоре перестроили «Ласточкино гнездо»¹⁰⁸.

История династии Рахмановых тщательно восстановлена Е.М. Юхименко. Ее родоначальником был Леонтий Леонтьев Рахманов (1725 г.р.), крестьянин сельца Слободищи Гуслицкой волости Бронницкого уезда Московской губернии. Отпущенный на волю, он с семейством в 1797 г. переселился в Москву. Его правнук Карп Иванович Рахманов в 1850 г. женился на Ксении Егоровне Воробьевой (1834–1874), дочери московского 1-й гильдии купца. В семье было семеро детей: Александра, Сергей, Эмилия, Иван, Лидия, Георгий, Агния. Старший сын Сергей (1859–1914) во второй половине 70-х годов XIX в. женился на Агнии Павловне Свешниковой. У них родился сын Карп Сергеевич, названный в честь деда, а в 1889 дочь Мария Сергеевна.

Достоверных сведений о Сергее Карповиче мало, что подтверждает Е.М. Юхименко: «О его предпринимательских делах, к сожалению, ничего не известно, за исключением того факта, что на имя его супруги была приобретена дача под Ялтой – знаменитое «Ласточкино гнездо»¹⁰⁹. Возможно, Сергею Карповичу как старшему сыну достался основной капитал отца, скончавшегося в 1895 г. К началу XX в. Рахмановы были одной из самых богатых купеческих семей в Москве. Основной доход составляла хлебная торговля. Когда московский дом, в котором Рахмановы жили почти 80 лет, пришел в негодность, Сергей Карпович

¹⁰⁷ ГАРК. Ф. 529. Оп. 1. Д. 40. Л. 89.

¹⁰⁸ Юхименко Е.М. Рахмановы: купцы-старообрядцы, благотворители и коллекционеры. М., 2013.

¹⁰⁹ Там же. С.70.

в 1898 г. его перестроил. Вероятно, Рахмановы решили реконструировать и приобретенную на имя Агнии Павловны (в пореформенной России в силу особенностей законодательства о неотчуждаемости недвижимости супругов ее покупки зачастую записывались на женщин) дачу-замок Тобиной-Штейнгель «Ласточкино гнездо» на Южном берегу Крыма.

Симферопольский «Крымский курортный листок» сообщил об этом в номере №38 от 26 июля 1913 г.: «Перешедшее во владение московских миллионеров Рахмановых «Ласточкино гнездо» украсилось новым красивым в средневековом стиле замком, построенным алушкинским архитектором Н.С. Шервудом. Замок вчерне уже отстроен, внутреннюю же отделку его предлагается закончить месяца через полтора. По словам осведомленных лиц, замок почти круглый год будет открыт для публики». Схожая по содержанию заметка «На Ласточкином гнезде» была опубликована 4 августа 1913 г. в №174 ялтинской газеты «Русская Ривьера»: «Работы по сооружению на приобретенном московскими миллионерами Рахмановыми скале «Ласточкино гнездо» нового замка подвигаются к концу».

Подтверждает эту информацию и фото из семейных архивов потомков Рахмановых, впервые опубликованное Е.М. Юхименко. Оно сделано братом Сергея Карповича – Георгием Карповичем Рахмановым 19 апреля 1913 г. во время путешествия по Крыму. На снимке видно, что здание замка «Ласточкино гнездо» находится в строительных лесах, и рукой Георгия Карповича сделана подпись: «Ласточкино гнездо Рахманова». А на еще одной карточке из семейных архивов Георгий Карпович с семьей сфотографировался уже на фоне построенного замка¹¹⁰.

Мария Сергеевна Рахманова, пока строился замок «Ласточкино гнездо», уже не жила с матерью Агнией Павловной, а снимала в Москве другое жилье по ул. Брестской, №25 – эту информацию помог найти сборник "Вся Москва"¹¹¹. В

¹¹⁰ Юхименко Е.М. Указ. соч. С.71.

¹¹¹ Вся Москва: адресная и справочная книга г. Москвы. М., 1913. С. 475.

1914 г. не стало ее отца Сергея Карповича, по всей вероятности, он умер от туберкулеза: как указывает Е.М. Юхименко, в том же 1914 г. Агнией Павловной Рахмановой было сделано пожертвование редких икон в память ее скончавшегося мужа Сергея Карповича¹¹². С 1915 г. в книгах «Вся Москва» Агния Павловна и Мария Сергеевна Рахмановы не числятся. Вполне возможно, они жили в своем замке «Ласточкино гнездо» до 1920 г., когда в ноябре в Крыму была окончательно установлена советская власть.

Все имения частных лиц Южного берега Крыма в районе от Судака до Севастополя включительно объявлялись достоянием РСФСР. Была проведена национализация владений и составлены акты описания их состояния. Один из этих актов, от 29 марта, о национализации «Ласточкиного гнезда», обнаруженный в ГАРК, и дал возможность документально подтвердить имя последней владелицы «Ласточкиного гнезда». Это была, по данным составителей акта, «Мария Сергеевна Кюлева урожденная Рахманова, замужем за Владимиром Артемьевичем Кюлевым»¹¹³.

Акт, в частности, гласит: ««Ласточкино гнездо» находится на Южном берегу Крыма в 8 верстах от Красноармейска (Ялты) и в 8 верстах от Алупки и 2,5 верстах от Гаспры. Имение занимает около 1/3 дес., расположено на горе, отвесно спускающейся к морю, обрыв скалы со стороны моря около 30-40 саж., с наклоном в 90-100 градусов. Весь участок горы занимаемый имением представляет сплошной камень-скалу, омываемую с восточной и южной стороны морем. С севера же и запада имение обнесено каменной стеною высотой около 2-2,5 аршин и толщиной 1 аршин. В северо-западном углу имения устроены железные въездные ворота, у ворот стоит двухэтажная каменная сторожка, а на восточно-южном конце выступающей в море совершенно отвесной скалы, высоты до 40 саж. Постройка, как бы прилепившись к скале, – каменное здание с плоской крышей, одноэтажное, с круглой башней, возвышающейся над самим обрывом, в во-

¹¹² Юхименко Е.М. Указ. соч. С. 231.

¹¹³ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 2. Д. 77. Л. 1.

сточно-южном углу этого дома-замка, напоминающая своей архитектурой небольшие замки средних веков в готическом стиле. Кругом дома построена балюстрада с деревянными точеными колонками, часть которых выступает над морем, будучи укреплена на железных сооружениях. На крыше вокруг башни такая же балюстрада. Вся крыша цементирована и имеет бордюры... Постройка занимает пространство около 50 саж.. В доме всего 4-ре комнаты и в башне передняя. Напротив прилепилась к скале каменная кухня без окон, со стеклянной крышей... Несколько старых можжевельников, дико растущих на западной границе имения, составляет всю растительность этой скалы. Соответственно, берега и пляжа имение не имеет. Водопровод проведен от источника Михайловский, находящийся над Алушкой верстах 9 от имения. Главная магистраль водопровода принадлежит имению Харакс, проходит по нижне-южнобережному шоссе. По имению проложена труба оцинкованного железа в 12 дюйма в диаметре. Водопровод ведет лишь в кухню. Канализация устроена лишь в кухне. Откуда спускаются к морю по скале гончарные трубы 4-х дюймов в диаметре. Отопление в доме - каминное, в кухне железную плиту. Освещение керосиновыми лампами...»¹¹⁴. Комиссия также отметила, что имение оставлено без присмотра. Хотя двери и окна закрыты ставнями, с южной стороны разбито стекло и можно пробраться в дом, где не раз были грабители и срезали парусиновые желтые обои и такую же ткань на диванах. Ящики мебели вскрыты, документы, фотографии разбросаны. Отчетных книг по имению нет, только домовая книга. Дом был приведен в порядок, мусор выброшен в море». Имение было принято в заведование заведующим совхозом «Харакс» Григорием Николаевичем Галагиным¹¹⁵.

Исходя из того, что, согласно акту, замок был разграблен не так сильно, есть основание предполагать, что Кюлевы эмигрировали из Ялты вместе с остатками врангелевской армии в ноябре 1920 г., перед третьим, окончательным установлением советской власти. В 1918 году они точно еще жили в «Ласточкином

¹¹⁴ Там же. Л. 1.

¹¹⁵ Там же. Л. 1, 1 об., 2, 2 об., 4, 5.

гнезде», что подтверждает в своих мемуарах танцовщица В.А. Судейкина, сделавшая в июне запись о визите в замок на скале: «Наверху обещанный красивый вид нас лично не пленил <...>, к тому же обитатель замка Ключев (ошибка, верно – Кюлев. – *А.К.*), юный ученый, вышедший к нам навстречу в ночных туфлях, отнесся к нашему визиту очень раздраженно. Еще бы: бедного беспрестанно отвлекают в продолжение всего дня от работы, спрашивая разрешение осмотреть замок»¹¹⁶.

Об Владимире Артемьевиче (или Артемовиче) Кюлеве почти не удалось найти информации. По словам Е.М. Юхименко, основанным на семейных преданиях Рахмановых, «дочь Сергея Карповича Мария вышла замуж за грузинского или армянского князя, уехала во Францию, училась в Сорбонне»¹¹⁷. Потомственный дворянин Артемий Яковлевич Кюлев упоминается в одной из актовых записей в Воскресенской церкви Геленджика¹¹⁸. Возможно, Владимир Артемьевич – его сын, и старший брат художника Ивана Артемьевича Кюлева, который родился в 1893 г. в Ростове-на-Дону, окончил Московское училище зодчества и ваяния и Академию художеств в Петербурге, до 1917 служил на кавказском фронте, затем до 1919 г. работал художником-декоратором в Скопье (ныне Македония), где восстанавливал иконы в монастырях¹¹⁹. В нескольких источниках упоминается, что в 1926 г. художник переехал в Париж, где жил брат с семьей – видимо, это и были Владимир Артемьевич и Мария Сергеевна Рахманова, которые бежали из Крыма в 1920 г.

Итак, мы установили, кто владел замком «Ласточкино гнездо» – от постройки до национализации. Но что за неизвестный литературе «алупкинский архитектор Шервуд Н.С.» придал замку знакомый каждому гостю Южного берега «сказочный» вид? Согласно документам ГАРК, на ЮБК жил только один

¹¹⁶ Судейкина В.А. Дневник. 1917-1919. Петроград, Крым, Тифлис. М., 2006. С. 148.

¹¹⁷ Юхименко Е.М. Указ. соч. С. 69.

¹¹⁸ Кочериди Ю. Д. Греки в истории Кубани. Краснодар, 2011. С. 136.

¹¹⁹ Лейкинд О.Л. Художники Русского зарубежья 1917-1939. Биографический словарь. СПб., 1999. С. 364.

Николай Сергеевич Шервуд, купивший 10 октября 1911 г. 175 кв. саж. пастбищных земель у татарского общества Алупки¹²⁰. На этой земле он вместе с братом Алексеем создал гараж по прокату автомобилей, а сама прокатная контора по прокату автомобилей находилась на ул. Милютинской в доме жены священника Екатерины Петровны Разумовой. Мы предположили, что Н.С. Шервуд обосновался в Алупке по причине плохого состояния здоровья: еще в 1904 году он жил с матерью Ольгой Дмитриевной урожденной Травниковой в Москве в Сивцевом Вражке в доме Святославских и был обозначен как электротехник¹²¹.

Николай Сергеевич Шервуд происходил из семьи архитекторов Шервудов. Его прадед прибыл из Англии в Россию строить каналы, дед Владимир Осипович (1832–1897) стал автором проекта Исторического музея в Москве, отец Сергей Владимирович (1858–1899) помогал отцу в создании проектов особняков и храмов. У него родились дочь Наталия, старший сын Николай (1877–1917) и младшие Всеволод (1882–1915) и Алексей (1888). Будучи сыном архитектора, Николай Сергеевич знал основы строительного дела, и именно его, по нашему мнению, Сергей Карпович Рахманов пригласил перестроить дом Тобиной.

Н.С. Шервуд скончался 9 марта 1917 г. Еще одним доказательством, что именно Н.С. Шервуд построил замок «Ласточкино гнездо», является некролог, опубликованный в газете «Ялтинская новая жизнь» от 15 марта 1917 г., с. 2 – «Памяти хорошего человека»: «Схоронили Н.С. Шервуда, местного общественного деятеля, милого, скромного человека, и чуткого, нежного художника. Талантливый дилетант, нервный, порывистый, – он как архитектор порою весь загорался цветистым пламенем эффектных проектов и причудливых эскизов, часто нескладных практически невыполнимых, но всегда романтически-нежных и экзотически-пышных... Его постройка известной дачи «Ласточкино гнездо» на Ай-Тодоре – типичный для покойного эпизод: интересный замысел, пестрый, путливый стиль, практические недочеты и после первоначальной энергии – апатия и равнодушие к концу... Театр был его страстью... Говорят, что умирая, в

¹²⁰ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 214. Л. 226 об.

¹²¹ Вся Москва: адресная и справочная книга г. Москвы-М., 1913. С. 1055.

знойном бреду, он твердил, что будет играть, но еще не знает роли, что надобно еще подготовиться... Но проза жизни, коммерческая сторона, антрепризы – губили театральную романтику и благие порывы покойного: дело «прогорало», касса была пуста, но зато художественная сторона дела была почти безупречна... И еще – автомобильное дело, техническая контора, фантастически-грандиозные и практически забавные проекты «Фуникулера» на вершину Ай-Петри, и еще (до последних дней жизни) вечные заседания, секции, репетиции, тревоги и грезы момента... А здоровье таяло, как воск, пока не иссякло до капли... »

Обратим внимание на эпитеты, характеризующие, по мнению автора некролога, деятельность архитектора-любителя Н.С. Шервуда: «экзотический», «романтический», «театральный». Именно таким, нарочито-декоративным, был и осуществленный им проект перестройки замка «Ласточкино гнездо». Это вполне укладывалось в господствовавшие на рубеже XIX – начала XX веков архитектурные тренды – увлечение неоготикой, стилизациями под старину, эклектичной декоративностью на грани избыточности. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитый проект короля Людвига II Баварского – замок Нойшванштайн, реализованный в 1870–80-х гг. на скале напротив старого фамильного замка Хоэшвангау в южной Баварии. Спроектированный придворным архитектором Эдвардом Риделем при непосредственном участии влюбленного в старину короля, имевшего репутацию чудака и оригинала, он, по сути, является не столько местом для жизни, сколько грандиозной театральной декорацией к операм Рихарда Вагнера, кумира Людвига. Символично, что замок Нойшванштайн, как и «Ласточкино гнездо», благодаря своему «сказочному облику» в двадцатом веке прочно закрепился в статусе туристического символа Баварии и был точно также растиражирован в массовой культуре – к примеру, замок Белоснежки из мультфильмов Уолта Диснея был скопирован с замка Нойшванштайн.

Как справедливо писал в 1970 г. в советские годы об архитектуре «Ласточкиного гнезда» Е. Крикун, «два куба и параллелепипед впритык лепятся друг к другу и все вместе зрительно как бы напирают на цилиндр башни, чтобы столкнуться в бездну, а не придержать, уравновесить... по принципу “бабка за дедку”,

только с противоположной нагрузкой – они не тянут, а подталкивают. От этого здание кажется более аварийным, чем на самом деле: как будто башне недостает только очень небольшой тяжести на тонком свесе балкона, чтобы рухнуть вниз, увлекая за собою весь “прицеп”... Перенесите “Ласточкино гнездо” с Аврориной скалы куда-нибудь в местность менее живописную, лишите его нависшей над бездной скалы, и сразу исчезнет его экзотичность... замок смотрится эффектно – но это заслуга не архитектора, а того, кто выбрал столь необычное место для постройки»¹²².

Такой облик, который романтически настроенный архитектор-любитель Н.С. Шервуд придал «Ласточкиному гнезду» в 1913 году, замок сохранял вплоть до Крымского землетрясения в ночь с 11 на 12 сентября 1927 г. 16 марта 1923 г. бывшее владение Рахмановой «Ласточкино гнездо», а также бывшее владение Гужон и бывшее владение Шелапутина «Жемчужина», были обследованы технической комиссией Ялтокркомхоза в составе председателя технической секции т. Попова и муниципальной секции т. Ковалева при участии председателя Крымвинделуправления т. Андреева для передачи их в ведение Ялтокркомхоза¹²³, а в 1926 г. бывшие имения «Ласточкино гнездо», Гужона и «Жемчужина» Шелапутина были переданы в ведение Ялтинского дачно-курортного треста¹²⁴. Здание «Ласточкиного гнезда», как показывают фотографии того времени, находилось в запустении – были разрушены четыре пинакля на верхней башне, исчезли перила на веранде.

«Путеводитель по Крыму» Московского физиотерапевтического общества и Российского общества по изучению Крыма под редакцией доктора И.М. Саркисова-Серазини, изданный в 1925 г., сообщает: «Остроконечные шпили этой готической постройки погнулись, комнаты опустели. Окна все сломаны,

¹²² Крикун Е.В. Архитектура Южнобережья. Симферополь, 1970. С. 44–45.

¹²³ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 77. Л. 26.

¹²⁴ ГАРК. Ф. Р-2732. Оп. 1. Д. 201. Л. 103-105.

стекла выбиты. Запущенный дворец медленно разрушается, от его карнизов отпадают целые пласты, и над пропастью в 40 саж. висят железные болты и рельсы»¹²⁵.

Были проведены торги, и 11 апреля 1927 г. выдан торговый лист под открытие столовой-ресторана в замке «Ласточкино гнездо». В здание провели электропроводку. 27 апреля 1927 г. было проведено обследование здания замка и его готовности к приему, и инженером-архитектором А.Н. Шаповаловым (бывший городской архитектор Ялты с 1913 г., построил дачу А.П. Чехова) и инженером Коммунтранса Н.Г. Тарасовым (бывший городской архитектор Ялты с 1900 до 1912 г, построил дачу «Кичкине» великого князя Дмитрия Константиновича в Гаспре) был составлен акт. Они потребовали сделать перила высотой 95 см. и стенки и перенести уборную из кухни в сторожку. Ресторан были обставлен мебелью и снабжен бельем из дворца «Кичкине». Были выпущены листовки с рекламой ресторана, возможности добраться с помощью катеров Совторгфлота, которые ходят четыре раза в день. Но просуществовал ресторан недолго – в ночь с 11 на 12 сентября 1927 г. произошло Крымское землетрясение, во время которого частично обвалилась верхняя башня, большой своей массой упала на балкон, проломала решетку и разрушила три деревянных стола и три дубовых складных стула, о чем сообщил заведующий рестораном «Ласточкино гнездо» и дома отдыха «Гужон» Тубакаев Теврик Аттаулович¹²⁶. Кроме того, во время землетрясения из-под балкона упал кусок скалы, в основной скале появились трещины, здание словно зависло над обрывом.

В следующем, 1928 г. «Ласточкино гнездо» частично восстановили, но рухнувшую башню реконструировать не стали. Замок стал ниже, и кроме как в качестве видовой площадки декорации для видовых туристических открыток, многочисленные экземпляры которых хранятся в музейных собраниях и частных

¹²⁵ Крым: Путеводитель. Под общ. ред. члена Президиума Моск. физио-терапевтич. о-ва и члена Правл. Рос. о-ва по изучению Крыма д-ра И. М. Саркизова-Серазини. М., Л., 1925. С. 287–288.

¹²⁶ ГАРК. Ф. Р-2756. Оп. 2. Д. 115. Л. 15.

коллекциях, не использовался. В 1966 в Ялте было вновь зарегистрировано несколько подземных толчков, и снова посыпались камни плиты основания «Ласточкиного гнезда». Тогда было решено осуществить его полную реставрацию с укреплением скалы, которая закончилась к 1971 г. Воспоминания об этом оставил Игорь Стручек, один из тех рабочих, который укреплял скалу. С 1981 по 2011 г. в замке действовал ресторан, с 2011 г. – выставочный зал. В настоящее время создан новый проект укрепления скалы и восстановления замка, идут реставрационные работы.

Результаты исследования по реконструкции достоверной истории замка «Ласточкино гнездо» были впервые опубликованы в журнале «Исторический журнал. Научные исследования» в конце 2019 года. Однако этим распространение вновь выявленного достоверного исторического знания не ограничилось. Весной 2020 года изложение основных тезисов, подкрепленное большим количеством репродукций фотографий и открыток, увидело свет на веб-сайте «"Ласточкино гнездо". История замка и его хозяев»¹²⁷. Это позволило как профессионалам, так и любителям более наглядно представить себе историю самого известного памятника Южного берега Крыма, его владельцев и строителей, круг источников, подтверждающих эту информацию. Статья о «Ласточкином гнезде» на блоге «Большая Ялтинская энциклопедия» на сервисе Яндекс-дзен, опубликованная в марте 2021 года, собрала за год, к марту 2022 г., рекордные 193 тысячи просмотров (подробнее об этом см. гл. 4).

Кроме того, в конце декабря 2020 г., через год после того, как журнале «Исторический журнал. Научные исследования» была опубликована наша статья с результатами работы по реконструкции истории «Ласточкиного гнезда», мы получили письмо из Санкт-Петербурга от Ольги Шервуд – внучки скульптора Л.В. Шервуда, которому также нередко приписывали авторство «Ласточкиного гнезда». Автор письма сообщала, что, вдохновленная нашей публикацией, она осуществила собственные изыскания в архивах и также обнаружила

¹²⁷ "Ласточкино гнездо". История замка и его хозяев. [Электронный ресурс]. URL: <https://lastochka.gardenacademia.com/> (Дата обращения: 12.09.2022).

сведения, подтверждающие: автором проекта перестройки здания действительно был Н.С. Шервуд. В фонде драматурга С.А. Найденова в Российском государственном архиве литературы и искусства Ольгой Шервуд была обнаружена и впервые опубликована фотография Н.С. Шервуда с надписью чернилами на обороте: «Архитектор Ник. Серг. Шервуд. Строитель «Ласточкиного гнезда»¹²⁸ (илл.3). По всей видимости, Найденов и Шервуд оба страдали туберкулезом и переселились из Москвы на ЮБК, чтобы поправить здоровье.

Кроме того, в оцифрованных фондах Центрального Государственного Исторического архива в Киеве Ольга Шервуд обнаружила запись о смерти Н.С. Шервуда, сделанную в метрической книге церкви Архангела Михаила в Алушке: он скончался от туберкулеза мозга 8 марта 1917 года. Таким образом, наши выводы получили еще одно подтверждение.

1.2. Восстановление страниц истории великокняжеских дворцов «Дюльбер» и «Чаир» по материалам архивных фондов и воспоминаний современников¹²⁹

Выше мы указывали в качестве одной из целей нашей работы последних лет по реконструкции истории культурного ландшафта ЮБК необходимость отойти от чересчур распространенного до сих пор, на наш взгляд, как в искусствоведческой, краеведческой литературе, посвященной Южному берегу Крыма, так и в публикациях историков-любителей акцента на апологетическом описании достоинств старых зданий и исторических деятелей; взглянуть на прошлое объективнее, выйти на уровень объяснения, не только восстановить последовательность событий, но и осуществить анализ тех условий и факторов – экономи-

¹²⁸ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1117. Оп. 1. Ед. хр. 109.

¹²⁹ При подготовке данного параграфа диссертации использована публикация автора: *Карагодина А.В.* Великокняжеские дворцы Чаир, Дюльбер, Кичкине // Романовы. Воспоминания о Крыме. Издание к выставке. Государственный музей-заповедник «Царицыно», 2022. Автор-составитель О.И. Барковец. СПб., 2022. 496 с. С. 300–329. (1,85 п.л.)

ческих, социальных, культурных – в контексте которых эти события разворачивались, дополнить их рассказом о поворотах судеб героев, а полученную картину поместить в сравнительно-исторических контекст. По нашему убеждению, именно такой работы сразу в трех измерениях – истории событий, истории социальных структур и личной, биографической истории, и требует на новом этапе развития историческая наука.

При этом любопытно проследить саму историю формирования идеализированного образа «старой Ялты» начала XX века. На первый взгляд, он сформировался в 90-е гг. прошлого столетия, когда под воздействием социально-экономических неурядиц, вызванных распадом СССР и кризисом ментальных репрезентаций, отказом от советских идеологем и смыслов, образ прошлого Ялты сузился до узкого фрагмента: «Ласточкиного гнезда», дворцов Николая Второго и великих князей, образа Ялты – курортного города начала двадцатого века, по набережной которого ходила чеховская дама с собачкой. По контрасту с настоящим и недавним прошлым была сконструирована условная идеальная Россия 1913 года, «которую мы потеряли».

Однако еще князь А.Д. Голицын, предводитель Харьковского дворянства, член Третьей Государственной думы, в упоминавшихся выше мемуарах, написанных в эмиграции во Франции в 1930-х гг. рисует в мемуарах идеальный образ ЮБК: «богатая южная природа с невиданными экземплярами флоры чередовалась с благоустроенными курортами, роскошными дворцами, татарскими саклями, уютящимися под скалами, и снова дворцами, парками, виноградниками... Напротив Кореиза через бухту, среди зелени и серых скал, выделяется своею белизною Дюльбер – дворец великого князя Петра Николаевича. Немного далее за поворотом Чаир, дворец великого князя Николая Николаевича, где присвоенные его двору цвета желтый и лиловый выявлены вьющимися желтыми розами

Marechal Niel по стенам дворца и фиалками, которыми усеяны все открытые площади вокруг. При приближении к Ялте дворцы и частные резиденции чередуются все чаще и чаще...»¹³⁰.

Дворцы великих князей «Дюльбер» и «Чаир», о которых пишет А.Д. Голицын, сыграли особую роль в процессе трансформации культурного ландшафта ЮБК в начале XX века. Они стали первыми из серии дворцов для Романовых, включая великих князей и самого императора Николая II, построенных на ЮБК по проектам ялтинского архитектора Н.П. Краснова. Именно с этих дворцов началась слава этого зодчего, с именем и архитектурным почерком которого с тех пор и по сегодняшний день во многом отождествляется культурный ландшафт ЮБК: недаром на набережной Ялты ему не так давно был поставлен памятник.

На прошедшей с марта по июль 2022 г. в Государственном музее-заповеднике «Царицыно» выставке «Романовы. Воспоминания о Крыме», где было впервые представлено множество не видевших свет архивных материалов личного происхождения, в первую очередь из фондов Романовых в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 601 - Николай II, ф. 642 - Мария Федоровна, императрица, жена Александра III, ф. 645 - Александр Михайлович, великий князь, ф. 662 - Ксения Александровна, жена Александра Михайловича, ф. 670 - Николай Михайлович, великий князь, ф. 722 - Константин Николаевич, великий князь, и многие другие), архитектору Н.П. Краснову и его дебютным проектам для Романовых – дворцам «Дюльбер» и «Чаир» – были посвящены отдельные зал экспозиции; текст для каталога выставки принадлежал автору настоящего исследования.

Хозяева дворцов «Чаир» и «Дюльбер», великие князья Николай Николаевич (1856–1929) и Петр Николаевич (1864–1931) приходились внуками императору Николаю I, а Николаю II – двоюродными дядями. Великий князь Николай

¹³⁰ Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 64.

Николаевич сделал военную карьеру, пользовался славой человека самолюбивого, гордого, резкого. Его младший брат Петр Николаевич, напротив, был в тени, быстро ушел со службы из-за слабого здоровья (в детстве он перенес туберкулез) и больше интересовался искусством, а также разведением служебных собак.

И великие князья и в особенности их жены (наследницы князя Николая Черногорского Милица (старшая сестра) и Стана) остались в памяти современников фигурами с весьма неоднозначной репутацией. «Ох уж эти черногорки, натворили они бед России <...> Чтобы рассказать, какие пакости они натворили, нужно написать целую историю; не добром помянут русские люди их память...», – писал про сестер в мемуарах, которые завещал опубликовать только после своей смерти, С.Ю. Витте¹³¹. Автор недавнего исследования Н.Г. Струнина-Бородина утверждает: «Множество слухов и сплетен ходило о них в придворных кругах <...> их любили и ненавидели. Примечательно, что нейтрального отношения к ним не было. Современники обвиняли черногорских сестер во всем плохом, что случилось с Российской империей, приписывали им участие в коварном развязывании Первой мировой войны. Роль этих женщин в истории Российской империи еще до конца не выяснена научным сообществом, но безусловно, что эти дамы, приведшие ко двору последнего императора Григория Распутина, злоупотребляли российской казной <...>, строили коварные планы по возведению на российский престол великого князя Николая Николаевича и способствовали свержению Николая II»¹³². Выдвигается версия, что в интригах больше усердствовала Милица, поскольку в случае вступления на престол бездетного Николая Николаевича наследником российского престола становился ее сын Роман.

¹³¹ Витте С.Ю. Воспоминания. М.–Пг., 1923-1924. Т. 2: Царствование Николая II. 1923. С. 215–216.

¹³² Струнина-Бородина Н.Г. Великокняжеские семьи Петра и Николая Николаевичей Романовых в дороге // Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. М.-СПб., 2016. С. 235.

Важно отметить, что Николай Николаевич был не первым мужем ее младшей сестры Станы – в том же 1889 г., когда Милица вышла замуж за Петра Николаевича (у них родились трое детей), Анастасия сочеталась браком с князем Георгием Максимилиановичем Лейхтенбергским. Однако этот брак оказался неудачным. Процитируем вновь С.Ю. Витте: «Это две дочери князя Николая Черногорского. Он их девочками отдал в Смольный институт, там на них очень мало обращали внимания. Они кончили курс, как раз когда Император Александр III разорвал традиционные узы с Германией и союз с Францией был в зародыше... С своей стороны князь Николай делал все от него зависящее, чтобы заслужить расположение Императора. При таком положении вещей, естественно, что Император Александр III оказывал внимание черногорским княжнам. Этого было достаточно, чтобы явились из царской семьи женихи. Ведь в это время у нас всяких Великих Князей размножилось целое стадо. Слабогрудый Петр Николаевич, младший сын Великого Князя Николая Николаевича (главнокомандующего в последнюю турецкую войну), женился на черногорке № 1, а принц Юрий Лейхтенбергский, третий сын Великой Княгини Марии Николаевны, женился на черногорке № 2»¹³³.

И далее: «Итак, благодаря Александру III черногорки были пристроены за второстепенных великих князей и этим бы при Александре III все и кончилось, но вступает на престол Николай II и женится на Аликс. Императрица встретила со стороны императрицы матери и русских великих княгинь самый радушный прием и сердечное отношение, но не такое отношение, как к императрице. <...> Только черногорки не только гнулись перед нею, как перед императрицей, но и начали проявлять к ней безграничную любовь и преданность. <...> Таким образом, они втираются в ее фавор и делаются ее первыми подругами. <...> По мере того, как (...) императрица мать начала терять свое влияние – влияние черногорок все усиливалось и усиливалось. Конечно, прежде всего явилось у них желание

¹³³ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 216.

раздобыть побольше денег. Вот на этой почве мне пришлось сталкиваться с черногорками. <...> Делами великого князя Петра Николаевича управлял молодой человек, сын его бывшего гувернера (кажется, фамилия его Дюмени). Он заигрался, вероятно, не без ведома великого князя на бирже и крайне одно время расстроил его дела. Тогда великий князь обратился ко мне, дабы я помог ему из государственного банка. Я, конечно, отказал, так как это противоречило уставу банка. В результате великому князю помог Государь, кажется из уделов, но супруга, черногорка № 1, такую мою дерзость простить не могла»¹³⁴.

Описываемые С.Ю. Витте финансовые коллизии имели прямое отношение и к южнобережным делам Петра Николаевича и Милицы: они пришлись ровно на пору строительства супругами дворца «Дюльбер» в Мисхоре. Имение там Петр Николаевич – «человек милый, но весьма ограниченный и с точки зрения деловой – совершенно ничтожный», как аттестовал его Витте, приобрел в 1893 году, в свои 29 лет, получив наследство от отца и купив два смежных земельных участка, принадлежавших некогда А.И. Гончарову¹³⁵. По поводу облика будущего дворца у супругов шли жаркие споры. Петр Николаевич, любивший Азию, бывавший в Египте, склонялся к восточному стилю, и сам, будучи архитектором-любителем, зарисовал эскизы фасадов; зная об этом, друживший с ним прославленный историк искусств Н.П. Кондаков порекомендовал великому князю услуги его ровесника, тридцатилетнего Николая Краснова, уроженца Подмосковья, уже восьмой год служившего на хлопотной, но не особо престижной, сугубо административной должности городского архитектора Ялты.

Как сообщает историк архитектуры И.В. Манцыгина, Милица была категорически против приглашения никому не известного начинающего провинциала¹³⁶, однако Краснов и Кондаков подкупили Петра Николаевича двумя дово-

¹³⁴ Там же. С.217.

¹³⁵ *Краснолуцкий А.Ю.* Южный берег Крыма: история имений и дач с 1783 по 1920 год. СПб., 2020. С. 271.

¹³⁶ *Манцыгина И.В.* Архитектура усадеб "Царского берега" в Крыму в XIX - начале XX вв. : диссертация ... кандидата архитектуры. СПб., 1999.

дами. Во-первых, Краснов легко согласился взять за основу проекта эскизы заказчика. Во-вторых, молодой зодчий продемонстрировал скромность финансовых запросов, что для великого князя, как мы помним, в тот момент было критически важно. Главноуправляющий Двором Его Императорского Высочества, барон А. И. Сталь фон-Гольштейн, ознакомившись уже во время стройки с его денежными документами, пришел в ужас: «Денег нет, платежей и требований со всех сторон масса, положение наше день ото дня становится все тяжелее, ибо приходится под разными предлогами увертываться от уплаты. Это, по-моему, очень некрасиво для придворной конторы, и даже подводит многих, как Краснова <...> которые имеют свои расчеты, находятся в зависимости от рабочего люда, который может устроить скандал и в конце концов все это отзовется на Вас как на владельце!»¹³⁷. В декабре 1897 года барон Сталь фон-Гольштейн даже предложил Петру Николаевичу по возможности продать недостроенный дворец и все имение за 600 тысяч рублей, чтобы расплатиться с долгами¹³⁸.

Однако происходивший из крестьян Московской губернии Краснов прибег к экономии, и до продажи дело не дошло. Так, для внутренней отделки дворца, насчитывавшего почти сто комнат, вместо настоящей майоликовой плитки использовалась смесь цемента с пигментами и вазелин. И хотя отделка продолжалась еще в течение многих лет (так, в апреле 1914 года Милица пишет: «В новом арабском переходе кафели ужасныя - рисунок индиго на зеленом фоне... кошмар, декадентщина, прикажи убрать это... Шиллинг до сих пор еще и не начинал моей спальни...»¹³⁹), в общих чертах стройку закончили быстро.

Портал дворца украсила надпись, выполненная арабицей, то есть буквами арабского алфавита, но на крымско-татарском языке. Она гласила: «Этот дворец принадлежит Хазрату (титул высокопоставленных лиц) Их Императорским Высочествам – великому князю Петру Николаевичу и великой княгине Милице Николаевне. Да будут они всегда счастливы», причем в надписи была допущена

¹³⁷ Калинин Н.Н., Земляниченко М.А. Романовы и Крым. Симферополь, 2002. С. 162.

¹³⁸ Там же. С. 162.

¹³⁹ Цит. по: Манцыгина И.В. Указ. соч. С. 184.

ошибка – вместо «великая» написано «всецело». Любопытно, что на протяжении многих десятилетий смысл надписи передавали неверно, как «хвалу Аллаху» – корректный перевод дал лишь не так давно московский ученый-филолог Виктор Цоффка¹⁴⁰.

Уже в 1899 г. академик П.Н. Кондаков опубликовал в популярном столичном журнале «Искусство и художественная промышленность» статью с дифирамбами дворцу «Дюльбер» (в переводе с крымско-татарского «великолепный»). Он писал: «Южный берег Крыма не может похвастаться истинно красивыми постройками, а тем более художественными. С тех пор, как сгорел дворец в Ореанде, остается смотреть замок в Алушке... Оттого особенно приятно поражает новопостроенный дворец... здание столь же удачное, сколь и необычное... Трудно было бы определить, в каком собственно стиле это сооружение построено, так как в его комнатах, жилых помещениях полно европейского комфорта. Но главные декоративные части: входы, террасы, плоские крыши, покрытия куполов, боковая башня, форма дверей и окон и вообще всякая орнаментальная часть дворца напоминает сарацинские здания Египта, и отчасти Сирии, <...> можно было бы без особой погрешности назвать дворец «арабским» или, вернее, «Сарацинским». Этот стиль издавна составляет предмет изучения для самого высокого владельца Дюльбера <...> высокий владелец дворца сам начертил его проект, сам выбрал все украшения и внес в архитектуру здания не только оригинальность своего собственного большого архитектурного таланта, но и любовь ко всему характерному в искусстве... Он имел счастье найти даровитого исполнителя в лице архитектора Н.П. Краснова»¹⁴¹.

Любопытно, что в предыдущем номере этого же журнала за 1899 год была опубликована еще одна статья Н.П. Кондакова, посвященная реставрации Бахчисарайского дворца: сформировавшийся благодаря работе над «Дюльбером»

¹⁴⁰ Цоффка В. Крымские статьи. М., 2018.

¹⁴¹ Дворец в имении «Дюльбер» на Южном берегу Крыма. Статья акад. Н.П. Кондакова // Искусство и художественная промышленность. 1899. №7. С. 731–734.

тройственный союз уважаемого академика, молодого архитектора и неравнодушного к восточным мотивам и музе творчества великого князя теперь был официально оформлен самим императором в виде Высочайше назначенной комиссии по вопросу о реставрации Ханского Бахчисарайского дворца, которую возглавили Петр Николаевич и Кондаков, а Краснов стал ведать архитектурной частью (впрочем, до реставрации тогда дело так и не дошло)¹⁴².

Таким образом, расхожее в краеведческой литературе представление о том, что дворец «Дюльбер» был первым оригинальным произведением архитектора Н.П. Краснова, не совсем корректно: молодой ялтинский архитектор был скорее подрядчиком, реализовавшим эскиз заказчика, великого князя Петра Николаевича. Однако сложно спорить с тем, что с этой стройкой открылась новая глава в архитектурной истории Южного берега: за ближайшие пятнадцать лет в окрестностях Ялты появится множество вилл и дач с «экзотически-восточным» фасадом и европейскими удобствами, выстроенными «под Дюльбер» (причем подчас, как в случае с дачами «Селям» и «Мечта» в Новом Симеизе, также Красновым); одну из дач Нового Мисхора в похожем стиле даже назовут «Дюльберчиком» (см. ниже, гл. 2). А самому Краснову эта стройка откроет дорогу к богатству и славе: закончив «Дюльбер», он уйдет с хлопотного поста городского архитектора Ялты и начнет, как на конвейере, воплощать в жизнь один за другим проекты приморских вилл для богачей и аристократов, включая и новый Ливадийский дворец для самого императора Николая II. Характерные черты всех этих построек – большая площадь, приземистый силуэт, эклектичный фасад, всегда насыщенный (а иногда и перенасыщенный) множеством цитат «под старину» – то под Восток, то под Ренессанс, то под готику или викторианскую Англию. Не будучи шедеврами в архитектурном смысле слова, творения Краснова неизменно отличались крепостью, добротностью исполнения (немудрено – Краснов, как практик, твердо держал в руках бразды правления стройкой, лично составлял сметы, нанимал бригады, принимал у них работу): по легенде, над чрезмерно

¹⁴² О Бахчисарайском дворце и его реставрации. Статья акад. Н.П. Кондакова // Искусство и художественная промышленность. 1899. №6. С. 435–452.

толстыми стенами «Дюльбера» даже смеялись другие Романовы, спрашивая Петра Николаевича, не замок ли Синея Бороды построил он в Крыму (илл. 4).

«Почему именно Николай Краснов сделался востребованным и ценным заказчиками архитектором?» - пишет сербский историк архитектуры Драгомир Ацович (после прихода большевиков в Крым Краснов эмигрировал в Югославию и много строил. После прихода в Крым большевиков Краснов эмигрировал в Югославию и много строил там, но запомнился скорее организаторскими способностями, снискавшими ему покровительство короля Александра Карагеоргиевича, чем яркими зданиями). «Наиболее вероятным аргументом кажется то, что он, в первую очередь, заботился о соблюдении интересов заказчика... что ему не были свойственны догматический взгляд на архитектуру... Его объекты настолько разнообразны, так не похожи друг на друга, не подвержены систематизации по идейному или эстетическому принципу, что их следует понимать, прежде всего, как воплощение гедонизма, как декларацию того, что красота в глазах смотрящего... А если зритель одновременно и владелец, то это одна из предпосылок успеха... В красновских зданиях впечатление роскоши и богатства достигается не столько щедрым разбрасыванием драгоценных материалов, сколько умением относительно простыми средствами достичь впечатления эксклюзивности»¹⁴³.

По всей видимости, убедилась в этом и Милица, сменившая свое скептическое отношение к Краснову: доказательством может служить тот факт, что вторым крупным заказом архитектора для Романовых вскоре стал дворец для ее младшей сестры Станы, возведенный по соседству с «Дюльбером». Анастасия (Стана) Николаевна, дочь черногорского князя Николы I Негоша, была женой великого князя Николая Николаевича. Первую землю (полторы десятины) на ЮБК по соседству с владениями Петра Николаевича Стана приобрела еще в 1898 году: в прошлом это была часть имения светлейшего князя С.М. Воронцова

¹⁴³ Ацович Д. Николай Краснов, архитектор // Николай Краснов - русский зодчий Сербии, 1864-1939: к 150-летию со дня рождения. Каталог выставки, декабрь 2014, Москва - январь 2015, Белград. М., 2014. С. 24.

«Барбо-Кристо», которое его вдова продала сибирским купцам В.И. Токмаковой и Н.Н. Титушкину, а те, в свою очередь, начали распродавать дальше мелкими частями. Еще две с половиной десятины прибавились к имению в 1902 году (как гласит Акт о национализации, «Б. великая княгиня А. Н. Романова приобрела это имение в 1902 г от Титушкина за сумму около 300 000 руб.»¹⁴⁴) Деньги, по всей видимости, предоставил великий князь Николай Николаевич, который ради отношений со Станой порвал многолетнюю связь с актрисой Александринского театра Марией Потоцкой (а 35-летняя «Черногорка №2», в свою очередь, потребовала развода от мужа). Расторжения брака пришлось добиваться пять лет: князь Лейхтенбергский отказывал, ссылаясь в письмах к императору как раз на незаконную связь жены с Николаем Николаевичем. В ноябре 1906 года развод был, наконец, оформлен (известны ироничные слова Мориса Палеолога, с 1913 г. французского посла в Санкт-Петербурге, про петербургский свет накануне революции: «частые разводы – одно из наиболее поразивших меня здесь явлений... история Анны Карениной теперь уже непонятна ...теперь Анна немедленно развелась бы и вышла замуж за Вронского, и на этом роман бы закончился»¹⁴⁵. После требовалось получить согласие Святейшего Синода: родные братья не могли становиться мужьями родных сестер. В конце концов Высочайшее разрешение было получено. Как записал Николай II в дневнике 11 апреля 1907 года, «Обедали: Николаша, Стана и Петюша. Перед их отъездом в Крым благословил первых иконами к предстоящей свадьбе»¹⁴⁶.

На Южном берегу их ждало венчание и медовый месяц во дворце «Чаир» (в переводе с крымско-татарского «сад в лесу», «горный луг» –так назывались традиционные посадки садовых культур на небольших террасах в горах или в лесу), только что построенном отрекомендованным братом и сестрой новобрачных архитектором Красновым. В этот раз молодой зодчий, вновь пойдя навстречу вкусам заказчиков, представил проект в «греческом» стиле, построив

¹⁴⁴ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1 Д. 47. Л. 1.

¹⁴⁵ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. Пер. с фр. М., 1991. С. 162.

¹⁴⁶ Дневники императора Николая II, 1894-1918. Т. 2. Ч. 1: 1905-1913. М., 2013. С. 200

большой, на шестьдесят пять комнат, дворец, крытый марсельской черепицей, с многочисленными балконами и каскадом увенчанных перголами террас, а также пять домов поменьше.

Любопытно, что дворец «Чаир» был довольно сильно похож на построенную примерно в то же время в курортном местечке Болье-сюр-Мер на французской Ривьере археологом Теодором Рейна (женатом на наследнице богатейших выходцев из России, еврейских банкиров Эфрусси) виллу Керилос в стиле «неогрек». В саду были устроены мраморные бассейны, два водопада, на трех террасах парка, обращенных к югу, садовники высадили почти десять тысяч деревьев и кустарников (саженцев было так много, что «необходимо часть молодых деревьев удалить, так как они глушат друг друга», – записано в акте осмотра именина после национализации¹⁴⁷), а также множество фиалок и две тысячи розовых кустов. Это и были те самые «розы парка Чаир» из известного фокстрота советских времен.

Впоследствии не выдающийся, но талантливый и трудолюбивый архитектор Н. П. Краснов возвел дворцы «Харакс» и «Ай-Тодор» для великих князей Георгия и Александра Михайловичей, дворцы в Кореизе и Кокозе для князя Юсупова, Ливадийский дворец для Николая II и стал, фактически, монополистом застройки Южного берега Крыма по заказам высшего круга русской аристократии и буржуазии¹⁴⁸. С началом войны Николай Николаевич был назначен главнокомандующим русской армией, проявил себя в этом качестве неоднозначно, был смещен Николаем II и отправлен на Кавказ. Черногорские княжны, по данным некоторых историков, сыграли существенную роль во введении ко двору мистиков и целителей, сибирского старца Григория Распутина, и фигурируют во многих мемуарах как воплощение придворного интриганства эпохи заката императорской России (бытует мнение, будто императрица заподозрила Милицу и

¹⁴⁷ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1 Д. 47. Л. 4.

¹⁴⁸ Архитектор Н. Краснов: известный и неизвестный. Акварели и фотографии. Симферополь, 2016.

Стану в заговоре с целью свержения Николая II и возведения на престол великого князя Николая Николаевича, саму императрицу по этому плану якобы предполагалось заточить в монастырь)¹⁴⁹.

Весной 1918 г., вскоре после того, как германские войска изгнали из Крыма первое правительство большевиков (всего за годы гражданской войны советская власть устанавливалась на полуострове трижды), великий князь Николай Николаевича стал владельцем еще одного дворца на ЮБК: великий князь Дмитрий Константинович переписал на него свой дворец «Кичкине». Николай Николаевич будет владеть им целый год, до самой эмиграции в апреле 1919 года (после второго установления власти большевиков в Крыму). Это подтверждают два документа, составленные зимой 1920-1921 годов после окончательного, третьего прихода большевиков и обнаруженные нами в фондах ГАРК: акты о приеме в состав Управления Южсовхоза имений «Кичкине» и «Чаир». Первое отмечено как принадлежавшее великому князю Николаю Николаевичу¹⁵⁰, а второе «до перехода в собственность РСФСР принадлежало горному инженеру Филиппу Антоновичу Иванову, купившему имение 1 сентября 1918 от бывшей великой княгини Анастасии Николаевны Романовой за сумму около семи миллионов рублей (романовских или керенских), причем часть продажной цены уплачена была английскою валютою»¹⁵¹.

Описывая в восторженных тонах маршрут с запада на восток ЮБК, А.Д. Голицын дворца «Кичкине», приютившегося на скале под шоссе сразу после «Ласточкиного гнезда», не упоминает. Впрочем, само название этой виллы, «Кичкине», и переводится с татарского как «малютка», и ее почти не видно с дороги. Великий князь Дмитрий Константинович купил это имение в самом начале 1912 года и вскоре построил здесь изящный маленький дворец в мавританском стиле¹⁵².

¹⁴⁹ Струнина-Бородина Н.Г. Указ. соч. С. 235.

¹⁵⁰ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 2. Д. 72. Л. 2.

¹⁵¹ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1 Д. 47. Л. 1.

¹⁵² Манцыгина И.В. Указ. соч. С. 125

В многочисленных мемуарах, посвященных последним десятилетиям императорской России, этот представитель рода Романовых стоит особняком: даже С. Ю. Витте, известный своими безжалостным характеристикам по поводу представителей придворного света, не проронил про него ни единого дурного слова. Он был сыном великого князя Константина Николаевича, брата Александра II, председателя Государственного совета, управлявшего Морским министерством. Именно Дмитрию Константиновичу после смерти отца в 1892 году по завещанию перешло южнобережное имение Ореанда с руинами большого дворца, сгоревшего в ночь с 7 на 8 августа 1881 года. Однако уже в августе 1894 года он продал имение Удельному ведомству. Возможно, восстановление Ореанды было не по силам наследнику: вопрос убыточности имений в Крыму и на Кавказе (имение Уч-Дере на территории нынешнего города Сочи) волновал еще его отца. Уже в середины 1870-х годов Константин Николаевич вынашивал планы размежевать части имения на участки и сдавать их в аренду на 99 лет под строительство дач¹⁵³. Возможно, неприятна была и сама память об этом месте. Великий князь Константин Николаевич в последние годы правления Александра II возглавлял партию сторонников предполагаемой конституции, которая могла быть обнародована, не последуй террористического акта 1 марта и воцарения Александра III, резко смешившего политический курс. Как пишет князь А.Д. Голицын, молва гласила, что Константин Николаевич хранил в своем дворце целый ряд компрометирующих документов – и ввиду предполагавшегося обыска предпочел поджечь его и тем самым уничтожить архив либеральной партии¹⁵⁴.

Дмитрий Константинович появился на свет 1 июня 1860 года в имении отца «Стрельна» под Петербургом (ныне государственный комплекс «Дворец

¹⁵³ *Голенко И.Г., Гореликова-Голенко Е.Н.* Экономические аспекты управления городом Павловском, мызой Стрельна и. прочими имениями великого князя Константина Николаевича (1871-1884) // Константиновские чтения - 2019. Константиновичи - семья, традиции, служение России: к 100-летию со дня гибели великого князя Дмитрия Константиновича (1860-1919): сборник материалов научной конференции 30 октября 2019 года / Государственный комплекс "Дворец конгрессов". СПб., 2019. С. 41.

¹⁵⁴ *Голицын А.Д.* Указ. соч. С. 65.

конгрессов», восстановленный в 2000-х гг.). Его учителем был выдающийся историк С.М. Соловьев. Несмотря на несколько лет, проведенных в Морском училище, и желание отца, Дмитрий Константинович предпочел связать свою жизнь не с флотом, а с кавалерией, и в 1878 году в возрасте восемнадцати лет был зачислен в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, а в 1880-м – в Конный полк, где окончательно убедился в верности сделанного выбора, записав в дневнике: «Служу со страстью»¹⁵⁵. Князь прошел все этапы карьеры кавалерийского офицера – от штабс-ротмистра (1885) до генерала от кавалерии (1915). В 1888 году он приобрел Дубровский конный завод в Полтавской губернии, который за десять лет превратил в лучший в России, получавший золотые медали на конных выставках в Париже и Чикаго. При заводе были основаны несколько передовых школ для подготовки по самым передовым стандартам наездников, ветеринаров, кузнецов, не говоря уже о самом разведении скакунов: «Ездил на новой лошади завода Мити», – записал в дневнике летом 1905 года Николай II¹⁵⁶. В 1892 году Дмитрий Константинович получил чин полковника и был назначен командующим Лейб-гвардии Конно-Гренадерским полком, который стал для него вторым домом, а в мае 1897 года Сенат издал указ о назначении великого князя Главноуправляющим государственным коннозаводством с оставлением командиром полка. Эту должность Дмитрий Константинович занимал вплоть до ноября 1905 года, когда в связи с ухудшением здоровья (он стал терять зрение) подал прошение об отставке. Великий князь постоянно занимался благотворительностью, состоял почетным членом Русского географического общества, во время войны организовал на собственные средства три лазарета.

В свете Дмитрий Константинович имел репутацию женоненавистника и нелюдима, не имевшего ни супруги, ни детей, человека не от мира сего, аскета, предпочитавшего общество лошадей и товарищей по оружию балам и светским

¹⁵⁵ Великий Князь Дмитрий Константинович, 1860-1919: биография и документы. М., 2019. Кн. 1. С. 15.

¹⁵⁶ Дневники императора Николая II, 1894-1918. Т. 2. Ч. 1: 1905-1913. М., 2013. С. 40.

сплетням. «Он был всесторонне образованным человеком и интересным собеседником, – писал о Дмитрие Константиновиче начальник канцелярии Министерства Императорского двора генерал А.А. Мосолов, – но в беседе с ним не следовало касаться ни вопросов современной политики, ни психологии женщин: Дмитрий Константинович был определенным женофоб»¹⁵⁷. Это, впрочем, никак не распространялось на его отношение к матери, сестрам (в особенности любимой Ольге – в замужестве королеве Греции) и племянницам: у его родного брата, великого князя Константина Константиновича (больше известного нам под поэтическим псевдонимом К.Р.) было восемь детей, и все они обожали своего «Дяденьку». Племянница Татьяна Константиновна записала в декабре 1916 года, находясь в «Кичкине»: «Праздники проведем здесь... бываю в Ялте, причем Дяденька принял живое участие при заказе платья и его окончательной примерке, несмотря на то, что всегда к таким дамским занятиям относился враждебно и пренебрежительно. Он удивительно добрый и милый»¹⁵⁸.

Собственно, заботой о любимой племяннице, которая с детства страдала легочными болезнями, и была, в первую очередь, вызвана покупка великим князем земли в Крыму. Посмотрев несколько выставленных на продажу имений, Дмитрий Константинович остановил свой выбор на небольшой даче Ай-Никола, примыкавшей с запада к усадьбе Курпаты, уже ставшей к тому времени частью царского имения Ливадия. Площадь поместья была всего две десятины 700 квадратных сажень, то есть примерно два с половиной гектара¹⁵⁹. Ранее дача принадлежала артисту Императорских театров Н.Ф. Сазонову, скончавшемуся в 1902 году, а затем была куплена Обществом врачей для устройства «Климатической колонии для слабых и болезненных детей». Вновь показав себя джентльменом, Дмитрий Константинович заплатил Обществу 125 тысяч рублей – сумму, во много раз превышавшую ту, за которую была приобретена дача у Сазонова.

¹⁵⁷ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 136.

¹⁵⁸ Княжна императорской крови Татьяна Константиновна, в замужестве княгиня Багратион-Мухранская, 1890-1979: биография и документы. М., 2015. С. 338.

¹⁵⁹ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 2. Д. 72. Л. 2.

Это позволило врачам 1912 году построить на земле, выделенной Удельным ведомством в Ай-Даниле, детский санаторий имени цесаревича Алексея Николаевича. На его освящении лично присутствовал Николай II¹⁶⁰.

Приобретя землю, на которой уже стоял небольшой домик артиста Сазонова, великий князь заказал архитектурный проект у фирмы братьев Тарасовых, инженеров из Санкт-Петербурга, организовавших в 1881 году бюро по строительству железнодорожных сооружений и частных домов. На Южном берегу Крыма Тарасовы уже имели опыт работы: в имении Форос А.Г. Кузнецова и мисхорском имении П.П. Шувалова, где создавали дачный курорт Новый Мисхор (см. ниже, гл. 2). Кроме того, с 1900 по 1912 годы Н.Г. Тарасов служил главным архитектором Ялты¹⁶¹. Уже к концу марта 1912 года Тарасовы представили проект дворца для любимых племянников великого князя, личного флигеля Дмитрия Константиновича, а также хозяйственных сооружений (кухни, гаража, подпорных стен, дорог, заборов, ворот, водопровода, центрального водяного отопления и канализации). Общая смета строительства составила 125,8 тысяч рублей (для сравнения – обустройство дворца великого князя Георгия Михайловича «Харакс» обошлось в четыре раза дороже¹⁶²).

Согласно договору весь объем работ Тарасовы обязались выполнить к октябрю 1913 г., а флигель великого князя сдать даже раньше, к октябрю 1912-го. Стены возводили мастера из Орла, для декоративной отделки были приглашены ялтинский мраморщик А.Е. Фирис (его фирма выполняла работы во дворце Эмира Бухарского и усадьбе Харакс), феодосийский скульптор Л.В. Коржиновский, скульптор-лепщик Т.Ф. Залевский¹⁶³. В оформлении интерьеров использовались мотивы разных стилей: арабского, стиля Людовика XVI, ампира. Комната

¹⁶⁰ Манцыгина И.В. Указ. соч. С. 126.

¹⁶¹ Карагодин А.В., Петрова М.М. Новый Мисхор - первый дачный курорт на Южном берегу Крыма (1898-1920): реконструкция социокультурной истории // Человек и культура. 2020. № 4. С. 103-127.

¹⁶² Манцыгина И.В. Указ. соч. С. 127.

¹⁶³ Там же. С. 198.

великого князя была обшита деревом, в остальных использовалась штукатурка¹⁶⁴. Подробное описание имения имеется в хранящемся в ГАРК акте его приема в Управление Южнобережных советских хозяйств Крыма в январе 1921 года. Прочитируем этот документ: «Имение Кичкине представляет собой как бы полукруглый, достаточно широкий мыс, кончающийся отвесным обрывом к морю, высотой около 25 саж. К морю спускается двумя террасами, отделенными опорной стеной из местного камня... На верхней террасе находятся: трехэтажный свитский дом с подвалом, двухэтажный дом для служащих с подвалом, гараж на 4 автомобиля, гараж на 2 автомобиля, полукаменный дровяной сарайчик, деревянная на одну лошадь конюшня и деревянная сушилка для белья. На нижней террасе, представляющей собой ровную площадку, выстроен дворец в мавританском стиле, с мелкими резными украшениями, колонками и башнею-минаретом; как дворец, так и все другие постройки, а равно и стена, которую обнесено имение, выкрашены в белый цвет, почему выгодно и эффектно выделяются среди окружающей их зелени и серого фона высящихся над имением живописных скал. Площадь, занимаемая постройками, составляет 350 кв. саженьей. Во всех домах устроена канализация. Отопление во дворце – центральное водяное, в остальных домах – обыкновенными печами. Имение освещается керосиново-калильными фонарями. Электрического освещения не устроено»¹⁶⁵.

В 1913 г. Татьяна Константиновна писала своей подруге, великой княжне Ольге Николаевне: «Дяденька пригласил нас с маленьким (Теймуразом, сыном грузинского князя Константина Александровича Багратион-Мухранского – А.К.) на осень к нему в Крым. У него там строится чудный белый домик в мавританском стиле – но не с куполами, как у Дяди Петюши (во дворце «Дюльбер» – А.К.), а в виде минарета»¹⁶⁶. «Митя приехал на жительство в свое маленькое имение Кичкине, рядом с Ориандой-Витт», – зафиксировал в дневнике Николай II 5

¹⁶⁴ Там же. С. 131.

¹⁶⁵ ГАРК. Ф.Р-361. Оп. 2. Д. 72. Л. 2-4.

¹⁶⁶ Княжна императорской крови Татьяна Константиновна.... С. 372.

сентября 1913 года¹⁶⁷. Освящение дома состоялось 15 августа 1913 года¹⁶⁸. На протяжении всей осени, которую император провел в Ливадии, в его дневнике часто упоминаются прогулки «по горизонтальной дорожке» (ныне Солнечная тропа) в «имение Мити». К примеру, 7 декабря: «С утра пошел снег и продолжал целый день. Отправился пешком в Кичкине. Митя меня водил по саду и по всему дому». 11 декабря: «Настоящая крымская погода – 11 в тени... В 12 1/4 отправился со всеми дочерьми в Кичкине к завтраку, там был весь Харакс»¹⁶⁹. В апреле 1914-го в «Кичкине» появилась на свет еще одна дочь Татьяны – Наталья, увидеть внучку приехали Константин Константинович и Елизавета Маврикиевна. У посетившего «Кичкине» осенью 1915 года Гавриила Константиновича, племянника великого князя, тоже остались о дворце приятные воспоминания: «Дяденькин дом мне очень понравился. Лично у дяденьки был как бы особый уголок в доме, и даже маленький отдельный садик, – все было очень уютно и удобно. Сад был тоже прелестный»¹⁷⁰.

Изящество и уют «Кичкине» подчеркивал и советский путеводитель 1925 г., сообщавший: «Человек призвал к себе на помощь не только все свое знание, создавая на отвесном утесе сказку-дворец, но и заставил дикую суровую природу быть украшением своей фантазии... грустный пейзаж окружающих скал не напоминает нам роскоши южной природы, и только когдаходишь за высокие стены мавританских башенок-ворот, когда сверкнут на солнце минарет, карнизы, балкончики дворца, окруженные аллеями кипарисов, кустами цветущих роз – начинаешь постигать замысел и художника, и архитектора, нарочно бросивших на скучные скалы с их убогой природой кусочек пышной Мавритании. Все построено на контрасте... даже в парке красавец-кипарис противопоставляется нарочно оставленному нетронутым дубку; магнолия – можжевельнику; роза – дикому клематису. Этот парк – единственный в Крыму, где культура нарочно сочетается

¹⁶⁷ Дневники императора Николая II, 1894-1918. Т. 2. Ч. 1: 1905-1913. М., 2013. С. 785

¹⁶⁸ Манцыгина И.В. Указ. соч. С. 127.

¹⁶⁹ Дневники императора Николая II, 1894-1918. Т. 2. Ч. 1: 1905-1913. М., 2013. С. 805.

¹⁷⁰ Калинин Н.Н., Земляниченко М.А. Указ. соч. С. 226.

с естественным ландшафтом окружающих гор, и от этого не только не проигрывает, но, наоборот, выигрывает в своей чарующей красе. Необходимо пройти в конец парка, на обрыв, обнесенный железной решеткой. Вид на все побережье, до высунувшегося на горизонте остова Медведь-горы, – исключительный. <...> Смело высеченная в скалах тропинка ведет на берег. С обрыва долго любуешься не только красотой побережья, но и дворцом, башенками и минаретом, устремленным к голубым далям знойного южного неба»¹⁷¹.

Увы, хозяевам не пришлось долго любоваться этой панорамой и дворцом. Началась Первая мировая война. Через два месяца после ее объявления от тяжелого ранения погиб один из племянников Дмитрия Константиновича, юный Олег Константинович. 2 июня следующего года скончался сам великий князь Константин Константинович (К.Р), а за две недели до того в бою под Львовом был убит его зять Константин Багратион-Мухранский. Вместе с овдовевшей племянницей Татьяной и ее двумя детьми Дмитрий Константинович провел в «Кичкине» зиму 1916–17 годов и вернулся в столицу перед самой революцией. Больше он в Крыму не бывал. Через два года, 28 января 1919 года, большевики расстреляют его в Петропавловской крепости вместе с тремя другими великими князьями в ответ на казнь Розы Люксембург и Карла Либкнехта в Германии.

Продав в 1918 году «Чаир», Николай Николаевич и Стана вступили во владение «Кичкине», хотя жили, по многочисленным свидетельствам, не в нем в соседнем имении «Дюльбер». «В самом начале зимы (1918 г. – А. К.) члены Императорской фамилии, прежде жившие в Ай-Тодоре, и продавший к этому времени свое имение Чаир Вел. Кн. Николай Николаевич переведены были в Дюльбер <...> большой белый дом на побережье, отделенный от нижнего шоссе высокой стеной,»; «...от одного из родственников Вел.Кн. Николая Николаевича, жив-

¹⁷¹ Крым: Путеводитель. Под общ. ред. члена Президиума Моск. физио-терапевтич. о-ва и члена Правл. Рос. о-ва по изучению Крыма д-ра И. М. Саркизова-Серазини. М., Л., 1925. С. 286.

шего в то время (зимой 1918-1919 гг.) в Дюльбере...» – сообщает в мемуарах княгиня Л.Л. Васильчикова¹⁷². А князь А.Д. Голицын подтверждает: (в конце февраля 1919 г. – А.К.) «В Дюльбере находился великий князь Николай Николаевич, так как свой дворец Чаир, находящийся неподалеку отсюда, он продал. При великом князе находилась охрана, состоящая из двухсот офицеров гвардейских полков»¹⁷³.

Николай и Петр Николаевичи с женами на английском военном корабле также навсегда покинули Россию весной 1919 года. Тогда же, и тоже навсегда, эмигрировал (на Мальту, а затем в Белград) архитектор Н.П.Краснов¹⁷⁴. Своеобразный итог его творчеству на ЮБК подвела статья искусствоведа Г. Лукомского, напечатанная в газете «Ялтинский курьер» в 1920 году при Врангеле и потому неизвестная широкой аудитории. Ее лишь недавно обнаружил в архивных фондах и опубликовал в своей монографии крымский историк С.Б. Филимонов¹⁷⁵.

Статья посвящена Ливадийскому дворцу, построенному Красновым для Николая II всего за один 1911-й год, и в известной степени подводит черту под императорским периодом ЮБК, да и всей России. Лукомский пишет, что место для дворца выбрано хорошо, удачно проложены дорожки, разбиты клумбы, газоны, и поэтому «весной, когда в Крыму почти все цветет, пейзаж представляет собой чарующую картину...». Разбирает фасад: «это итальянский ранний Ренессанс первой половины XV века, вспоминаются творения Браманте, Бернардо Росселлино во Флоренции и Пиенце, Леона Баттисты Альберти в Римини, в Чезене, в Пезаро: источники хорошие, “не захватанные”, не банальные». Отмечает, что красиво архитектурное «пятно» входа в виде лоджии из трех арок; правда, несколько «жидки» пропорции. «Грузна» и непонятна, по словам Лукомского, башня, но и она говорит о «чувстве» Италии у зодчего, напоминая кампанилы

¹⁷² *Васильчикова Л.Л.* Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой, 1886-1919. СПб., 1995. С. 429, 445.

¹⁷³ *Голицын А.Д.* Указ. соч. С.503.

¹⁷⁴ Архитектор Н. Краснов: известный и неизвестный...

¹⁷⁵ *Филимонов С.Б.* Из прошлого русской культуры в Крыму... С. 294–310.

Тосканы, Умбрии, Эмилии и Ломбардии. Хвалит Лукомский и дворик, окруженный аркадой, как в итальянских дворцах, розовый «ковер» в нем, барельефы – правда, «подчас странные, например: в скульптуре изображение фрески Рафаэля “Афинская школа”». «Словом – все, как в Италии, больше – перенесен сюда кусочек Италии, почти театральная декорация, ибо, все-таки, много бутафорского»¹⁷⁶.

В итоге в голову Лукомского приходят «пренеприятные» сравнения. «Павильоны разных областей Италии на последней Всемирной Художественной Выставке в Риме в 1912 году. Да, да! Тот же метод, то же качество работы! ...Претенциозные, никому не нужные олеографические копии того, что в подлиннике тут же рядом, в расстоянии 8–10–12 часов езды по железной дороге, – подчеркивали только одно – в умении копировать, подделывать современные итальянцы достигли совершенства! Недаром целые фабрики подделывателей – антикваров в Венеции, Милане и Флоренции работают так успешно. Покупателей такого товара – хоть отбавляй! Отчего же не создать копии и целых зал, апартаментов и даже построек? И римская выставка, и архитектор Краснов в Ялте доказали это блестяще. Ведь во всех фасадах – ничего своего! Рабские копии того или иного архитектора XV века, тех или иных деталей, срисованных с фотографий... за одну-две лиры предоставлявших нам... обильный материал для композиции»¹⁷⁷.

Проходя внутрь дворца, Лукомский замечает ясеневую мебель – «ну совсем такую, как в передней обычного дома где-нибудь на 18–20-й линии Васильевского острова в Петербурге, да притом дома, построенного в 1890-х годах!.. Концертный зал. Он неуютен. Лестница на башню. Она неудачна... Вообще эта башня – затея нелепая. Приятный столовый зал. Но обработка плафона – не много лучше потолка хорошо отделанного ресторана в Москве. Общее впечатление от верхних жилых комнат: стиля никакого; искусства – никакого. “Мо-

¹⁷⁶ Там же. С. 296.

¹⁷⁷ Там же. С. 296.

дерн” гостиницы 1-го ранка в среднем тирольском курорте – и только! В парадных апартаментах – простая модная роскошь квартиры директора крупного предприятия или современной усадьбы сахарозаводчика, помещика»¹⁷⁸.

И вот приговор критика: «дворец Ливадии – такой же, каких немало в Турине, Милане, Генуе – у богатых негоциантов, под Парижем, в окрестностях Берлина, Вены, Франкфурта-на-Майне. Нельзя даже сравнить дворец Ливадии с дворцами в Ораниенбауме, Стрельне, а когда вспомнишь головокружительную красоту и величие фасада Большого дворца в Царском, или колоннады Александровского дворца, или сказочную поэзию фонтанов Петергофа – Ливадия становится простой виллой богатого человека <...>. "Царственного" выражения ни архитектор, ни, видимо, населявшие дворец – придать ему не сумели, не могли. Снова смотрю на яркую белизну фасада, на зеркальные окна, напоминающие неприятно о гладкости полировки мебели, о модерне отделки. Становится грустно. Сижу в раздумьи, пока сторож в огромной шубе не выводит меня из дум глубоких. “Вот здесь стоял царь последний раз перед войной в 1914 году, как уезжать собрался, и долго-долго стоял, а все ждали у подъезда... В последний раз глядел, сердечный, небось, чуял”, – рассказывает он...»¹⁷⁹

Каким же, по мнению Лукомского, должен был бы быть дворец в Ливадии – чтобы он стал «вкладом в историю русского искусства»? «Создать, – отвечает он, – дворец надо было в стиле непревзойденном уже свыше ста лет, и по красоте и могуществу не имеющем в Европе равного с 1820-х годов. В “русском классицизме” надо было построить этот дворец. В характере ли Тома де Томона, (Биржа в Петербурге), в духе ли Захарова (Адмиралтейство), Кваренги (Смольный, Банк), Камерона (Батурицкий дворец) – другой вопрос, его решить могли талантливые русские зодчие. А для этого надо было дать место и средства именно продолжателям заветов профессоров самого начала XIX столетия... Продолжа-

¹⁷⁸ Там же. С. 304.

¹⁷⁹ Там же. С. 306.

телей этих трое – академики и профессора Фомин, Щуко (Петербург) и Жолтовский (Москва). Они могли бы создать здесь сооружение непревзойденной красоты и силы...»¹⁸⁰.

А Краснов «дал компиляцию итальянских деталей, напоминающую музей “муляжей” в Трокадере (в Париже). Жалкая игрушка, копия... И досадно становится при мысли о том, что, собственно, можно было создать..., попади постройка дворца в руки истинного художника-творца, которому так же умели бы следовать, как Павел I следовал Бренна, Воронихину, которого бы так же слушали, как Екатерина – Чарльза Камерона и Кваренги, которому так же предоставляли бы простор для деятельности, как великолепная “Елисавет” предоставляла графу Варфоломею де Растрелли-младшему. Те “памятники” эпохи ...навсегда будут являться храмами искусства... А чем же, спрашивается, охарактеризовано последнее царствование в искусстве России? Ливадийским дворцом! “Федоровским городком” в Царском, апартаментами в Александровском дворце по рисункам Мельцера-вандала..., несколькими мостами да казенными винными складами... И это в то время, когда были талантливые зодчие <...> Их не умели у нас использовать как следует – а это-то больше всего и характеризует эпоху. Не так уж была она бездарна, как многие полагают до сих пор ошибочно. Неумение использовать людей, их знания фатально отмечает собою эту несчастную эпоху»¹⁸¹.

Ливадийский дворец должен быть сохранен в назидание потомству, как иллюстрация к истории русской революции и вызвавших ее причин, – заключает Георгий Лукомский.

Вскоре после этой публикации, весной 1920 года, за полгода до прихода в Крым большевиков Г.К. Лукомский уехал из Крыма в Константинополь (ю скончался в 1952 году в Ницце). Там же, на французской Ривьере, в расположенной на мысе Антиб вилле «Тенар» жили с женами и великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич, там они и скончались много лет спустя. Дворец

¹⁸⁰ Там же. С. 306.

¹⁸¹ Там же. С. 308.

«Чаир» взорвали советские войска в 1941 году, перед самым приходом немцев, дворец «Дюльбер» тогда же сгорел дотла и был существенно перестроен при послевоенном восстановлении. Сегодня на месте дворца «Чаир» располагается возведенная после Великой Отечественной войны госдача, а дворец «Дюльбер» работает как санаторий; решается вопрос о его реконструкции и приведении в оригинальный первоначальный вид. Уточненная нами история его постройки, краткие результаты которой были впервые опубликованы в виде статьи в подготовленном к выставке «Романовы. Воспоминания о Крыме» в московском ГМЗ «Царицыно» каталоге¹⁸², несомненно, могут быть использованы в работе такого рода.

1.3. Опыт применения методов компьютерной картографии для реконструкции истории культурного ландшафта Южного берега Крыма (на примере изучения имений и дач местности Магарач)¹⁸³

Сегодня представители гуманитарных наук во все большей степени вооружаются количественными методами обработки не только массовых статистических данных, но и нарративной и визуальной информации, прибегают к работе с базами и банками оцифрованных источников различных видов. По мнению многих авторов, именно овладение цифровыми, количественными методами является ключевой задачей историков, от которой зависит будущее самой истории как науки, претендующей на «общественную центральность»¹⁸⁴.

В том, что современные приемы информационного поиска с применением количественных методов и компьютерных технологий, использующиеся в

¹⁸² Карагодин А.В. Великокняжеские дворцы Чаир, Дюльбер, Кичкине...

¹⁸³ При подготовке данного параграфа диссертации использована публикация автора в соавторстве: Карагодин А.В., Булавинцева Е.В. Комплексное источниковедение на службе историков и краеведов: новые сведения об имениях Южного берега Крыма в XIX – начале XX в. и их владельцах (на примере изучения местности Магарач) // Человек и культура. 2022 (в печати) (2,0/3 п.л.).

¹⁸⁴ Селунская Н.Б., Петрова О.С., Карагодин А.В. Измерение прошлого. Учебно-методическое пособие. СПб., 2018.

контексте комплексного источниковедения, позволяют с успехом решать новые задачи в области изучения истории ЮБК, убеждают и результаты работы совместной работы автора настоящего исследования и ялтинских краеведов Е.В. и А.А. Булавинцевых.

Супруги Булавинцевы применяют возможности современных ГИС технологий в краеведении, совмещая их с натурным обследованием и фотофиксацией местности, зарисовкой и составлением схем. Эти авторы занимаются исследованием имений и кладбищ ЮБК; почтовых и земских дорог, в т.ч. средневековых; исторической реконструкцией туристических маршрутов и троп. Ими разработаны методики поиска и распространения информации, опробован ряд инструментов для исследовательской работы. Результаты исследований демонстрируются на ежегодных исторических конференциях.

Вкратце суть разработанной методики геоинформационного поиска такова. Для того, чтобы работать с подготовленными сканированными (растровыми) материалами старых карт и планов местности в ГИС, их необходимо привязать (под координатной или географической привязкой – англ. georeferencing – подразумевается перевод отсканированных данных из файловой – локальной – системы координат в географическую). Другими словами, географическая привязка означает связывание файла цифрового изображения с местоположениями в физическом пространстве. Географическая привязка может применяться к любому типу объекта или конструкции, которые могут быть связаны с географическим положением, например к дорогам, рекам, мостам или зданиям. Такую привязку можно осуществить в программе Global Mapper за несколько этапов. В итоге изображение подгоняется под выбранную систему координат – трансформируется (англ. rectify) и каждому пикселю изображения присваиваются новые координаты. После успешной привязки старой карты растровые данные экспортируются в необходимые форматы геоданных для последующего применения непосредственно в исследованиях.

Первым опытом такой работы в 2018 году была геопривязка Плана Ялты 1905 года, когда готовый результат был экспортирован в 3 формата: KMZ – для

программы Google Планета Земля; Google Maps Tiles – для работы в программе SAS.Планета и OZF – формат программы OziExplorer.

В реальных задачах бывает необходимо не только привязать растр, но и оценить точность привязки. Поэтому проведение натурных обследований проводится с помощью смартфона на системе Android с GPS приемником и использования функционала программы навигации OziExplorer, которая позволяет отслеживать текущее расположение, полученное от GPS на привязанной карте. Также в программе можно создавать путевые точки, маршруты и записывать трек (след от движения). Фиксируемый программой в ходе натурального обследования трек (формат PLT) можно анализировать на ПК в любом ГИС приложении, в т.ч. уточнять точность привязки карты. После коррекции привязки карты в Global Mapper нужные файлы создаются заново.

Используя возможности программы Google Планета Земля, нарисовав необходимые объекты, например, строения или границы территории на привязанной карте, можно определять их координаты, измерять расстояния и площади, а также увидеть местоположение этих объектов на современных спутниковых снимках земной поверхности от компании Google. Программа SAS.Планета имеет более удобный функционал, чем Google Планета Земля, и к тому же предоставляет единый интерфейс загрузки и просмотра карт, не только Google Maps, но и большинства других картографических online-сервисов таких, например, как OpenStreetMap и Яндекс.Карты. Все загруженные этой программой карты остаются в кэше на компьютере, и их можно просматривать без подключения к сети интернет, поэтому именно SAS.Планета стала основным инструментом в краеведческой работе.

С помощью описанной методики А.А. Булавинцев осуществил геопривязку более 17 карт и планов Ялты и ЮБК, подготовил информационные продукты для работы в программе SAS.Планета и OziExplorer. В исследовательской и краеведческой работе постоянно используются планы г. Ялты 1871, 1905, 1912 и 1943 годов; план Массандры 1834 года и экскурсионная карта ялтинского района ЮБК 1903 года.

Благодаря описанной методике удалось установить, как и где пролегла первая почтовая дорога в местечко Ялта, по которой проезжали А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов и первые путешественники ЮБК (по сей день во многих публикациях ошибочно указывается, что первой почтовой дорогой была нынешняя ул. Свердлова). Определение границы имения «Массандра» позволило выявить, что один из воронцовских виноградников сохранился до наших дней в исторических границах, а первый городской храм во имя Иоанна Златоуста вместе с прилегающей территорией (парком и первым городским кладбищем) были построены на земле имения «Массандра»: М.С.Воронцов предоставил часть земли, принадлежащей его детям, в дар будущего города. Анализируя карту имения «Массандра» 1834 г., а также проведя опрос местного жителя В.Г. Рябова, удалось локализовать новый археологический объект «Развалины монастыря», который в 1894 году обследовал основатель и первый директор Херсонесского музея К.К. Косцюшко-Валюжинич (в научный оборот материалы исследований были введены С.Г. Бочаровым¹⁸⁵). При натурном осмотре этого места в 2018 году были найдены фрагменты кладки на известковом растворе, керамики и керамид, а также фрагменты человеческих костей. Приглашенный для осмотра объекта ялтинский археолог Н.П. Турова выявила «пятно тлена с остатками погребального сооружения», но первые разведочные раскопки экспедицией Института археологии Крыма РАН во главе с Н.П. Туровой начались только после начавшейся застройки склона с остатками погребения в 2020 году¹⁸⁶.

А.А. Булавинцев на протяжении нескольких лет также занимался кропотливой реконструкцией истории кладбищ Ялты с 1837 (года приобретения статуса города) до 1913 г., мемориализацией культурного наследия исторических некро-

¹⁸⁵ Бочаров С.Г. Средневековый массандровский «Храм 1894 года». Один эпизод научной деятельности К.К. Косцюшко-Валюжинича // Церковная археология южной Руси. Сборник материалов Международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия». Севастополь, 2001. С. 161–166.

¹⁸⁶ Турова Н.П. Церковь Преображения Господня в Массандре – «Храм 1894 года» // История и археология Крыма. Вып. XIV. Сборник научных статей. Симферополь, 2021. С. 237–258.

полей. Для решения этой задачи был не только обработан большой объем архивных документов, но и проведена геопривязка исторических планов города к современной системе координат, что дало возможность указывать не предположительные, а почти точные границы территорий, их периметр, площадь и координаты границ нужных объектов. В результате удалось точно определить границы трех городских, а также Аутского и Больничного кладбищ, что, несомненно, должно послужить сохранению этих территорий как мест «исторической памяти»¹⁸⁷.

Ниже речь пойдет об еще одном направлении работы, осуществленной нами совместно с указанными авторами: восстановлении памяти о забытых имениях урочища Магарач к востоку от Ялты: от истории организованной здесь по указу М.С. Воронцова колонии виноделов из числа ярких участников колонизации ЮБК на рубеже 1830-х гг., организации владельческих дач с парками и садами до переустройства имений в пансионаты и санатории во второй половине XIX в. вплоть до момента их национализации в 1920-21 гг. В ее ходе было обработано множество дел из фондов ГАРК, выявлены планы многих имений Магарача, исторически реконструированы их границы и имена почти всех владельцев в историческом контексте. На сегодняшний день в списке владельцев за период с 1828 по 1922 год фигурирует более семидесяти персон владельцев и служащих, связанных с владениями в урочище Магарач; составляется их электронная база данных.

С помощью приемов комплексного источниковедения и применения современных ГИС-технологий оказалось возможным определить точное местоположение многих имений урочища Магарач, опровергнув при этом и некоторые бытовавшие в краеведческой литературе заблуждения. Были подробно изучены имения «Джемиет», «Берекет», «Наташино», «Нардан», «Грезы», «Позелиппо», «Нютино» и другие.

¹⁸⁷ Булавинцев А.А. К вопросу об истории городского кладбища Ялты// Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2021. Т. 7. № 2. С. 115–139.

Название Магарач (или Мгараш) происходит от имени старого греческого поселения, находившегося возле горы Магаричь Явлинъ и старого источника Ай-Ян¹⁸⁸. Первое документальное упоминание о нем встречается в Османских налоговых ведомостях 1652 года и 1680 г.¹⁸⁹. После переселения христиан в Приазовье в деревне остались два разрушенных храма Св. Иоакима и Анны и Св. Иоанна Крестителя¹⁹⁰. Путешественник и естествоиспытатель Петр Симон Паллас видел в Магараче разоренный монастырь. Дорога из Магарача в Марсанду (имение «Массандра», которое с 1828 года принадлежало детям графа М.С. Воронцова, губернатора Новороссийского края) проходила мимо предполагаемого средневекового монастыря в Магараче и старого храма Рождества Иоанна Предтечи в имении «Массандра», на руинах которого был построен М.С. Воронцовым по проекту архитектора Ф.Ф. Эльсона храм Усекновения Главы Иоанна Предтечи 1829–1832.

Разоренная греческая деревня Магарач, вместе с Массандрой и Никитой, входила в одно из первых имений ЮБК «Дача Богоданная»¹⁹¹, полученное в вечное и потомственное владение в 1796 году Матвеем Никитиным, сыном Смирнова, советником Таврического областного правления. Опекуны его наследников продали это огромное имение (сегодня это территория от д. Васильевка до Гурзуфа к востоку от Ялты) по частям на торгах в 1810 году. Из дачи «Богоданной» были выделены четыре участка, позднее получившие названия – имения Массандра (620 дес.), Мартьян вместе с лесной зоной (748 дес 1188 кв сажень), Лесная дача (1300 дес.) и Дача Никитского ботанического сада (397 дес.)¹⁹².

Как писал Христиан Стевен, первый директор Казенного Никитского Ботанического сада, земли урочища Магарач были изрезаны многочисленными оврагами и скалами и непригодны для разведения там сада¹⁹³. Путешественники

¹⁸⁸ ГАРК. Ф. 377. Оп. 7. Д. 529.

¹⁸⁹ Османский реестр земельных владений Южного Крыма 1680-х годов. Составитель А. В. Ефимов. М., 2021. Т. 3. С. 218–220.

¹⁹⁰ Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 1. Николаев, 1873.

¹⁹¹ ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 767.

¹⁹² ГАРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 756.

¹⁹³ Крюкова И.В. Никитский ботанический сад. История и судьбы. Симферополь, 2011. С. 23.

того периода также отмечали заброшенность и неприглядность этой местности¹⁹⁴. Ситуация изменилась после указа его Императорского Величества и распоряжения Таврического и Новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова об выделении в 1828 году по специальному межеванию из Дачи Никитского Ботанического сада урочища Магарач, гласившего: «Ввиду того, что на Магараче, расположенном на ЮБК около Никитского сада, земля, принадлежащая дирекции этого сада, не может быть обработана и остается незанятой, не принося никакого дохода ни короне, ни краю, я решил разделить 120 десятин этой земли на малые участки и передать их частным лицам для заведения виноградников на основании указа Его Величества от 14 сентября 1828 года»¹⁹⁵.

Этот указ положил начало заселению урочища Магарач. Участки раздавались желающим по специальным условиям. По свидетельству известного историка и винодела П.И. Кеппена, «из Магарачской дачи выделено до 40 участков, составляющих более 200 десятин земли, и розданы разным лицам, которые, желая развести виноградные сады, обязались посадить на каждую десятину не менее 2400 кустов. Распоряжение сие удостоилось Высочайшего утверждения с тем, что владельцы, исполнившие условия, не облагаются никакой податью за полученные ими в собственность участки. Дабы однако же обеспечить казну в том, что помещики, получившие земли, до истечения четырехлетнего сорока действительно разведут на оных виноградники, то за каждую десятину взыскано по 100 рублей, каковые деньги возвращаются с причитающимися процентами, при выдаче акта на вечное владение сказанными землями. Таким образом Магарачская дача, коей прежние владельцы (греки) переселились к Азовскому морю, и которая с 1799 г. служила только пастбищем, ныне обращается в колонию образованных и трудолюбивых виноделов»¹⁹⁶.

¹⁹⁴ *Монтандон Ш.* Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. Киев, 2011. С. 129.

¹⁹⁵ Там же. С.129.

¹⁹⁶ *Кеппен П.И.* О виноделии и винной торговле в России: сочинение Петра Кеппена, коллежского советника и кавалера, магистра правоведения, доктора философии и члена разных ученых обществ. СПб., 1832. С. 113–114.

Желающих принять такие условия было достаточно: судя по письмам Таврического губернатора А.И. Казначеева к М.С. Воронцову, пришлось добавлять количество участков, которые увеличились с 36 до 42. «Участки все розданы, но я усмотрел много земли пустой и велел прибавить еще 6 участков»¹⁹⁷. Почти все участки занимали площадь от 3 до 5 десятин, и только участок №23, составлял площадь 17 десятин, ввиду своего расположения на скалистом бугре, многие брали по 2, а то и 3 участка.

Установить имена собственников участков позволили как описания путешественников середины XIX в., в том числе снабженное схематичным планом участков с именами их владельцев описание из вышедшего в 1833 г. путеводителя Шарля Монтандона (илл.5), так и архивные документы из фондов 26 и 27 ГАРК.

Первыми владельцами участков были в основном дворяне, приближенные в М.С. Воронцову, деятельные участники второй, пришедшейся на первую половину XIX века, волны освоения ЮБК, который до присоединения полуострова к России представлял собой малонаселенную местность без дорог, изобилующую каменными обвалами. Среди них были, к примеру, вице-губернатор Таврической губернии Н.М. Лонгвинов, секретарь графа М.С. Воронцова А.И. Левшин, врачи Ф.К. Мильгаузен и И.И. Грапперон, английский инженер И.И. Уптон (автор проектов Графской пристани и Башни ветров в Севастополе), адмирал А.С. Грейг, подполковник военный инженер и строитель первой дороги на ЮБК П.В. Шипилов, управляющий именем М.С. Воронцова в Алушке А.Ашер и другие. По сути, речь шла о попытке организовать на Южном берегу колонию просвещенных виноделов из числа представителей прогрессивных властных кругов императорской России: очевидно, что это предприятие, по сей день практически неосвещенное в историографии, заслуживает гораздо большего внимания.

¹⁹⁷ Партикулярные письма А. И. Казначеева М. С. Воронцову, 1828–1837 гг. // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2010. Т. XIX. С. 338–341.

В дальнейшем многие участки были объединены и получили названия, которые известны по дореволюционным путеводителям, но не были локализованы до настоящего времени. К моменту прихода советской власти в Крым и национализации имений в 1921–1922 годах на территории урочища Магарач было 17 имений или дач.

Разберем подробнее несколько историй участков и их владельцев. Так, владельцем участков под № 20 и № 36 стал бывший Оренбургский вице-губернатор Михаил Николаевич Сушков. В 1833 году, после смерти Сушкова, они перешли подполковнику Захару Макаровичу Яковлеву, предводителю дворянства Таврической губернии в 1842–1843 годах. На своем участке он высадил виноградник и фруктовый сад и устроил небольшую усадьбу. В путеводителе по Крыму Шарля Монтандона отмечалось, что на земле З.М. Яковлева произрастает 15000 лоз винограда – это давало ему право на потомственное владение землей и передачи ее по наследству. Позднее Яковлев выстроил и большой хозяйский дом, заказав в 1849 г. проект у Первого архитектора Южного берега К.И. Эшлимана. К 1859 г. у Яковлева было три добротных дома¹⁹⁸.

У наследников Яковлева участки купила в 1867 г. фрейлина императрицы Марии Александровны, баронесса Мария Петровна Фредерикс, дочь барона Петра Андреевича Фредерикса (1786–1855), генерал-адъютанта, действительного тайного советника, обер-шталмейстера двора Его Величества, и графини Цецилии (Сесиль) Гуровской, подруги детства принцессы Прусской, будущей императрицы Александры Федоровны, матери императора Александра II. Мария была крестницей императора Николая I и воспитывалась при дворе вместе с его детьми, уже в 17 лет стала фрейлиной, а с 19 лет – свитной фрейлиной императорского двора. После смерти Николая I она старалась не оставлять вдовствующую императрицу Александру Федоровну в одиночестве до самой ее смерти. Живя в Петербурге, Мария принимала участие в благотворительной деятельности императрицы Александры Федоровны, а затем и Марии Александровны, а

¹⁹⁸ ГАРК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 17.

также в работе нескольких приютов (организованного ее дядей бароном Борисом Андреевичем Фредериксом и Александринского приюта Е.В. Ребиндер)¹⁹⁹.

Когда в 1860 г. Удельное ведомство по совету лейб-медика Сергея Петровича Боткина приобрело у наследников Потоцкого имение «Ливадия» в Крыму с целью улучшения здоровья больной императрицы Марии Александровны, вместе с царской семьей знакомиться с новым имением приехала и М.П. Фредерикс, а также Марфа Степановна Сабина, воспитательница и преподавательница музыки царским детям. После поездки многие из ее участников приобрели имения на ЮБК, что дало несомненный толчок развитию Ялты и ее окрестностей как курорта²⁰⁰.

В 1867 г., находясь в Ливадии, М.П. Фредерикс приняла решение переехать в Крым уже на постоянное место жительства. Свое вновь приобретенное у наследников Яковлева имение в Магараче она назвала «Джемиет», что в переводе с крымско-татарского означает «благотворительность», «служение», «общая жизнь». Обосновавшись в Крыму, М.П. Фредерикс и М.С. Сабина при Высочайшем покровительстве императрицы Марии Александровны создали Благовещенскую общину сестер милосердия. Женская часть общины – сестры, фельдшерицы, баронесса и приглашенный священник жили в хозяйском доме Фредерикс, в котором была устроена домовая церковь. Дом, в котором была устроена больница, находился рядом. История имения М.П. Фредерикс «Джемиет» подробно описана в публикации Е.В. Булавинцевой, вышедшей в 2020 г.²⁰¹.

Еще одно имение Магарача, историю которого удалось восстановить Е.В. Булавинцевой в сотрудничестве с автором настоящего исследования –

¹⁹⁹ Энциклопедия Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. URL: <http://encspb.ru/object/2853437366?lc=ru> (Дата обращения: 12.09.2022).

²⁰⁰ ГАРК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 82; Ф. 62. Оп. 3. Д. 3.

²⁰¹ Булавинцева Е.В. Имение Джемиет и последняя воля фрейлины императорского двора баронессы Марии Петровны, из рода Фредерикс // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6. № 1. С. 19–27.

«Чам-Агач». На его примере можно поэтапно разобрать результативный алгоритм исследовательской работы по изучению истории и локализации имений в урочище Магарац.

На плане 1834 г. путешественника Шарля Монтандона часть этого имения находится под номером №23²⁰². Согласно архивным источникам, первоначально этот участок принадлежал чиновнику особых поручений по феодосийскому уезду штабс-капитану Курису, затем по настоянию жены в 1833 году он продал его генерал-лейтенанту и кавалеру Паисию Сергеевичу Кайсарову, который не только высадил положенное количество кустов винограда, но и построил дом, в котором поселился²⁰³. Свое имение, совместно с участком №25, он назвал в честь своей дочери Наталии – «Наташино». Имением он владел 11 лет, до смерти в 1844 году, после чего «Наташино» по завещанию перешло его жене и дочери²⁰⁴. Однако ни жена, ни дочь Наталья, фрейлина двора, не захотели жить в крымском имении, поэтому в 1850 году оно было продано Егору Ивановичу Гельфрейху, генералу от кавалерии, командиру Кирасирского и Драгунского полка, участнику Отечественной войны, военному писателю. После увольнения в апреле 1857 года по состоянию здоровья, он поселился в Крыму, проводя лето на Южном берегу, а остальное время в Симферополе. По воспоминаниям современников, в симферопольском доме и в имении «Наташино» проводились званые вечера и балы²⁰⁵.

Е.И. Гельфрейх скончался 30 декабря 1865 г. в Симферополе, был погребен на городском кладбище. Имение перешло его единственной дочери Мальвине, в замужестве Лаврентьевой, жене военного писателя Александра Ивановича Лаврентьева, завершившего свою карьеру в чине генерала от инфантерии.

В ноябре 1887 года у Мальвины Егоровны Лаврентьевой небольшой участок земли мерой 3 десятины 552 кв. сажень купил дворянин Леонид Николаевич

²⁰² Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму... С. 131.

²⁰³ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 7247.

²⁰⁴ ГАРК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1073.

²⁰⁵ Лазари А. де. Наброски на бумагу. Łódź, 2014. С. 51.

Шестаков²⁰⁶. Род Шестаковых берет свое начало в Ярославской губернии и происходит от Казарина Литвинова, выходца из Литвы. Шестаковы служили на благо Российской империи с XVII в. Леонид Николаевич родился 23 января 1845 г. в семье советника Санкт-Петербургского губернского правления коллежского асессора Н.В. Шестакова и В.Н. Муравьевой, дочери историка-археолога Н.Н. Муравьева, статс-секретаря императоров Александра I и Николая I. После смерти родителей в 1846 году он стал полным сиротой. Шестаков дослужился до чина коллежского секретаря и проработал 36 лет при Одесском градоначальнике.

Его жена Ольга Евгеньевна, урожденная княжна Гагарина, по материнской линии происходила из древнего рода князей Стурдза, влиятельных и просвещенных молдавских господарей. Бракосочетание проходило 11 апреля 1876 г. в Посольском храме Санкт-Петербурга. У пары родились две дочери – Ольга в 1878 г. и Любовь в 1879 г. Уйдя в отставку, Шестаков переехал в Ялту, и, выбрав тихое и спокойное место вдали от городской суеты (Ялта уже начинала испытывать курортный бум конца XIX – начала XX вв.), поселился в урочище Магарач. Свое имение семья Шестаковых назвала «Ай-Люли»²⁰⁷. В сосновом лесу рядом с дорогой на Симферополь на высоком холме расположился владельческий дом и рядом с ним хозяйственные постройки. В ночь на 27 июня 1894 г. пароход, следовавший из Ялты в Одессу, на котором находился Шестаков с младшей дочерью Любой, потерпел крушение в районе мыса Тарханкут. Из 142 пассажиров спаслись лишь 102 человека. Среди погибших были и Шестаковы. Леонид Николаевич с дочерью был похоронен в родовой усыпальнице Стурдза на Воскресенском кладбище при храме Св. Магдалины в Одесском монастыре.

После трагической гибели мужа и младшей дочери, Ольга Евгеньевна вместе со старшей Ольгой выехала из Крыма, оставив имение на попечение управляющего. На протяжении долгого время имение сдавалось в аренду. С 1903 года бывшая владельческая дача Шестаковых, переименованная в пансион «Чам-Агач» (с крымскотатарского – «сосновый лес») появляется в путеводителях по

²⁰⁶ ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6153.

²⁰⁷ Путеводитель по Крыму Сосногорской и Караулова. 5-е изд.. М., 1889.

ЮБК. Переименование названия имения, скорее всего было связано с целью привлечения внимания гостей приезжающих в Ялту и желающих оздоровиться. Ввиду курортного бума в ялтинском районе, организаторы пансиона делали акцент на оздоровление чистым горным воздухом и хорошим столом. Пансион был рассчитан «для слабогрудых, нервных, малокровных, переутомленных и поправляющихся после болезней» больных. О пансионе на «красивой даче Шестаковой» сообщали практически все путеводители 1903–1915-х гг.: Г.Г. Москвича, А.Я. Бесчинского, К.Ю. Бумбера и др. В течение ряда лет арендатором-содержательницей пансиона «Чам-Агач» являлась Нина Яковлевна Корпцова, при которой он достиг особенной известности. Сама же О.Е. Шестакова постоянно проживала в Москве²⁰⁸.

В 1917 г. новым (и последним) хозяином имения стал бывший курский губернский предводитель дворянства, шталмейстер Императорского двора, полковник лейб-гвардии Гусарского полка князь Лев Иванович Дондуков-Изъединов. Род Изъединова происходил из потомственных дворян Курской губернии. С 1889 года он был женат на княжне Надежде Владимировне Дондуковой-Корсаковой (1867 г.р., год и место смерти неизвестны), племяннице наместника Кавказа и командующего войсками князя А.М. Дондукова-Корсакова (1820–1893), наследника имения «Гюзель-Тепе» в Ялте. В виду отсутствия продолжателей рода Дондуковых-Корсаковых, 12 января 1907 г., Льву Ивановичу Изъединову дозволено было присоединить к своей фамилии и гербу – фамилию, герб и титул князей Дондуковых и именоваться впредь князем Дондуковым-Изъединовым.

Мирная жизнь в имении «Чам-Агач» закончилась в январе 1918 года, когда Ялта в целом и имение «Чам-Агач» в частности стали ареной кровопролитных боев между революционными матросами из Севастополя и противостоявшим им Крымским конным полком, не признававшим власть большевиков и состоявшим отчасти из крымских татар²⁰⁹. События тех дней в имении описаны в

²⁰⁸ ГАРК. Ф. 529. Оп. 1. Д. 44.

²⁰⁹ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008.

воспоминаниях князя Дондукова-Изьединова, опубликованных в 2000 г. известным крымским искусствоведом и краеведом А.А. Галиченко, автором многочисленных популярных книг, посвященных дворянским усадьбам Крыма в начале XX века²¹⁰. В мемуарах сказано, что миноносцы «Керчь» и «Хаджибей» броненбойными снарядами стреляли по деревне Никита, где был штаб белых... «Снаряды, разрываясь о скалы, поднимали дикий вой. Куски снарядов, камней вместе с эхом создавали вокруг суший ад. Это продолжалось час или два, а потом стихло. Во время стрельбы я выходил из дома в сад, где мне пришлось довольно долго лежать за скалой, ибо совершенно невозможно было определить, где идут разрывы. Все крутилось и визжало в воздухе. Такого воя я даже на войне не слышал!»²¹¹.

По мнению А.А. Галиченко, из приведенного ниже отрывка ясно следует, где именно располагалось имение «Чам-Агач»: «При подъезде к верхней Масандре со стороны поселка Никиты, прямо у остановки автобуса нынешнего санатория «Сосняк», высится величественная, раскидистая крона ливанского кедра, напоминая собой, что некогда здесь у самого подножья крымских гор размещалась очень небольшая по меркам того времени помещичья усадьба, каких-нибудь 3,5 десятины. Теперь, среди выстроенных новых корпусов санатория с трудом различаешь ее остатки. Бассейны, старые подпорные стенки, лестницы и, наконец, то место, где раньше стоял дом. Действительно, отсюда открывается великолепный обзор ялтинского побережья, включая и пресловутый мол. Тут вполне мог, как описал автор, вестись обстрел стоявших на рейде революционных кораблей, что послужило поводом к ответному огню и начавшемуся за ним вслед красному террору»²¹².

Однако в приведенной локализации имения «Чам-Агач» возникли сомнения, она представлялась не столь очевидной уже на уровне описания: «дом стоит

²¹⁰ Галиченко А.А. Князь Георгий Дондуков-Изьединов. Расстрел. «Ялтинский мол» глазами очевидца // Крымский альбом 2000. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Выпуск 5. Феодосия, 2002.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же.

на резком обрыве», «вокруг скалы и камни», которых нет возле остановки и дороги в нынешний санаторий «Сосняк».

Советский санаторий «Сосняк» 1935-41 гг. действительно, как удалось выяснить в процессе анализа и обобщения многочисленных материалов из ГАРК (ф. 529, оп. 1, д. 44; ф. 49 – окладные и расходные книги разных годов; ф. 62 – поземельные книги разных годов, а также дела по национализации и составлению арендных договоров – ф. Р-2756, оп. 1 и 2, ф. Р-361, оп. 2) и др., постепенно объединил под своим названием несколько дореволюционных имений разной площади, входивших в состав имений урочища Магарач и выделенных в разное время из имения «Наташино» (имение или пансион «Чам-Агач» – 3,5 дес., имение «Гюзель-Ер» – 2 дес., имение «Сосняк» – 1 дес., имение «Горный пансион» – 1600 кв. сажень, имение «Кинта-Мадера» – 2 дес.).

Определить, где в действительности проходили границы имения «Чам-Агач», помогло обращение к приемам комплексного источниковедения: поиск информации в письменных источниках, в первую очередь справочной литературе, архивных фондах и мемуарах, сопровождался «полевой» работой с вещественными источниками на местности, в частности, поиском межевых стен, а та, в свою очередь, сопрягалась с локализацией находок на картах и планах местности, с привлечением компьютерных программ по геолокации и спутниковых навигаторов.

Потенциал такого подхода лишь только начинает раскрываться историками и краеведами: между тем, сопоставление внешнего вида памятника или ландшафта в наши дни с его изображением на фотографиях минувших лет или хранящимися в архиве планировочными чертежами позволяет, помимо трансформации его внешнего вида, восстановить и экономические, социальные, культурные особенности его бытования в разные периоды или даже эпохи²¹³.

²¹³ Карагодина А.В. Культурный ландшафт как вещественный исторический источник (на примере дач, дачных поселков и парков начала XX в. на Южном берегу Крыма) // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки. М., 2020. С. 560–572.

Так, именно после посещения одного из выведенных из эксплуатации корпусов бывшего советского санатория «Сосняк» – якобы господского дома Шестаковых – в 2017 г. авторам стало окончательно ясно, что это не имение «Чам-Агач»: ни с балкона двухэтажного здания, ни с террасы бывшей столовой советского санатория «Сосняк» ялтинский порт и мол, не были видны, так же, как и не была видна дорога в Симферополь, описываемая в воспоминаниях об обстреле имения. На то, что с восточной стороны бугра, где располагается бывшая столовая, не мог производиться обстрел в западную сторону, по молу Ялты, указал и привлеченный эксперт – офицер-ракетчик и артиллерист Дальневосточного военно-морского флота России, рассчитав траекторию полета снарядов. А при работе с материалами фондов по национализации 1921 года из ГАРК стало окончательно ясно, что в описании имения «Чам-Агач» ни одно из задний не соответствует оставшимся строениям в санатории «Сосняк». Соответственно, локализовать имение «Чам-Агач» следовало с западной стороны скального массива.

По материалам ГАРК удалось выяснить, что утраченное Джемиетовское кладбище и часовня-склеп, где были похоронены баронесса М.П. Фредерикс и дочь протоирея М.С. Сабинина вместе со своими сестрами и матерью, находились на границе имения М.П. Фредерикс «Джемиет» с имением «Чам-Агач», напротив господского дома Шестакова. При полевых работах была обнаружена межевая стена, хорошо сохранившаяся ниже современной трассы – граница между имением «Берекет» А.Н. Шатовой и имением «Чам-Агач» Л.Н. и О.Е. Шестаковых. Данный объект, при определении координат и направления линии стены, позволил привязать фрагмент плана имения «Джемиет» с обозначением кладбища и часовни к современной местности. Так было определено местонахождение Джемиетовского кладбища, а согласно архивным материалам, владельческий дом имения «Чам-Агач» располагался напротив него.

Этот дом хорошо виден на старых фотографиях, как и дорога – часть симферопольского шоссе, идущего мимо имения «Чам-Агач» (дорога была расши-

рена и перестроена в 1859, 1886–1889 и 1903 гг., после чего отрезок пути в имении «Наташино», стал называться также дорогой на Симферополь); часовня в имении «Берекет» Шатовой со сторожкой; виноградники М.П. Фредерикс, с 1900 года принадлежавшие удельному ведомству. На приводимых ниже фотографиях мы видим одно и то же здание – пансион «Чам-Агач».

Часовня возле почтовой дороги, построенная в честь спасения царской семьи в железнодорожной катастрофе 17 октября 1888 г. в имении «Берекет» А.Н. Шатовой, в то время считалась ялтинской достопримечательностью. Имение генерал-майора Николая Федоровича Шатова было одним из участков специального межевания Дачи Никитского Ботанического сада в урочище Магарач, раздававшихся в 1828 году. Весной 1890 года дочь Николая Федоровича от второго брака Анастасия подала заявку в строительное отделение Духовной консистории на утверждение проекта часовни в память о событии 17 октября 1888 г. Контроль за строительством осуществил и.д. губернского архитектора титулярный советник Мечислав Сильвестрович Комарницкий²¹⁴. В 1891 году часовня была освящена. На основании плана имения и привязки к местности Е.В. Булавинцевой были определены границы имения «Берекет» А.Н. Шатовой, а также определено местонахождение самой часовни, часть фундамента которой сохранилось до наших дней на территории частного владения.

На заключительном этапе исследования, благодаря использованию современных компьютерных технологий, зная точные координаты межевой линии между имениями «Берекет» и «Чам-Агач», удалось установить еще одну межевую стену – границу имения «Джемиет» и «Чам-Агач». Они совпали с теми, что видны на «Экскурсионной карте ялтинского района ЮБК» (масштаб 1 верста в дюйме), выпущенной как приложение к «Путеводителю по горам Крыма» разработанной Крымско-Кавказским горным клубом под редакцией действительного

²¹⁴ ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 25.

члена Ялтинского отделения ККГК и действительного члена Русского Географического общества В.А.Меркулова, опубликованной в 1903 г.²¹⁵ В приложении к книге под №143 указана «Дача, бывшая Шестаковой по Симферопольскому шоссе» (там же), которая на карте находилась напротив схематического обозначения кладбища. Анализируя изображение границ данного имения по экскурсионной карте, требовалось обозначить еще одну, восточную границу бывшего имения. При натурном исследовании местности Е.В. Булавинцевой удалось обнаружить и ее, точнее только часть основания: она находилась западнее, фактически за столовой бывшего советского санатория «Сосняк» и в 2015 году была еще видна. Это и была восточная граница имения. Из этого следует, что строительство кухни-столовой санатория «Сосняк» в 1936–1940 гг., по проекту советского инженер-архитектора Гурия Ивановича Дядина велось на территории другого бывшего имения – «Гюзель-Ер». В фондах ГАРК удалось найти документы о строительстве кухни-столовой, где говорится, что для выравнивания участка под строительство, потребовалось убрать 400 кубов каменистого грунта²¹⁶, из чего следует, что на месте кухни-столовой был высокий каменистый холм, по склону которого и проходила восточная граница имения «Чам-Агач».

После определения границ имения «Чам-Агач», удалось составить план-схему и рассчитать площадь, которая состоит из 3,2 десятины. С учетом искажений и погрешностей размеры участка на плане почти совпадают с площадью имения в 3 десятины 552 кв. саж., которая оставалась неизменной от момента его приобретения в 1887 г.у до 1922 г. (илл. 6).

Итак, после обнаружения межевых стен и уточнения фактической площади имения, совпавшей с зафиксированной в купчей крепости, и в других материалах ГАРК, расположение имения «Чам-Агач» стало точно известно: оно находилось на западном склоне скального массива, выше трассы (а не как было

²¹⁵ Путеводитель по горам Крыма. Издание Ялтинского отделения ККГК под редакцией действительного члена ККГК и Ялтинского отделения В. А. Меркулова. СПб., 1903.

²¹⁶ ГАРК. Ф. Р-3855. Оп.1. Д. 11.

ошибочно указано в статье А.А. Галиченко). Территория имения «Чам-Агач» никак не совпадала с территорией ныне известного советского противотуберкулезного санатория «Сосняк» (образованного осенью 1945 года, и на 1 июля 1946 г. значившегося как санаторий курортного управления ВЦСПС № 17 «Сосняк»), располагавшегося на восточной стороне склона. Обширная территория ныне известного советского противотуберкулезного санатория №17 «Сосняк» не совпадает с границами советского санатория «Сосняк» 1935–1941 гг. ЦК профсоюза рабочих азотной промышленности и спецхимии СССР, который в 1935 году объединил под одним общим названием «Сосняк» несколько дореволюционных имений: «Чам-Агач» (оно же «Ай-Люли»), «Гюзель-Ер», «Сосняк», «Горный пансион» и «Кинта-Мадера».

До наших дней ни одно из зданий пансиона «Чам-Агач» не сохранилось. Лев Иванович Дондуков-Изъединов вместе с сыном вступили в Вооруженные Силы Юга России, с 1920 года – в эмиграции в Югославии, затем переехал во Францию, где умер 30 июля 1939 г. Имение «Чам-Агач», пострадавшее после обстрела, оставшись в таком виде без хозяев и надзора, было окончательно разграблено жителями деревни Никита в начале 1920-х гг. Многочисленные разрушения требовали ремонта, арендаторов, согласных на ремонт, найти не удалось и 10 марта 1925 г. после осмотра имения комиссией, было принято решение разобрать здания на строительный материал и продать его с торгов²¹⁷. Тем не менее, в 2015 году, при обследовании местности Е.В. Булавинцевой были зафиксированы фундаменты двух больших и одного совершенно малого размера построек. Предположительно эти фундаменты относились к кухне, конюшне и сторожке, а предполагаемое место владельческого дома находилось за высоким забором (ныне в частном владении). Над одним из обнаруженных фундаментов сегодня располагается одно из зданий бутик-отеля PALLASA.

²¹⁷ ГАРК. Ф. Р-2756. Оп. 2. Д. 75.

Приведенные примеры реконструкции истории имений ЮБК в XIX – начале XX вв. и личных историй их владельцев и гостей убедительно доказывают сразу несколько тезисов. Во-первых, в контексте современного «мемориального поворота» в историографии движимые страстью к изучению родных мест краеведы играют в историописании не менее важную роль, чем историки, в чьи профессиональные обязанности входит установление исторических фактов и трансляция достоверного знания. В подтверждение приведем цитату из работ выдающегося историка-источниковеда и одновременно – теоретика и практика краеведения С.О. Шмидта: «процесс познания начинается с того, что более доступно пониманию, с наблюдений над тем, что ближе, виднее, осязательнее... Краеведные знания – в основе первичного воспитания, обучения и выработки понятий о важности опыта прошлого, в фундаменте исторической памяти»²¹⁸.

Во-вторых, очевидно, что именно приемы комплексного источниковедения в условиях информационного бума и все возрастающей доступности баз и банков данных, содержащий оцифрованную информацию об источниках различных типов и видов, включая и вещественные, позволяют решать проблемы реконструкции исторических фактов, установления достоверного знания об исторических явлениях и процессах наиболее эффективным способом. Важнейшую роль при этом играет выявление круга визуальных источников, запечатлевших облик памятников истории и их обитателей в изучаемую эпоху. При этом о той или иной строгой последовательности этих этапов говорить едва ли имеет смысл: речь скорее должна идти о синергетическом эффекте от работы с источниками различных типов – письменных, визуальных, вещественных – и видов, взаимном информационном обогащении.

Наконец, изучение фактов о пространствах прошлого едва ли имеет смысл без наполнения их биографиями и судьбами обитавших в нем героев, что реализуется в первую очередь с помощью источников личного происхождения – дневников, мемуаров, писем.

²¹⁸ Шмидт С. О. Краеведение – это всегда краелюбие. [Электронный ресурс]. URL://<https://his.1sept.ru/2004/22/4.htm> (Дата обращения – 12.09.2022).

В таком случае даже забытые в литературе, ныне «бескультурные» ландшафты, вроде нынешнего Магарача, представляющего собой типичный образчик постсоветской частной застройки среди запущенного парка, вновь превращаются в «культурные», одухотворенные пространства «исторической памяти» и требуют от общества, уважающего свою историю, соответствующего к себе отношения.

Глава 2. Источниковедческие проблемы изучения дачных курортов Южного берега Крыма (по материалам архивных фондов)

Важнейшим элементом в структуре профессионального исторического исследования, после выбора объекта исследования и постановки задачи, являются выявление источниковой и информационной основы решения этой задачи и разработка методов повышения информационной отдачи избранных источников²¹⁹. Задача настоящей главы - на конкретных примерах обрисовать круг источниковедческих проблем, с которыми неизбежно сталкивается любой исследователь, желающий заняться реконструкцией истории культурного ландшафта ЮБК «позднеимперского» периода на примере истории устройства и развития дачных курортов Новый Симеиз, Новый Мисхор и других, и предложить разработанные нами в ходе осуществления диссертационного исследования пути их решения, проверенные на практике эвристические подходы.

Как уже указывалось, целью настоящей диссертации было предоставить дальнейшим исследователям истории ЮБК собранную и проверенную на практике «машину» для извлечения максимума информации из источников и производства новых исторических знаний по теме развития культурного ландшафта ЮБК в конце XIX – начале XX века на всех уровнях. Успешный алгоритм работы с различными источниками исторической информации при изучении дачных курортов ЮБК конца XIX – начала XX века, исходя из накопленного при работе над настоящим исследованием опыта, представляется таким: от справочной литературы, путеводителей, краеведческих публикаций – к содержащей наибольший объем ценной информации документации из архивных фондов. Именно извлеченные из архивов документы позволяют выявить или уточнить данные о границах частновладельческих земель, собственниках участков, их профессиональной, сословной принадлежности и так далее.

²¹⁹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования.... С. 220–232.

Выявив эти базовые сведения, логично продолжить поиск в источниках личного происхождения – мемуарах, переписке, – а также в периодической печати. Это позволит уточнить и обогатить полученную информацию, получить доступ к «микронарративам», содержащим сведения об «истории повседневности». Одновременно осуществляется работа по выявлению круга визуальных источников, запечатлевших облик дачных курортов и их обитателей, и – при возможности – знакомство с самими пространствами «исторической памяти», фотофиксация их нынешнего состояния, опросы жителей и свидетелей прошлого.

Очевидно, что по-настоящему раскрыть информационный потенциал всех источников способен лишь комплексный подход, предполагающий установление достоверности и репрезентативности источников, повышение их информационной отдачи на основании системного подхода и сравнительного анализа.

Приведенные ниже примеры подтверждают эти соображения. В первом разделе главы речь пойдет о формировании комплекса источников по истории самого крупного дачного курорта ЮБК начала века – Нового Симеиза. Особенность Нового Симеиза, в отличие от других дачных курортов ЮБК, основанных и застраивавшихся в начале XX века – Нового Мисхора, Алупки-Сара, Кацивели, Батилимана и других, – в том, что он был практически не затронут перестройками после 1920 г.: до настоящего времени дошли в не сильно измененном виде большинство зданий, парки, сеть улиц и бульваров.

Этот «историзм» привлекал к Симеизу, его истории внимание краеведов и искусствоведов, опиравшихся в своем описании истории курорта на дореволюционные путеводители и визуальные материалы – открытки, фотографии²²⁰. Тем не менее, о полноценной реконструкции истории Нового Симеиза речь не шла: не были в полной мере установлены имена и социальный статус всех дачников Нового Симеиза, не было предложено объяснения самого исторического феномена зарождения дачного курорта, причин трансформации приморского имения

²²⁰ Петрова М.М. Симеиз: путешествие по старым дачам...

известных промышленников Мальцовых в дачный поселок, распродажи ими земель под дачи. Эти вопросы нам удалось решить с помощью привлечения новых делопроизводственных источников, в первую очередь из архивных фондов ГАРК, при комплексной информационной поддержке как опубликованных и известных, так и вновь введенных в оборот справочных и эго-источников, как письменных, так и визуальных, а также личном знакомстве с вещественными, фиксацией культурного ландшафта.

Во втором разделе мы обратимся к истории дачного поселка Новый Мисхор. Несмотря на то, что Новый Мисхор был самым первым, хронологически, из появившихся на Южном берегу дачных поселков (участки в нем начали отдаваться в долгосрочную аренду в 1898 г., в то время как первый участок в Новом Симеизе был продан в 1902 г.) реконструировать его историю оказалось существенно сложнее, чем историю дачного поселка Новый Симеиз. В отличие от Нового Симеиза, по Новому Мисхору не был издан путеводитель, аналогичный путеводителю В.М. Кузьменко «Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма», где был бы опубликован список дачников, их имена и сословный статус, план разбивки курорта. Всю эту информацию пришлось собирать по крупицам в источниках разной типовой и видовой принадлежности. Важную роль в этом процессе сыграли, помимо делопроизводственных материалов из архивных фондов, письменные эго-источники (мемуары, дневники, переписка дачников Нового Мисхора, среди которых оказалось немало людей культуры, науки и искусства), а также визуальные источники из музейных фондов и частных коллекций.

В третьем разделе речь вновь пойдет о дачниках Нового Симеиза. Впервые в историографии на основании комплекса источников, вновь вводимых в научных оборот – материалов центральных и региональных архивных и музейных фондов, а также эго-источников, в том числе неопубликованных, из личных архивов потомков дачников – нами предпринята попытка просопографического анализа, то есть создания коллективного биографического портрета симезских

дачников (под просопографией мы понимаем «жанр исследований, предполагающий изучение источников с целью создания динамических «коллективных биографий» определенных социальных группы, страт и т. п. при возможности сохранения и изучения биографий отдельных индивидуумов, составляющих данные социальные группы и страты»²²¹). Речь пойдет, в частности, о владельцах нескольких групп дач, которые, как показало изучение источников, оказались тесно связанными между собой родственными, сословными, профессиональными, неформальными связями. Особо отметим, что к этой работе были привлечены не только опубликованные и хранящиеся в тех или иных фондах источники, но и материалы семейных архивов потомков хозяев дач, как письменные (рукописи), так и изобразительные (открытки, фотографии).

Наконец, в четвертом разделе речь пойдет о выявлении источников по истории трансформации дачных и иных курортов ЮБК в годы Первой мировой войны, которая в отечественной историографии последних десятилетий неслучайно получила название «забытой войны», оставалась до недавнего времени плохо изученной. Между тем, как мы продемонстрируем на примере впервые вводимых в оборот источников, закрытие границ с Европой в 1914 г. спровоцировало переосмысление русской общественностью будущего курортной индустрии России и формирование без преувеличения грандиозных планов курортного переустройства ЮБК. В России развернулась широкая общественная дискуссия о будущем национальных курортов, материалы которой, практически не вовлекавшиеся по сей день в историографический оборот, имеют чрезвычайную ценность, в том числе и для аналогичных дискуссий о первоочередных нуждах развития курортов России уже нашего времени. Материалы дискуссии - стенограммы, буклеты и т.п., были выявлены нами в архивных и библиотечных фондах.

²²¹ Юмашева Ю.Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 95-127; Stone L. Prosopography // Historical Studies Today. Ed. by F. Gilbert and St. Graubard. NY., 1972. P. 107.

В безлюдных до того уголках побережья планировалось создание городов-садов на сотни частных домовладений по самым передовым градостроительным планам той эпохи, для чего создавались акционерные общества, привлекались лучшие архитектурные и инженерные умы. В фондах Государственного архива Республики Крым, Государственного музея архитектуры имени А.В.Щусева в Москве нами были обнаружены планы, чертежи и эскизы планировавшихся городов-садов. Одновременно уже существовавшие дачные курорты и поселки Южного берега переоборудовались под лазареты для помощи раненым воинам, а оказавшиеся в них на отдыхе и излечении пациенты оставили интересные письменные свидетельства об истории повседневности ЮБК времени Первой мировой войны.

2.1. Основание дачного поселка Новый Симеиз в отражении материалов фондов Государственного архива Республики Крым²²²

К началу войны 1914 г., как полагали авторы сборника «Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма», все многообразие курортных владений могло быть сведено к пяти основным типам:

1) крупные курортные имения единоличных владельцев: «уцелевшие остатки феодальных владений» (Ливадия, Ореанда Романовых) либо имения, перешедшие в единоличное владение крупных купцов и промышленников (Форос, Меллас Кузнецовых/Ушковых). Имения и дворцы в этих хозяйствах строятся в расчете на временные приезды хозяина с семьей, а курортный характер сочетается с ведением подсобного хозяйства;

2) крупные в прошлом курортные имения, разбитые на части новыми владельцами и характеризующиеся случайностью и бессистемностью застройки –к

²²² При подготовке данного параграфа диссертации использована публикация автора: *Карагодина А. В.* Дачный поселок Новый Симеиз на Южном берегу Крыма в 1902-1920 гг. как феномен социокультурной модернизации: источники, методы и этапы исследования // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 1. С. 41–64. (2,66 п.л.)

таким, по мнению авторов сборника, относился дачный курорт Новый Мисхор Шуваловых-Долгоруковых;

3) курортные поселки, где расчленение имений ведется по системе и плану, с элементами благоустройства и коммерческим, а следовательно, рациональным характером использования активов. Примером такого типа называется дачный поселок Новый Симеиз, «наиболее организованный и благоустроенный»;

4) города-курорты Ялта, Алушка, Гурзуф, Алушта, складывавшиеся исторически как курортные, административные и торговые центры, которые в указанный период массово застраиваются частными дачами-особняками;

5) курорты – коммерческие предприятия западноевропейского типа, рассчитанные на прием большого количества отдыхающих, с развитой инфраструктурой (кафе, казино, концертные залы и т.п.) – Суук-Су и Гурзуф²²³.

Авторы сборника «Социалистической реконструкции Южного берега Крыма» не случайно обращают внимание на поселок Новый Симеиз к западу от Ялты, как «наиболее организованный и благоустроенный». Новый Симеиз действительно стал самым крупным (как нам удалось установить, насчитывалось 167 размежеванных участков, из них 137 проданных участков, на шестидесяти из которых были построены дачи), известным и благоустроенным из всех дачных поселков на Южном берегу.

Начало формированию курорта было положено в 1900-1902 годах, когда существенная часть крупного имения промышленников Мальцовых, существовавшего в Симеизе и его окрестностях начиная с 1820-х гг., была поделена братьями И.С. и Н.С. Мальцовыми на участки, которые продавались под строительство дач. Эти дачи, многие из которых представляли собой здания довольно больших размеров, хозяева использовали и для личного отдыха у моря, и для получения дохода – как сезонные пансионаты.

²²³ Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма: Материалы районной планировки ЮБК. Симферополь, 1935.

Основу созданной нами базы данных «Дачи Симеиза», на основании которой велись подсчеты дач и участков, удалось первоначально заложить с помощью материалов богато иллюстрированного путеводителя «Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма», изданного в 1913 г. одним из симеизских дачников – инженером путей сообщения В.М.Кузьменко и посвященного исключительно этому курорту и его окрестностям²²⁴. Это - источник уникальный в своем роде для ЮБК начала XX в.: первый и единственный путеводитель, в котором помимо вводных очерков, в которых подробно описана геология, климат, археология места, история создания курорта, предложены познавательные маршруты по окрестностям, а также содержатся 87 фотографий (как отдельный дач, так и окрестных достопримечательностей) и три карты, причем одна из карт представляет собой детальный план Нового Симеиза с нанесенными на нем номерами участков.

О качестве путеводителя В.М.Кузьменко говорит хотя бы тот факт, что его путеводитель по Новому Симеизу дважды (в сокращенном и переработанном виде) переиздавался уже в годы Советской власти – в 1928 и 1930 гг.²²⁵

История жизни инженера путей сообщений и дачника Нового Симеиза восстанавливается по комплексу источников – справочных, архивных, мемуарных. Важнейшим из них стало хранящееся в фондах РГИА в Санкт-Петербурге дело «О службе инженера путей сообщения В.М. Кузьменко. Начато 1890 - окончено 9 августа 1917 г.» (ф. 229, оп. 18, д. 4528). Василий Михайлович Кузьменко родился 28 декабря 1851 г. в окрестностях Симферополя. Как сообщает в своих мемуарах сосед по даче в Новом Симеизе, в будущем – ученый-зоолог И.И.Пузанов, Кузьменко «был незаконным сыном богатого симферопольского помещика Раттау и получил фамилию свой матери, простой украинки. Впрочем, отец дал ему хорошее образование: он окончил симферопольскую гимназию, во главе которой в то время стоял писатель и энтузиаст Крыма Евгений Марков»²²⁶. В

²²⁴ Кузьменко В.М. Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма... М., 1913.

²²⁵ Кузьменко В.М. Симеиз и его окрестности. Симферополь, 1928; Кузьменко В.М. Симеиз и его окрестности. Симферополь, 1930.

²²⁶ Пузанов И.И. Мемуары. В 3-х тт. Одесса, 2015. Т. 1. С. 267.

1876 г. окончил Институт путей сообщения в Санкт-Петербурге. По окончании института все студенты направлялись на службу в Министерство путей сообщения в должности инженера 9 класса в звании коллежского секретаря, а затем переводились в Общество российских железных дорог, которое на привлеченные средства концессионеров строило железные дороги страны. В.М. Кузьменко активно участвовал в этом процессе. За перевозку войск во время 2-й Восточной войны в 1877–1878 гг. был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Шесть лет служил на Лозово-Севастопольской железной дороге, затем с 1886 г. на Полесских железных дорогах, где к 1894 г. дослужился до первого заместителя начальника дорог. В 1895 г. назначен начальником службы пути на объединенную Курско-Харьковскую, Азовскую, Лозово-Севастопольскую, Джанкойскую и Феодосийскую железные дороги. В 1902 г. утвержден первым заместителем начальника этой дороги. В том же году был назначен управляющим Московско-Варшавско-Киевской железной дороги. В справочной книге «Вся Москва» за 1904 год нами была найдена информация о том, что инженер, коллежский секретарь В.М.Кузьменко служит в Управлении по сооружению Московской окружной железной дороги, которое располагалось в доме графини Игнатьевой на улице Воздвиженка. Тот же справочник за 1905 г указывает, что он работает там же, но местом жительства указан уже город Курск. По словам И.И. Пузанова, В.М.Кузьменко пробил себе дорогу «железной усидчивостью»²²⁷.

Живя в Вильно, В.М. Кузьменко купил хутор с землей на Волыни для летнего отдыха, однако вскоре продал его и решил купить участок земли в Крыму, построить дачу и приезжать туда на отдых с семьей. К этому времени он получил звание инженера 6 класса, что значительно увеличивало его жалование. 21 января 1904 г. он купил участок земли в Симеизе № 5 у И.С. Мальцова, площадью 319 кв. саж. напротив скалы Панеа на крутом горном склоне²²⁸. С него открывался великолепный вид на скалы, море и горы. На этом участке В.М.Кузьменко

²²⁷ Там же. С. 268.

²²⁸ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 213. Л. 56 об.

1905 г. построил на нем дачу по собственному проекту для летнего отдыха, которая стала называться дачей Кузьменко.

С 1905 г. В.М. Кузьменко жил с женой в Вильно, дочери учились в Петербурге, сын в гимназии в Москве. В марте 1909 г. получил звание инженера 5 класса. В августе 1909 г. его назначили заместителем начальника Московско-Брестской железной дороги, и он вновь переехал на жительство в Москву²²⁹. Справочник «Вся Москва» за 1910 г. указывает, что Кузьменко работает начальником службы путей Брестской железной дороги, является статским советником и проживает в Москве по адресу Тверской бульвар, дом князя Горчакова, тел. 137-06. А тот же справочник за 1912 – что Кузьменко уже действительный статский советник, живет там же в доме князя Горчакова (Страстной бульвар д.4).

В 1909 г. В.М. Кузьменко купил у И.С. Мальцова еще один участок в Симеизе - № 11, решив построить еще одну дачу²³⁰. Он вновь сам составил проект в неоклассическом стиле. Дачу построили за один 1910 год, она стала называться дачей «Нюкта». В мае 1911 г. Кузьменко продал свою первую дачу отставному полковнику Николаю Павловичу Карпову²³¹. 24 августа 1912 г. Кузьменко был назначен начальником службы пути и зам. начальника Александровской (быв. Московско-Брестской) железной дороги.

Летом 1912 г. в Симеизе В.М.Кузьменко сделал фотосъемку курорта для своего путеводителя, который увидел в свет в 1913 году²³². Через год, находясь в отпуске в Симеизе, 5 сентября 1913 г. Кузьменко представил свой путеводитель «Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма» через И.С. Мальцова императору Николаю II, который в это время был в Ливадии, получив в награду булавку с изображением государственного герба, украшенную бриллиантами.

²²⁹ РГИА. Ф. 229. Оп. 18. Д. 4528.

²³⁰ ГАРК. Ф. 529. Оп. 1. Д. 38. Л. 140.

²³¹ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 213. Л. 56 об.

²³² *Кузьменко В.М.* Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма...

28 января 1914 г. В.М.Кузьменко стал попечителем Харьковского и Севастопольского технических железнодорожных училищ. 28 сентября 1916 г. был назначен первым помощником Южных железных дорог. В.М. Кузьменко жил в Симеизе во время революции 1917 г., гражданской войны и вплоть до начала 1940-х гг. в XX столетия. Согласно Списку дач жилфонда Симеизского Госкурорта, предназначенного к эксплуатации в 1924-25 году, семья Кузьменко занимала три комнаты на первом этаже бывшей собственной дачи²³³. В том же фонде (Ф. Р-1128. Оп. 2. Д. 731) сохранился и такой документ: «Симеиз, Ф. М. Коневецкому, копия В. М. Кузьменко. Настоящим Южкрымкуроруправление сообщает вам, что гражданину Кузьменко Василию Михайловичу разрешается предоставить бесплатную жилую площадь по числу членов его семьи на даче бывш. Кузьменко в Симеизе. За занимаемую им же жилплощадь сверх нормы вам надлежит получить с гр. Кузьменко по существующим ставкам. Директор ЮОКУ Добров, Зав АРО ЮОКУ Абкин, управделами Ковалев. 06-01-1926»²³⁴.

Переиздания путеводителя Кузьменко 1928 и 1930 гг. существенно сокращены по сравнению с первым и интересны сведениями о том, как сложилась судьба симеизских дач после национализации: с их помощью легко восстановить, какой их санаториев открыли в какой из бывших частновладельческих дач. Однако самым ценным, несомненно, является все же издание 1913 г., с его обширным списком из 87 иллюстраций и тремя картами, в том числе планом Нового Симеиза с нанесенными на нем номерами участков. В путеводителе также содержится таблица с данными всех владельцев дач, соотнесенных с номерами участков, строителей дач и их предназначения. Путеводитель В.М. Кузьменко – источник верифицированного знания по истории создания и первых десятилетий жизни курорта Новый Симеиз, зафиксированного (в том числе визуально) и систематизированного свидетелем и непосредственным участником событий: в этом его основная ценность. Именно путеводитель В.М.Кузьменко лег в основу сформированной нами базы данных «Дачи Нового Симеиза».

²³³ ГАРК. Ф. Р-1128. Оп. 2. Д. 516. Л. 5 об.

²³⁴ ГАРК. Ф. Р-1128. Оп. 2. Д. 731. Л. 4.

Ее дальнейшая разработка велась на основе привлечения других источников – в первую очередь делопроизводственных, из фондов местных учреждений разного рода, аккумулированных в ГАРК. Ценная информация (документы о приобретении участков и условиях сделок, списки владельцев дач с указанием их сословного и профессионального статуса, описи их недвижимого имущества, планы дач и др.) была обнаружена в фонде ГАРК, хранящем документацию имения Симеиз наследников генерал-майора С.И. Мальцова (Ф. 333), фонде Ялтинской уездной земской управы (ф. 62, оп. 3, д. 213 – Поземельная книга Ялтинской уездной земской управы по дер. Симеиз), фондах Ялтинской городской управы и Статистического бюро Таврического губернского земства (ф. 529, оп.1, д. 39 – купчие карточки дачников на владение землей по Ялтинскому уезду), документах по национализации и муниципализации имения Симеиз и частновладельческих симеизских дач (этот процесс, начавшийся сразу после установления советской власти на Южном берегу в ноябре 1920 г., продолжался до середины 1920-х гг.), документах по управлению советским курортным хозяйством из различных фондов советского времени. Полезным источником для изучения биографических данных дачников оказались материалы о выборах гласных и кандидатов Ново-Симеизской поселковой управы в марте 1919 г.: протоколы заседаний избирательной комиссии, списки кандидатов и избирателей (ф. Р-999, оп.1, д. 119).

Большой массив информации нашелся в источниках личного происхождения. Многие даты и имена удалось уточнить благодаря дневникам графа Д.А. Милютина (введены в научный оборот в 1990–2000-х гг. профессором исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова Л.Г. Захаровой и ее учениками), владевшего имением в Симеизе к востоку от имения Мальцовых и проживавшего там с момента своей отставки с поста военного министра в 1881-1912 гг., а также мемуарам дачников и лиц, арендовавших в разное время дачи в Новом Симеизе (например, критика С.К. Маковского, княгини О.В. Палей, академика Д.И. Щербакова), гостей курорта Новый Симеиз. Эксклюзивный материал, проливающий свет на повседневную жизнь обитателей курорта с начала XX в. до конца 1920-х гг., содержат опубликованные в Одессе в 2015 г. крошечным тиражом 50 экз. и

в силу этого пока не введенные в достаточной степени в научный оборот воспоминания выдающегося зоолога, в детстве и юности одного из дачников Нового Симеиза И.И. Пузанова²³⁵. Работа с этим документом стала возможна благодаря содействию внука И.И. Пузанова, профессора А.С. Пузанова (Москва), предоставившего в наше распоряжение один из экземпляров трехтомника.

По найденным в различных фондах старым фотографиям уточнялись недостаточно ясные пассажи в письменных источниках, а современная фотофиксация дополняла реконструкцию исторической действительности.

Как удалось установить по архивным материалам, первым в Новом Симеизе приобрел земли статский советник Максимилиан Петрович Тихомиров. Это произошло 7 февраля 1902 г.²³⁶ Затем 19 мая 1902 г. участок под № 16 у Н.С. Мальцова купил Яков Петрович Семенов²³⁷. Он первым построил дачу в Новом Симеизе, что неудивительно, если учесть тот факт, что именно Семенов – военный инженер, генерал, нанятый братьями Мальцовыми, возглавлял подготовительные работы по обустройству курорта.

Дело в том, что согласно «Правил по строительной части для курортных местностей в Ялтинском уезде Таврической губернии» владелец должен был предоставить план местности с отметками высот, указанием границ участков и будущих улиц. Планировка проводилась за счет владельцев земли и до благоустройства продажа участков не разрешалась. Ширина улицы должна была быть не менее 15 аршинов (один аршин был равен 71,12 см.) (для горной местности – 9 аршинов). Наименьший размер планового участка составлял 200 кв. саж. (сажень равнялась 3-м аршинам, т.е. 2,14 метра), при ширине по улице или переулку не менее 10 сажень. Застройка производилась по строго утвержденному плану. Кроме того, было предусмотрено ограждение усадеб по линии улиц, прокладка тротуаров; устройство из несгораемого материала перекрытий, лестниц и перил;

²³⁵ Пузанов И.И. Мемуары...; *Борицки Н.Д.* Воспоминания о Крыме. Из архива ученого-естествоиспытателя, крымоведа И.И. Пузанова // Документ в современном обществе: исторические, концептуальные и методические аспекты изучения. Симферополь, 2019. С. 142–196.

²³⁶ ГАРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 26. Л. 154.

²³⁷ ГАРК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

этажи должны были быть высотой не менее 4 аршинов. Запрещалось устраивать жилые помещений в подвалах. В соответствии с этими «Правилами» нанятый инженер Я.П. Семенов составил план поселка, осуществил разбивку территории на участки, спроектировал подъездную дорогу от Воронцовского шоссе Севастополя – Ялта, проходившего в горах высоко над Симеизом. До этого Симеиз с трассой соединяла только конная тропа по склонам горы Кошка.

Как сообщает в своем путеводителе В.М. Кузьменко, Яков Петрович Семенов (1850–1920) происходил из дворян, был кадровым военным, окончил Константиновское артиллерийское военное училище и Николаевскую инженерную академию в Санкт-Петербурге, в 1880-х служил в Севастополе в чине инженер-полковника, участвовал в строительстве водопровода в Южную бухту и ремонте Свято-Никольского храма на Братском кладбище. На рубеже XX в. дослужившийся до генерал-майора и вышедший в отставку Семенов устраивал водопровод и колодцы в имении «Селям» графа С.В. Орлова-Давыдова в Магараче возле Ялты, откуда его и пригласили к себе Мальцовы²³⁸.

В Симеизе Семеновым были разбиты улицы, проведен от ближайшего источника водопровод из чугунных труб мощностью до 50.000 ведер воды в сутки и водосборный резервуар, действующий и поныне. Градообразующая ось курорта – Мальцовский проспект – была проложена на высоте 20 саж. над уровнем моря. К югу от нее был разбит Приморский сад, где посадили экзотические растения и устроили корты для лаун-тенниса. Первоначально сад принадлежал И.С. Мальцову и был передан им в дар населению Нового Симеиза. Именно так стали теперь называть новый курорт. Площадь парка составляла 5 дес. и его содержание было образцовым благодаря заботам владельца, отпускавшим для этого средства из кассы имения. К парку относилась гора Панеа, скала Дива и пляж. Чуть выше Мальцовского проспекта находился сам курорт Новый Симеиз.

Преобразование местности было завершено к 1902 г., когда была открыта продажа участков на курорте Новый Симеиз, о чем свидетельствуют появившиеся рекламные объявления в местной периодике. Чтобы стимулировать продажи,

²³⁸ Кузьменко В.М. Новый Симеиз... С.63-65.

Семенов к 1902 г. по поручению И.С. Мальцова разработал оставшийся без реализации проект узкоколейной железной дороги от Севастополя до Ялты через Байдары, Форос, Симеиз, Алупку и Гаспру. Записка Я.П. Семенова с проектом дороги, отпечатанная типографским способом, была обнаружена нами в фондах РГБ²³⁹.

Сам Я.П. Семенов не остался внакладе: за сделанную работу по благоустройству территории Мальцовы щедро вознаградили его землями в разных частях Симеиза – в том числе и участком в самом центре, на Мальцовском проспекте, под горой Кошка (Куш-Кая), где Семенов вскоре построил большой дом для себя и сдачи комнат курортникам, который и стал самой первой дачей Нового Симеиза. Проект фасада в стиле модерн был выполнен архитектором Н.П. Красновым, а строительство осуществлял сам Семенов. Перед дачей посадили ливанские кедры. По словам И.И. Пузанова, «дача в стиле «модерн» была в то время наиболее изящной в Симеизе, однако, гоняясь за сдачей комнат, Семенов впоследствии сильно обезобразил ее пристройками собственного проектирования "под Краснова"»²⁴⁰ (илл. 7).

Вскоре неподалеку выстроил особняк и брат Семенова – Владимир Петрович, который был призван на помощь в управлении стремительно развивавшимся курортом. Его дача в неоготическом стиле, которую называли «Диво», была также значительных размеров – 19 комнат, и создавалась не только для личного проживания, но и для организации пансиона.

Мальцовский проспект, центральный променад нового курорта, начинавшийся от домов братьев Семеновых, приобрел современный вид он приобрел уже в советское время, когда в середине 1930-х высадили аллею пирамидальных кипарисов. Но и до того культурный ландшафт дачного курорта производил впечатление, которое образно передал поэт Илья Сельвинский, посетивший его в 1926 г.: «Щебня скрежет и ропот // Белых гребней разбег // Игрушечной Европою

²³⁹ Семенов Я.П. Общее значение Ялта-Севастопольской железной дороги. СПб., 1902.

²⁴⁰ Пузанов И.И. Мемуары... Т. 1. С. 275.

раскинулся проспект, // Где под небесной замшей в сотую долю версты – // коралловые замки, сахарные дворцы»²⁴¹.

Большинство дач возводились под руководством Я.П. Семенова, отчасти – и на купленных не у Мальцовых, а уже у него земельных участках: помимо местности вдоль проспекта, Семенову как организатору курорта принадлежали крупные земельные наделы в разных частях Нового Симеиза²⁴². Семенов поначалу возглавил и созданное в 1906 г. «Общество по благоустройству поселка Новый Симеиз»²⁴³. Вступавшие в него покупатели участков обязывались соблюдать предписанные нормы застройки, не делить участки, устраивать вдоль своих дач тротуары и палисадники, сдавать сделанные в ходе устройства котлованов археологические находки в специально созданный музей. Семенову в Симеизе принадлежали синематограф и аптека²⁴⁴.

Большой интерес представляет Устав Общества по благоустройству поселка. Он был разработан и принят на собрании дачников в 1906 г. Работа над его написанием шла несколько лет. В 1910 г. благодаря участию владельца одной из дач Н.Н. Богданова он был закончен и представлен на рассмотрение Таврическому губернатору, который утвердил его в 1912 г.²⁴⁵ На основе этого Устава участки земли продавались, сделки оформлялись договорами с дачевладельцами. Договоры издавались типографским способом. Для улучшения снабжения курорта продуктами И.С. Мальцов в 1912 г. сдал в аренду на три года свой магазин с подвалом, который находился на рыночной площади близ конторы, алуупкинскому жителю Усеину Халилу Мазину. Кроме того в поселке появилась библиотека, почтово-телеграфная контора, были открыты каменоломни. Основные расходы по содержанию этих объектов брал на себя И.С. Мальцов.

К концу первого десятилетия жизни курорта стало ясно, что количество желающих приобрести дачи в Новом Симеизе существенно превосходит число

²⁴¹ Крымские пенаты. Альманах литературных музеев Крыма. 1996. №2. С. 15.

²⁴² ГАРК. Ф.62. Оп. 3. Д. 213. С. 98 об., 109 об.

²⁴³ Кузьменко В.М. Новый Симеиз... С.70.

²⁴⁴ ГАРК. Ф.62. Оп. 3. Д. 396. С. 136.

²⁴⁵ Общество благоустройства поселка "Новый Симеиз" (Ялтинск. уезд). Устав Общества благоустройства поселка "Новый Симеиз" Ялтинского уезда, Таврической губернии. Ялта, 1912.

размежеванных участков. Поэтому предприимчивые братья Мальцовы решили выделить под застройку еще один участок бывшего имения их отца и деда – теперь уже в восточной части, где до тех пор находились виноградники. Характер застройки курорта ясно виден по подписанному Я.П.Семеновым кадастровому плану дачного поселка Новый Симеиз с указанием продаваемых, проданных и застроенных участков, парка, водопровода и т.п. Он был обнаружен нами в фондах Музея истории Санкт-Петербурга в Петропавловской крепости²⁴⁶ (илл. 8).

Как показывают результаты анализа сформированной нами на основе комплексного изучения источников базы данных «Дачи Симеиза», среди покупателей дач в Новом Симеизе были в основном имевшие определенный достаток (в 1912 г., как указывает в своем путеводителе В.М. Кузьменко, цены на участки варьировали от 8 до 69 руб. за 1 кв. саж.) жители центральной России, которых можно отнести к формировавшемуся «верхнему среднему классу» «позднеимперской» России – инженеры путей сообщения, военные, предприниматели, деятели науки, культуры и искусства.

Помимо дворян, составлявших большинство покупателей участков, участки под дачи в Новом Симеизе приобретали выходцы из городских обывателей (купцы, мещане), зажиточные крестьяне, представители духовного сословия. Проводить летние месяцы по соседству друг с другом в новом качестве владельцев приморских дач стремились как знакомые и коллеги по цеху (Новый Симеиз облюбовали инженеры путей сообщения), так и связанные друг с другом родственными и матримониальными узами представители больших дворянских семейств из центральной России, занятые в разных областях - от науки и искусства до коммерции и общественной деятельности. Соседями по дачам Нового Симеиза стали инженеры В.М. Кузьменко, Н.С. Свиягин, В.М. Родевич, Е.М. Духовской, предприниматели А.Л. Керков, С.И. Сабашников, Н.И. Кошеверов, Н.К. Александров-Дольник, генералы в отставке Я.П. Семенов, Г.И. Бобриков, П.Е. Базилевский и В.П. Зыков, врачи С.Я. Елпатьевский, Б.Н. Зубаровский и А.М.

²⁴⁶ План Нового Симеиза с показанием продаваемых участков. ГМИСПб. VIII-А-1202к. Кп. 204130.

Шпиндлер, многочисленные представители рязанских помещиков Лансере-Коробьиных и другие. В гости к ним во время курортного сезона приезжали родственники и друзья, коллеги по профессии, общие знакомые, среди которых были, к примеру, А.М. Васнецов, З.Е. Серебрякова, Ф.И. Шаляпин и другие известные деятели культуры и искусства.

Полная база данных «Дачи Нового Симеиза», составленная нами с привлечением разного рода источников, в том числе визуальных и картографических, и дающая исчерпывающее представление об участках и дачах Нового Симеиза и их владельцах, доступна в виде историко ориентированного тематического сайта «Симеиз. Путеводитель по старым дачам» по адресу в интернете: <https://simeiz.gardenacademia.com>. Подробнее речь о ней пойдет в Гл. 4 настоящей диссертации.

Таким образом, в курортном поселке Новый Симеиз шел процесс ускоренной самоидентификации представителей нарождавшейся прослойки зажиточных горожан, приезжавших к морю из центральной России провести летний сезон. С помощью инструментов досуговой социализации и эстетизации быта, характерных для «модернизированных» общества, посредством профессиональных, сословных, культурных, родственных связей, схожего уровня финансового благополучия, формировалась новая социокультурная общность. Ее внутренним выражением была единая культура досуга, программа приморского времяпрепровождения: купание, игра в теннис, познавательные-оздоровительные походы на природу, фотосессии, – а внешним стал нарочито благоустроенный, упорядоченный культурный ландшафт дачного поселка, «европеизированная» архитектура дач. Было оформлено «Общество курорта», имевшее свой устав, утверждены строгие правила застройки и пользования частными и общественными территориями. Отклик у хозяев дач нашла эстетика исторического ретроспективизма (неоготический, неомавританский стили), стиля модерн, неоклассики (с 1910-х гг). К работе над дачами были привлечены именитые архитекторы, напри-

мер, Н.П. Краснов, до 1899 г. городской архитектор Ялты, автор проектов дворцов Романовых и частных вилл знати на Южном берегу. Обустроивались сады и парки.

Братья Мальцовы также продолжали проживать в своих имениях в Симеизе, более (в случае И.С. Мальцова) или менее активно участвуя в жизни курорта. Представляется, что как продавцы участков, так и их покупатели в своей деятельности по благоустройству Нового Симеиза в немалой степени ориентировались на европейские аналоги приморских курортных поселков – например, выдержанного в похожей стилистике «Зимнего города» Аркашона – противотуберкулезного дачного курорта, устроенному в 1880-х банкирами Перейра на своих землях в местечке Аркашон на атлантическом побережье Франции²⁴⁷.

По ходу изучения истории Нового Симеиза не может не возникать закономерного вопроса о причинах, побудивших наследников промышленника Мальцова к распродаже фамильных земель. Ответа на него существовавшая литература не давала, ограничиваясь общими словами о желании Мальцовых создать образцовый курорт, кризисе крупного дворянского землевладения в пореформенной России или «демократизации общественных процессов в стране в целом (М.В. Нащокина)»²⁴⁸. Между тем, предпринятое нами комплексное изучение истории династии Мальцовых и выявленные в архивах документы позволили вполне ясно установить, почему эта распродажа имела место, и благодаря этому проложить дорогу к более широким историческим объяснениям.

История владения семейством Мальцовых землями в Симеизе началась в 1828 году, во эпоху «второй волны» колонизации ЮБК представителями русской аристократии (первую принято связывать с именами Г.А. Потемкина и его сподвижников). И.А. Мальцов (1774-1853), владелец металлургических, сахарных и стекольных заводов в Калужской губернии, выкупил несколько земельных участков в Симеизе – в 1828 г. у Ф.Д. Ревелиоти и в 1830 г. у Д.В. Нарышкина²⁴⁹,

²⁴⁷ *Cottin F. et F. Le Bassin d'Arcachon, à l'Age d'Or des Villas et des Voiliers. Bordeaux, 2003.*

²⁴⁸ Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Ред.: Кириченко Е.И. и др. М., 2001–2010. Т. 2: Города и новые типы поселений. М., 2003. С. 300.

²⁴⁹ ГАРК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–8.

которые ранее купили их у крымских татар (в 1824 и 1825 гг. соответственно²⁵⁰). Этому предшествовало предпринятое в 1825 г. Мальцовым вместе с сыном Сергеем и племянником Иваном путешествие по Крыму. Увиденное впечатлило Мальцова, и за несколько последовавших десятилетий он распространил свои владения почти на весь Симеиз и его окрестности, разбил виноградники, построил один из первых на Южном берегу Крыма винзаводов²⁵¹.

Сын Мальцова Сергей Иванович (1810–1893) получил прекрасное образование, изучал механику, химию, физику, металлургию, иностранные языки. Среди учителей Мальцова был профессор Московского университета И.М. Снегирев (1793-1868), занимавшийся с ним историей и древними языками. Мальцов был принят в престижную гвардейскую кавалерию, где стал адъютантом генерал-майора, принца П.Г. Ольденбургского. Небрежная служба оставляла много свободного времени, которое он использовал для поездок за границу в 1837–1838 г., где Мальцов активно интересовался новейшими достижениями техники. В 1839 г. он, с согласия отца, основал на базе чугунного производства рельсопрокатный завод, с привлечением продукции которого была построена железная дорога от Санкт-Петербурга до Москвы. В 1849 г. С. И. Мальцов, подав в отставку в чине генерал-майора, уехал в родовое имение Дятьково с намерением окончательно посвятить себя промышленности²⁵².

Вскоре после этого Мальцов построил в Симеизе Хрустальный дворец, очевидно вдохновленный одноименным павильоном, возведенным в Лондоне к Всемирной выставке 1851 г. Изготовленный на мальцовских заводах металлический каркас для остекленных веранд был на лошадях доставлен в Крым и поставлен на холме над морем. Хрустальный дворец должен был символизировать триумф мальцовских заводов, вокруг которых сложился первый в России промыш-

²⁵⁰ ГАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 14. Л. 203; ГАРК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–14.

²⁵¹ Об успехах виноделия на южном берегу Крыма. Сочинение П. Кеппена. СПб., 1831. С. 42–43.

²⁵² *Арсентьев Н.М., Макушев А.А.* Хрустальные короли России. Промышленное хозяйство и предпринимательская деятельность Мальцовых в XVIII–XIX веках. М., 2002.

ленный район – Мальцовский заводской округ на территориях Калужской, Орловской и Смоленской губерний со своими заводами и фабриками, законами, собственной узкоколейной железной дорогой. Мальцов строил рабочим каменные домики на 3–4 комнаты с приусадебными участками, открывал благоустроенные школы, было основано техническое училище, росла грамотность рабочего населения, развивалась система общественного призрения²⁵³.

Однако не пройдет и трех десятилетий, как благополучие империи С.И. Мальцова окажется под вопросом. Освобождение в 1861 г. крепостных крестьян, на подневольном труде которых оно было основано, заставит промышленника задуматься о переустройстве производства. Вот что пишет инженер К.А. Скальковский, посетивший в 1865 г. по Высочайшему положению мальцовские заводы для анализа того, как осуществляется переход от крепостного права к вольнонаемному труду: «под свежими остатками крепостного права его владения... представляли курьезное зрелище какой-то крепостной республики – государства в государстве...при крепостном праве господствовала порка, но в то время у генерала только почесывались руки»²⁵⁴.

В 1875 г. Мальцов объявил о создании Мальцовского промышленно-торгового товарищества, в состав которого было переданы практически все принадлежавшие семье Мальцовых активы (в их числе 11 металлообрабатывающих и механических заводов, 8 фабрик по изготовлению стекла, а также 200 000 десятин земли с рудниками, угольными копиями, кирпичными заводами и т.п.), за исключением земли, отведенной в пользование временнообязанным крестьянам, двух домов в Москве и имения Симеиз²⁵⁵. Главным направлением деятельности вновь собранного общества должно было стать рельсо-, паровозо- и вагоностроение, а стратегическим партнером – государство. С 1870 по 1881 год было сооружено 373 паровоза, 11 тыс. вагонов. В реконструкцию производства Мальцов

²⁵³ Там же. С. 143–144.

²⁵⁴ *Скальковский К.* Воспоминания молодости. (По морю житейскому). 1843-1869. СПб., 1906. С. 207–208.

²⁵⁵ *Арсентьев Н.М., Макушев А.А.* Указ. соч. С. 143–144.

вложил около 2 млн. руб., средства неоднократно предоставлял в виде ссуд Государственный банк. Однако экономические кризисы 1873–77 и 1882–84 гг., ухудшение рыночной конъюнктуры, снижение доходов предприятий, устаревшие методы управления, наличие множества непрофильных убыточных производств и хозяйственных активов, запутанная отчетность, а также изменение государственной политики в сторону закупок импортной железнодорожной техники (продукция мальцовских заводов зачастую не отвечала возросшим требованиям к качеству паровозов и вагонов) нанесли удар по империи Мальцова. На складах скопилось большое количество не нашедших покупателя товаров. Сократились доходы и от сахарных и стекольно-хрустальных производств.

Обратимся вновь к мемуарам К.А. Скальковского. «Страстью его было обустройство новых заводов и фабрик, в мое время (1865 – прим. авт.) их насчитывалось 70, большею частью работавших в убыток... В то время Мальцов имел еще 600–700 тысяч годового дохода, но затем запутался, и, чтобы пополнить дефициты, ничтоже сумняшеся, выпускал собственные бумажки, так называемые «мальцовские деньги», под видом квитанций на получение припасов из его конторы. Были квитанции даже в 5 рублей, все на картоне, грубо сделанные, понятно, было немало и фальшивых, но доверие к генералу было так велико <...> что деньгами этими можно было расплачиваться на всех станциях Калужской губернии. В конце концов мальцовских денег выпущено было на 3 млн рублей и правительство ликвидировало их потом с порядочной приплатой, а всего чуть ли за свое своеобразное хозяйство Мальцов не наделал 12 млн. рублей долга. Заводы его однако послужили школою, приготовившей огромное мастеровое население, и до сих пор часть их продолжает работать»²⁵⁶.

К началу 1880-х гг. население Мальцовского округа, в основном лишенное собственной земли и зависевшее лишь от прибыльной работы заводов, оказалось на грани выживания. В 1883 году, когда по совету врачей Мальцов уехал

²⁵⁶ Скальковский К. Указ. соч. С. 208.

лечиться за границу, вокруг мальцовских заводов начались интриги родственников, имевших связи с двором. Важнейшую роль в них сыграла его жена, урожденная княжна Анастасия Николаевна Урусова. Имея трех сыновей и трех дочерей, большую часть жизни супруги прожили в разъезде: виной тому была катастрофическая разность характеров и интересов. «Мальцов, небольшого роста крепкий старик, живой, красноречивый, всем интересовавшийся, но деспот и самодур, был нечто среднее между парагвайским доктором Франсией и гоголевским полковником Кошкаревым. Все письма распечатывались и было организовано шпионство, а с другой стороны мифологические нравы: в Людиновском заводе барин садился на балкон, и заводские бабы и девки должны были купаться для его увеселения в заводском пруду. Более красивым давались дешевые конфеты.... Он был, однако, в известной степени прогрессист, много читал, что ездил за границу и привозил оттуда технические новости,» – писал К.А. Скальковский²⁵⁷. Ему вторил известный публицист В.И. Немирович-Данченко (старший брат основателя Художественного театра), выпустивший в 1882 г. по предложению С. И. Мальцова серию рекламных очерков о его империи под названием «Америка в России»: «Люди, проживающие свои доходы на интернациональных публичных женщин, проигрывающие в карты кровь и пот народа, чуть не с ужасом говорят о Мальцове: "Это – маньяк! Как простой мужик забился в деревню и живет там с крестьянами!"»²⁵⁸.

Жена Мальцова, воспитанная при дворе, еще в конце 1840-начале 1850 х гг. осталась жить в Санкт-Петербурге, забрав с собою детей. В постоянных тяжбах по поводу финансов супруги провели практически полжизни. Поскольку А.Н. Урусова была фрейлиной и ближайшей подругой жены императора Александра II Марии Александровны, финансовыми и имущественными спорами Мальцовых занимался на протяжении нескольких десятилетий лично император, а также председатели Кабинета министров граф П.Н. Игнатъев и М.Х. Рейтер, шеф жандармов Н.В. Мезенцев и другие официальные лица. Вот, к примеру,

²⁵⁷ Там же. С. 207–208.

²⁵⁸ *Немирович-Данченко В.А.* Америка в России // Русская мысль. 1882. № XII.

строчки из письма С.И. Мальцова М.Х. Рейтеру, написанного после начала очередной тяжбы в 1882 г.: «В течение десяти лет с тех пор, как жене моей удалось втереться к покойной государыне, она соединилась с III отделением, со своим братом (князь С.Н. Урусов, заведующий 2 отделением императорской канцелярии – А.К.) настроила сыновей моих против меня обещаниями почестей, приучила их к пустой жизни, чтобы они смотрели на трудовую как на наказание. Остается последняя надежда: это справедливость Государя <...> жене моей и сыновьям моим необходимо было меня оклеветать, чтобы оправдать их незаконное поведение, я готов на все следствия и суды»²⁵⁹.

Тяжбы между С.И. Мальцовым и его женой с сыновьями, подробно описанные в литературе, длились вплоть до самой его смерти²⁶⁰. В 1884 году 74-летний Мальцов был отстранен от оперативного управления своими предприятиями и помещен под опеку под предлогом расточительности и помешательства в уме, а 4 млн. паев было разделено между его тремя сыновьями. Из этой суммы в 4 млн. руб. 1400 тыс. находилось в залоге в Государственном банке в обеспечение неуставной ссуды (в 500 тыс. руб.) и казначейской ссуды (800 тыс.руб.), 400 тыс.руб. в залоге в разных кредитных учреждениях, 300 тыс.руб. в обеспечение подрядов. Любопытно, что паи на 1 млн. руб. по уставу Мальцовского товарищества были положены на хранение в Государственном банке в обеспечение содержания семьи Мальцовых, определяемого в 60 тыс. руб. в год²⁶¹.

Оставшись не у дел, С.И. Мальцов удалился в Симеиз, который, впрочем, не оставлял без внимания и в период расцвета своей деловой активности. Туристический, курортный бум уже набирал обороты, чему способствовали прокладка Лозово-Севастопольской железной дороги в 1875 году. В Крым потяну-

²⁵⁹ Захарова Л.И., Трифанков Ю.Т., Дзюбан В.В., Федькина Н.Г. С.И. Мальцов: социальная инициатива в промышленном регионе во второй половине XIX века (взгляд из современности). Брянск, 2014. С. 30.

²⁶⁰ См.: Супроненко Т.В., Хохлов В.Г. Семейные тяжбы Мальцова // Страницы истории края: сборник статей. №2. Дятьково, 2011.

²⁶¹ Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861-1892 г.) М., 1960. С. 225–238.

лись туристы из центральной России, и предприимчивый хозяин Симеиза переоборудовал Хрустальный дворец в гостиницу, рядом открыл еще две, на двадцать номеров, а также устроил гостиницу в Лименской долине. Кроме того, по всему имению в Симеизе были разбросаны так называемые «вагончики» – переделанные из бракованных вагонов производства мальцовских заводов домики, разделенные перегородками на три или четыре комнаты. Как гласил путеводитель доктора Чугина, «места для них выбирались очень живописные, с видом на море. Вокруг домиков густая тень. Комнаты небольшие, перегороджены легкой перегородкой. Домики от 2 до 4 комнат. Цена в месяц за комнату от 30 до 40 руб. Меблировка, хотя простая, но зато удобная и чисто содержится. К каждому домику проведен водопровод, или рядом есть фонтан. Единственная невыгода в этих домиках, и то не во всех – сильная духота в жаркий день; но, несмотря на этот недостаток, они охотно разбираются приезжими, так как в них не могут быть нарушены тишина и спокойствие, да к тому же и плата небольшая. Хотя каждый вечер и утро являются в эти домики слуги из гостиницы для уборки и услуг, но постоянной прислуги в них не полагается; последнее также можно отнести к неудобствам»²⁶².

Впрочем, поначалу все отдыхающие просили, разумеется, поселить их не в вагончиках, а в знаменитом Хрустальном дворце. Правда, прожив несколько дней, желали переехать в домики. Процитируем путеводитель: «Это не дворец, а скорее стеклянный сарай. Представьте себе четырехугольный двухэтажный (по высоте) сарай, забранный, вместо досок или кирпича, стеклянными рамами, и вы будете иметь правильное представление о наружном виде этого дворца, не говоря уже об архитектуре, которой здесь нет»²⁶³. Похоже, речь шла о четырех деревянных двухэтажных флигелях-пенала, расставленных квадратом, обнесенных с внешней стороны стеклянными рамами и накрытых общей крышей. В центре между ними получилась огромная квадратная зала, посередине которой шла на

²⁶² Лечебные места Южного берега Крыма. Руководство для едущих в Крым доктора В.И.Чугина. Ростов-на-Дону, 1882. С. 69–75.

²⁶³ Там же.

второй этаж узкая винтовая лестница. Из этой залы двери вели в номера, окна которых с внешней стороны выходили в узкий проход между стенами флигелей и остеклением. По углам этого странного сооружения, там, где флигели сходились другу к другу, между ними были оставлены узкие проходы, через которые можно было попасть в образованные внешними стенами флигелей квадратные залы поменьше - там были устроены столовые и «оранжерея с чахлыми растениями». «После тщательного осмотра каждый наблюдатель поневоле задает вопрос: для какой цели выстроено это оригинальное здание?», - недоумевал автор путеводителя доктор Чугин. - «Верхний этаж устроен точно так же, как и нижний. Все комнаты достаточной величины и высоты; стены не оштукатурены, а выкрашены или смазаны какою-то серовато-грязною мазью, отчего во всех комнатах мрачный вид»²⁶⁴.

Но главным был даже не вид, а аромат. «Запах во всех комнатах характерный, очень неприятный. Окна, обращенные в стеклянную галерею, достаточной величины; имеются во всех окнах форточки или растворяются рамы. Но при всем желании хорошо проветрить любую комнату нет никакой возможности, благодаря стеклянному чехлу; хотя и в нем есть форточки, но все они так хитро устроены, что или является сквозняк, или нет никакой тяги воздуха. Особенно дурны две угловые комнаты, под названием хрустальных, в которых наружные стенки также из стеклянных рам. Этих комнат каждый как бы инстинктивно избегает, и если кто поневоле поселится в них, то на другой же день бежит вон, ибо в этих комнатах еще более духоты и неприятного запаха, чем в остальных. Описанный дворец стоит на берегу моря, на припеке, только с северной стороны частью окружен парком. Понятно, что во время сильной жары нет никакой возможности жить в этом парнике; даже деревья и цветы в упомянутой оранжерее, по недостатку воздуха и очень высокой температуры, чахлы и жалки, несмотря на тщательную поливку. Странно, что некоторые любители хвастнуть громким словом, что, вот де, они живут в известном Хрустальном дворце, выживают по

²⁶⁴ Там же.

несколько недель, вынося со стоицизмом все танталовы муки... По- моему, разве только что безысходная крайность может загнать кого-нибудь в эту духовую баню, и то только на несколько часов»²⁶⁵.

Помимо путеводителя доктора Чугина, в фондах РГБ нами обнаружен и еще один источник сведений на тему повседневной жизни в Симеизе и в целом на Южном берегу Крыма, который уже начал в то время превращаться в популярный курорт, об устройстве путешествий на юг России в то время, нравах и привычках тогдашних туристов и тех, кто их принимал. Это опубликованный крошечным тиражом в 1885 г. рассказ инженера Сергея Яковлевича Тимоховича, отдохнувшего в Симеизе в августе и сентябре 1884-го и подробно повествующий о разных аспектах его путешествия – от поездки до Севастополя по недавно (1875) открытой железной дороге до быта и нравов на курорте Симеиз в частности и Южном берегу Крыма в целом²⁶⁶.

О самом С.Я. Тимоховиче известно не так много. Он родился 20 марта 1853 г. в Касимове Рязанской губернии, скончался 20 апреля 1910 г. в Москве. В 1873 году окончил Императорской московское техническое училище (нынешнее Бауманское) по специальности инженер-механик, и вскоре поступил на работу на Троицко-Кондровскую писчебумажную фабрику близ Калуги. Она была построена в 1786 году в селе Троицком купцом Павлом Щепочкиным, а впоследствии стала принадлежать акционерному обществу «Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики В. Говарда и Ко», основанному в 1853 г. владел английским предпринимателем В. Говардом. К второй половине XIX века продукция фабрик компании была одной из лучших в России, поставлялась к императорскому двору, удостоившись права выходить с эмблемой государственного герба России. Начав инженером, Тимохович дослужился до директора Кондровской фабрики, после чего переехал в Москву, открыл собственное дело – контору по отоплению и вентиляции, которая располагалась на Мясницкой, 24. Разработал

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ *Тимохович С.Я.* Путевые заметки и жизнь на южном берегу Крыма в Симеизе: выдержки для моих родных и хороших знакомых из писем к отцу. Калуга, 1885.

и установил оригинальную систему воздушного отопления для Храма Воскресения Христова («Спас на крови») в Санкт-Петербурге, стал автором множества брошюр и изобретений²⁶⁷. Во время путешествия в Симеиз Тимохович был тридцатилетним молодым инженером с неплохим доходом, позволившим им с женой провести два месяца у моря, фиксируя свои наблюдения над повседневной жизнью в дневник. В нем отразились и путешествие до Севастополя по железной дороге, и жизнь в мальцовских «вагончиках» (в том числе их скверная звукоизоляция), и наблюдения за нравами местных татар, и поездки в горы. В настоящее время текст этого источника готовится к публикации и полноценному введению в научный оборот в сборнике «Крымский альбом» (издательский дом «Коктебель», Феодосия).

Сам С.И. Мальцов жил летом в уютном домике на мысе Ай-Панда, а зимой в доме А.С. Потоцкой выше по склону берега. Когда в 1885 году в Симеиз приехал Л.Н.Толстой, сопровождавший своего больного друга, родственника Мальцова князя Л. Д. Урусова, бывшего тульского губернатора, женатого на дочери Мальцова Марии Сергеевне, по словам писателя, перед ним предстал небольшого роста крепкий старик, еще недавно живой, красноречивый и всем интересовавшийся, а теперь лишь вспоминающий былое могущество, «самолюбивый и бестолковый, соединившим в себе тип генерала и старого помещика»²⁶⁸. 21 сентября 1893 г. Д.А. Милютин записал в дневнике: «Навестил соседа нашего С. И. Мальцова. Старик очень опустился не только физически, но и умственно»²⁶⁹. С.И. Мальцова не стало в конце того же года, 21 декабря 1893 г. в Санкт-Петербурге. 26 декабря 1893 г. тело С.И.Мальцова было доставлено в Дятьково. Д. А. Милютин тогда же записал в своем дневнике: «Население Симеиза, как русское, так и татарское встревожено, недоумеая, в чьи руки попадет мальцовское имение»²⁷⁰.

²⁶⁷ *Тимохович С.Я.* Вентиляция жилых помещений: докл. в О-ве горн. инж. СПб., 1908.

²⁶⁸ *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений в 20 тт. М., 1984. Т. 19. С. 59.

²⁶⁹ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1891–1899. Под ред. Л.Г.Захаровой. М., 2013. С. 284.

²⁷⁰ Там же. С. 276.

Вскоре выяснилось, что С.И. Мальцов составил завещание, в котором демонстративно не упомянул ни жену, ни сыновей, определив: «...завещаю дочерям моим Капитолине, Марии и Анастасии в собственность деньгами по 30 тыс. рублей. Девушке Екатерине Федоровне Антоновой, находившейся в моем служении с 1883 г., завещаю в собственность деньгами 10 тыс. рублей, <...> и всю движимость мне принадлежащую в доме сиемизском, в котором я жил». Некоторые суммы Мальцов завещал также ближайшим помощникам, храмам, которые посещал «вместе с трудящимися» (шести храмам по 1000 руб. и четырнадцати по 500 руб.), а остальной капитал (до 300 тысяч рублей) – «на распространение грамотности и просвещения среди жителей волостей», где находились его заводы²⁷¹.

Не менее важен и другой документ, обнаруженный нами в фондах ГАРК – коллективное заявление от наследников Мальцова, поданное приставу Пречистенской части в Москве 14 июня 1894 года. В нем утверждается, что 27 мая 1894 года приведенное выше завещание С.И.Мальцова было утверждено к исполнению Санкт-Петербургским окружным судом: «Дело об имуществе, вышедшем в его завещательном распоряжении, сосредоточено в Санкт-Петербургской дворянской опеке, которая находится в общении с Министерством народного просвещения, которое и является главным наследником после умершего С.И.Мальцова». Однако родственники также указывают, что «независимо от этого после С.И.Мальцова осталось родовое имение Симеиз, оцененное в в 196685 руб.», и просят считать это имущество оставшимся без наследственных распоряжений, предъявляя на него права. Эти права были утверждены 23 августа 1894 года С.-Петербургским окружным судом. Одновременно в прошении от 13 июня 1894 г. Анастасия Николаевна отказалась от оставшегося после мужа наследства. В итоге наследниками сиемизского имения площадью 567 дес. 600 кв. саж. были объявлены шестеро детей С. И. Мальцова, и каждому была определена часть движимого и недвижимого имущества. Наследники решили имение не делить и

²⁷¹ Хохлов В.Г., Нихуткина Т.В. Духовное завещание С.И.Мальцова // С. И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Ч. 2. Историко-краевед. конф. г. Дятьково. Музей хрусталя ОАО "Дятьковский хрусталь". Брянск, 1998. С. 29–32.

взамен на финансовую компенсацию оставить имение в общем владении двух братьев: Ивана Сергеевича и Николая Сергеевича²⁷². Таким образом, в 1894 г. Николай Сергеевич Мальцов, генерал-майор, шталмейстер, чиновник кодификационного отдела Государственного совета, и Иван Сергеевич Мальцов, полковник лейб-гвардии Кавалергардского полка, штаб-офицер для поручений при Императорской главной квартире, были введены во владение симеизским имением своего покойного отца²⁷³.

Вскоре каждый из братьев построил себе дом – уже в 1898 году, как сообщает в дневнике Д.А. Милютин, в новом доме И.С. Мальцова справлялась свадьба его дочери Марии с мичманом Нахимовым, представителем династии русских моряков, товарищем брата новобрачной Сергея Мальцова²⁷⁴.

Примерно тогда же братья решили преобразовать Симеиз в дачный курорт, распродав часть земель отцовского имения. Причинами этого, как становится ясно из изучения источников, было желание братьев Мальцовых укрепить свое финансовое положение, вполне естественное в их ситуации. Из года в год она становилась все более неутешительной: еще в июле 1885 г., едва поместив отца под опеку и не успев войти в управление предприятиями, они немедленно запросили помощи у государства, доложив на имя Александра III, что товарищество осталось без средств на ведение предприятий, а населению Мальцовского округа угрожает голод. По предложению Министерства финансов было организовано Особое совещание, которое, проанализировав ситуацию в Мальцовском округе, пришло к неутешительным выводам о его экономическом положении и необходимости передать дело спасения округа и, что немаловажно, поддержки огромного числа оказавшихся без средств к существованию рабочих государству. 13 августа 1885 г. было учреждено «Казенное управление Мальцовскими заводами». Заводское дело Мальцова было оценено в 15 млн. 760 тыс. руб., долг составлял 10 млн. руб., в том числе 3,3 млн. казне. Вскоре Управление убедилось,

²⁷² ГАРК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 67-71, 83.

²⁷³ ГАРК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–12, 23–25.

²⁷⁴ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1891-1899. Под ред. Л.Г.Захаровой. М., 2013. С. 501.

что реальное положение дел на мальцовских заводах еще хуже, чем представлялось Особому совещанию.

Упадок продолжался еще несколько лет, в течение которых братья Мальцовы продолжали выбивать государственную поддержку, и не без успеха: так, особым распоряжением Александра III на содержание жены и детей С.И. Мальцова начиная с 1885 г. отпускалось в счет финансирования заводов – 20 тыс.руб. в год жене и по 4 тыс. руб. в год каждому из сыновей. Во время казенного управления многие из заводов были закрыты в силу убыточности, отменены пособия и пенсии. И лишь в 1888 г., когда долги составили уже 7,7 млн. руб, Мальцовское промышленно-торговое товарищество было признано Санкт-Петербургским коммерческим судом несостоятельным должником. К этому времени удалось выяснить, что мальцовские заводы работали в убыток уже с начала 1880-х гг., однако эти убытки либо скрывались С. И. Мальцовым, либо не выявлялись в полной мере из-за неудовлетворительного состояния отчетности.

Конкурсное управление по делам несостоятельного должника действовало с 1888 по 1894, позволив расплатиться с рядом долгов. В фонде имения Симеиз наследников генерал-майора С.И.Мальцова в ГАРК (Ф. 333) имеются копии решения заседания Конкурсного управления от 30 мая 1890 года, отказавшего И.С., С.С. и Н.С. Мальцову в требовании выплатить соответственно 18280 руб, 53196 руб. и 38604 руб. неполученных дивидендов за 1880-83 гг. на основании того в указанные годы долги товарищества существенно увеличивались, и отчисление за эти годы дивидендов «является не отвечающим ни общему закону, ни уставу Товарищества»²⁷⁵. Тем не менее, в 1891 г. жене и детям Мальцова была «всемилоостивейше дарована» сумма в 1,5 млн. руб. (видимо, для погашения части долгов), причем 750 тыс.руб. из нее должны были храниться в виде процентных бумаг в Государственном банке неприкосновенно до смерти жены Мальцова, а проценты (составлявшие 60 тыс.руб.) выплачиваться ей пожизненно.

²⁷⁵ ГАРК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 97–102 об.

Лишь через девять месяцев после смерти С.И. Мальцова, в сентябре 1894 года мальцовские заводы в полном составе перешли от государства в собственность высочайше утвержденного Московского акционерного общества Мальцовских заводов, иными словами – были заново акционированы. Их новыми хозяевами стали Иван Мамонтов с группой московских предпринимателей. Безвозвратные расходы государства на поддержку мальцовских заводов за десять с лишним лет составили два с половиной миллиона рублей. Подробно история, приводные механизмы и ход кризиса и последовавшего банкротства империи С.И. Мальцова разобраны в работах И.Ф. Гиндина и Л.И. Захаровой²⁷⁶.

Итак, промышленные капиталы Мальцовых были полностью утеряны, а братья Мальцовы остались лишь владельцами имения в Симеизе и других объектов недвижимости, обслуживание которых само по себе требовало немалых ресурсов (согласно хранящейся в Ф. 333 ГАРК доверенности, данной 27 мая 1918 года И.С. Мальцовым В.А. Ральцевичу на управление всеми его недвижимыми имениями, в их список входили, помимо Симеиза, имение в Орловской губернии, дома в Петрограде и Царском селе²⁷⁷). В 1894 г. скончалась и их мать, что, по-видимому, повлекло прекращение высочайше утвержденных выплат на содержание из Государственного банка. С учетом всех этих обстоятельств судебная тяжба за имение Симеиз и последующее решение о разделе его земель на участки и распродаже их под дачи видится продиктованным отнюдь не идеалистическими, а вполне меркантильными соображениями.

Имения Мальцовых, дачи Нового Симеиза, как и все остальные частные владения Южного берега Крыма, были национализированы в 1920 г.: как гласил опубликованный 29 декабря 1920 г. декрет СНК РСФСР, «прекрасные дачи и особняки, которым пользовались раньше крупные помещики и капиталисты, дворцы бывших царей и великих князей, должны быть использованы под санатории и здравницы для рабочих и крестьян»²⁷⁸. Не имея семьи, Н.С. Мальцов,

²⁷⁶ Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 225-238; Захарова Л.И. и др., Указ. соч.

²⁷⁷ ГАРК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 147–147 об.

²⁷⁸ Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма... С. 3.

эмигрировавший в 1919 г., последние годы жизни провел в Русском доме для престарелых в Ментоне на французской Ривьере, скончался во Франции 30 августа 1939 году и был погребен в Ментоне на русском кладбище (могила не сохранилась). И.С. Мальцов с невесткой и сыном были также эвакуированы англичанами из Крыма на Мальту вместе с представителями династии Романовых весной 1919 г., однако после установления власти Врангеля вернулись в Крым и были, как документально установлено, расстреляны среди тысяч других жителей Ялты и ее окрестностей во время волны террора в декабре 1920 г. (подробнее об судьбе братьев Мальцовых см. ниже, в гл. 4).

Судьба владельцев дач Нового Симеиза, многие из которых, уехав из столиц, провели 1917-1920 гг. в своих домах на Южном берегу, после национализации сложилась по разному: не всем удалось избежать террора (был расстрелян как «черносотенец» инженер Н.П. Субботин), многие оказались в эмиграции (бывший председатель Ялтинского земства Н.Н. Богданов, московский предприниматель А.Л. Керков – см. ниже, часть 3 настоящей главы и гл. 3), кто-то выехал в Москву (известный врач П.Д. Соловов - см.) и Санкт-Петербург (будущий кинорежиссер Н.Н. Кошеверова, см. часть 4 настоящей главы). Бывший хозяин дач «Камея» и «Дельфин» в Новом Симеизе инженер В.М. Родевич продолжил карьеру в советской России, став одним из ведущих специалистов по реализации плана ГОЭЛРО (возможно, именно с этим связано то обстоятельство, что ему едва ли не единственному при национализации удалось получить за свою дачу денежную компенсацию²⁷⁹), а И.И. Пузанов стал известным ученым-биологом, профессором, автором многочисленных книг. Несколько бывших собственников некоторое время оставались жить в Симеизе, причем обстоятельства их нового быта были весьма унижительными: как показывают изученные нами архивные документы, даже за право ютиться в нескольких комнатах своих в прошлом дач

²⁷⁹ информацию об этом удалось обнаружить в материалах диссертации о юрисконсульте А.С.Зарудном, сопровождавшем сделку: *Варфоломеев, Ю.В.* А. С. Зарудный – юрист и общественный деятель: диссертация ... кандидата исторических наук. Саратов, 2002. С. 208.

и распоряжаться своим мелким движимым имуществом пришлось вести сложную бюрократическую борьбу²⁸⁰, а некоторым и вовсе довелось побывать в Масандровском концлагере для классовых врагов²⁸¹. Любопытно, что как следует из мемуаров И.И. Пузанова и хранящегося в ГАРК дела о тяжбе за дачу доктора Б.Н. Зубаровского, как минимум этим двух дачникам в годы советской власти одно время покровительствовал, помогая закрепить право на комнаты в бывших собственных дачах, нарком здравоохранения Н.А. Семашко²⁸².

Не лучшим образом сложилась и судьбы самих зданий: они были приспособлены под корпуса санаториев или коммунальные жилые дома, в большинстве своем многократно и бесконтрольно перестроены, многие – несмотря на статус региональных памятников, утратили свои эстетические достоинства, причем апофеоз этих процессов пришелся на постсоветский период. Символично, что в настоящее время, через сто лет после национализации частных дач курорта Новый Симеиз, начался процесс приватизации зданий старых симеизских дач (вернее, того, что от них осталось), то есть, по сути, возвращения их к своему первоначальному предназначению.

Так в микрокосме небольшого курортного поселка Новый Симеиз на Южном берегу Крыма ярко и в полной мере отразились ключевые события и процессы в истории России не только конца XIX - начала XX века, но и последующего столетия, трактовать которые, несомненно, следует в широком смысле, как совокупность социально-экономических, социокультурных, ментальных конфликтов и перемен. Полномасштабная реконструкция и объяснение этой истории невозможны без применения приемов комплексного источниковедения и методологического арсенала современной исторической науки.

²⁸⁰ ГАРК. Ф. Р-1128. Оп. 2. Д. 269. Л. 1–47.

²⁸¹ ГАРК. Ф. Р-2058. Оп. 3. Д. 220. Л. 45.

²⁸² Пузанов И.И. Мемуары. Т. 3. С. 58.

2.2. Особенности информационного поиска и методики реконструкции истории дачного курорта Новый Мисхор²⁸³

Обратимся теперь к поселку Новый Мисхор, который авторы сборника «Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма», как мы помним, отнесли к «крупным в прошлом курортным имениям, разбитым на части новыми владельцами и характеризующимся случайностью и бессистемностью застройки».

При том, что Новый Мисхор был самым первым, хронологически, из появившихся на Южном берегу дачных поселков, реконструировать его историю оказалось существенно сложнее, чем историю дачного поселка Новый Симеиз. Из справочной, краеведческой литературы, дореволюционных путеводителей было известно, что начиная с 1898 г. П.П. Шувалов и О.П. Долгорукова создавали на землях своего имения Мисхор курорт Новый Мисхор, право долгосрочной аренды участков которого продавалось вплоть до 1918 г. На участках арендаторами строились дачи, на базе которых после установления советской власти и национализации всех частных имений Южного берега было создано несколько санаториев²⁸⁴.

Однако этой информацией, в сущности, исчерпывалась. В отличие от появившегося следом на землях промышленников Мальцовых дачного курорта Новый Симеиз, не был издан путеводитель по курорту по аналогии с путеводителем В.М.Кузьменко по Новому Симеизу, не было опубликовано списка дачников, неизвестен план разбивки курорта, имена всех арендаторов. Внимание краеведа А.А. Галиченко привлек феномен расцвета творческой жизни в Новом Мисхоре в 1917-1920 гг., когда на Южный берег Крыма перебралось из столиц большое

²⁸³ При подготовке данного параграфа диссертации использована публикация автора в соавторстве: *Карагодин А.В., Петрова М.М.* Новый Мисхор – первый дачный курорт на Южном берегу Крыма (1898–1920): реконструкция социокультурной истории // *Человек и культура.* 2020. № 4. С. 103–127. (2/2,77 п.л.).

²⁸⁴ *Москвич Г.* Иллюстрированный путеводитель по Крыму. Пг., 1915. С. 253; *Шантырь С.* Мисхор. Кореиз. Гаспра. Путеводитель. Симферополь, 1969.

количество деятелей искусства, однако сведения автора во многом были основаны на предположениях, изложены в беллетризованной манере, нуждались в дополнении и дальнейшей документальной разработке²⁸⁵. Ситуацию усугубляло то, что облик местности, где располагался курорт Новый Мисхор, претерпел существенные изменения после 1945 г., когда было реализовано несколько масштабных перестроек располагавшихся на его бывшей территории санаториев – этим он также отличается от того же Нового Симеиза. Часть оригинальных зданий Нового Мисхора, возведенных в начале XX в., была утрачена, другие перестроены, на их месте возведены многоэтажные современные корпуса, бетонные набережные. Это затрудняло реконструкцию его истории.

К счастью, в Государственном архиве Республики Крым сохранились два фонда имени Мисхор. Это фонды 339 (Имение Мисхор графа Шувалова Ялтинского уезда Таврической губернии, 6 ед. хр., 1899) и 334 (Управление имением Мисхор княгини Долгорукой, Ялтинский уезд Таврической губернии 11 ед. хр., 1903-1916). Важным подспорьем в работе любого исследователя в области социально-экономической истории Южного берега XIX - начала XX века являются также документы Ялтинской уездной земской управы (ф. 62) и Таврической губернской чертежной (ф. 377): по ним можно уточнить даты приобретения имений и участков, их границы, характер земель, наличие и характер построек, анкетные данные владельцев. Существенную роль в изучении судьбы любых частновладельческих имений Южного берега Крыма на рубеже XIX-XX века играют и архивные фонды советского периода. Так, в ф. Р-361 (Управление Южнобережных совхозов в Крыму) содержатся материалы национализации имения Мисхор (Оп. 1. Д.39. Акт приема имения "Мисхор" в состав Южсовхоза, план имения. 20.11.1920-21.07.1921). В ф. Р-1128 (Ялтинское районное курортное управление (ЯРКУ) Центрального управления курортами Крыма (ЦУКК) гор.

²⁸⁵ *Галиченко А.А.* Старинные усадьбы Крыма: Алупка, Гаспра, Лимена, Мисхор, Мухалатка, Мшатка, Новый Кучук-Кой, Олеиз. Симферополь, 2016. С. 197-207; *Галиченко А.А.* Художественный феномен усадеб Южного берега Крыма в конце XIX – начале XX вв. // *Культура Крыма на рубеже веков.* Симферополь, 1993; *Галиченко А.А., Филатова Г.Г.* Мисхор. Судьба имения и его обитателей // *Материалы II Крымских международных Чтений «Мир усадебной культуры».* Симферополь, 2002.

Ялты Крым. АССР) – материалы о судьбе строений бывшего курорта Новый Мисхор в 1920-е гг, содержащие важные детали, характеризующие эти здания и, отчасти, личности их бывших владельцев.

По мере выявления информации нами были также исследованы документы из архивов других регионов, а также музейных хранилищ. Тщательная обработка этих фондов при поддержке справочной литературы позволила заложить основы электронной базы данных владельцев дачных участков Нового Мисхора. Дальнейшее ее наполнение происходило на основе поиска информации в опубликованных мемуарах вновь выявленных дачников Нового Мисхора. Это, в первую очередь, мемуары танцовщицы В.А. Судейкиной, переписка и мемуары М.П. Чеховой, О.К. Куприной-Иорданской, М.И. Ростовцева, а также другие источники личного происхождения²⁸⁶. «Историческая память», запечатленная в мемуарах, письмах, исторической публицистике, позволила уточнить детали, дать ответ на вопросы о том, как владельцы дач проживали свои дни на новом курорте, раскрыть черты их ментальности. Наконец, информация, полученная из источников личного происхождения, подкреплялась выявлением в доступных депозитариях, в первую очередь цифровых, визуальных источников – открыток и фотографий начала XX века с видами дач Нового Мисхора, и их анализом.

Освоение русскими землевладельцами Мисхора началось вскоре после присоединения Крыма к России. Одной из первых земли тут в 1814 г. приобрела действительная статская советница М.А.Нарышкина (1799–1854). 26 января 1814 г. она была введена во владение 13 участками фруктовых садов и пахотной

²⁸⁶ Судейкина В.А. Дневник. 1917-1919. Петроград, Крым, Тифлис. М., 2006; О. Л. Книппер-М. П. Чехова. Переписка. М., 2016. Т. 1: 1899-1927; Чехова М. П. Из далекого прошлого.-М., 1960; Скифский роман. Scythian novel. Сборник о жизни и творчестве М. И. Ростовцева / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории РАН и др.; под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997; Дневники императрицы Марии Федоровны (1914-1920, 1923 годы). М., 2005; Маковский С.К. Портреты современников. На Парнасе «Серебряного века». Художественная критика. Стихи. М., 2000.

земли²⁸⁷. 3 марта 1819 г. эти земли приобрела С.К. Потоцкая (1766–1822), которая завещала их своей дочери Ольге (1802–1861)²⁸⁸. Большую роль в ее дальнейшей судьбе, после кончины матери в 1822 г., сыграли Е.К. Воронцова, урожденная графиня Браницкая (1792–1881), и генерал-губернатор Новороссийского края граф М.С. Воронцов (1782–1856). В марте 1824 г. они выдали Ольгу замуж за двоюродного брата графа Воронцова со стороны матери, 38-летнего генерал-майора, участника Отечественной войны, Л.А. Нарышкина (1785–1846). Имение обустроивалось с помощью Воронцовых, их садовников и архитекторов. Дворец был построен английским архитектором У. Гунтом по проекту архитектора Г. Торичелли. Рядом с дворцом была построена католическая капелла. В создании парка принимал участие немецкий садовод К. Кебах. Дорожки прокладывали саперы строительного батальона подполковника В.П. Шипилова. По межеванию 1834 г. в имении О.С. Нарышкиной насчитывалось 87 дес. 2192 кв. саж.²⁸⁹. В 1846 г. дочь Нарышкиных Софья (1829–1894, по бытовавшим слухам, ее отцом был не Нарышкин, а сам М.С. Воронцов, что в известной мере объясняет столь активное участие генерал-губернатора Новороссии в устройстве имения Мисхор) вышла замуж за камер-юнкера П.П.Шувалова (1819–1900). За два года до этого дочь графа М. С. Воронцова Софья (1825–1879) вышла замуж за его брата А.П. Шувалова (1817–1876). В 1895 г. владельцем имения Мисхор после кончины матери стал П.П. Шувалов (1847–1902)²⁹⁰. В 1868 г. он поступил на военную службу, в 1872–1881 гг. был адъютантом великого князя Владимира Александровича, затем стал флигель-адъютантом императора Александра III. Павел Петрович был женат на княжне Е.В. Барятинской (1855–1938).

Видимо, именно им принадлежала идея создания курорта на базе своего имения. Первоначально они сдавали дворец в аренду на время своего отсутствия,

²⁸⁷ ГАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

²⁸⁸ ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

²⁸⁹ ГАРК. Ф. 377. Оп. 7. Д. 335. Л. 5.

²⁹⁰ ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

в том числе в 1898 г. представителю новых состоятельных слоев русского общества – московскому купцу С.Т. Морозову: информация об этом содержится в мемуарах бывшего военного министра графа Д.А. Милютина, после выхода в отставку поселившегося в имении Симеис по соседству²⁹¹. А в 1898 г. решили выделить 15 дес. земли в западной части имения Мисхор на границе с имением Воронцовых-Дашковых для создания дачного курорта, для чего предложили архитектору Н.Г. Тарасову разбить их на 50 участков площадью от 300 до 700 квадратных саженей. С 1898 г. Тарасов размежевал выделенные земли, создав планы тридцати шести участков²⁹². Дальнейшие планы курорта создавал в 1903 г. техник А.А. Померанцев, проживавший в Алушке: с 1900 по 1912 г. Тарасов уже служил главным архитектором г. Ялты²⁹³.

Курорт называли Новым Мисхором. Участки отдавались в аренду сроком на 46–60 лет, с правом сооружения капитальных построек, передачей их по наследству, соблюдением правил поведения, в том числе чистоты, сохранения парковых насаждений и так далее. Со своей стороны владельцы имения были обязаны проложить дороги, водопровод, канализацию²⁹⁴.

В 1902 г. не стало П.П. Шувалова. Имение перешло к его сестре О.П. Долгоруковой (1848–1927), урожденной Шуваловой, вышедшей замуж за обер-гофмейстера князя Александра Сергеевича Долгорукова (1841–1912). К тому времени площадь имения составляла 117 дес. 538 кв. саж., из них курорт Новый Мисхор занимал 15 дес.²⁹⁵ Курорт располагался в границах восточной части имения Воронцовых-Дашковых и заканчивался близ дворца Шуваловых, находился на крутых горных склонах, что усложняло строительство и требовало возведения многочисленных подпорных стен. Дорога, идущая из Кореиза, проходила выше дворца Шуваловых, затем по территории курорта Новый Мисхор и кольцами

²⁹¹ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1891-1899. Под ред. Л.Г.Захаровой. М., 2013.

²⁹² ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

²⁹³ Артамонов А.Е. Госдачи Крыма. История созданий правительственных резиденций и домов отдыха в Крыму. Правда и вымысел. М., 2015. С. 309-310.

²⁹⁴ ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-3.

²⁹⁵ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.

уходила вверх к современной станции канатной дороги, дважды пересекая речку Салгир, или, как ее сегодня называют, Хаста-Баш («исток бешеной воды» с крымско-тат.). Участки курорта Новый Мисхор были разбиты слева и справа вдоль дороги²⁹⁶. С 28 июня 1903 г. княгиня О. П. Долгорукова стала лично заниматься вопросами организации курорта, все договора на аренду земли проходили через нее. Список требований был расширен: содержать дачи в исправном виде, соблюдать санитарные нормы, проводить очистку территории, страховать дачи от пожара каждый год за свой счет, своевременно оплачивать аренду на срок 60 лет (оплата за первые 30 лет по базовому тарифу, последующие 30 лет с 25–30% надбавкой; в среднем оплата составляла, как сообщалось в документах национализации, 20-30 коп. на кв.саж.²⁹⁷, не открывать в дачах пансионаты для больных. Постройки можно было передавать другим лицам по разрешению управляющего именем. Управление имением обязывалось провести водопровод до участков арендаторов. Позднее добавились еще два пункта: право пользования парком и строительство дач под надзором техника²⁹⁸.

Как показывают исследованные нами комплексы источников, в общей сложности до 1920 г. (время окончательного установления в Крыму советской власти) было отдано в аренду шестнадцать участков. Перечислим их по порядку, делая акцент на том, какую роль в реконструкции их истории сыграли источники разных типов и разного видового происхождения.

1) Участок №1 Г.А. Крестовникова

²⁹⁶ Окс А.Б. Южный берег Крыма. Справочник для туристов. СПб., 1912.

²⁹⁷ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 39. Л.20.

²⁹⁸ ГАРК. Ф.339. Оп.1. Д.1. Л.7.

На участке №1, площадью 776 кв. саж., рядом с дворцом Шувалова, находилась дача мануфактур-советника Григория Александровича Крестовникова²⁹⁹. В состав дачи входили дача, костел, оранжерея и конюшни. Костел находился рядом с дворцом, западнее размещалась сама дача, которая в 1927 г. числилась как жилой фонд санатория «Магнолия»³⁰⁰. В послевоенное время в этом здании находилась кухня и столовая санатория «Советский полярник», ныне построен гостевой дом №15 ЛОЦ «Нижний Мисхор», который закрыл вид на дворец.

Григорий Александрович Крестовников (1855–1918) родился в Москве, в 1878 г; окончил физико-математический факультет Московского университета, тогда же женился на Юлии Тимофеевне Морозовой (1858–1920), старшей сестре Саввы Тимофеевича Морозова. Их отцы Александр Константинович Крестовников и Тимофей Саввич Морозов в 1871 г. вместе создавали Московско-Ташкентское товарищество по содействию шелковой промышленности в России. Вскоре после свадьбы Крестовниковы и Морозовы совершили путешествие по Европе и посетили товарно-промышленную выставку в Париже. Результатом этого стало создание Товарищества московского механического завода, которое стало производить ткацкие станки, экспонированные на первой Всероссийской промышленной выставке 1896г. в Новгороде. С начала 1890-х годов Г.А. Крестовников был председателем «Фабрично-торгового товарищества братьев Крестовниковых»; с 1900г. состоял председателем совета Московского купеческого банка, председателем Московского биржевого комитета, состоял в правлении Московско-Курской железной дороги, с 1905г. был одним из организаторов Торгово-промышленной партии; с 1906 г. членом ЦК «Союза 17 октября»; с 1906 по 1915 членом Государственного совета³⁰¹.

С 1879 по 1896 г. у Крестовниковых родилось шестеро детей. Согласно воспоминаниям правнучки Крестовникова Елены Ивановой, после рож-

²⁹⁹ ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

³⁰⁰ ГАРК. Ф. Р-1128. Оп. 2. Д. 1155. Л. 17.

³⁰¹ Крестовников Григорий Александрович // Большая Российская энциклопедия. М., 2010. Т. 15. С. 707.

дения в 1896 г. младшего сына Григория у Юлии Тимофеевны обострилась семейная болезнь Морозовых – ревматизм, она была прикована к коляске³⁰². Видимо, именно поэтому было решено взять в аренду близлежащий к дворцу Шувалова участок земли и построить дачу. Этот участок даже не был вымежеван из общего имения и числился на момент национализации как дом №7 в составе имения, нет его и в общем пакете документов на взятие участков в аренду. На каких правах Крестовниковы договорились о взятии в аренду этого участка, неизвестно. Крестовниковы владели этим домом и участком до революции, что подтверждают документы советского времени³⁰³. Григория Александровича не стало в 1918 г., Юлия Тимофеевна, как устанавливается по мемуарам В. Судейкиной, доживала свой век в нищете и скончалась в 1920 г.³⁰⁴

2) Участки В.И. Мензелинцев, А.С. Келера

Участки №2 и 4, площадью 647 и 634 (всего 1281) кв. саж. рядом с дворцом Шуваловых взял в аренду 28 апреля 1900 г. потомственный дворянин из Нижнего Новгорода Василий Иванович Мензелинцев³⁰⁵. Оформлять сделку ему помогали нотариус из Санкт-Петербурга барон Николай Александрович Траубенберг (1853–1902) и поверенный нотариус, отставной капитан из Нижнего Новгорода Михаил Францевич Кульчицкий, который также взял в аренду три участка земли в имении Мисхор (см.ниже). Договоры аренды были заключены на 60 лет с оплатой в первые тридцать лет по 500 руб. за оба участка, во вторые тридцать – по 625 руб. (с 25% надбавкой). Мензелинцевы построили одноэтажную дачу на высоком цоколе, но владели ей недолго. С 8 сентября 1907 ее полноправными владельцами стала семья Келеров. После того, как Василия Ивановича не стало, 6 сентября 1907 г. его наследник по духовному завещанию

³⁰² *Иванова Е.* Мемуары принцессы-золушки // Чайка. 2004. №1 (12) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chayka.org/node/285> (Дата обращения – 12.09.2022).

³⁰³ ГАРК. Ф. Р-2230. Оп. 3. Д. 295. Л. 76.

³⁰⁴ *Судейкина В.А.* Дневник... 1917-1919. С. 484.

³⁰⁵ ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 12-14.

Александр Васильевич Мензелинцев передал за себя, мать Марию Луизу Маттес, сестру Марию Васильевну Оболенскую права и обязанности по аренде участков №2 и №4 после 1 января 1906 г. через надворного советника Белова Александра Александрович, доверенного лица семьи Келер, вдове мануфактур-советника Александре Сергеевне Келер и детям Софье, Борису и Зое³⁰⁶.

Вероятно, В.И. Мезелинцев и Р.Р. Келер имели совместные дела по Нижегородской промышленной выставке: Мензелинцев занимался организацией выставки в 1896 г., на которой представлял свои товары и мануфактур-советник Келер. Келер был основателем фармацевтической промышленности России: в 1862 г. именно он наладил производство эссенций для улучшения вкуса водки, в 1864 г. открыл первый завод в России по производству этилового спирта, а в 1882 г. – фабрику по производству фармацевтических препаратов. Продукция его фабрик была удостоена наград, в том числе на Всероссийской художественно-промышленной выставке в 1896 г. в Нижнем Новгороде, на Всемирной выставке в 1893 в Чикаго. Аптеки Р.Р. Келера работали во многих городах России. В 1893 г. основал фабрично-торговое товарищество «Р. Келер и К» с капиталом 1250000 руб.³⁰⁷.

Когда Р.Р. Келер умер в Германии в 1907 г. и был погребен на Ваганьковском кладбище³⁰⁸, его наследниками стали дети и жена Александра Сергеевна, которая вошла в состав руководства фабрично-торгового товарищества. По их желанию деревянная дача Мензелинцевых была перестроена в двухэтажный каменный особняк – вероятно, архитектором Н.П. Красновым после 1913 г., так считает краевед А.А. Галиченко, обнаружившая эскиз этой дачи работы Н.П. Краснова в архиве семьи Комстадиусов³⁰⁹. Как сложилась судьба детей Келера, пока неизвестно.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ Аптекарь Келер. [Электронный ресурс]. URL: <https://moscow-walks.livejournal.com/1013035.html> (Дата обращения – 12.09.2022).

³⁰⁸ "Московские ведомости". 1907. №95. 26.04.1907.

³⁰⁹ Галиченко А.А., Филатова Г.Г. Мисхор. Судьба имения и его обитателей.... С.39.

Во время землетрясения 1927 г. дача Келера пострадала, была отремонтирована и приведена в порядок³¹⁰. В состав дачи входили главный корпус, сторожка и оранжерея³¹¹. К 1949 здание из мраморовидного известняка было облицовано светло-коричневым песчаником, тогда же получили новую отделку и комнаты: новым жильцом дачи стал ученый, руководитель советского атомного проекта И. В. Курчатов. С 1949 г. и до смерти в 1960 г. дача находилась в его личном пользовании, и сегодня известна под названием «дачи Курчатова», в ней открыт музей ученого³¹².

3) Участки Д.И. Баулина

Участок №5 площадью 595 кв. саж. и часть участка №8 305 кв. саж. (общей площадью 900 кв. саж.) взял в аренду 02.01.1901 г. московский 2-й гильдии купец Дмитрий Иванович Баулин (1848–1909)³¹³. Он занимался торговлей железом, проживал в Москве в доме по переулку Дурново (ныне. Товарищеский, №31)³¹⁴. Дача Баулина была трехэтажная, с цокольным этажом, кладкой стен из местного известняка и флигелем³¹⁵. В 1918–1919 гг. Баулины сдавали дачу внаем, активно общались с владельцами дач Нового Мисхора и владели дачей до национализации, чему посвящено немало страниц в мемуарах В. Судейкиной³¹⁶.

4) Участки А.П. Яновской, А.Н. Плотниковой, З.Г. Рейнбот

³¹⁰ ГАРК. Ф. Р-2230. Оп. 3. Д. 290. Л. 27.

³¹¹ ГАРК. Ф. Р-1128. Оп. 2. Д. 1155. Л. 16.

³¹² Курчатов в жизни: письма, документы, воспоминания (из личного архива). М., 2007.

³¹³ ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.

³¹⁴ Алексеевская слобода. [Электронный ресурс]. URL: [https:// https://www.otzuv.ru/read.php?id=182482](https://www.otzuv.ru/read.php?id=182482) (Дата обращения – 12.09.2022).

³¹⁵ ГАРК. Ф. Р-1128. Оп. 2. Д. 1155. Л. 15.

³¹⁶ Судейкина В.А. Дневник... С. 211, 243, 346.

Часть участка №8, площадью 275 кв. саж. взяла в аренду 25 августа 1905 г. жена врача Анастасия Павловна Яновская, проживавшая в Ялте по Боткинской улице №9 в собственном доме³¹⁷. Ее муж врач-дерматолог Яновский Григорий Аркадьевич был известным человеком в Ялте³¹⁸. Участки №6 и 7 площадью 584 и 616 кв. саж. (общей площадью 1200 кв. саж., в границах: с запада участок №10, с востока №4 и проезжая дорога, с юга море), взяла в аренду 24 октября 1900 г. потомственная почетная гражданка, купчиха из С. Петербурга Анисья Николаевна Плотникова, проживавшая по улице Фонтанка 105³¹⁹. В книге «Весь Петербург за 1901 г.» она уже отмечена как вдова, а с 1904 г. не числилась по С.-Петербургу: видимо, постоянно жила в Новом Мисхоре, где построила дачу.

15 октября 1909 г. А.Н. Плотникова уступила участки №6 и 7 Рейнбот Зинаиде Григорьевне³²⁰. А через две недели, 30 октября 1909 г. ей же уступила свой участок №8 жена врача Яновская А.П.³²¹. Участки №6, 7 и 8 были объединены и в последствие шли под одним названием – «дача Морозовой». Этими участками Зинаида Григорьевна Рейнбот владела до 1920 г.

Зинаида Григорьевна происходила из семьи старообрядцев Зиминых. Ее дед Ефим Степанович был одним из директоров Зуевской мануфактуры, отец Григорий Ефимович торговал на Кокоревском подворье. В 17 лет Зинаиду выдали замуж за С.В. Морозова. На их венчание был приглашен Савва Тимофеевич Морозов, который влюбился в Зинаиду Григорьевну, она же обратила на него внимание, когда они с Сергеем Викуловичем были в Крыму в Алушке. Супругов развели 26 января 1887 г., а 24 июня 1888 г. они обвенчались с Саввой Тимофеевичем, хотя против их брака были и Зимины, и Морозовы. После того, как 13 мая 1905 г. Савву Морозова нашли мертвым (по официальной версии полиции, он

³¹⁷ ГАРК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

³¹⁸ Акт государственной историко-культурной экспертизы по вопросу включения объекта культурного наследия "Жилой дом" (улица Боткинская, д. 9) в Единый государственный реестр объектов культурного наследия. Симферополь, 30 мая 2016 г.

³¹⁹ ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 34; "Весь Петербург". СПб., 1901. С. 452.

³²⁰ ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

³²¹ ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 37; ГАРК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

застрелился), по духовному завещанию Зинаиде Григорьевне достались рудники на Урале, земли во Владимирской, Московской губерниях, ценные бумаги. Через два года ей предложил руку и сердце генерал-майор, московский градоначальник А.А. Рейнбот (1868–1918). В 1909 г. Зинаида Григорьевна продала подаренный Морозовым особняк на Спиридоновке и купила имение Горки Подольского уезда Московской губернии (ныне музей-усадьба «Горки Ленинские»). В том же 1909 г. ими были куплены у Плотниковой А.Н. и Яновской А.П. права аренды на участки в Новом Мисхоре.

История этой покупки восстанавливается по эго-источникам. В августе 1909 г. Рейнботы отдыхали в Форосе и возвращались в Москву в одном вагоне с О.Л. Книппер-Чеховой. По словам последней, Зинаида Григорьевна очень расспрашивала Ольгу Леонардовну о Марии Павловне Чеховой, ее мисхорской даче, ее строителях, о чем та сообщила М.П. Чеховой в письме от 21 августа 1909 г.³²² Видимо, на З.Г. Рейнбот это произвело большое впечатление и она буквально через два месяца приобрела дачу в Новом Мисхоре. С началом Первой мировой войны, когда немецкие фамилии стало модно менять на русские, Зинаида Григорьевна получила фамилию «Резвой» в честь бабушки мужа Надежды Павловны Резвой. В 1916 г. они с мужем расстались. В марте 1918 г. ее имения в центре России были национализированы и она жила в Староконюшенном переулке до 1924 г., а затем в Ильинском. Зинаиды Григорьевны не стало в 1947 г., ее похоронили на Ильинском кладбище, а затем останки перенесли на Рогожское кладбище в склеп Морозовых³²³.

Участками в Нижнем Мисхоре З.Г. Рейнбот владела до 1920 г. Дачу Рейнбот украшали розы: согласно мемуарам В. Судейкиной, именно с этой дачи в 1918 году художник Сергей Судейкин приносил букеты своей жене Вере во время их пребывания в Новом Мисхоре³²⁴.

³²² О. Л. Книппер-М. П. Чехова. Переписка. М., 2016. Т. 1: 1899-1927. С. 323.

³²³ Российский государственный архив древних актов. Ф. Рейнбот-Резвая № 1615. Оп. 1. 117 ед. хр. (1857-1917).

³²⁴ Судейкина В.А. Дневник... С. 184, 195.

После национализации дача З.Г. Рейнбот называлась «дачей Морозовой». При описании жилого фонда ЦУККа в 1923 г. за ней числилось: главное здание, флигель Яновского, флигель, контора, служебный флигель, гараж, которые передавались в состав дома отдыха³²⁵.

5) Участок Л.Я. Таубера

Участок №13 площадью 680 кв. саж. 07.09.1901 г. взял в аренду коллежский секретарь, приват-доцент Харьковского университета Леонид Яковлевич Таубер³²⁶. Он отмечен как владелец дачи в Новом Мисхоре и в документах переписи 1913 г.³²⁷. Он родился 16 апреля 1872 г. в семье присяжного поверенного, окончил Харьковский университет со степенью магистра уголовного права и судопроизводства, преподавал уголовное судопроизводство, работал адвокатом, участвовал в громких процессах. Вступил в партию кадетов и стал активным ее членом. По партийным спискам 1917, 1919 г. избирался гласным в Харьковскую городскую Думу. С женой Марией Петровной, дочерью Екатериной и сыном Сергеем в декабре 1919 г. выехал из Харькова в Новороссийск, а затем за границу в Белград³²⁸.

В 1969 г. краевед С. Шантырь в путеводителе «Мисхор. Кореиз. Гаспра» писал об этой даче: «украшение санатория – старый особнячок "Дюльберчик", небольшой фигурный бассейн с декоративным крокодиллом и висящая над морем беседка»³²⁹. Здание, облик которого был запечатлен на нескольких фотографиях дореволюционной поры, найденных нами в цифровой базе данных pastvu.com (там же можно обнаружить и репродукции старых открыток с панорамными фотографиями всего курорта), действительно, похоже на миниатюрную копию

³²⁵ ГАРК. Ф. Р-2230. Оп. 3. Д. 295. Л. 76.

³²⁶ ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

³²⁷ ГАРК. Ф. 529. Оп. 1. Д. 47. Л. 70.

³²⁸ Павлова Т.Г. Харьковская профессорская эмиграция 20-30-х XX в. // Universitates: наука и просвещение. 2010. №1. С. 30-51.

³²⁹ Шантырь С. Мисхор. Кореиз. Гаспра... С.58.

дворца «Дюльбер», построенного в Мисхоре архитектором Н.П. Красновым в 1895–97 гг. для великого князя Петра Николаевича³³⁰. «Дюльберчик» снесли на рубеже 1970–80-х годов при строительстве нового 16-этажного здания санатория "Ай-Петри" (11-й корпус).

б) Участок Н.М. Уховой

Дача Уховых находилась рядом с дачей Таубера и была одноэтажной, с цокольным этажом. Рядом был сарай и оранжерея, в которой хозяева выращивали зелень и продавали дачникам. Сдавали Уховы «три очаровательных комнаты», как говорила Судейкина³³¹.

Надежда Михайловна Ухова, урожденная Щербакова, взяла в Новом Мисхоре участок площадью 515 кв. саж. В документах переписи 1913 г. она также отмечена как арендатор дачи в Новом Мисхоре³³². Дача была построена в 1906-1907 гг.: в письме от 30 августа 1907 г. Мария Павловна Чехова сообщала Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой о наличии мест в дачах Нового Мисхора: «Римма сдала весь низ и комнат у нее нет... есть у Баулина и у Ухова»³³³.

Муж Надежды Михайловны – Федор Акимович Ухов (1859–1918) служил в труппе Малого театра с 1891 по 1908 гг. под всевдонимом Акимов³³⁴. Уховы круглогодично сдавали дачу: вероятно, с 1908 г. это был их единственный заработок. В 1918–1919 гг. они активно общались с дачниками: об этом неоднократно пишет в мемуарах В. Судейкина. Она же сообщает: когда в декабре 1918 г., не стало Федора Акимовича, Надежде Михайловне стало трудно добывать средства к существованию, поэтому она очень обрадовалась, когда 27 февраля 1919 г. кн. О.П. Долгорукова разрешила ей заложить дачу. Получив деньги,

³³⁰ Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып.4. Спб., 1909.

³³¹ Судейкина В.А. Указ. соч. С. 70.

³³² ГАРК. Ф. 529. Оп. 1. Д. 47. Л. 12.

³³³ О.Л. Книппер-М.П. Чехова. Указ. соч. С. 255.

³³⁴ Судейкина В.А. Указ.соч. С. 469.

она уехала с дочерью в неизвестном направлении³³⁵. Дача сохранилась до наших дней.

7) Участки Л.К. Туган-Барановской

Участки №20 и 21, площадью 523 и 576 кв. саж. (общей площадью 1099 кв. саж.) взяла в аренду 28 января 1900 г. жена потомственного дворянина Лидия Карловна Туган-Барановская, урожденная Давыдова (1869–1900), переводчица, публицист, общественная деятельница, проживавшая в С. Петербурге на 4-й Рождественской улице в доме №9. Участки находились на правом берегу реки Салгир (Хаста-Баш)³³⁶. По всей вероятности к концу 1900 г. – началу 1901 г. дача уже была построена, что подтверждают воспоминания М. К. Куприной-Иорданской, являющиеся главным источником по реконструкции истории этой дачи³³⁷.

В 1900 г. Лидия Карловна неожиданно скончалась. Для ее матери, Александры Аркадьевны Давыдовой, урожденной Горожанской (1849–1902), случившееся стало потрясением. Она тяжело заболела, и 24 февраля 1902 года ее не стало. С 1893 г. она содержала издательство «Мир Божий», в котором печатались А.М. Горький, И.А. Бунин и другие писатели. Именно Бунин предложил Куприну в 1897 печататься в издательстве «Мир Божий»: в ноябре 1901 г. Куприн приехал в Петербург и познакомился с А.А. Давыдовой и ее дочерью Марией Карловной, в которую тут же влюбился и через три месяца 3 февраля 1902 г. женился. А спустя всего три недели Александры Аркадьевны не стало. Издательство А.А. Давыдова завещала дочери Марии, сыну Николаю и редактору А.И. Богдановичу. Отделом беллетристики стал заведовать А.И. Куприн. Н.К. Давыдов окончил юридический факультет Петербургского университета, но карьеру сделать не успел, так как зимой попал в полынью и его парализовало:

³³⁵ Там же. С. 303, 355.

³³⁶ ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 24; Ф. 339. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

³³⁷ *Куприна –Иорданская М.К.* Годы молодости. М., 1966.

он передвигался только на коляске. Ему по наследству и досталась дача в Новом Мисхоре.

Летом 1902 г. Куприны отдыхали в Мисхоре на даче, о чем пишет Куприна-Иорданская: по ее словам, дача 2-х этажная, кругом обнесенная деревянными балконами; в нижнем этаже жил ее брат, а наверну они с Куприным – в большой комнате с открытой террасой, выходящей на море. Эту комнату Куприн описал в рассказе «Корь». Вставал Куприн рано, но в море с утра не купался: считал, что море расслабляет, и работать уже невозможно. В нескольких саженях от дачи, на границе с соседним еще не застроенным участком, где протекала горная река Салгир, он привязал к толстой ветке дуба росшего на берегу реки садовую лейку и устроил себе душ. В Мисхоре он написал два рассказа: «Трус» и «На покое». Куприна-Иорданская также пишет, что в 1902 г. в Новом Мисхоре было построено всего четыре дачи³³⁸.

3 января 1903 г. у Куприных родилась дочь Лида (1903–1924). Весной 1903 Александр Иванович уехал в Мисхор работать, написал шесть глав рассказа «Поединок». Летом они отдыхали на даче уже всей семьей. Александр Иванович познакомил Марию Карловну с семьей Чеховых – Антоном Павловичем, его сестрой Марией Павловной, женой Ольгой Леонардовной. Через три дня Мария Павловна и Ольга Леонардовна сделали ответный визит к Куприным. На даче неоднократно бывал инженер и писатель Н.Г. Гарин-Михайловский, который приглашал Куприных на отдых в Кастрополь, где размещалась его экспедиция по созданию проекта железной дороги от Севастополя до Ялты. Пока Мария Карловна с дочерью отдыхала с большой компанией детей на море, Куприн участвовал в экспедициях, увлекался верховой ездой, что отразилось в написанном в Мисхоре рассказе «Конокрады». Летом 1903 г. на дачу заходили цирковые артисты: так родился рассказ «Белый пудель»³³⁹.

Начало еще одного рассказа Александра Куприна, написанного позднее, в 1914 г., «Винная бочка» может послужить лучшей характеристикой того, что

³³⁸ Куприна –Иорданская М.К. Указ.соч. С. 93.

³³⁹ Там же. С. 161.

просиходило на Южном берегу на рубеже XIX–XX века, когда окрестности Ялты охватил курортный бум.

Куприн пишет: «В тот год ялтинский сезон был особенно многолюден и роскошен. Впрочем, в Ялте существует не один сезон, а целых три: ситцевый, шелковый и бархатный. Ситцевый – самый продолжительный, самый неинтересный и самый тихий. Делают его обыкновенно приезжие студенты, курсистки, средней руки чиновники и, главным образом, больные. Они не ездят верхом, не пьют шампанского, не кокетничают с проводниками, и главная их слабость – посылать домой, на Север, открытки с видами Ялты, с восторженными описаниями красот Крыма. ...Местные жители, татары, у которых главное занятие – высасывать кровь из туристов, смотрят на эту публику свысока и обращаются с нею грубо и пренебрежительно».

«...Шелковый сезон – более нарядный и богатый. Публику этого сезона составляют: купечество выше чем среднего разбора, провинциальное дворянство, чиновники покрупнее и так далее. Тут уже жизнь разматывается пошире: многие ездят в горы верхом, но перед тем, как заказать лошадь, довольно-таки долго торгуются. В городском курзале начинаются балы, а в парке по вечерам играет прекрасный струнный оркестр. Номера в гостиницах почти все заняты, и цены на все нужное и ненужное возрастают вдвое и втрое».

«Но бархатный сезон! Это золотые дни для Ялты, да, пожалуй, и для всего крымского побережья. Он продолжается не более месяца и обыкновенно совпадает с последней неделей великого поста, с пасхой и фоминой неделей. Одни приезжают для того, чтобы избавиться от печальной необходимости делать визиты; другие – в качестве молодоженов, совершающих свадебную поездку; а третьи – их большинство – потому, что это модно, что в это время собирается в Ялте все знатное и богатое, что можно блеснуть туалетами и красотой, завязать выгодные знакомства. Природы, конечно, никто не замечает. А надо сказать, что именно в это раннее весеннее время Крым, весь в бело-розовой рамке цветущих яблонь, миндаля, груш, персиков и абрикосов, еще не пыльный, не зловонный, освеженный волшебным морским воздухом, – поистине прекрасен. В это время

уже не торгуются с татарами, а просто нанимают верховых лошадей и проводника на весь сезон. О ценах никогда не спрашивают. Заказывают заранее по телеграфу несколько комнат в самых шикарных отелях и сыплют золото горстями налево и направо с такой милой бесцеремонностью, точно играют морскими гальками»³⁴⁰.

Осень 1904 г. Куприны решили снова провести в Крыму, однако отдыхали уже в Балаклаве (как пишет Куприна-Иорданская, «дачу в Мисхоре брат продал и жил в Симферополе»): право аренды на участки в Новом Мисхоре было уступлено Николаем Карловичем Давыдовым, проживавшим в то время в С. Петербурге, купеческой вдове из Санкт-Петербурга Анисье Николаевне Плотниковой³⁴¹. Последним владельцем был Плотников Алексей Николаевич, который сдавал летом 1913 г. 12 комнат. Видимо, этой дачей Плотниковы владели до 1918 г.: во всяком случае, страховое свидетельство на эту дачу было оформлено 21 августа 1918 г. уже на инженера Кордо-Сысоева Александра Николаевича³⁴². Дача числилась за ним и в декабре 1920 г. в период национализации³⁴³.

8) Участки М.Ф. Кульчицкого

Участки №24, 26, 27 площадью 545 кв. саж, 529 кв. саж. и 539 саж взял в аренду 28 октября 1900 г. адвокат Михаил Францевич Кульчицкий, проживавший в С. Петербурге в доме №34 на улице Большой Морской. Видимо, за оказание помощи в продаже участков Кульчицкому с женой Верой Алавердовной и дочерью Софьей Михайловной было предоставлено пожизненное право пользование водой в количестве 100 ведер бесплатно во время пребывания на даче (все что потреблялось сверх ста ведер, оплачивалось дополнительно)³⁴⁴.

³⁴⁰ Куприн А.И. В Крыму. М., 2014. С. 292.

³⁴¹ Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости... С. 195.; ГАРК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

³⁴² ГАРК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 17-19.

³⁴³ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 39. Л. 20.

³⁴⁴ ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 20-21.

Как сообщает в мемуарах М.К. Куприна-Иорданская, двухэтажная вилла находилась на берегу моря и хорошо просматривалась с дачи Туган-Барановской, несмотря на высокий забор, который окружал их сад. Дача называлась «Дружба». Под названием металлической вязью было выведено «Добро пожаловать». А рядом с главным входом на калитке была укреплена дощечка с надписью «Посторонним лицам вход строго воспрещен»³⁴⁵.

М.К. Куприна-Иорданская подружилась с дочерью владельцев дачи, когда училась в Петербурге на Высших женских (Бестужевских) курсах. Семья Кульчицких проживала в Нижнем Новгороде: учась на курсах, Мария Карловна приезжала к ним в гости. По ее воспоминаниям, старик Михаил Францевич Кульчицкий много лет работал нотариусом в Нижнем Новгороде, вел дела местных купцов-миллионеров и пароходовладельцев. Нажив большое состояние, он продал свою нотариальную контору и ради дочери, убежавшей из родного дома в Петербург на курсы, переселился в столицу, где зажил богатым, удалившимся от дел рантье. А сама дочь Софья Михайловна (1878–1963) тем временем на Бестужевских курсах познакомилась с преподавателем Михаилом Ивановичем Ростовцевым. В 1901 г. они поженились.

По всей видимости, дача Кульчицких в Новом Мисхоре была построена в 1901 г.: с 1902 г. Ростовцевы стали приезжать на отдых в Новый Мисхор почти каждый год – и продолжали вплоть до 1913 г. Ростовцев исследовал римскую крепость Харакс на ЮБК, а также руины Херсонеса и Пантикапея. В 1903 г. М.И. Ростовцев получил докторскую степень. На дачу в Новом Мисхоре приезжали многочисленные родственники, друзья, коллеги историка. В письме к С.А. Жебелеву от 20 июля 1903 историк писал: «Сижу уже здесь третью неделю и совершенно не замечаю времени. Жизнь идет размеренная и поэтому катится как колеса. Много гуляю и много читаю все больше папирусы и разных греческих и римских писателей...»³⁴⁶.

³⁴⁵ Куприна –Иорданская М.К. Указ.соч. С. 93-95.

³⁴⁶ Скифский роман. Scythian novel. Сборник о жизни и творчестве М.И. Ростовцева. Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 398.

М.И. Ростовцев родился в 1870 в Житомире, детство и юность провел в Киеве, где подружился с еще одним будущим соседом по даче в Новом Мисхоре – художником Леонидом Михайловичем Браиловским. Вместе потом они учились и в Санкт-Петербурге: Ростовцев в университете, а Браиловский в Императорской Академии художеств, в 1896 г. вместе путешествовали по Испании и Италии, изучая памятники эпохи античности и средневековья. Дружбу с Браиловским Ростовцев поддерживал на протяжении всей жизни. 16 августа 1904 г. он сообщает в письме: «С нами едут в Россию Браиловские, которых мы захватили здесь и везем с собою, чтобы дать возможность Браиловскому окончательно поправиться»³⁴⁷. Это говорит о том, что Браиловские появились в Новом Мисхоре в 1904 г., а в 1906 уже взяли в аренду участок земли у Долгоруковых и построили дачу.

Впоследствии, в 1909 г., когда у Браиловских уже была дача, Ростовцев писал, что занимается теннисом, а по вечерам совершает прогулки с Браиловскими по одним и тем же местам³⁴⁸. Последний раз на мисхорской даче Ростовцевы отдыхали летом 1913 г. Именно тогда его фундаментальный труд «Античная декоративная живопись на юге России» представили в Херсонесе императору Николаю II, который выделил деньги на публикацию первого тома³⁴⁹.

7 июля 1913 г. Ростовцев в письме С.А. Жебелеву сетует: «Что же ты так и не собрался? Ужасно досадно, тем более что это, может быть последнее мисхорское лето...»³⁵⁰. Дело в том, что Кульчицкие в 1913 г. передали аренду своих участков №24, 26, 27 Елизавете Андреевне Петрово-Соловово урожденной Пантелеевой, фрейлине Двора Ее императорского величества, родившейся в 1883 г.³⁵¹. Ее отец Андрей Васильевич Пантелеев (1852–1938) к 1896 г. достиг звания камергера Высочайшего Двора, в 1904 шталмейстера, а муж Борис Михайлович Петрово-Соловово (1861–1925) с 30 декабря 1907 г. по 24 января 1914г. служил

³⁴⁷ Там же. С. 401-402.

³⁴⁸ Там же. С. 404.

³⁴⁹ Там же. С. 67.

³⁵⁰ Там же. С. 408.

³⁵¹ ГАРК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 19.

командиром 1 бригады 1 гвардейской кавалерийской дивизии, с началом Первой мировой войны был назначен генералом для поручений при Верховном Главнокомандующем, был предводителем дворянства Рязанской губернии. Елизавета Андреевна страховала свою дачу в Новом Мисхоре вплоть до октября 1919 г., в том же году ее родители, жившие на даче в Новом Мисхоре, эмигрировали за границу³⁵². Юрий Владимирович Готье – выдающийся историк и археолог – упоминает Б.М. Петрово-Соловово в своем дневнике, хранящемся в библиотеке Стэнфордского университета (США): он встретил его 27-го ноября (по новому стилю 10-го) декабря 1919 г. в санатории братьев Гриневских в усадьбе Гребнево в Подмоскowie, где лечилась его жена Нина Николаевна Александрова-Дольник: «Среди присутствующих были два бывших человека – свиты генерал-майор Петрово-Соловово Б.М. и рязанский прокурор Звонников В.П., уверявшие в один голос, что сколько-нибудь жить можно только вне Москвы»³⁵³. Где закончили свой жизненный путь Б. М. Петрово-Соловово и его жена Елизавета Андреевна, неизвестно – но один из корпусов санатория «Коммунары», сохранившийся до нашего времени, долго назывался «Петрово-Соловово».

М.И. Ростовцев после издания труда «Античная декоративная живопись на юге России» в 1913–1914 гг. купил два участка земли в Симеизе и в Ласпи у ялтинского врача С.Я. Елпатьевского³⁵⁴, однако дач там не построил, а в конце июня 1918 г. вместе с женой уехал из России в Швецию, затем в Норвегию, Англию и США. В 1921 г. к ним присоединился и М.Ф. Кульчицкий, который после продажи мисхорской дачи в 1913-м году уехал в Нижний Новгород, а оттуда в Польшу. Он скончался в Америке в 1924 году³⁵⁵.

9) Участок С.Я. Уманского, А.В. Чичкина

³⁵² Судейкина В.А. Указ. соч. С. 478; Дневники императрицы Марии Федоровны (1914-1920, 1923 годы). М., 2005. С. 246, 250, 258.

³⁵³ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 330.

³⁵⁴ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 213. Л. 94 об.

³⁵⁵ Скифский роман.. С. 435.

Участок № 23 площадью 750 кв. саж. 3 июля 1899 г. взял в аренду инженер путей сообщения Сергей Яковлевич Уманский. Участок прилегал к дороге общего пользования в границах: с юго-запада Черное море, с востока участок № 24, с севера дорога и участок № 19. За первые тридцать лет оплата составляла 220 руб. в год, за вторые – по 280 руб.³⁵⁶. В документах княгини Долгоруковой сохранилась реклама дачи инженера Уманского: «Здание двухэтажное, каменное, солидной постройки. Каждый этаж представляет вполне самостоятельную квартиру. К каждому этажу своя подъездная дорога. В доме двойные рамы, голландские печи, водопровод, ванны. Полная обстановка и посуда. Своя купальня. Цена за нижний этаж (6 комнат) – 300 р., за верхний (7 комнат) – 350 р. в месяц. При найме свыше 3-х месяцев делается уступка. В здании есть еще 3-й этаж в башне под остроконечным куполом». На рекламе представлены и планы этажей дачи³⁵⁷ (илл. 9).

Сведения о личности владельца дачи удалось найти благодаря публикации нашей статьи, посвященной дачному курорту Новый Мисхор, в журнале «Человек и культура» в 2020 г. На связь с нами вышел потомок (праправнук) инженера путей сообщения С.Я. Уманского Е. Сурский, который сообщил даты рождения его (28.09.1850) и его супруги, О.Е. Зверинцевой (16.11.1858), а также предоставил ссылку на осуществленную в 2012 г. в Беларуси публикацию дневников своей прабабушки Веры Сурской, обнаруженных в семейном архиве и описывающих в подробностях историю покупки и продажи права аренды на дачу в Новом Мисхоре, а также многочисленные детали дачного быта. Как выяснилось, продать право аренды дачи решили в результате скоропостижной кончины сына инженера Уманского³⁵⁸. В 1916 г. оно перешло купцу 1-й гильдии Александру Васильевичу Чичкину, основателю молочной империи и одному из пионеров организации в России сетевых магазинов.

³⁵⁶ ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

³⁵⁷ ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

³⁵⁸ Сурская В. Дача. [Электронный ресурс]. URL: <http://monologi.by/pdf/16.pdf#page=129> (дата обращения – 21.09.2022).

Акт перехода аренды подтверждает страховое свидетельство, заключенное арендатором крестьянином А.В. Чичкиным 28 июля 1916 г. сроком на один год. Последний раз Чичкин страховал свою дачу 7 августа 1918 г.³⁵⁹ А.В. Чичкин родился в 1862 г. в селе Коприно Рыбинского уезда Ярославской губ., учился в ремесленном училище в Москве, сельскохозяйственной академии (ныне Тимирязевской), окончил Пастеровский институт в Париже. Работал в лавке «Братья В. и Н. Бландовы», женившись на дочери хозяина, получил льготный кредит на открытие собственного дела. Построил на Петровке, 17 первую молочную станцию, потеснил на рынке братьев Бландовых. В 1910 г. Чичкин построил крупнейший молокозавод в Европе, производивший 150 тонн продукции, открыл более девяноста магазинов: в Одессе, Киеве, Харькове, Ростове на Дону, Екатеринославе. В Ялте у него также был магазин на набережной в доме №4. Дачей в Новом Мисхоре Чичкин владел совсем недолго: в 1917 г. после установления власти Советов его предприятия были национализированы, в октябре 1918 г. Чичкин эмигрировал во Францию, а его дачу в Новом Мисхоре также вскоре национализировали. Тем не менее, по просьбе Микояна и Молотова Чичкин в 1922 г. вернулся в Советскую Россию, чтобы создавать молочную промышленность. В 1926 был удостоен ордена «Знак почета». Во время Великой Отечественной войны создавал мясо-молочной промышленность в Средней Азии. Скончался в 1949 г. и был погребен на Новодевичьем кладбище³⁶⁰, а его дача в Новом Мисхоре еще долго называлась «дачей Чичкина». Сейчас это один из корпусов санатория «Морской прибор».

10) Участок А.А. Пашинниковой, М.Т. Клишевской

Участок №25 площадью 520 кв. саж. взяла в аренду на 60 лет 4 октября 1899 г. жена отставного полковника Пашинникова Александра Алексеевна, про-

³⁵⁹ ГАРК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 4, 16.

³⁶⁰ *Кишкин А.С.* Самородок русской деловитости. Рыбинск, 1998.

живавшая в Ялте по ул. Бассейная №7 в доме Солоникио. За первые 30 лет арендная плата была установлена в 180 руб. в год, за последующие 30 лет по 225 руб. в год³⁶¹. Участок, находился близ моря, прилегал к горному ручью Салгир (Хаста-Баш) в границах участков 24, 26, и отделен деревянной оградой. Александра Алексеевна построила на нем одноэтажный каменный дом, крытый железом на 6 комнат, с застекленными балконами, открытой террасой³⁶².

26 августа 1909 г. А.А. Пашинникова передала право аренды дачи дворянке Марии Тимофеевне Клишевской, которая в последний раз оформила страховку на дачу 1 августа 1919 г. Уже после прихода советской власти она сумела сохранить за собой дачу до 29 августа 1922 г. и даже умудрилась продать ее Николаю Николаевичу Рыбинскому, несмотря на то что за месяц до этого, 13 июля 1922 дача была национализирована и закреплена в фонде крымских курортов³⁶³. Капитан дальнего плавания Рыбинский избирался товарищем председателя Одесского союза моряков, участвовал в создании Всероссийского союза моряков и речников торгового флота. Был народным комиссаром Одессы, 25 ноября 1917 г. был утвержден в должности начальника Одесского порта, национализировал торговый флот. Попал в руки белых и был заключен в Одесскую тюрьму, освобожден красными, с 1920 г. занимал разные должности в НКПС и НК водного транспорта. В 1924 был переведен в Севастополь наблюдать за постройкой новых кораблей³⁶⁴.

Главное курортное управление считало, что Клишевская, уехавшая в Москву, была лишь фактическим владельцем дачи, а не юридическим, и Рыбинскому, вложившему в ремонт дачи более 2000 рублей, пришлось судиться за право владения дачей. Его жена Анна Семеновна постоянно жила на даче и сдавала комнаты в аренду. Рыбинский владел дачей до 1928 г. и в итоге передал ее

³⁶¹ ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³⁶² ГАРК. Ф. Р-1128. Оп. 2. Д. 457. Л. 106.

³⁶³ ГАРК. Ф. Р-2230. Оп. 3. Д. 290. Л. 27.

³⁶⁴ ГАРК. Ф. Р-1128. Оп. 2. Д. 457. Л. 106.

ГЛАВКУРУПРУ. Рыбинский безуспешно требовал вернуть ему имущество, которое находилось на даче: рояль, мебель и др. вещи³⁶⁵. До наших дней дача не сохранилась.

11) Участок Д.И.Демкина

Участок №28 площадью 1200 кв.саж. через доверенного княгини Долгоруковой инженера-технолога Н.В. Монахова, взял в аренду 28 августа 1917 г. действительный статский советник Дмитрий Иванович Демкин. Участок с севера граничил с участком №27 Е.А. Петрово-Соловова (б. Кульчицкого), с восточной стороны выходил на ручей под названием Салгир (Хаста-Баш), с юга и запада – к морю. Было предоставлено право установить собственную кабинку для переодевания, купание в купальных костюмах. Срок аренды составлял 12 лет³⁶⁶.

Д.И. Демкин родился в 1863 г. в С.-Петербурге в семье священника, закончил в 1889 г. юридический университет С.-Петербургского университета. После удачной женитьбы на Марии Корнильевне Мальчевской, дочери председателя департамента С.-Петербургской судебной палаты, быстро поднялся по служебной линии, начав в 1891 г. с должности столоначальника по гражданскому отделению 1-го департамента министерства юстиции до товарища городского головы С. Петербурга, гласного городской думы. Был акционером различных обществ, золотых приисков, владел доходными домами в С.-Петербурге. Был членом комиссии празднования 300-летия Дома Романовых, награжден орденами и медалями, с 1898 г. причислен с женой и двумя сыновьями к потомственным дворянам. Жил в особняке на Каменном острове³⁶⁷.

В 1917г. с семьей уехал в Крым и в Новом Мисхоре взял в аренду участок, где начал строить трехэтажную дачу, которой владел до 1920 г. По воспоминаниям Судейкиной, 25 мая 1918 г. «у музыканта Дроздова оказалось много

³⁶⁵ ГАРК. Ф. Р-1128. Оп. 2. Д. 680. Л. 1-13.

³⁶⁶ ГАРК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

³⁶⁷ Незабываемые могилы: российское зарубежье. Некрологи 1917-1997. В 6 томах. М., 1999-2007.

народу: вся семья Демкиных, их итальянка, молодой князь Урусов... М-те Демкина, тучная, добродушная плебейка томно упрашивала Владимира Николаевича дать возможность насладиться его игрой»³⁶⁸. Последнее упоминание Судейкиной о семье Демкиных в Новом Мисхоре относится к февралю 1919 г. Известно, что Демкин эмигрировал из Одессы на пароходе «Царь Фердинанд» в 1920 г., в последний путь его провожала дочь Инна в Париже в 1925 г.³⁶⁹. Здание дачи Демкина не сохранилось. В послевоенные годы (до середины 1960-х) на месте дачи Демкина на Батарейном мысу был построен двухэтажный корпус дома отдыха «Морской прибор» с открытыми балконами, где отдыхали руководители коммунистических партий – Морис Торез, Вальтер Ульбрихт и другие³⁷⁰.

12) Участок П.В. Мурзаевой

Участок №29 площадью 448 кв. саж. 22 июня 1908 г. взяла в аренду на 60 лет жена потомственного почетного гражданина Пелагея Васильевна Мурзаева, проживавшая в Мисхоре³⁷¹. В документах Долгоруковой, обнаруженных нами в ГАРК, сохранилась реклама дачи Мурзаевой «Диль-Рюба». «Дача расположена на самом берегу моря в живописной местности, защищенной от северных ветров. Чудный вид на море и Алупку, до которой 15 минут ходьбы. Здание двухэтажное, каменное, солидной постройки. Каждый этаж представляет вполне самостоятельную квартиру, верх не сдается. В доме двойные рамы, кафельные печи, водопровод. Полная обстановка и посуда. Своя купальня. 10 минут ходьбы до ванного здания морских и пресных ванн»³⁷² (илл. 10). Здание было построено на краю крутого берегового обрыва. Границей участка с запада стало речка Хаста-Баш, за речкой находилась дача Петрово-Соловово. Здание сохранилось в первоначальном виде.

³⁶⁸ Судейкина В.А. Указ.соч. С. 135.

³⁶⁹ Семья Демкиной и Раутиана (ДеРаут). СПб., 2001. С. 45-46.

³⁷⁰ Шантырь С. Мисхор. Кореиз. Гаспра... С. 58.

³⁷¹ ГАРК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

³⁷² ГАРК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

13) Участок Л.М. Браиловского

Номера участков четырех дач – Л.М. Браиловского, М.П. Чеховой, А.А. Хотяинцевой и В.Н. Радакова – до сих пор не восстановлены, в документах переписи Ялтинского уезда за 1913 г. сохранились лишь фамилии владельцев и площади участков. Эти участки находились справа по течению речки Хаста-Баш. На последнем повороте дороги участок площадью 760 кв. саж. Радакова, ниже – Хотяинцевой, 604 кв. саж., западнее от нее, за дорогой – участки М.П. Чеховой (400 кв. саж.) и Браиловского (446 кв.саж.). Все дачи на этих участках были построены до 1908 г.

Леонид Михайлович Браиловский первым из четверки взял в аренду участок в поселке Новый Мисхор в 1905 г., площадью 446 кв. саж.³⁷³. В 1906 г. построил по собственному проекту 2-х этажную дачу из мраморовидного известняка, в которой можно было отдыхать и сдавать комнаты в наем. Это подтверждают и письма М.П. Чеховой к О.Л. Книппер-Чеховой: 18 июня 1906 г Мария Павловна писала: «Я, должно быть, простудилась у Браиловских на даче», а 16 сентября 1906 г. сообщала: «...собирается ко мне приехать бар. Иксукль, которая живет на даче Браиловского вместе с Хотяинцевой»³⁷⁴.

По воспоминаниям Веры Судейкиной, дача Браиловских называлась «Томсон Холь». Вокруг дачи был посажен сад, в котором росла черешня. Художники Сорин и Судейкин летом 1918 г. использовали сад как художественную мастерскую: рисовали портреты на фоне цветов, цветы, натюрморты. «У них в саду вакханалия роз: на клумбах пышные кустики, целые деревья, на дому вьющиеся до крыши розы с падающими вниз ветвями, розы всех сортов и оттенков, пышные до неприличия»³⁷⁵.

³⁷³ ГАРК. Ф. 529. Оп. 1. Д. 47. Л. 10.

³⁷⁴ О. Л. Книппер-М. П. Чехова. Переписка... С. 211, 225.

³⁷⁵ Судейкина В.А. Указ.соч. С. 146.

Хозяйкой дома была Римма Никитична Браиловская, урожденная фон Шмидт (1877–1959) – художница, владелица мастерской художественной вышивки в Москве (Хлудовский тупик, 8). В Новом Мисхоре она демонстрировала свои ковры ручной работы, которые называла гобеленами. В 1898 г. Римма Никитична стала женой Л.М. Браиловского (1867–1937) – живописца, графика, архитектора и сценографа, преподавателя Московского училища живописи, ваяния, зодчества³⁷⁶. Браиловский занимался изучением фресковой живописи в церквях Ярославля, Ростова, Новгорода, в 1909 г. был приглашен директором Императорских театров для создания архитектурных декораций для постановок Малого и Большого театров, создавал памятники на могилах А.П. Чехова на Новодевичьем кладбище в Москве и на могиле композитора В.С. Калинникова в Ялте.. 24 октября 1916 г. был удостоен звания академика³⁷⁷.

Как сообщает В. Судейкина, комнаты дома были в основном светлые, большие, в одной из них была создана мастерская, в другой большая гостиная, в которой собирались деятели искусств и проходили многочисленные диспуты – особенно когда владельцы постоянно жили здесь с марта 1917 по апрель 1920 года. Дача Браиловских стала своеобразным штабом Первой выставки картин и скульптуры «Товарищества объединенных художников» и выставки «Искусство в Крыму» в декабре 1917 и октябре 1918 гг., здесь бывали И.Я. Билибин, С.К. Маковский, другие представители творческой интеллигенции, оказавшиеся в Крыму в годы гражданской войны. В феврале и марте 1918 г. часть дачи Браиловских снимал П.Н. Врангель, о чем сообщил в своих воспоминаниях³⁷⁸. В мае 1919 г. Браиловские переехали в Ялту на дачу М.П. Чеховой, а затем на английском корабле в Константинополь³⁷⁹. Сама дача, построенная владельцем, Леонидом Михайловичем Браиловским, до наших дней не сохранилась.

³⁷⁶ Шаханова А.А. Леонид Михайлович Браиловский: личность художника Серебряного века. СПб., 2018.

³⁷⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Д. 82. Л. 184-186.

³⁷⁸ Врангель П.Н. Воспоминания (в 2 ч.) Франкфурт-на-Майне, 1969. С. 59.

³⁷⁹ Судейкина В.А. Указ.соч. С. 447.

14) Участок М.П. Чеховой

Рядом с дачей Браиловских находилась дача Марии Павловны Чеховой, сестры писателя. В письмах О.Л. Книппер-Чеховой, воспоминаниях Чехова описывала красоту дачи, ее удобство: «Моя небольшая дачка была расположена над самым морем на высоком берегу. Кругом стоял чудесный сосновый лес. Сзади высилась отвесная громада Ай-Петри. И вот свою дачу в Мисхоре я назвала «Чайкой». По соседству со мной тоже построила небольшую дачку моя старая приятельница Александра Александровна Хотяинцева. Там же была дача художника Браиловского, и у нас составила целая компания художников»³⁸⁰.

Когда в 1904 г. не стало Чехова, Мария Павловна стала старшей в семье. Ее пришлось содержать дом писателя в Аутке над Ялтой, ухаживать за матерью, помогать братьям. Дача Чеховых находится высоко над морем, и Мария Павловна подолгу не выезжала в Ялту. В конце концов Мария Павловна решила построить дачу ближе к морю в Новом Мисхоре, где бы она с родственниками могла отдыхать летом, а иногда и сдавать дачу курортникам, дабы покрыть расходы на содержание дачи и дома в Аутке.

Документы на приобретение участка земли в имении княгини Долгоруковой находятся в Доме-музее А. П. Чехова в Ялте. Их опубликовала А.Г. Головачева³⁸¹. Документ № 5 свидетельствует, что 17 августа 1907 г. Мария Павловна взяла в аренду у кн. О.П. Долгоруковой участок площадью 400 кв. саж. с правом строительства 2-х этажной дачи. Автором проекта и строителем стал архитектор Л.М. Браиловский. Мария Павловна выдала ему 5 тысяч руб. на постройку и заплатила 500 руб. за проект. В бумагах М.П. Чеховой, хранящихся ныне в музее Московского художественного театра и Крымском литературно-художественном мемориальном музее-заповеднике, сохранились десятки оплаченных счетов

³⁸⁰ Чехова М.П. Из далекого прошлого. М., 1960. С. 258.

³⁸¹ Головачева А.Г. Из истории Дома-музея А.П. Чехова в Ялте // Приют русской литературы». Сборник статей и документов в честь 90-летия Дома-музея Чехова. Симферополь, 2014. С. 25.

за приобретенные материалы и выполненные работы по строительству, внутреннего благоустройства дома и территории, а также фотографии дачи. Эскиз виллы в Крыму архитектора Л.М. Браиловского, в котором угадываются черты дачи М.П. Чеховой, обнаружен в «Ежегоднике Общества архитекторов-художников» за 1909 г.³⁸²

В письме из Ялты от 11 мая 1908 г. к Ольге Леонардовне в С. Петербург Мария Павловна уже сообщала: «Милая Оля... приезжай, проведем вместе июнь и июль у меня на новой даче,купаемся в море для здоровья»³⁸³. А 25 июня 1908 г. Мария Павловна писала – уже из Мисхора – в Гамбург Ольге Леонардовне, где та была на гастролях: «В Мисхоре удивительно хорошо, точно не в Крыму! Моя дача стоит так удачно, что видны только море и Алупка, все постройки в заде, как говорит Адя. Если бы я была здорова, я бы прямо была бы счастлива... Дача и обстановка вышли очень стильны»³⁸⁴. Правда, в другом письме сетовала: «С постройкой я совсем прогорела, она оказалась гораздо дороже, чем сделал смету Браиловский. Обращаюсь с просьбой к своим должникам – никто не хочет отдавать»³⁸⁵. Каждый год в апреле Мария Павловна начинала готовить дачу для отдыха и в начале лета сдавала курортникам, а затем с матерью переезжала из Ялты и жила почти до конца августа. Дача всегда была полна гостей: так, в одном из писем Ольга Леонардовна корила Марию Павловну, что она не описала ей визиты именитых гостей Мисхора – Волошина и Богаевского. Мария Павловна приезжала отдыхать в Новый Мисхор вплоть до 1919 г. По Акту национализации имения Мисхор удалось выяснить, что к 1920 г. дачу арендовали уже Тихомиров В.А. и Васильчикова Е.И.³⁸⁶ Ныне это дача №7 санатория «Морской прибор».

15) Участок А.А. Хотяинцевой

³⁸² Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. 4. СПб., 1909. С. 15.

³⁸³ *О.Л. Книппер-М.П. Чехова. Переписка...* С. 282.

³⁸⁴ Там же. С. 297.

³⁸⁵ *О.Л. Книппер-М.П. Чехова. Переписка...* С. 306.

³⁸⁶ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 39. Л. 20.

По соседству с М.П. Чеховой, через дорогу, построила себе небольшую дачу ее старая приятельница Александра Александровна Хотяинцева (1865–1942). Участок площадью 604 кв. саж. был взят в аренду в 1907 г.³⁸⁷. Двухэтажное здание дачи, которое назвали «Ай-Сандра», построили также по проекту архитектора Л.М. Браиловского³⁸⁸. В здании дачи насчитывалось пять жилых комнат, передняя, столовая, художественная мастерская, а главное – ванна, которая приносила огромное удовольствие не только ее постояльцам, как отмечала в своих воспоминаниях Вера Судейкина, но и постояльцам других дач. Рядом был построен флигель. Эта дача давала возможность Хотяинцевой зарабатывать деньги на жизнь. Там и жили художник Судейкин с женой.

Род Хотяинцевых происходил из дворян Воронежской губ. А.А. Хотяинцева родилась в Москве 18 февраля 1865 г., с золотой медалью закончила Марининскую женскую гимназию, по окончании Московского училища зодчества, живописи и ваяния в 1894 г. поступила в Императорскую Академию художеств, которую окончила в 1901 г. и получила право преподавать рисование в средних учебных заведениях³⁸⁹. Вместе с М.П. Чеховой посещала вечерние классы Строгановского училища, организовала художественную школу в Москве, где преподавали В. А. Серов, К. А. Коровин. В 1906 г. А.А. Хотяинцева приезжала в Ялту к врачу Альтшуллеру в связи с процессом в легких, и поселилась на даче Л.М. Браиловского в Новом Мисхоре³⁹⁰.

Обзаведясь собственной дачей в Новом Мисхоре, Хотяинцева создала художественную мастерскую, где Судейкин и Сорин писали свои работы и преподавали ученикам основы живописи. Самой Хотяинцевой больше всего удавались карикатуры, с ее легкой руки все художники Нового Мисхора в 1917–18 годах упражнялись в карикатурах друг на друга, как сообщает в мемуарах Судейкина.

³⁸⁷ ГАРК. Ф. 529. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.

³⁸⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Д. 82. Л. 177.

³⁸⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 12. Д. 40.

³⁹⁰ *О.Л. Книппер-М.П. Чехова. Переписка...* С. 225.

Хотяинцева продержалась в Новом Мисхоре до 1923 г., когда заведующий Группы дач Мисхора потребовал у Хотяинцевой сдать дачу в ведение курорта³⁹¹. Хотяинцева возвратилась в Москву и вместе с Т.Л. Сухотиной-Толстой открыла художественную мастерскую. Скончалась в блокадном Ленинграде в 1942 г.³⁹². В 1925 г. дачи Браиловского, Демкина и Хотяинцевой взял в аренду ВАСХНИЛ. После землетрясения 1927 г. их вновь отремонтировали³⁹³. Однако до наших дней они не сохранились, на месте дач Браиловского и Хотяинцевой в были возведены многоэтажные корпуса санатория «Ай-Петри».

16) Участок В.Н. Радакова

Участок без номера площадью 760 кв. саж. в верхней части имения Мисхор 27 августа 1908 г. взял в аренду дворянин Виктор Николаевич Радаков. На территории участка была построена дача в стиле модерн. А.А. Шаханова установила, что авторство дачи Е.П. Радаковой принадлежит Браиловскому: это, как и в случае с дачей Хотяинцевой, доказывают документы, представленные им для получения звания академика в 1916 г.³⁹⁴

В.Н. Радаков (1864–1929) был потомком сербского капитана Ивана Радакова, поступившего на военную службу в России в середине XVIII в. Окончил Харьковскую гимназию в 1883 г. и юридический факультет Харьковского университета, был избран земским гласным. С 1890г – почетным мировым судьей. В 1905 г. вступил в кадетскую партию. 14 апреля 1906 г. был избран в Государственную Думу 1 созыва. После роспуска Думы в июле 1906 г. подписал «Выборское воззвание» и был отстранен от должности председателя земской управы. Его дело разбирали в Харьковском суде и он три месяца отсидел в тюрьме. после чего с семьей переехал в Крым. По всей вероятности, причиной переезда стало

³⁹¹ ГАРК. Ф. Р-2230. Оп. 3. Д. 295. Л. 10.

³⁹² Хотяинцева А.А. Встречи с Чеховым // Литературное наследство. 1960. Т. 68: Чехов. С. 605-612.

³⁹³ ГАРК. Ф. Р-1128. Оп. 2. Д. 535. Л. 6.

³⁹⁴ РГИА. Ф.789. Оп. 11. Д. 82. С. 177.

здоровье его жены Елены Петровны (она занималась этнографией, представила доклад на XII археологическом съезде в Харькове в 1902 г. и организовала там выставку³⁹⁵. Вначале они жили на даче врача С.Я Елпатьевского в Ялте, а в 1908 г. переехали в Новый Мисхор, где построили дачу. Когда 10 мая 1910 г. Елены Петровны не стало, ее похоронили на кладбище в Мисхоре. Летом 1912 г. В.Н. Радаков приехал в Москву к скульптору А.С. Голубкиной, чтобы заказать ей памятник для своей жены, о чем она сообщала в письме своей сестре: « у него умерла жена, хочет заказать мне памятник, и зовет осенью с Хотяинцевой и с ним съездить в Грецию за мрамором. До этого Голубкина дважды приезжала в Новый Мисхор к художнице Хотяинцевой – первый раз весной 1909 г., когда и познакомилась с семьей Радакова. Второй раз ранней весной 1910 г., когда еще была жива Елена Петровна. Голубкина приняла заказ и весной 1913 г. писала Хотяинцевой: «Мне надо, чтобы там (в Новом Мисхоре) был Радаков, а то как же ставить без него»³⁹⁶. Голубкина вырубил из мрамора изображение Христа, моделью для которого стал врач Кореизской больницы К.А. Михайлов, которого она несколько раз приглашала позировать для создания горельефа. Памятник на могиле был открыт в 1913 г., ныне он восстановлен.

После кончины жены В.Н. Радаков жил в Москве, стал членом Всероссийского Земского союза. 8 января 1914 г. в церкви Святого Успения в Ялте повенчался с разведенной дворянкой Анной Ильиничной Жуковской, урожденной Лизогуб, а 28 ноября 1915 г. написал прошение из своей дачи в Новом Мисхоре в Симферопольский окружной суд об узаконении их дочери Татьяны, рожденной 29 декабря 1913 г. Через три года у него родился и сын Дмитрий (1916–1977)³⁹⁷. На даче в Новом Мисхоре находился управляющий, который с 1916 по 1920 г. активно сдавал комнаты в наем. 10 декабря 1916 г. дачный участок со всеми

³⁹⁵ Радакова Е. Отчет о поездке по Старобельскому уезду // Записки Харьковского университета. 1901. № 3. С. 17–22.

³⁹⁶ Галина Т. Лик Христа. Московский Мисхор и черноморские камеи. Анна Голубкина в Крыму // Крымский альбом-2002. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Феодосия, 2003. С. 114-122.

³⁹⁷ ГАРК. Ф. 376. Оп. 5. Д. 10511. Л. 3-5, 20, 30.

строениями и сооружениями Радакова с квитанцией на страховку на один год перешел в аренду потомственному почетному гражданину Сергею Тимофеевичу Морозову (1860–1944), брату Саввы Тимофеевича, меценату, основателю московского Музея кустарных изделий (впоследствии Всероссийский музей прикладного и народного искусства)³⁹⁸. Договор был заключен в Москве: возможно, Радаков и Морозов сотрудничали во Всероссийском земском союзе.

Дачей в Новом Мисхоре Морозов владел до 1918 г., когда по просьбе родных вместе с женой Ольгой Васильевной Кривошеиной (1866–1953), сестрой бывшего министра земледелия, эмигрировал во Францию, где в Париже и закончился их жизненный путь. Право аренды дачи уступили А.В. Кривошеину, который 28 июля 1918 г. оформил на нее страховку, а месяцем ранее сдал ее в субаренду семейству Грюнбергов, бывших управляющих издательства А.Ф. Маркса³⁹⁹. Вначале они жили на даче Браиловских, затем переехали на дачу Радаковых-Кривошеиных, уступив свои комнаты на первом этаже Судейкиным⁴⁰⁰. Ольга Александровна Грюнберг (1887–1967) была урожденной баронессой Врангель, ее сестра Людмила Александровна Кравцова – одной из основательниц курорта Батилиман на Южном берегу Крыма (подробно об этом курорте и его дачниках речь пойдет ниже, в главе 4). В условиях гражданской войны жизнь в удаленном Батилимане была некомфортной, поэтому чета Грюнбергов выбрала Новый Мисхор. Отсюда они эмигрировали в Париж. А.В. Кривошеин в мае 1920 г. был назначен исполняющим обязанности председателя сформированного в Крыму Правительства Юга России, с июня 1920 г. – председателем этого правительства и помощником главнокомандующего генерала П.Н. Врангеля. У Кривошеина дача и была национализирована в 1920 г.⁴⁰¹

³⁹⁸ ГАРК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

³⁹⁹ ГАРК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

⁴⁰⁰ Судейкина В.А. Указ. соч. С. 173, 243, 275.

⁴⁰¹ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 39. Л. 20.

Установление имен всех арендаторов и многих обитателей участков в Новом Мисхоре, впервые в историографии осуществленное нами в условиях скудости справочно-информационных материалов, было бы невозможным без привлечения архивных фондов и эго-документов, а атрибуция сохранившихся дачи и мест утраченных дач в условиях сильно видоизменившегося ландшафта – без визуальных материалов: открыток, фотографий, картографических материалов.

Находит ли подтверждение проведенное в середине 1930-х гг. коллективом исследователей Южного берега Крыма под руководством М.Я. Гинзбурга различие между Новым Симеизом, как «наиболее организованным и благоустроенным» из курортных поселков, где «расчленение имений велось по системе и плану, с элементами благоустройства и коммерческим, а следовательно, рациональным характером использования активов», и Новым Мисхором, как «крупным в прошлом курортным имением, разбитым на части новыми владельцами и характеризующиеся случайностью и бессистемностью застройки»?

На наш взгляд, скорее нет, чем да: указанные дачные поселки на Южном берегу Крыма, учитывая их генезис и историю бытования, можно отнести к одному и тому же типу культурного ландшафта. Возможно, некоторую разницу между ними, на которую и обратили внимание авторы сборника «Социалистическая реконструкция», предопределили два фактора. Во-первых, природный компонент – рельеф местности в Новом Мисхоре был куда менее удобен для комплексного благоустройства. Во-вторых, более ранняя застройка Нового Мисхора, для которой были характерней стили ретроспективизм и модерн, чем неоклассика, сформировавшая облик Нового Симеиза, в особенности дач его восточной части, сооруженных в 1910-х гг.

Несомненно, повлиял на оценку и различный масштаб курортов - 16 отданных в аренду и застроенных участков Нового Мисхора против почти двух сотен участков и шестидесяти построенных дач Нового Симеиза. Тем не менее, оба дачных курорта были благоустроены по единым правилам, согласно проектам профессиональных инженеров-градостроителей, так что о бессистемности застройки применительно к Новому Мисхору, все-таки, говорить не следует.

Если в Новом Симеизе дворцы и парки Мальцовых выглядели островками старого помещичьего уклада среди дачного поселка успешных представителей новой, модернизированной России – инженеров, предпринимателей, ученых и так далее – то Новый Мисхор, наоборот, был отданным под дачи небольшим участком неудобной земли, примыкавшим в большому и хорошо устроенному имению княгини Долгоруковой. Возможно, именно такими отличиями была вызвана различная характеристика этих дачных поселков в сборнике под редакцией М.Я. Гинзбурга.

Совершенно точно вызывает сомнение и представляется весьма поверхностной, учитывая всю информацию, известную на сегодняшний день, и типология, предложенная ранее краеведом А.А. Галиченко, согласно которой «показательным явлением в истории усадьбы-дачи в Крыму рубежа XIX–XX вв. стало образование комплексов («колоний») небольших усадебок, принадлежавших представителям научно-творческой элиты – ученым, писателям, художникам, музыкантам: инженеров-путейцев в Новом Симеизе, ученых-медиков в Алушке, творческой интеллигенции в Новом Мисхоре, Новом Кучук-Кое».

Анализ базы данных дач Нового Мисхора, которая формировалась нами по ходу сбора и анализа материала и впоследствии была оформлена в виде историко ориентированного тематического сайта «Новый Мисхор. Первый дачный курорт Крыма» (подробнее об этом и других подготовленных автором исследования базах данных и сайтах см. ниже, Глава 4) показывает, что арендаторами участков становились не только деятели науки и искусства (Л.М. Браиловский, М.П. Чехова, А.А. Хотяинцева), но и предприниматели, которых было больше (С.Т. Морозов, А.С. Келер, Д.И. Баулин, М.Ф. Кульчицкий, А.С. Чичкин, Д.И. Демкин). Помимо представителей художественной интеллигенции (писатель А.И. Куприн), здесь бывали деятели науки (историк М.И. Ростовцев); зачастую последние приходились ближайшими родственниками воротилам капитала, а те, в свою очередь, стремились приблизиться к кругу интеллигенции. Такое взаимное проникновение субкультур, соответствовавшее европейским трен-

дам того времени на «джентрификацию» буржуазии, характеризовало «духовный» слой культурного ландшафта как Нового Симеиза, так и Нового Мисхора, и в немалой степени сформировало их образ в письменных источниках «исторической памяти».

2.3. Методы просопографического анализа материалов личного происхождения из семейных архивов (на примере истории дач Нового Симеиза)⁴⁰²

Историческая просопография определяется в отечественной историографии как «жанр исследований, предполагающий изучение источников с целью создания динамических «коллективных биографий» определенных социальных группы, страт и т. п. при возможности сохранения и изучения биографий отдельных индивидуумов, составляющих данные социальные группы и страты»⁴⁰³. Как отмечает Ю.Ю. Юмашева, в просопографических исследованиях стало возможным преодоление «кризиса исторической науки, выражающегося в ограничении объекта исторического познания, присущего как марксистской, так и немарксистской методологиям, т. е., пожалуй, впервые в исследовательской практике удалось осуществить синтез философских подходов, существовавших в двух полярных философско-исторических традициях: сохранить внимание к объективному и закономерному в силу массовости в историческом развитии (марксистская философия истории) и показать индивидуальное и неповторимое, случайное и стихийное, эволюционное и традиционное (немарксистская философия истории)»⁴⁰⁴.

⁴⁰² При подготовке данного параграфа диссертации использована публикация автора в соавторстве: *Карагодин А.В., Петрова М.М., Глубоков А.И.* Приморские виллы «Мечта» и «Ксения» в Симеизе на Южном берегу Крыма: судьба зданий и их создателей на фоне «столетия крайностей» (1900–1990 гг.) // *Человек и культура.* 2020. № 3. С. 73–93. (2/2,31 п.л.)

⁴⁰³ *Юмашева Ю.Ю.* Историография просопографии... С. 95-127; *Stone L.* Prosopography... P. 107.

⁴⁰⁴ *Юмашева Ю.Ю.* Указ. соч. С. 95.

Выбирая, где купить или снять дачу, мы стараемся найти участок по соседству с родными и друзьями, единомышленниками, чтобы дети вместе бегали по окрестностям, а сами мы вечерами пили чай под лампой с зеленым абажуром: как мы убедились, так же рассуждали и русские дачники начала XX века. Комплексное изучение «коллективного портрета» дачников Нового Мисхора и Нового Симеиза, подкрепленное построением и статистическим анализом баз данных, как мы уже убедились, позволило сделать некоторые заключения относительно коллективных социокультурных черт этих общностей (сословной, профессиональной, географической принадлежности дачников) и при этом развеять существовавшие в краеведческой литературе заблуждения (к примеру, опровергнуть довод краеведа А.А. Галиченко о профессиональной «сегрегации» дачных поселков ЮБК на поселки инженеров, научной, творческой интеллигенции, врачей и т.п.)

Дальнейшее углубление разработки комплексов источников с акцентом на источники «исторической памяти», в том числе неопубликованные, хранящиеся в личных архивах потомков владельцев дач, позволяет пойти дальше и уловить индивидуальные нюансы.

Так, нами была заново реконструирована история двух визитных карточек Нового Симеиза – дач «Ксения» и «Мечта». Построенные в неомавританском («Мечта») и неоготическом («Ксения») стиле в самом центре дачного курорта – на Мальцовском проспекте, названном в честь хозяев этой земли, промышленников Мальцовых, в начале XX века, в разгар курортного бума, превратившего Южный берег Крыма в «русскую Ривьеру», а Симеиз – в модный дачный курорт, они стали символом Симеиза, неизменно привлекают внимание, на протяжении последнего столетия являются излюбленным местом фотосессий и встреч жителей и гостей курорта. Неудивительно, что после воссоединения Крыма с Россией, именно дачи «Ксения» и «Мечта», находившиеся все постсоветское время в запустении, первыми из памятников Симеиза попали в федеральную программу

«Социально-экономическое развитие Республики Крым и Севастополя до 2020 года», были проведены их противоаварийное укрепление и реставрация⁴⁰⁵.

Гораздо удивительней то, что история обоих памятников не была описана должным образом, изобиловала белыми пятнами. На протяжении многих десятилетий на страницах краеведческой и искусствоведческой литературы тиражировались весьма скромные сведения об обоих зданиях, основанные на одном и том же источнике⁴⁰⁶. Из выпущенного еще в 1913 г. путеводителя по Симеизу В.М. Кузьменко достоверно известно, что вилла «Ксения» принадлежала В.А. Чуйкевич и была построена инженером Я.П. Семеновым по чертежам архитектора Н.П. Краснова⁴⁰⁷. Подчас эти данные волонтаристски дополнялись: так, путеводитель Е.И. Шафранского, выпущенный в 1971 г., называет хозяином «некоего В.А. Чуйкевича», а годом постройки 1911⁴⁰⁸: на деле хозяйку звали Варварой Андреевной, а дача была построена к 1906 г. Вилла «Мечта» в путеводителе 1913 г. не упоминается – из уже советского издания того же путеводителя В.М.Кузьменко, вышедшего в 1928 г., следует, что она достраивалась после установления в Крыму советской власти, когда в обеих виллах были размещены санаторные учреждения⁴⁰⁹.

В последние десятилетия, с развитием интереса публики к истории и краеведению, «Ксения» и «Мечта» привлекали авторов статей в популярной литературе и интернет-блогах, указывалось, в частности, что «Мечта» «прославилась

⁴⁰⁵ "Власти Симеиза рассказали о ходе реставрации вилл "Ксения" и "Мечта"". [Электронный ресурс]. URL: <https://crimea.ria.ru/economy/20180329/1114123017.html> (Дата обращения – 12.09.2022).

⁴⁰⁶ Макаров М. Алупка–Симеиз. Симферополь, 1954; Градостроительство России середины XIX-начала XX века. Книга вторая. Под общей редакцией Е.И.Кириченко. М., 2003; Неяченко И. И. Симеиз : Путеводитель. Симферополь, 1982; Шапорев Ф.Ф. Симеиз. Краеведческий очерк-путеводитель. Симферополь, 1960; Шафранский Е.И. Симеиз: Путеводитель. Симферополь, 1968.

⁴⁰⁷ Кузьменко В.М. Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма...

⁴⁰⁸ Шафранский Е.И. Симеиз... С. 48.

⁴⁰⁹ Кузьменко В.М. Симеиз и его окрестности. Симферополь, 1928. С. 31.

на всю страну благодаря своей загадочности... отсутствию достоверных исторических данных о строительстве виллы, архитекторе, создавшем ее и даже...о заказчике проекта!»⁴¹⁰

Между тем, по данным введенных в оборот краеведом М.М.Петровой и опубликованных в ее вышедшей в 2006 г. книге «Симеиз. Путешествие по старым дачам» источников из фондов ГАРК, в первую очередь Поземельной книги Ялтинской Земской управы по деревне Симеиз и материалов купчих карточек Ялтинского уезда, участок №34 площадью 1030 кв. саж, где и были впоследствии построены обе дачи, был первоначально куплен у Ивана Сергеевича и Николая Сергеевича Мальцовых в 1902 г. А.А. Смутьским, дворянином, инженером-полковником. Спустя год он разделил участок на две части №34а и №34б. Участок №34а площадью 630 кв. саж. продал в 1903 г. Ивану Владимировичу Шеншину, наследники которого продали его, в свою очередь, в 1913 г. Александре Максимовне Керковой. А участок №34б, площадью 400 кв. саж., А.А. Смутьский продал годом спустя В.А. Чуйкевич⁴¹¹.

Однако более углубленного изучения деталей биографии этих лиц, обстоятельств, склонивших их к покупке участков в Симеизе, автор не производила. Эта работа была выполнена нами; изложим последовательно и на основе вновь выявленной информации историю этих дач и их владельцев.

Оба здания стоят на участке земли площадью 1030 кв. саж., который при начальном межевании курорта получил номер 34 и был в 1902 г. продан Иваном Сергеевичем и Николаем Мальцовыми генералу-майору Александру Адамовичу Смутьскому, служившему в должности главного инженера-строителя Севастопольского порта вплоть до 1911 г. (цена сделки пока неизвестна)⁴¹². Однако на этом участке Смутьский ничего не построил, разделил его на две части – 34а и

⁴¹⁰ "Вилла МЕЧТА, Крым, Симеиз". [Электронный ресурс]. URL: <https://vadim-razumov.ru/277909.html> (Дата обращения – 12.09.2022).

⁴¹¹ *Петрова М.М.* Симеиз: путешествие по старым дачам...

⁴¹² ГАРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 26. Л. 154 об.

346, и уже в 1903 году продал соответственно Ивану Владимировичу Шеншину⁴¹³ и Варваре Андреевне Чуйкевич⁴¹⁴.

Фигура А.А. Смутьского небезынтересна. По данным Окладной расчетной книги для записи недоимок сброма на частные дворянские повинности с городского недвижимого имущества по городам Ялте и Балаклаве, Смутьский имел также земли в Ялте (стоимостью 7605 руб.) и в Балаклаве (стоимостью 1500 руб.)⁴¹⁵. Его продвижение по службе можно проследить по документам Севастопольского морского порта⁴¹⁶. Александр-Фридрих Адамович Смутьский родился в Брест-Литовске 21 февраля 1858 г. и был крещен по евангелистически-лютеранскому обряду 15 ноября 1858 г. белостокским пастором Кюнцелем. По личным заслугам отставного полковника Адама Силезиевича Смутьского, получившего орден св. Владимира 4 ст. в 1842 г., владельца имения Головик Бельского уезда Гродненской губ., род Смутьских в 1892 г. был утвержден в потомственном дворянстве⁴¹⁷. После получения образования инженера-строителя, его сын А.А. Смутьский в звании инженера капитана с 1886 г. служил в Севастопольском адмиралтействе вплоть до 1913 г. Дату начала службы подтверждают документы архива ВМФ, где отмечена деятельность Смутьского при создании генплана мыса Павловский с показанием расположения здания казармы на побережье Корабельной бухты⁴¹⁸. Он также занимался капитальным ремонтом здания Морского собрания, пристаней, прокладкой водопровода в Килен-бухту, к Лазаревскому адмиралтейству, развязок железных дорог. В 1899 г. инженер-полковник Смутьский вошел в состав специальной комиссии по сооружению памятных знаков обороны города Севастополя в Крымской кампании, участвовал в конкурсе проектов здания Панорамы на 4-м бастионе и получил орден св. Владимира 4-й степени, участвовал в подготовке могилы в нижнем этаже Владимирского собора

⁴¹³ ГАРК. Ф. 529. Д. 39. Л. 90.

⁴¹⁴ Там же. Л. 142.

⁴¹⁵ ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6845. Л. 27 об., 72.

⁴¹⁶ Российский государственный архив военно-морского флота (далее РГАВМФ). Ф. 409. Оп. 2-3. Л. 8.

⁴¹⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 23358.

⁴¹⁸ РГАВМФ. Ф. 409. Оп. 2-3. Д. 8. Л. 8.

для героя Крымской войны адмирала П.Л. Перелишина, которого захоронили 4 марта 1901 г. По указу Его Императорского Величества Правительствующим Сенатом 22 мая 1903г. был утвержден герб дворянского рода Смутьских с девизом⁴¹⁹.

По воспоминаниям дочери Смутьского Юлии Смутьской-Ден устанавливается, что в 1904 г. ее отец развелся с Екатериной Леонидовной Хорват⁴²⁰. Чуть ранее, в конце 1903 г., Смутьский разделил земли в Симеизе на два участка, которые продал В.А. Чуйкевич и В.А. Шеншину. Тогда же Смутьский купил участок, площадью 21 дес. 72 кв.саж. земли в местностях Педи и Селим-Бек в Аутке над Ялтой⁴²¹. Там Смутьский заложил сад на площади 4-х десятин карликовыми, шпалерными и пирамидальными деревьями. По документам национализации именина, кроме хозяйственных построек, было возведено три одноэтажных и один двухэтажный дом.

Любопытно, что при устройстве ям для посадки деревьев рабочие обнаружили клад с полуторами тысячами монет: среди них были римские, херсонесские и боспорские конца IV - I вв. до н.э.⁴²² Ялтинскому инженеру и историку А.Л. Бертье-Делагарду удалось выкупить у Смутьского 1078 монет и совместно с Керченским археологическим музеем провести дальнейшие раскопки предполагаемого святилища времен Боспорского царств: были также найдены кольца, пряжки, браслеты терракотовые статуэтки богини Девы до 15 см. длины, обгоревшие кости домашних животных. Часть монет Смутьский уступил для музея Одесского общества древностей и музея Ялтинского горного клуба. По-видимому, в честь этого открытия Смутьский назвал дачу «Селим-Бек», а дочь его в

⁴¹⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 23358.

⁴²⁰ Ден Ю.А. Подлинная царица. М., 2013. С. 37.

⁴²¹ ГАРК. Ф. 529. Д. 39. Л. 90.

⁴²² Бертье-Делагард А.Л. Случайная находка близ Ялты // Записки Одесского общества истории и древностей. 1907. № 27. Т. 5. С. 270-278.

воспоминаниях стала называть отца Исмаил Селим Бек⁴²³. Она также купила после 1907 г. имение площадью 3 дес. 337 кв.саж., где выращивала виноград. Постройки в имении отсутствовали⁴²⁴.

А.А. Смутьский служил в Севастопольском порту вплоть до 1913 г., в 1909 г. получил звание инженер-генерал-майора⁴²⁵. 14 ноября 1913 г. он получил в С.-Петербурге звание генерал-лейтенанта, подал в отставку и переехал в столицу, где с 1912 г. до 1916 г. жил по ул. Торговой №4, что подтверждают документы адресных книг «Весь Петербург» и «Весь Петроград»⁴²⁶. Во время революционных событий 1917-1918 г. Смутьский уехал в Ялту, где его следы теряются после 1918 г.⁴²⁷

Итак, участок под номером 34а площадью 630 кв. саж.. А.А.Смутьский продал за 9000 руб 4 декабря 1903 г. уряднику Пензенской губернии, из дворян, статскому советнику Ивану Владимировичу Шеншину⁴²⁸.

Род Шеншиных известен с конца XV в. С 1714 г. Шеншины были внесены в VI часть родословных книг Тульской, Тамбовской, Орловской, С.Петербургской и Воронежской губерний. На их гербе изображался особо почетный атрибут – щитодержатели, с девизом «Ведомые Богом прямо к цели». Главная вотчина Шеншиных находилась в Мценском уезде Орловской губернии, где ходила поговорка: «У нас, что ни аршин, то Шеншин». История Шеншиных, их бытования в Орловской губернии, связей в литературной среде неплохо изучена местными историками и краеведами⁴²⁹. Приемный сын одного из Шеншиных, поэт А.А.

⁴²³ Ден Ю.А. Подлинная царица... С. 10.

⁴²⁴ ГАРК. Ф. 529. Д. 39. Л. 90.

⁴²⁵ Адрес-календарь Севастопольского градоначальства. Город Севастополь и город Балаклава. Севастополь, 1911. С. 61, 62, 86.

⁴²⁶ «Весь Петербург». На 1908 г. СПб., 1908. С. 701; «Весь Петербург». На 1917. Санкт-Петербург, 1917. С. 637.

⁴²⁷ Волков С.В. Участники Белого движения в России. [Электронный ресурс]. URL://http://swolkov.org/info1.htm (Дата обращения – 12.09.2022).

⁴²⁸ ГАРК. Ф. 529. Д. 39. Л. 90.

⁴²⁹ Ашихмина Е.Н. Дворяне села Волкова Мценского уезда – друзья Тургенева и Фета //Тургеневский ежегодник 2019 года. Сост. и ред. Л.В. Дмитриухина, Л.А. Балыкова. Орел, 2019; Ашихмина Е.Н. Мценские родственники, друзья и соседи Фета на страницах воспоминаний «Ранние годы моей жизни» // Фет А.А. Материалы и исследования. Вып. II. Отв. ред. Н.П.

Фет (1820-1892), дружил с Владимиром Александровичем Шеншиным (1814-1872), чей сын Иван Владимирович и приобрел землю в Симеизе.

В.А. Шеншин родился в Москве и был крещен в Спиридоновской церкви за Никитскими воротами 6 ноября 1814 г. Дома семьи Шеншиных находились также в Мценске и Пензе, где Владимиру Александровичу, а затем Ивану Владимировичу досталось по наследству имение в селе Чирково. В Пензе В.А. Шеншин избирался почетным мировым судьей Городищенского уезда, гласным Пензенского губернского земского собрания и губернского училищного совета. В 1854г. был с семьей внесен в VI часть дворянской книги Пензенского дворянства, после чего перебрался в другое фамильное имение – село Дальнее Волково Мценского уезда Орловской губернии. С 1857 по 1868 г. был предводителем дворянства Мценского уезда, стал активным проводником крестьянской реформы, в 1866 г. был выбран председателем земской управы Мценского уезда, председательствовал в рекрутском присутствии, совете городской больницы, тюремном отделении, в съезде мировых судей, училищном совете. После переезда в Дальнее Волково частыми гостями Шеншина стали писатель И.С. Тургенев, называвший Шеншина «Честью и славой здешнего уезда», и А.А. Фет, вспоминавший: «Проезжающий по Московско-Курской дороге, взглянув на пятой версте от Мценска к Орлу налево, увидит каменную церковь села Волково, на минуту мелькнувший на просеке парк, каменный дом. Это и была усадьба уездного предводителя В.А. Ш-а... Сколько лиц пировало в этой большой зале за хлебосольным столом хозяина, любившего и умевшего угостить!"⁴³⁰.

После смерти В.А. Шеншина имение Дальнее Волково в Мценском уезде досталось по наследству старшему сыну Николаю Владимировичу, а имение Чирково Городищенского уезда Пензенской губернии – младшему, Ивану Вла-

Генералова, В.А. Лукина. СПб., 2013; *Вострова М.* А.А. Фет, М.Ю. Лермонтов и В.А. Шеншин: их связь с Никольским районом. [Электронный ресурс]. URL:// <https://riapo.ru/nikolsk/kultura/a.a.-fet-m.yu.-lermontov-i-v.a.-shenshin-ih-svyaz-s-nikolskim-rajonom> (Дата обращения – 12.09.2022); *Чернов Н.М.* Провинциальный Тургенев. М., 2003.

⁴³⁰ *Ашихмина Е.Н.* Дворяне села Волкова Мценского уезда – друзья Тургенева и Фета...

димировичу, который родился в этом имении 30 мая 1849 года. В 1869 г. он окончил Киевскую гимназию, в 1881 г. был избран почетным мировым судьей Городищенского уезда, а с 1891 г. земским начальником 4-го участка Городищенского уезда. Избирался гласным Пензенского земского губернского собрания, губернского училищного совета, а с 1904 г. действительным членом Пензенской ученой архивной комиссии. Был женат на Ольге Алексеевне Сабуровой (даты жизни неизвестны). У них родилось двое сыновей – Алексей (1891-1954, будущий ученый-агроном, с 1920 г. в эмиграции)⁴³¹ и Иван (1899 – 1944, будущий художник, с 1920 г. в эмиграции)⁴³².

В 1903 г. И.В. Шеншин купил 630 кв. саж. в Симеизе. Но использовать целебные свойства южнобережного климата он не успел, в 1905 г. Ивана Владимировича не стало. Примерно к этому времени его жена Ольга Алексеевна достроила спитрзавод и мельницу в селе Чирково⁴³³. Видимо, вдове было некогда заниматься участком в Симеизе, поэтому 28 декабря 1913 г. от имени покойного Ивана Владимировича Шеншина этот участок был продан Александре Максимовне Керковой⁴³⁴.

Поиски сведений об этой последней хозяйке участка, начавшей, как гласил путеводитель В.М. Кузьменко 1928 г., строить виллу «Мечта», однако не успевшей довести дело до конца из-за случившихся в России революционных потрясений, привели нас в отдел рукописей Российской государственной библиотеки, где обнаружилась машинопись родословной рода Керкофф, составленная кандидатом биологических наук Александром Ивановичем Глубоковым в 1988-1992⁴³⁵. В ней содержатся сведения и об А.М. Керковой, и о постройке симеизской дачи. В дальнейшем, летом 2020 г., А.И. Глубоков, ныне – доктор биологических наук, главный научный сотрудник ВНИРО, потомок семьи Керкофф,

⁴³¹ Сухарев Ю.Н. Материалы к истории русского научного зарубежья. Кн. 1. М., 2002.

⁴³² Антанасиевич И. Русский комикс королевства Югославия. Нови-Сад, 2014.

⁴³³ Государственный архив Пензенской области. Ф. Р-235.

⁴³⁴ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 213. Л. 60 об., 137 об.

⁴³⁵ Российская государственная библиотека (далее РГБ). Ф. 743. Коллекция архивных материалов. К. 117. Ед. хр. 17. Керкофф (Керковы). Родословная, составленная А.И. Глубоковым. Авторизованная машинопись. Москва-Седан.

много лет по материалам семейных архивов и изысканий в иных фондах восставливавший историю своей семьи, также принял участие в нашей работе.

Согласно результатам изысканий А.И. Глубокова, французский род Керкоф прослеживается со второй половины XVIII в., все его представители были красильщиками тканей и жили в Седане. В 1820-е гг. Гийом Реми Керков с другом эмигрировал в Россию, по дороге в Ревеле познакомился со своей будущей женой Жанной Амондрюц, дочерью немецкого пастора, у них родилось пять детей, в том числе в 1825 в Москве – старший сын Эме (или Любим, Эмиль, Эмилий Васильевич), 1825-28.02.1894⁴³⁶.

Эме имел диплом Императорского Московского университета, служил учителем французского языка в московских гимназиях, лицеях и Московской духовной академии (Сергиев Посад). В 1878 г. утвержден в чине коллежского асессора, 1881 - надворного советника (7 класс). Жил небогато, мечтал увидеть Францию, но не имел для этого средств. Его старший сын Эме Рене (Андрей) Любимович Керков (30.05.1861-.7.12.1939) родился в Москве, в 1884 г. принял присягу на подданство России, в 1892 сочетался браком с Александрой Максимовой Котовой, принявшей фамилию Керкова: это и была будущая хозяйка виллы «Мечта» в Симеизе⁴³⁷.

Александра Максимовна Котова (1876-3.02.1939) происходила из замоскворецкого купеческого рода. Она получила гимназическое образование, владела французским, немецким и английским языками, увлекалась философией, рисованием по фарфору, учением йогов. Одновременно с Рене за Александрой ухаживал художник И.И. Левитан, однако она предпочла Керкова и принесла в молодую семью богатое приданое. В 1900-е годы А.М. Керкова была попечительницей Краснопрудского женского городского училища, была очень светская женщина, прекрасно одевалась. У супругов родились трое детей – Николай 1893 г.р., Надежда 1895 г.р. и Михаил 1897 г.р.⁴³⁸

⁴³⁶ Там же. Л. 3,6.

⁴³⁷ Там же. Л. 8.

⁴³⁸ Там же. Л.12-13.

Рене (Андрей) Любимович Керков (илл.11) был очень организованным человеком, удачно вел финансовые операции, что позволило ему быстро разбогатеть, приумножив богатое приданое А.М. Котовой. В 1900 гг. он стал заведующим коммерческой части товарищества «Эмиль Циндель», которому принадлежали мануфактурная и ситценабивная фабрики в Москве (после революции фабрику, на которой работало более двух тысяч человек, посатвлявшую продукцию по всей России и на экспорт, переименовали в «Красную розу»). В 1910 г. А.Л. Керков был избран главой правления, членом совета директоров товарищества, а в 1915 г. он стал также членом Московского биржевого общества. На Лубянской площади, на месте нынешнего магазина «Детский мир», находился доходный дом, принадлежавший А.Л. Керкову.

История обустройства Рене (Андреем) Любимовичем Керковым дачей в Царицыно стала недавно предметом статьи научного сотрудника московского Музея-заповедника «Царицыно» Е.В. Офицеровой⁴³⁹. Согласно ее изысканиям, основанным на документах из архивов музея и Центрального исторического архива Москвы, участок в Царицыно арендовала у удельного ведомства еще мать А.Л. Керкова, а после кончины Эме в 1894 г. передала право аренды сыну. В 1897 г. А.Л. Керков решил взять в аренду соседний участок, выходявший к оранжерейному пруду, а в 1910 г. – еще один смежный, таким образом увеличив площадь своих владений до 2,3 га и став одним из крупнейших арендаторов земли в Царицыно. А.Л. Керков был одним из учредителей Общества по благоустройству дачной местности Царицыно, построил на свои средства и передал в дар обществу детскую площадку, общественный колодец, в 1912 г. составил и издал первый путеводитель по Царицыну с картой, вносил значительные суммы на содержание амбулатории, вкладывал средства в благоустройство парка.

⁴³⁹ Офицерева Е.В. Деятельность А. Л.Керкова по благоустройству Царицынского парка // Сады и парки. История садов в России: опыт, проблемы, перспективы. Из истории Царицынского парка. М., 2013. С. 248-252.

Так же основательно Керков подошел и к своему южнобережному приобретению – именно А.Л. Керков стал, через формальное оформление на жену (подобная схема была распространена в Российской империи в силу неотчуждаемости имущества супругов), новым хозяином участка И.В. Шеншина в Симеизе и принялся строить там виллу. По семейным преданиям, будучи богатым человеком, Рене не был скуп – он охотно тратил деньги на благоустройство дома и дачи, и перед революцией в Симеизе построил в новомавританском стиле виллу по проекту архитектора, являвшегося автором проекта ливадийского царского дворца, завез в нее мебель, но пожить и отдохнуть там не удалось ни одного дня⁴⁴⁰.

Нами было найдено и еще одно подтверждение того, что именно А.Л. и А.М. Керковы были хозяевами и заказчиками строительства виллы «Мечта» в Симеизе. В фондах Алушкинского дворца-заповедника мы обнаружили негативы планов и разрезов здания, а также ситуационных планов участка в Симеизе, по которым подтверждаются не только его размер, но и имя его собственника и архитектора планируемого здания⁴⁴¹ (илл. 12). Заказчиком проекта на этих чертежах указан Андрей Любимович Керков, а исполнителем – архитектор Н.П. Краснов. Знакомство с чертежами убеждает: перед нами именно та вилла «Мечта» в неомавританском стиле, которая поныне является украшением Симеиза. Вилла стилизована под восточный дворец, с башней-минаретом, куполом, килевидными окнами с наличниками с орнаментальной резьбой, узорами-арабесками и цитатами из Корана на стенах. Подобные решения Н.П. Краснов использовал в проектах дворца «Дюльбер» по эскизам великого князя Петра Николаевича (построен в 1895–1897 гг.) и симеизской виллы К.П. и Е.Л. Коробьиных «Селям» (построена в 1909–1911 гг.) Н.П. Краснов предоставил заказчику план не только

⁴⁴⁰ РГБ. Ф. 743. Коллекция архивных материалов. К. 117. Ед. хр. 17. Керкоф (Керковы). Родословная, составленная А.И.Глубоковым.... Л. 13.

⁴⁴¹ Алушкинский дворцово-парковый музей-заповедник (далее АДПМЗ). Инв. № Ч-715. Кп. 20980. Ситуационный план владения А.Л.Керкова в Симеизе (вариант), 1913 г.; АДПМЗ. Инв. № 72. Кн. 6414. Проект дома А.Л.Керкова в Симеизе (эскиз), 1913 г.; АДПМЗ. Инв.№ Ч-991. Кп. 23560. Краснов Н.П. Вилла "Мечта" в Симеизе. Проект. Продольный разрез; АДПМЗ. Инв.№ Ч-992. Кп. 23561. Вилла "Мечта" в Симеизе. 1913 г. Ситуационный план.

двухэтажного дома, окруженного балконами, но и участка: были запроектированы атрий, бассейн, беседки, фруктовый и пальмовый сады, английский сад и газон⁴⁴². Несмотря на то, что на чертежах название виллы не фигурирует, есть основания предположить, что имя «Мечта» она получила уже на стадии проекта: при строительстве над калиткой была выполнена каменная арабеска с надписью на арабском «Хайял», что значит «мечта» (это установил симезский краевед А.Салмин; арабеска была утрачена в 2000-х гг).

Итак, имена тех, кто приобрел в Симеизе участок и построил на нем виллу «Мечта», были установлены – это А.Л. и А.М. Керковы. Сравнительный анализ документов, впрочем, ставит перед исследователем новые вопросы, разрешить который, возможно, помогут дальнейшие исследования. Так, готовые чертежи были предоставлены Н.П.Красновым А.Л. Керкову в 1913 г., в то время как датой приобретения участка по документам указано 28 декабря 1913 г. – то есть после того, как были готовы чертежи. Возможно, проект был заказан еще до оформления всех бумаг. Нет окончательной ясности и по вопросу степени готовности дачи к 1920 г. – времени окончательного установления советской власти в Крыму. Семейные предания, как мы видели, говорят о том, что дача была достроена и даже меблирована.

При этом в мемуарах И.И. Пузанова есть относящийся к 1918 г. фрагмент, гласящий: «... У части приезжих начинал чувствоваться недостаток средств. Раньше всех почувствовали его неимущие Щербаковы, и Дима вынужден был поступить чернорабочим на постройку великолепной виллы «Мечта», которую вел управляющий цинделевской мануфактуры эстонец Керков... бедный Димочка с утра до вечера таскал тяжелые носилки с камнями и гравием»⁴⁴³.

⁴⁴² АДПМЗ. Инв. № Ч-715. Кп. 20980. Ситуационный план владения А. Л. Керкова в Симеизе (вариант), 1913 г.

⁴⁴³ Пузанов И.И. Мемуары. В 3-х тт. Одесса, 2015. Т. 2. С. 367.

Видимо, после 1917 г. Керковы в Симеизе не появлялись: косвенно на это указывает тот факт, что по спискам избирателей в Ново-Симеизскую поселковую управу весной 1919 г. они не проходят, упоминается только «Минашкин Даниил Арт. 60 лет, дворник дачи Керкова»⁴⁴⁴.

По данным семейного архива, в 1920 г. Рене сумел доказать, что по матери он является эстонцем (хотя на деле Адельгейде Петерсен 1836-1908 была датской подданной). Это позволило ему выехать из Москвы в Эстонию, далее в Берлин и Мелюз/Мюльгаузен, городок в Эльзасе на границе Франции и Германии (Франция). Дача в Царицыно была сначала в 1918 г. уплотнена, а уже в 1921 г. в ней разместился детский дом голодающих детей Поволжья⁴⁴⁵. В эмиграции Рене жил скромно, не работал и очень скучал по России. Умер Рене в возрасте 78 лет от инсульта. В эмиграции умерла и его жена Александра Максимовна. Судьба их детей сложилась по-разному: Николай в начале 1920-х гг. женился на актрисе Елене Поливановой, однако после разрыва с ней при помощи своего друга поэта В.Маяковского эмигрировал в Европу, скончался в Женеве в 1977 г., Надежда вышла замуж и жила в Москве до кончины в 1984 г., Михаил уехал вместе с родителями в эмиграцию и жил во Франции, где скончался в 1979 г.

Что до крымской дачи Керковых, то 29 декабря 1920 г. был опубликован декрет СНК РСФСР, в котором провозглашалось: «Прекрасные дачи и особняки, которым пользовались раньше крупные помещики и капиталисты, дворцы бывших царей и великих князей, должны быть использованы под санатории и здравницы для рабочих и крестьян». Была национализирована и дача Керковых в Симеизе. Согласно данным о состоянии жилфонда курорта Симеиз на 1923 г., она называлась «Мечта», насчитывала 15 комнат и требовала достройки⁴⁴⁶. В путеводителе «Симеиз и его окрестности» 1928 года В.М.Кузьменко сообщает: "Поликлиника в западной части курорта занимает оставшуюся от бывшего поселка в недостроенном виде, а теперь достроенную уже курортом, дачу «Мечта»... При

⁴⁴⁴ ГАРК. Ф. Р-999. Оп. 1. Д. 119. Л. 69.

⁴⁴⁵ *Офицера Е.В.* Указ. соч. С. 251.

⁴⁴⁶ ГАРК. Ф. Р-1128. Оп. 2. Д. 97.

ней водолечебное заведение, лаборатория и кабинеты: 1) электролечебный, 2) для лечения рентгеновскими лучами, 3) отдельные по каждому роду болезни⁴⁴⁷.

Впоследствии «Мечта» стала отдельным санаторием, переименованным в «Крым», а в дальнейшем, уже после войны, была присоединена к санаторию «Красный маяк», став одним из его корпусов. За годы советской власти вилла не перестраивалась, однако некоторые элементы ансамбля были утрачены – к примеру, беседка над дорогой, которая не раз фигурирует на фотографиях еще в 1930-х гг.⁴⁴⁸. Начиная с 1990-х гг. вилла «Мечта» стояла в запустении, окруженная забором, медленно разрушаясь. Надеемся, что осуществленный нами изыскания помогут в планирующейся реставрации этого выдающегося памятника истории и культуры.

Вторая часть бывшего участка А.А. Смульского – участок №34Б, площадью 400 кв. саж., как гласят архивные документы, перешел в 1904 г. от А.А. Смульского Варваре Андреевне Чуйкевич⁴⁴⁹.

История семьи В.А. Чуйкевич, урожденной Белокрысовой, похожа на остросюжетный роман, свет на головокружительные повороты которого пролили опубликованные недавно воспоминания потомков⁴⁵⁰. Именно мемуары являются главным источником по истории этого памятника и его владельцев и строителей, более того: благодаря этим документам прояснилась история и еще одной из симеизских дач начала XX в. – виллы «Маруся» в верхней части курорта.

Как пишет в своих мемуарах «Московская сага» правнучка В.А. Чуйкевич М.С. Хлудова, будущая хозяйка обеих дач Варвара Андреевна Белокрысова (в замужества Чуйкевич) родилась в 1845 г. и происходила из дворян Орло-Васильевской волости Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии. К

⁴⁴⁷ Кузьменко В.М. Симеиз и его окрестности. Симферополь, 1928. С. 31.

⁴⁴⁸ Поликлиника (Вилла "Мечта"). [Электронный ресурс]. URL:<https://pastvu.com/p/174336> (Дата обращения – 12.09.2022)

⁴⁴⁹ ГАРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 26. Л. 154 об.; ГАРК. Ф. 529. Д. 39. Л. 142.

⁴⁵⁰ Соловов А. Московское лихолетье. Публикация и предисловие М.Хлудовой // Новый мир. 1997. №9. С. 144-166; Хлудова М.С. Арбатская сага. М., 2010.

семнадцати годам она превратилась в красавицу: именно тогда ее встретил владелец села Дарьевка этого же уезда, дворянин Александр Федорович Чуйкевич, и влюбился в с первого взгляд, а вскоре получил согласие Варвары Белокрысовой стать его женой и благословление ее родителей. Сам Чуйкевич происходил из уважаемого дворянского рода, его отец Федор Михайлович Чуйкевич (1801-1863) закончил службу начальником отделения канцелярии Морского министерства в чине действительного статского советника, у него был дом в Санкт-Петербурге и около 4000 дес. земли в черноземной зоне, дававшие хорошие доходы. Федор Михайлович был женат на Анастасии Григорьевне Похвисневой (1816-1893), дочери генерал-поручика. У них родилось трое детей: Наталья (1842-1917), Мария (1844-после 1919) и Александр (1840-1917). А.Ф. Чуйкевич в 1861г. закончил Императорское училище правоведения и приехал домой, где и встретил Варвару Белокрысову. Но его мать, «генеральша Чуйкевич», не дала согласия на неравный брак с небогатой девушкой. Тогда А.Ф. Чуйкевич, по семейному преданию, поклялся в церкви, что больше никогда не женится, а Варвара вышла замуж за помещика Виктора Лутковского. У них родились трое детей, но известно имя только одного сына – полковника Михаила Викторовича Лутковского⁴⁵¹.

Когда в 1872 г. Виктор Лутковский скончался, Варвару Андреевну одолела тоска, она стала выезжать в Москву, Санкт-Петербург, где познакомилась с красивым гвардейским офицером Алексеевым, состоявшим в шайке светских авантюристов «Черный валет», выманивавшей деньги у богатых барынь. Истратив на афериста сорок тысяч рублей, Варвара Андреевна поехала за ним в Женеву, где Алексеев покончил жизнь самоубийством, а у Варвары Андреевны родилась от него дочь, которую назвали Марией. Чтобы избежать скандальной огласки, Варвара Андреевна вызвала в Женеву свою сестру Софью Андреевну Белокрысову и ее мужа Бронислава Гротто-Слепиковского, попросив записать новорожденную Марию на свое имя⁴⁵².

⁴⁵¹ Хлудова М.С. Арбатская сага. С.8

⁴⁵² Там же. С.7.

В мемуарах потомков В.А. Чуйкевич отсутствует какая-либо информация о Б. Гротто-Слепиковском. Однако нам по отчетам Верхнеднепровской Уездной Земской управы в составе гласных Верхнеднепровского уезда на 1908 г. под №4 удалось обнаружить информацию о Брониславе Оттоновиче Гротто-Слепиковском, который избирался вплоть до 1915 г., а под №5 Гротто-Слепиковского Анатолия Брониславовича – по всей вероятности, это и были, по документам, «отец» и «брат» Марии Брониславовны Гротто-Слепиковской⁴⁵³. Анатолий Брониславович в 1908 г. был еще и гласным Екатеринославской губернии, а Бронислав Оттонович – попечителем Саксаганского ремесленного училища.

Софья Андреевна Гротто-Слепиковская (урожденная Белокрысова), выйдя замуж, посвятила себя сельскому хозяйству: отдел переработки сельскохозяйственных продуктов в 1908 г. на Саксаганской выставке состоял в основном из экспонатов землевладелицы С.А. Гротто-Слепиковской, она была самым крупным производителем Верхнеднепровского уезда, получала доходы от занятия птицеводством, огородничеством, садоводством. Ее продукция на выставке получила две малых серебряных медали. Сам Бронислав Оттонович занимался разведением племенных быков⁴⁵⁴. Таким образом, у состоятельных Гротто-Слепиковских была возможность дать неплохое образование приемной дочери Марии Брониславовне. Она поступила в 1885 г. в Белостокский институт благородных девиц (обучение в нем стоило 150 руб. серебром в год), закончила его с малой золотой медалью⁴⁵⁵. Кроме французского языка, знала немецкий, итальянский, латинский, прекрасно музицировала. Окончила курсы кулинарии, отлично готовила (впоследствии это сильно поможет ей в 1917-1920 гг., когда ее пирожки с картофелем и луком будут спасать всю семью от голода и давать средства к сосуществованию)⁴⁵⁶.

⁴⁵³ Отчет Верхнеднепровской уездной земской управы... Уездному земскому собранию...- Верхнеднепровск, 1869-1916. Т. 24-25. За 1908 год.

⁴⁵⁴ Там же.

⁴⁵⁵ *Авенариус Н.П.* Исторический очерк Белостокского института благородных девиц: 1841-1891 г. Белосток, 1891. С. 4,74.

⁴⁵⁶ *Хлудова М.С.* Арбатская сага...

Итак, возвратившись из Женевы, Варвара Андреевна вновь встретила А.Ф. Чуйкевича, и первая любовь вспыхнула с новой силой. В этот раз они обвенчались и жили в согласии. Александр Федорович был спокойным, добрым человеком и уговорил Варвару Андреевну обратить внимание на дочь Марию. Хотя та появилась в их семье только в 17 лет, в 1891 г., деятельная Варвара Андреевна сумела представить ее двум императрицам: вдовствующей Марии Федоровне и Александре Федоровне. Мария Брониславовна вплоть до 1902 г. преподавала в Смольном институте в С.-Петербурге французский язык⁴⁵⁷.

Видимо, стремясь загладить свою вину перед дочерью, в 1903 г. В.А. Чуйкевич и купила на имя М.Б. Гротто-Слепиковской два участка №62 и 55 в Симеизе, общей площадью 920 кв. саж. у братьев Мальцовых и Сухоручкиной Амалии Фердинандовны соответственно, где была построена дача под названием «Маруся»⁴⁵⁸. А.Ф. Сухоручкина, недолго владевшая участком № 55, жила в Москве, была женой врача С.И. Сухоручкина и дочерью Фердинанда Каспаровича Кельха, статского советника, барона, кавалера орденов, почетного гражданина Санкт-Петербурга. Ее братья, Николай и Александр Кельхи, были крупными русскими золотопромышленниками и меценатами, сохранились особняк А.Ф. Кельха в Санкт-Петербурге и часовня Н.Ф. Кельха на Введенском кладбище в Москве⁴⁵⁹.

Как пишет в своих воспоминаниях сын Александр, «раньше, приезжая с бабушкой в Крым, мы всегда жили на ее вилле «Маруся», в ней было 23 комнаты, хороший сад и еще маленький садовый домик, в котором любили жить отец с матерью⁴⁶⁰. Дача «Маруся» в Симеизе сохранилась до наших дней, долгое время была в ведении санатория Министерства обороны СССР.

⁴⁵⁷ Там же. С. 7.

⁴⁵⁸ ГАРК. Ф. 529. Д. 39. Л. 46.

⁴⁵⁹ Экскурсию проекта «Открытый город» посетил потомок семьи Кельх. [Электронный ресурс] URL: <https://открытыйгород.рф/o-nas/press-tsentr/novosti/ekskursiyu-proekta-otkrytyy-gorod-posetil-potomok-semi-kelkh/> (Дата обращения – 12.09.2022).

⁴⁶⁰ Соловов А. Московское лихолетье... С. 148.

В 1904 г. В.А. Чуйкевич купила в Симеизе и еще один – уже третий – участок №34б площадью 400 кв. саж у А.А. Смутьского, где также начала строить дачу. В этом месте курорта земли были самые дорогие: одна квадратная сажень стоила около 60 руб. (а верхней части Нового Симеиза – около 15 руб.) Автором общего проекта и строителем был инженер Я.П. Семенов. Проект фасада выполнил архитектор Н.П. Краснов⁴⁶¹. Вилла была построена в стиле шотландского шале, у нее были два жилых корпуса на 22 номера, привратничья, видовая площадка, магазин, ресторан, зал досуга. Здание было окончено к 1906 г.

Видимо, еще одна дача в Симеизе понадобилась В.А. Чуйкевич потому, что примерно это время ее дочка Мария познакомилась со своим будущим мужем Петром Дмитриевичем Солововым, служившим хирургом в земской больнице в селе Саксагань. Род Солововых отсчитывался с XVI в. и был записан в самую почетную часть Дворянской родословной книги – шестую, правда, к концу XIX в. семья сильно обеднела. Петр Дмитриевич родился в 1875 г. в городе Сапожок Рязанской губернии. С серебряной медалью окончил рязанскую гимназию, в 1898 г. – медицинский факультет Московского университета, некоторое время служил в университетской клинике, где зарекомендовал себя хорошим врачом, лечил семью Л.Н. Толстого, семью купца Третьякова. Скопил 500 руб. и на два года уехал на стажировку за границу, а по возвращении назад решил посвятить себя земской медицине. Пять лет проработал хирургом в Верхнеднепровском уезде в селе Саксагань, где и встретил М.Б. Гротто-Слепиковскую и предложил ей руку и сердце. В 1905 г. состоялась свадьба, а в 1906г. у супругов родилась первая дочь Ксения⁴⁶². Именно поэтому В.А. Чуйкевич и спешила построить к 1906 г. дачу в Симеизе, которую назвали в честь внучки «Виллой Ксения».

⁴⁶¹ Кузьменко В.М. Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма.... С. 77.

⁴⁶² Хлудова М.С. Арбатская сага... С. 3-8.

Третьего февраля 1908 г. в селе Саксагань в семье Солововых родился сын Александр (скончался в 1993 г.), впоследствии – дочери Мария и Ольга. Тогда же, в 1908 г. П.Д. Соловов защитил докторскую диссертацию в Московском университете. Через год, в 1909 г. семья Соловова переехала в Москву, и вскоре поселилась на углу Арбата и Староконюшенного переулка в новом шестиэтажном доме. В 1912 г. Петр Дмитриевич получил звание приват-доцента Московского университета, определился в специальности хирург-уролог и решил создать свою клинику, для чего купил участок земли на ул. Большая Молчановка, где начал строительство четырехэтажной лечебницы. Денег не хватало, он брал в долг (по воспоминаниям родных, их он как порядочный человек отдавал вплоть до своей кончины в 1940 г.)⁴⁶³. Видимо, именно в контексте этих хлопот 16 ноября 1913 г. вилла «Ксения» была формально продана В.А. Чуйкевич своей дочери М.Б. Гротто-Слепиковской (по мужу Солововой)⁴⁶⁴.

В итоге за год лечебница на Арбате была построена, на втором этаже разместились жилые комнаты семьи Солововых. В 1914 г. началась Первая мировая война, в доме Солововых на Арбате расположили госпиталь. М.Б. Соловова в 1915 г. стала председателем благотворительного «Московского общества жен врачей для оказания помощи лицам медицинского звания, пострадавшим от военного времени»⁴⁶⁵. На вилле «Ксения» в Симеизе в это время, как сообщает «Альманах-путеводитель по отечественным курортам и лечебным местам» В.М. Струнского, был открыт пансион, управлял которым татарин Мемет Ресуль, житель деревни Симеиз, под чьим началом в Новом Симеизе работали также пансион и ресторан на вилле «Эльвира»⁴⁶⁶.

Интересную характеристику Мемету Ресулю дает в своих опубликованных недавно воспоминаниях еще один дачник Нового Симеиза, в будущем – выдающийся ученый-биолог И.И. Пузанов (1885–1971): «...столичная аристократия

⁴⁶³ Там же. С. 8-10.

⁴⁶⁴ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 213. Л. 59 об.

⁴⁶⁵ Хлудова М.С. Арбатская сага... С. 10.

⁴⁶⁶ Альманах-путеводитель по отечественным курортам и лечебным местам. 1915-16 г. М., 1915. С. 88.

и плутократия, обычно гнушавшаяся Крымом и отдыхавшая на заграничных курортах, с наступлением войны лишенная этой возможности <...> столовалась за лучшим табльдотом Симеиза – у знаменитого повара Мемета Ресюля. Еще мальчиком он пошел в услужение на кухню в Мисхор к родовитым барам Нарышкиным, где, как малый даровитый, в совершенстве изучил утонченную французскую кухню, там же он в таком же совершенстве изучил русский язык, на котором говорил без малейшего акцента. Будучи человеком неграмотным, он держал в своей богатой памяти рецепты великого множества блюд: супов, жарких, пирожных, начиная от простых котлет и кончая различными деликатесами. Слава о кулинарных способностях «опытного повара Мемета» гремела по всему Южному берегу, и он неоднократно получал приглашения работать у разных именитых людей, вплоть до Великих князей. Однако, раз став на ноги, он всегда предпочитал быть самостоятельным. В описываемое время Мемет был еще бодрым шестидесятилетним стариком, работавшим на кухне наравне с собственными служащими. Он обладал прекрасным характером и большим чувством юмора»⁴⁶⁷.

Напомним: воспоминания И.И. Пузанова, содержащие большое количество уникальной информации о повседневной жизни дачного поселка Новый Симеиз в течении первых трех десятилетий XX в., хранятся в машинописном виде у потомков ученого и были лишь частично опубликованы в трех томах в Одессе в 2015 г. тиражом всего 50 экз. Подробнее речь о них и их информационном потенциале пойдет ниже, в параграфе 4.

По семейным преданиям, революция 1917 г. принесла семье Чуйкевич-Солововых бедствия. Летом был убит А.Ф. Чуйкевич: когда он привез в Дарьевку деньги для оплаты труда сезонных рабочих, на их дом напали бандиты. Варвара Андреевна вызвала к себе сына от первого брака М.В. Лутковского, которого в 1918 г. также убил денщик («Если смерть деда явилась результатом заурядного

⁴⁶⁷ *Борщик Н.Д.* Воспоминания о Крыме. Из архива ученого-естествоиспытателя, крымоведа И.И.Пузанова // Документ в современном обществе: исторические, концептуальные и методические аспекты изучения. Симферополь, 2019. С. 151.

грабежа, то убийство М. В. Лутковского несомненно имело классовый характер. Местное крестьянство в лице Василя было заинтересовано в устранении дееспособного хозяина, каким мог быть М. В. Лутковский, предпочитая иметь дело с беспомощной старухой», - пишет А.П. Соловов⁴⁶⁸). Она больше не смогла жить в доме, и перебралась к священнику, затем в Екатеринослав, откуда планировала на десять дней съездить в Крым, чтобы решить вопрос с имуществом и дачами в Симеизе⁴⁶⁹. Но вместо этого перебралась к дочери в Москву и до конца жизни, до 1929 г. жила у нее. Ее и похоронили рядом с Марией Брониславовной, которая умерла в 1922 г., на Новодевичьем кладбище. После установления советской власти доме Солововых на Арбате был открыт роддом им. Г.Л. Грауэрмана, семью (у Марии Брониславовны было четверо детей) уплотнили и подселили к ним других людей. Сама Мария Брониславовна после установления советской власти стала помощницей И. Арманд в Московском губсовнархозе. В Москву перебралась и сестра Варвары Андреевны – Софья Андреевна. По всей вероятности, ее сын Анатолий Брониславович погиб во время Первой мировой войны, мужа не стало во время гражданской войны, а внук Владислав Анатольевич, ставший адъютантом генерала Слащева, эмигрировал во Францию. По воспоминаниям родных, Софья Андреевна жила на Арбате в маленькой комнате сестры, носила ее одежду, была очень похожа на Варвару Андреевну, была глуха и не реагировала на обращения, и всем казалась, что перед ними сидит в кресле Варвара Андреевна, а не Софья Андреевна. Еще в 1936 г. она была жива, вполне возможно умерла перед войной и погребена рядом с сестрой⁴⁷⁰.

Последние вещи Чуйкевичей из Симеиза – утварь, одежду, иконы, семейные фотографии, как пишет в своем дневнике пятнадцатилетняя Ксения Соловова, – привез Аркадий Дмитриевич Соловов, брат Петра Дмитриевича, 29 августа 1922 г.⁴⁷¹. Сам П.Д. Соловов стал одним из ведущих урологов Советского

⁴⁶⁸ Соловов А. Московское лихолетье... С. 150.

⁴⁶⁹ Хлудова М.С. Арбатская сага... С. 15.

⁴⁷⁰ Там же. С. 10, 47.

⁴⁷¹ Там же. С. 50.

Союза. Его сын Александр Петрович Соловов в 15 лет закончил бывшую женскую Алферовскую гимназию, прибавил год к возрасту, поступил на первый курс электропромышленного факультета института народного хозяйства им. К. Маркса, впоследствии им. Г.В. Плеханова, через год в 1924 г. перевелся на физико-математический факультет МГУ, через три года ушел по собственному желанию. С 1930 г. начал работать в геологических экспедициях. На опытной станции геологоразведочного геофизического института (ГРГИ) судьба свела его с Н.И. Сафроновым, ставшим его учителем и другом. Полем его деятельности стали геофизика и геохимия: он разработал геохимические методы поисков месторождений рудных ископаемых и первым в мире выпустил учебник по этой теме в 1985 г., тридцать лет проработал на геологическом факультете МГУ, создал свою научную школу, подготовил более тридцати докторов и кандидатов наук⁴⁷². Оставил воспоминания «Московское лихолетье», которые использованы в нашей работе⁴⁷³.

Его старшая сестра Ксения (в честь которой и была названа вилла в Симеизе) поступила в Художественно-промышленный техникум, где преподавателем химии был Сергей Васильевич Хлудов, который был старше ее на десять лет, прошел Первую мировую войну, получил за храбрость Георгиевский крест, был женат и имел дочь. По окончании техникума К.П. Соловова работала вместе с Хлудовым в химической лаборатории Е.В. Пустовалова, по рекомендации которого Ксению Соловову в 1930 г. включили в состав научной экспедиции Океанографического института по Баренцеву морю. Символично, что научным руководителем экспедиции был назначен В.В. Шулейкин, который за год до этого открыл Черноморскую гидрофизическую станцию на мысе Кикенеиз на Южном берегу Крыма, за Симеизом⁴⁷⁴. После экспедиции В.В. Шулейкин предложил К.П. Солововой стать аспирантом Океанографического института. В 1931 г., уже

⁴⁷² Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Александра Петровича Соловова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www1.geol.msu.ru/deps/geochems/rus/pub/solovov100.pdf> (Дата обращения – 12.09.2022).

⁴⁷³ Соловов А. Московское лихолетье... С. 144-166.

⁴⁷⁴ Неяченко И.И. Симеиз.. С. 44-46.

как аспирант, она участвовала во второй экспедиции на судне «Николай Книпович» до пролива Междушарского острова Новая Земля, которой руководил также В.В. Шулейкин. С 1935г. Ксения Петровна жила гражданским браком с С.В. Хлудовым, а в 1936г. у них родилась дочь, которую назвали Марией, как и бабушку Марию Брониславовну⁴⁷⁵. Именно она собрала дневники родных и издала их в виде книги «Арбатская сага», которая помогла нам установить последовательность смены владельцев виллы «Ксения» и виллы «Маруся», также историю семей Белокрысовых, Чуйкевичей, Гротто-Слепиковских, Солововых, Хлудовых.

Виллы «Ксения» и «Маруся», как и все остальные частные владения на Южном берегу Крыма, была национализированы в декабре 1920 г. Согласно путеводителю по Симеизу В.М. Кузьменко 1928 г., «дом, известный под названием вилла Ксения», в это время занимала курортная гостиница. Впоследствии она вошла в состав санатория «Красный маяк», основанного на базе бывших частных вилл западной части Симеиза, который в 1954 г. слился с санаторием «Мечта» (позднее «Крым»), образованного на базе одноименной виллы Керковых. Профилем санатория было лечение бронхиальной астмы, а в послевоенные годы – туберкулеза. До 1990-х годов и «Ксения», и «Мечта» были корпусами санатория «Красный маяк», после чего были закрыты и пришли в запустение, в котором пребывают и поныне. На протяжении советских десятилетий в вилле «Ксения», помимо санатория, работали предприятия торговли и библиотека, что делало ее центром курортной жизни поселка. В конце 1990-х - середине 2000-х гг. именно кафе «У камина», открытое на первом этаже виллы «Ксения», стало местом притяжения столичной творческой богемы уже нашего времени и в таком качестве попало на страницы статей журналов о путешествиях⁴⁷⁶ и сборника рассказов художника и писателя П.В. Пепперштейна (Пивоварова), посвященных Симеизу и его старым дачам⁴⁷⁷.

⁴⁷⁵ Хлудова М.С. Указ. соч. С. 90-175.

⁴⁷⁶ Карагодин А. После бала // Афиша-Мир. 2004. №10. С. 56-58.

⁴⁷⁷ Пепперштейн П.В. Свастика и Пентагон. М., 2006.

В Симеизе сохранилась, хотя находится в весьма плачевном состоянии, и бывшая дача инженера путей сообщения Николая Сергеевича Свягина. Ее историю также позволила восстановить работа с комплексом источников, в том числе из семейного архива.

Н.С. Свягин родился 3 декабря 1856 г. в Санкт-Петербурге, из дворян. В 1882 г. окончил Институт путей сообщения, начал свою карьеру с Полесья, где осушал болота для строительства железных дорог, затем строил Каспийскую железную дорогу, а в 1891 г. был назначен начальником участка по строительству Уссурийской железной дороги - первой очереди Транссиба – и на двенадцать лет связал свою жизнь с Дальним Востоком. Данные о профессиональной деятельности инженера Н.С. Свягина были обнаружены в РГИА (ф. 229, оп. 19, д. 2844. «Инженер-путеец Свягин Николай Сергеевич»).

Транссибирская магистраль протяженностью более 3000 км с выходом к Тихому океану и по сей день является главной транспортной артерией России на Востоке. С ее маршрутом определились не сразу: министр финансов С.Ю. Витте, сделавший карьеру именно как железнодорожник, настаивал на том, чтобы дорогу провели через китайскую Маньчжурию, вступив в союз со слабым тогда Китаем для сдерживания агрессивной Японии. В 1896 г. в Москве был подписан секретный русско-китайский договор о постройке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Н.С. Свягин возглавил Маньчжурскую экспедицию по изучению маршрута новой дороги и с честью осуществил эту полную трудностей миссию. Именно он предложил план дороги, утвержденный императором, с 1898 г. возглавлял строительство одной из веток от Уссурийска до Пограничной, которое было окончено в 1903 г., основал город Харбин – одну из станций новой дороги. За свои труды был произведен в статские советники, награжден знаком Красного креста, китайским орденом двойного Дракона 3-й степени. В честь него одна из новых железнодорожных станций получила имя Свягино.

28 июня 1905 г. Николай Сергеевич был откомандирован в общество Московско-Киевско-Воронежской дороги, в правлении которой и проработал до 1912 г. Жил в Санкт-Петербурге вместе с женой, дочерью статского советника

Александрой Войцеховской, которая была на пятнадцать лет его младше. В 1906 году Свягин купил два участка земли в Симеизе, однако к строительству дачи приступил не сразу: сначала надо было закончить виллу на Каменном острове в Санкт-Петербурге по проекту архитектора Д.А. Крыжановского. С 1 января 1910 г. Н.С. Свягин ушел по собственному прошению в отпуск до 1 июля 1912 г. – за это время он и построил дачу в Симеизе, где приобрел участок в 1906 году⁴⁷⁸. Ее общий проект создал военный инженер Я. П. Семенов, проект фасада – архитектор Н. П. Краснов. Дача была в неоклассическом стиле. На северном фасаде – вход, украшенный античным портиком, в центре первого этажа – большой круглый зал с высокими прямоугольными окнами, окруженный колоннадой ионического ордера, над которой была устроена открытая терраса с видом на море. Но главной изюминкой дачи была длинная крытая терраса по восточной стороне участка с колоннадой ионического ордера, которая заканчивалась эллиптическим портиком с кариатидами. Эта терраса защищала парк от ветров с востока, а из портика открывался фантастический вид на море и горы. Парк украшал каскад бассейнов, перед домом были открытые газоны с стриженной травой и единичными невысокими деревьями. Были высажены ливанские кедры. По крутому склону к морю сбегала извилистая дорожка, контуры которой просматриваются до сих пор.

Рассказы о том, как по этой дорожке отдохавшие на даче Свягина родственники спускались к морю, передаются из поколения в поколение в семье потомков врача Николая Владимировича Войцеховского – брата жены Н.С. Свягина. Об этом автору диссертации сообщил один из потомков, москвич Юрий Войцеховский, предоставив материалы из личных архивов. После землетрясения 1927 г. часть берега вместе с дорожкой обвалилась, но на популярном среди симеизцев пляже «Коралл» у самой кромки моря до сих пор можно видеть остатки каменной стенки, служившей ограждением участка Свягина. Как указывает в

⁴⁷⁸ ГАРК. Ф. 529. Оп. 1. Д. 39. Л. 44.

своим путеводителе В.М. Кузьменко, в отличие от большинства симеизских дачевладельцев, Свягины никогда не сдавали свою дачу курортникам: здесь жили и отдыхали только они и их родственники.

Достроив симеизскую дачу, Свягин вернулся на службу в общество дороги Москва-Киев-Воронеж, до 1915 г. строил железную дорогу Одесса-Бахмач. К роковому 1917-му году он дослужился до статского советника, инженера 5 класса. Уйдя со службы в июне 1917 г., Свягин, как и многие жители двух столиц, переехал подальше от революции и гражданской войны в Крым, на симеизскую дачу, в 1919 году активно участвовал в выборах гласных в Ново-Симеизскую поселковую управу⁴⁷⁹. Перебрались в Симеиз и профессор Н.В. Войцеховский с женой и новорожденным первенцем. В семье сохранилось предание о том, как летом 1917 г. в Симеизе они встретили Шаляпина, который пожурил их: «Не кутайте вы так ребенка!» В 1920 г. накануне прихода Красной армии Свягин был вынужден эвакуироваться вначале в Италию, а затем в хорватский Дубровник, где до 1924 г. был председателем Русской общины. В 1924 г. Свягины переехали на Дальний Восток, в Харбин, одним из основателей которого он был; в середине двадцатых там сформировалась большая русская община. В том же году Свягин скончался и был похоронен на русском кладбище. Впоследствии рядом был возведен Покровский храм, который сейчас остался единственным православным храмом в некогда русском городе Харбине, а вот все памятники на кладбище, включая и надгробие Н.С. Свягина, были безжалостно уничтожены в годы китайской «культурной революции» Мао в конце 1960-х.

Саму дачу Свягина в Симеиза такая судьба не постигла: после национализации всех частных имений на Южном берегу Крыма в 1920 г. она на долгие годы стала одним из корпусов симеизских санаториев, ее виды можно часто встретить на советских открытках. Сейчас дача Свягина, признанная памятни-

⁴⁷⁹ ГАРК. Ф. Р-999. Оп. 1. Д. 119. Л. 81.

ком культуры регионального значения, находится в частной собственности, однако пребывает в запустении, как, впрочем, и подавляющее большинство бывших дач Нового Симеиза.

Неплохо сохранились и четыре из пяти дач по соседству с дачей Н.С. Свиygина: все они находятся у подножия гор Панеа и Кошка, на территории бывшего детского санатория «Юность». Как выяснилось в ходе наших изысканий, они были выстроены представителями родственных семейств Лансере, Коробьиных и Богдановых. Установить детали удалось благодаря генеалогическому описанию рода рязанских дворян Коробьиных, составленному К.М. Секретевым на основе фондов московских и региональных архивов, а также справочной литературы и опубликованному на сайте «Семейный архив», созданном специально с целью публикации документов семьи Белявских–Коробьиных–Михайловых⁴⁸⁰.

У дворян из Рязани Василия Ивановича Мевеса и его жены Евдокии Григорьевны Украинцевой, потомков русских служилых родов, было восемь детей. Дочь Евдокия вышла замуж за сына обрусевшего француза Захара Павловича Лансере, который служил в имении Мевесов управляющим. Их сын Леонид Захарович Лансере (1846–1915) стал известным финансистом, председателем правления Сибирского торгового банка и Русского страхового общества, и отцом трех дочерей – Марии, Софьи, будущей владелицы симеизской дачи «Хризолит», и Екатерины – будущей хозяйки симеизской дачи «Селям».

Еще одна дочь Мевесов, Елизавета в 1840 году в свои двадцать пять лет вышла замуж за хозяина соседнего имения, пятидесятилетнего дворянина Ивана Павловича Коробьина. У них родился сын Павел, который женится на наследнице живших рядом дворян Богдановых Софье. Впоследствии уже их сын Константин Коробьин (1870–1919) станет управляющим рязанским имением Леонида Захаровича Лансере. В начале XX в., когда семья Лансере в очередной раз приедет из Санкт-Петербурга погостить в свое имение, младшая дочь банкира

⁴⁸⁰ Род дворян Коробьиных. [Электронный ресурс]. URL: http://www.domarchive.ru/archive/fonds/1_rod/1029 (Дата обращения – 12.09.2022).

Екатерина влюбится в управляющего, симпатичного брюнета, своего троюродного брата – Константина Коробьина, выйдет за него замуж, у них родятся сын и дочь.

Вскоре после этого сестры Лансере и решили построить по даче в Симеизе. Екатерина Лансере с Константином Коробьиным приобрели в 1909 г. у Н.С. Мальцова участок площадью 350 кв. саж. у подножия горы Панеа, а спустя полгода – еще один, возле самого моря. А Софья Лансере в 1910-м участок рядом, возле дороги в Лименскую долину. По семейному преданию, деньги на симеизские дачи дочерям дал банкир Лансере, продав свое рязанское имение. При этом замужества Кати не одобрил, и в Симеизе так ни разу и не побывал.

Участки дочерей банкира Лансере не граничили друг с другом, их разделяли два смежных участка. Эти участки принадлежал еще одному выходцу из Рязанской губернии и родственнику сестер Лансере – Николаю Николаевичу Богданову. Его жена Софья была родной сестрой Константина Коробьина, мужа Екатерины Лансере (а также кузиной собственного мужа, так как отец Н.Н. Богданова и мать Софьи были родными братом и сестрой). Так что фактически все четыре рядом стоящие дачи принадлежали родственникам и соседям по Рязанской губернии, к тому же пережившимся друг на друге⁴⁸¹.

К истории Н.Н. Богданова, человека неумной энергии, который был не просто хозяином двух симеизских дач, но и председателем Общества благоустройства курорта Новый Симеиз, гласным, а потом – и председателем всего Ялтинского земства, а после февральской революции стал комиссаром Таврической губернии, уехал в эмиграцию, основал во Франции русскую колонию на Средиземном море, мы подробно обратимся ниже (см. гл. 3). Остановимся пока на дачах сестер Лансере. Начнем с Софьи, которую в семье считали слегка чужаковатой (этим, в частности, объясняли, почему она так и не вышла замуж). Автором проекта и строителем ее дачи «Хризолит» был управляющий Новым Си-

⁴⁸¹ Род Лансере. Связь с родом Коробьиных. [Электронный ресурс]. URL: http://www.domarchive.ru/archive/fonds/1_rod/1041 (Дата обращения – 12.09.2022).

меизом, военный инженер, генерал-майор в отставке Я.П. Семенов. Дачу построили к 1912 г. в стиле северного модерна – с остроконечными крышами с большими карнизами и островерхими башнями. Похожий стиль использовался в архитектуре Ярославского вокзала в Москве (арх. Ф.И. Шехтель). С южной стороны с балконов второго этажа дачи спускались лестницы, чтобы снявшие у Лансере номера отдыхающие поднимались к себе, не беспокоя хозяев (ныне, увы, заложены кирпичом). Всего в даче насчитывалось десять комнат, и на ней неоднократно бывали многочисленные родственники Лансере, в том числе и художница Зинаида Серебрякова, урожденная Лансере, чей муж Борис Серебряков был инженером-путейцем и с удовольствием проводил время в Симеизе, где много дач принадлежало его коллегам по цеху⁴⁸². И эти супруги приходились друг другу близкими родственниками: мать Серебрякова была урожденной Лансере, поэтому для венчания Бориса с Зинаидой потребовалось разрешение церковного синода. В 1917 г. они приехали на отдых в Симеиз последний раз, а 1 мая 1918 г. продали дачу. Сейчас эта дача – многоквартирный жилой дом.

Совсем в другом стиле построила себе дачу сестра Софьи, Екатерина Лансере. Автором фасада здания стал архитектор Н.П. Краснов, предложивший проект в псевдомавританском стиле, очень похожий на спроектированный им раньше, в 1895–1897 гг. дворец великого князя Петра Николаевича «Дюльбер» в Мисхоре. Автором проекта дачи, которой дали имя «Селям» - то есть «мир», «покой», «благополучие» – стал гЯ.П. Семенов. Дачу изначально строили с учетом сдачи отдыхающим, поэтому здание получилось массивное, двухэтажное, с общими открытыми деревянными балконами, обращенными на юг, башенками с куполами и шестиконечными звездами, контуры которых до сих пор просматриваются за слоем советской штукатурки. Мавританские мотивы подчеркивали и килевидные окна, и ажурная резьба наличников балконов, даже арка входа на территорию дачи была сделана в восточном стиле – низким, чтобы, входя, посетители как бы кланялись Аллаху. Тридцать комнат круглый год сдавались внаем:

⁴⁸² Зинаида Серебрякова. 1884-1960. Письма современников о художнице. М., 1987. С. 58.

согласно рекламным проспектам, владельцы могли предложить отдых посуточно, ежемесячно, со столом и без него. В 1913 г. предложением воспользовался писатель Михаил Пришвин: 27 марта он прибыл в Симеиз и сообщил: «Селям – башня. Мавританский дворец там с огромными окнами... Я занял комнату в башне этого дворца... Дамы скучают. Хоть бы один мужчина! Путешественницы: старушки из Алушты...»⁴⁸³.

Благодаря второму участку, расположенному на берегу моря, за землей инженера путей сообщения Н.С. Свягина, дача «Селям» имела свой пляж и ванны, размещенные в отдельном здании. В 1917-м, подобно многим симеизским дачникам, Коробьины перебрались в Крым, в начале 1919 г. принимали участие в выборах гласных в поселковое управление в Новом Симеизе, куда баллотировался Константин Коробьин, а его жена даже купила 21 октября 1919 г. у М.И. Сланской еще один участок. Однако уже в декабре продала «Селям» (видимо, из-за того, что скоропостижно кончался ее муж) и переехала в небольшой дом возле самого моря, под дачей В.М. Кузьменко «Нюкта», где жила еще некоторое время и даже брала в середине 1920-х в аренду у советской власти свои бывшие ваннные заведения для оказания услуг курортникам. На террасе, где некогда стоял этот небольшой дом, до сих пор сохранились остатки напольной метлахской плитки производства товарищества Бергенгейма, типичной для декора симеизских дач начала XX в.: ее хорошо видно с лестницы, ведущей на любимый симеизцами пляж «Коралл». До недавнего времени на бывшей даче Коробьиных «Селям» до располагался один из корпусов детского санатория «Юность». Сейчас он закрыт.

В настоящей главе мы привели лишь несколько примеров того, как осуществленное нами на основании анализа комплексов источников построение «коллективного портрета» групп симеизских дачников и реконструкция их судьбы на протяжении двадцатого столетия, которые выдающийся английский историк Эрик Хобсбаум метко окрестил «столетием крайностей»⁴⁸⁴, способно

⁴⁸³ Пришвин М.М. Дневники. 1914-1917. Книга первая. М., 1991. С. 665.

⁴⁸⁴ Hobsbawm E. The Age of Extremes: The Short Twentieth Century 1914-1991. London, 1995.

пролить свет не только на перипетии и драмы личной истории целой плеяды интересных личностей, оставивший след в истории России, но и на особенности социально-экономического развития ЮБК и России на протяжении столетия в целом.

Учитывая, что в сформированную нами базу данных «Дачи Симеиза» оказались занесены 133 участка, на 68 из которых были построены (или начаты строительством) дачи, по владельцам большинства из которых нами собрана и обработана информация из различных источников, дальнейший просопографический анализ, построение «коллективного портрета» близких друг другу по каким-либо критериям сообществ дачников, а в конце концов – и всех дачников Нового Симеиза представляется перспективным направлением дальнейшей разработки темы трансформации культурного ландшафта ЮБК в начале XX века.

2.4. Этапы выявления и процедуры интерпретации материалов по реализации проектов «городов-садов» на Южном берегу Крыма в годы Первой мировой войны⁴⁸⁵

В 2020–2022 гг., во время вызванных международной напряженностью ограничений международного сообщения и кризиса туристической отрасли, в российском обществе развернулась широкая дискуссия на тему необходимости развития внутренних курортов России, на протяжении многих лет остававшихся в тени зарубежных, которым отдавали предпочтения россияне. На государственном уровне были приняты меры стимулирования внутреннего туризма.

Однако участники этой дискуссии практически не вспоминали о том, что очень похожая ситуация сложилась в России сто с лишним лет назад, когда начавшаяся Первая мировая война также привела к кризису выездного туризма и вызвала широкую дискуссию по поводу необходимости развития внутренних

⁴⁸⁵ При подготовке данного параграфа диссертации использована публикация автора: *Карагодина А.В.* Сделать не хуже, чем за границей: курорты Южного берега Крыма в годы Первой мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 4. С. 83–105 (2,54 п.л.)

курортов России, участие в которой приняли лучшие умы русского общества, в результате которой появилась целая серия практических проектов по преобразованию российских курортов, прерванных, увы, революционными событиями и гражданской войной. Шла в ней речь и о перспективах развития как курорта Южного берега Крыма. Более того: результаты дискуссии нашли практическое воплощение в появившихся в годы Первой мировой войны масштабных проектах устройства на западе ЮБК «городов-садов».

Напомним, что ЮБК начал активно развиваться как курорт в конце XIX – начале XX века. Именно в этот период в регион, в первой половине XIX в. пользовавшийся репутацией экзотического и малонаселенного уголка империи, «нашего Востока», сентиментальные путешествия по которому любили совершать просвещенные аристократы, устремился невиданный поток публики. Была проложена Лозово-Севастопольская железная дорога, соединившая в 1875 г. Крым через Харьков с центральной Россией, введен единый проездной тариф, с середины 1860-х начались регулярные визиты царской семьи во вновь купленное имение Ливадия, были опубликованы работы врачей о пользе южнобережного климата, в том числе для исцеления туберкулеза. С середины 1860-х шел процесс распродажи крупных дворянских земельных владений, располагавшихся вдоль Южного берега с начала XIX в., под курортные дачные поселки. В регионе, как и в других уголках России, начинала складываться дачная культура – инструмент ускоренной самоидентификация представителей нарождавшегося «среднего класса» горожан Российской империи. Схожие процессы происходили и на черноморском побережье Кавказа.

Русско-японская война и революция 1905-1907 гг. на время приостановили развитие курортов ЮБК: в 1905 году мятежи вспыхнули в Ялте, а также Симферополе, Феодосии, летом на всю Россию прогремело восстание на броненосце «Потемкин». Лишь в 1907 году наступила стабилизация, вскоре сменившаяся новым подъемом⁴⁸⁶.

⁴⁸⁶ Мальгин А.В. Русская Ривьера...

Неплохой пример для характеристики ускоренного курортного развития ЮБК в период 1907-1914 годов дает изложенная нами выше история дачного курорта Новый Симеиз. Как уже упоминалось, в 1908 году хозяева имения Симеиз братья И.С. и Н.С. Мальцовы решили размежевать и пустить в продажу под дачи, помимо уже распроданных, новые земли на востоке своего имения, занятые виноградниками (поначалу, задумывая устройство курорта, Мальцовы решили продавать под дачи лишь земли в западной части имения – каменистой и слабо обводненной). По всей видимости, для принятого в 1908 г. решения требовалось, чтобы доходы от дачной распродажи уверенно превышали доходы от виноградарства. В 1910-х гг. на бывших виноградниках участках выросла вторая, очередь дачного поселка Новый Симеиз: эти дачи были более помпезными, чем возведенные в западной части поселка в 1902-1905 гг. Самыми большим зданиям в восточной части Нового Симеиза стали возведенные в 1910-14 гг. пансионаты московского предпринимателя Н.К. Александрова-Дольник и «Амфир» петербургского маклера Н.И. Кошеверова – фактически, это были уже фешенебельные курортные гостиницы, рассчитанные на прием большого количества отдыхающих⁴⁸⁷.

Накануне Первой мировой войны все более очевидным становилось и соперничество Южного берега Крыма с молодыми курортами Кавказа. На его Черноморском побережье накануне Первой мировой войны начиналось строительство приморской железной дороги, которое по разным причинам все время откладывалось на ЮБК. Стремительно обустроивались как курорты Сочи, Гагры, Туапсе. Как сообщала газета «Русская Ривьера», «конкуренция между курортами крымского и кавказского побережья за последние годы сильно обострилась. И те и другие стараются привлечь побольше публики»⁴⁸⁸.

Курортный бум на черноморских побережьях России начинал принимать столь яркий характер, что 24 апреля 1914 г. был высочайше утвержден Закон о

⁴⁸⁷ Карагодин А.В., Петрова М.М. Старые дачи Симеиза: «Амфир» маклера Кошеверова // «Ялтинские вести». 2020. № 42. 7.11.2020; Карагодин А.В., Петрова М.М. Старые дачи Симеиза: пансион Н.К.Александрова-Дольник // «Ялтинские вести». 2020. № 43. 14.11.2020.

⁴⁸⁸ «Русская Ривьера». 1914. №104. 9.05.1914.

санитарной и горной охране лечебных местностей. Намечавшееся соперничество Крыма и Кавказа наверняка стимулировало бы развитие обоих курортных регионов России. «Можно не сомневаться, что эта борьба была бы напряженной и заставила бы курортных деятелей корректировать ценовую политику и больше заботиться о благоустройстве курортных мест,» – считает историк А.В. Мальгин – «К сожалению, Первая мировая война, революция и изменение характера экономики в советское время лишили нас удовольствия наблюдать за ее ходом»⁴⁸⁹.

Впрочем, поначалу Первая мировая война дала существенный импульс для развития курортов России. «Помогло несчастье»: немецкие курорты, традиционно привлекавшие состоятельных туристов из Российской империи, отныне были недоступными. Более того: путешественники, которые оказались к моменту начала войны на территории Германии и Австро-Венгрии, подверглись обструкции и столкнулись к необходимости возвращаться в Россию окольными путями. Любимые обеспеченной русской публикой курорты в союзной Франции – скажем, на Ривьере, – также оказалась практически недостижимыми, так как путь туда пролегал сквозь линии фронта.

Уже в первые дни после начала войны, когда, по выражению члена Государственного совета, статс-секретаря А.С.Ермолова, «грянул гром из ясного неба и разразилась над Европою военная гроза, которая застигла тысячи и десятки тысяч наших соотечественников на разных заграничных курортах... славящихся своей живописной природой, на морских побережьях, среди горных долин и т.п.», при Медицинском совете Министерства внутренних дел была образована под председательством профессора Н.П. Симоновского особая комиссия, которая «подробно и всесторонне рассмотрела вопрос о мерах к улучшению отечественных лечебных местностей и признала необходимым созвать для этой цели Всероссийский съезд»⁴⁹⁰.

⁴⁸⁹ Мальгин А.В. Указ. соч. С. 237.

⁴⁹⁰ Ермолов А.С. Русский туризм и отчизноведение. С прил. устава "Рус. о-ва туризма и отчизноведения". Петроград, 1915. С. 3-7.

Съезд был призван собрать мнения специалистов по вопросам «улучшения русских лечебных местностей как для восстановления здоровья и сил предвидевшихся многочисленных жертв войны, так и для предоставления в будущем русским людям, прежде отправлявшихся для лечения за границу, возможности пользования русскими минеральными водами, посещения русских курортов, лечебных и климатических станций»⁴⁹¹. Он состоялся с 7 по 11 января 1915 г. в столичном Таврическом дворце (резиденции Государственной Думы) и привлек 1199 специалистов и общественных деятелей со всех концов России. На съезде было представлено 400 докладов, из которых заслушано 200. Осуществленная в том же 1915 году публикация стенограмм докладов и постановлений съезда потребовала шести томов объемом порядка трехсот страниц каждый, один только справочный аппарат, размещенный в финальном (шестом) томе занимал более сотни страниц⁴⁹².

Весь этот объем материала до сих пор практически не введен в научный, историографический оборот. Несколько докладов, имеющих отношение к курортам Северного Кавказа, воспроизведены в монографии В.С. и Л.И. Краснокутских (по их мнению, съезд внес «значительный организационный вклад» в переустройство курортов Кавминвод для нужд фронта, «конкретизировал меры по перепрофилированию курортов для лечения больных и раненых воинов»)⁴⁹³. Изредка встречаются ссылки на материалы съезда и в других публикациях (однако подчас даже название Съезда, его дата приводятся некорректно). Этого явно недостаточно, имея в виду, что это источник, рисующий подробнейшую картину состояния курортного дела, да и, в целом, в известной степени, уровня благоустройства регионов России на 1915 год, изложенную экспертами, имевшими непосредственное отношение к развитию внутреннего хозяйства страны – представителями земств, врачами, учеными, архитекторами и строителями.

⁴⁹¹ Там же.

⁴⁹² Труды Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей // Под ред. д-ра мед. П.Н. Булатова. Т. 1. Вып. 1-3. 975 с. Т. 2. Вып. 4-6. Пг., 1915.

⁴⁹³ *Краснокутский В. С.* Курорты Северного Кавказа в период Первой мировой войны. Пятигорск, 2019. С. 207.

По итогам съезда было создано Русское общество туризма и отчизноведения, поставившее своей целью «распространение любви к путешествиям по России и интереса к ее познанию в широких кругах населения». «Немало между нами таких лиц, которые исходили все Альпы, посетили все интересные местности Италии и в то же время совсем не знают Кавказа, Урала, а тем паче Сибири и наших среднеазиатских владений. Не пора ли, однако, этому положить предел?» – гласила, в частности, преамбула к проекту Устава⁴⁹⁴. По приведенным там же подсчетам, «от 100 до 200 миллионов рублей в год, золотой поток из году в год шел в пользу иностранцев и в ущерб финансовым и экономическим интересам русского народа. Такая добровольная дань чужеземцам, наверное, во много раз превышала ту, которую наши предки некогда выплачивали татарским ханам и баскакам»⁴⁹⁵.

Среди учредителей общества были члены Государственного совета А.С. Ермолов и Г.Е. фон Рейн, сенаторы Н.Д. Чаплин и Н.А. Султан-Крым-Гирей, другие видные сановники. Для популяризации путешествий по России и знаний об ее курортах Обществом было решено начато издание журнала «Русская Ривьера», на страницы которого также, несомненно, следует указать как на перспективнейший источник для изучения интересующей нас темы. Перспективным направлением работы могли бы служить и формализованные методы информационного поиска, для чего текст отчетов о работе съезда должен быть переведен в машиночитаемый вид и обработан с помощью специальных компьютерных программ контент-анализа. Опыт подобной работы со стенограммами заседаний Первой государственной думы, осуществленный Н.Б. Селунской и Л.И. Бородкиным, доказал свою эффективность в плане извлечения неявно выраженной, отражающей смысловую структуру текста информации⁴⁹⁶.

⁴⁹⁴ Ермолов А.С. Русский туризм и отчизноведение... С. 5.

⁴⁹⁵ Там же. С. 6.

⁴⁹⁶ Селунская Н.Б., Бородкин Л.И. и др. Становление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996.

По крымской проблематике на Съезде было сделано семнадцать докладов. Из них наиболее показательными и информативными являются три - владелицы курорта Суук-Су О.М. Соловьевой, председателя Ялтинской земской управы Н.Н. Богданова и инженера В.М. Родевича .

История курорта Суук-су (в переводе с крымскотатарского «холодная вода») неплохо описана в литературе, не в последнюю очередь потому, что в советское время на этой территории расположился всесоюзный пионерский лагерь «Артек»⁴⁹⁷. В 1897 году инженер путей сообщения, прославленный строитель мостов В. И. Березин и его вторая жена О.М. Соловьева приобрели землю в местности Суук-Су, чтобы устроить коммерческий курорт по образу и подобию соседнего Гурзуфа, основанного на десять лет раньше знаменитым предпринимателем П.И. Губониным. Три года спустя Березин умер, оставив жене солидное состояние и несколько построенных зданий, а в июле 1903-го новый крымский курорт стал принимать первых посетителей. К услугам курортников были шесть гостиниц с двумя сотнями номеров со всеми удобствами. Кроме того, Соловьева решила первой в Крыму открыть настоящее казино с рулеткой, на манер казино в Монте-Карло, приносившего огромные барыши уже начиная с конца 1860-х годов. Проект и строительство здания осуществил ялтинский архитектор Н.П. Краснов; роспись залов, в том числе огромная восьмиметровая работа «Садко в гостях у морского царя» была сделана художником В. И. Суриковым в качестве гонорара за отдых в Суук-су в 1911 году. Здание, однако, по прямому назначению ни разу не использовалось – разрешения от властей на открытие казино Соловьева так и не дождалась.

К 1913 году курорт мог принять 300 гостей одновременно, но хозяйка была все равно недовольна. В своей речи на Съезде она сетовала, что «той публики, на которую он был рассчитан, которая свои летние путешествия на курорты ежегодно направляла за границу, курорт Суук-Су не привлек», виной чему было, по ее мнению, «в первую очередь традиционное пренебрежение ко всему

⁴⁹⁷ *Мальгин А.В.* Указ. соч. С. 121-123.

русскому и преклонение перед границей». Виной тому Соловьева считала, в первую очередь, проблемы транспортной доступности и связанности Южного берега, а также крайне низкий уровень благоустройства общественных мест: по словам Соловьевой, «курорты, прославленные в литературе, как «алмазы и жемчужины» крымского побережья, оказываются вставленными, к сожалению, в такую плохую оправу, которая лишает их права на конкуренцию с курортами запада»⁴⁹⁸.

О том, что при отсутствии должного уровня благоустройства «Крым сделался проходным местом», где в силу скученности населения, отсутствия во многих местах, особенно татарских деревнях, водопровода и канализации, плотной застройки побережья, устаревшей системы транспортного сообщения может резко ухудшиться санитарное состояние и начать свирепствовать эпидемии», с тревогой рассуждал в своем докладе на Съезде и председатель Ялтинской уездной земской управы Н.Н. Богданов⁴⁹⁹. Потомственный дворянин, уроженец Рязанской губернии Н. Н. Богданов жил на Южном берегу Крыма с 1910 г., когда закончил строительство собственной дачи в Новом Симеизе, был избран председателем Общества благоустройства Нового Симеиза, а в дальнейшем гласным, а затем и председателем Ялтинской земской управы. Подробней о биографии Н.Н.Богданова речь пойдет ниже, в гл. 3. Богданов активно ратовал за проведение на ЮБК железной дороги: «без железной дороги, без трамвая Крым еще на многие десятки лет останется пустыней, несмотря на удивительные лечебные свойства своего климата и редкую живописность своего ландшафта,» – писал Богданов⁵⁰⁰.

С Н.Н. Богдановым соглашался еще один докладчик – имевший также, как Богданов, две дачи в Новом Симеизе инженер-гидролог В.М. Родевич. Дачи

⁴⁹⁸ Соловьева О.М. Доклад владелицы курорта Суук-Су на Южном берегу Крыма Ольги Михайловны Соловьевой, прочитанный на Съезде (7-го-11-го января 1915 г.) по улучшению отечественных лечебных местностей в Петрограде. Петроград, 1915.

⁴⁹⁹ Богданов Н.Н. О нуждах южного берега Крыма, как лечебной местности: Доклад пред. Ялтинской уезд. земской управы Н. Н. Богданова. Ялта, 1912. С.4.

⁵⁰⁰ Там же.

были куплены в 1912 и 1913 годах и оформлены на его жену, Нину Константиновну Родевич. Она была потомственной дворянкой, дочерью контр-адмирала Константина Степановича Старицкого (1839-1909). В 1912 г. Родевичи купили землю в Симеизе и построили пансион «Камея». Еще через год, в 1913-м Родевича назначили заведующим бюро изысканий при управлении внутренних водных путей и шоссейных дорог России - тогда в Симеизе было куплено еще два участка по соседству, и за год построена вторая дача «Дельфин»⁵⁰¹.

На Съезде Родевич выступил с докладом «Курорт-поселок Новый Симеиз и мероприятия для его благоустройства», где говорил, что Новый Симеиз и его окрестности надо объявить лечебной местностью, имеющей общественное значение; запретить многоэтажную застройку, сохранить дачный вид поселка с преобладанием садов и невысоких домов; наладить сообщение с Алупкой, Ялтой, отремонтировав и расширив дороги, проложить железную дорогу от Севастополя с остановкой в Симеизе; построить общественный дом для собраний. Государственные субсидии для этих целей инженер Родевич оценил в 150 тысяч рублей⁵⁰².

Необходимость усовершенствования транспортной связанности курортов Южного берега, упорядочивания застройки и озеленения, улучшения гигиенической обстановки подчеркивалась и остальными докладчиками по крымской теме. В журнале заседаний Съезда отражен любопытный факт: заслушав пять докладов, председатель предлагает последующим докладчикам ограничиться только чтением положений «во избежание повторений»⁵⁰³.

Еще три доклада по вопросам проектирования, благоустройства и строительства курортов в России были представлены на съезде от Общества архитекторов-художников, один из них сделал архитектор И.А. Фомин, который осенью того же года будет избран академиком архитектуры. Главными тезисами стали

⁵⁰¹ Карагодин А.В., Петрова М.М. Старые дачи Симеиза: «Камея» инженера В.М.Родевича // «Ялтинские вести». 2020. №47. 05.12.2020.

⁵⁰² Труды Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей... Т. 2. С. 280-285.

⁵⁰³ Там же. С.XVII.

критика стихийного развития городов и курортов в России и Европе, необходимость перспективного проектирования и введения общих правил застройки и благоустройства, ограничения высоты зданий и плотности застройки. Докладчик призывал начинать проектировать курорты, как города-сады, ссылаясь на выпущенную в 1911-м на русском языке книгу Эбинизера Говарда «Города-будущего», провозглашавшую идею города-сада. Доклад на схожую тему подготовил и видный инженер-градостроитель из Харькова М.Г. Диканский. Впоследствии, в том же 1915 г. М.Г. Диканский выпустил брошюру «О русских курортах», где развил тезисы, высказанные в своем докладе на Съезде.

По его мнению, значение Съезда состояло в том, что «не только широкая публика, но и присутствовавшие на съезде в большом числе врачи принуждены были сознаться, что они не были осведомлены об огромных целебных богатствах России»⁵⁰⁴. Важнейшим из выводов, сделанных в ходе дискуссий на съезде, Диканский считает следующий: «Из двух факторов, обуславливающих развитие курорта, узкоцелебные агенты играют лишь подчиненную роль. Лечебная сила курорта заключается не столько в его грязях и источниках, сколько в общей обстановке жизни на курортах... способности дать посетителю максимум душевного и телесного покоя, в создании своего рода ничего ненарушимой гармонии между красотами природы, лечебной и бытовой частью данного места и психикой больного. Создается же такая гармония только благоустройством курорта в самом широком смысле этого слова, то есть тем качеством, которое так тщательно и старательно культивируется за границей и, к сожалению, находится в полном пренебрежении у нас.... Мало улучшать в деталях существующие курорты - надо думать о том, чтобы в правильной системе создавался их материальный субстрат, надо установить систему строительства курортов в тесной связи с общим

⁵⁰⁴ Диканский М.Г. О русских курортах: По поводу первого съезда по улучшению отеч. лечеб. местностей. Петроград, 1915. С. 7-8.

оздоровлением наших поселений, надо заблаговременно и планомерно заботиться о том, чтобы постройка лечебных мест была культурно-общественным строительством»⁵⁰⁵.

Григорий Москвич, известный автор путеводителей и учредитель экскурсий, в своем докладе «Задачи туризма в России» соглашался: «Нельзя сказать, что слабое развитие туризма объясняется отсутствием в России или недостатком красот природы, достойных самого живейшего интереса со стороны широкой публики.... Наоборот, эта нужда давно существует, но не было энергии частных лиц, предприятий и общественных органов, а главным образом, благоприятных административных условий, чтобы давно назревшую нужду в туризме удовлетворять широко и планомерно»⁵⁰⁶. По словам Москвича, «для возрождения русских курортов, помимо устранения недостатков транспортных и бюрократических, необходимо <...> самое широкое развитие туристических, экскурсионных предприятий... курорты и туризм - две стороны одного и того же дела, друг друга взаимно дополняют и поддерживают». Среди причин слабого развития в России «экскурсионных предприятий и самих экскурсий» Москвич называет «прежде всего, недостаток удобных путей сообщения или даже отсутствие их... так, в живописнейшем Крыму отсутствуют железные дороги и электрический трамвай». Подчеркивал Москвич и необходимость рекламы: «раздаваемые бесплатно в сотнях тысяч и миллионах экземпляров проспекты и брошюры - от скромных открыток до шикарных альбомов - делают свое дело и мы, русские, знаем имена и особенности западно-европейской природы больше, чем отечественные достопримечательности, гибнущие без энергии частных лиц и умелой рекламы в забвении»⁵⁰⁷.

Предпринимались ли попытки реализовать высказанные на Съезде намерения на практике? В литературе до сих пор встречались лапидарные указания

⁵⁰⁵ Там же. С. 17-18, 54.

⁵⁰⁶ Труды Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей... Т. 2. Вып. 4-6. С. 124-134.

⁵⁰⁷ Там же. С. 132.

на попытки создания «городов-садов» на слабо освоенном (и-за отсутствия дорог) западе ЮБК, оставшиеся не реализованными из-за войны и последующей революции. Так, в сборнике «Градостроительство России середины XIX - начала XX века» под редакцией Е.И. Кириченко находим пассаж: «воплощением новейших градостроительных идей в области курортного строительства стали не осуществленные проекты новых городов-курортов на Южнобережье – Фороса и Ласпи (1916)... Генеральный план Ласпи может служить определенной моделью идеи рационально спланированного крымского курорта начала XX в.... план застройки наметил известный столичный архитектор И.А. Фомин»⁵⁰⁸.

Напомним: согласно периодизации развития дачного строительства как социокультурного феномена, предложенной историком архитектуры М.В. Нащокиной, в 1910-х гг. начинается его третий этап, содержательно раскрываемый как «теоретические попытки объединения основ организации европейских городов-садов с практикой строительства дачных поселков в России»⁵⁰⁹.

Обращение к биографиям выдающегося русского советского архитектора И.А.Фомина подтверждает: в 1916 году он действительно разрабатывает многочисленные эскизы и планы города-курорта Ласпи на западе Южного берега Крыма⁵¹⁰. Как пишет впервые обнаружившая в конце 1950-х в Музее истории Санкт-Петербурга генплан курорта Ласпи работы И.А. Фомина В.Л. Ружже, «в проекте не было ничего общего с господствовавшим тогда в практике ремесленным землемерным подходом к планировке и застройке городов и селений...Это был переход от отдельного сооружения к локальному комплексу, району, а от него – к ансамблю города. В этом переходе от частной темы к темам большого общественного содержания в какой-то мере отразился предреволюционный общественный подъем в России»⁵¹¹.

⁵⁰⁸ Градостроительство России середины XIX –начала XX века. Кн. 2. Под общей редакцией Е.И. Кириченко. М., 2003. С. 346.

⁵⁰⁹ Там же. С. 353.

⁵¹⁰ Лисовский В.Г. Иван Фомин и метаморфозы русской неоклассики. СПб., 2008. С. 302-303.

⁵¹¹ Ружже В.Л. Генеральный план курорта Ласпи // Советская архитектура. 1963. № 15. С. 157.

Территория Ласпи по генеральному плану составляла около 750 га., в нем при одноэтажной усадебной застройке и большом размере участков (от 1/4 до 1 га) должны были жить четыре с половиной тысячи человек. Фомин детально зарисовал более ста сооружений: гостиницы, казино, санатории, театр, стадион, церковь, транспортные и хозяйственные постройки, монументы и скульптурные памятники. Были запроектированы гигантская площадь, набережная, прямые перспективы улиц, гавань, огромные административные и общественные здания с куполами и многоквартирными портиками, виллы, утопающие в зелени роскошного парка с гротами, статуями и фонтанами.

Многочисленные эскизы И.А. Фомина, выполненные для проекта города-сада Ласпи, обнаруженные нами в Музее архитектуры имени А.В.Щусева в Москве, несомненно, заслуживают изучения, популяризации и более обстоятельного введения в информационный оборот.

При этом в публикациях, посвященных архитектору И.А. Фомину и его проекту, содержалось очень мало информации о самом курорте, его учредителях, структуре и т.п. Между тем, в РГБ нами была обнаружена отпечатанная типографским способом Записка от 21 апреля 1915 года об утверждении Общества Крымских климатических станций и морских купаний и иллюстрированный рекламный проспект будущего курорта. Одновременно в содержащем документы по национализации частных имений Южном берега Крыма в 1920-1921 гг. фонде Ф. Р-361 ГАРК в Симферополе обнаружился Акт приемки имения Ласпи бывшего Акционерного общества Крымских климатических станций и морских купаний в управление Южнобережными советскими хозяйствами Крыма, подписанный 30 декабря 1920 г. управляющим Георгием Алексеевичем Копинским. Помимо Акта, в деле (ф. Р- 361, оп.1, д. 34) содержатся и другие важные документы: подписанная Г.А. Копинским пояснительная записка, излагающая историю создания курорта, Генеральный план устройства курорта Ласпи, «составленный петербургским инженером И.А. Фоминым» (илл. 13), а также список акционеров курорта, в котором, помимо самого архитектора И.А.Фомина, можно

обнаружить немало известных всей России фамилий - от художника И.Я. Билибина, артиста императорских театров Ф.И. Шаляпина, профессора истории М.И. Ростовцева до председателя правления Общества Рязанско-Уральской железной дороги Ф.И. Шмидта, других видных промышленников и предпринимателей.

Согласно этим документам, имение Ласпи принадлежало Акционерному обществу Крымских климатических станций и морских купаний, состоявшему из 248 пайщиков, преимущественно – лиц свободных профессий, интеллигентного и умственного труда⁵¹². Таким образом, является фактической ошибкой приведенная в сборнике «Градостроительство» под ред. Е.И. Кириченко информация о том, что «идея города-сада Ласпи родилась у Алчевских»⁵¹³ (Алчевские действительно владели землями на Южном берегу, но в совершенно другом месте, возле Кикенеиза). Общая площадь имения составляла 706 десятин. Согласно записке Г.А. Копинского, «изначально имение Ласпи было основано в 1806 г. французом Рувье с целью разведения по поручению русского правительства первой опытной плантации в Крыму из выписанных из Испании виноградных лоз. Потом Ласпи принадлежало в нескольких поколениях богатой семье Вассалов, которые не извлекали из имения доходов, но и не делали затрат. В имении находится лишь небольшая экономия и около 10 десятин запущенных виноградников <...> Виктор Антонович де Плансон приобрел право купить это имение из 744 дес или 1786 кв саж за 1800000 руб., то есть около 1 руб за кв саж., и от него оно попало в руки О-ва Крымских климатических станций и морских купаний. Курорт нуждался в инвестициях для благоустройства, которые оцениваются в 20 млн. рублей на три года, поэтому было учреждено Акционерное общество – с учетом обязательных правил, которые дадут возможность сохранить навсегда за Ласпи характер города-сада, <...> все соорудить без излишней роскоши, но основательно и с соблюдением художественных требований»⁵¹⁴.

⁵¹² ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

⁵¹³ Русское градостроительное искусство... С.346.

⁵¹⁴ Записка об учреждении Общества крымских климатических станций и морских купаний : Культур. поселок "Ласпи" в Крыму. Петроград, 1915. С. 12.

После инвестиций в благоустройство предполагалось поднять стоимость кв. сажени до 5-7 руб. Для сравнения авторы записки указывали, что в более благоустроенных курортах ЮБК – Симеизе, Ай-Тодоре, Алушке-Сара - цена квадратной сажени доходит до 30-75 руб. за кв. саж., а в соседних имениях - от 6 до 15 руб за кв. саж., в имении Бати-Лиман и имении Комперия г-жи Прикот (к западу и востоку от Ласпи соответственно) – от 6 до 14 руб. Была открыта подписка на акции, выбран временный исполнительный совет из 25 лиц и издан иллюстрированный проспект⁵¹⁵. Его текст в целом повторяет текст Записки (добавлены несколько рекламных фраз, упирающих, к примеру на то, что средняя годовая температура Ласпи близко подходит к температуре Ниццы, и что после постройки Крымской железной дороги с электрической тягой из Севастополя до Ласпи можно будет доехать за полчаса, из Петрограда - за 39 часов, из Москвы за 24 часа), и снабжен 19 черно-белыми фотографиями девственной природы курорта и двумя картами - южной оконечности Крымского полуострова и имения Ласпи.

Однако, как пишет Копинский, «осуществить такой грандиозный план оказалось не под силу Об-ву.. все работы были приостановлены в 1918 г.». Согласно Акту, строительство курорта толком не начиналось: «почти все имение покрыто лесом, составлявшим красу и гордость Ласпи... Ласпи совершенно не коснулась культура – здесь только одно мало-мальски сносное, с некоторыми удобствами здание для жития. Это большой каменный дом, где находится контора из трех комнат и квартира из 6»⁵¹⁶.

Встречаются в литературе и упоминания об еще одном несостоявшемся «городе-саде» – в имении Г.К. Ушкова Форос. История этого имения началась еще в годы присоединения Крыма к Российской империи и связана с именем Г.А. Потемкина⁵¹⁷. У предпринимателя А.Г. Кузнецова (1856-1895), внука «чайного короля России» А.С. Губкина, было слабое здоровье, поэтому он решил купить

⁵¹⁵ Ласпи: Альбом фотографий. Петроград, 191?.

⁵¹⁶ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 3. Л. 35-37.

⁵¹⁷ *Фирсов П.П.* Форос. Страницы истории. Симферополь, 2004.

землю в Форосе на Южном берегу и построить себе дом. На скале над Форосом в 1892 году был воздвигнут храм в честь спасения императорской семьи при крушении поезда в Борках (архитектор Н.М. Чагин), а на рейде стояла паровая яхта «Форос» – одна из самых больших в Европе. После смерти Кузнецова южнобережное имение перешло сначала к его сестре (которая была замужем за владельцем химических заводов К. К. Ушковым), а потом к ее наследнику Г. К. Ушкову. Он перестроил особняк под отель, рядом возвел конюшню и ипподром и имел далеко идущие планы на всю остальную территорию. В 1916 году ялтинская пресса сообщала: «Г. К. Ушаков устраивает огромный курорт, создание которого будет стоить около 6 млн. руб. Здесь будет город-сад с гостиницами, санаториями. Часть имения будет разбита на участки, которые будут продаваться частным лицам для застройки»⁵¹⁸.

Залогом успеха своей затее Ушков считал строительство Южнобережной железной дороги от Севастополя к Ялте со станцией в Форосе. Он ездил набираться опыта в Соединенные Штаты, участвовал в спорах с конкурентами, добился высочайшего одобрения своего проекта⁵¹⁹. Однако революция и гражданская война поставили крест на замыслах Ушкова. Заготовленные для Южнобережной дороги рельсы были использованы для устройства путей для бронепоездов Врангеля. Ушков эмигрировал в Константинополь и скончался в Афинах в 1929 г., а в его имении устроили санаторий ЦИК «Форос»⁵²⁰.

Подробности проекта устройства города-сада в Форосе в литературе, однако, не раскрывались. Между тем, в фондах РГБ нами обнаружен рекламный проспект «Город и курорт-сад Форос. Крым. Байдарские ворота. 1917 г.», отпечатанный в Москве в 1917 г. в типографии А.И.Мамонтова на Арбате (илл. 14). Согласно этому тексту, «роскошное частновладельческое имение Форос на Южном берегу Крыма в течение пятнадцати последних лет специально и системати-

⁵¹⁸ Русская Ривьера. 1914. №104. 9.05.1014.

⁵¹⁹ Несколько замечаний по поводу записки г. Ушкова: "Железная дорога Севастополь - Алушта". Б.м., 191?

⁵²⁰ Фирсов П.П. Указ. соч.

чески подготовлялось для устройства образцового курорта и в связи с последним, единственного по красоте расположения и благоустройства города-сада. Марта 9-го дня 1916 г. состоялась торжественная закладка форосского курорта по одобренному правительственной властью и общественными учреждениями и утвержденному ими плану. Военные и внутренние события не позволили немедленно, вслед за утверждением плана, оформить купчие крепости на продажу разбитых в Форосе участков, хотя желающих приобрести таковые, по предварительной записи, оказалось более ста человек, на сумму более 41/2 миллионов рублей. В настоящее же время, благодаря многим причинам, вызванным государственным переворотом, наступает момент, когда идея устройства образцового курорта и единственного по красоте города-сада может быть быстро осуществлена»⁵²¹.

Вполне ясно излагается в проспекте идеология города-курорта: «Идея устройства европейски оборудованного курорта в связи с устройством вокруг него дачного поселка на культурных основаниях возникла еще в 1902 году и совершенно случайно совпала с получившей большую известность в последнее время идеей англичанина Эб. Говарда об устройстве городов-садов. Правда, город-сад Форос благодаря местным условиям будет неизмеримо красивее и роскошнее городов садов, основанных под влиянием идеи Говарда не только в Англии, но где бы то ни было. <...> Следует предоставить каждому будущему жителю города-сада Форос возможность иметь, правда небольшую, но земельную собственность, не с целью наживы, эксплуатации или перепродажи, а с целью обустройства домашнего очага, как это англичане и американцы подозревают под словом home, где бы никто и ничто не нарушало покоя его обитателей <...> будущий житель города-сада Форос мог бы пользоваться не только благами природы, но и благами современной культуры, и притом за цену доступную не

⁵²¹ Курорт и город-сад "Форос". Крым. Байдар. ворота. 1917 г.: (Описание и краткое описание продающихся участков). М., 1917. С. 4.

только исключительным богачам, а обыкновенным интеллигентным лицам, понимающим смысл в современных приобретениях науки и культуры, облегчающих, украшающих и облагораживающих жизнь»⁵²².

Преимущества будущего города-сада рекламировались, что важно, на контрасте с недостатками существующей застройки Южного берега: имение «не испорчено предшествующими, неумелыми предпринимателями, как это, к сожалению, нужно констатировать в отношении почти всех местностей Южного берега Крыма, например, например, в Ялте, благодаря которым в каких-нибудь 30 лет последняя превратилась из красивой дачной местности в славящийся своей грязью и антисанитарией обыкновенный уездный городок, метко прозванный всероссийской плевательницей». Для этого на покупателей участка накладывались обязательства - к примеру, «обязательный приступ к застройке участка, приведению его в порядок и подготовка к обязательной посадке растений в палисадник спустя год после покупки или в случае неокончания войны в 1917 г год спустя после прекращения военных действий»⁵²³.

Больше половины рекламного проспекта – с 39 по 90 страницы – занимает краткое описание каждого из выставленных на продажу участков. Всего, как видно из проспекта, было подготовлено к продаже 200 участков, от 12 до 200 р за кв. саж. Желающим приобрести участок предлагалось уведомить контору курорта, прислав заполненным приложенный к проспекту бланк, а дождавшись от конторы подтверждения – перевести в недельный срок в виде задатка 25 процентов стоимости участка на текущий счет Г.К. Ушкова в Азовско-Донском банке.

«Нужно помнить, - заключает рекламный проспект – что благодаря падению курса рубля возможность найти дешевый, спокойный и уютный приют за границей будет почти совершенно исключена на много лет. Поэтому волей неволей, всем культурным людям в России приходится искать мест, где можно

⁵²² Там же. С. 36.

⁵²³ Там же.

было бы устроить свою жизнь более спокойно и комфортабельно, чем в существующих больших и малых центрах и пригородных дачных местностях»⁵²⁴.

Из текста проспекта очевидно, что к нему прилагался и план курорта Форос, ныне в хранящемся в РГБ документе, увы, отсутствующий. Однако он был обнаружен нами в онлайн-базе ретрокарт – на созданном любителями истории и краеведения историко ориентированном тематическом сайте retromap.ru⁵²⁵. Увы, источник происхождения документа на сайте не раскрывается – однако анализ карты позволяет удостовериться в его достоверности.

Любопытно, что планы создания городов-курортов, вдохновленных идеями Говарда, вынашивались в те же годы и на черноморском побережье Кавказа. Так, 9 марта 1916 г. было образовано акционерное общество «Курорт Лиран» с основным капиталом в полтора миллиона рублей, разделенных на 30 000 акций по 50 руб. каждая. Директором правления был избран инженер и архитектор А.И. Зазерский (1878 – 1942), который совместно со своим коллегой Л.А. Ильиным (1880 – 1942, будущим первым главным архитектором Петрограда) разработал комплексный проект застройки курорта близ Сочи. Объявлялись и другие проекты⁵²⁶.

Отсутствие железной дороги вдоль ЮБК, на которое как на главный тормоз развития региона указывали почти все современники, от всех до единого докладчиков на Съезде по улучшению отечественных лечебных местностей до авторов рекламных проспектов курортов Ласпи и Форос, сыграло свою негативную роль и в годы войны. Военные действия в Черном море парализовали торговое и пассажирское судоходство. Севастополь, будучи военной базой Черноморского флота, оказался закрыт для публики: курортникам оставался лишь дорожный транспорт, который и в довоенные годы не отличался дешевизной: по данным, приводившимся на Съезде по улучшению отечественных лечебных местностей, стоимость проезда от Севастополя до Ялты на лошадях равнялась

⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ План курортного поселка Форос 1915 года. [Электронный ресурс]. URL:<http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=8720> (Дата обращения – 12.09.2022).

⁵²⁶ Бусырева Е.П. Лев Ильин. СПб., 2008.

стоимости железнодорожного билета от С.-Петербурга до Севастополя (более 20 руб.)⁵²⁷ По словам А.В. Мальгина, «сразу же оказалось, что его явно недостает, выявились и все недостатки Южнобережного шоссе, с которыми мирились прежде, поскольку основная масса приезжавших пользовалась морским сообщением. К 1916 г. цены на проезд экипажами и в автомобилях из Симферополя на Южный берег выросли в четыре-пять раз против довоенных. Автомобильный парк по случаю военных действий не обновлялся, машины часто ломались. Всеобщим явлением стали перебои с продуктами, которые подолгу не завозились в южнобережные курортные местечки»⁵²⁸.

Однако, вопреки всему, в военное время жизнь на курортах была ключом: как и предсказывали участники Съезда, если раньше богатые русские пренебрегали родными берегами, предпочитая Баден-Баден, Италию и французскую Ривьеру, то теперь путь в охваченную боевыми действиями, перерезанную фронтами Европу был заказан – и толстосумы потянулись в Крым и на Кавказ. Многие из обитателей Южного берега того времени оставили дневники, мемуары, переписку, зафиксировавшие интереснейшие детали эпохи; некоторые из этих документов уже хорошо известны историкам, а другие только вводятся в научный оборот.

Так, любопытную информацию о жизни на Южном берегу и в Севастополе в 1915-19 гг. года можно почерпнуть в воспоминаниях выдающего ученого-биолога, в юности – одного из дачников южнобережного курорта Новый Симеиз И.И. Пузанова, опубликованных в трех томах в Одессе в 2015 г. тиражом всего 50 экз. Фрагмент мемуаров, посвященный Крыму военного и революционного времени, был вновь опубликован с целью популяризации в 2019 г. Н.Д.Борщик⁵²⁹.

⁵²⁷ Труды Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей... Т. 2. Вып. 4-6. С. 311.

⁵²⁸ Мальгин А.В. Русская Ривьера... С. 328.

⁵²⁹ Борщик Н.Д. Воспоминания о Крыме... С. 142–196.

И.И.Пузанов родился в Курске в 1885 г. Его отец Иван Васильевич был известной в городе персоной, зажиточным купцом и меценатом, владел гостиницей и магазинами, покровительствовал искусствам, сам любил играть в театре. В бывшем особняке Пузанова на улице Ртищева сейчас расположена Курская областная картинная галерея. Купец Пузанов скончался в 1905 г., а за два года до этого купил за три с половиной тысячи рублей на имя жены Варвары Васильевны участок земли в дачном поселке Новый Симеиз, созданном наследниками разорившегося промышленника С.И. Мальцова. Покупке в немалой степени способствовало предпринятое годом ранее, летом 1900 года путешествие семьи Пузановых в Крым, в соседнюю с Симеизом Алупку. Позднее, уже в 1934 году, И.И. Пузанов написал поэму - признание в любви к Южному берегу Крыма, где есть такие строчки: «Блаженно было бесконечно то лето – первое в Крыму, когда носился я беспечно в хаосе, в парке. Одному хотелось быть, чтоб пить запоем дыханье моря, солнца блеск, в полуденном чтоб слушать зное цикад осатанелых треск»⁵³⁰.

Проект симеизской дачи Пузановы заказали не местным архитекторам и строителям, а молодому талантливому зодчему из Харькова М.Ф. Пискунову, ученику именитого архитектора А.Н. Бекетова. Пискунов придумал изящное здание в модном тогда стиле модерн – с высокими башенками, из кладки которых вырастали кованые хризантемы, маками на длинных, упругих стеблях, свисающими из-под козырька, линиями металлических решеток балконов, напоминающих мощную корневую систему растений, поясом из красочной бело-синей майоликовой плитки. Дача насчитывала четырнадцать комнат, использовалась для жилья хозяев и сдачи внаем (так, в годы гражданской войны здесь жил критик С.К. Маковский). Рядом был построен флигель, которые Пузановы называли «педагогическим» – кузен Пузанова, В.В. Алехин также стал естествоиспытателем, геоботаником, и во флигеле постоянно гостили молодые ученые.

⁵³⁰ Пузанов И.И. Талипот: стихотворения. М., 2011.

Стройку дачи в общих чертах закончили в 1907 году, а тремя годами ранее Иван Пузанов, окончив гимназию, поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Каждое лето он проводил на симеизской даче (семья занимала нижний этаж, комнаты верхнего отдавались внаем), где под его предводительством собиралась компания влюбленных в природу и путешествия детей других симеизских дачников. Старшего товарища Пузанова они называли «Иваничем». Их совместные вылазки в горы, причем не только в окрестности Симеиза – скажем, на потухий вулкан Пиляки, – но и в горы Кавказа – много лет спустя Пузанов опишет в своих мемуарах, которые содержат множество деталей, характеризующих повседневную жизнь обитателей нового дачного курорта. В 1909 г. во время очередных каникул Пузанов изучал под руководством директора Севастопольской биологической станции С.А. Зернова фауну Черного моря: эти исследования впоследствии помогут ему в организации первых рыбколхозов в Ялтинском районе в 1921–1922 гг., когда на Южном берегу будет свирепствовать голод.

Именно в Симеизе летом 1915 года молодой магистрант Московского университета Пузанов встретил и свою будущую жену Евгению Галицкую. В мемуарах Пузанов описывает, как провожал девушку через парки Симеиза к вилле «Ксения», где та снимала номер. В ноябре в Москве сыграли скромную свадьбу (денег в семье было мало, так как жулик-управляющий активами Пузановых в Курске оставил вдову купца практически без дохода), а весной 1916 г. сотрудника кафедры сравнительной анатомии Московского университета Пузанова призвали в армию. Пройдя подготовку в Пулковской обсерватории, он получил назначение в Черноморскую военно-метеорологическую станцию в Севастополь, где его и застало крушение самодержавия, которое он поначалу встретил с энтузиазмом («У всех, - пишет Пузанов, - вырвался вздох облечения»), однако уже в декабре 1917-го чуть не попал под горячую руку революционных матросов.

Тем не менее, вопреки всему, в том числе и лишившись симеизской дачи, Пузанов остался в Крыму и в России: он участвовал в создании Таврического

университета в Симферополе, стал приват-доцентом, на протяжении многих лет возглавлял кафедру зоологии. Начиная с зимы 1918 года Пузанов проводил огромную работу по сохранению и восстановлению природы Крыма: боролся с истреблением лесов на дрова, издавал книги и путеводители, участвовал в создании в 1923 г. Крымского государственного заповедника, организовал там научную работу (потом, уже после Великой отечественной войны, именно Пузанов вновь восстанавливал Крымский заповедник). В своей книге «По нехоженому Крыму» и мемуарах Пузанов рассказывает, как на велосипеде колесил по любимому полуострову вдоль и поперек по делам защиты природы⁵³¹. Он был председателем Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, ученым секретарем Крымского научно-исследовательского института национально-курортного строительства и краеведения, председателем Комиссии по охране природы. За такой огромный объем научной и общественной работы Пузанов был удостоен звания профессора без защиты диссертации.

Удовольствие и научный интерес шли рука об руку В 1923 г. со своим другом, астрономом Симеизской обсерватории В.А. Альбицким Пузанов совершил путешествие в Большой каньон Крыма, в котором раньше никогда не был. Теснина каньона его настолько потрясла, что на следующий год он организовал его научное исследование, а в 1925 г. создал кинофильм о Большом каньоне, который вышел на экраны всей страны и способствовал открытию маршрута, являющегося сегодня одним из самых популярных у путешественников по Крыму. И.И. Пузанов жил в Ялте и Симферополе до конца тридцатых годов, потом работал в Горьковском, Одесском университетах, возглавлял кафедры зоологии, но каждым летом вплоть до самой кончины 22 января 1971 года возвращался в любимый Симеиз, останавливался у своих друзей Милоданов на бывшей даче Аракина под горой Кошка и обязательно несколько раз пешком поднимался на ее вершину.

⁵³¹ Пузанов И.И. По нехоженому Крыму. М., 1960.

В мемуарах И.И. Пузанова, пока, увы, практически не введенных в информационный оборот, изданных наследниками в 2014 г. тиражом всего 50 экз., без справочного аппарата и комментариев, содержится огромное количество информации, важных деталей, характеризующих историю повседневности Южного берега Крыма в 1900-х-1920-х гг.

Так, Пузанов сообщает: «В мае 1915 г... состав курортной публики сильно изменился. Было мало видно молодежи, зато в парке и на пляжах уже в мае появилась публика, обычно в Крыму появлявшаяся только а бархатный сезон: томные расфуфыренные дама, солидные мужчины в безукоризненных костюмах <...> Все это, как оказалось, была столичная аристократия и плутократия, обычно гнушавшаяся Крымом и отдохавшая на заграничных курортах, с наступлением же войны лишенная этой возможности. В Симеизе подобной публикой были переполнены дорогие «фешенебельные» пансионы - Александрова-Дольник и «Ампир» Кошеверова»⁵³².

Выше мы уже упоминали пансион Н.К. Александрова-Дольник, возведенный в 1910-14 гг. Вышедший в 1913 г. «Путеводитель по Новому Симеизу и его окрестностям на Южном берегу Крыма» В.М. Кузьменко афиширует его как «грандиозный первоклассный пансион с электрическим освещением». Он насчитывал 70 комнат - в два раза больше, чем на самой крупной из остальных симеизских дач – и был выстроен в стиле неоклассицизма, с обилием колонн, аркадой окон, каскадом лестниц, уходящих к морю. Вдоль этажей вели коридоры, а в центральной части первого и второго были устроены залы, потолки которых украшены лепным декором и розетками. Они отапливались двумя печами, облицованными изразцами. Освещался пансион с помощью автономной электростанции. На крыше центрального ризалита находилась видовая площадка-солярий, окруженная высокими колоннами. С южной стороны был разбит парк. Стоимость номеров, как гласило объявление, поданное в путеводитель по Крыму Г. Москвича на 1912 год, составляла от 50 до 125 руб. в месяц⁵³³.

⁵³² Борщик Н.Д. Воспоминания о Крыме... С. 156.

⁵³³ Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. СПб., 1912. С.177

По справочной литературе устанавливается, что владелец пансиона Н.К. Александров-Дольник жил в Москве, где прославился тем, что дважды выигрывал в лотерею – вначале 75000 руб., а затем 200000 рублей. Двухэтажный деревянный дом Александрова-Дольника находился в Кисельном переулке на Лубянке, причем первый этаж он сдавал немцу Карлу Шпану, открывшему первую в Москве контору по продаже автомобилей фирмы «Бенц»⁵³⁴. Николай Константинович был сыном крещеного еврея из Симбирска Константина Осиповича Александрова-Дольник (1815-1889), видного деятеля науки и искусства. От рождения имевший проблемы со спиной, Александров-Дольник с лихвой искупал это энергичным нравом и коммерческой жилкой. Купив в 1910 году большой участок на берегу моря в Симеизе, а в 1912 соседний, он построил на них здание пансиона, столовую, оранжерею с домиком садовника и другие вспомогательные сооружения⁵³⁵. Все это курортное хозяйство приносило отличные доходы, которые особенно выросли в годы Первой мировой войны, когда богатая столичная публика оказалась лишена возможности выезжать на отдых в Европу и устремилась в Крым.

Не подвела интуиция Александрова-Дольник и в июне 1917-го, когда он уступил всю свою симеизскую коммерческую недвижимость «Российскому акционерному обществу санаториев и гостиниц» за внушительную сумму в 52000 руб.⁵³⁶ Вплоть до завоевания Крыма Красной армией в пансионе Александрова-Дольник располагался госпиталь: еще в ноябре 1920 г. в нем находились на лечении 357 полковников, поручиков, хорунжих, подхорунжих и урядников из казачьих частей⁵³⁷.

Что касается пансиона «Ампир», то его построил в восточной части Нового Симеиза всего за одну зиму 1912 года личный потомственный гражданин

⁵³⁴ «Полторы лошадиные силы»//Вечерняя Москва. 2017. 30.08.2017

⁵³⁵ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 213. Л. 63 об., 96 об.

⁵³⁶ Там же.

⁵³⁷ Макаров М.Н. Алушка-Симеиз. Симферополь, 1954. С. 101.

Николай Иванович Кошеверов, купивший у И.С.Мальцова сразу четыре земельных участка⁵³⁸. Н.И. Кошеверов жил в Санкт-Петербурге по ул. Знаменская 40 и трудился маклером, то есть посредником между продавцами и покупателями грузов, фрахтовщиками и фрахтователями судов и т.п., в столичном порту, а также маклером на Петербургской фондовой бирже⁵³⁹. Дела шли неплохо: в 1910 году он купил четырехэтажный дом в самом центре города, на престижной ул. Сергиевской (ныне ул. Чайковского) неподалеку от Летнего сада – в 15 окон по фасаду, пристроил к дому четырехэтажные надворные флигели. Симеизский пансион Кошеверова, получивший название «Ампир», был спроектирован в неоклассическом стиле, перед зданием был разбит парк.

Осенью 1917-го супругам Кошеверовым, как и многим другим петербуржцам, пришлось перебраться из охваченного волнениями Петрограда в Симеиз. Их дочке Надежде в то время было 15 лет. В 1919-м Кошеверовы участвовали в выборе поселковых гласных в Симеизе: документы об этих выборах хранятся в ГАРК (Ф. Р-999). По этим документам удалось определить годы их рождения: Николай Иванович родился в 1869 г., а Елена Григорьевна в 1867 г.⁵⁴⁰ По неподтвержденным данным, жизнь Николая Ивановича Кошеверова в Крыму закончилась печально: зимой 1920-21 годов он стал жертвой красного террора. Пансион «Ампир» национализировали: однако еще за год до того, в октябре 1919 года Кошеверов и успел продать его, как гласят архивные документы, некоему Гилелю Гепнеру⁵⁴¹. Елене Григорьевне Кошеверовой с дочерью удалось вернуться в Петроград. Там Надежда Кошеверова закончила в 1923г. актерскую школу при театре «Вольная комедия». С 1925 по 1927 г. она играла в Театре сатиры и одновременно училась в Фабрике эксцентричного актера (ФЭКС). В 1928г. устроилась на «Ленфильм», где работала костюмером, художником, деко-

⁵³⁸ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 213. Л. 61 об.

⁵³⁹ Тимофеев А.Г. История С.-Петербургской биржи. Издание С.-Петербургского биржевого комитета. СПб., 1903. С. 36

⁵⁴⁰ ГАРК. Ф. Р- 999. Оп. 1. Д. 119. Л. 73.

⁵⁴¹ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 213.Л. 63 об.

ратором, стала ассистентом режиссеров Г.М. Козинцева и Л.З. Тауберга, снимавших фильмы «Возвращение Максима» (1937 г.), «Выборгская сторона» (1938 г.) А в 1939-м сама сняла лирическую комедию «Аринка», став на «Ленфильме» первой женщиной-режиссером. Подлинный успех пришел к ней в 1947-м, когда Надежда Кошеверова сняла сказку «Золушка», которая стала ее визитной карточкой, а спустя семь лет, в 1954 г., совместно с Александром Ивановским - комедию «Укротительница тигров». В 1966-м ей было присвоено звание заслуженного деятеля искусств.

На вилле «Камея» автора цитировавшегося выше доклада на Съезде, инженера В.М. Родевича в Новом Симеизе в июне 1914 отдыхал семнадцатилетний граф Владимир Гогенфельзен – сын великого князя Павла Александровича (сына императора Александра II) и его морганатической супруги Ольги Карнович. Информацию об этом можно обнаружить в опубликованных мемуарах его матери, княгини Ольги Палей. После начала войны, в декабре того же года Владимир (1896 г.р.) вступил в Императорский гусарский полк, который участвовал в оборонительных операциях на северо-западном фронте, был удостоен ордена Св. Анны 4 степени и шашки и надписью «За храбрость», в окопах заболел, у него развился бронхит, и доктор С.М. Варавка прописал ему лечение Новом Симеизе. Для этих целей в 1915 г. семья вновь сняла целый этаж на вилле «Камея» В.М. Родевича. «Симеиз состоит из пятидесяти вилл, прижавшихся за мысом, у подножья гор. Солнечная погода, не покидавшая нас всю первую неделю, придавала этому тихому, уютному уголку Крыма большую прелесть <...> Громадные деревья, свежесть, ручейки, постоянный вид на море сквозь изумрудную листву и главное – этот постоянный, одурняющий запах цветов <...> Ялта – отвратительна: шум, пыль, масса народа ... дороговизна отчаянная и кормят отвратительно! Из всех прибрежных имений, тебе покажется странным, но Ливадия мне меньше всего понравилась», – писал матери Владимир⁵⁴².

⁵⁴² Палей О.В. Воспоминания о России: с приложением писем, дневника и стихов ее сына Владимира. М., 2017. С.180.

Вероятно, широко обсуждавшиеся темы ускоренной застройки ЮБК, создания новых крупных курортов («городов-садов»), усиленно обсуждавшиеся на ЮБК в то время, не прошли мимо молодого графа Гогенфельзена. Характерны стихи «Убийцам красоты», написанные им в июле 1915 г. в Симеизе: «И здесь хотите Вы создать притон игорный // Здесь, где так сладостна природы благодать // Где так пленительно волнует воздух горный // Приманку хищникам хотите Вы создать? // Но что Вам красота, когда вы инженеры, // Когда у Вас в душе взамен души – расчет, // Ну что ж – введите в Крым роскошный блеск Ривьеры // К которому толпа, как на маяк плывет. // Вольно вам мирный сон природы беспокоить, // Плененные тельца развратом золотым. // Но Вам могучих грез поэта не застроить! // И жив останется в сердцах безмолвный Крым!»⁵⁴³.

С началом войны на курортные побережья Крыма и Кавказа обратили внимание и власти, подсчитавшие, что в лечебных местностях империи была возможность размесить до 52 тыс. раненых⁵⁴⁴. В опубликованной в 2019 г. монографии В.С. и Л.И. Краснокутских «Курорты Северного Кавказа в период Первой мировой войны» авторы указывают: «наличие выявленного и изученного мощного лечебного потенциала, развитие сети благоустроенных лечебных учреждений накануне войны позволили в годы Первой мировой войны превратить Кавказские минеральные воды в крупную госпитальную базу с широкой сетью лазаретов»⁵⁴⁵. 10 января 1915 г. Николай II призвал таврического губернатора Н.А. Княжевича «посвятить все силы и энергию на предоставление возможности ‘наибольшему количеству больных и раненых воинов воспользоваться природными целебными дарами Крыма»⁵⁴⁶. Часть расходов предполагалось покрыть из готовившегося государственного кредита на 17 млн. рублей⁵⁴⁷.

⁵⁴³ Цит. по: Барановский А.В. Музы Венценосной Семьи. СПб., 2008. С.108.

⁵⁴⁴ Мальгин А.В. Русская Ривьера... С.327.

⁵⁴⁵ Краснокутский В.С. Курорты Северного Кавказа в период Первой мировой войны.... С. 208.

⁵⁴⁶ Мальгин А.В. Русская Ривьера... С.328.

⁵⁴⁷ Там же.

Министерство земледелия предложило использовать свой санаторий в Мисхор для лечения раненых воинов. Санаторий открыли в имении бывшего военного министра графа Д. А. Милютина, завещанном Красному кресту в 1912 г.⁵⁴⁸ В удельном имении Массандра, где еще до войны начали строить военный санаторий, открыли еще один, перепрофилированный из проектировавшегося противотуберкулезного.

Многие частные собственники на Южном берегу, движимые патриотическим порывом, также предоставили свои дачи для реабилитации раненых. Любопытную информацию на эту тему удалось обнаружить в мемуарах англичанки Флоренс Фармборо. Ее судьба необычна и интересна: Фармборо (1887-1978) родилась и выросла в графстве Бакингемшир, в 1908 г. приехала в Россию работать гувернанткой дочерей профессора, врача-терапевта П.С. Усова, сначала в Киеве, потом в Москве. В 1914-м году с началом Первой мировой войны сдала несколько экзаменов на знание русского языка и поступила медсестрой в госпиталь княгини Голицыной, затем стала медсестрой Красного Креста и служила до тех пор, пока отделение Красного Креста не распустили с приходом большевиков в конце 1917-го года. Все годы жизни в России Флоренс вела дневник и делала фотоснимки, которые опубликовала на склоне дней в виде двух книг, изданных в Англии на английском языке – «Russian Album, 1908-18» и «Nurse at the Russian Front» (1974) (переиздана в 2000 году под названием «With the Armies of the Tsar»). Последняя была издана в 2014 на русском языке⁵⁴⁹.

Вот что пишет Флоренс Фармборо в главке дневника, датированной 7 октября – 16 ноября 1916 г. и посвященной отпуску на Южном берегу Крыма, который был предоставлен ей как медсестре действующей армии:

«Мы прибыли в Ялту 2 октября и 6-го переехали в санаторий в Новом Симеизе. Санаторий оказался военным госпиталем для больных туберкулезом.

⁵⁴⁸ *Карагодин А.В.* Как в молодости бодрый и спокойный, как мудрец, постигший всю жизненную суету. Жизнь военного министра в отставке, генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина на Южном берегу Крыма (1881–1912) и судьба его симеизского имения // Военно-исторический журнал. 2022. № 1. С. 102–112.

⁵⁴⁹ *Фармборо Ф.* Первая мировая война. Дневники с фронта. М., 2014.

Персонал понял, что я прислана сюда по ошибке, однако несколько дней все равно прослушивали и простукивали меня, ставили банки <...> Тем не менее, хотя мои легкие были в прекрасном состоянии, врачи позволили мне остаться в их санатории. Так начались чудные, спокойные недели среди славных цветов и деревьев, растворявшихся в золотых закатах крымского побережья. Это был богом данный отдых для моего ума, тела и души... <...> Уже через две недели я чувствовала себя на седьмом небе. Повсюду были цветы, прямо перед моим окном росли розы, аромат которых наполнял воздух. А фрукты! Кажется, здесь можно было найти любые фрукты, какие душе угодно. Виноградники как раз отдавали свой богатый урожай и везде стояли корзины, наполненные роскошными гроздьями. Эти прославленные виноградники давали вина, за которыми гонялась русская аристократия. У меня, много читавшей в свое время про тяжелые зимы, усилившие несчастья Крымской войны, не укладывалось в голове, что фрукты и цветы так обильно украшают эту землю даже зимой. Но скоро я поняла, почему: над долинами Южного берега высилась стена гор, которая естественным образом защищала их от холодных северных ветров»⁵⁵⁰.

Флоренс Фармборо, как можно понять из ее мемуаров, покинула Новый Симеиз 16 ноября 1916 года. Пока сложно установить, о каком конкретно санатории Нового Симеиза она ведет речь. Возможно, разгадка кроется в одной из фотографий, сделанных Флоренс Фармборо в Новом Симеизе и опубликованных в ее книге "Russian Album, 1908–1918". На ней изображена сестра милосердия в форменном платье, сидящая на скамейке на высокой скале над морем. С нашей точки зрения, это место можно атрибутировать как скамейку возле дачи «Панеа», принадлежавшей изначально семье купцов и меценатов Сабашниковых, а затем несколько раз менявшей владельцев. Возможно, противотуберкулезный санаторий для раненых воинов был организован именно в ней. Подпись под фотографией в книге Фармборо гласит: «Большинство людей на Западе отождествляет

⁵⁵⁰ *Farmborough F. With the Armies of the Tsar: A Nurse at the Russian Front in War and Revolution, 1914-1918. New York, 2000. P. 243-244.*

слово "Крым" лишь с Крымской войной. А ведь полуостров – одно из красивейших мест Европы, с изысканными видами, благоприятным климатом и плодородной почвой. В России Крым широко известен как приморский курорт, и соблазны солнечного юга привлекали богачей и модников с севера»⁵⁵¹.

Революционные события 1917 г. запомнились обитателям ЮБК по-разному. Так, по мемуарам И.И. Пузанова хорошо прослеживается радикализация настроений матросов, которая уже привлекала внимание исследователей⁵⁵². «Многие удивлялись, каким образом столь славные добродушные ребята, какими казались матросы в первые месяцы революции, могли так быстро превратиться в кровожадных убийц январской резни...» - задается вопросом Пузанов и предлагает свое объяснение: в условиях вакуума власти разложение хорошо вооруженных и при этом фактически освобожденных от тягот военной службы масс матросов было неизбежно: «...элементы мирные, внутренне культурные, отошли в сторону <...> верховодить стали убийцы, палачи и грабители <...> Неудержимо храбрые, ни в что не ставящие ни свою, ни чужую жизнь, отвратительные сквернословы, то бесшабашные бессеребренники, то жадные стяжатели, матросы буйными отрядами рассыпались по всему Крыму и Украине»⁵⁵³.

Как показывает осуществленный нами опыт введения в историографический оборот комплексов источников по практически не изученной в историографии теме развития и трансформации курортов Южного берега Крыма в годы Первой мировой войны, нереализованных проектов создания «городов-садов» на неосвоенных застройкой земельных владениях на западе ЮБК, информационная ценность этих источников весьма высока. Стенограммы Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей, материалы Русского общества туризма и

⁵⁵¹ подробнее о даче «Панеа» и фото Ф. Фармборо см.: Дача «Панеа» Сабашниковой Е.Н. [Электронный ресурс]. URL: <https://simeiz.gardenacademia.com/villas/panea/> (Дата обращения – 12.09.2022).

⁵⁵² *Поршинева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 - март 1918 г.). Екатеринбург, 2000.

⁵⁵³ *Борщик Н.Д.* Воспоминания о Крыме... С.196.

отчизноведения, извлеченная из фондов ГАРК и библиотечных фондов делопроизводственная документация и рекламные проспекты новых курортов Ласпи и Форос, многочисленные мемуары представителей «образованного общества» России, оказавшихся на Южном берегу Крыма в годы Первой мировой войны, рисуют интереснейшую картину перемен в жизни региона в целом и его курортной отрасли, вызванных началом войны и изменением условий жизни русского общества. Изучение этих документов, несомненно, позволит вынести определенные уроки и для повестки сегодняшнего дня.

Глава 3. Персональные истории владельцев дач Южного берега Крыма: исторические интерпретации эго-источников⁵⁵⁴

Задачей настоящей главы является демонстрация примеров разработки информационного потенциала эго-документов при поддержке иных источников всех типов и видов для реконструкции персональных историй в контексте социально-экономических и социокультурных трансформаций ЮБК в конце XIX – начале XX века – «портретов замечательных личностей на фоне эпохи».

Методологически, постановка такой задачи обусловлена развитием и укреплением в современной мировой историографии тренда «новой биографической истории», или «истории через личность». Персональная история, или «эго-история», является одним из наиболее актуальных направлений современной историографии. Она успешно реализует стремление историков «историзировать историю» на основе социокультурного и личностно-психологического подходов в изучении прошлого, активного вовлечения в исследование источников личного происхождения. Изыскания историков не ограничиваются биографическим жизнеописанием тех или иных личностей: это комплексный рассказ о судьбе исторического деятеля, подчас не очень известного, не попадавшего ранее в объективы историографов, чья личная судьба помещается в контекст масштабных поворотов в истории страны, изучаемых через призму социально-структурного подхода.

Динамика личной судьбы индивидуума, перипетии его судьбы рассматриваются в контексте «существенных изменений во включающей его конфигурации социальных взаимосвязей»⁵⁵⁵.

⁵⁵⁴ При подготовке данной главы диссертации использована публикация в соавторстве: *Селунская Н.Б., Карагодин А.В.* Культурный нарратив о европейской идентичности в контексте персональных историй (размышления о книге Орландо Файджеса) // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 415–420. (0,3/0,58 п.л.)

⁵⁵⁵ *Селунская Н.Б.* Беллетризованные мемуары А.И. Куприна в контексте «новой биографической истории» // Феномен творческой личности в культуре: Фатющенковские чтения. Выпуск 8: Материалы VIII Международной научной конференции. М., 2019.

Представители отечественной историографии многократно утверждали, что автобиография, наряду с биографией и художественной литературой, является одним из наиболее ярких примеров и наиболее удачных применений исторического метода для «исторического познания своей или чужой личности»⁵⁵⁶. В современной мировой историографии биографический метод не просто остается востребованным: он актуализирован, представлен «новой биографической историей», «историей через личность», «персональной историей»⁵⁵⁷. Биографический элемент в истории обрел новое качество, которое определило включение в исследование аспектов, относящихся к нравственно-психологической и эмоциональной сферам жизни человека, а также привело к появлению значительного разнообразия жанров историко-биографических исследований.

В статье 2001 г. «История событий и возрождение нарратива» английский историограф Питер Берк использует понятие «культурный нарратив», что означает трансляцию в историографии характерных для той или иной культуры, воспроизводимых во времени персонализированных сюжетов: в этом случае историки, по мнению Берка, «пишут нарратив о нарративе». Указывается, что в целом «новый нарратив» в большей степени, чем ранее, соотносится с требованиями историков – «структуралистов» (марксистов, представителей школы Анналов), дает лучшее ощущение прошлого: ведь события, происходящие с «обычными» людьми, помогают понять и более широкие общественные трансформации. В качестве примера новаторского подхода П. Берк указывает вышедшую в 1996 г. на английском языке работу руссиеведа Орландо Файджеса «Народная трагедия», в которой через персональные истории – например, Максима Горького, князя Г.Е. Львова или крестьянского активиста Сергея Семенова, – дополняется реконструкция истории русской революции, понятой как многовекторный процесс⁵⁵⁸.

⁵⁵⁶ Карсавин Л.П. *Философия истории*. СПб., 1993.

⁵⁵⁷ *История через личность: историческая биография сегодня*. Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005; *В тени великих: образы и судьбы*. Сборник научных статей. Под ред. Л.П. Репиной. СПб., 2010.

⁵⁵⁸ *Burke P. (ed.) New Perspectives on Historical Writing*. Pennsylvania, 2001. P. 291.

В сочинениях жанра «новой биографической истории» особое внимание уделяется текстам, фиксирующим индивидуальный опыт, переживания, запечатленные в дневниках, переписке, мемуарах, то есть источникам, отражающих феномен «биографизма» или «автобиографизма». Такие источники сегодня, как правило, называют «эго-источниками» или «эго-документами». Эти источники содержат прямые высказывания личного характера, например, информацию о самоидентификации человека, об осознании им своего места и роли в обществе. Для реконструкции персональных историй важную роль играют и косвенные свидетельства очевидцев, осуществлявших «взгляд со стороны», дополняя сюжеты его исторической биографии и запечатленный в них индивидуальный опыт.

Занимая все большее место в структуре источниковой базы исторических исследований, такие источники позволяют представить историю в лицах, а также раскрыть «духовные биографии» общественных и политических деятелей, их нравственные, эстетические ценности. Важно заметить, что сегодня в литературе упоминаются как термин «эго-источник», так и традиционный термин «источники личного происхождения»: в обоих случаях, как подчеркивается, такие источники «касаются не только "себя", но и "других" ... главное, присущее им, остается – действительность передается через субъективное восприятие»⁵⁵⁹.

Хорошее представление о новых подходах в плане методологии дает книга известного английского историка, специалиста по истории России Орландо Файджеса «Европейцы», опубликованная в 2019 г. и посвященная истории русского писателя И.С. Тургенева (1818-1883), певицы и композитора П. Виардо (1821-1910) и ее супруга, незаслуженно преданного забвению талантливого антерпренера, журналиста и общественного деятеля Л. Виардо (1800-1883) в контексте социокультурных трансформаций эпохи⁵⁶⁰. Во введении автор сразу обо-

⁵⁵⁹ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. С. 270.

⁵⁶⁰ *Figes O.* The Europeans: Three Lives and the Making of a Cosmopolitan Culture. New York, 2019.

значает макро и микро-нарратив как стилистику изучения двух ракурсов исследования. К первому относится заявленный тезис о «новой эре для европейской культуры», наступившей во второй половине XIX в. связанной с процессом строительства железных дорог (оцененном как первый период глобализации) и развития новых средств быстрой передачи информации, с одной стороны, и о развитии транснационального рынка, захватившего и сферу культуры и искусства (в контексте развития капитализма), в том числе, возрастания роли денег, в известной степени освободивших художников (в широком смысле слова, который включает писателей, композиторов, живописцев и других представителей сферы искусства) от нужды.

Этот первый ракурс определяет позицию О. Файджеса как автора книги, представляющей, по его определению, «международную историю», в рамках которой автор осуществляет «взгляд на Европу, в целом, без разделения на национальные государства или географические зоны», как на «культурное пространство», в котором осуществляется трансфер, транслирование и «интернациональный синтез» художественных форм, идей, стилей, бытующих на этом пространстве и отличающих Европу от «более широкого мира».

Второй ракурс связан с обращением автора к изучению источников и каналов формирования и проявления европейской идентичности («европейскости»), через три персональные истории: И.С. Тургенева, П. Виардо и ее супруга Л. Виардо. Существенная часть информации почерпнута из источников личного происхождения, в том числе, извлеченных из архивных и музейных фондов писем главных героев повествования, а также их многочисленных корреспондентов из разных точек Европы. Персональная история в контексте эпохи отражает процесс изменений индивидуальной социокультурной идентичности в жизни человека и общества на протяжении переходных десятилетий XIX века. Биографии главных героев используются автором как способ показать влияние русского писателя Тургенева на европейскую литературу, интерпретировать его личные кон-

такты как «питательную среду», стимулирующую открытость русской литературы для европейской аудитории, для развития «европейских ценностей» в сфере литературы и шире, всей континентальной культуры.

Разумеется, такая оптика видения истории не заменяет анализа, по-прежнему необходимого историку для его изучения «человека во времени», его восприятия жизни, мотиваций поведения и принятия решений, личного индивидуального опыта, переживаемого на историческом фоне эпохи, внутри происходящих общественных процессов и трансформаций структур и институций социума, а эго-источники – источников других типов и видов. «Вид сверху», характерный для «научной» структурной истории и восстанавливаемый в основном благодаря массовым источникам, дополняется «видом снизу», микронарративами, а отличительные черты эпохи, вызванные развитием социальных процессов во «времени большой длительности», вызывают яркое эхо в поворотах судеб героев персональных историй⁵⁶¹.

В источниковедческом аспекте, настоящая глава призвана продемонстрировать, что в исторических исследованиях, выполненных в русле «новой биографической истории», именно комплексный источниковедческий подход, когда, помимо эго-документов, обязательно привлекаются источники иной видовой принадлежности, может являться ключевым фактором успеха, позволяет максимально раскрыть информационный потенциал привлекаемых источников разной типовой и видовой принадлежности и выйти на уровень исторического объяснения. В главе приведены четыре примера выполненных нами реконструкции биографических историй нескольких примечательных личностей, неразрывно связанных с историей социально-экономических и социокультурных трансформаций ЮБК в конце XIX – начале XX века – «портретов на фоне эпохи». Все они реализованы впервые в историографии, на основании большого количества слабо изученных либо впервые вводимых в оборот эго-источников — дневников,

⁵⁶¹ Селунская Н.Б., Карагодин А.В. Культурный нарратив о европейской идентичности... С. 415–420.

мемуаров, материалов личной переписки – с одновременным привлечением других источников исторической информации – делопроизводственных материалов из архивных фондов, в первую очередь ГАРК, справочных изданий и путеводителей, материалов периодики, визуальных и вещественных источников.

Во-первых, рассмотрен в плане ценности для изучения истории ЮБК информационный потенциал дневников и мемуаров бывшего военного министра Российской империи, последнего ее генерал-фельдмаршала, графа Д.А.Милютина, который после отставки в 1881 г. и до самой кончины в 1912 практически безвыездно жил на ЮБК в своем имении Симеис, купленном еще в 1873 г. Владения Д.А. Милютина можно характеризовать и как предназначенную для курортного досуга приморскую дачу, и как помещичье имение: в пореформенную эпоху, когда помещичий класс уже начинал терять свои позиции и доходы, думал о распродаже или сдаче в аренду владений, граф Д.А. Милютин оставался одним из последних классических южнобережных помещиков, вел хозяйство (его виноград каждый сезон покупало ведомство уделов для нужд царской семьи), принимал гостей и сам наносил визиты, вел дневник и писал мемуары, объемные рукописи. Дневники и мемуары Д.А.Милютина стали свидетельствами как по истории всей России, ее внутренней и внешней политики второй половины XIX века, так и для изучения повседневности ЮБК на рубеже XIX-XX века, трансформации южнобережного культурного ландшафта.

Во втором разделе главы предметом исследования стал источниковедческий аспект реконструкции профессиональной и общественной деятельности на Южном берегу Крыма на протяжении многих десятилетий двух врачей и филантропов – супругов К.А. и Е.Н. Михайловых. Был тщательно изучен комплекс вновь вводимых в научных оборот источников – архивных, материалов музейных фондов, периодической печати, подкрепивших с различных сторон информацию, первоначально почерпнутую в различных мемуарных источниках. Благодаря тому, что, в соответствии с требованиями историографического направления «эго-истории», динамика личной судьбы героев рассматривается на фоне

их социальных взаимосвязей, получены новые данные по истории освоения Южного берега Крыма в начале XX в. представителями разных слоев русского общества – дворянства, купечества, интеллигенции, – складыванию в регионе в начале XX в. особой социокультурной среды, акцентирующей филантропию.

В третьем разделе систематизируется свод неопубликованных либо малоизвестных источников, также преимущественно личного происхождения, позволяющих реконструировать историю сообщества дачников из числа представителей политической, научной и творческой интеллигенции России, поначалу основавших дачный поселок в местечке Батилиман на Южном берегу Крыма, а после установления советской власти уехавших в эмиграцию и устроивших практически тем же составом жителей ностальгический дачный поселок Ла-Фавьер уже на средиземноморском побережье Франции. Этот сюжет практически не рассматривался в литературе, источники в научный оборот введены не были. Между тем, он представляет существенный интерес для рефлексии на тему трансфера культур и идентичностей, сопровождающего миграционные процессы в европейском пространстве XX в., в первую очередь формирования культуры русского зарубежья.

Наконец, в четвертом разделе главы предметом исследования являются источниковедческие аспекты изучения ментальности представителей привилегированных слоев императорской России, бежавших в годы гражданской войны (1917–1921) из Санкт-Петербурга и Москвы в свои дачи на ЮБК. На основании многочисленных мемуаров, слабо введенных в историографический оборот, а также комплекса других источников, в том числе изучения каталогов частных библиотек в рамках парадигмы «новой истории чтения», оказывается возможным дополнить нарратив политической истории изысканиями в области локальной истории и истории повседневности, «микронарративами», основанными на «исторической памяти» участников событий, запечатленной в источниках личного происхождения, и призванными раскрыть то, как события эпохи переживались людьми в практике их повседневной жизни. Предлагается и модель объяс-

нения настроений и поведения ее представителей с помощью концепта «праздничного класса», введенного в оборот на рубеже XIX-XX века американским социологом Т. Вебленом. Это позволяет, в конечном счете, уточнить знание о переменных, выявить, коррелировали ли перемены на макро- и микроуровне друг с другом, демонстрирует, что трактовать революцию и гражданскую войну в России в 1917-начале 1920-х гг. следует в широком смысле, как конфликт не только социально-экономический, но и социокультурный, ментальный.

3.1. Мемуары и дневники графа Д.А. Милютина – источники по истории Южного берега Крыма конца XIX века⁵⁶²

На границе Алупки и Симеиза, что в 20-ти км к западу от Ялты, до сих пор стоит высокий межевой обелиск. Некогда он разделял владения светлейшего князя С.М. Воронцова и графа Д.А. Милютина, генерал-фельдмаршала, военного министра императора Александра II, выдающегося военного государственного деятеля, автора военной реформы 1860-х гг., одного из самых ярких представителей управленческого класса императорской России⁵⁶³. В 1881 году после убийства Александра II народолюбцами он вышел в отставку и поселился на Южном берегу, в купленном им в 1873 году у князя С.В. Кочубея имении Симеиз (в мемуарах Милютина – «Симеис»), расположенном между мальцовским Симеизом и воронцовской Алупкой. Не считая редких выездов в Петербург и путешествий за границу, на Южном берегу Крыма Милютин прожил тридцать один год, где и умер в 1912 году в возрасте 95 лет всего через три дня после смерти супруги.

⁵⁶² При подготовке данного параграфа диссертации использована публикация автора: *Карагодина А.В.* Как в молодости бодрый и спокойный, как мудрец, постигший всю жизненную суету. Жизнь военного министра в отставке, генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина на Южном берегу Крыма (1881–1912) и судьба его симеизского имения // Военно-исторический журнал. 2022. № 1. С. 102–112 (1,16 п.л.).

⁵⁶³ *Габелко Д.Е.* Д.А. Милютин – государственный деятель и историк русской армии: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002; *Жерихина Е.И., Бринюк Н.Ю., Копытко В.К., Коршунов Э.Л., Михайлов А.А.* Д.А. Милютин: министр, военачальник, ученый. СПб., 2017; *Зайончковский П.А.* Д.А. Милютин. Биографический очерк // Дневник Д.А. Милютина: в 4 т. Ред., биогр. очерк и примеч. П.А. Зайончковского. Т. 1. М. 1947. С. 5–72; *Левандовский А.А.* Дмитрий Милютин – военный министр Российской империи // Знание-сила. 2019. № 1. С. 44–50.

Согласно завещанию супругов Милютиных, все недвижимое имение в Симеизе перешло Российскому обществу Красного Креста. В советское время здесь был санаторий, земли которого после распада СССР подверглись разграблению. Сегодня от симеизского имения Д.А. Милютина не осталось практически ничего, кроме пограничного столба и главного дома, находящегося на грани разрушения. На протяжении последних лет автором подготовлены несколько публикаций, в которых реконструирована история трудов и дней Д.А. Милютина на ЮБК, предпринята попытка привлечь внимание общественности и специалистов к судьбе этого важного места «исторической памяти» России⁵⁶⁴.

В бытность военным министром Д.А. Милютин мог проводить время в Симеизе, где купил имение в 1873 г. и спустя несколько лет построил дом, лишь во время пребывания Александра II в Крыму. Тогда время от времени, на выходных, Милютин останавливался не только в царской резиденции в Ливадии, но и в своем находившемся поблизости имении («это dolce far niente, среди прелестной местности, в дорогой семье, есть действительный отдых не только физический, но и душевный,» - говорил он⁵⁶⁵). Строчки дневника, посвященные этим визитам императора в Крым, содержат множество деталей относительно повседневной южнобережной жизни Александра II и его окружения. С 1881 года крымское имение стало основным местом жительства Милютина. «Вот я снова в своем излюбленном Симеизе; снова дышу свободно, снова чувствую себя спокойным и независимым», – строчки, подобные этим, записанным 3 июня 1883 года, часто можно встретить в дневнике Милютина. Выйдя в отставку в мае 1881 года, граф уже через месяц, 15 июня прибыл в Симеиз, а 30 июля получил морем

⁵⁶⁴ См: *Карагодин А.В.* Как в молодости бодрый и спокойный...; *Карагодин А.В.* Пенсионер имперского значения. Труды и дни отставного военного министра графа Д. А. Милютина на Южном берегу Крыма (1881–1912) // Государство и общество в России и Европе. Памяти академика РАН Юрия Степановича Кукушкина. СПб: Алетейя, 2022. С. 302–317; *Карагодин А. В., Петрова М.М.* Старые дачи Симеиза: генерал-фельдмаршала Д.А. Милютина // «Ялтинские вести». 2020. № 52. 29.12.2000.

⁵⁶⁵ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1882–1890. Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2010. С. 60.

из Петербурга обстановку своего петербургского дома, а также библиотеку и архив⁵⁶⁶.

Решение покинуть столицу было безоговорочным. «Уединенная семейная жизнь, которую теперь я веду, совершенно соответствует моим вкусам и наклонностям. Счастье мое, что у меня нет, и никогда не было честолюбия, а подавно тщеславия, – записал Милютин 3 июля 1881 года. – Только несчастная кончина покойного императора могла освободить меня от почетной кабалы, и я не замедлил воспользоваться первым случаем, чтобы вырваться из душной атмосферы на чистый воздух. Теперь только я, наконец, дышу свободно, наслаждаюсь полной независимостью, принадлежу самому себе и семье своей»⁵⁶⁷.

Поставив точку в государственной службе, Милютин занялся размышлениями относительно насыщенных событиями своей жизни и карьеры. Полная, снабженная справочным аппаратом публикация его дневников и воспоминаний, которую историки называют «образцовой»⁵⁶⁸, осуществленная профессором исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Л.Г. Захаровой, только начинает осмысляться в исторической литературе.

Очевидно, что знакомство с этими материалами многократно расширит познания не только по истории Российского государства (деятельности на благо которого на различных постах Д.А. Милютин посвятил большую часть жизни). В комплексе с другими источниками – завещанием Д.А. Милютина; материалами обследования его бывшего имения при национализации советской властью; иными актами, обнаруженными нами в ГАРК, мемуарами бывавших у Милютина исторических деятелей, а также сохранившимися фотографиями – эти дневники позволяют не только реконструировать историю покупки и обустройства

⁵⁶⁶ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1879–1881. Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2010. С. 367.

⁵⁶⁷ Там же. С. 352.

⁵⁶⁸ Наше все – 2: Дмитрий Милютин, военный министр России. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/netak/741733-echo/> (Дата обращения – 12.09.2022).

имения на Южном берегу, которое станет «любимым приютом» отставного военного министра, а также пролить свет на многие смежные сюжеты истории Южного берега Крыма последней трети XIX – начала XX века

Обратимся сначала к истории владения Д.А.Милютиным имением на ЮБК. Первым владельцем земель в Симеизе, впоследствии приобретенных Д.А. Милютиным, был командир Греческого батальона Балаклавы генерал-майор Ф.Д. Ревелиоти, продавший их в 1832 году князю В.И. Мещерскому. Очень скоро, уже в 1850 году Мещерский продал их князю С.В. Кочубею, которому в Крыму принадлежали также земли в Мухалатке, близ Евпатории и в Балаклаве. В то время имение представляло собой «хлебопахотную и сенокосную землю с кустарниками, чрез которую протекает речка, и на оной устроены две водяные мельницы и дом»⁵⁶⁹.

12 августа 1873 года симеизское имение Кочубея было приобретено на имя жены генерал-адъютанта Д.А. Милютина – Натальи Михайловны (урожденной Понсэ). 15 августа Дмитрий Алексеевич записал в дневнике: «К вечеру 8-го числа возвратился я в город и нашел на своем письменном столе два весьма приятных для меня известия: одно – письмо из Крыма от жены, которая сообщает самые утешительные сведения о будущем нашем поместье близ сел. Симеис, она описывает его с восхищением, так что не остается уже никаких сомнений, никаких колебаний относительно приобретения этого имения. 11-го августа, в субботу... поспешил я заняться делом симеисским... на следующий день, в воскресенье, купчая была подписана, к большому моему удовольствию»⁵⁷⁰.

«В 8 часов утра, – отметил Д.А. Милютин 7 сентября 1873 года, – выехал я из Меласа с женой, дочерью Надей и племянницей Аней Понсэ, чтобы осмотреть новоприобретенное поместье в Симеисе. День был жаркий, сильно утомились, но приобретением своим остались вполне довольны. Опасаюсь только,

⁵⁶⁹ ГАРК. Ф. 21. Оп.1. Д. 36. Л. 3.

⁵⁷⁰ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1873–1875. Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2008. С. 27, 42.

чтобы желание хорошо устроиться не повело к большим затратам нашего маленького капитала, собранного в течение многих лет самой строгой бережливости и скромного образа жизни»⁵⁷¹. И далее, 7 октября: «Более чем когда-либо мечтаю с любовью о будущем нашем приюте в Симеисе. И теперь все мысли мои почти полностью заняты устройством там нашего жилья и хозяйства. В течение последнего времени мы с женой продолжали вести переговоры с архитектором Поповым и с агентом строительного общества Поплавским о предложенной постройке <...> составляли финансовые расчеты и проч.»⁵⁷².

Однако, как водится в России, стройка преподнесла неприятные сюрпризы, и 30 июня 1874 года Д.А. Милютин отметил в дневнике: «Из Крыма получал от жены весьма неутешительные известия о небрежной постройке дома в Симеисе, работы приостановлены, и хотя строительное общество обещает принять надлежащие меры, тем не менее, нельзя уже и помышлять о том, чтобы дом был готов к назначенному сроку, то есть к осени текущего года»⁵⁷³.

В дальнейших записях фигурирует уже новая фамилия архитектора – некто Голиков (имени архитектора Милютин не приводит). Вот запись от 30 августа: «Для помещения моей семьи нанят на все лето отдельный, уютный домик в имении Сергея Ивановича Мальцова, соседнем с купленным нами участком. Отсюда менее версты до того места, где строится наш будущий дом. Ежедневно по утрам хожу смотреть постройку и занимаюсь съемкой плана своего участка; вечера проводим в семейном кружке, читаем или просто болтаем»⁵⁷⁴.

Промышленник С.И. Мальцов (1810–1893), о котором идет речь, как мы писали ранее (Гл. 2), унаследовал большое приморское имение в Симеисе (к западу от владений Д.А. Милютина) от своего отца – И.А. Мальцова. Тот начал скупать земли в этой местности еще в конце 1820-х гг. В середине 1870-х гг. С.И.

⁵⁷¹ Там же. С. 50.

⁵⁷² Там же. С. 53.

⁵⁷³ Там же. С. 124.

⁵⁷⁴ Там же. С. 136.

Мальцов еще управлял своей промышленной империей, находившейся на границе Орловской и Калужской губерний, однако положение его заводов, в первую очередь в силу отмены крепостного права, уже было кризисным. В следующем десятилетии Мальцов при помощи двора (его жена была фрейлиной и ближайшей подругой императрицы Марии Александровны) был отстранен семьей от дел, помещен под опеку, удалится в Симеиз, а Мальцовское промышленно-торговое товарищество взято под внешнее управление, а потом признано банкротом и передано на баланс государства.

В составленном в 1893 году (при участии Д.А. Милютина) завещании С.И. Мальцов демонстративно не упомянул ни супругу, ни детей, распорядившись направить почти все оставшиеся активы на нужды Министерства народного просвещения. Однако его ближайшие родственники в судебном порядке предъявили права на имение Симеиз, попросив считать его оставшимся без наследственных распоряжений, и добились своего. Наследниками имения, оцененного почти в 200 тыс. руб., объявили супругу и шестеро детей Сергея Ивановича, которые отказались от своих долей в пользу братьев И.С. и Н.С. Мальцовых. Последние в самом начале XX века размежевали часть земель на участки и распродали под строительство дач; основали ставший широко известным крупный дачный курорт «Новый Симеиз». Информативным источником по истории этого курорта являются, как мы имели возможность убедиться выше, и дневники Милютина.

18 июня 1875 года, находясь в Симеизе, Дмитрий Алексеевич сделал такую запись: «Мы поместились кое-как в двух комнатках верхнего этажа неотделанного еще дома. Кругом нас идет работа; стукотня, пыль, мусор, грязь. За неимением еще кухни мы должны ежедневно ездить или ходить обедать за три версты – в гостиницу Алупки. Погода жаркая. Много забот с постройкой дома, с разведением сада и обзаведением новым хозяйством. По временам бывают у нас посетители, которые напоминают поговорку: незваный гость хуже татарина. Но в особенности досаждают архитектор и строители. Работа дома продвигается

крайне медленно, хотя все условленные сроки давно миновали; однако архитектор (Голиков) не торопится и ведет дело спустя рукава. Мечта наша – иметь с нынешнего лета спокойное и уютное пристанище – не осуществилась»⁵⁷⁵.

В итоге Д.А. Милютин был вынужден обратиться за помощью к военным – заведующему инженерной частью в Севастополе полковнику К.Е. Гемельману и выписанному специально из Санкт-Петербурга бывшему военному инженеру В.И. Миллеру. «Из Симеиса, наконец, получил письма несколько успокоительные. Кажется, постройка пошла на лад, благодаря вмешательству полковника Гемельмана», – сообщил Дмитрий Алексеевич 16 августа⁵⁷⁶. Лишь в 1876 году Милютиным удалось в общих чертах закончить благоустройство имения. «С любопытством ожидал я увидеть наше жилье в законченном и благоустроенном виде», – написал Милютин 8 мая. В записи от 14 июня читаем: «Несмотря на получаемые животрепещущие новости, я оставался спокойно в своем Симеисе, занимаясь благоустройством своей библиотеки и стараясь позабыть о делах»⁵⁷⁷.

Милютины владели имением в Симеизе до 1912 года. За это время они высадили виноградники на 7 дес., более десятины земли занял плодовый сад (персики, яблони, груши), 20 с половиной дес. было под парком, кустарниками и лужайками. В общей сложности, в имении к 1912 году насчитывалось 41 дес. 2311 кв. саж. земли – это почти 45 га. Главный дом и службы имения (всего насчитывалось 10 жилых построек, включая помещение созданной графом симеизской земской русской школы, восемь хозяйственных подвалов и один – винный) находились выше виноградников, на склонах мыса⁵⁷⁸. Это следует из документов национализации имения Красного креста (б.Милютина), обнаруженных нами в фондах ГАРК. Там же указано, что дом на два этажа, 17 жилых комнат с одной ванной, ватерклозетом и печным отоплением построили в классическом

⁵⁷⁵ Там же. С. 184.

⁵⁷⁶ Там же. С. 194, 202.

⁵⁷⁷ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1876–1878. Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 79, 80.

⁵⁷⁸ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 2. Д. 76. Л. 6–7.

стиле на высоком цоколе с большой открытой террасой, каскадом лестниц, спускавшихся в парк. У дома были высажены плетистые розы Бэнкс, растущие там и по сей день.

В Симеизе главным делом Д.А. Милютин, несомненно, стала систематизация архива, что постепенно переросло в решение бывшего министра написать мемуары: «Я живу в прошедшем. Многое, уже забытое, воскресает в памяти, как будто покойники встают из своих могил <...> Большую часть дня провожу за своим письменным бюро: перечитываю письма и бумаги, сохранившиеся от прежних времен, и понемногу привожу в порядок свои воспоминания»⁵⁷⁹.

Милютин закончил работать над мемуарами 22 сентября 1892 года. Таким образом, систематизирование своих рабочих записей заняло у него более 10 лет. Воспоминания и дневник Д.А. Милютина охватывают 1816–1899 гг., т.е. почти весь XIX век, а издание мемуаров растянется еще на столетие.

В 1900 году учительница А.М. Перцова, поселившаяся в симеизском имении Милютина, предложила заняться перепиской мемуаров «начисто» – под наблюдением и с поправками самого Милютина. Так возник «чистовой» список мемуаров (32 тетради). Именно он после кончины графа (согласно его завещанию) был передан 14 марта 1912 года тремя его дочерьми (княгиней Е.Д. Шаховской, графиней О.Д. Милютиной и княгиней Н.Д. Долгоруковой) в распоряжение Императорской Николаевской военной академии.

В завещании был определен и круг лиц, под редакцией которых могло быть осуществлено издание: А.Ф. Кони, Н.Ф. Дубровин, П.А. Бобринский. Однако вопрос о публикации мемуаров рассмотрели лишь в 1916 году – на заседании Русского географического общества. В итоге первый том был издан в Томске, куда уже в годы Гражданской войны эвакуировалась Николаевская военная академия. Лишь после окончания Великой отечественной войны выдающийся историк П.А. Зайончковский, ставший заведующим Отделом рукописей Госу-

⁵⁷⁹ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1879–1881... С. 377, 394.

дарственной библиотеки им. В.И. Ленина (ныне – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки), издал дневник Милютина за 1873–1882 гг.⁵⁸⁰

Оставшиеся части, представленные в рукописном виде, были мало востребованы исследователями, пока профессор МГУ им.М.В.Ломоносова Л.Г. Захарова не взяла на себя титанический труд – подготовить их в публикации в полном объеме, снабдив именными и географическими указателями и комментариями. Первая книга – воспоминания за 1816–1843 гг. – вышла в 1997 году⁵⁸¹, за ней последовали еще 11 томов воспоминаний и дневников Д.А. Милютина.

Помимо ежедневной литературной деятельности бывший военный министр уделял много времени хозяйству, часто прогуливался: обычно утром – в Алупку и регулярно – в противоположную сторону, за Лименскую долину, в Кикинеиз. Не иссякал и поток визитеров к авторитетнейшему отставному чиновнику. Милютин принимал бывших сослуживцев, путешествовавших по Крыму; наносил визиты многочисленным знакомым и друзьям (включая представителей императорской фамилии) в их южнобережных имениях. К нему приезжали бывший министр народного просвещения А.А. Сабуров, юрист А.Ф. Кони, профессор Московского университета, правовед Б.Н. Чичерин.

После отставки Д.А. Милютина и ревизии новым императором политического курса тональность ремарок графа по поводу управленческих способностей власти и ее перспектив была неизменно скептически-пессимистической. Тем не менее во время визитов генерал-фельдмаршала в столицу или его пребывания в Крыму встречи с ним и его советов искали императоры Александр III и Николай II, министры иностранных дел Н.К. Гирс и В.Н. Ламсдорф, министр финансов С.Ю. Витте и дипломаты. И это помимо постоянной переписки, которую вел

⁵⁸⁰ Дневник Д.А. Милютина. Ред., биограф. очерк и примеч. П.А. Зайончковского. Т. 1–4. М., 1947–1950.

⁵⁸¹ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1816–1843. Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 1997.

Дмитрий Алексеевич со своими многочисленными знакомыми и конфиден- тами⁵⁸². В одном только 1883 году он получил более 300 поздравительных сообще- ний по случаю 50-летия службы, включая и царский рескрипт. 22 мая 1887 года он признался: «В течение двухдневного моего отсутствия из Симеиса мне пришлось видеть множество лиц, больше, чем случается видеть в течение целого года»⁵⁸³.

Во время этих встреч с разного рода визитерами мало что укрывалось от острого глаза Д.А. Милютина. Вот, например, впечатления от встречи с Л.Н. Толстым, навестившим С.И. Мальцова в 1885 году: «В нашем соседстве, у Маль- цова, поселился знаменитый граф Лев Николаевич Толстой, обратившийся в настоящего юродивого. Жаль, что такой блестящий талант похоронил сам себя!»⁵⁸⁴.

О решении военного министра Милютина уйти в отставку его друг, пра- вовед Б.Н. Чичерин писал: «Он понял, что время его прошло, и просил увольне- ния. Однако даже и при новых порядках он мог бы играть видную роль. Знающие люди утверждали, что его, наверно, сделали бы председателем Комитета мини- стров. Но он предпочел удалиться совершенно. Петербург со всеми перекрещи- вающимися в нем интересами, всею низостью, завистью и злобою, которые гос- подствуют в высших сферах <...> был ему противен. Он уехал в Крым и там по- селился на собственной даче в Симеизе. Там он и живет вдали от всяких дрязг, ни одной минуты не жалея о прежней деятельности или почестях, наслаждаясь свободой, делая съемки, как в молодости бодрый и спокойный, как мудрец, по- стигший всю жизненную суету и находящий высшую прелесть в том, чтобы жить от нее в отдалении. Когда же ему случается по делам приехать в Петербург, он бежит оттуда как можно скорее, не желая оставаться даже лишнего дня в этом

⁵⁸² Габелко Д.Е. Указ. соч. С. 41; Галиченко А.А. Имение Д.А. Милютина «Симеис». К истории одного визита // Пилигримы Крыма: материалы международной научной конференции 21–25 сентября 1998. Симферополь, 1999. С. 33–37.

⁵⁸³ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1882–1890... С. 212.

⁵⁸⁴ Там же. С. 153.

средоточии всего, что волнует и возмущает душу истинного патриота. <...> Иногда мы вместе совершаем прогулки по крымским горам и долинам, любуясь морем, скалами, великолепными видами. Он водит меня по своему поместью, где жена его с успехом занимается виноделием. Однажды, когда после прогулки в очаровательный майский вечер мы сидели вдвоем на скамейке и глядели на прелестную, расстилающуюся у наших ног долину Лимены, он воскликнул: “И подумать, что есть люди, которые всему этому предпочитают Петербург!”»⁵⁸⁵.

Впрочем, было бы неверно представлять Милютина как убежденного затворника. Он обожал Южный берег Крыма и не уставал подчеркивать благотворность его климата: «Этот белый саван наводит на меня уныние. Никогда не был я охотником до русской зимы, а теперь, прожив несколько лет на юге, совсем отвык от нее»⁵⁸⁶. Тем не менее, Дмитрий Алексеевич дважды предпринимал длительные вояжи за границу.

«При всех своих наклонностях домоседа я чувствую, однако же, в своем добровольном заточении потребность по временам освежиться умственно и нравственно в другой, более просторной атмосфере», – признавался Милютин⁵⁸⁷. В первое долгое заграничное путешествие – Константинополь, Смирна, Александрия, Каир, Иерусалим, Афины, десятки городов Италии, Швейцария, Париж – Милютин отправился в 1889 году. Везде его живой, наблюдательный ум подмечал тысячи мелочей, резюмируя пессимистически: «Как далеко наша Россия во всем отстала от Запада и как продолжает все более отставать, вместо того чтобы догонять, как утешали мы себя в былое время»⁵⁸⁸.

Второе большое путешествие Милютина состоялось через два года, в 1891-м. На пароходе «Россия» он пересек Босфор и Дарданеллы, посетил Грецию и Италию, оттуда перебрался поездом в Париж, затем в Лондон. Вернувшись на

⁵⁸⁵ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. М., 1929–1934. С. 130.

⁵⁸⁶ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1882–1890... С. 407.

⁵⁸⁷ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1891–1899.... С. 38.

⁵⁸⁸ Там же. С. 331.

континент, заехал в Бельгию и Голландию, возвратился в Париж, а оттуда поехал на юго-запад: через Испанию в Гибралтар, откуда отправился в бывшие тогда французскими Алжир и Тунис, затем через Мальту – в Италию, Грецию, и через Босфор – обратно в Севастополь.

Вернувшись в Симеиз с новыми впечатлениями, Милютин осуществил различные усовершенствования в своем хозяйстве – установил солнечные часы и фонтан, устроил систему водопровода и составил ее описание, неоднократно перестраивал дом, занимался виноградниками (например, в 1896 г. продал Управлению уделов 1512 ведер молодого вина⁵⁸⁹). Особенно гордился Дмитрий Алексеевич выполненной собственноручно в 1888–1890 годах топографической съемкой своего имения. По окончании работ он записал: «Распростившись с полезною своею работой, не знаю, радоваться ли тому, что окончил труд, – по правде сказать, довольно тяжелый для моих лет – или сожалеть о том, что уже не будет у меня занятия, которое наполняло мои досуги, служило полезным моционом и развлечением, не хуже всякого любого спорта»⁵⁹⁰.

Вплоть до своей кончины в 1912 году в возрасте 95 лет Д.А. Милютин сохранял бодрость духа и ясность ума, которыми восхищались все знавшие его; несомненно, важную роль в этом сыграл благоприятный климат Симеиза в частности и ЮБК в целом. Члены делегации Императорской Николаевской военной академии, посетившие Милютина за несколько месяцев до его кончины, так описали свои впечатления от встречи с ним. «Мы были поражены его внешним видом: бодрый, веселый, с быстрыми движениями, со светлым, ясным взглядом своих необыкновенно добрых глаз, – писали они, – он казался стариком лет семидесяти – семидесяти пяти, не более, то есть лет на двадцать моложе действительного своего возраста... Нас поразили ясность ума графа... его интерес положительно ко всем явлениям современной жизни, его необыкновенная память,

⁵⁸⁹ Там же. С. 331.

⁵⁹⁰ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1882–1890... С. 430.

позволявшая ему так здраво говорить и судить как о лицах и делах давно прошедших, так и о событиях ближайшей нам эпохи»⁵⁹¹.

Супруги Милютины скончались с разницей всего в три дня. Натальи Михайловны не стало 22 января 1912 года. Ее завещание, сохранившееся в фондах Симферопольского окружного суда, гласило:

«1) Недвижимое имение на Южном берегу Крыма в Ялтинском уезде между Алушкой и Симеизом поступает в общее пожизненное владение моего мужа, графа Дмитрия Алексеевича Милютина и трех дочерей: княгини Елизаветы Дмитриевны Шаховской, графини Ольги Дмитриевны Милютиной и княгини Надежды Дмитриевны Долгорукой, а по смерти их переходит в неотчуждаемую собственность Российского общества Красного Креста, с целью устройства в том имении благотворительного учреждения на пользу больных военнослужащих как офицеров, так и нижних чинов военного ведомства; 2) хранящийся в С.-Петербургском Международном коммерческом банке, в депозитиве на мое имя капитал в процентных бумагах, по смерти моей, делится на пять равных долей, по размеру приносимых годовых процентов. Из этих пяти долей поступают: три доли – в полную собственность поименованных выше дочерей наших, четвертая – в собственность двух наших внуков, детей покойной дочери нашей Елены Дмитриевны Гершельман – Дмитрия Федоровича и Натальи Федоровны Гершельман, обоим поровну. Затем пятая доля процентных бумаг составит неприкосновенный капитал, с которых проценты назначаются на покрытие расходов по содержанию упомянутого выше имения в благоустройство... 3) суммы, остающиеся на моем текущем счету... предназначаются на покрытие предстоящих общих семейных расходов, как-то: на погребение, на постановку памятников, на уплату узаконенных пошлин по наследству, на выдачу наград прислуге, пособие бедным и другие тому подобные общие надобности»⁵⁹².

⁵⁹¹ Христиани Г.Г. Воспоминания о графе Дмитрии Алексеевиче Милютине // Исторический вестник. 1913. Т. 131. № 2. С. 426–429.

⁵⁹² ГАРК Ф. 376. Оп. 5. Д. 6219. Л. 16 об.

Выполнение условий завещания Наталья Михайловна возлагала на мужа и дочерей. Но поскольку муж пережил жену всего на три дня, дочери решили имение передать Обществу Красного Креста сразу и возложили все заботы по этому вопросу на графиню Ольгу Дмитриевну Милютину, которая была к тому же попечительницей симеизской земской русской школы.

Ольга Дмитриевна выполнила завещание родителей: обратилась в Ялтинскую земскую управу с просьбой снять с нее обязанность попечительницы, оставив 5 тыс. руб. на содержание школы. Затем она уехала в свое имение в г. Дмитров Московской губернии, где жила до самой кончины в 1926 г.

В фондах Музея-заповедника «Дмитровский Кремль», который в 1920-х гг. некоторое время располагался в бывшем доме О.Д. Милютиной (тогда он назывался «Музей дворянства»), нами были обнаружены семейные фотографии, отражающие быт Д.А. Милютина и его семьи в симеизском имении⁵⁹³ (илл. 15, 16).

Что касается архивов и воспоминаний Милютина, то они, вместе со всей обстановкой кабинета, были, согласно завещанию, разобраны и отправлены в Санкт-Петербург. Там к концу 1912 года их разместили в одном из залов Императорской Николаевской военной академии, почетным президентом которой Дмитрий Алексеевич являлся при жизни – «музее графа Милютина». Книги были расставлены по шкафам в прежнем порядке, установлен подлинный письменный стол, экспонирован фельдмаршалский жезл⁵⁹⁴. В Симеизе, согласно советскому акту по учету национализированного имения Красного креста (бывшего Милютина), осталось лишь небольшое количество томов беллетристики и периодических изданий⁵⁹⁵.

Благодаря этой передаче оказалась документально зафиксирована обстановка рабочего кабинета Д.А. Милютина в Симеизе. Заведовавший ей генерал-майор Г.Г. Христиани писал: «Кабинет-библиотека графа Милютина помещался

⁵⁹³ Милютин Дмитрий Алексеевич в саду. [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16821623> (Дата обращения – 12.09.2022).

⁵⁹⁴ Габелко Д.Е. Указ. соч. С. 48.

⁵⁹⁵ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 2. Д. 76. Л. 21.

на первом этаже дома, два окна его выходили на террасу, откуда открывался чудный вид на Черное море, на весь Симеиз, на красивые, причудливые скалы Диву и Монаха. Одна дверь вела в небольшую гостиную, а другая – в крошечную спальню Дмитрия Алексеевича, тоже всю сплошь заставленную книгами. Все стены кабинета были обращены в открытые шкафы, причем полками были заполнены даже все простенки как над дверями кабинета, так и под подоконниками <...> Все было в замечательном, образцовом порядке. В передней части кабинета, ближе к окнам, посреди комнаты, стоял большой, простой, без всяких вычурностей письменный стол графа, с многими выдвигавшимися во все стороны ящиками <...> Простая чернильница, чудный барометр, несколько линеек, большой ассортимент различных карандашей, перьев и очень хороший портрет покойного сына, бывшего курского губернатора – вот и все убранство этого заветного стола <...> В простенке между двух окон – витрина с величайшей святыней графа Дмитрия Алексеевича, артиллерийским мундиром императора Александра II. Мундир этот <...> был подарен графу императором Александром III на память о том, кому граф служил так честно, так самоотверженно. Над витриной, в единственном не заполненном книжными полками простенке, висел прекрасный портрет Царя Освободителя, и под ним исполненный в красках вид его кабинета в Зимнем дворце, в котором покойный граф привык в продолжение многих лет своей выдающейся службы делать доклады Государю»⁵⁹⁶.

Г.Г. Христиани описал и спартанскую обстановку спальни Милютина, «в которой тихо отошел в вечность великий старец».

В настоящее время обширный архив Д.А. Милютина, насчитывающий 50 тыс. листов, собранный в 1920-х гг. по частям из архива Николаевской военной академии и архива О.Д. Милютиной, исполнявшей в последние годы жизни роль секретаря и помощницы отца, хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

⁵⁹⁶ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1816–1843... С. 471, 472.

Надгробия Д.А. Милютина и его супруги в московском Новодевичьем монастыре, утраченные в годы советской власти, были восстановлены к 200-летию со дня рождения бывшего военного министра в 2016 году⁵⁹⁷.

Судьба же его любимого крымского имения все еще окрашена в печальные тона, причем главный удар по историческому наследию был нанесен во время разрухи в постсоветский период.

После установления советской власти в Крыму в декабре 1920 года санаторий Общества Красного Креста, созданный, согласно завещанию на базе бывшего имения Д.А. Милютина, национализировали, а 15 февраля 1921 года передали во временное пользование алушкинскому детскому санаторию имени профессора А.А. Боброва⁵⁹⁸. На базе земельных угодий был организован совхоз «Милютинский». Впоследствии он послужил основой для создания санатория, которому присвоили имя наркома гражданской авиации П.И. Баранова, погибшего в авиакатастрофе в 1933 году.

В послевоенные годы близ моря возвели корпуса, а во флигелях имения Милютиных и в главном доме находились жилые квартиры сотрудников санатория. Часть имения стала общедоступным парком для жителей Симеиза и Алушки, который в обиходе называли «Милютинский». В постсоветские годы санаторий имени Баранова закрыли, его территорию распродали по частям, разделили заборами, хаотически застроили. Ныне главный дом Милютиных номинально все еще является многоквартирным жилым, но фактически находится на грани разрушения, а прилегающая территория больше напоминает свалку, чем некогда цветущий парк, любовно высаженный «отцом» современной русской армии, покорителем Кавказа и Плевны⁵⁹⁹. Нельзя не вспомнить грустные слова Милютина, записавшего в дневнике: «Как много мы, русские, кричим о русской самобытно-

⁵⁹⁷ Справедливость восстановлена // Родина. 2016. 8 июля.

⁵⁹⁸ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 2. Д. 76. Л. 3.

⁵⁹⁹ Имение Д.А. и Н.М. Милютиных // Симеиз. Путеводитель по старым дачам. [Электронный ресурс]. URL: <https://simeiz.gardenacademia.com/villas/damilyutina> (Дата обращения – 12.09.2022).

сти, о русской старине, о русской национальности, а между тем на деле ни в одном народе нет такой беззаботности относительно сохранности и восстановления памятников исторических»⁶⁰⁰.

3.2. Источники и этапы реконструкции биографий земских врачей и филантропов супругов Михайловых на Южном берегу Крыма⁶⁰¹

Впервые супруги-врачи Константин Александрович и Елена Николаевна Михайловы, работавшие на Южном берегу Крыма в переломные десятилетия XX в., попали в поле нашего зрения при работе с крымскими страницами мемуаров выдающегося ученого В.И. Вернадского. В январе 1920 г. он выехал из Новороссийска в Ялту на пароходе «Муравьев-Апостол». 19 января прибыл в Феодосию, а 20-го – в Ялту, где записал в своем дневнике: «Эта остановка перестроила всю мою жизнь. В тот же вечер <...> у меня начался очень сильный сыпной тиф. К счастью, я попал в условия очень хорошего ухода; моя жена, дочь и племянница меня выходили. Я чуть не умер. Врач, лечивший меня, известный как общественный деятель, К. Михайлов умер сам от болезни сыпного тифа»⁶⁰².

Еще одно упоминание врача К.А. Михайлова, уже в другом контексте, обнаружилось при изучении истории первого дачного курорта на Южном берегу Крыма Новый Мисхор: один из арендаторов дач курорта, дворянин и общественный деятель В.Н. Радаков летом 1912 г. приехал в Москву к скульптору А.С. Голубкиной, чтобы заказать ей памятник для своей скончавшейся жены, ученого-этнографа Е.П. Радаковой. Голубкина вырубил из мрамора изображение Хри-

⁶⁰⁰ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1891–1999... С. 94.

⁶⁰¹ При подготовке данного параграфа диссертации использована публикация автора в соавторстве: *Карагодин А.В., Петрова М.М.* Супруги Михайловы — земские врачи и филантропы на Южном берегу Крыма: биография в контексте эпохи // *Человек и культура*. 2020. № 6. С. 124–140. (1,3/1,85 п.л.)

⁶⁰² *Лавров В.В., Ишин А.В.* В.И. Вернадский и Таврический университет // *Крымский архив*. 2000. №6. С. 182–183.

ста, моделью для которого стал врач Кореизской больницы К.А. Михайлов, которого она несколько раз приглашала позировать для создания горельефа. Памятник на Мисхорском кладбище был открыт в 1913 г., ныне он восстановлен, хотя сам горельеф утрачен, а кладбище находится в плачевном состоянии⁶⁰³ (илл. 17).

Был обнаружен нами и некролог К.А. Михайлову, принадлежащий перу врача, писателя, общественного деятеля С.Я. Елпатьевского, опубликованный в журнале Пироговского общества «Общественный врач» в 1922 г. «Он был земским врачом того типа, который сложился у нас в России, аналогичного которому нет в Западной Европе. Русский земский врач, давно, с первых шагов, не является только клиницистом, представителем медицинской профессии, он взял на себя социальную миссию», – писал о Михайлове Елпатьевский. «Он давно понял, что задача врача не только лечение населения, но и оздоровление жизни его, повышение его культурного уровня, улучшение его экономической жизни, что все это – профилактическая работа, необходимая для народа, для его выздоровления... К.А. Михайлов умер, не окончивши своей работы, не успев осуществить высокие планы, которые лелеял он. Последнею мечтою его было устройство санатория для туберкулезных татар, – санатория особого типа, где вместе с общими санаторными требованиями были бы учтены, и в самой архитектуре и в общем режиме, вкусы и некоторые навыки татарского населения, и вместе с тем больные бы научились принимать и устранять вредные в смысле лечения и распространения туберкулеза особенности устройства жилья и всего быта татар»⁶⁰⁴.

Фигура земского врача на Южном берегу Крыма представляет интерес для исследователя как минимум по нескольким причинам. Россия начала XX в. переживала процесс модернизации, размытия сословных границ и рамок, развития новых общественных институтов, перехода социальных ролей и классовых идентичностей. Именно в это время под эгидой земства происходит становление

⁶⁰³ *Карагодин А.В., Петрова М.М.* Новый Мисхор – первый дачный курорт на Южном берегу Крыма (1898–1920): реконструкция социокультурной истории // *Человек и культура.* 2020. № 4. С. 103–127.

⁶⁰⁴ *Елпатьевский С.Я.* К.А.Михайлов: некролог // *Общественный врач.* 1922. №2.

нового и исключительно важного института общественной медицины. Ему будет суждено сыграть важнейшую роль в развитии медико-санитарного дела в стране, становлении местных врачебных участков, санитарных организаций, сборе медицинской статистике и гигиеническом и медицинском просвещении населения России. Не случайно земский врач займет одно из центральных мест в русской литературе конца XIX-начала XX вв. – рассказах А.П. Чехова, И.А. Бунина и др. Важную роль фигура земского врача играла и в контексте развития нового социокультурного явления – филантропии, также активно развивавшегося в пореформенной России.

Немаловажен и контекст развития Южного берега Крыма как курорта, главной характеристикой которого на рубеже XIX-XX веков была трансформация небольшого числа крупных помещичьих землевладений с виноградниками, окруженных небольшими татарскими деревнями, в быстро развивающуюся сеть все более населенных и развитых курортных городов, городков и дачных поселков, гораздо более плотно населенных и во все большей степени нацеленных на прием большого количества туристов с целью оздоровления; при этом, как мы видели на примере дискуссий 1915 г. о будущем русских курортов, вопросы санитарного благополучия курортных местностей ЮБК вызывали беспокойство общественности. Однако, если развитие земской медицины и филантропии в России пореформенного периода уже давно привлекает внимание исследователей⁶⁰⁵, то применительно к Южному берегу Крыма в указанный период разработка этой проблематики лишь начинается, имеющиеся публикации носят пока скорее обзорный характер⁶⁰⁶.

С социокультурной трансформацией региона связана и история Кореизской больницы, где трудились супруги Михайловы. Она берет свое начало в

⁶⁰⁵ Очерки истории русской общественной медицины (к столетию земской медицины): сборник статей. Под ред. П.И. Калью. М., 1965; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи: XIX – нач. XX в. М., 2005.

⁶⁰⁶ *Кеня И.А.* Вклад предпринимателей и благотворителей в социокультурное развитие Крыма. Брянск, 2020.

1890-х годах, когда на Южном берегу Крыма появились купцы из Сибири – Токмаковы, Кузнецовы, Трапезниковы, которые приобрели земли в Мисхоре, Форосе, Мелласе. В 60-е годы XIX века врачи С.П. Боткин и В.Н. Дмитриев установили целебность климата ЮБК для лечения легочных заболеваний, и в Крым устремилось большое количество людей из северных областей России. Одним из этих северян был Иван Федорович Токмаков (1838–1908), предприниматель и меценат, уроженец сибирского Нерчинска. Обладая природной сметкой, он уже в 23 года участвовал в русском торговом караване в Китай, стал совладельцем первых русских чайных фабрик в Китае, был основателем первого русского пароходства на Дальнем Востоке – компании «Добровольный флот». Кяхта, где жили Токмаковы, была местом ссылки неблагонадежных элементов, еще в юности Токмаков близко знал декабристов Бестужевых, читал и распространял подпольные издания Герцена. По состоянию здоровья ему пришлось переехать в Крым: видимо, он, и члены его семьи болели туберкулезом, климат Южного берега Крыма для них был спасением, и они решили устроиться в Крыму основательно⁶⁰⁷.

Вероятнее всего, дата приезда в Крым семьи Токмаковых – 1886 г. Именно тогда Варварой Ивановной Токмаковой (в Российской империи покупки недвижимости, как правило, оформлялись на жен, так как имущество супругов по закону было отдельным и неотчуждаемым) был куплен участок площадью 1827 кв. саж. в Аутке – пригороде Ялты⁶⁰⁸. Основные земли в Ялтинском уезде были куплены Токмаковыми чуть позднее – в 1889–1890 гг. Дачи в Алуште и Алушке были приобретены совместно с казанским 1-й гильдии купцом О.Я. Молотковым, а в Гаспре с купцом Н.И. Титушкиным. Имение «Романово», приобретенное И.Ф. Токмаковым и О.Я. Молотковым в Алуште за 234 тыс. рублей, было самым большим из всех – 86 дес. 1470 кв. саж. На базе этого алуштинского имения была создана винодельческая фирма «Токмаков, Молотков и К», вина

⁶⁰⁷ Баренбаум И.Е. Книжный Петербург: Три века истории. СПб., 2003; В далекой дымке-Олеиз // Правда. 1979. №284. 11.10.1979.

⁶⁰⁸ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 4. Л. 51.

которой, созданные виноделом В. Ф. Егоровым, получали награды на выставках в Крыму. Это имение давало основной доход семье Токмаковых⁶⁰⁹. Имение в Гаспре находилось на мысе Бунага и до того принадлежало князю С.И. Мещерскому, затем князю С.М. Воронцову, который назвал его «Барбо-Кристо» в честь грека-арнаута, служившего у него. По завещанию оно досталось его жене в 1885 году, а она, в свою очередь, 8 ноября 1890 г. года продала его В. И. Токмаковой и Н. Н. Титушкину. Площадь имения составляла 42 дес. 377 кв.саж.⁶¹⁰. Впоследствии часть имения они продали графине Паниной, Комстадиусу, Маламе, Романовым, Остен-Сакену и др., а оставшуюся часть разделили между собой. Еще 2 дес. 737 кв. саж. в Гаспре было куплено Токмаковой и Титушкиным 23 января 1902 года⁶¹¹.

Еще один участок в Алушке площадью 21 дес 815 кв. саж. поровну принадлежал Токмакову и Молоткову, в 1904 году был выкуплен Токмаковым, а в 1908 году по завещанию перешел его жене Варваре Ивановне. Это имение называлось «Хоба-Туби»⁶¹². В нем дочерью Токмакова Марией Токмаковой-Водозовой был создан пансион, где поправляли свое здоровье А.М. Горький, И.А. Бунин, В.Г. Короленко и другие деятели культуры.

Основное владение Токмаковых «Олеиз» находилось в Мисхоре. В крепостной книге по Мисхору, Кореизу и Гаспре записано, что в 1890 году Иван Федорович Токмаков купил у Петра и Павла Шуваловых 11 дес 683 кв. саж., в которых состоит виноградников 326 кв. саж., фруктового сада 2 дес. 1500 кв. саж., пахотных земель 2 дес. 1688 кв. саж., пастбищных 2 дес. 900 кв. саж., под лесом 3 дес. 1079 кв. саж.⁶¹³. До 1917 г. площадь этого имения почти не менялась. С востока оно граничило с землями князя Юсупова, с запада – Шуваловых-Долгоруковых, с севера – с кладбищем и землями татар Мисхора, с юга с Черным

⁶⁰⁹ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 176. Л. 67; Винодельческое хозяйство и виноторговля Токмакова и Молоткова в Алуште (Южный берег Крыма): 1889-1913 гг. М., 1913.

⁶¹⁰ ГАРК. Ф.62. Оп. 3. Д. 45. Л. 4.

⁶¹¹ ГАРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.

⁶¹² Там же.

⁶¹³ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 45. Л. 26.

морем. Само владение представляло собой неширокую полосу, проходящую от мисхорского кладбища до моря. В состав имения входил пляж площадью 800 кв. саж., состоящий из мелких камней, удобных для отдыха. Вверх от моря поднимался парк, основа которого была заложена еще Нарышкиными и Шуваловыми. Через имение проходило несколько дорог, в том числе нижнее алушкинское шоссе, ведущее в Ялту.

Жилой дом семьи Токмаковых был построен прямо над этим шоссе - по семейным преданиям, самим владельцем Иваном Федоровичем вместе с плотником⁶¹⁴. Этот двухэтажный дом, украшенный резными наличниками и карнизами, с большой открытой верандой с южной стороны, комнатами для всех членов большой семьи Токмаковых, сохранился до настоящего времени. Мимо дома через все имение проходила дорога, вдоль которой располагались флигели, прачечная, кухня, конюшня, птичий двор, оранжерея, кладовые помещения. «Большая нелепая дача со многими лесенками, переходами, галереями,» – так описывал дом Токмаковых проведенный 1918 год в соседней Гаспре будущий писатель В.В. Набоков⁶¹⁵. Впоследствии в парке между алушкинским шоссе и морем было построено восемь гостиниц, номера в которых сдавались в наем для лиц интеллектуального труда. С ноября 1901 по апрель 1902 года на одной из дач Токмаковых «Нюра» жил А.М. Горький. В 1901 г. за участие в забастовках Горький был помещен в нижегородскую тюрьму, где у него обострился туберкулез. Л. Н. Толстой в это время отдыхал на даче С.В. Паниной в Гаспре. Узнав о болезни Горького, он написал ряд воззваний, и писатель был освобожден и переправлен в ссылку на Южный берег, к Токмаковым⁶¹⁶.

У Ивана Федоровича Токмакова и его жены Варвары Ивановны, урожденной Теплоевой (1850, Якутск – 1936, Москва) было трое сыновей – Сергей (1873–1913), Вячеслав (1873–1902) и Николай (1880–1940) – и три дочери. Стар-

⁶¹⁴ *Водовозова М.М.* Благословенный Олеиз // *Галиченко А.А.* Старинные усадьбы Крыма. Симферополь, 2013. С. 311.

⁶¹⁵ *Бойд Б.* Владимир Набоков: русские годы. М.; СПб., 2001. С. 177.

⁶¹⁶ *Шантырь С.П.* Мисхор, Кореиз, Гаспра. Симферополь, 1974. С. 65.

шей дочерью была Елена (1868–1945), родившаяся в Китае. Ее мужем стал философ С.Н. Булгаков (1871–1944). 1897 г. в издательстве М.И. Водовозовой (еще одной дочери И.Ф. Токмакова) вышла его книга «О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд». Во время издания книги Булгаков познакомился с Е.И. Токмаковой, и уже 14 января 1898 г. протоирей Василий Попов обвенчал их в храме Вознесения Христа в Кореизе. В 1909 году в Мисхоре умер четырехлетний сын Булгаковых. В 1917 г. Булгаков по благословлению патриарха Тихона был посвящен епископом Федором Волоколамским в дьяконы, а позднее – в сан пресвитера. После принятия сана ему пришлось оставить Московский университет, где он служил профессором. В 1918 г. Булгаков переехал в Крым, служил в Троицком храме в Гаспре и храме Вознесения Христа в Кореизе, преподавал в Таврическом университете богословие и политэкономия. С 6 сентября 1921 г. служил в храме Александра Невского в Ялте, а 17 декабря 1922 г. был выслан из страны с женой Еленой Николаевной, младшими детьми Марией и Сергеем⁶¹⁷.

Вторая дочь Токмакова – Мария (1869–1954) – с 1892 была замужем за Н.В. Водовозовым (1871–1896), экономистом, одним из первых русских марксистов. На деньги, полученные от отца, Мария Ивановна с мужем создали «Издательство М.И. Водовозовой», в котором были опубликованы (под псевдонимом В.Ильин) работы В.И. Ленина – «Развитие капитализма в России», «Экономические этюды и статьи», а также целый ряд работ социалистов Европы. Н. В. Водовозов умер от туберкулеза в 25 лет. Мария Водовозова издавала и редактировала первый легальный марксистский журнал «Новое слово», заведовала отделом беллетристики журнала «Начало», в 1900 г. была выслана из Санкт-Петербурга, с 1907 по 1917 г. работала в Москве на Пречистенских рабочих курсах библиотекарем⁶¹⁸. Именно благодаря ей в имении Токмаковых в Алушке был ор-

⁶¹⁷ Водовозова М.М. *Благословенный Олεις...* С. 323.

⁶¹⁸ Баренбаум И.Е. *Книжный Петербург: Три века истории...*; ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1568. Л. 248, 252.

ганизован в 1890-х гг. пансион для интеллигенции. Вторым мужем М.И. Водозовой стал Василий Константинович Хорошко, врач-невропатолог, лечивший Ленина.

Обустроив свою жизнь на ЮБК, И.Ф. Токмаков активно занялся благотворительной деятельностью, основал церковно-приходскую школу в память спасения семьи императора Александра III во время железнодорожной катастрофы 17 января 1888 г. В апреле 1895-го Токмаков купил у А.И. Гончарова участок земли площадью 126 кв.саж в Кореизе⁶¹⁹, где затем им была построена чайная с библиотекой-читальней, преобразованная в «Народный дом», в котором проводились лекции, беседы, выставки, скрытно проповедовались идеи социализма и политической свободы. В спектаклях и концертах наряду с любителями участвовали и профессиональные артисты. В «Народном доме» встречал новый 1902 г. писатель Л.Н. Толстой, который в это время поправлял здоровье в Гаспре в имении графини С.В. Паниной, здесь же библиотекарем работала М. И. Водозова⁶²⁰.

В 1892 года И.Ф. Токмаков вышел в Ялтинскую уездную земскую управу с заявлением «по вопросу об устройстве в Кореизе приемного покоя на свои средства и при участии Земства, ввиду того, что в двух смежных деревнях Мисхоре и Кореизе при большом числе жителей почти не существует местной постоянной медицинской помощи, а между тем бывают частые случаи заболеваний. В отношении расходов по устройству и открытию приемного покоя г. Токмаков принял на себя: наем помещения для покоя, внутреннее устройство и продовольствие больных; участие Земства в данном случае выражается в назначении жалования фельдшернице 400 руб. и снабжение приемного покоя медикаментами. В сентябре месяце туда определена фельдшерница-акушерка и выписаны медикаменты, инструменты и аптечная посуда»⁶²¹.

⁶¹⁹ ГАРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 26. Л. 104.

⁶²⁰ ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1568. Л. 252.

⁶²¹ Постановления Ялтинского Уездного Земского Собрания XXVII очередной сессии созыва 1892 года с приложениями. Ялта, 1893. С. 30.

В 1895 г. Кореизский приемный покой был переведен из своего старого наемного помещения в новое, специально построенное для этой цели на участке, купленном еще в 1890-м, здание⁶²². И.Ф. Токмаков решил улучшить крутой и небезопасный въезд на почтовый двор, не дававший возможности подъезда к больнице, и начальник Крымского шоссе распорядился оказать ему помощь в прокладке дороги и отвести воду из казенного бассейна для нужд больницы⁶²³. Новое здание дало возможность вдвое увеличить прием больных. Считая, что частных пожертвований до тысячи рублей в год недостаточно, попечитель И.Ф. Токмаков для удовлетворения увеличивающихся нужд больницы просил земство добавить содержание больницы еще на 1000 рублей⁶²⁴, а также пригласить врача для заведования Кореизским приемным покоем, ассигнуя на это 500 руб. личных средств⁶²⁵.

С 1895 года больницей в Кореизе стал заведовать врач Александр Николаевич Алексин (1862–1923), в 1885 году окончивший Московский университет. Сведения о нем даны в списке врачей Таврической губернии: вдовец, работает с 1890 года в экономии Токмаковой, получает 300 рублей квартирных и за отопление квартиры⁶²⁶. Более подробно о нем написал А.М. Горький. «Все, кто знал Александра Алексина, согласятся, что это был человек интересный и по-русски, разнообразно талантливый. К медицине он относился несколько скептически; возможно, именно поэтому он так удачно лечил. Это был идеальный земский врач, «мастер на все руки», хирург и гинеколог, окулист и «спец» по туберкулезу. Его интуиция в деле распознавания болезней была поразительна... Его плотная, несколько тяжелая медвежья фигура, грубоватое лицо, прямой пристальный взгляд умных, насмешливых глаз и малословная, резковатая речь всегда возбуждали в людях доверие к нему, женщины же особенно легко подчинялись его воле,

⁶²² ГАРК. Ф. 529. Оп. 1. Д. 47. Л. 23.

⁶²³ ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 2432. Л. 3-5.

⁶²⁴ Постановления Ялтинского Уездного Земского Собрания XXVII очередной сессии созыва 1892 года с приложениями. Ялта, 1893. С. 263–274.

⁶²⁵ Там же. С. 75.

⁶²⁶ Список врачей Таврической губернии с включением некоторых данных о их личном составе. Симферополь, 1894.

как бы сразу чувствуя его духовное и физическое здоровье... <...> Его очень любили женщины, он щедро платил им тем же... и не один из романов не окончился драмой. Его первой женой была очень известная в свое время концертная певица, контральто Якубовская, она умерла после родов, он говорил о ней всегда с печалью. Был он сын сельского попа Вологодской губернии, в университет пошел против воли его отца»⁶²⁷.

Именно Алексин начал лечебное дело Токмаковых в 1890 году, оказывая помощь отдыхающим на их дачах, а с 1895 г. стал управлять Кореизским приемным покоем, где работал, по всей вероятности, до 1898 г., а жил на даче Токмаковых «Нюра». Из-за распространения листовок в 1902 г. за ним был учрежден полицейский надзор. Участвовал в событиях 1905 г. и был выслан из Ялты, обосновался в Москве, работал в туберкулезном институте Четвериковых в Сокольниках, там же открыл туберкулезный санаторий в 1913 г. и сам стал работать главным врачом. Был активным членом Лиги по борьбе с туберкулезом, секретарем общества врачей им. Пирогова. Скончался в Москве в 1923 г.⁶²⁸

Первые отчеты о работе Кореизского приемного покоя были напечатаны в Постановлениях Ялтинской уездной земской управы за 1897 год и подписаны врачом Алексиным. По ним видно, что прием больных был не только амбулаторный, но и стационарный, причем амбулаторный увеличился почти вдвое – с 2768 до 4383 человек. На стационаре приняли 197 человек, из которых основной контингент составляли рабочие (145), русские, в основном пришлые, которые работали на строительстве дач, в табаководстве и виноградарстве. Количество коечных больных составило 197, больничных дней 3687. Из заболеваний преобладали брюшной и возвратный тиф, малярия. Больных обслуживали 1 врач, 2 фельдшера и прислуга, заработная плата которых по отчету составляла соответственно – 1000, 771, и 667 рублей. На содержание больницы и больных было затрачено 6385 руб. 30 коп., больничный день был равен 1 руб. 73 ¼ коп., впоследствии цены повышались.

⁶²⁷ Горький М. Крымские эскизы. Симферополь, 1974. С. 221–225.

⁶²⁸ Там же.

По данным этого же отчета, на содержание больницы поступили пожертвования от следующих лиц (все они были крупными южнобережными землевладельцами): от великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении – 300 руб.; от великого князя Петра Николаевича и великой княгини Милицы Николаевны – 200 руб.; от князя Ф.Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстон – 500 руб.; графини Паниной – 200 руб.; Мисхорской экономии графа Шувалова – 100 руб., Н.Н. Абрикосовой – 200 руб., Алупкинской экономии – 150 руб.; Грамаковой Шарлотты Андреевны – 25 руб.; Мальцова Н.С. – 100 руб. Впоследствии к числу благотворителей добавился граф Д.А. Милютин и другие владельцы близлежащих имений. Ялтинское земство снабжало больницу медикаментами и оплачивало жалование двух фельдшерниц в сумме – 582 руб. 98 коп. Поступали также и единовременные пособия – всего 2184 руб. 83 коп. А всех поступлений – 4542 руб. 81 коп. Перерасход составил 1842 руб. 49 коп. Лечение для больных было бесплатным⁶²⁹.

Во второй половине 1899 года в строй вошло родильное отделение, где лечилось 17 женщин, была начата постройка заразного барака. В 1900 году Земство ассигновало на постройку 2700 руб, с разделением этой суммы по сметам трех лет. И.Ф. Токмаков принял часть расходов на себя, внося в план еще одну палату, тем самым увеличив стоимость сметы на 1000 рублей. К этому времени Кореизский приемный покой занял третье место среди лечебных заведений Ялтинского земства. С 1896 по 1900 год число больных возросло в 2,5 раза, а амбулаторных посещений в три раза. Вокруг больницы был разбит садик, улучшена система водоснабжения. Приобретены на частные пожертвования электрическая машина Клэмера для постоянного тока за 70 руб. и микроскоп Рейхерта (от генерала Мальцова за 100 руб.)⁶³⁰. В 1901 году Варвара Ивановна Токмакова для увеличения площади больницы купила участок земли площадью 1209 кв. саж. под

⁶²⁹ Постановления Ялтинского Уездного Земского Собрания чрезвычайного созыва 28 июля 1897 XXXII, очередной сессии 30 октября-3 ноября 1897. Ялта, 1898.

⁶³⁰ Постановления Ялтинского Уездного Земского Собрания за 1900 г. Ялта, 1901. С. 93–99.

названием «Магмали»⁶³¹. Была закончена постройка инфекционного барака, приобретен весь инвентарь. Открытие барака сдерживало отсутствие воды (стоимость прокладки линии составляла 3000 руб.) Кореизский приемный покой обслуживал район от Гурзуфа до Мухалатки, все экономии на этой территории. Операции проводили профессор А.А. Бобров, доктора Орлов, С.А. Александров, К.В. Волков.

В 1902 году Кореизскому приемному покою, созданному по инициативе И. Ф. Токмакова, исполнилось десять лет. За это время на содержание покоя он израсходовал 19,5 тысяч руб. По случаю десятилетнего юбилея Управа предложила Собранию «выразить почетному распорядителю приветствие и поставить в приемном покое портрет его и ходатайствовать о разрешении присвоения Кореизскому приемному покою наименования «Кореизский приемный покой имени И.Ф. Токмакова»⁶³².

С 1899 г. Кореизским покоем заведовал врач Константин Васильевич Волков (1871–1838). В 1901–1902 гг. именно он лечил Л.Н. Толстого, заболевшего тифом в Гаспре. Врач Волков составлял свои отчеты вплоть до 1906 года, когда был выслан из Крыма за участие в политических событиях и содержание при больнице подпольного пункта газеты «Искра». В ГАРК хранятся документы об аресте врача К. В. Волкова 2 февраля 1907 года в Казанской губернии и привлечении его по обвинению по 128 ст. Уголовного уложения – за участие в собраниях, митингах, оскорблении царя, с выселением в отдаленные места Российской империи. По всей вероятности, участие врача Волкова в революционных событиях и рассмотрение этих дел в суде проходило в конце 1906 года, а сам он не дождался решения суда и уехал в Казанскую губернию, где и был взят под стражу. В конце февраля 1907 г. врач Волков написал прошение начальнику севастопольского жандармского Управления об освобождении его под залог в 500

⁶³¹ ГАРК. Ф. 376. Оп. 5. Д. 5928. Л. 3-3об.

⁶³² Постановления Ялтинского Уездного Земского Собрания за 1902 г. Ялта, 1903. С. 154–164.

рублей, а 2 марта был привлечен к дознанию и освобожден, но без права жить на Южном берегу Крыма. Как сложилась его судьба дальше, неизвестно⁶³³.

С февраля 1907 года врачом больницы стал Константин Александрович Михайлов. Потомки Михайлова Т.Л. Михайлова и ее муж Д.С. Зосимов, живущие ныне в Москве, сообщили нам, что еще в 60-е годы XX столетия семья Михайловых передала часть фамильных документов в Ялтинский краеведческий музей. Эти документы (Ялтинский историко-литературный музей. Кп. 6005. Д. 636; Ялтинский историко-литературный музей. Кп. 6019. Д.594), изученное нами в Российском государственном историческом архиве дело «О службе врача Михайлова»⁶³⁴, а также фотографии и иные документы из семейного архива помогли подробнее раскрыть историю жизни супругов Михайловых и взглянуть в новом ракурсе на историю ЮБК в XX веке.

К.А. Михайлов родился в 1872 г. в семье коллежского асессора Тамбовской губернии, окончил гимназию и по стопам брата Сергея поступил в 1894 г. в Московский университет на медицинский факультет. Пока был жив отец, он оплачивал обучение, но в 1896 г. его не стало, поэтому Константин устроился заштатным лекарем в Переселенческий департамент для сопровождения крестьян, едущих на Дальний Восток, где получил обширную практику и стал многогранным специалистом. Там же, в Сибири в 1896 г. он женился на дочери присяжного поверенного В.А. Баумштейн, спустя год 31 декабря 1897 г. у них родилась дочь Татьяна.

Сохранился диплом К. А. Михайлова на звание лекаря, выданный в Московском университете 31 октября 1898 года⁶³⁵. В университете Михайлов получал казенную медицинскую стипендию с 1 ноября 1897 г. по 1 ноября 1898 г., за что обязан прослужить по назначению начальства один год и шесть месяцев. Так как Михайлов все еще работал в Переселенческом управлении, он не мог сразу отслужить положенный срок: только 2 мая 1901 г. он прибыл на место службы в

⁶³³ ГАРК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 578. Л. 136–140.

⁶³⁴ РГИА. Ф. 1298. Оп. 3. Д. 1633.

⁶³⁵ Ялтинский историко-литературный музей (далее – ЯИЛМ). Кп. 6005. Д. 636. Л. 1.

г. Праснышь, где располагался 30 Полтавский пехотный полк. Тогда же, в 1901 г. у него родился сын Константин. Для обеспечения семьи ему пришлось устроиться внештатным лекарем в больницу имения П.С. Ралли близ Винницы. В это время его жена заболела туберкулезом; в мае 1906 г. он договорился об устройстве на должность врача на ЮБК, а 6 марта 1907 г. переехал в Кореиз с семьей и остановился в доме А.Г. Лютца, где и жил до 1913 г., пока владельцы не продали дом и не уехали в Ялту⁶³⁶.

Жена К.А. Михайлова В.А. Баумштейн скончалась от туберкулеза в 1907 г. – начале 1908 г., оставив двоих детей – Татьяну и Константина. Врач Михайлов с головой окунулся в работу. К этому времени в судьбе Кореизской больницы произошли важные перемены. 21 августа 1907 года И.Ф. Токмаков подал прошение о передаче Кореизского покоя, устроенного на его деньги и деньги жены Варвары Ивановны, в случае его смерти, по дарственной записи Ялтинскому земству. В этом документе он также отметил: «Вам хорошо известна история возникновения Мисхорской больницы, или Кореизского приемного покоя. Сначала больница была устроена в наемном помещении, а потом нам Господь помог построить довольно солидные здания, к которым было прибавлено впоследствии заразное отделение. Все эти постройки произведены на земле, купленной мною на мое имя, и преимущественно на личные средства мои и жены моей, Варвары Ивановны Токмаковой. Однако, хотя и увеличились и расширились больничные помещения, но все-таки рост больницы продолжается, количество больных с каждым годом увеличивается, и больничное дело требует неусыпных забот. Между тем, я становлюсь стар и дряхл, чтобы нести их тяжесть; кроме того, чтобы не могло произойти каких либо недоразумений, в случае с моей смерти, с моими наследниками, – я желал бы для этого перевести все больничные здания, построенные на принадлежащей мне земле, по дарственной записи во владение Ялтинского Земства»⁶³⁷.

⁶³⁶ РГИА. Ф. 1298. Оп. 3. Д. 1633. Л. 1, 10, 24, 28.

⁶³⁷ Постановления Ялтинского Уездного Земского Собрания за 1907 г. Ялта, 1908. С. 89, 273.

Собрание постановило уполномочить Управу на принятие дара И.Ф. Токмакова, а также на совершение дарственной и на производство необходимого на это расхода и выразить глубокую признательность Земского Собрания И.Ф. Токмакову за содействие в деле развития медицинской помощи населению Кореизского участка.

2 августа 1908 года ялтинская газета «Русская Ривьера» в №174 сообщила, что Иван Федорович Токмаков скончался после непродолжительной болезни 1 августа в 5 часов утра в своем имении «Олеиз». На похоронах от имени Земства присутствовал Председатель Управы В.К. Винберг. Он предложил вместо умершего И.Ф. Токмакова попечительницей больницы избрать его наследницу Варвару Ивановну Токмакову. Председатель Управы также сообщил, что больница крайне переполнена, и что Кореизский земский врач К. Михайлов собрал пожертвования на сумму 6000 руб. для постройки амбулатории, причем пожертвователи пожелали остаться неизвестными. Получение новой амбулатории было выгодно Земству, поэтому Управа без особых споров выделила 2000 рублей, требовавшиеся для окончания отделки. Отчет Кореизской больницы за 1908 г. был составлен уже врачом Михайловым. Он сообщал, что Кореизская больница проводит столько же операций, как и Ялтинская больница, и что построена новая амбулатория⁶³⁸.

В связи с тем, что объем работы в Кореизской больнице увеличился и ее активно стали посещать татары-мусульмане, в том числе роженицы, владелица имения в Гаспре графиня С.В. Панина предложила принять в больницу второго врача – женщину, и предложила оплачивать ее зарплату в год 1000 руб, а земство 500 руб. Земская управа поддержала предложение графини С.В. Паниной. Так в Кореизской больнице стала работать врачом Елена Николаевна Колышкевич.

Она родилась 3 февраля 1872 года в селе Богодухове Орловской губернии в семье дворянина Николая Федоровича Колышкевича и его жены Екатерины

⁶³⁸ Постановления Ялтинского Уездного Земского Собрания за 1908 г. Ялта, 1909. С. 15, 372.

Ивановны. Отец происходил из обер-офицерских детей, дед дослужился до звания коллежского асессора. Начальное образование Елена получила дома. В 1881 году поступила в орловскую Николаевскую женскую гимназию, которую закончила в 1888 году с серебряной медалью. Во время учебы в гимназии дополнительно освоила немецкий и французский языки и курс педагогики. Пройдя дополнительный курс обучения в гимназии в 1889 году, получила возможность обучать детей первоначальному чтению и письму⁶³⁹.

1 февраля 1892 года она поступила на курсы фельдшерниц в Петербурге, окончив которые в 1895 г., уже заведовала больницей 5 судоходной дистанции Шлиссельбургского отделения С. Петербургского округа путей сообщения в местечке Кондратьево. По свидетельству начальника 5 судоходной дистанции, выполняла свои обязанности с полным усердием и знанием дела, при гуманном отношении не только к рабочим, но и к местным жителям. В процессе работы в больнице она выучила латынь, тем самым получив право на поступление в С. Петербургский женский медицинский институт 12 сентября 1898 года⁶⁴⁰. Пройдя полный курс обучения в С. Петербурге, Елена успешно сдала экзамены по основным предметам и 17 ноября 1903 года была удостоена звания лекаря с отличием⁶⁴¹. Почти год работала в хирургическом отделении Петропавловской городской больницы (госпитальная хирургическая клиника С. Петербургского женского медицинского института) – сначала в качестве экстерна, а затем ассистента. После чего 9 октября 1904 года получила диплом врача и осталась работать в той же больнице в той же должности, а с августа 1906 года стала штатным ассистентом. А через два года она получила приглашение на работу в Кореизскую больницу. При увольнении 15 сентября 1908 года ей дали отличную характеристику, как «вполне сложившемуся хорошо образованному хирургу с прекрасной техникой и громадным клиническим опытом, приобретенной 4-летней

⁶³⁹ ЯИЛИМ. Кп. 6019. Д. 594. Л. 1

⁶⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 8742. Л. 12.

⁶⁴¹ ЦГИА СПб. Ф.436. Оп.1. Д. 14666 «а». Л. 13.

ассистентской деятельностью в большой хирургической клинике, которая провела самостоятельно целый ряд самых разнообразных хирургических операций»⁶⁴². Как раз такой специалист и был нужен Кореизской больнице, где врач К. А. Михайлов не справлялся с большим объемом работ.

Вскоре в графе «Изменение семейного положения» в паспортной книжке врача Михайлова появилась отметка, что 29 июня 1909 года он повенчан в Кореизской Вознесенской церкви Ялтинского уезда Таврической епархии с женщиной-врачом Е.Н. Колышкевич. Таинство брака совершил протоирей означенной церкви Василий Попов⁶⁴³. В 1910 у Михайловых родился сын Андрей, в 1912 – Владимир.

Работы хватало: к этому времени при земской Кореизской больнице для приезжих больных была открыта амбулатория и пансион для недостаточных туберкулезных больных с платой за полный продовольственный и врачебный уход 50 рублей в месяц, которым заведовал врач Михайлов. 6000 руб. на шесть дополнительных коек в этом бараке пожертвовала дочь городского головы г. Москвы Николая Алексеева Мария Николаевна в честь умершей от туберкулеза своей тети А. А. Четвериковой, за что собрание Ялтинского уездного земства выразило ей благодарность. С 1907 г. М.Н. Алексеева по состоянию здоровья жила в Мисхоре у Токмаковых, затем у Михайловых, стала большим другом их семьи и участвовала в мероприятиях по благоустройству Кореизской больницы. Пансион был открыт и в имении графини Паниной, а в 1912 г. и в Алушке, и заведующим стал опять же врач Михайлов. Активно участвовал он и в деятельности крымского отделения Всероссийской лиги по борьбе за туберкулезом, учредившей 6 мая 1911 «День белого цветка» для сбора благотворительных средств⁶⁴⁴. Но самое большое внимание врач К.А. Михайлов оказывал Кореизской больнице, где он принимал ежедневно, кроме вторников и четвергов, а доктор Е.Н. Колышкевич-Михайлова осуществляла прием как хирург ежедневно. В постановлении

⁶⁴³ ЯИЛИМ. Кп.6005. Д. 636.

⁶⁴⁴ Туберкулез. Журнал Всероссийской Лиги по борьбе с туберкулезом. 1911. № 2. С. 56.

Ялтинского уездного земства за 1914 год сообщалось, что окончены постройкой в Кореизе: 2-х этажный дом врача на 2 квартиры стоимостью 41000 руб., 2-х этажное здание с родильным приютом и 3-х квартир фельдшерских с оборудованием около 30000 руб.; построена операционная – 4600 руб.; переделано отопление в больнице на водяное и ремонт всего здания – 11000 руб. А всего было израсходовано 135000 рублей, из которых 120000 пожертвований 15000 рублей поступило от Ялтинского земства. В 1913 году Ялтинское земство приняло больницу на свой баланс, но вплоть до установления советской власти семья Токмаковых вносила недостающие средства на содержание больницы. Добывал средства на ее содержания и врач Михайлов. Земство помогало содержать Кореизский приемный покой и выплачивало двум врачам по 500 рублей в год, остальные деньги доплачивала Токмакова и жертвователи⁶⁴⁵.

В годы Первой Мировой войны К.А. Михайлов возглавил «Союз Земских городов России» Ялтинского уезда (Земгор) по оказанию помощи раненым. По его инициативе были открыты лазареты на базе пансиона для туберкулезных больных в имении графини С.В. Паниной и в имении Е.П. Кокоревой в Мухалатке, четыре лазарета в Алушке, в том числе на даче Постельниковой, с рентгенкабинетом и лабораториями, подсобное хозяйство в Алушке, бесплатные столовые для детей фронтовиков⁶⁴⁶. В 1916 г. Ялтинский уездный комитет Земгора, в лице председателя комитета врача К. А. Михайлова, предложил управляющему имения «Харакс» сдать в аренду комитету молочную ферму, что давало возможность сократить расходы комитета. Вопросами Земгора К.А. Михайлов занимался вплоть до 1918 г., а раненых и больных воинов не оставлял без внимания до своей кончины 19 ноября 1920 г.⁶⁴⁷

Вот что написала, узнав от смерти врача Михайлова, эмигрировавшая к тому времени за границу владелица близлежащего имения в Кореизе графиня С. В. Панина:

⁶⁴⁵ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 253. Л. 226–227.

⁶⁴⁶ Призрение увечных воинов и семей, призванных на войну // Ведомости Ялтинского Градоначальства. 1916. №38. 16.12.1916 г. С. 3.

⁶⁴⁷ РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 149. Л. 44 об.

«Письма из Крыма принесли нам на далекую чужбину известие о смерти корейского врача К. А. Михайлова. Кто из жителей Крыма не знал этого имени! Кто из нас не видел около себя во все тяжкие минуты болезней, утрат, нужды и горя это тонкое изможденное лицо, эти бесконечно печальные и ласковые глаза! К кому, как ни к доктору Михайлову, от Алушты до Кикинеиза шли все, кто нуждался в помощи или совете, не только личном, но и общественном! <...> Совершенно исключительный человек, выдающийся врач и общественный деятель, Константин Александрович являл собою то изумительное сочетание высоких духовных качеств, целей и действительности, которые в России, закончившей свое существование 20 октября 1917 года, именовались «земским врачом» в самом лучшем самом высоком значении этого слова. <...> Кто-нибудь лучше моего, я надеюсь, расскажет когда-нибудь о том, как отказывал себе во всем, никогда не имея лишнего гроша за душой, он умел привлекая сердца и доверие людей, превратить маленькую лечебницу в лучшую, наиболее благоустроенную больницу во всем Ялтинском уезде. Расскажет, как доверие это росло и постепенно распространялось на темную татарскую среду и совершилось чудо, приведя в Кореизскую больницу даже татарскую женщину, роженицу не только из ближних деревень, но и из далекого горного хребта. Расскажет о том, какой живой творческой силой он был не только в медицинских, но и в просветительных начинаниях Кореизского округа, как не обходилось без его участия ни одно общественное предприятие, ни одно хорошее и полезное дело. Скажет о его участие в земской работе уезда и губернии. <...> Константин Александрович умер от сыпного тифа на том поле сражения, которое не знает мира, ни даже перемирия и на котором кладут душу за други своя не в порыве увлечения, а в труде постоянной самоотверженной любви»⁶⁴⁸.

Е.Н. Кольшкевич после смерти мужа сумела сохранить Кореизскую больницу, став ее старшим врачом 17 ноября 1920 г.⁶⁴⁹. При советской власти

⁶⁴⁸ Панина С.В. О К.А.Михайлове // La Cause Commune/Общее дело. 20.08.1920.

⁶⁴⁹ ГАРК. Ф. Р-26. Оп.1. Д. 80. Л.5 об.

под ее руководством были выстроены отдельное здание для амбулатории, специальное отделение для инфекционных больных, корпус, где разместилось хирургическое и родильное отделение. Правительство присвоило ей звание заслуженного врача республики, жители Кореиза неоднократно выбирали ее депутатом Кореизского поселкового совета. В годы Великой Отечественной войны Елена Николаевна организовала вокруг себя сослуживцев, Кореизская больница стала центром подполья Южного берега. Здесь читали листовки, газеты, сводки Информбюро, вся работа больницы подчинялась «партийному поручению» – так называли партизанские задания. Врачи Михайлова и Пригон выдавали справки о мнимой болезни молодежи, чтобы их не угоняли в Германию. На базе противотуберкулезного барака создали партизанский госпиталь, а после освобождения Южного берега Крыма трое суток не отходили от операционных столов, возвращая жизнь и здоровье раненым воинам⁶⁵⁰. За организацию в больнице во время оккупации Крыма фашистами подполья и оказание медицинской помощи партизанам и воинам Советской армии врач Е. Н. Михайлова была награждена медалью «За отвагу» посмертно в 1968 г. Елене Николаевне было восемьдесят шесть лет, когда коллектив кореизской больницы проводил ее на заслуженный отдых в 1958 г. Ее не стало 18 июня 1964 г. на 93 году жизни. Она была погребена на Гаспринском кладбище⁶⁵¹.

Небезынтересна история старшего брата Е.Н. Колышкевич – Евгения, 1870 г.р. Он в 1890 г. поступил в технологический институт в С.Петербурга, где сошелся с социал-демократами, и уже из Риги, куда перевелся в Рижское техническое училище, был отправлен на три года под надзор полиции в Воронежскую губернию⁶⁵². Перебрался в Орел, где служил в отделе статистики губернии под началом Владимира Оболенского, который впоследствии встретит Колышкевича уже в Крыму, на свадьбе сестры в Мисхоре в 1909 г.⁶⁵³ Женился на А.С.

⁶⁵⁰ ГАРК. Ф. Р-7993. Оп. 1. Д. 40.

⁶⁵¹ Барская Т. Одна из первых // Курортная газета. 1979. 12.02.1972.

⁶⁵² РГИА. Ф. 1405. Оп.93. Д. 10548. Л. 464.

⁶⁵³ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 233.

Шоковой, окончившей также, как и сестра Елена, женский медицинский институт в С.Петербурге. В 1912 г. у них родилась дочь Татьяна. Е.Н. Колышкевич окончил политехнические курсы и поступил в 1915г на завод «Сименс Шукерт», где дослужился до должности конструктора трансформаторов. После установления советской власти помогал рабочим в первые годы советской власти выпускать трансформаторы для электростанций. Дом Колышкевичей был открыт для всех родных: именно у них заканчивали школу сыновья врача Михайлова Андрей и Владимир в 1927-1929 гг. после землетрясения в Крыму, а в 1940-е гг. Владимир переехал в Москву, где со временем стал заведующим конструкторским бюро Московского электролампового завода⁶⁵⁴. Его внучка Татьяна Леонидовна Михайловна с мужем Дмитрием Светозаровичем Зосимовым собирают материалы по истории семьи Михайловых-Колышкевичей. Основные документы сохранились у потомков старшего сводного брата врача Михайлова В.Н. Орлова – А.Н. Мосеева и его дочери Марии, которые любезно предоставили их для нашей работы. Сегодня улица, на которой расположена Кореизская больница, носит имя врачей Михайловых, в 2015 г. на ней была установлена памятная табличка в их честь.

Восстановленная нами с помощью комплекса введенных впервые в оборот источников биография четы Михайловых доказывает: история – это не только поступки и мысли правителей и первых лиц, она есть и у тех «маленьких людей», кто, как правило, остается как бы «в тени», за кулисами исторического процесса. Более того: изучение судеб таких «негромких» героев, как врачи Михайловы, исполнявших свою благородную миссию русского земского врача на совесть и без лишней помпы, позволит пролить не меньший, если не больший свет на историю Южного берега в начале XX в., чем рассказы о великих князьях из семейства Романовых и их приморских дворцах.

⁶⁵⁴ *Синица А.И.* Б.н. // Сталинец. 1951. 21.04.1951.

В эти историю оказываются вплетены и южнобережные землевладельцы дворянского и купеческого сословия, занимавшиеся филантропией и покровительствовавшие радикально настроенной интеллигенции, и переселявшиеся на рубеже веков на Южный берег представители нарождавшегося «среднего класса» Российской империи, в том числе врачи по профессии – достаточно вспомнить строителя ставшей символом Южного берега Крыма дачи «Ласточкино гнездо» доктора А.К. Тобина или еще одного жителя Ялты той поры, врача, писателя и филантропа А.П. Чехова. В качестве одной из первостепенных задач земские учреждения и частные филантропы артикулировали распространение медицинских услуг на «непросвещенное» татарское население Южного берега.

В целом, на Южном берегу, как и во всей России той поры, «благотворительность стала одним из способов самоорганизации и самоидентификации прогрессивных слоев русского общества: как индивидуумов, так и групп граждан, объединенных общей позитивной деятельностью на благо всего общества»⁶⁵⁵. В годы Первой мировой войны эта деятельность получила институциональное выражение в работе Земгора Ялтинского уезда, комитет которого также возглавил К.А. Михайлов.

История освоения представителями медицинской профессии Южного берега Крыма, их вклада в его развитие как современного курорта, борьбы с болезнями и распространением гигиены, а также становление в регионе такой важной для модернизирующегося общества сферы, как благотворительность, несомненно, таит еще много открытий и ждет новых исследователей. Как видно, ее изучение невозможно без методики комплексного источниковедения, поиска документов в архивных фондах, музейных собраниях, мемуарах, собраниях изобразительных источников и семейных архивах.

⁶⁵⁵ Ульянова Г.Н. Указ. соч.

3.3. Воспоминания представителей творческой и научной интеллигенции как источник по истории дачных курортов России и Франции⁶⁵⁶

Несмотря на то, что с дачным поселком Батилиман на ЮБК связаны важные для отечественной культуры имена, сведения о нем в литературе были весьма лапидарны. Истории Батилимана были посвящены несколько кратких публикаций краеведов – пара страниц в вышедшей в 1969 г. в Симферополе в серии «Экскурсии одного дня» брошюре М.Л. Лезинского («здесь что ни дом, то история. Жили в этих домах в большинстве случаев не изнывающие от безделья аристократы, а представители передовой русской интеллигенции»⁶⁵⁷), глава в публикации севастопольского краеведа А.В. Иванова «Ласпи: от Айя до Сарыча» и статья Г.Я. Бедаревой, ведущего научного сотрудника Музея героической обороны и освобождения Севастополя, опубликованная в малотиражном сборнике «III Дмитриевские чтения» Ялтинского историко-литературного музея в 1999 г., а также один абзац в обзорной монографии Е.В. Веникеева «Архитектура Севастополя» (по административно-территориальному делению, установленному в советское время, Батилиман относится к Севастополю)⁶⁵⁸.

Из них следует, что курортный поселок деятелей науки и искусства Батилиман у подножия мыса Айя появился в 1910-х гг., когда участок земли у моря под скалой Куш-Кая, на котором стояла пара рыбацких хижин, купили у татар близлежащей деревни Хайто инженер Кравцов и адвокат Плансон. Они пригласили в Батилиман группу представителей столичной интеллигенции, предложив им выкупить участки по символической цене. В числе пайщиков были писатель Владимир Короленко, режиссер Константин Станиславский, ученый Владимир Вернадский, художник Иван Билибин, врач Сергей Елпатьевский, лидер партии

⁶⁵⁶ При подготовке данного параграфа диссертации использована публикация автора: *Карагодина А.В.* У самого синего моря: трансфер культуры русской дачи с Южного берега Крыма во французский Ла-Фавьер в первой трети XX века // *Человеческий капитал.* 2022. № 7 (163). С. 23–32. (1,04 п.л.)

⁶⁵⁷ *Лезинский М.Л.* Батилиман. Симферополь, 1968. С. 28–29.

⁶⁵⁸ *Бедарева Г.Я.* Батилиман – Ла-Фавьер // *История Южного берега Крыма: III Дмитриевские чтения.* Сборник научных трудов. Ялта, 1999. С. 58–61; *Веникеев Е.В.* Архитектура Севастополя. Симферополь, 1983; *Иванов А.В.* Ласпи: от Айя до Сарыча. Симферополь, 2005.

кадетов Павел Милюков, ученый Владимир Вернадский и многие другие известные в России люди. Нанятая артель турецких строителей пробила в урочище Батилиман дорогу из Хайто, за четыре предвоенных года пайщики успели построить 14 домов. Во время гражданской войны Батилиман опустел, а после революции большинство его обитателей оказались в эмиграции.

Подобная историографическая ситуация едва ли может быть названа удовлетворительной, особенно имея в виду то обстоятельство, что в конце 1920-х гг. бывшие дачники Батилимана, русские эмигранты во Франции устроили русскую колонию по образу и подобию южнобережных дач в местечке Ла-Фавьер в районе Борм-ле-Мимоза на Средиземном море между Тулоном и Каннами. Здесь в крошечных белоснежных домиках на мысе Гурон проводили летние месяцы, а иногда и круглый год Иван Билибин с женой, художницей Александрой Щекатиной, Александр Куприн, Саша Черный (который скончался в Ла-Фавьере), Марина Цветаева, Наталья Гончарова, Михаил Ларионов и многие другие выдающиеся представители российской культуры в изгнании. «Русская колония» строилась благодаря знакомствам и дружбе, сложившимся в Батилимане и, шире, на Южном берегу Крыма; ностальгия по Крыму, олицетворявшему Россию, была идеей, лежащей в основании нового дачного поселка. «Русская колония» в Ла-Фавьере просуществовала до Второй мировой войны, когда немецкие войска разрушили большинство дач ради устройства береговой линии укреплений.

Лишь в последнее время интереснейший сюжет трансфера русской дачной культуры с Южного берега Крыма на юг Франции начал привлекать внимание исследователей. Так, в 2021 г. вышла статья польского литературоведа И. Бжикцы, посвященная колонии русской интеллигенции в Ла-Фавьере. По мнению автора, «в системе локальных текстов русского зарубежья, объединенных мотивом чужбины как «ужасного места», Фавьер занимает исключительное место, так как предстает художественным воплощением Аркадии, обретенной в изгнании»⁶⁵⁹.

⁶⁵⁹ Бжикцы И. «Чудесный уголок земли»: Ла Фавьер как *locus amoenus* в литературе русского зарубежья // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т.19. № 2. 2021. С. 251–281.

Число выдающихся представителей русской культуры, чьи имена были связаны с дачными поселками Батилиман и Ла-Фавьер, наталкивало нас на мысль, что отнюдь не все документы, содержащие как явно выраженную, так и скрытую информацию об этом сюжете, пока введены в оборот, и стимулировало процесс их поиска и интерпретации.

Долгое время основным источником информации о Батилимане и Ла-Фавьере были опубликованные в СССР в 1978 г. мемуары дочери А.И. Куприна Ксении (модель, актриса, переводчица, она в 1958 г. вернулась из Франции в Советский Союз), несколько страниц в которых были посвящены этим дачным поселкам и их обитателям. В них, в частности, сказано: «...на западном побережье Черного моря кто-то открыл райский уголок Баты-Лиман, совсем дикий, огороженный скалами и громадными соснами. Баты-Лиман — по-татарски значит Западный залив. Землю продавали за бесценок, и вскоре там образовалась своего рода колония. Пайщики принадлежали к артистической, литературной и художественной среде: Елпатьевский, художник Билибин, Короленко, Титов, Милуков, Чириков, Сулержицкий, Швецовы. Многие из этих людей впоследствии оказались в эмиграции. В начале 20-х годов семья Швецовых открыла на французской Ривьере первобытный уголок — долину Ла-Фавьер, напоминающую Баты-Лиман... Фавьерская долина принадлежала пяти-шести провансальским фермерам, имеющим виноградные и главным образом оливковые плантации. Разбогатев, они стали продавать лишнюю землю по баснословно низкой цене, так как туда не вела ни одна дорога, не было ни канализации, ни электричества, ни лавок, ни вообще какого бы то ни было признака цивилизации. Людмила Елпатьевская вышла замуж за Н.А. Врангеля... Врангели эмигрировали сначала в Болгарию,.. затем приехали к Швецовым на юг Франции, туда же приехал писатель Г.Д. Гребенщиков. Все были очарованы окружающей природой и решили устроить второй Баты-Лиман. Знакомая фермерша продавала целый холм вместе с заливом и пляжем, цена была что-то по пять франков квадратный метр. Решили купить землю, разделить ее на участки и тянуть жребий среди желающих. Таковых оказалось много, прежде всего «баты-лиманцы» Елпатьевские, художник Билибин

с женой, художницей Щекатихиной, Титовы, профессор Метальников, Белокопытов, Гребенщиков, А.Л. Рубинштейн, Милюков, Саша и Маша Черные, Мечников, жена которого была художницей и скульптором, и многие другие»⁶⁶⁰.

Мы обнаружили еще несколько малоизвестных источников, содержащих небезынтeресную информацию как о дачном поселке Батилиман, так и о дачном поселке русских эмигрантов Ла-Фавьер, а также связях их обитателей с другими дачными поселками Южного берега Крыма, основанными в начале XX в. Так, благодаря онлайн-базе Госкаталога РФ (подробнее о работе с ней см. гл. 4) в фондах музея Московского Художественного академического театра нашлись документы Комитета владельцев имения Батилиман: уведомление К.С. Станиславскому о сборах по имению Батилиман на 1 января 1917 г., отчет Комитета по управлению имением Батилиман за 1916 г. из личного архива Станиславского и другие⁶⁶¹.

Больше всего информации содержится, разумеется, в мемуарах представителей творческой, научной интеллигенции, в том числе неопубликованных, а следовательно, неизвестных исследователям. Назовем, в первую очередь, 847-страничный сборник мемуаров и архивных документов «Русский холм». La Faviere (1920-1960). История русской колонии на юге Франции в воспоминаниях, дневниках и письмах», подготовленный к печати в 2017 М. Макаровым (опубликован лишь фрагментарно, полностью доступен в виде PDF-файла)⁶⁶². В книге собраны не публиковавшиеся ранее либо опубликованные в эмигрантских издательствах малоизвестные воспоминания, письма, хранящиеся в архиве университета Миннесоты, а также уникальные фотографии, произведения изобразительного искусства, почтовые открытки из частных архивов и коллекций, в том числе Г.Д. Гребенщикова, Л.С. Врангель, А.А. Швецово́й и других дачников Ла-

⁶⁶⁰ *Куприна К.А.* Куприн – мой отец. М., 1979. С. 222-223.

⁶⁶¹ Отчет Комитета по управлению имением Батилиман за 1916 год. [Электронный ресурс]. URL://<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22060003> (Дата обращения – 12.09.2022).

⁶⁶² *Макаров М.* Русский холм. История русской колонии во французском Провансе // Золотая палитра. 2019. № 2 (19). С. 55–77; «Русский холм». La Faviere (1920–1960). История русской колонии на юге Франции в воспоминаниях, дневниках и письмах. Сост. М. Макаров. Париж, 2017.

Фавьера. Также использованы фотоматериалы из частных архивов А.Л. Оболенского (Ницца), Франка Пезинаса (Тулон), Николь Леонардо (Ницца), Н.Д. Стояновой (Москва), И.О. Собенниковой (Москва), фотографии Марины Цветаевой из фондов РГАЛИ, открытки и фотографии Л.С. Врангель, оцифрованные архивом университета Миннесоты (США), а также материалы Военного архива Франции. По этим материалам можно восстановить состав дачников Ла-Фавьера, проследить их связи с дачными курортами Южного берега Крыма, восстановить топографию дачного поселка (ныне местность застроена, дачные домики русских эмигрантов утрачены) (илл. 18).

Наше внимание привлек и изданный на французском языке каталог художественной выставки «Русские в Ла-Фавьере», состоявшейся во Франции в 2004 г.⁶⁶³ Он содержит множество изобразительных источников - фотографии, художественные произведения, отражающие быт и творческие настроения дачников Ла-Фавьера.

Интересный рукописный материал о дачах Батилимана авторства предоставил в наше распоряжение заместитель главного редактора журнала «Историк» А. Замостьянов. Это небольшая рукопись неопубликованных мемуаров правоведа, профессора А.Л. Маковского (1930–2020) «На крымском берегу»⁶⁶⁴. В них, в частности, сказано:

«О Батилимане я то и дело слышал с детства... из рассказов взрослых знал, что в Батилимане находилась дача, на которой кто-то из моих предков успел немало пожить... Было это незадолго до революции и продолжалось недолгое время. Сейчас, на старости лет, когда я все-таки с большим интересом отношусь к тому, что происходило в семье происходило, мне удалось разыскать разные довольно любопытные сведения».

⁶⁶³ Dupouy R., Obolensky A., Guillemain M., Faucher F. Les Russes de LaFavière. Catalogue édité à l'occasion de l'exposition au Musée "Arts et histoire" de Bormes-les-Mimosas du 5 Septembre au 14 Novembre 2004. Le Lavandou, 2004.

⁶⁶⁴ Маковский А.Л. На крымском берегу. [Электронный ресурс]. URL://https://disk.yandex.ru/d/6D9AETY1-35BtQ (Дата обращения – 12.09.2022).

Далее А.Л. Маковский, как мы удостоверились при сравнении источников, пересказывает посвященные Батилиману строчки из мемуаров Л.С. Врангель (в девичестве Елпатьевской), опубликованных в до- и послевоенные годы в Париже и Нью-Йорке⁶⁶⁵: Ее второй муж, инженер Н.А. Врангель, был младшим братом Л.А. Кравцовой (в девичестве Врангель) – супруги одного из основателей дачного курорта Батилиман; еще одна его старшая сестра, О.А. Грюнберг (урожденная Врангель) также была собственницей дачи в Батилимане, а с 1918 до 1920 жила на одной из дач Нового Мисхора (см. выше, гл. 2). Их брат, М.А. Врангель, уже в середине 1920-х – начале 1930-х гг. был главным архитектором Севастополя. «Эта дама в первом браке носила фамилию Кулакова, была замужем за петербургским книгоиздателем Кулаковым. У них была дача в Крыму, не в Батилимане, а у Байдарских ворот. Там она и познакомилась с Врангелем, вышла за него замуж. Ее супруг был инженером, который помогал другому инженеру, не менее известному... Николай Георгиевич Гарин-Михайловский занимался даже не строительством, а собственно разведкой, предшествовавшей самому строительству железной дороги в Крыму. А инженер Врангель был его помощником. В итоге, когда был исход белых из Крыма, она эмигрировала, и опубликовала воспоминания, в которых уделила внимания истории батилиманских дач. Сама идея строить там дачи возникла так. Она, живя на даче в Байдарах, как-то обедала в ресторане, который держала грек кулинар, повар, и от него услышала, что татары продают часть земли, расположенной внизу, у моря. Она им не нужна, потому что она неплодородная, пресной воды там нет, это просто пустой кусок земли. И тогда она собрала небольшую группу людей, которые купили эту землю. Купили они ее за 33.000 рублей. Место называлось Баты Лиман. Кажется, по-татарски это означает «глубокий залив». Сложилась занятная первичная компания, которая образовалась для покупки этой земли. Например, туда входил воронежский землевладелец помещик Кравцов, на сестре которого был женат будущий академик Абрам Федорович Иоффе, в то время – молодой физик. Туда

⁶⁶⁵ Врангель Л.С. Крым. Paris, 1939; Врангель Л.С. Воспоминания и стародавние времена. Вашингтон, 1964.

входил известный столичный адвокат Плансон, весьма преуспевавший в те годы. Собрали больше тридцати человек, зарабатывать на этом они не хотели и землю раздали по 1000 рублей за участок. Место действительно удивительное – и побережье, и реликтовые рощи. В 1911 – 1912-м они начали строить там дачи... Образовалось удивительное дачное сообщество, которое стало уникальным срезом русской интеллигенции того времени. Туда входили деятели искусства, там был Станиславский, там была Книппер, там были певцы, там были писатели, Куприн, Короленко, там был литератор, сейчас, наверно, мало кому известный, а тогда не уступавший в популярности Чехову – Евгений Николаевич Чириков. Там был Елпатьевский – литератор, оставивший большое, в том числе мемуарное наследие. Там был художник Билибин, один из тех, тех кто надолго осел в Батилимане, дольше всех там жил. Их политиков – Милюков, Петрункевич – лидеры кадетской партии, из врачей – знаменитый Кащенко. И этот список можно долго продолжать»⁶⁶⁶.

Большой интерес представляет следующий фрагмент воспоминаний А.Л. Маковского: «У меня на руках есть купчая на этот участок, за сургучной печатью, нотариально удостоверенная. Купчая на участок земли, который мой прадед Михаил Семенович Морозов, петербургский врач-психиатр, купил у сына Елпатьевского. Я не сказал главного - баронесса Врангель урожденная Елпатьевская, дочь писателя и врача Сергея Елпатьевского. У него была большая дача в Ялте, с которой связано много отдельных истории, а у его сына имелся участок, который он продал моему деду. В купчей четко написано, кто соседи: Кащенко, Короленко и писательница Татьяна Богданович, которая в советское время довольно много писала для детей. Так что все становится на место. В перечне фамилий, которые в свое время назвала Врангель, фигурируют художники Дервиз и Руднев, причем Руднев - без инициалов... в мастерской у Ивана Фомина помощником работал молодой архитектор Лев Руднев, скорее всего, именно он и строил дачу в Батилимане. К 1918 г. там уже было мало народу, в частности, там жили какое-то время Елпатьевская-Врангель, Чириковы и Билибин, который

⁶⁶⁶ *Маковский А.Л.* Указ. соч.

оставил ряд зарисовок этого места, по которым можно воссоздать жизнь того времени... Еще одна любопытная деталь. Немало дачников-батылиманцев оказались в эмиграции, и они во Франции попытались купить кусочек земли, кажется, в Бретани. Билибин не забывал про Батылиман – у него многое было связано с этим побережьем. И любовь, и расставание с женой. Он даже посетил эти места в 1939 г. Единственный из тех дореволюционных»⁶⁶⁷.

Таковы мемуары А.Л. Маковского, несомненно, заслуживающие публикации в полном объеме и обстоятельного комментария.

Как уже указывалось, множество деталей о повседневной жизни как батылиманских дачников, так и жителей и гостей русской колонии в Ла-Фавьере, содержат воспоминания Л.С. Врангель. Из них, в частности, можно узнать об археологических раскопках, которые вел близ Батылимана бывавший там историк М.И. Ростовцев, о том, что именно в Батылимане П.Н. Милюков писал свою «Историю русской культуры», о резидентах и гостях Ла-Фавьера в разные годы («в первую очередь откликнулись Баты-Лиманцы из Парижа: И.Я. Билибин, П.Н. Милюков, А.А. Титов и крымчаки: С.С. Крым, Белокопытов со своей сестрой О.Н. Мечниковой, проф. С.И. Метальников, а также наши общие знакомые...»⁶⁶⁸) и множество других деталей, характеризующих историю повседневности.

Интересные строчки можно обнаружить и в воспоминаниях о Саше Черном, принадлежащих перу писателя-эмигранта Н.В. Станюковича, причем они, как и мемуары Л.С. Врангель, позволяют установить связь «русской колонии» в Ла-Фавьере не только с Батылиманом, но и с самым большим дачным курортом Южного берега Крыма начала XX в. – Новым Симеизом. Станюкович сообщает, что, подружившись в 1929 году с Сашей Черным, они впоследствии «проводили каникулы вместе, в благословенном Фавьере, обратившемся после войны в шумный курортный поселок, а тогда состоявшем из немногих русских дачек, под соснами у моря, на великолепном песчаном пляже которого собирались и разбреда-

⁶⁶⁷ Там же.

⁶⁶⁸ Врангель Л.С. Воспоминания и стародавние времена. Вашингтон, 1964. С. 142-157.

лись вдоль берега десятка два, три русских фигур... Саша и Маша Черные ... проживали вначале вместе с Билибинными и нами на даче Милюкова. Куприн уютился в сарайчике для рыбацких лодок на самом берегу. Тут же поблизости проживал милый старик Соломон Крым, бывший председатель крымского правительства, автор книжки сказок, вдохновленных татарским эпосом, а в эти времена обратившийся в официального «дегустатора» вин, великим знатоком которых он – крымский винодел – почитался издавна. С многочисленной и пестрой семьей, в своей дачке, отдыхал здесь и крупный ученый, а вместе с тем и взрослый ребенок, добрейший проф. Метальников. Рядом прилепилась на склоне приземистая дачка полковника Белокопытова... Этот стройный величественный старик, брат чудесной старушки художницы - вдовы Мечникова, имел обыкновение при приезде любимых им дачников поднимать над домом на высоком шесте русский флаг. Когда, перевалив холм, отделяющий бухту Фавьера от низменности Лаванду, я охватывал взором русские дачки и трепещущий над ними трехцветный флаг, мне казалось, что я вернулся домой. Французские власти почитали полковника Белокопытова нашим мэром и направляли на его имя все официальные бумаги общего значения»⁶⁶⁹.

Как устанавливается по документам Ялтинского земства, хранящимся ныне в ГАРК, дворянин, полковник в отставке Василий Николаевич Белокопытов (1876–1932) приобрел участок площадью 563 кв. саж. на дачном курорте Новый Симеиз в 1912 г.⁶⁷⁰. Новый Симеиз к этому времени уже стал известным, модным курортом, участки у самого моря были давно заняты и застроены, поэтому пришлось купить землю наверху, да еще и с домом без отделки, а потом докупить еще немного земли и построить на ней второй дом. Как иронизировал в дневниковых записях 1913 г. знавший эту семью Михаил Пришвин: «Белокопытовым <...> никак не обойтись без третьего дома: сначала построили для себя

⁶⁶⁹ Станюкович Н.В. Саша Черный // Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. Мемуары. М., 1994. С. 344-345.

⁶⁷⁰ ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 213. Л. 62.

только, потом стали отдавать комнаты, увлеклись, построили другой дом, и вышло так, что без третьего нельзя... Выйдет гулять, и только о том, сколько комнаток... Супруга хочет вогнать больше комнат, а он чтобы красиво было, вот и думают»⁶⁷¹.

Семья Белокопытовых происходила из старого дворянского рода и вела свою родословную с XVII в. К концу XIX в. они владели поместьями под Киевом. У предводителя местного дворянства Николая Ивановича Белокопытова было семь детей: Ольга, Екатерина, Софья, Ксения, Николай, Владимир и Василий. Мужем старшей дочери Ольги Белокопытовой (1858–1944) в ее 17 лет стал тридцатилетний микробиолог, пионер исследований в области клеточного иммунитета, будущий Нобелевский лауреат Илья Ильич Мечников (1845–1916). Большую часть жизни они жили в Париже, где Мечников возглавлял институт Луи Пастера, а Ольга не только переводила труды мужа на французский, но и вместе с Максимилианом Волошиным в 1903 г. организовала кружок русских художников «Монпарнас». Ее сестры вышли замуж за коллег Мечникова: Ксения за А.Г. Радзиевского (1864–1934), ставшего профессором, заведующим кафедрой госпитальной хирургии Киевского медицинского университета, а Екатерина – за Н.Я. Чистовича (1860–1926), профессора, врача-инфекциониста из Санкт-Петербурга.

Летом большая семья Белокопытовых любила отдыхать на курорте О.М. Соловьевой Суук-Су возле Гурзуфа. В 1907 г. там вместе с родителями проводил каникулы и сын Николая Николаевича Белокопытова Всеволод с друзьями. Один из них, Николай Анциферов, стал известным писателем, одним из основателей отечественной урбанистики и краеведения и оставил мемуары: из них мы узнаем, что после скоропостижной смерти матери сыновей Н.Н. Белокопытова Всеволода и Константина взял на воспитание дядя, живший в Москве полковник в отставке Василий Николаевич и его жена Лидия Карловна⁶⁷². Именно эти Белоко-

⁶⁷¹ Пришвин М.М. Ранний дневник. 1905–1913. СПб., 2007. С. 665–666.

⁶⁷² Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 239.

пытовы в 1912 г. купили дачу в Симеизе. Анциферов сообщает, что вместе с приемными родителями Всеволод много путешествовал по Европе, благо в Париже жила его тетя Ольга с мужем Мечниковым. Там, в Париже, в 1911 г. завязался его роман с Ольгой Вивденко, которую он знал по киевскому детству. Вивденко родилась в Киеве в 1892 г. в семье нотариуса, там же окончила Фундуклеевскую гимназию, провела год в Париже в семье Мечниковых, прослушав курс истории в Сорбонне, занималась в художественной академии Гранд-Шомьер. При возвращении в Россию поступила учиться на Высшие женские Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге. Находясь там, заболела туберкулезом, поэтому родители решили в 1913 г. купить участок в Симеизе и построили там дачу «Белый лебедь». При работе с фондами середины 1920-х гг. в ГАРК удалось выяснить причину того, что эта дача больше нигде не упоминается: дача «Белый лебедь» сгорела дотла в марте 1926 г. Она располагалась неподалеку от дачи Белокопытовых⁶⁷³.

Такое соседство было не случайным. Н.П. Анциферов вспоминает: «Николай Николаевич Белокопытов был убежден, что семья Вивденко мечтает о браке Всеволода и Оли, которая была его крестницей. Эта мысль возмущала его. Как! Дочь какого-то нотариуса может стать женой потомственного дворянина! Но судьба их так и не соединила: в 1915 Всеволода не стало. Он прожил всего 26 лет... Весной 1917 года я был в Симеизе, на даче Вивденко «Белый лебедь». Мы посетили опустелый дом Белокопытовых. Я подошел к пианино, на котором играл Всеволод, и взял несколько аккордов. Как печально они прозвучали в этом доме! На нашем свидании с Олей лежала тень воспоминаний об умершем друге»⁶⁷⁴.

В 1919 г семья Белокопытовых находилась в Симеизе и участвовала в выборах в гласные поселка Новый Симеиз⁶⁷⁵. В том же году семьи Белокопытовых и Вивденко эмигрировали: Белокопытовы в Париж к О.Н. Мечниковой (сам Меч-

⁶⁷³ ГАРК. Ф. Р-1128. Оп. 2. Д. 731.

⁶⁷⁴ Анциферов Н.П. Указ. соч. С. 276.

⁶⁷⁵ ГАРК. Ф. Р-999. Оп. 1. Д.149. Л. 35.

ников скончался в 1916 г.), семья Вивденко также во Францию. Страдания сближают: на чужбине Н.Н. Белокопытов и Оля Вивденко сошлись и в конце концов поселились в Париже как муж и жена. Не желавший брака с «золушкой» своему сыну, старый дворянин сам вступил в мезальянс с несостоявшейся невесткой. Вскоре Белокопытов ослеп, и вся тяжесть заработка легла на плечи Ольги, которая стала членом общества русских живописцев в изгнании «Икона». Белокопытов ревновал, однажды получил письмо от жены, что она получила заказ на несколько картин и уехала в провинцию для работы, заподозрил роман со своим другом-банкиром, который выехал в тот же город, написал Ольге письмо и, не получив ответа, пошел и застрелился на паперти собора Парижской Богоматери⁶⁷⁶. Впоследствии Ольга Вивденко выйдет замуж, вновь за русского эмигранта, станет Ольгой Клапье де Колонг, будет работать для театра Комеди Франсез, расписывать панно знаменитого трансатлантического парохода «Нормандия», участвовать в многочисленных выставках по всей Европе, в том числе с картинами из цикла «Женщины трагической судьбы». Ее переписка с А.А. Евреиновым находится в РГАЛИ. В послевоенные годы переехала в Мадрид, где и скончалась в середине 1970-х гг.

С симеизской дачей семьи Вивденко связана еще одна страница истории дачных курортов ЮБК, пока хранящая больше вопросов, чем ответов. Как указывает в своих мемуарах биолог И.И. Пузанов, летом 1920 г. «один знаменитый человек уехал из Ялты со всей семьей, хотя об этом не говорится ни в одной из его биографий, – я говорю о Рахманинове. Он приехал в Симеиз после деникинской эвакуации и поселился на даче Вивденко «Белый лебедь». Навещая соседей Вивденко – Белокопытовых, мы иногда слышали божественную игру Рахманинова, доносившуюся из «Белого лебедя», – но публично он не выступил ни разу. Несколько раз я его встречал запыхавшимся и отдохавшим после подъема по лестнице, как раз наискосок от нашей дачи. Указать точную дату отбытия семьи Рахманиновых я затрудняюсь...»⁶⁷⁷

⁶⁷⁶ Анциферов Н.П. Указ. соч. С. 277.

⁶⁷⁷ Пузанов И.И. Мемуары. В 3-х тт. Одесса, 2015. Т.2. С. 430.

Как следует из мемуаров Л.С. Врангель, оказался жителем Ла-Фавьера и еще один бывший симеизский дачевладелец, председатель Ялтинской земской управы Н.Н. Богданов. Он происходил из обедневших дворян Рязанской губернии, родился в 1875 г. в С.-Петербурге. С юношеских лет активно включился в политическую борьбу, находился в поле зрения жандармского управления. До переезда в Крым Богданов служил инспектором в Русском страховом обществе при правлении в Санкт-Петербурге и не имел постоянной квартиры (в это время председателем правления Русского страхового общества был его родственник Л.З. Лансере). В отчете Ялтинской городской Думы от 23 ноября 1912 г. он писал, что ему 38 лет, живет он в собственном доме в Новом Симеизе с 14 февраля 1910 г. Его семья состояла из жены Софьи Павловны, 37 лет (урожденной Коробьиной), детей Софьи 8 лет и Константина 6 лет. Софья Павловна была дочерью от второго брака родной тетки Н.Н. Богданова Софьи Дмитриевны, которая вышла замуж за рязанского дворянина Павла Ивановича Коробьина (у них родились трое дочерей – Елена, Ольга, Софья, будущая жена Н.Н. Богданова, и сын Константин, впоследствии владелец симеизской дачи «Селям»).

Замечательную характеристику Н.Н. Богданову дал в своих воспоминаниях еще один житель Ла-Фавьера – князь В.А. Оболенский: «Тучный, широкоплечий, с короткою шеею, с круглым широким лицом – с виду увалень, который лучше всего должен был бы себя чувствовать в покойном кресле, он, однако, был самый подвижный из нас. Даже места постоянного не имел. Все передвигался: то сядет направо, то налево, где случайно свободный стул окажется. Из заседания непрерывно отвлекали его телефоны. Бумаг с собой никаких никогда не таскал; докладывая свои дела, вытаскивал иногда какую-нибудь официальную бумажку то из одного, то из другого кармана. В докладах был очень краток, деловит и решителен. Столь же решителен был и в действиях. Огромная энергия и смелость совмещались в этом человеке с исключительной мягкостью и беско-

нечным добродушием. Старый земец и кадет, он был членом 2-й Государственной Думы от Рязанской губернии и пользовался огромной популярностью среди местного населения»⁶⁷⁸.

В Новом Симеизе у Н.Н. Богданова было две дачи. Первый участок земли площадью 500 кв. саж. он приобрел в 1909 г. и начал строительство первой дачи под названием «Малый Богдан». В даче насчитывалось 12 комнат, 6 из которых сдавалось в наем. Семья Богданова жила в этой даче до 1920 г. 25 июня 1910 г. Н.Н. Богданов купил соседний участок земли под № 14, площадью 200 кв. саж., на котором построил вторую дачу под названием «Большой Богдан», уже исключительно для устройства приморского пансиона⁶⁷⁹. Н.Н. Богданов с 1910 г. был председателем общества дачевладельцев Симеиза, а в 1913 г. Богданов был избран гласным, а затем и председателем Ялтинской земской управы. Под его руководством Ялтинское земство внесло Государственную думу проект о передаче в земство проселочных дорог общественного пользования, в Ялтинском уезде было построено несколько дорог: от Скути (Приветное) до Карасубазара (Белогорск), от Скели (Родниковское) до Узунджи (Колхозное). Н.Н. Богданов подал прошение в Государственную думу о свободе передвижения евреев на курорты России. После февральской революции Н.Н. Богданов был назначен комиссаром Таврической губернии. Вот что пишет о нем князь В.А. Оболенский: «Когда водворились большевики, и пришла весть об образовании Добровольческой Армии, он отправился в армию и проделал с Корниловым весь Ледяной поход, верхом на коне, везя с собой, как казначей, все фонды Добровольческой армии. Ему было вверено Министерство внутренних дел, наиболее тягостное для нашей интеллигентной психологии. Приходилось заново создавать кадры местной стражи, организовывать розыск, охранять внутреннюю безопасность, остерегаясь прибегать слишком часто к помощи несдержанной в своих порывах воинской силы. И все это он проделал просто, без ужимок, но и без сладострастия, с обыч-

⁶⁷⁸ Оболенский В.А. Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейца. М.-Л., 1928. С. 74-76.

⁶⁷⁹ ГАРК. Ф. 529. Оп. 1. Д. 39. Л. 16.

ною энергиею и с обычною улыбкою своих больших голубых глаз. Этот непрезентабельный грузный человек был, пожалуй, больше всех других любим в нашей среде. И нежность к нему сказалась особенно ярко в момент; когда всем нам пришлось бежать, когда правительство погрузилось на пароход, идущий в Европу, а Богданов вдруг явился с нами прощаться. – Как так? Зачем прощаться? – Нет; не могу; еду в Новороссийск, на фелюге, а там дальше в Добровольческую армию – А жена и дети? (У него был мальчик и девочка, оба некрепкие здоровьем). – Ничего, поместимся на фелюге. Мы обнялись, особенно растроганные этим характерным для Богданова жестом. Он уплыл, явился к Деникину, но не вынес тогдашней атмосферы, двинулся на Восток через Каспийское море в Сибирь, к Колчаку, а после падения Колчака через Владивосток пробрался в Европу»⁶⁸⁰. Семья Богдановых жила в Чехословакии, затем во Франции, в Париже и, в конце концов, в Ла-Фавьере, где приобрела маленький домик. За границей Н.Н. Богданов оказался почти без средств. Через четыре года не стало сына, а в 1930 г. самого Николая Николаевича. Его жена и дочь в 1947 г. вернулись на Родину, побывали на рязанской земле, а затем переехали к родственникам в Симферополь.

В конце 1930-х гг. решат вернуться в советскую Россию и И.Я. Билибин, и А.И. Куприн. По словам Л.С. Врангель, «в свое время Билибин изменил новгородским озерам и лесам, где он с увлечением охотился в молодости, где он написал свою Василису Прекрасную и русские былины, но героический пейзаж античной Тавриды покорила его на всю жизнь. Он вскоре и уехал туда, где была Российская Академия художеств, где был его любимый Баты-Лиман с его дачей на берегу морского обрыва Черного моря, где осталась вся его душа»⁶⁸¹. Так поступила и Л.К. Белокопытова: после войны она помогла отправить в Москву архив О.Н. Мечниковой, а потом и сама возвратилась на Родину, где заведовала музеем Мечникова.

⁶⁸⁰ Оболенский В.А. Крым при Врангеле... С. 74-76.

⁶⁸¹ Врангель Л.С. Воспоминания и стародавние времена... С. 146.

В конце 1920 г. после окончательного установления в Крыму советской власти все частные имения Южного берега, включая дачи Батилимана, были национализированы. В 1930-х гг. в бывших дачах Батилимана функционировал небольшой дом отдыха для ученых – но вскоре пожар, а затем и оползень разрушили несколько из них, а оставшиеся сильно пострадали во время войны. В 1946 г. санаторий Академии наук СССР решили восстановить, проект заказали 73-летнему академику архитектуры А.В. Щусеву, работавшему еще с середины 1930-х гг. над различными проектами для Академии (так, в 1946 г. Щусев проектировал для Москвы Институт физики, Институт механики, Лабораторию геофизических проблем, Метеоритный музей, жилой дом Академии наук). Эскиз проекта был обнаружен нами в фондах Государственного музея архитектуры имени А.В. Щусева⁶⁸². Щусев предложил, не меняя сложившейся планировки поселка ученых, выстроить два новых, расположенными по одной оси неоклассических корпуса с колоннадами и цветниками, а также пляжные павильоны, солярии, террасы с виноградниками, оранжереи и амфитеатр. Увы, из-за нехватки пресной воды проект так не был реализован, ограничились восстановлением дачи инженера Кравцова, построенной по эскизам Ивана Билибина. Лишь в 1979 г. в Батилиман и соседнюю бухту Ласпи пришла вода из Байдарской долины⁶⁸³. В советское время в Батилимане было устроено несколько баз отдыха и пионерский лагерь «Чайка», ныне законсервированный. Как показало обследование его территории, осуществленное нами осенью 2020 г., некоторые из его корпусов имеют признаки перестроенных дач начала XX в.

Атрибуция этих дач и их владельцев, тщательная реконструкция всего культурного ландшафта Батилимана и его трансфера на средиземноморское побережье Франции на основе выявленных в ходе настоящего исследования источ-

⁶⁸² Щусев Алексей Викторович. Курорт Академии Наук СССР в урочище Батилиман. Большая Ялта, бухта Ласпи. 1946 г. Крым. Курорт Академии Наук СССР в урочище Батилиман. Генплан. [Электронный ресурс]. URL://<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24026102> (Дата обращения – 12.09.2022).

⁶⁸³ *Веникеев Е.В.* Архитектура Севастополя. Симферополь, 1983. С.152.

ников по аналогии с осуществленной нами атрибуцией дач поселков Новый Симеиз и Новый Мисхор представляется вполне возможной и необходимой в контексте изучения истории Южного берега Крыма как важного для России «места памяти», связанного с многими выдающимися именами в истории русской культуры.

3.4. Источниковедческие аспекты изучения ментальности владельцев имений и дач Южного берега Крыма в годы Гражданской войны (1917–1921)⁶⁸⁴

События, которые происходили на Южном берегу Крыма в 1917-1921 гг. – со времени начала Февральской революции и до окончательного установления в Крыму советской власти зимой 1920-21 гг., – видятся контрастом на фоне картины бурного развития курортной Ялты и ее окрестностей в первом десятилетии XX века, когда на побережье открывались дачные курорты, строились виллы и разрабатывались планы прокладки новых железных дорог вдоль моря. Чехарда смены временных и коалиционных правительств, две иностранные интервенции, волны революционного и контрреволюционного насилия, сопровождавшегося, помимо классовых, еще и кровавыми межэтническими столкновениями, массовая миграция и эмиграция, национализация частных имений, белый и красный террор, экономические неурядицы, разруха и голод 1921 г.: вот лишь намеченные пунктиром черты того, что довелось пережить Южному берегу Крыму вместе с остальной Россией в годы Гражданской войны.

Характерную картину Ялты зимой 1921-22 гг., через год после окончательного установления на полуострове советской власти, нарисовал в своей автобиографической книге «Время больших ожиданий» К.Г. Паустовский:

⁶⁸⁴ При подготовке данного параграфа диссертации использованы публикации автора: *Карагодина А.В.* Книжки как предмет показательного потребления: опыт компаративной истории (на примере библиотек Н.С. Мальцова и И. Физия) // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 253–265. (1,5 п.л.); *Карагодина А.В.* Фатальная праздность "бывших": Южный берег Крыма в годы гражданской войны (1917-1921) через призму истории повседневности. // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 2. С. 109-122. (1,5 п.л.)

«Город был тих и черен. С окраин долетали одиночные винтовочные выстрелы. На молу было пусто. Лужи рябили от ветра, валялись разбитые бочки от кислой капусты, и бродили, закинув винтовки за плечо, озябшие часовые в обмотках. <...> В город выходить рискованно. Нет света, и к тому же на первом перекрестке могут остановить и раздеть, а то и убить бандиты»⁶⁸⁵.

Картину происходившего в близлежащей Алуште в годы гражданской войны живописует и И.С. Шмелев в своей повести-эпопее «Солнце мертвых». Реальных прототипов героев этой эпопеи удалось установить крымскому историку-источниковеду С.Б. Филимонову⁶⁸⁶.

Благодаря недавним работам историков, в первую очередь А.Г. и В.Г. Зарубиных, опубликовавших в 1997 и переиздавших в 2008 г. объемную монографию «Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму», последовательность событий гражданской войны в Крыму 1917-1921 гг. теперь неплохо реконструирована⁶⁸⁷. Вот ее основные этапы: большевизация Черноморского флота, рейды революционных матросов вдоль побережья и первая волна кровавых столкновений и массовых расправ, организация Социалистической Советской Республики Тавриды в 1917 - начале 1918 г.; германская интервенция 1918 г. и работа правительства генерала М.А.Сулькевича; правление Антанты, Добровольческой армии и кадетско-социалистического правительства С.С.Крыма в 1918-19 гг; второе завоевание Крыма большевиками и их скорое изгнание (февраль - июль 1919); второе пришествие Добровольческой армии; правление генерала П.Н.Врангеля; эвакуация Добровольческой армии и части населения, окончательное установление власти большевиков в Крыму (ноябрь 1920 г.); разгул террора, жертвами которого стали, по самым скромным оценкам, 20000 человек; голод 1921-23 гг.

⁶⁸⁵ Паустовский К.Г. Время больших ожиданий: Повести. Дневники, письма. Н. Новгород, 2002. Т. 1. С. 228.

⁶⁸⁶ Филимонов С.Б. Из прошлого русской культуры в Крыму...

⁶⁸⁷ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008.

На следующем этапе нарратив «политической истории» может и должен быть дополнен изысканиями в области «локальной истории» и «истории повседневности», «микронарративами», основанными в первую очередь на «исторической памяти» непосредственных участников событий, запечатленной в источниках личного происхождения – мемуарах, письмах, исторической публицистике, – и призванными раскрыть то, как драматические политические события тех лет переживались людьми в практике их повседневной жизни. Изучение перемен в ментальности рядовых участников исторического процесса, видимое на уровне «микронарратива», по консенсусному мнению современных историков, позволяет дополнить и уточнить знание о переменах общественных институтов и структур на макроуровне, выявить, коррелируют ли эти перемены друг с другом⁶⁸⁸. Успешные опыты подобного рода уже осуществлены в изучении переходных эпох русской истории – назовем хотя бы масштабный труд О. Файджеса «Народная трагедия», посвященный истории русской революции, которую автор трактует как процесс, разворачивающийся с 1890-х по 1920-е гг.

В мемуарной литературе имеется немало свидетельств о событиях 1917-1920 годов, записанных по памяти очевидцами, в основном теми, кто бежал в Крым от революции в столицах, надеясь переждать ее у Черного моря, в крымских имениях и на приморских дачах, принадлежавших им либо их родственникам, а в дальнейшем выехал за границу, спасаясь от красного террора. Помимо фиксации обстоятельств событий революционных лет, эти документы ценны еще и тем, что позволяют реконструировать ментальность как авторов воспоминаний, так и их героев. А это, в свою очередь, может позволить исследователю выйти на уровень объяснения, которое, наряду с описанием, всегда считалось в отечественной историографии основной задачей исторического исследования.

Так, ряд опубликованных мемуаров посвящены переживанию гражданской войны в Симеизе. Напомним: после смерти в 1893 г. промышленника С.И.

⁶⁸⁸ Селунская Н.Б. Историческая память и профессиональная идентичность историка // Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования: Материалы V Науч. чтений памяти акад. И. Д. Ковальченко, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 13 декабря 2013 г. М., 2014. С. 29–39.

Мальцова и судебной тяжбы по наследству принадлежавшее ему имение Симеиз перешло к его сыновьям, которые вскоре решили размежевать и распродать часть имения под дачную застройку, в результате чего к 1910-м гг. Новый Симеиз стал самым крупным и прославленным дачным курортом ЮБК.

Причины подобного решения братьев Мальцовых, как правило, объясняются в краеведческой литературе идеалистическими мотивами, вроде стремления создать лучший приморский курорт в России, однако как мы продемонстрировали выше, в гл. 1, на основании вновь введенных в оборот источников, в том числе обнаруженного нами в ГАРК искового заявления в московский суд о признании имения Симеиз оставшимся без наследственных прав, мотивы были куда более прагматическим. Желание братьев Мальцовых поддержать свое финансовое положение легло на благоприятную почву: к началу XX в. Крым, в особенности его Южный берег, переживал туристический бум.

«Сегодня посетили нас Юсуповы с некоторыми из их обычной свиты и гостей.... Гости наши оставались у нас недолго; они спешили присоединиться к другой части корейского блестящего общества, проскакавшей мимо нас многочисленную кавалькадой в Симеиз, на чай к Ивану Мальцову,» – записал 12 октября 1899 г. в своем дневнике владевший соседним «Симеис» отставной военный министр, граф Д.А.Милютин⁶⁸⁹. Это – лишь одно из многочисленных свидетельств того, что, в противоположность своему отцу С.И. Мальцову, который, по свидетельствам очевидцев, представлял тип – деятельного промышленника, игнорировавшего условности придворного этикета и моды, погруженного в детали своего производства, жившего в нарочито спартанской обстановке и предпочитавшего общество и даже наряды простых людей нравам петербургского света (как отмечал в мемуарах инженер К.А. Скальковский, «страстью его было

⁶⁸⁹ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2013. С. 533.

устройство новых заводов и фабрик»⁶⁹⁰), братья Иван Сергеевич и Николай Сергеевич Мальцовы были типичными представителями так называемого «праздного класса».

Концепт «праздного класса» был введен в научный оборот норвежско-американским социологом Торстеном Вебленом на рубеже XX в. По Веблену, институт «праздного класса» получает свое наивысшее развитие в феодальном обществе, однако наследуется и обществом капиталистическим, где «характерной чертой классовых особенностей все так же является различие между видами деятельности, подобающими отдельным классам <...> С незначительными исключениями соблюдается правило: верхние слои общества не заняты производительной деятельностью, и эта незанятность есть экономическое выражение их высокого положения»⁶⁹¹. Представителей «праздного класса», по Веблену, интересует не максимизация прибыли для дальнейших инвестиций в бизнес, а расходы на изысканную роскошь. Они стремятся к воспроизводству этой показательной праздности, целью которой является укрепление личного статуса, богатства и престижа, прежде всего в своих собственных глазах. Таким образом, нарочитая праздность, «являясь общепризнанным свидетельством обладания богатством, закреплялась в образе мысли людей как нечто, что само по себе обладает значительными достоинствами и существенно облагораживает»⁶⁹².

Французский социолог Пьер Бурдьё развил аргумент Веблена, показав, что если экономическая власть - это прежде всего возможность дистанцироваться от нужды, то это дистанцирование всегда будет проявляться в «показательном потреблении». Таким образом экономический капитал превращается в более символический социокультурный капитал⁶⁹³.

Хотя сама по себе теория Веблена была постулирована как объяснение социальных и культурных изменений рубежа XIX-XX веков, социокультурные

⁶⁹⁰ Скальковский К. А. Воспоминания молодости... С. 207-208.

⁶⁹¹ Веблен Т.Б. Теория праздного класса: Пер. с англ. М., 1984. 3 С. 57.

⁶⁹² Там же. С.88.

⁶⁹³ Bourdieu P. Distinction. Cambridge, 1979.

модели «показательного потребления» характерны для любых обществ, проходящих через период модернизации, и были описаны в таких странах, как Англия, Италия, Польша в XVII веке⁶⁹⁴, Нидерланды «золотого века» (конец XVI – первая половина XVII вв.) Разбор «моральной экономики» (по выражению Э. Томпсона) нидерландского бюргерства дал в своей монографии «Смущение богатых» английский историк С. Шама⁶⁹⁵. По его мнению, отличительной особенностью ментальности резко разбогатевших в результате нидерландской буржуазной революции бюргеров-горожан было парадоксальное сочетание показательной тяги к тратам на роскошь и стремления поместить эти траты в рамки приличий, освященных кальвинистской моралью и духом просвещения. Концепт Веблена подтверждается и в сегодняшнем капиталистическом обществе.

Как сообщает в своем путеводителе В.М. Кузьменко, в 1909 г. братья Мальцовы разделили свое имение на две части – западную и восточную. Западная часть, где располагался дачный курорт Новый Симеиз, барский дом и парк, отошла к И.С. Мальцову. К 1910 г. он принял решение выделить под застройку дачами бывшие виноградники, вместо которых было нарезано еще 60 дачных участков. Восточная часть имения отошла к Н.С. Мальцову.

На личности Н.С. Мальцова имеет смысл остановиться подробнее. Несмотря на высокие звания генерал-майора, шталмейстера императорского двора и службу (до середины 1880-х гг.) в качестве чиновника кодификационного отдела Государственного совета, именно с деятельностью, а точнее – с активным и просвещенным досугом Н.С. Мальцова на ЮБК связаны, в первую очередь, следы, которые он оставил в истории России и ее культуры. Так, Н.С. Мальцов, увлекавшийся астрономией, построил на своем участке земли вблизи шоссе

⁶⁹⁴ *Bogucka M.* Le Bourgeois et les Investissements Culturels // Investimenti e Civiltà Urbana. Florence, 1989; *Burke P.* Res et Verba: Conspicuous Consumption in the Early Modern World // Consumption and the World of Goods. London, 1993; *Stone L.* The Crisis of the English Aristocracy, 1558-1641. Oxford, 1965.

⁶⁹⁵ *Schama S.* The Embarrassment of Riches: An Interpretation of Dutch Culture in the Golden Age. London, 1987.

Ялта–Севастополь башню для небольшого телескопа и домик для сторожа, заказал у фирмы «Цейсс» двухкамерный астрограф, чтобы фотографировать небо, начал строительство новой башни с пятиметровым куполом. Мальцовскую обсерваторию случайно увидел астроном А.П. Ганский, прибывший в Крым с Г.А. Тиховым, впоследствии известным исследователем Марса, для наблюдений зодиакального света на горе Ай-Петри. По возвращению в Пулково Ганский написал два письма в Симеиз, и Мальцов, довольный интересом, проявленным к его увлечению, предложил свою обсерваторию в дар Пулковской обсерватории, продолжив бескорыстно поставлять ей инструменты, научную литературу и оборудование. По представлению директора Пулковской обсерватории академика О.А. Баклунда за создание и техническое оснащение обсерватории в Симеизе Н.С. Мальцов был избран почетным членом Российской Академии наук⁶⁹⁶.

В 1919 или 1920 г. Н.С. Мальцов эмигрировал за Крым за границу, жил во Франции, но продолжал помогать уже советской Симеизской обсерватории, высылая деньги и новую научную литературу. Одна из вновь открытых малых планет была названа в его честь «Мальцовой». Не имея семьи, Н.С. Мальцов последние годы жизни провел в Русском доме для престарелых эмигрантов в Ментоне на французской Ривьере. По легенде, часто упоминаемой в краеведческой литературе, в 1929 году директор Симеизской обсерватории Неуймин обратился к Мальцову с просьбой написать автобиографию, на что тот ответил отказом, сообщив: он не видит в своей жизни ничего примечательного, кроме одного эпизода – принятия Пулковской обсерваторией его дара. Умер Н.С. Мальцов 30 августа 1939 году и был погребен в Ментоне на русском кладбище (надгробие не сохранилось).

Если дом, выстроенный в Симеизе Н.С. Мальцовым, и его симеизская обсерватория дошли до наших дней в относительной целостности и сохранности, то его библиотеке, насчитывавшей, по оценкам современников, до двадцати тысяч томов по различным отраслям знаний, повезло в меньшей степени.

⁶⁹⁶ Неяченко И.И. Звезда в подарок. Симферополь, 1984. С. 15

Главным источником, дающим представление о библиотеке Н.С. Мальцова во время его пребывания в Симеизе, являются мемуары его племянника князя П.С. Урусова (1899-1984), чей дед Л.Д. Урусов был женат на родной сестре И.С. и Н.С. Мальцовых. Выехав весной 1917 года из Петербурга, юный князь Урусов провел в симеизском имении своего двоюродного деда Н.С. Мальцова два года, вплоть до эвакуации в Новороссийск (а позднее – в Константинополь, оттуда – в Рим) в июле 1919-го, о чем подробно написал в своих мемуарах «Воспоминания об исчезнувшем времени», вышедших на английском языке в США, где Урусов жил с 1940-х гг. до своей смерти в 1984 г. Отрывки из них были опубликованы крымским краеведом О.А. Литаш в 2001 году, однако, в силу малого тиража публикации, остались практически неизвестными в историографии⁶⁹⁷. Именно в них дана наиболее полная характеристика собрания книг, которую имеет смысл привести целиком:

«В ней было около 20000 книг, все превосходно переплетены (большинство переплетов из натуральной кожи) и в превосходном состоянии. Множество книг размещалось в большом библиотечном зале в шкафах с полками и ящиками, которые тянулись вдоль всех стен. Шкафы были обрамлены деревом, обшитым панелями, и закрыты решетками из кованого железа. Можно было провести несколько жизней за чтением этих книг, и при этом прочитать только часть библиотеки. Кроме книг, здесь имелось большое количество иностранных периодических журналов и газет, на которые подписывался мой дядя. Здесь были настоящие коллекции русской, французской, английской и немецкой литературы. В шкафах стояли сотни научных томов, относившихся главным образом к астрономии. За ними шли книги, которые доставляли мне наслаждение – книги по истории. Мой дядя обладал наилучшими произведениями разных эпох и стран и солидной коллекцией биографий и автобиографий. Так что я в течение двух лет

⁶⁹⁷ Литаш О.А. Князь Петр Урусов. Из воспоминаний исчезнувшего времени. Крымские страницы мемуаров (США, 1984) // Крымский альбом. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Феодосия, 2001. С. 50–71.

мог сосредоточиться на систематическом чтении большого количества исторических книг. В качестве примера я возьму Францию XIX столетия. Я нашел здесь наилучшие источники, такие, как «История консульства» Адольфа Тьера, «История первой империи» Вандаля, «Реставрация» Вьей-Кастеля, «Июльская монархия» Т. д'Анжа, «Либеральная империя» Эмиля Оливье и «История третьей республики» Габриэля Оното. Каждый из этих трудов содержал в себе множество томов. Я помню, что история Реставрации, которая занимала период всего лишь в 15 лет, состояла из 20 больших томов. Моим, так сказать, десертом были биографии или воспоминания, потому что я привносил определенную дисциплину в порядок своего чтения. Каждый день я начинал с исторических книг, продолжал чтением биографий. Так я узнавал то, что было необходимо знать, а на биографиях я мог отдохнуть»⁶⁹⁸.

Из воспоминаний П.С. Урусова мы знаем, что «дядя Николай родился во время царствования Николая I, которого он помнил так же хорошо, как и Крымскую войну 1854 года. У него была отличная память, живой и острый ум; он проводил свою жизнь, путешествуя, охотясь, читая и учась. Он был особенно увлечен астрономией и подарил государству одну из лучших в России обсерваторий, которая была построена и великолепно оборудована благодаря его щедрости. В 1917 году мы имели обыкновение иногда подниматься сюда: обсерватория находилась в гористой местности. Мы брали с собой гостей и с помощью астронома смотрели на звезды через телескоп <...> Дядя имел много друзей самых разных занятий: среди них были ученые, врачи и даже крестьяне. Свою юность он провел среди придворного круга, а его мать была близкой подругой императрицы Марии Александровны. Он так любил свою независимость, что после смерти императора отошел от придворной жизни, за исключением круга общения великого князя Сергея, друга детства, с которым виделся в Москве каждый год. В 1917–1919 годах во время нашего длительного пребывания в Симеизе я постоянно изводил дядю, заставляя вспоминать подробности его жизни, жизни двора и санкт-

⁶⁹⁸ Там же. С. 50-71.

петербургского общества так много и часто, что у меня возникало чувство, будто я сам жил в те дни»⁶⁹⁹.

После отъезда в 1919 или 1920 г. Н.С. Мальцова за границу все его имущество, включая и библиотеку, было национализировано. Библиотека много раз делилась и меняла принадлежность различным советским учреждениям. Сегодня книги из библиотеки Н.С. Мальцова, узнаваемые по характерному экслибрису с гербом рода Мальцовых и ромбовидному ярлыку-наклейке для рукописного указания номера книги (илл.19), находятся в библиотеках Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ГМЗ «Царское село», ГМИИ им. А.С.Пушкина, Алушкинского дворца-музея, Крымского республиканского краеведческого музея «Таврика», отдела редкой книги ялтинской Центральной городской библиотеки им. А.П.Чехова и других собраниях. История перемещения коллекции книг отчасти восстановлена в публикациях И.С. Ганжи и Г.Г. Филатовой⁷⁰⁰. Библиотека дошла до наших дней лишь в виде небольших фрагментов. Так, в коллекции Алушкинского дворца-музея оказались 280 томов книг по различным дисциплинам, в основном истории (более 100 единиц хранения), в отделе редкой книги ЦГБ им.А.П.Чехова в Ялте – в основном периодические издания, путеводители и мемуарная литература на французском и английском языках (более 300 единиц хранения). Не сохранилось и каталога библиотеки.

Между тем, вопросов, на которые этот каталог мог бы ответить, немало. Какими были взгляды на жизнь, занятия и интересы Н.С. Мальцова? Отчего он рано оставил службу при дворе и чему посвятил с тех пор свои труды и дни на Южном берегу Крыма – неужели только досугу, любительским занятиям астрономией, виноделию и коллекционированию книг? Почему не создал ни семьи,

⁶⁹⁹ Там же. С.55.

⁷⁰⁰ Ганжа И.С. "Можно было провести несколько жизней за чтением этих книг" // Старая Ялта. Историко-краеведческий альманах. 2018. №58-59. С. 25-30; Филатова Г.Г. Книги и экслибрисы Н. Мальцова в собрании Алушкинского дворца-музея // Музей в XXI веке: новые реалии, новые подходы, новые возможности. Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком. Мир усадебной культуры: сб. науч. тр. Симферополь, 2017. С. 226-228.

ни мемуаров? Отчего не принял деятельного участия, в отличие от своего брата И.С. Мальцова, в обустройстве дачного курорта Новый Симеиз?

Обладание книгой и ее чтение как социокультурная практика, воплощенная в характерных для той или иной эпохи поступках, пространствах и привычках, – так очертил несколько десятилетий назад область своего интереса французский историк Роже Шартье⁷⁰¹. С именами Шартье и американского историка Роберта Дарнтон теперь в первую очередь связывается развитие получившей популярность в зарубежной историографии новаторской парадигмы исторических исследований – «новой истории чтения».

Центральную роль в этой парадигме, порожденной так называемым «культурным», или «лингвистическим» поворотом в мировой историографии в 1980-90 гг., вдохновленным постструктуралистской философией, играет акцент на репрезентациях, смысловых значениях тех или иных понятий и категорий. Особенно важным считается выявление разницы между значениями, которые вкладывают в то или иное историческое понятие историки, исследуя его столетия спустя, и значениями, которое вкладывались в такое понятие современниками в прошлом: то, как мы сегодня видим и объясняем причины и мотивы поступков исторических героев, может совершенно не совпадать с тем, чем руководствовались они сами. Подобный «историко-культурный», «историко-семантический» подход задал тренд на несколько десятилетий вперед и уже породил множество интересных исследований в области историко-культурных исследований культуры как в мировой, так и в отечественной историографии⁷⁰².

Ставшая неотъемлемой частью «культурного поворота» в историографии парадигма «новой истории чтения» сдвинула фокус с традиционно бывших в центре внимания историков культуры и историков книги авторов, их издателей и продавцов – на читателей книг и коллекционеров, с книги как таковой – на

⁷⁰¹ *Chartier R.* The Order of Books: Readers, Authors and Libraries in Europe Between the Fourteenth and the Eighteenth Centuries. Cambridge, 1994; *Шартье Р.* Письменная культура и общество. М., 2006.

⁷⁰² *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

субъективную реакцию на книгу. Основные вопросы, которые начали ставить перед собой исследователи, работающие в парадигме «новой истории чтения» - это не «кто» и «зачем» писал и издавал книги, а «кто» их читал и собирал, и «где», «когда», и, главное, «зачем» осуществлялось это чтение и собирание. Как замечал в программной статье «Что такое история книги?» Р. Дарнтон, «лондонский купец XVII века существовал в принципиально иной ментальной вселенной, чем американский профессор XX века»⁷⁰³. Проще говоря, даже если в библиотеках представителей различных исторических эпох обнаружатся одинаковые книги, социальный и культурный смысл их наличия, собирания и чтения едва ли окажется схожим. В этом смысле понять, как и почему люди читали и собирали книги – означает получить представление о менталитете героев прошлого и настоящего и, следовательно, приблизиться к пониманию социальных и культурных событий и контекстов той или иной исторической эпохи.

При таком подходе ценнейшим источником исторической информации становится каталог частной библиотеки исторического персонажа: такой каталог является своего рода путеводителем по ментальности, интересам и взглядам составителя библиотеки. По словам Р. Дарнтон, именно изучение частных библиотек способно увязать два краеугольных для «истории чтения» вопроса – «какие» и «кем» собираются книги, что, в свою очередь, позволяет подойти к ответу на третий вопрос – «зачем» это делается. При этом оказывается совершенно неважным, что коллекционеры библиотек не всегда читают те книги, которые они собирают: как отмечает Дарнтон, «каталог частной библиотеки будет характеризовать ее владельца, даже если он не читает всех книг, которые стоят у него на полке, и наоборот, читает множество книг, не приобретая их»⁷⁰⁴.

В отечественной литературе схожий взгляд, учитывавший «многообразие читательских практики и интерпретаций читаемого», видение чтения как «спе-

⁷⁰³ *Darnton R.* What is the History of Books? // *Daedalus*. 1982. No. 111. P. 79-80.

⁷⁰⁴ *Darnton R.* First Steps toward a History of Reading// *Australian Journal of French Studies*. 1986. № 23. P. 153-177.

цифического социального института, основывающегося на сложном взаимодействии ролей внутри него (автор, читатель, издатель, книготорговец, критик, педагог и т.п.) и находящегося в постоянном взаимодействии с другими социальными институтами (государство, экономика, мораль, религия и т.п.)»⁷⁰⁵, высказывали в последние десятилетия А.И. Рейтблат, Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин⁷⁰⁶. Тем не менее, в сугубо исторических исследованиях по истории России подход, сформулированный в рамках парадигмы «новой истории чтения» пока, увы, почти не применяется. Между тем, его потенциал очевиден – еще и потому, что именно в контексте «новой истории чтения» может и должен, учитывая обширную зарубежную историографическую практику, быть задействован и компаративный подход к изучению исторических явлений и процессов.

«Эвристически компаративный подход служит идентификации проблем и тем, которые иначе не попали бы в поле зрения историков, или обзор которых сопровождался бы известными трудностями, дескриптивно – помогает более выпукло увидеть конкретное явление или процесс, аналитически – оказывает неоценимую помощь историческому объяснению, а парадигматически – служит отстранению историка от своего предмета, своего рода концептуальной «депровинциализации» его взгляда,» – указывает немецкий историк Ю.Кока⁷⁰⁷. Добавим, что историческое сравнение может быть как синхронным, так и диахронным. Учитывая все вышесказанное, мы осуществили сравнение библиотеки Н.С. Мальцова с еще одной примечательной библиотекой, созданной в Нидерландах в середине XVII в. Будучи рассмотренным в оптике «новой истории чтения», менталитет владельцев двух библиотек, а также социокультурные процессы в двух странах, разделенные двумя с лишним столетиями, обнаружили немалое сходство в плане следования парадигме «показательного потребления».

⁷⁰⁵ Рейтблат А.И. Писать поперек. Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М., 2014.

⁷⁰⁶ Гудков Л., Дубин В., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. М., 1998.

⁷⁰⁷ Кока J. The Uses of Comparative History // Societies made up of history. Edsbruk, 1996. P. 197-209.

Речь идет о библиотеке жителя нидерландского города Лейдена Иоганнеса Физия (1622-1653), который собрал богатую коллекцию книг своего времени и более ранних эпох, выпущенных в различных европейских странах, посвященных таким разнообразным темам, как религия, астрономия, медицина, история, теология, география, искусство, право и ботаника. В своем завещании Физий, скончавшийся от быстро развившейся болезни в возрасте тридцати одного года, пожертвовал свою библиотеку для просвещения жителей Лейдена. Этот акт обеспечил коллекции благоприятную судьбу: в отличие от многих других частных библиотек XVII в., она не была разделена на части и продана с аукционов после смерти владельца, но сохранилась до наших дней в историческом здании, построенном специально для ее содержания согласно завещанию Физия на канале Рапенбург в центре Лейдена, по соседству со главным зданием Лейденского университета (сегодня библиотека Физия – часть отдела специальных коллекций библиотеки Лейденского университета).

Библиотека И. Физия каталогизирована и неплохо изучена, однако в последние годы стала предметом дискуссий в историографии. До недавнего времени большинство голландских историков и филологов, писавших об И. Физие и его библиотеке (первая работа, посвященная этой теме, была опубликована еще в начале XX в.), традиционно видели в нем прежде всего идеального героя эпохи гуманизма и просвещения, ученого-юриста, своего рода беззаветного служителя прогресса, создавшего институт распространения знания для будущих поколений⁷⁰⁸. И лишь в последнее десятилетие стали слышны голоса, предлагающие отказаться от объяснений, экстраполирующих идеологемы либеральной профессуры XX в. на столетия назад, и взглянуть на мотивации Физия более реалистично, глазами человека его эпохи.

При таком подходе становится ясно, что И. Физий – это не некий «новый Прометей», а, напротив, молодой повеса, наследник неплохого состояния, homo

⁷⁰⁸ *Hoftijzer P.G. Bibliotheca Thysiana 'Tot Publijcke Dienst der Studie'. Leiden, 2008.*

edens – человек потребляющий, богатый член нового «праздного класса» голландской республики «золотого века», для которого коллекционирование книг было такой же неотъемлемой частью его стремящегося соответствовать моде образа жизни, как траты на лошадей, элегантные костюмы и луковицы тюльпанов (не говоря уже о том, что он вовсе не был ученым, хотя и закончил, правда, с большим трудом, юридический факультет Лейденского университета). Так, голландский историк Эстер Мауриц в своей недавней работе подсчитала: «Если суммировать все расходы на одежду, обувь и аксессуары, это составит примерно три четверти того, что Физий потратил на книги. С учетом этого знания основатель знаменитой библиотеки, в котором мы так хотим видеть просвещенного гуманиста, предстает в несколько ином свете <...> Его образ гораздо более красочен и сложен, чем кажется на первый взгляд»⁷⁰⁹.

Недавние изыскания в библиотеке Физия, осуществленные нами в сотрудничестве с историком книги из Лейденского университета (Нидерланды) Е.В. Дмитриевой, подтверждают эту гипотезу⁷¹⁰. Сосредоточившись на книгах по ботанике – теме, исключительно модной в Европе в XVI – XVII вв.⁷¹¹ – и уделив пристальное внимание «книжной археологии» – то есть изучению физического состояния книг из коллекции, их переплетов и обложек, наличия пометок на полях, надписей и подчеркиваний на страницах, – мы обнаружили в библиотеке Физия множество книг выдающихся авторов-ботаников, от Фукса и Брунфельса до Клузиуса и Баугина, многие – в первоизданиях. Однако интересно, что ни одна из них не имела каких либо признаков собственно чтения – паратекстуальных элементов (которые были распространены в то время), царапин, сложенных страниц и т. д. Возможно, как хороший коллекционер, Физий был чрезвы-

⁷⁰⁹ Mourits E. *Wie was Johannes Thysius?* // Anrooij W., Hoftijzer P. *Vijftien Strekkende Meter. Nieuwe Onderzoeksmogelijkheden in het Archief van de Bibliotheca Thysiana*. Hilversum, 2017.

⁷¹⁰ Dmitrieva E. *Botanical Books in the Bibliotheca Thysiana: Exploration in the Cultural History of Reading*. Leiden, 2018.

⁷¹¹ Egmond F. *The World of Carolus Clusius: Natural History in the Making, 1550-1610*. London, 2010.

чайно педантичен в обращении с ценными томами, однако автор предлагает другую версию: все эти книги были куплены им прежде всего не для чтения и самообразования, а дабы соответствовать моде эпохи и повысить свой престиж в обществе и, что также немаловажно, в своих собственных глазах.

Мы предполагаем, что страсть Физия к коллекционированию модных и «статусных» книг по ботанике можно также объяснить с помощью концепта «показательного потребления», постулированного норвежско-американским социологом Т. Вебленом. Напомним: в своей книге «Теория праздного класса», вышедшей в 1899 году и призванной осмыслить социокультурные изменения на рубеже XIX и XX веков, Веблен предположил, что, когда стадия первоначального накопления капитала буржуазией и промышленниками успешно завершилась, представители этих классов захотели не только быть самыми богатыми среди себе подобных, но и перенять престижные привычки аристократов – «праздного класса». Отсюда – страсть к «показательному потреблению», осознанному нуворишами как основное занятие «праздного класса», направленное на выставление напоказ личного статуса, богатства и престижа. Субъект, потреблявший «напоказ», следовал уже не общепринятой модели «экономического человека», чей интерес заключался в максимизации прибыли для дальнейших инвестиций в бизнес, а, наоборот, тратил свои средства на изысканную роскошь. Таким образом экономический капитал конвертировался в более символический социокультурный капитал.

В полном соответствии с этой логикой, молодой наследник капитала Физий мог, действительно, быть равнодушным к покупкам «статусных» предметов роскоши, к которым он, однако, причислял в первую очередь не одежду и мебель, а книги известных ученых. Он жил в Лейдене, городе богатых и хорошо образованных иммигрантов из Южных (католических) Нидерландов и их потомков, рядом с молодым, стремившимся укрепить свой престиж университетом, ботаническим садом (располагавшимся, кстати, почти по соседству с домом Физия), где знаменитый ботаник Клузиус интродуцировал экзотические луковицы тюльпанов. В подростковом возрасте Физий стал свидетелем пресловутой

«тюльпановой лихорадки» 1636-37 годов – кризисного роста котировок фьючерсов на тюльпаны. Сам голландский стиль садоводства того времени описывается исследователями как «чем пестрее и разнообразнее, тем лучше»⁷¹². В собирании своей библиотеки Физий воспроизвел похожую логику собирания разнообразных ценных, «статусных» предметов для завоевания престижа, прежде всего в собственных глазах.

По этой же логике, само предсмертное желание Физия пожертвовать свою библиотеку жителям Лейдена, которое было столь поэтизировано в литературе второй половины XX в. как «акт бескорыстного гуманизма», на самом деле можно рассмотреть и как высшую форму «демонстративного потребления», финальный акт борьбы Физия за престиж и уважение в глазах жителей Лейдена. Образованный и богатый молодой человек, Физий мог бы сделать карьеру юриста, но предпочел посвятить себя досугу и «показательному потреблению» статусных товаров, от мебели, перчаток и меховых шапок до луковиц тюльпанов и книг. Умерев молодым, он оставил после себя не научные рукописи, а записные книжки, куда тщательно записывал траты на «шопинг». Однако в то время как ковры и костюмы Физия давно превратились в пыль, его библиотека до сих пор стоит на канале Рапенбург в Лейдене как живой памятник его тщеславию – тому самому тщеславию, которое, в конце концов, действительно способствовало просвещению.

Не подобными ли тщеславными мотивами был, на самом деле, вызван и дар Н.С. Мальцова своей обсерватории Российской академии наук? Между ним и И. Физием немало общего: оба они были наследниками больших состояний и семейных предпринимательских традиций, жившими в эпоху капиталистической модернизации, но не пожелавшими, однако, продолжить дело предков и приумножать семейные капиталы, а обратившимися вместо этого к их растрате, просвещенному досугу, любительскому занятию науками и коллекционированию книг и иных предметов роскоши.

⁷¹² Clifford D. A History of Garden Design. New York, 1966. P. 62.

Именно перечисленные занятия, по мнению Т. Веблена, и являются характерными признаками принадлежности к «праздному классу»: «Праздность, являясь общепризнанным свидетельством обладания богатством, закрепляется в образе мысли людей как нечто, что само по себе обладает значительными достоинствами и существенно облагораживает. <...> Нематериальными свидетелями праздности являются квазинаучная или квазихудожественная деятельность, знания о мертвых языках и оккультных науках, различного рода семейном музицировании и самодеятельном искусстве, о том, как следует сегодня одеваться, обставлять жилье и какой иметь выезд, об играх и развлечениях, а также о любимых питомцах <...> Многие общественные деяния, официально бескорыстные по духу, выполняются прежде всего с целью поднятия репутации, в значительном числе такого рода учреждений завистническое побуждение является явно господствующим <...> это особенно справедливо в отношении крупных, демонстративных расходов – например, учреждения публичной библиотеки»⁷¹³.

Несомненно, «показательное потребление» является продуктом изменений в экономических, социальных и культурных структурах, которые происходят в течение длительного времени. Возможность Физия вести жизнь просвещенного модника и видного коллекционера книг была обеспечена богатством, накопленным его предками, богатыми ювелирами и купцами из Антверпена, эмигрировавшими в Амстердам. Основой достатка Н.С. Мальцова стали капиталы отца, С.И. Мальцова, и унаследованное имение Симеиз на Южном берегу Крыма, которое Н.С. Мальцов вместе с братом размежевал на участки и пустил в продажу под дачи. За свой дар Пулковской обсерватории Н.С. Мальцову было пожаловано звание почетного члена Российской академии наук. В отличие от библиотеки, симеизская обсерватория Мальцова, как и его особняк на берегу моря, сохранились до наших дней и до сих пор в той или иной форме служат обществу. Так же, как и Физий, Н.С. Мальцов собирал и читал книги, скорее

⁷¹³ Веблен Т. Б. Указ. соч. С. 88-90, 317.

всего, не ради реализации какой-либо идеалистической миссии, а для собственного удовольствия, которое, впрочем, имело множество измерений. Интеллектуальное самосовершенствование и тщеславная демонстрация своих достижений как коллекционера (прежде всего самому себе), «показательное потребление» книг и других модных вещей эпохи, будь то наряды, мебель или приборы для наблюдения за звездным небом шли рука об руку – и в случае И. Физия, и в случае Н.С. Мальцова.

В своем эссе «Голландская цивилизация в семнадцатом веке» выдающийся историк Йохан Хейзинга, характеризуя состояние Нидерландов на излете т.н. «золотого века», пишет: «Здоровая и простая форма благосостояния, охватывающего широкие слои населения, между тем, имела, в социальном плане, свои негативные стороны. <...> Стала ли Голландия страной рантье? <...> Без сомнения, в правящих и состоятельных классах оставались энергичные натуры, которые были при деле <...> но для среднего представителя правящего сословия занятия, помимо чинной говорильни погрязшего в рутине городского управления, ограничивались беседами с садовником, управляющим и нотариусом. Интеллектуальная деятельность, которая могла бы заполнить такое существование, переместилась <...> в оборудование кабинетов естественнонаучных коллекций, что стало почти необходимым для поддержания репутации. Все это вместе взятое, какую бы культурную пользу оно не приносило, без всякого сомнения поглощало немалую долю энергии нации»⁷¹⁴.

Первоначальное накопление капитала и последующий переход части буржуазии к иным ментальным моделям, ориентированным скорее на досуг и «показательное потребление» вместо безостановочного производства прибавочного продукта, заняли в Нидерландах почти около ста лет. В России второй половины XIX – начала XX века, как показывает судьба династии Мальцовых, подобные смены социокультурных парадигм, характерных для эпохи модернизации, происходили в рамках всего двух поколений.

⁷¹⁴ Хейзинга Й. Культура Нидерландов в XVII веке; Эразм; Избранные письма; Рисунки. СПб., 2009. С.135.

Основанный им вместе со старшим братом И.С. Мальцовым курорт Новый Симеиз просуществовал до конца 1920 г. 29 декабря 1920 г. был опубликован декрет СНК РСФСР, в котором провозглашалось: «Прекрасные дачи и особняки, которым пользовались раньше крупные помещики и капиталисты <...> должны быть использованы под санатории и здравницы для рабочих и крестьян». Вскоре частные дачи в Крыму были национализированы и в дальнейшем стали корпусами вновь образованных санаториев для отдыха трудящихся или коммунальными жилыми домами.

Любопытно рассмотреть, что происходило в курортном Симеизе начиная с февраля 1917 г. и до ноября 1920 г., в то время, когда в Санкт-Петербурге и Москве, Симферополе и Севастополе уже бушевали бурные революционные события. Как реагировали на новости из столиц обитатели имений и дач? Ответ на этот вопрос отчасти дают опубликованные в последние десятилетия мемуарные источники.

Вот как, к примеру, князь П.С. Урусов характеризует лето 1917 года: «Несмотря на печальные события, то лето в Крыму было, однако, приятным во многих отношениях. Центры революции, Петербург и Москва, казались далекими. Мы находились в особого рода оазисе с друзьями и родственниками из Санкт-Петербурга, которые жили в своих имениях, обменивались визитами и ездили в Ялту. <...> С мая по октябрь каждый день несколько часов мы проводили на пляже, плавая и загораая. В те дни было принято плавать и сидеть на пляже обнаженными, во всяком случае, в частном имении. Конечно, женщины купались отдельно, на расстоянии, примерно, полумили от нас. <...> Будучи молодым человеком, способным на неприличные поступки, я, должно быть, досаждал юной гувернантке в дни, когда мы купались. Я стоял голый, с панамой на голове и биноклем на шее. Временами я фиксировал бинокль на девушке и с расстояния тарасил на нее глаза. Было очень приятно, когда я уставал, отдыхать в море.

Другим доставлявшим наслаждение развлечением было взбираться к виноградникам, а оттуда подниматься еще выше в гору, где все вокруг казалось безмолвным и диким»⁷¹⁵.

Впрочем, иногда, по воспоминаниям Урусова, происходили и неприятные события. Так, «ночь тому назад в имение великого князя (Ай-Тодор - А.К.) вторгся отряд моряков из Севастополя. Они приехали, чтобы сделать обыск, переворачивая все вверх дном и творя полный беспорядок. Они вошли в спальню вдовствующей императрицы (Марии Федоровны – А.К.), где она лежала в постели. Моряки были крайне грубыми и реквизировали датскую Библию, которую императрица читала каждый день. Симптоматично отметить, что такое оскорбительное происшествие случилось в мае, в начале революции»⁷¹⁶. Сама Мария Федоровна напишет об этом эпизоде так: «Матросы ходили по комнате в головных уборах и рассматривали меня; противные, дрянные люди с наглыми, бесстыжими лицами. Невозможно поверить, что это были те, которыми мы прежде так гордились»⁷¹⁷.

После установления власти большевиков в Крыму в ноябре 1917 г. Урусов сообщает: «На крымском побережье мы особо не чувствовали революцию. Местное население состояло из мирных и консервативных татар, которые ее ненавидели. В Севастополе, главной базе Черноморского флота, ситуация была совершенно другой, и матросами совершались ужасные выходки: они убивали, а иногда подвергали пыткам офицеров. К счастью, по побережью не была проложена железная дорога, и Севастополь казался далеким. <...> Наше имение было объявлено национализированным, но фактически ничего не изменилось. Мы продолжали жить в нашем доме, как и раньше. Единственное нарушение порядка, которое я могу вспомнить, было, когда по нашему саду прошел посторон-

⁷¹⁵ *Литаиш О.А.* Князь Петр Урусов... С. 50–71, 65.

⁷¹⁶ Там же. С. 66.

⁷¹⁷ С высоты престола. Из архива императрицы Марии Федоровны (1847–1928) // Наше наследие. 2002. № 62. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6203.php> (Дата обращения – 12.09.2022).

ний человек. <...> В эти зимние месяцы почти каждый вечер людей расстреливали на ялтинском молу, и одним из убитых стал мой троюродный брат, офицер военно-морского флота. Может показаться странным, что в то время, когда имели место эти ужасные эксцессы, продолжалось что-то вроде светской жизни. Когда бывал в Ялте, я обычно ходил на званый чай и видел довольно большое количество людей. Существовал риск быть арестованным, но некоторые все же ходили по улицам»⁷¹⁸.

Но стоило немецкой армии оккупировать Крым в апреле 1918 г., как, по словам Урусова, «вновь ожила светская жизнь на нашей маленькой крымской Ривьере. Одним из мест, где собиралось высшее общество, был Мисхор; здесь образовалось что-то вроде теннисного клуба. Теннисные корты были в отличном состоянии. В мае или июне стартовали матчи и турниры и продолжались все лето. Я имел обыкновение пешком преодолевать пять или шесть миль, которые отделяли Симеиз от Мисхора, любуясь видом с дороги, находившейся довольно высоко над морем. В мисхорском теннисном клубе я встретил друзей и знакомых <...> Наконец мы наслаждались свободой и великолепной летней погодой, стараясь забыть на какой-то момент трагические события в других частях России. Прежде всего, мы были среди своих, в своей среде, возможно, слишком беззаботные и недостаточно осознающие неопределенное будущее, перед которым стояли. Но я наслаждался этими встречами на открытом воздухе под голубым небом Крыма...»⁷¹⁹

Наслаждаться, впрочем, пришлось недолго: уже весной 1919 г. Красная армия вновь вступила в Крым, и Урусов вместе с многочисленными родственниками и знакомыми их числа аристократии, в том числе и семейством Мальцовых, были эвакуированы из Крыма на кораблях британского военного флота. Урусов, как и Н.С. Мальцов, в Крым больше не возвращался. И.С. Мальцов и сыном, невесткой и детьми вернулись, и судьба их сложилась трагически.

⁷¹⁸ *Литаиш О.А.* Князь Петр Урусов... С. 50–71, 68.

⁷¹⁹ Там же. С. 68.

Обстоятельства этого печального исхода впервые стали достоянием широкой публики благодаря мемуарам литературного критика, поэта С.К. Маковского (1877-1962) «На Парнасе "Серебряного века"», изданным в Мюнхене в 1962 г. В них Маковский вспоминает, что в начале 1917 г. снял дачу в Новом Симеизе (на самом деле, как выясняется по мемуарам И.И. Пузанова, комнату на даче семьи Пузановых) и переехал из Петрограда, предусмотрительно (по его словам, «будучи уверен, что никогда не вернусь... Россия погружалась в кровь и грязь неудержимо»⁷²⁰) захватив большую часть имущества и передав часть художественной коллекции в Русский музей.

В Ялте, за исключением нескольких эксцессов (размещение бывших политических заключенных-инвалидов в Ливадийском дворце, забастовка домашней прислуги), жизнь летом 1917 г. протекала на первый взгляд безоблачно, о чем свидетельствуют мемуары революционера К.П. Набокова, члена Ялтинского совета ВЧК, опубликованные Н. Доненко: «По набережной Ялты с утра до позднего часа ночи сплошной стеною беззаботно, празднично наряженная, движется ликующая буржуазия. Прибой волн сливается с многоголосым говором, смехом, шутками и музыкой; здесь нет будней, тревог, забот; жизнь протекает сплошным праздником, в роскоши и веселье – у вышколенных молодчиков в погонах повисли на руках сияющие счастьем красавицы. Море! Солнце! Золотой пляж, загородные прогулки на татарских лошадях с проводниками в горы! <...> Все здесь располагает к радостному веселью – жить и наслаждаться <...> Рукой подать до Севастополя – там давно уже чувствуется революция, и ни одного офицера не встретишь в погонах, а здесь блеск погон ослепляет зрение»⁷²¹.

В Крыму С.К. Маковский продолжил заниматься устройством выставок и выступлений находившихся в то время в Крыму многочисленных художников и писателей. Поток творческой интеллигенции в Крым был, действительно, сильным: недаром Г.В. Вернадский заявлял о «расцвете умственной и религиозной жизни» в Крыму в годы Гражданской войны. Как показал, раскрывая смысл этой

⁷²⁰ Маковский С.К. На Парнасе «Серебряного века». М, 2000. С. 542.

⁷²¹ Доненко Н. Ялта – город веселья и смерти. Симферополь, 2014. С. 27-28.

цитаты, С.Б. Филимонов, в деятельности крымских научных и культурных учреждений и организаций в 1917–1920 гг. принимали участие многие крупнейшие ученые, бежавшие из университетских центров России и Украины в «белый» Крым⁷²².

Бежали в Крым, разумеется, не только служители муз, но и их покровители. По словам Маковского, «осенью 1917 года на крымском побережье – от Гурзуфа до Севастополя – собралась целая колония петербуржцев и москвичей в своих поместьях и на дачах, построенных на сравнительно недавно приобретенных участках. Здесь жили, не слишком общаясь друг с другом, но все же забыв немного из-за общего «несчастья» о сословных перегородках, и аристократия, и представители купеческой и промышленной знати: семья Харитоненко в гостинице «Россия» (Ялта), Ханенко, Бруновы, Ушковы, французские подданные из московских богачей Гужон, княгиня Тенишева с княгиней Четвертинской, кн. Щербатовы, гр. Мордвиновы, гр. Елизавета Владимировна Шувалова, кн. Гагарины, Раевские и кн. Барятинские (на ялтинской «вилле роз» Сербиляр), хан Нахичеванский во дворце крикливо-восточного вкуса по дороге в Ливадию (где проживала вдовствующая императрица), вел. кн. Александр Михайлович с Ксенией Александровной и Александра Петровна Ольденбургская (в Дюльбере), рядом – кн. Юсуповы и Долгорукова (Кореиз), гр. Воронцова (Алупка), Иван и Николай Сергеевичи Мальцовы и Сергей Иванович, женатый на кн. Барятинской, кн. Урусовы (Симеиз), Григорий Ушков (имение Форос)... Никогда, кажется, не закончить бы этого списка, если бы называть не тех только, кого я знал лично, с кем так или иначе был связан в Петербурге... Впоследствии, покидая Крым для острова Мальты на предоставленных англичанами судах, многие просили меня, остававшегося в Крыму, озаботиться по мере возможности об охране того, что представляло в брошенном ими имуществе художественную цену»⁷²³.

⁷²² *Филимонов С.Б.* Из прошлого русской культуры в Крыму... С. 70.

⁷²³ *Маковский С.К.* Указ. соч. С. 544-545.

Вот как описывает Маковский жизнь в симеизском имении Мальцовых в конце 1917 – начале 1918 г., когда, по его же словам, «революционные безобразия начались и на подступах к Ялте (с 9 по 15 января 1918 г. Ялте шли вооруженные столкновения между прибывшими из Севастополя красными матросами и верными Краевому правительству офицерами и татарским Крымским эскадром - А.К.), прежде всего вооруженные наезды матросов из Севастополя, грабивших под предлогом "национализации" и творивших расправу с офицерами-белопогонниками <...> жизнь в Ялте и окрестностях становилась все труднее, для многих - и опасней»⁷²⁴:

«Музыкален был чрезвычайно сам хозяин Симеиза – генерал в отставке Иван Сергеевич Мальцов. После смерти жены жил он одиноко, обозревал в телескоп небо и на альте играл с сопровождением дочери своего управляющего делами Семенова (тоже генерала в отставке) – Настасии Яковлевны, певицы <...>, очень тонкой музыкантши. Ее брат был пианистом, окончившим консерваторию, изрядным виртуозом. <...> Окруженная прямо пахнувшим садом вилла Мальцова находилась у моря и возвышалась на скалах над дачной местностью, как замок феодальных времен. Весь воздух в этом уединенном обиталище, казалось, был пропитан соленым запахом волн и зовами неумолчного моря. Рядом с двухсветным залом, где стоял концертный Стейнвей, находилась комната с музыкальными инструментами разных времен, иногда очень замысловатыми <...> Здесь под едва уловимый морской шелест исполняла чета Ян-Рубан-Поль (А.М. Петрункевич и В.Я. Поль – А.К.) свой репетуар романсов на нескольких языках...»⁷²⁵.

После второго установления советской власти в Крыму в 1919 г. и эвакуации большинства именитых владельцев южнобережных имений на кораблях британского флота, Маковский остался в Ялте и, как мы уже упоминали, был привлечен к деятельности по охране памятников искусства и старины: «С одобрения революционного начальства в лице каких-то затрапезных пролетариев

⁷²⁴ Там же. С. 546.

⁷²⁵ Там же. С. 547.

<...> группа художников, архитекторов, писателей взялась охранять памятники искусства, библиотеки и научные приборы <...> После нескольких месяцев нашей "музейной работы", благодаря которой все более или менее художественное было сохранено в ценности и, когда советская шайка ушла и пришли снова денкинские добровольцы, все "национализированные" художественные ценности были возвращены собственникам по запротоколенным описям, крымская жизнь, хоть и осиротевшая, вновь оживилась»⁷²⁶. Впрочем, в возможность уцелеть Крыму от окончательного завоевания красными Маковский, по его словам, не верил -- а потому вскоре переехал в Константинополь.

Те же из его симеизских знакомых, кто остался в Крыму и не пожелал уехать, закончили, подчеркивает Маковский, печально: «многие из *si-devant* ("бывших" – А.К.), не успевшие или не захотевшие бежать, были убиты бесчеловечным образом также и в самом Симеизе: и восьмидесятилетняя старушка – милая княгиня Барятинская, и Мальцовы, старшие и младшие. Вместе убиты были мои друзья-симеизцы: Мальцовы Иван Сергеевич и сын его Сергей Иванович с женой Барятинской, и Семенова, и ее отец-генерал; всем по очереди - пуля в затылок. Бела Кун не тронул только малолетних сына и дочь Сергея Ивановича Мальцова, которых увезли вглубь России. Лишь со временем удалось их выписать за границу через английское посольство»⁷²⁷.

На протяжении долгого времени эти строчки были единственным, ничем, кроме воспоминаний уцелевших потомков, не подтвержденным свидетельством трагической судьбы последних хозяев Симеиза. Второе подтверждение обнаружилось также в мемуарных источниках – Л.Л. Васильчикова (урожденная Вяземская), также переехавшая в начале революционных событий из Петрограда на Южный берег Крыма, в имение великого князя Георгия Михайловича «Харакс», а в 1919 – на Мальту, откуда далее в Европу, в своих мемуарах, написанных в 1940-х и опубликованных в 1995 г., указывала, что Мальцовы «остались на

⁷²⁶ Там же. С. 550.

⁷²⁷ Там же. С. 551.

Мальте до того момента, как Врангель освободил Крым, и, обрадовавшись случаю вернуться домой, поехали назад в Ялту <...> не захотели уехать и погибли. <...> Мальцов и его жена были расстреляны в собственном саду»⁷²⁸. Лишь в начале 2000-х гг. помощник прокурора Киева Л.М. Абраменко обнаружил в архивах Службы безопасности Украины и опубликовал материалы дел, рассмотренных Чрезвычайной тройкой Крымской ударной группы управления особых отделов ВЧК при РВС Южного и Юго-Западного фронтов, и вынесенными постановлениями о расстреле⁷²⁹. Так, в списке из 203 расстрельных приговоров, вынесенных 21 декабря 1920 г., оказались сразу несколько имен, связанных с Симеизом: к расстрелу были приговорены 73-летняя, прикованная к инвалидному креслу княгиня Н.А. Барятинская, ее беременная 40-летняя дочь Ирина Владимировна с мужем, 44-летним Сергеем Ивановичем Мальцовым, и его отец 73-летний Иван Сергеевич Мальцов, основатель курорта Новый Симеиз (илл. 20). На следующий день, 22 декабря на бывшую дачу Фролова-Багреева у водопада Учан-Су, где приводились в исполнение приговоры, был отправлен, среди прочих «бывших», инженер Н.П. Субботин, экс-владелец симеизской дачи «Нора», на деле которого была поставлена резолюция – «черносотенец».

Характерно, что после установления советской власти всем бывшим солдатам и офицерам, беженцам и чиновникам, приехавшим в Крым до 1917 года, было предложено добровольно явиться на сборные пункты ЧК и зарегистрироваться, что они дисциплинированно и сделали, чем фактически облегчили чекистам собственное уничтожение. Чем объяснить столь феноменальную беспечность, наивность, нежелание смотреть в глаза действительности, проявленную представителями привилегированных сословий императорской России на Южном берегу Крыма даже тогда, когда в стране уже несколько лет полыхал огонь гражданской войны, а большевики уже дважды, пусть недолго, правили Крымом,

⁷²⁸ Васильчикова Л.Л. Исчезнувшая Россия... С. 538.

⁷²⁹ Абраменко Л.М. Последняя обитель. Крым, 1920–21 годы. Киев, 2005; Галиченко А. А., Абраменко Л. М. Под сенью Ай-Петри: Ялта в омуте истории, 1920-1921 годы: очерки, воспоминания, документы. Феодосия, 2006.

учиняя обыски, аресты и расстрелы классовых врагов, что сопровождалось продовольственным кризисом («Зимой 1917–1918 годов была страшная нехватка продуктов питания, просто было мало еды,» – пишет Урусов⁷³⁰)? Почему вплоть до своей трагической кончины эти люди как ни в чем не бывало наслаждались «светской жизнью в своем кругу, посещали званые чаепития, музицировали, играли в теннис, а некоторые, вроде семьи И.С.Мальцова, уже будучи эвакуированными на безопасную Мальту, зачем-то вернулись, чтобы встретить собственную погибель?

Вот что пишет об этом Л.Л. Васильчикова: «Впоследствии, перебирая свои крымские воспоминания, мы честно сознавались, что <...> будь мы тогда более дальновидны и менее оптимистичны и пойми мы серьезность политического положения в разных фазах революции, мы бы повели себя во многих отношениях мудрее. На повторные вопросы младшего поколения, как мы могли не понять уже тогда, что это (речь идет о событиях лета 1917 г. – А.К.) было начало конца, могу только ответить, что ко всему привыкаешь и что степень опасности определяется только, когда она уже за спиной, тем более что после пережитых нами ужасов Крым казался раем, стоявшим вне бешеного урагана, несущегося по остальной части России»⁷³¹. Характерны слова Ирины Мальцовой, сказанные Л.Л. Васильчиковой на Мальте: «Вы увидите, мы уедем отсюда последними, потому что мы люди без инициативы»⁷³².

Напомним характеристику «праздного класса», по Т. Веблену: нематериальными свидетелями показательной праздности, помимо незанятности в какой-либо производительной деятельности и «демонстративного потребления» предметов роскоши, являются «квазинаучная или квазихудожественная деятель-

⁷³⁰ *Литаиш О.А.* Князь Петр Урусов... С.60.

⁷³¹ *Васильчикова Л.Л.* Исчезнувшая Россия... С.418.

⁷³² Там же. С.538.

ность... знания о мертвых языках и оккультных науках, различного рода семейном музицировании и самодеятельном искусстве, о том, как следует сегодня одеваться, обставлять жилье и какой иметь выезд, об играх и развлечениях»⁷³³.

В этом смысле любопытны документы национализации имения И.С. Мальцова в феврале 1921 г., обнаруженные нами в ГАРК, в которых сохранилось детальное описание обстановки его особняка⁷³⁴. Дорогая мебель, сервизы, подзорная труба, деревянный резной пюпитр, набор для лаун-тенниса на 20 шаров с четырьмя сетками, микроскоп, гигроскоп, компас, вольтметр, бинокль, чертежные приборы, сигары, щипцы и прибор для их обрезания, пепельницы, коллекция монет, бильярд фабрики Бриген с 10 киями в специальной подставке – вот что, среди прочего, увидели в доме Мальцовых члены комиссии Санаторно-Курортного Управления Симеизского подрайона в составе председателя, заведующего хозяйственным отделом Ю.А. Быховского и переписчика того же отдела Лещенкова, представителя Управления южнобережскими советскими хозяйствами в Крыму тов. А.П. Коренева, заведующего имением «Новый Симеиз» (бывшее И.С. Мальцова) Н.А. Ральцевича, членов рабоче-контрольного комитета того же имения В.К. Баскакова и С.Н. Лифляндцева 24 февраля 1921 г., составляя акт приемки всего имения.

Видно, что вплоть до самого конца хозяева жили так, как будто ничего страшного не происходит, следуя привычному десятилетиями распорядку – как и засвидетельствовали в своих мемуарах и П.С. Урусов, и С.К. Маковский.

Это нарочитая праздность, фиксируемая прямо и косвенно по многочисленным эго-источникам как ключевой элемент ментальности крымских дачников из числа представителей привилегированных классов в годы гражданской войны – даже находясь на краю пропасти, «праздный класс» императорской России фатально не желал изменять своим любимым привычкам – лишний аргумент в пользу того, что трактовать революцию и Гражданскую войну в России в 1917

⁷³³ Веблен Т. Теория праздного класса... С.90.

⁷³⁴ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 43. Л. 33-50.

– начале 1920-х гг. следует в широком смысле, как конфликт не только социально-экономический, но и социокультурный, ментальный.

Подходы такого рода уже намечены в литературе – например, в работах американских историков-россиеведов С. Фрэнка и Дж. Ньюбергер, посвященных феноменам правовых конфликтов и ментальных недопониманий между представителями разных сословий в городе и деревне в начале XX в. (сельские «самосуды», «хулиганство» крестьянской молодежи в крупных городах). Рассматривая эти конфликты, исследователи делают вывод о социокультурном характере сложившихся общественных противоречий, разном видении «путей модернизации»⁷³⁵. В известной степени, речь может идти о том, что ленинская фраза «верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому», объясняющая революционную ситуацию в России, наполняется новым содержанием, имеющим отношение не только к социально-экономическим противоречиям, но и к противоречащим друг другу социокультурным репрезентациям прошлого, настоящего и будущего.

Впрочем, в мемуарных источниках отражается и разница восприятия и интерпретации драматических исторических событий даже среди самих представителей российского «образованного общества». Так, воспоминания профессора И.И. Пузанова, записанные в 1960-х гг. (Пузанов скончался в 1971 г.), содержат не только множество деталей, характеризующих историю повседневности Крыма и дачного поселка Новый Симеиз в годы гражданской войны, но и отличаются несколько иной интонацией по сравнению с процитированными выше мемуарами представителей «белой» эмиграции. В оптике Пузанова многие переживания героев и авторов последних оцениваются довольно саркастически. К примеру, С.К. Маковский характеризуется им как человек «утонченно культурный, но болтливый и трусливый без меры», который «удрал за границу, оставив

⁷³⁵ *Neuberger J.* Hooliganism, Crime, Culture, and Power in St.Petersburg: 1900-1914. Berkeley, 1993. P. 121; *Frank S.* “Simple Folk, Savage Customs”. Youth, Sociability, and the Dynamics of Culture in Rural Russia, 1856-1914 // *Journal of Social History.* 1992. Vol. 25. No. 4. P. 89.

семью в Крыму»⁷³⁶ (Марина Маковская с детьми, как сообщает Пузанов, выехала из Крыма лишь в 1921 г.)⁷³⁷.

Приведем также цитату из мемуаров Пузанова, описывающую оживление среди дачников Нового Симеиза после германской оккупации в 1918 г.: «Итак, немцы почти не вмешивались во внутренние дела Крыма, гражданская власть осуществлялась обычными органами самоуправления – земствами, городскими управами, волостными управлениями. Буржуи, не угрожаемые более большевистскими контрибуциями, вздохнули свободно и, забыв о патриотизме, даже приветствовали приход немцев... Неизвестно откуда, у буржуев, чуть не умиравших с городу при большевиках, снова появились средства. Сестры Старицкие, не устававшие еще недавно шамкать: «Да ведь есть нечего!», закатили у себя на Пасху такой прием, что столы буквально ломились от пасох, куличей, окороков, ветчины, наливок и графинов вина собственного лименского разлива. Злые языки говорили, что дачевладелец Субботин, ходивший при большевиках в заплатах брюках, при первом же появлении спорол эти «псевдозаплаты» (бережно спрятав их на черный день) и щеголял по проспекту в тех же брюках, но чисто вымытых и отутюженных»⁷³⁸.

Впрочем, говоря о волне «красного террора», И.И. Пузанов даже в мемуарах, записанных в советское время, не может сдержать сугубо негативных оценок: «если смерть (И.С. Мальцова и Я.П. Семенова – А.К.) могла быть, если не оправдана, хотя бы объяснена наличием у них красных генеральских лампасов... то расстрел Анастасии Яковлевны Семеновой – только за то, что ей, дочери генерала, молва приписывала интимные отношения с стариком генералом Мальцовым, явился уже актом ничего не оправданного зверства... Был ли какой-нибудь смысл в этой страшной человеческой гекатомбе (красного террора в Крыму – А.К.)?... Конечно, во время всякой революции «боги жаждут» и расстрелы

⁷³⁶ Пузанов И.И. Мемуары. В 3-х тт. Одесса, 2015. Т. 2. С. 367, 439.

⁷³⁷ Там же. С. 472.

⁷³⁸ Там же. С. 372.

неизбежны.... Но ведь подавляющее большинство убежденных и активных противников эвакуировались с Врангелем... Среди беспартийной массы террор уничтожил как раз наиболее честных, наиболее добросовестных людей, которые сочли своим гражданским долгом не уклоняться от регистрации... такие люди, останься они живыми, могли бы быть образцовыми гражданами советского государства. Люди же, у которых совесть была нечиста, или, попросту, беспринципные ловкачи, конечно, на регистрацию не пошли. найдя тысячи способов и поводов от нее уклониться... Результатом красного террора в Крыму было лишь то, что он подорвал доверие к победителям даже среди тех, кто искренне сочувствовал коммунизму и социализму. А самое главное – он чувствительно понизил в Крыму процент честных, принципиальных людей»⁷³⁹.

⁷³⁹ Там же. С. 445.

Глава 4. Формы цифровых информационных ресурсов по истории Южного берега Крыма позднеимперского периода⁷⁴⁰

Задача настоящей главы – показать потенциал новых цифровых инструментов поиска, организации, обработки и распространения исторического знания на примере, прежде всего, составленных автором диссертации электронных баз данных по теме курортного развития Южного берега Крыма конца XIX – начала XX века, на основании которых были в дальнейшем разработаны историко ориентированные тематические сайты. Кроме того, была поставлена задача рассмотреть информационный потенциал таких цифровых агрегаторов исторической информации, как электронный Госкаталог Музейного фонда Российской Федерации, просветительские краудсорсинговые базы данных в сети интернет, а также сообщества («группы») историков-любителей в социальных интернет-сетях, публикующие и обсуждающие историческую информацию.

В статье «Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота» Л.И. Бородкин, вводя читателя в контекст актуальных дискуссий о «цифровом» будущем исторической науки, приводит одну из точек зрения, согласно которой новые технологические возможности работы с информацией формируют сегодня и «новую форму исторического знания», которая определяется как «не линейный нарратив, а сайт, карта или база данных, которые позволяют не только максимально полно и достоверно представить исторические источники, но и найти неиерархическую визуальную форму репрезентации разных точек

⁷⁴⁰ При подготовке данной главы диссертации использованы публикация автора: *Карагодина А.В.* Базы визуальных источников в сети интернет: проблемы эвристики (на примере изучения истории Южного берега Крыма начала XX в.) // Историческая информатика. — 2022. № 2. С. 1–17. (2,08 п.л.); *Карагодина А.В.* Большие данные, большие перемены: цели и некоторые результаты обновления учебного курса Количественные методы в исторических исследованиях на историческом факультете МГУ // Genesis: исторические исследования. — 2018. № 7. С. 85–95. (1,16 п.л.).

зрения, частного и публичного, документов и воспоминаний»⁷⁴¹. Иначе говоря, такого рода ресурсы становятся своего рода «вторичным», или мета-источником, одновременно и агрегирующим историческую информацию разной типовой и видовой принадлежности, и облегчающим информационный поиск.

Заслуживает внимания, с точки зрения Л.И. Бородкина, мнение американского исследователя С. Робертсона (ун-т Дж. Мейсона, США), который полагает центральными для развивающейся «цифровой истории» вопросы создания коллекций оцифрованных данных, их презентации и распространения в сети. Очевидной для Л.И. Бородкина «представляется задача расширения участия историков, увеличения их роли в развитии цифровой гуманитаристики»⁷⁴².

С этим трудно не согласиться. Сегодня «информационный взрыв», компьютерная революция, доступ к электронным архивам, базам данных, всеобщая «датыфикация» социальной информации открывают перед исследователем широкие перспективы, которые сложно было представить себе еще несколько десятилетий назад. Исследователь уже не мыслит своей работы без использования глобальных информационных сетей и баз данных, обеспечивающих эффективное информационное взаимодействие, доступ к мировым ресурсам знаний, электронным библиотекам, каталогам архивных и музейных коллекций, базам данных и т.д.⁷⁴³ Формируются сетевые команды исследователей, работающих над различными академическими проектами, находясь за тысячи километров друг от друга. Все это заставляет представителей исторической науки напряженно размышлять о самобытности своей профессии в быстро меняющемся мире.

Совокупность революционных изменений, переживаемых в настоящее время человечеством, часто называют «четвертой промышленной революцией»

⁷⁴¹ Бородкин Л.И. Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 14-30; Латина-Кратасюк Е. Как цифровые медиа изменили подход к истории. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/295707-kak-tsifrovye-media-izmenili-podkhod-k-istorii> (Дата обращения – 12.09.2022).

⁷⁴² Бородкин Л.И. Указ. соч.

⁷⁴³ Юмашева Ю.Ю. Цифровая трансформация аудиовизуальных архивов. Аудиовизуальные архивы онлайн. Москва-Берлин, 2020.

(по аналогии с «первой» и «второй», которые поставили паровой на службу производительным силам соответственно паровой двигатель и электричество, и «третьей», которая осуществила революцию в автоматизации производства с использованием компьютеров). Скорость и размах этой революции, происходящей на наших глазах, еще предстоит осмыслить – однако уже очевидно, что речь идет о масштабных сдвигах во всех секторах общества, вызванных реструктуризацией производства, потребления, транспортировки товаров, услуг и знаний в новый технологический уклад.

Если в 2000 году объем информации, хранящейся в цифровом формате, составлял лишь четверть от общего объема информации в мире, а остальные три четверти содержались в бумажных документах и аналогичных носителях, то к 2013 году объем информации, хранящейся в мире, составил 1,2 зеттабайта, из которых в неоцифрованном виде хранились менее двух процентов⁷⁴⁴. Поэтому основным содержанием «четвертой» промышленной революции, ставшей продолжением «третьей», но с совершенно новыми темпами и размахом, называют всеобщую «цифровизацию» и «датификацию» социально-экономических и социокультурных отношений. Не зря ее также называют «революцией больших данных», имея в виду появившиеся беспрецедентные возможности мгновенной обработки массивов информации в самых разных областях с помощью мощных компьютеров.

Дело не только в том, что благодаря микрокомпьютерной революции и развитию глобальной сети интернет миллиарды людей уже постоянно связаны друг с другом при помощи мобильных устройств с внушительными возможностями хранения, обработки и передачи оцифрованных данных. Благодаря новым возможностям измерения и анализа «больших данных» человечество все чаще начинает рассматривать окружающий мир не как совокупность природных или социальных явлений, а как совокупность массивов информации об этих явлениях, основным инструментом обработки которых будет измерение. Примерами

⁷⁴⁴ *Майер-Шенбергер В.* Большие данные: революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. Пер. с англ. И. Гайдюк. М., 2014.

нового «цифрового» мышления уже являются алгоритмы поисковых систем и социальных сетей, которые рассматривают человеческие сообщества через призму формализованных «социальных графов».

Утверждается, что со вступлением в «цифровую эпоху» в конце XX века человечество начало новый большой проект, сравнимый по важности и революционности с распространением идей Просвещения в Новое время. Как пишет в статье «Как заканчивается просвещение», опубликованной в 2018 году, влиятельный мыслитель, в прошлом госсекретарь США Генри Киссинджер, «до сих пор технологическим достижением, которое больше всего изменило ход современной истории, было изобретение печатного станка в XV веке, что позволило поиску эмпирических знаний вытеснить литургическую доктрину, а век разума постепенно вытеснил век религии. Индивидуальная проницательность и научное знание заменили веру в качестве главного критерия человеческого сознания. Информация хранилась и систематизировалась в расширяющихся библиотеках. Эпоха разума породила мысли и действия, которые сформировали современный мировой порядок. Но этот порядок сейчас находится в состоянии потрясения на фоне новой, еще более масштабной технологической революции, последствия которой мы не смогли полностью учесть, и кульминацией которой может стать мир, основанный на машинах, работающих на данных и алгоритмах и не управляемый этическими или философскими нормами»⁷⁴⁵.

Большой резонанс в академическом сообществе вызвала и монография Х. Виссеми и Я. Верлупа «К университету третьего поколения», которая была впервые опубликована на английском языке в 2009 году⁷⁴⁶. Авторы заявили о неизбежности фундаментального перехода от спонсируемых государствами университетов «второго поколения», рожденных в эпоху становления национальных

⁷⁴⁵ *Kissinger H.A. How the Enlightenment Ends // The Atlantic. 2018. №1. [Электронный ресурс]. URL://https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/06/henry-kissinger-ai-could-mean-the-end-of-human-history/559124/ (Дата обращения – 12.09.2022).*

⁷⁴⁶ *Виссема Й.Г. Университет третьего поколения: управление университетом в переходный период. М., 2016.*

государств в XVIII-XIX вв. (к университетам «первого поколения», согласно типологии авторов, относились средневековые латинские академии) и призванных выпускать образованные профессиональные кадры для модернизирующихся и конкурирующих друг с другом за рынки сбыта в ходе промышленной и научной революций обществ, к многофункциональным международным центрам ноу-хау, нацеленных на точечное, но углубленное исследование проблем, актуальных для общественной повестки. По мнению авторов, в глобальном мире для национальных государств практически становится практически невозможным спонсировать постоянно растущие финансовые потребности университетов «второго поколения»; поэтому, чтобы продолжать развиваться, университеты должны переосмыслить себя в новой роли инкубаторов новых стартапов, основанных на науке и новых цифровых технологиях, и принять активное участие в коммерческой эксплуатации создаваемых ими знаний.

Для представителей профессионального исторического сообщества, гуманитарного знания стремительные темпы информатизации, компьютерная революция и революция «больших данных», всеобщий доступ к электронным архивам, базам данных, переосмысление общественной роли университетов – несомненный вызов. Джо Гулди и Дэвид Армитедж – авторы «Исторического манифеста», вышедшей в 2014 г. в Кембридже резонансной монографии, заявившей о начале в 2010-х гг. критически важного для будущего профессии историка этапа в историографии и методологии исторического исследования, констатируют: «многим университетским гуманитариям, включая историков, страшно представить, что именно в работе с большими данными заключается будущее университетов»⁷⁴⁷. И тем не менее, в условиях тотальной информатизации и стремительной смены технологического уклада эта перспектива представляется

⁷⁴⁷ Гулди Д., Армитедж Д. Исторический манифест. Глава 4. Большие вопросы, большие данные // *Ab Imperio*. 2015. №4. С. 64; *Guldi Jo, Armitage D. The History Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 165 p.

неизбежной. Неслучайно именно сюжет «цифрового поворота» оказался в центре дискуссий на XXII Международном конгрессе исторических наук в Китае в 2015 году⁷⁴⁸.

На нынешнем этапе развития исторической науки вновь приобретает актуальность фраза, сказанная в 1972 году выдающимся представителем школы «Анналов», Э. Ле Руа Лядури: «историк будущего будет программистом, или его не будет вовсе». Однако если в 1970-х гг., во время т.н. «первой волны квантификации», речь шла скорее о прогнозах и возможностях, то сегодня овладение представителями исторического сообщества утонченными инструментами работы с накопленными огромными массивами оцифрованных данных, основанными на извлечении неявно выраженной, скрытой информации с помощью контент-анализа формализованных текстов, вычисления коэффициентов корреляции и регрессии между вариационными и динамическими рядами данных, многомерного анализа данных и т.п., является очевидной необходимостью. Об этом говорят как зарубежные публикации, так и обмены мнениями на страницах отечественных академических журналов – так, в 2021 году в редакции журнала «Историческая информатика» был создан дискуссионный клуб по проблематике «цифровой истории», «цифровых гуманитарных наук» и цифровизации исторической науки. В качестве предмета для первого обсуждения в дискуссионном клубе была избрана недавно опубликованная книга профессора Финской академии наук Ханну Салми “What is Digital History?” (Medford: Polity Press, 2020). В первом заседании дискуссионного клуба приняли участие Л.И. Бородкин, В.Н. Владимиров, И.М. Гарскова, Н.Г. Поврозник⁷⁴⁹.

Глобальный кризис 2020-2022 гг. в еще большей степени повысил актуальность исследований о влиянии цифровизации на способы получения гуманитарного знания и его распространения. Так, в 2021 году в редакционной статье

⁷⁴⁸ Бородкин Л.И. Цифровой поворот в дискуссиях на XXII Международном конгрессе исторических наук (Китай, 2015 г.) // Историческая информатика. 2015. № 3-4. С. 56–67.

⁷⁴⁹ Володин А.Ю. Дискуссионный клуб журнала «Историческая информатика»: обсуждение книги Ханну Салми «Что такое цифровая история?» // Историческая информатика. 2021. № 1. С. 161–167.

специального выпуска журнала *Learning, Media and Technology*, посвященного влиянию пандемии на науку и образование, Б. Уильямсон заявил: «Новые разработки требуют критического анализа, основанного на подходах социальных наук, гуманитарных наук, теории медиа и философии». Б. Уильямсон предлагал «разработать своего рода «поисковую систему» для критических исследований по цифровизации науки, случае разбросаны по журналам, книгам, блогам и академическим курсам»⁷⁵⁰.

Примечательна и еще одна статья, опубликованная в 2021 г. и посвященная влиянию «цифрового перехода» на науку и образование⁷⁵¹. Ее авторы С. Магсуди, Э. Лан, Цзе Сюй и М. ван дер Шаар постулируют насущную необходимость «тщательно изучить осуществившийся огромный революционный толчок в сфере производства знания с нескольких точек зрения». Они подчеркивают, что сегодня невозможно оспорить тот факт, что будущее этих областей будет зависеть прежде всего от качества предлагаемого контента, его релевантности общественной повестке. По всей вероятности, этот контент все в большей степени будет создаваться за счет цифровых технологий: «используя методы искусственного интеллекта и машинного обучения, онлайн-платформы могут предложить больше, особенно для создания сетей знаний, которые облегчают усвоение информации, а также путем обеспечения тесного взаимодействия исследователей»⁷⁵².

По мнению авторов, ключевую роль в совершенствовании средств работы с источниками информации нового тысячелетия будет играть контент, который станет мультимодальным: к текстовым средствам информации будут добавлены другие способы ее фиксации и распространения - аудио, видео и так далее.

В отечественной историографии разработка компьютерных баз данных, количественных методов обработки исторической информации, цифровых алгоритмов информационного поиска имеет давнюю традицию, связанную, прежде

⁷⁵⁰Williamson B. Meta-Edtech // *Learning, Media and technology*. 2021. № 46(1). P.2.

⁷⁵¹Maghsudi S. et al. Personalized Education in the Artificial Intelligence Era: What to Expect next // *IEEE Signal Processing Magazine*. 2021. № 38 (3).

⁷⁵² Там же.

всего, с трудами кафедр источниковедения и исторической информатики исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова⁷⁵³. На новом этапе актуализируются традиции школы академика И.Д. Ковальченко, уже начиная с конца 1960-х гг. уделявшего первостепенное внимание теоретико-методологическим аспектам исторического исследования в плане освоения историками методологии системного подхода и структурного анализа, методик измерения, компьютерной техники для выявления скрытой в источниках информации. Еще в 1987 году в монографии «Методы исторического исследования» И.Д. Ковальченко писал: «Сейчас уже нет таких областей науки, в которые бы не вторглись математические методы и ЭВМ. Последующий прогресс исторической науки будет просто невозможен без количественных методов и компьютеров»⁷⁵⁴.

Традиция научной разработки дискуссионных сюжетов отечественной истории с применением количественных методов на историческом факультете МГУ не прерывалась и в первые постсоветские десятилетия (1990-2000-е гг.), когда институционально-парадигматический кризис отечественного гуманитарного знания совпал с откатом мировой историографии от научной истории к «новому нарративу», увлечению культурно-биографическими сюжетами и фрагментации самого предмета исторического исследования, отказом от попыток исторического объяснения, подчас замаскированными под борьбу с «социологизмом». Так, по инициативе профессора Н.Б. Селунской велось всестороннее изучение развития российского парламентаризма на основе изучения комплексов массовых источников, возникавших на разных этапах формирования 1-й Государственной Думы. Новизна источников с точки зрения вовлеченности в научную разработку потребовала решения множества источниковедческих проблем, поиска методов, позволяющих агрегировать разнохарактерную информацию при

⁷⁵³ Гарскова Л.М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб., 2018.

⁷⁵⁴ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования... С.310.

формировании источниковедческой базы исследований. Были созданы просопографическая база данных о депутатах и машиночитаемая база данных думских дебатов⁷⁵⁵.

Сам И.Д. Ковальченко в работах середины 1990-х годов характеризовал современный этап развития общественных систем как эпоху постиндустриального развития, или «информационный период в истории», а информационную вооруженность общества выдвигал в качестве одного из основных объясняющих факторов мирового и российского исторического процесса⁷⁵⁶.

Описанию потенциала цифровых инструментов нового поколения, облегчающих историку работу с комплексами источников, взаимодействие с коллегами и аудиторией, позволяющее получать новую информацию и ставить новые исследовательские вопросы, посвящены три раздела настоящей главы.

В первом разделе речь пойдет об одной из новых, появившихся за последнее десятилетие, однако уже ставших популярными и востребованными, в том числе профессиональным историческим сообществом, цифровых баз визуальных исторических источников. Это сайт Госкаталога Музейного фонда Российской Федерации, содержащий оцифрованные изображения предметов музейного хранения из запасников сотен музеев по всей России и снабженный алгоритмом поиска по ключевым словам и сюжетам. Работа с этим сайтом существенно продвинула вперед наше изучение трансформации культурного ландшафта ЮБК в конце XIX – начале XX века.

Во втором разделе мы рассмотрим две краудсорсинговые, то есть создаваемые за счет ресурсов самих пользователей, платформы в сети интернет – базу визуальных источников pastvu.com и базу оцифрованных карт retromap.ru – а также проанализируем феномен сообществ историков-любителей в социальных

⁷⁵⁵ Селунская Н.Б., Бородкин Л.И. и др. Становление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996.

⁷⁵⁶ Карагодин А.В. Цифровизация гуманитарного знания и школа академика И.Д.Ковальченко на историческом факультете МГУ имени М.В.Ломоносова // Дискуссионные вопросы современной исторической науки. Памяти академика РАН Юрия Степановича Кукушкина (1929 – 2019) // Ред. Д. И. Апальков, А. А. Вершинин, Л. Е. Гришаева и др. СПб. 2020. С. 30-38.

сетях. На конкретных примерах мы продемонстрируем, как размещенные на перечисленных платформах материалы помогли автору настоящего исследования в его эвристической работе, существенно облегчили информационный поиск и расширил его диапазон. Фактически, речь идет о виртуальных информационных собраниях нового типа, собрании источников, преимущественно визуальных, которое постоянно пополняется и обогащается посредством он-лайн коммуникации между членами сообщества. К примеру, в соцсетях сообществ, объединяющих историков-любителей, живо интересующихся историей ЮБК поздней имперского периода, насчитывается около десятка – это «Большая Ялтинская энциклопедия», «Старая Ялта», «История Ялты» и другие. На примере группы «Старый Новый Симеиз» в социальной сети с помощью статистического анализа разобрана структура пользовательских предпочтений и выделены наиболее перспективные направления информационного поиска. Сетевые ресурсы рассматриваются и как средство изучения востребованности исторического знания.

Наконец, в третьем разделе проанализирован опыт разработки историко ориентированных тематических сайтов, служащих одновременно мета-источником по теме и инструментом популяризации достоверного исторического знания. Группа родственных сайтов, посвященных истории дачных курортов Новый Мисхор и Новый Симеиз, а также замка «Ласточкино гнездо», была создана в процессе работы над диссертацией автором в сотрудничестве с профессиональными программистами, фотографами, крымскими краеведами. В разделе рассмотрен и проанализирован опыт планирования, разработки и развития сайтов на протяжении пяти лет, а также популяризации их работы и распространения достоверного исторического знания с помощью блогов и алгоритмов поисковых систем.

4.1. Типология, особенности формирования и методы работы с цифровыми базами данных⁷⁵⁷

Источниковедение баз данных подробно разработано в отечественной исторической науке⁷⁵⁸. Уже в 1980–1990-х гг. на кафедре источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова успешно решались задачи конкретно-исторической проблематики на основе изучения массовых исторических данных, формирования источниковой базы, отличающейся комплексным характером, в том числе за счет использования материалов разных видов, что требовало решения задач сопоставления, соединения данных и создания баз данных с последующей их математико-статистической обработкой. Эти процедуры существенно расширяли информативные возможности эмпирической основы конкретно-исторических исследований⁷⁵⁹.

Под «базой данных» принято понимать информацию, содержащуюся в исторических источниках, представленную в электронной форме для ее упорядочивания и удобства информационного поиска. Формирование баз данных является результатом структурирования информации, ее подготовки и перевода в форму, удобную для количественного анализа. Базы данных предоставляют историку новые возможности решения традиционных задач эвристики: поиска и

⁷⁵⁷ При подготовке данного параграфа диссертации использованы публикации автора: *Карагодин А.В.* Базы визуальных источников в сети интернет: проблемы эвристики (на примере изучения истории Южного берега Крыма начала XX в.) // Историческая информатика. — 2022. № 2. С. 1–17. (2,08 п.л.); публикация автора в соавторстве: *Селунская Н.Б., Петрова О.С., Карагодин А.В.* Измерение прошлого. Учебно-методическое пособие. СПб., 2018. (7/13,92 п.л.).

⁷⁵⁸ *Гарскова И.М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. М., Gottingen, 1998; *Гарскова И.М.* Базы данных в исторических исследованиях: опыт и перспективы // *Круг идей: базы данных в исторических исследованиях. Сборник научных трудов под ред. В.Н. Владимировой, И.М. Гарсковой.* Барнаул, 2013. С. 7; *Корниенко С.И., Гагарина Д.А., Поврозник Н.Г.* Исторические информационные системы: теория и практика. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 231 с.

⁷⁵⁹ Историческая наука в Московском университете, 1755-2004. Под ред. С.П. Карпова. М., 2004. С. 238-239.

выявления скрытой информации, хранения, многоразового использования, передачи и обработки информации. С использованием баз данных может быть успешно решена задача изучения не только социально-экономических, но и историко-культурных и социально-политических явлений как системных: структурированность данных, занесенных в базу, позволяет проводить выделение составных частей (элементов), связей между ними, а также осуществлять типизацию элементов и связей. Все это, в целом, обеспечивает возможность поиска и обработки в вычислительной системе, существенно повышая информационную отдачу источников⁷⁶⁰.

В литературе базы данных разделяют на «источнико-ориентированные» и «проблемно-ориентированные» (иначе называемые базами «от источника» и «от модели»). Создание баз данных, ориентированных на источники, позволяет максимально полно отразить в электронном виде их содержание, а также произвести сопоставление исторической информации, отраженной в различных источниках. С помощью «следования за источником», позволяющим адекватно отразить в электронной форме информацию, зафиксированную создателями источника, создается «электронная копия» данных, созданных на бумажном носителе. В зависимости от потребностей исследования, «источнико-ориентированная» база данных может трансформироваться в зависимости от характера информационного запроса к базе данных. При этом исследователю по-прежнему доступна информация в том виде, как она содержалась в источниках.

Напротив, «проблемно-ориентированная база данных» - это такой тип баз данных, при формировании которых основу идеологии извлечения и отбора информации, ее формализации, агрегирования (категоризации) и ввода в информационные поля составляет поставленная исследовательская проблема, через призму которой и формируется база данных⁷⁶¹. Как указывает И.М. Гарскова, «"модельный" подход помогает более четко поставить исследовательскую задачу и сформулировать требования к данным, особенно если круг источников

⁷⁶⁰ Селунская Н.Б., Петрова О.С., Карагодин А.В. Измерение прошлого... С. 65-68.

⁷⁶¹ Там же. С. 66-67.

более или менее ясен. Более того, этот подход повышает уровень источниковедческого анализа источников, т.к. предполагает более строгую оценку их информационного потенциала»⁷⁶².

В настоящем разделе автором предлагается иная типология, учитывающая в первую очередь различие происхождения и историю формирования таких баз. Нами выделена, во-первых, база данных, созданная на основе оцифровки (сканирования либо цифрового фотографирования) предметов из коллекций музейного фонда Российской Федерации, принадлежащих различным подведомственным Министерству культуры РФ музейным учреждениям. Во-вторых, краудсорсинговые онлайн-базы данных визуальных и картографических источников, сопряженные с географическими информационными системами (далее ГИС) и привязанные к конкретным географическим координатам. К этому же типу могут быть отнесены базы данных оцифрованных источников разного типа, преимущественно визуальных, создаваемые на виртуальных платформах социальных сетей сообществами историков-любителей. Наконец, речь пойдет о базах данных «Дачи Симеиза» и «Дачи Мисхора», созданных автором настоящего исследования в ходе работы над реконструкцией истории этих дачных курортов и реализованных на платформе историко ориентированных тематических сайтов.

Как можно убедиться по этой классификации, если до недавнего времени в отечественной историографии речь преимущественно шла о базах данных, основанных на письменных источниках (библиографических, библиотечных, архивных, фактографических и т.д.), то сегодня, в условиях «визуального поворота» в историографии акцент смещается на базы данных, в которых в равной мере задействован информационный потенциал как нарративных, так и визуальных источников, причем акцент смещается в пользу последних.

Так, важнейшим источником информации о стремительной трансформации культурного ландшафта ЮБК в конце XIX – начале XX века являются фотографии и открытки. Мы уже упоминали серию из фотографий курорта Новый

⁷⁶² Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях... С. 89.

Симеиз, выполненных инженером путей сообщения В.М. Кузьменко для своего путеводителя по дачному курорту. Все фотографии были сделаны самим В.М. Кузьменко в Новом Симеизе осенью 1912 г. Тридцать три из восьмидесяти семи иллюстраций – изображения самих дач, построенных к 1912 г., с подписью – фамилией их владельцев. Остальные фотографии – панорамы курорта и прилегающей татарской деревни, изображения природных достопримечательностей, находок древностей, портреты ключевых фигур курортного общества (основателя курорта И.С. Мальцова, его главного устроителя инженера Я.П. Семенова, председателя Общества благоустройства курорта Н.Н. Богданова).

Известны и цветные снимки Нового Симеиза, сделанные в 1914 г., когда на даче В.М. Кузьменко «Нюкта» отдыхала семья инженера-путейца Льва Владимировича Рейнберга (1878–1964). Он родился в семье дворянина в Санкт-Петербурге, окончил Петербургский институт транспорта. Работал на строительстве дорожных сооружений в Воронежской, Архангельской, Новгородской губерниях. Затем был переведен в Москву, где служил в Министерстве путей сообщения – видимо, там и познакомился с В.М. Кузьменко и приехал отдыхать к нему дачу с женой Ольгой Никодимовной, урожденной Лиссопацкой и двумя сыновьями. Отец жены Н.В. Лиссопацкий был известным архитектором. Л.В. Рейнберг увлекался автохромной фотографией и сделан несколько снимков западного Симеиза и жены и детей на даче «Нюкта». Его дочь Г.Л. Эльгензер в 1991 г. передала снимки семейного архива в Центральный архив электронных и аудиовизуальных документов Москвы⁷⁶³.

Широко известны цветные фотографии замка «Ласточкино гнездо», сделанные в 1905 г. пионером отечественной цветной фотографии С.М. Прокудиным-Горским и хранящиеся ныне вместе с архивом Прокудина-Горского в Библиотеке Конгресса США⁷⁶⁴.

⁷⁶³ Харитонова Е.В. «Как эхо дней давно минувших» // Московский журнал. История государства Российского. 2017. № 8 (260).

⁷⁶⁴ Prokudin-Gorskii Collection. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.loc.gov/pictures/collection/prok/search/?q=LC-DIG-prok-00188&co=prok> (Дата обращения – 12.09.2022).

Колоссальный массив информации содержат почтовые открытки. Принято считать, что «век открытки» начался в конце XIX в. и длился как минимум до середины второй половины 1960-х гг. XX в.⁷⁶⁵ Открытка, или «почтовая карточка для открытых сообщений» вошла в обиход в XIX в. Первенство в издании иллюстрированной открытки оспаривают Франция и Германия. Новый «почтовый листок» для открытых сообщений впервые был предложен в 1865 г. в Германии. В 1869 г. в Вене предложили ввести почтовые карточки, ограничив текст сообщения двадцатью словами. В конце того же года Австрия выпустила первые «открытые письма» – без изображения, с отпечатанной цветной маркой. В 1870 г., во время франко-прусской войны, в Германии выпустили открытку с виньеткой и изображением артиллериста, а во Франции – открытые письма для сообщений из картона с патриотическими рисунками. В 1874 г. вновь созданный Всемирный почтовый союз, утвердив единые почтовые тарифы, установил и единый международный размер открытого письма – 90х140 мм, который действовал до 1925 г.

Советский филокартист и специалист по истории открытки Э.Б. Файнштейн предложил следующую систематизацию: открытки (почтовые карточки) разделить на две основные категории – почтовые маркированные карточки и иллюстрированные открытки. Почтовые маркированные карточки делятся на две группы: без изображения (одинарные и с оплаченным ответом) и с изображением. Иллюстрированные открытки бывают: 1) репродукционные (воспроизводящие произведения изобразительного искусства) и репродукционно-документальные (фотографии); 2) оригинальные (так называются открытки, изображения на которых исполнены художниками специально для открыток)⁷⁶⁶.

В России первые видовые документальные открытки появились в 1890-е гг. Они были черно-белыми или раскрашенными, печатались способом литогра-

⁷⁶⁵ См.: *Медяков А.С.* Война формата 9х14: открытки в немецкой "культуре войны" 1914 - 1918 гг. М., 2021; *Тагрин Н.С.* Мир в открытке. М., 1978; *Файнштейн Э.Б.* В мире открытки. М., 1976.

⁷⁶⁶ *Файнштейн Э.Б.* Указ.соч. С. 120.

фии, фототипии и автотипии. Строительство железных дорог, открытие почтовых станций, прокладка телеграфных линий сделали доступными путешествия на большие расстояния и пересылки корреспонденции, а сезонный приток курортников позволял повторять тиражи популярных видов из года в год. Наступило «золотое время открытки». Крым с его приморскими пляжами, скалами, непривычной для русских людей интродуцированной средиземноморской флорой, памятниками истории, давал фотографам множество интересных сюжетов, которые издатели размещали на видовых открытках⁷⁶⁷.

Как писал Э.Б. Файнштейн, «открытки являются документами эпохи»⁷⁶⁸, а следовательно, их потенциал как носителей явно и неявно выраженной информации велик. Однако до недавних пор историкам, желающим изучить открытки как источник визуальной информации по истории повседневности Южного берега Крыма конца XIX – начале XX века, приходилось обращаться в хранилища музеев и частных коллекционеров. Так, в музейной коллекции Ялтинского историко-литературного музея хранится более 4 тыс. видовых открыток, в том числе видовых, изданных до 1917 г., – 1657 единиц хранения, изданных до 1917 г. фирмами «Шерер, Набгольц и К» (Москва), «Голике и Вильборг» (Санкт-Петербург), «Община Святой Евгении Красного Креста» (Санкт-Петербург), «Еккель и Каллах» (Москва) и другими. Большое количество сюжетов с видами ЮБК было напечатано в Швеции – акционерным обществом «Гранберг» и фирмами Э.Г. Сванстрема и А. Элиассона. Важное место занимают открытки ялтинских издателей открыток: книготорговцев, владельцев художественных и писчебумажных магазинов⁷⁶⁹. Не так давно под эгидой Ялтинского историко-литературного музея была опубликована серия альбомов, где увидели свет многие из этих открыток⁷⁷⁰.

⁷⁶⁷ Путеводитель по старой Ялте: Ялта конца XIX – начала XX века в открытках. Симферополь, 2016.

⁷⁶⁸ Файнштейн Э.Б. Указ.соч. С. 119.

⁷⁶⁹ Путеводитель по старой Ялте... 2016. С. 5–6.

⁷⁷⁰ Там же; см. также: Тайны старой Ялты: улицы, дома, люди. Симферополь, 2017.

Важную роль в сохранении и репродукции открыток с видами Южного берега Крыма играют и частные коллекционеры. По словам И. Андронникова, «коллекционирование - одна из самых доступных форм творческого труда. Большие коллекции являются результатом многолетней, упорной, кропотливой работы, полчаса трудом целой жизни коллекционера»⁷⁷¹. Так, недавно увидели свет альбомы коллекционера В. Филиппова, посвященные истории Алупки и Симеиза⁷⁷². Известны представительные коллекции открыток и старых фотографий Крыма филокартистов А. Гаврелюка, А. Удоденко, Н. Ибраимова. Тем не менее, несмотря на усилия энтузиастов, лишь малая часть из хранящихся в государственных и частных коллекциях открыток до недавних пор была опубликована и введена в историографический оборот должным образом – в первую очередь по причине трудоемкости доступа к музейным, архивным и частным коллекциям в разных городах и странах.

Сегодня эта работа существенным образом облегчается благодаря появлению масштабных онлайн баз оцифрованных визуальных источников. Так, настоящей революцией в деле доступа исследователя к фондам изобразительных (и вещественных) источников следует признать открытие под эгидой Министерства культуры Российской Федерации сайта «Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации», на котором осуществляется презентация в удобной для пользователя форме оцифрованных единиц хранения музеев России – в том числе фотографий и открыток.

Согласно Федеральному закону от 26.05.1996 №54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», Государственный каталог представляет собой федеральную государственную информационную систему государственного учета музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, созданную

⁷⁷¹ *Файнштейн Э.Б.* Указ. соч. С. 120.

⁷⁷² *Вертинский А.Ч., Филиппов В.Л.* Привет из Алупки. Иллюстрированный путеводитель. Евпатория, 2017.

в целях обеспечения их правовой защиты и государственного контроля. Осуществляя оцифровку (фотографирование, сканирование и т.п.) своих единиц хранения, музеи выставляют их в общедоступную базу данных – онлайн Госкаталог, снабженный удобной поисковой системой, причем по мере развития процесса оцифровки количество предметов в каталоге все время пополняется.

К примеру, если на начало мая 2019 г. на сайте Госкаталога РФ при поиске по ключевым словам «Симеиз», «Новый Симеиз», «с изображением» находилось 419 предметов, подавляющее большинство из которых – это как раз открытки или изданные типографским способом видовые фотографии из собрания различных музеев России, датированные временем от конца XIX до второй половины XX века., то к ноябрю 2022 г. – уже 1479 единиц хранения. Многие из этих источников содержат уникальную визуальную информацию, еще ждущую введения в полноценный историографический оборот. Так, на открытках, выпущенных до 1920 г., изображены отдельные дачи курорта Новый Симеиз с указанием владельцев, общие виды курорта и его окрестностей. По открыткам, выпущенным после 1920 г., в советское время, можно судить о том, насколько изменился вид курорта и распорядок его жизни в советское время.

На отдельных предметах хранения музеев России, найденных нами благодаря сайту Госкаталога, имеет смысл остановиться подробнее, чтобы проиллюстрировать появившиеся эвристические возможности.

Так, отпечатанный видовой снимок «Симеиз» фотографа Ф.П. Орлова, представленный в Госкаталоге образцами из коллекций нескольких музеев (номер 5490707 – из фондов Музея архитектуры имени А.В. Щусева, 34260735 – Государственного исторического музея, 39005302 – Ялтинского историко-литературного музея), – едва ли не единственное известное на сегодняшний день фотографическое изображение «Хрустального дворца» в имении С.И. Мальцова в Симеизе, привезенного по частям с заводов Мальцова в начале 1850-х гг. г. и сгоревшего по неосторожности управляющего в 1890 г. До публикации этой фотографии в Госкаталоге РФ в литературе и интернете появлялись только размытые и неатрибутированные копии этого кадра. Любопытно, что в аннотации к

предмету из фондов Музея архитектуры в Госкаталоге указано: «на дальнем плане вилла Л.Е. Александровой-Дольник(?)». Это ошибка, дача Александрова-Дольник была построена значительно позже, в 1914 г., и в другом месте. На фото – именно «Хрустальный дворец» С.И. Мальцова, характерно, что никаких других дач еще не видно, зато хорошо просматриваются поляны и виноградники, на месте которых впоследствии будет разбит дачный курорт Новый Симеиз.

Интересна личность автора снимка. Как указывает З.Г. Ливицкая, «Федор Павлович Орлов имел репутацию первого фотографа Ялты: именно так называет Орлова ялтинский городской голова В.А. Рыбицкий в книге «Пятидесятилетие Ялты» (1887), там же он приводит дату основания фирмы Орлова – 1865 г.»⁷⁷³ Выходец из купеческого сословия, Ф.П. Орлов в 1872 г. в свои 28 лет был приглашен выполнить архитектурную съемку лесного дворца «Эриклик», выстроенного в горах над Ливадией для императрицы Марии Александровны, быстро приобрел репутацию автора «лучших видов Ялты и окрестностей», участвовал в общественной жизни: избирался гласным Ялтинской городской думы, казначеем Ялтинского благотворительного общества, в 1895 г. был награжден серебряной медалью «За усердие»,. Скончался от тифа в 1909 г. и был похоронен в Ялте⁷⁷⁴. Большую часть наследия Орлова составляют видовые фотографии и открытки, важные как источники визуальной информации о трансформации культурного ландшафта ЮБК.

Под номерами 7226772, 36110816, 34906745, 20304158 в Госкаталоге числятся хранящиеся в различных музеях (Московский музей мультимедийных искусств, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник А.П. Чехова "Мелихово") копии стереопары «Ночь в Симеизе» работы известного крымского фотографа Василий Никандровича Сокорнова (1867–1946). По фотографиям Сокорнова, большинство из которых посвящены природе ЮБК, издательствами в

⁷⁷³ Путеводитель по старой Ялте... Симферополь, 2016. С. 8-9.

⁷⁷⁴ Там же. С.9 .

России и за рубежом было напечатано огромное количество открыток, причем любопытно, что многие созданные Сокорновым до 1920 г. изображения тиражировались и после установления советской власти, переиздавались до 1941 г., а некоторые, по мнению авторитетных филокартистов, – и вплоть до 1970-х гг.⁷⁷⁵

Установлено, что отец фотографа, родившегося 27 февраля 1867 г. в с. Васильевское Шуйского уезда Владимирской губернии, был иконописцем. В 1887 г. Сокорнов был принят в Императорскую Академию художеств в Петербурге, во время и по окончании учебы работал ретушером, ассистентом фотографа, фотографом в Петербурге, Ставрополе и Воронеже, по состоянию здоровья с целью лечения туберкулеза перебрался в Крым и открыл фотоателье в Алупке, специализировавшееся на живописных видах Крыма⁷⁷⁶. Работы Сокорнова были удостоены медалей и дипломов на национальных и международных выставках. Известна серия из двадцати снимков Сокорнова с видами Крыма, опубликованная в 1913 г. в труде Л.П. Симиренко «Крымское промышленное садоводство»⁷⁷⁷. После 1920 г. В.Н. Сокорнов работал фотографом Крымгосиздата, в распоряжение которого поступила его коллекция негативов, с которой печатались популярные в советское время видовые открытки Крыма. Зачастую это вызывает у исследователя известное смятение: так, на открытках, изданных после 1920 г. и подписанных как «виды советских санаториев», фигурируют частновладельческие дачи, снятые задолго до установления советской власти (это можно установить по их внешнему виду и застройке местности).

Часто В.Н. Сокорнов применял особую технику съемки «ночных» пейзажей – она выполнялась днем против солнца – очевидно, перед нами образец именно такой работы. Выбранный снимок (стереопара) из Госкатолога интересен в первую очередь тем, что на нем видна скала Монах, ныне не существующая

⁷⁷⁵ Там же. С. 12.

⁷⁷⁶ подробный очерк жизни и творчества В.Н.Сокорнова представлен в очерке «Василий Сокорнов. Специализация – виды Крыма» в: *Китаев А.А.* Субъектив: фотограф о фотографии. СПб., 2006. С. 99-126.

⁷⁷⁷ *Симиренко Л.П.* Крымское промышленное плодородство: Т. 1. М., 1912.

– она была повреждена землетрясением 1927 г. и окончательно разрушена штормом в январе 1931 г.

Благодаря сайту Госкаталога оказались доступны и хранящиеся в фондах Государственного музея архитектуры имени А.В.Щусева и редко публиковавшиеся до того многочисленные эскизы выдающегося архитектора И.А.Фомина с проектами города-сада Ласпи (см. выше, глава 2) и «Замка искусств» – дачи для прославленного оперного певца Ф.И.Шаляпина близ Гурзуфа (илл. 21). 1915 год для выдающегося архитектора И.А.Фомина был отмечен двумя событиями: он получил звание академика и заказ на проект виллы на скале в Гурзуфе. «Есть в Крыму, в Суук-Су, скала у моря, носящая имя Пушкина. На ней я решил построить Замок Искусств. Именно замок. Я говорил себе: были замки у королей, у рыцарей, отчего бы не быть замку у артистов? С амбразурами, но не для смертоносных орудий», – вспоминал Шаляпин⁷⁷⁸.

По замыслу Фомина, прослеживаемому по опубликованным на сайте Госкаталога эскизам, замок Шаляпина на скале должен был состоять из двух частей – виллы и высокой башни, в верхней части которой хотел устроить себе спальню сам Шаляпин. В одном варианте на скале стояла башня, а вилла на берегу, в другом – наоборот, стоящая на берегу башня как бы сторожила вход на виллу на скале. Между скалой и берегом должен был быть перекинут каменный мостик. Самый эффектный из сохранившихся листов акварелей Фомина с вариантами замка изображал это сложенное из грубо обработанных камней и при этом изящное по пропорциям сооружение ночью, при лунном свете – и удивительно походило на офорты Пиранези. Очевидно, что это сходство не случайно: как пишет историк архитектуры С.О. Хан-Магомедов, монументальные проекты рубежа 1910-х и 1920-х годов и играли роль нового Пиранези: «там начинал зарождаться “Сталинский” ампи́р»⁷⁷⁹.

⁷⁷⁸ Шаляпин Ф.И. Маска и душа: мои сорок лет на театрах. СПб., 2010. С. 348.

⁷⁷⁹ Хан-Магомедов С.О. «Сталинский ампи́р»: проблемы, течения, мастера // Архитектура Сталинской эпохи: опыт исторического осмысления. Сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М., 2010. С. 15.

В 1916 и 1917 гг. отдохавший на вилле «Орлиное гнездо» курорта Соловьевой Суук-Су Шаляпин начал подготовительные работы по «Замку искусств», заказал гобелены, а в июле 1917 года, наконец, оформил у хозяйки курорта купчую на скалу и примыкавший к ней участок за 150 тысяч рублей: на карте имения скала отныне должна была называться «Шаляпинским утесом». Однако проект так и не был реализован. Шаляпин, дав в июле 1917 года концерт для матросов Севастополя и одним из первых получив в 1918 году от новой власти звание заслуженного артиста республики, через три года выехал на гастроли за границу и больше в Россию не вернулся. «Мечту мою я оставил в России разбитой. Иногда люди говорят мне: еще найдется какой-нибудь благородный любитель искусства, который создаст вам ваш театр. Я их в шутку спрашиваю – а где он возьмет Пушкинскую скалу?», – говорил Шаляпин⁷⁸⁰. Сегодня скала находится на территории входящего в состав «Артека» лагеря «Лазурный», там установлена памятная доска с эскизом Ивана Фомина.

Подготовленные И.А. Фоминым в 1916 г. эскизы будущего «города-сада» в Ласпи, в свою очередь, подтверждают высокую степень проработки архитектором единого стилевого решения, от генплана до дизайна фонарей и верстовых столбов. В числе сооружений, спроектированных Фоминым в каждом из четырех районов будущего города, были гостиницы, лавки, кофейни; в центральном районе должны были разместиться большая гостиница, стадион, главные площади (административная, торговая, площадь гимназии), а также театр и церковь. Все районы связывались линией железной дороги и тремя радиусами фуникулеров. На северо-востоке в комплекс была включена хозяйственная «Экономия Ласпи»: хлебопекарня, кирпичный завод, жилые дома для рабочих-строителей, рыбный завод, гостиница, питомник и школа садоводства.

Интересно, что в облике зданий Ласпи мотивы любимой Фоминым русской классики XVIII века сочетались с тем, что он сам называл «формами крымской архитектуры» – к примеру, все дома были выложены из прочных, почти

⁷⁸⁰ Шаляпин Ф.И. Маска и душа... С. 348.

нетесаных камней. Важно и то, что система планировки Ласпи, при всей своей ориентации на классику, была свободной, вписанной в ландшафт и рельеф спадающего к морю амфитеатра залива Ласпи: отсюда дугообразная система уличной сети и радиусов озелененных проспектов, и дуга линии железной дороги, пересекаемая радиусами фуникулеров.

Настоящая находка для исследователя – представленная в Госкаталоге серия слайдов, сделанных на Южном берегу Крыма классиком советской репортажной фотографии В.В. Микошей из коллекции московского «Мультимедийного комплекса актуальных искусств». На фотографиях, выполненных в 1930-е гг., прекрасно просматриваются многие черты бывших частных дач ЮБК (во время съемки – корпусов санаториев), ныне утраченные либо невидимые за существенно разросшейся зеленью, а также редко попадавшие в кадр, а также характерные сценки повседневной жизни.

Автор этих снимков Владислав Владиславович Микоша (25 ноября (08 декабря) 1909 – 12 декабря 2004) – выдающийся оператор-документалист, народный артист СССР (1990), лауреат трех Сталинских (Государственных) премий (1943, 1949, 1951) и Государственной премии СССР (1976). Член Союза кинематографистов ССР с 1957 года. В 1931 – 1941 гг. – оператор Всесоюзной кинофабрики Кинохроники Союзкино «Союзкинохроника» и Центральной студии кинохроники. В 1934 г. окончил операторский факультет ГИКа, весной 1934 г. принимал участие (совместно с операторами Н. Самгиным и Н. Вихиревым) в съемках экспедиции по спасению «челюскинцев». В годы Великой Отечественной войны – фронтовой кинооператор: кадры, снятые В.В. Микошей, вошли в документальные фильмы «Черноморцы» (1942), «Битва за Севастополь» (1944), «Парад Победы» (1945), «Разгром Японии» (1945). С 1945 по 1992 гг. – оператор, режиссер Центральной студии документальных фильмов (ЦСДФ).

Наконец, отметим размещенную на сайте Госкаталога серию открыток с видами Симеиза из хранилища Государственного музея политической истории России, сделанных фотографами К. Шамшиным и Р. Якименко и опубликованных в виде комплекта видовых открыток, посвященный Алушке и Симеизу, в

1971 г. (номера в Госкаталоге – 14131794, 14131796, 14131821 и др.) На них хорошо видно, что еще на рубеже 1970-х гг. годов дачи, построенные в Новом Симеизе начале XX в., по-прежнему являлись единственными доминантами южнобережного пейзажа – новые сооружения отсутствуют. А вот степень озеленения курорта уже существенно превышает ту, что видна на фотографиях начала и середины XX в.

Помимо этих изобразительных источников, в ходе настоящего исследования с помощью сайта Госкаталога РФ нами были обнаружены и десятки других уникальных фотодокументов по истории ЮБК, узнать о существовании которых в фондах музеев, в том числе региональных, до появления этой цифровой платформы было бы делом весьма затруднительным.

4.2. Методы анализа публикаций по истории Южного берега Крыма на краудсорсинговых платформах и в социальных сетях⁷⁸¹

Масштабной базой данных оцифрованных визуальных источников является и платформа www.pastvu.com. Ее главные отличия от Госкаталога Музейного фонда РФ заключаются, во-первых, в том, что база визуальных данных привязана к карте мира, то есть сопряжена с ГИС – географической информационной системой, а во-вторых, в том, что источниками ее формирования являются не музейные собрания, а личные архивы частных пользователей.

В современной литературе подобные сайты называются краудсорсинговыми – имея в виду, что к работе над ними привлекается неограниченно широкий круг лиц для использования их творческих способностей, знаний и опыта по типу субподрядной работы на добровольных началах с применением информационных технологий. Масштабное появление краудсорсинговых интернет-платформ

⁷⁸¹ При подготовке данного параграфа диссертации использованы публикации автора: *Карагодина А.В.* Базы визуальных источников в сети интернет: проблемы эвристики (на примере изучения истории Южного берега Крыма начала XX в.) // Историческая информатика. 2022. № 2. С. 1–17. (2,08 п.л.); *Карагодина А.В.* Группы в социальных сетях: анализ контента публикаций (на примере группы "Старый Новый Симеиз" в социальной сети "Facebook") // Историческая информатика. 2019. №1. С.189-197. (0,92 п.л.)

связано с тем, что за последнее десятилетие информатизация – увеличение объема и роли информации, знаний и информационных технологий в жизни общества – вышла на новый уровень. Речь идет, в первую очередь, о появлении такого формата интернет-платформ как Web 2.0. Особенностью Web 2.0 является принцип привлечения самих пользователей к наполнению и верификации информации – принцип user-generated content, контента, создаваемого не творцами-профессионалами для потребителей, а пользователями платформ.

Технически Web 2.0 определяется как методика проектирования онлайн-систем, которые благодаря подсчету сетевых взаимодействий становятся тем лучше, чем больше людей ими пользуются⁷⁸².

Принцип работы ресурса *pastvu.com* прост: чтобы разместить в базе имеющуюся в архиве пользователя историческую фотографию какого-либо места, ее, предварительно зарегистрировавшись на платформе, надо оцифровать и прикрепить к той или иной географической точке, установив направление съемки и при желании сопроводив комментариями. Система позволяет другим пользователям также комментировать размещенные изобразительные материалы.

Как сообщает автор проекта И. Варламов, «почти 5 лет назад я решил как-то систематизировать свой личный архив старых фотографий Москвы. Сначала я думал залить все на один из фотохостингов, но так и не нашел подходящего. Тогда и возникла идея сделать отдельный сайт, где архивные снимки можно было бы расставлять на карте, указывать направление съемки, фильтровать по дате, собирать разные варианты фотографий, иметь возможность обсуждать отдельные изображения. Через несколько месяцев появился сайт «Старые фотографии Москвы». Очень быстро вокруг проекта собралось замечательное сообщество любителей истории. Потом мы сделали отдельный проект по Питеру, который тоже начал быстро развиваться. Каждый день на наш сайт выкладывали десятки архивных снимков. И, если в начале это были общеизвестные изображе-

⁷⁸² Черняк Л. С. Web 2.0 // Открытые системы. СУБД. 2005. № 11: [Электронный ресурс] URL: <https://www.osp.ru/os/2005/11/380523> (Дата обращения – 12.09.2022).

ния, то со временем люди начали сканировать личные архивы, выкладывать уникальные и редкие фотографии, которые нигде до этого не публиковались. Со временем их число перевалило за 100 000! Сегодня это самое большое и удобное собрание архивных фотографий в мире. Вы можете посмотреть, как в разные годы выглядели любимые улицы, изучить историю костюма, посмотреть на ассортимент и цены магазинов в разные годы, узнать, как менялся город. В своем блоге я часто делал подборки архивных снимков. Часть фотографий выложена в высоком разрешении, так что их можно распечатывать и украшать интерьер. Все это время проект был некоммерческим. Поддерживался он силами одного программиста и одного технического консультанта. Каждый месяц на протяжении 5 лет мы с моим партнером по проекту Алексеем Дуком лично оплачивали хостинг и выдавали зарплаты. Это было любимое хобби, которое радовало ежедневно тысячи людей. Но в какой-то момент сайт перестал справляться с возрастающей нагрузкой. Читатели моего блога заметили, что я уже давно не даю ссылки на проект. Все дело в том, что от малейшего наплыва посетителей он просто падал. Каждый день мы получаем кучу вопросов и замечаний: у кого-то не восстанавливается пароль, у кого-то не загружается фотография. Мы поняли, что сайт надо переписывать с нуля, так как старая архитектура не способна поддерживать столь огромную базу. Кроме того, люди начали требовать филиалы проекта для своих городов, и мы решили расширить границы ресурса и сделать его всемирным. Год назад мы собрали новую команду программистов, полностью переписали сайт и запустили его новую версию по адресу PastVu.com (ПастВью)⁷⁸³.

На сегодняшний день сайт pastvu.com является уникальной базой визуальных данных, позволяющих работать с множеством фотографий из личных архивов, дающих представление о том, как выглядели те или иные достопримечательные места России в прошлом. Что немаловажно, он также облюбован филокартистами, которые используют его для популяризации собственных коллекций старых фотографий и почтовых открыток (илл. 22).

⁷⁸³ Интервью с Ильей Варламовым. [Электронный ресурс]. URL: <https://varlamov.ru/850655.html> (Дата обращения – 12.09.2022).

В ходе нашей работы по реконструкции визуального облика «мест памяти» Южного берега Крыма в интересующий нас период сайт неоднократно обнаруживал свою пользу. К примеру, благодаря сайту удалось впервые восстановить внешний облик и местоположение дачи Л.Я. Тауберга на курорте Новый Мисхор. В 1969 г. краевед С. Шантырь в путеводителе «Мисхор. Кореиз. Гаспра» писал об этой даче: «украшение санатория – старый особнячок «Дюльберчик», небольшой фигурный бассейн с декоративным крокодилом и висящая над морем беседка». Здание, облик которого был запечатлен на нескольких фотографиях дореволюционной поры, найденных нами в цифровой базе данных pastvu.com (там же можно обнаружить и репродукции старых открыток с панорамными фотографиями всего курорта), действительно, похоже на миниатюрную копию дворца «Дюльбер», построенного в Мисхоре архитектором Н.П.Красновым в 1895-97 гг. для великого князя Петра Николаевича (см. гл. 1)⁷⁸⁴. «Дюльберчик» снесли на рубеже 1970-80-х годов при строительстве нового 16-этажного здания санатория «Ай-Петри» (11-й корпус). Существенную роль визуальные источники, размещенные на сайте pastvu.com, сыграли и в реконструкции истории дачного курорта Новый Симеиз, и истории замка «Ласточкино гнездо».

По краудсорсинговому принципу устроен и электронный ресурс картографической информации - www.retromap.ru. Создатели ресурса RetroMap привязали старые карты к координатной сетке и сделали возможность детального ознакомления с ними по принципу картографического сервиса Google Maps. Ранее рассматривать старую карту в интернете можно было исключительно как «картинку», в лучшем случае, если карта была выложена в высоком разрешении, можно было приближать и изучать детали, но все-таки – до определенного предела. На RetroMap возможности принципиально иные: можно искать на конкретной старинной карте точку, которой соответствуют определенные координаты.

⁷⁸⁴ Дача "Дюльберчик" Л.Я. Таубера. [Электронный ресурс]. URL: <https://novymiskhor.gardenacademia.com/villas/taubera/> (Дата обращения – 12.09.2022).

Но главное – возможность синхронного просмотра и сравнения карт. Можно разместить рядом две карты – современную и старую, получив на старой отображение ровно того места, которое вы изучаете сейчас на современной, и наоборот.

«Идея этого проекта возникла тогда, когда в нашей коллекции накопилось много старых карт, – пишет создатель проекта Сергей Тарасов. – Любая старая карта – вещь хрупкая и требующая бережного обращения. Каждое очередное разворачивание карты наносит ей ущерб.... За время работы сайта благодаря поддержке его посетителей коллекция заметно выросла»⁷⁸⁵. Сейчас на RetroMap размещено самое большое доступное пользователям интернета собрание оцифрованных старых карт России. Есть карты, планы и схемы отдельных местностей и просто интересные исторические документы, которые, как и карты, могут быть привязаны к координатной сетке. Поначалу речь о шла о старых картах лишь Москвы и Подмосковья, но затем коллекция пополнилась картами и планами других городов России, крупнейших городов и интересных районов зарубежных стран. Набор карт постоянно пополняется и увеличивается.

Выложены на ресурсе retromap.ru и оцифрованные карты Южного берега Крыма разных лет. Приведем несколько примеров того, как они помогли в нашей работе. Так, как уже указывалось выше (гл. 2) при помощи одной из них нам удалось существенно продвинуться в реконструкции истории проекта «города-сада» в имении Г.К. Ушкова Форос. Напомним: в фондах РГБ нами был обнаружен рекламный проспект «Город и курорт-сад Форос. Крым. Байдарские ворота. 1917 г.», отпечатанный в Москве в 1917 г. в типографии А.И. Мамонтова на Арбате. Больше половины рекламного проспекта - с 39 по 90 страницы – занимает краткое описание каждого из выставленных на продажу участков. Всего, как видно из проспекта, было подготовлено к продаже 200 участков, от 12 до 200 р за кв. саж. Желающим приобрести участок предлагалось уведомить контору курорта, прислав заполненным приложенный к проспекту бланк, а дождавшись от

⁷⁸⁵ Интервью с Сергеем Тарасовым. [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/sector4media/retromap-e62c42eb6d39> (Дата обращения – 12.09.2022).

конторы подтверждения – перевести в недельный срок в виде задатка 25 процентов стоимости участка на текущий счет Г.К. Ушкова в Азовско-Донском банке. Из текста проспекта очевидно, что к нему прилагался и план курорта Форос, однако в хранящемся в РГБ документе, этот план отсутствует. Его репродукция была обнаружен нами на сайте retromap.ru. Источник происхождения документа на сайте не раскрывается - однако анализ карты позволяет убедиться в его достоверности. Теперь расположение и характер участков можно реконструировать гораздо наглядней.

Еще один пример - расположенная на сайте карта немецкой аэрофото-съемки некоторых частей Южного берега Крыма 1942, благодаря которой удалось существенно продвинуться в локализации дач первого дачного курорта ЮБК Новый Мисхор⁷⁸⁶.

Очевидно, что по мере роста популярности указанных краудсорсинговых платформ там будут появляться все новые небезынтересные источники из частных коллекций; следовательно, работа в таком направлении может и должна быть продолжена.

Феномен Web 2.0, или цифровых платформ, основанных на контенте, производимом самими пользователями, уже проявил себя во многих информационных системах, без которых не мыслит свою жизнь современный человек (назовем, к примеру, онлайн-энциклопедию Википедия). Однако его квинтэссенцией, несомненно, являются социальные сети – принципиально новый, появившийся на волне современной информационной и технологической революции тип онлайн-платформы, формализующей информационные связи между пользователями в виде массивов данных (постоянно умножающихся благодаря информационной активности пользователей), доступных для дальнейшей визуализации в виде «социального графа». Самой масштабной (около двух миллиардов пользователей на текущий момент) называется социальная сеть «Facebook» (с 2022 г. сменила название на Meta, в марте 2022 г. была признана на территории

⁷⁸⁶ Немецкая аэрофотосъемка ЮБК 1942 г. [Электронный ресурс]. URL: http://retromap.ru/061942_z17_44.423509,34.076027 (Дата обращения – 12.09.2022).

РФ экстремистской), изобретенная студентом Гарвардского университета Марком Цукербергом в 2004 г. для облегчения общения между собой студентов кампуса, имеющих общие интересы и общих друзей. Ныне это все еще одна из крупнейших социальных сетей в мире.

Для историков будущего социальные сети, несомненно, окажутся кладом информации: они не просто дают возможность сохранить то, что с течением времени становится труднодоступным, надежно зафиксировать свидетельства очевидцев, но и, будучи результатом измерения, «датификации» (преобразования в формат обработанных математическим образом данных информации о социальных отношениях), позволяют извлечь из нее и визуализировать неявно выраженную, скрытую информацию. Однако, помимо этого, социальные сети предоставляют и достаточно новых возможностей по изучению ушедших эпох. Например, множество новых, неизвестных (или слабо известных) ранее исторических материалов формализуется и вводится в информационный оборот через такой новаторский формат, как «группы» в социальных сетях – так называются онлайн-сообщества пользователей по интересам, обменивающихся информацией и обсуждающей ее. Данные, содержащиеся в таких сообществах и характеризующие характер и динамику коммуникации по тем или иным вопросам, акценты в выборе актуальных тем, могут также представлять интерес для историка.

Группы в соцсетях, несомненно, не являются единственным примером популяризаторских историко ориентированных ресурсов в сети интернет, уже привлекавших внимание исследователей в источниковедческом плане⁷⁸⁷. Распространению таких ресурсов в последние десятилетия способствовало, помимо

⁷⁸⁷ Бородкин Л.И. Историко ориентированные тематические сайты: источниковедческие аспекты разработки контента // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 34. 2006. С. 147.

информатизации, и неотъемлемо связанное с ней развитие жанра т.н. public history, т.е. выхода интереса к изучению истории за пределы профессионального сообщества⁷⁸⁸.

Новизна мультимедийных цифровых коллекций, создаваемых в социальных сетях, заключается в первую очередь в том, что обратная связь участников сетевых групп с вновь публикуемой другими участниками информацией (так называемые «лайки», «комменты», «репосты» и т.п.) здесь формализована, а следовательно, поддается измерению. Примеры такого измерения в работах, посвященных историко ориентированным тематическим цифровым ресурсам, уже встречаются⁷⁸⁹. Поддерживая и развивая этот тренд, поделимся опытом статистического анализа контента группы «Старый Новый Симеиз» в социальной сети «Facebook», посвященной истории становления курорта в Симеизе на ЮБК на протяжении двух последних столетий⁷⁹⁰. Как мы убедились, с помощью такого анализа возможно не только вовлекать в научный оборот новые источники, но и судить о востребованности исторического знания о сюжетах, связанных с историей ЮБК, об опыте формирования культурного ландшафта, социальной актуальности темы.

Как мы уже указывали, до недавнего времени изучение истории Нового Симеиза как курортного поселка XIX–XX века являлось сюжетом, еще не вполне разработанным в историографии и имеющим большой потенциал в плане постановки и решения множества источниковедческих и конкретно-исторических задач. Вместе с тем в последние десятилетия, по мере развития сети интернет, тема истории Симеиза в конце XIX – начала XX вв. стала все чаще раскрываться на просторах сети через публикацию оцифрованных источников визуального характера, представленные в основном разного рода фотографиями из различных

⁷⁸⁸ О дискуссионных вопросах "публичной истории" см.: *Бородкин Л.И.* Цифровая публичная история в оценке студентов-историков (на примере проекта «1917. Свободная история») // Историческая информатика. 2018. № 4. С. 123-142.

⁷⁸⁹ *Григорьева О.И.* Знание о Московском университете в цифровую эпоху // Историческая информатика. 2017. № 2. С. 24-32.

⁷⁹⁰ Старый Новый Симеиз. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/groups/645112569028017> (Дата обращения 20.01.2022).

архивов с видами Симеиза. Благодаря им можно отследить видоизменения в застройке, развитии курорта. Увы, порядок появления этих, а также других источников по истории Симеиза в интернете, был, как правило, хаотичен: изображения крайне редко атрибутировались, зачастую неверно подписывались, ошибочная информация, лишенная рецензирования, многократно тиражировалась.

Как представляется, с появлением таких баз данных визуальной информации, как Госкаталог музейного фонда РФ, краудсорсинговые платформы, а также в целом феномена Web 2.0, давшего права на верификацию, атрибуцию и рецензирование информации самим заинтересованным пользователям, и порожденных этим феноменом публикаций групп энтузиастов истории и краеведения в социальных сетях, можно вести речь об известном упорядочении, структуризации этого процесса.

Группа «Старый Новый Симеиз» была создана в сети «Facebook» 17 июля 2017 г. жительницей поселка Симеиз Надеждой Кислой. Вот как она сама описывает историю создания данной группы: «На своей страничке «Facebook» я часто публиковала ретрофотографии поселка. И как-то незаметно к страничке моей начали проявлять интерес все те, кому любопытна стала история Симеиза. Это, собственно говоря, и послужило толчком к тому, чтобы создать тематическую группу».

За период существования группы на конец декабря 2018 г., когда нами осуществлялись замеры, на ее странице в «Facebook» было опубликовано 758 материалов. Максимальное число постов появилось в декабре 2017 г. (74), минимальное в декабре 2018 г. (36), среднее количество постов, которые были опубликованы за 18 месяцев существования группы, составило 42 в месяц. В 2018 г. было опубликовано 504 материала, а в 2017 г. их было только 254. С учетом того, что в 2017 г. группа существовала только полгода, можно говорить о примерно одинаковой публикационной активности на всем протяжении работы группы. Анализ статистики от социальной сети «Facebook», запрошенной на момент декабря 2018 г., показывает, что в группе к концу 2018 г. состояло 1028 пользова-

телей, в основном – участники в возрасте от 35 до 64 лет с небольшим преобладанием женщин. Группу едва ли можно было назвать «популярной» (статистические данные, полученные в тот момент целью исследования монетизации групп в «Facebook», говорили о том, что по-настоящему группа считалась популярной после того, как в нее входили более 10 тысяч пользователей), однако сложно назвать и малочисленной. Участники группы представляли разные города России и Украины. Перечислим их по мере убывания членов группы: Ялта, Москва, Симферополь, Алушка, Симеиз, Киев, Санкт-Петербург, Харьков.

Рассмотрение сетевого сообщества, объединенного участием в группе, с помощью специальных методов анализа (SNA - social network analysis) представляется весьма перспективным направлением исследования, ждущим своего автора⁷⁹¹. Мы сосредоточились на изучении контента, публикуемого участниками группы. В описании группы указано, что «Симеиз – один из самых фотографируемых уголков Крыма. В поселке еще со времен Российской Империи зарождались традиции отечественного массового туризма со свойственной отдыхающим тягой к видовым фото «на память» или «приветам» на почтовых карточках. Вместе с видами остались запечатленными уже потерянные архитектурные сооружения или уникальные природные ландшафты, типы людей, их быт, одежда и даже привычки»⁷⁹².

Действительно, за время существования группы «Старый Новый Симеиз» свет увидело множество материалов – среди них как хорошо известные специалистам по истории курорта, так и по-настоящему редкие. Открытки императорского и советского периодов, личные фото жителей и гостей курорта, сделанные в разные десятилетия, страницы старых путеводителей сохранили свидетельства об изменениях исторического ландшафта, запечатлели утраченные черты вилл,

⁷⁹¹ О методах и опытах сетевого анализа в исторических исследованиях см.: *Бородкин Л.И.* Сетевой анализ в исторических исследованиях: микро- макроподходы // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 110-124.; *Гарскова Л.М.* Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб., 2018.

⁷⁹² Старый Новый Симеиз. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/groups/645112569028017> (Дата обращения 20.01.2022).

флигелей, беседок, прочих малых архитектурных форм, рассказывают о визитах в Симеиз интересных людей. Комментарии пользователей позволяют уточнить информацию либо ее датировку, проливают свет на белые пятна в истории курортного поселка.

С целью оценки информационного потенциала публикуемых материалов, в том числе источников визуальной информации в контексте других источников, нами был проведен дескриптивный статистический анализ содержания публикаций в группе. Было установлено, что наибольшее количество публикаций, как и задумывалось создателями группы, приходилось на визуальные материалы: фотографии (65,3%), оцифрованные видовые открытки (8,8%), оцифрованные репродукции живописных произведений, посвященных Симеизу (8,3%), иллюстрированные личные воспоминания (7,7%), и т.п. Лишь менее десяти процентов опубликованного материала имели нарративный характер. Это отрывки из путеводителей, информация о мероприятиях, объявления и пр. Такое распределение не удивительно, если учесть, что основной интерес пользователя социальных сетей, в силу самого принципа их презентации в сети (картинка плюс подпись к ней), вызывают визуальные материалы. Яркие и живописные виды Симеиза, с его крутыми скалами, обрывающимися в море, можжевеловыми рощами и изящными павильонами современных дач – несомненно то, что лучше всего сохраняется в памяти тех, кто когда-либо посещал это место или местных жителей, которым хочется запечатлеть свои положительные воспоминания.

Анализ указанной в публикациях атрибуции визуальных и текстовых материалов позволил сделать вывод, о том, что наибольшее число их относилось к периоду 1900-10 гг. (123 публикации) и 2000-2010 годам (84 публикации). Объяснить интерес к современности просто – пользователи публикуют материалы, связанные с личным опытом. Что касается материалов начала века, речь, как представляется, идет о высоком интересе к эпохе «звездного часа» Симеиза, рождения курорта Новый Симеиз, строительства дач, становления культуры курортного отдыха просвещенных и преуспевающих социальных групп «позднеимперской» России. Наименьшее число публикаций указывало в качестве времени

происхождения информации периоды 1970-1980-1990 х. гг. (17, 16 и 9 публикаций соответственно). Изучение субъектов публикаций показало, что основная масса материала размещалась на странице социальной сети администраторами группы. Анализируя причину того, почему невелика активность других участников группы, которых насчитывается более тысячи человек, администратор данного сообщества Надежда Кислая во взятом в контексте реализации настоящего исследования нами онлайн-интервью отмечала, что «где-то в глубине души надеялась, что местные жители или потомки тех, кто когда-то жил в Симеизе, расчехлят свои семейные архивы и начнут что-то публиковать в группе. К сожалению, надежды оправдались только на 10-15%. Даже увеличение штата админов и модераторов не дал требуемых результатов. Что касается инфы, то она в основном ориентирована на краеведческую литературу, а точнее на сайты, где ее выкладывают в свободном доступе».

Нами был также изучен вопрос о происхождении информации, выкладываемой в социальной сети. Самая большая часть публикаций в группе (24,2%) – это действительно оцифрованные материалы из личных и семейных архивов, на втором месте (19,7%) – публикации результатов поиска участниками в интернет-источниках в широком смысле слова. Важную роль играли изображения с сайтов специализированных интернет-аукционов, на которых продаются старинные открытки и фотографии (17,8%). Меньшая часть визуального ряда групп – репродукции работ художников (7,8%) и оцифрованные страницы книг, путеводителей, журналов и фотоальбомов (6,2%).

С учетом того, что для социальных сетей важно, как выгруженный контент оценивается пользователями, был проведен анализ того, какие публикации вызывали наибольший интерес, выраженный оценкой «нравится», или так называемыми «лайками», а какие были переопубликованы на личных страницах в «Facebook» («репосты»). Для максимального охвата информации была применена самая широкая классификация ее форм, детально учитывающая все возможные типы публикации. Среди них наиболее многочисленным типом были «Фотография» (495 публикаций), «Открытка» (67), «Репродукция/Живопись» (63).

Отдельно была выделена форма «Фотография с сопровождающим рассказом» (58 публикаций): поскольку в этом типе информация зафиксирована по-разному, то она требует особых средств анализа. Другими типами были «Стихотворение», «Ссылка на путеводитель», «Скан письма» и другие. Далее для получения представления о пользовательской активности аудитории для каждого типа публикации просчитывалось количество «лайков» и «репостов», как показателей активности аудитории. В результате была установлена четкая взаимосвязь между числом публикаций и количеством «лайков» и «перепостов». Так, опубликованным фотографиями (495 публикаций) 12872 раза был поставлен «лайк» и 969 раз ими поделились в сети «Facebook». Открытки, представляющие собой напечатанные типографским образом фотографии с обратной стороной для написания обращения и адресов отправителя и получателя, были размещены 67 раз. 1707 человек отметили их «лайками», а 158 участников сообщества сделали «репост». Третье место по показателям активности заняли репродукции различных живописных сюжетов: на 58 публикаций живописи пришлось 2022 «лайка» и сделано 206 «репостов». Интересным показателем внимания к публикациям материалов в социальной сети является число комментариев, которые отражают степень «эмоциональной вовлеченности» как в публикацию, так и в проблематику группы. Анализ этой характеристики показал, что наибольшее число комментариев также вызывают визуальные материалы (абсолютный показатель 876 ед., среднее число комментариев на 1 пост с фото составляет 1,8 ед.).

С хронологической точки зрения, наибольшее количество «лайков» и «репостов» получили материалы, относящиеся, во-первых, к началу XX в., во-вторых, к современности. Как было упомянуто ранее, материалы, отнесенные к 60–80 гг. XX века, публикуются относительно нечасто. Тем любопытней, что «лайков» они получили ничуть не меньше, чем материалы по истории рубежа XIX–XX вв. и нашего времени. Интересен и следующий результат: материалов, связанных с 90-ми гг. XX в., опубликовано меньше всего, а «лайков» они получили больше других: среднее число «лайков» по материалам, датированным 1990-ми го-

дами составляет 31, что примерно на 10-12% выше, чем по другим декадам. Возможно, малое количество постов, связанных с периодом 90-х гг. XX в. связаны с желанием вытеснить на периферию «исторической памяти» «травматическую» эпоху распада СССР, глубокого социально-экономического кризиса, отразившегося и на судьбе курортного поселка, пережившего времена дикого капитализма со всеми его «прелестями»: хищническим разделом бывшей государственной собственности, хаотической застройкой земель, правовым нигилизмом и апофеозом дурновкусия.

С другой стороны, активная степень эмоциональной вовлеченности пользователей в эти публикации, возможно, была объяснима тем, что речь идет о времени, лично пережитом большинством пользователей группы, и сентиментальных воспоминаниях о молодости, когда «трава была зеленее».

С позиции учения об информации все, что создано в процессе деятельности людей, несет информацию о многообразии общественной жизни и служит основой для научного познания является историческим источником» В современных условиях, когда измерение в той или иной мере становится основой большинства исторических исследований, особую значимость приобретает процедура формализации, то есть подготовки исторических данных к измерению, перевод их в форму, удобную для измерения. Исходя из этого, постоянно и во все большем объеме агрегировавшаяся – путем оцифровки, публикации, атрибуции и комментарием – группой «Старый Новый Симеиз» в социальной сети поливидовая коллекция изобразительных, нарративных и других источников различного происхождения (из домашних архивов, с сайтов интернет-аукционов, со страниц прочитанных книг и т.п.) по истории Симеиза, несомненно, имела ценность как для любителей, так и для профессиональных историков. Как продемонстрировал количественный анализ, в первую очередь коллекция оказалась ценной для изучения истории формирования курорта Новый Симеиз в первые десятилетия XX вв., а также «новой жизни» буржуазного курорта после 1920 г., когда после установления Советской власти и национализации дач он стал по-

селком санаториев для трудящихся, а также фиксации особенностей «исторической памяти» нынешнего поколения жителей Симеиза. Перспективным направлением может оказаться и изучение ментальности участников группы в социальных сетях посредством анализа степени вовлеченности пользователей в комментирование и оценивание различных материалов, а в дальнейшем – и полноценный сетевой анализ самой группы как сообщества, создающего цифровую коллекцию источников.

Главным недостатком таких коллекций является недостаточно убедительный уровень верификации многих письменных и изобразительных материалов, которые зачастую атрибутируются как взятые абстрактно «из интернета», на деле имея происхождение и авторство. Однако это не умаляет достоинств и новых возможностей, предоставляемых Web 2.0. Опираясь на опубликованные на странице групп историков-любителей неизвестные документы личного происхождения, историки могут работать над раскрытием комплекса тем историко-ведческого и проблемно-ориентированного характера, рассматривая вопросы локальной истории, истории курортного дела на ЮБК. Сами интересы пользователей группы могут подсказать наиболее востребованные направления исследований новому поколению специалистов в области истории России и Крыма.

Учитывая, что группа «Старый Новый Симеиз» – не единственное сетевое объединение, созданное любителями истории Южного берега Крыма (в социальных сетях также существуют насчитывающая без малого пятнадцать тысяч участников группа «История Ялты», группа «Старая Алупка» и ряд других), вклад этих виртуальных сообществ единомышленников в накопление, сохранение и передачу социальной информации о прошлом и настоящем не стоит недооценивать.

4.3. Методики формирования и оценка потенциала авторских историко ориентированных тематических сайтов по истории Южного берега Крыма⁷⁹³

В последнее время в мировой историографии широко дискутируется проблема демократизации, расширения доступа к научным данным, диапазона инструментов распространения знания и проблем его верификации, вызванных «цифровым поворотом»⁷⁹⁴. Многие исследователи ставят под сомнение самую «устаревшую» модель академической издательской деятельности, основанную на рецензировании и лицензировании, сложившейся веками иерархической структуре институтов; с точки зрения других, такая либерализация несет в себе угрозу проверенной системе распространения достоверного знания.

Так, по мнению голландского историка А. ван дер Вила, традиционный упорядоченный способ распространения знаний посредством текста, который автор, перефразируя философа М. Фуко, называет «книжным порядком», сейчас находится под угрозой. Этот порядок, по его мнению, в известной степени определял культуру со времен Просвещения: в эпоху, начавшуюся со времен Гутенберга, была выстроена устойчивая иерархия доступа к знаниям, их производству и распространению, основанная на власти таких учреждений, как университет, издательство и библиотека. Ни один серьезный научный текст не мог быть опубликован и помещен в библиотеку для использования в качестве основного средства распространения знаний без прохождения сложной системы рецензирования, состоящей из нескольких этапов. Чтобы стать автором такого текста, нужно было достичь определенного уровня в иерархии академической среды. Корпус академических профессоров стоял на бескомпромиссной страже этой системы.

⁷⁹³ При подготовке данного параграфа диссертации использована публикация автора: *Карагодина А.В.* Историко ориентированный тематический сайт «Симеиз. Путеводитель по старым дачам»: этапы разработки и перспективы исследования // *Историческая информатика*. 2020. № 1. С. 143–157. (1,62 п.л.)

⁷⁹⁴ Открытый доступ и открытые архивы информации: ежегодный межведомственный сборник научных трудов. Ред: Я.Л. Шрайберг и др. М., 2010.

Когда студенты приходили в университет или в библиотеку, открывая печатную книгу, они могли быть уверены в качестве полученных знаний.

Автор не оспаривает того факта, что технологические изменения неизбежно приводят к социальным и культурным изменениям. Чтобы понять влияние этих изменений на «книжный порядок», ван дер Вил подробно анализирует свойства новых цифровых текстовых носителей по сравнению с традиционными печатными, утверждая, что «система, основанная на книгах, способствует иерархическому, упорядоченному и линейному образу мышления <...> цифровая текстовая среда, напротив, представляет собой более многоуровневую форму передачи культуры: демократичную, подвижную <...>, допускающую бесконечные перестановки и рекомбинации. Более того, эти текстовые фрагменты также оказываются в компании фрагментов других модальностей, в столь же богатом разнообразии и количествах»⁷⁹⁵.

Хотя споры по поводу трансформаций и угроз «порядку книги» и традиционным академическим институциям распространения знания, вызванных «цифровым поворотом», далеки от разрешения, процесс демократизации и модернизации доступа к знанию представляется неизбежным. Академические книжные и журнальные издательства по всему миру во все большей степени предоставляют бесплатный и полностью или частично открытый доступ к частям своих публикаций. Неуклонно расширяется обмен материалами исследований, осуществляющийся через посредство сообществ энтузиастов-распространителей знаний (Academia, Dazator, PeerJ, Authorea, а в России – Киберленингка, «СберОбразование»).

Выше мы уже упоминали о том, что опубликованной недавно статье «Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота» Л.И.Бородкин, вводя читателя в контекст современных дискуссий о «цифровом будущем» исторической науки, приводит одну из точек зрения, согласно которой новые технологические возможности работы с информацией формируют сегодня и «новую

⁷⁹⁵ Van der Weel A. Changing our Textual Minds. Manchester, 2011. P. 216-217.

форму исторического знания», которая определяется как «не линейный нарратив, а сайт, карта или база данных, которые позволяют не только максимально полно и достоверно представить исторические источники, но и найти неиерархическую визуальную форму репрезентации разных точек зрения, частного и публичного, документов и воспоминаний». Заслуживает внимания, с точки зрения Л.И.Бородкина, и мнение американского исследователя С. Робертсон, (ун-т Дж. Мейсона, США), который полагает центральными для развивающейся "цифровой истории" вопросы создания коллекций оцифрованных данных, их презентации и распространения в сети интернет⁷⁹⁶.

Автор настоящей работы имел возможность убедиться в правоте этих слов на собственном опыте. В июне 2019 г. в Ялте на V ежемесячном научно-практическом семинаре по изучению истории Южного берега Крыма состоялась премьера историко ориентированного тематического сайта «Симеиз. Путеводитель по старым дачам», созданного нами в первой половине 2019 г.

Работа над сайтом не случайно стала первым существенным реализованным этапом настоящего диссертационного исследования, его своего рода «драйвером». В своей статье «Историко ориентированные тематические сайты: источниковедческие аспекты разработки контента» Л.И. Бородкин, говоря об историко ориентированных тематических сайтах, разработанных на профессиональной основе, указывает следующие мотивы создания таких ресурсов: «альтруистическое желание поделиться накопленной информацией по определенной исторической тематике, утверждение приоритета на электронные ресурсы выбранного профиля в веб-пространстве; пропаганда авторской идеологической/общественной позиции с помощью ИОТС, желание поднять интерес к данной исторической тематике в среде широкой интернет-аудитории, выявить коллег, занимающихся близкими вопросами; создание образовательного электронного ресурса

⁷⁹⁶ Бородкин Л.И. Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 14-30.

с целью обеспечения доступа обучающихся к материалам по данной исторической тематике. Нередко мотивация создателей ИОТС включает все указанные мотивы или часть из них»⁷⁹⁷.

Большинством из таких мотивов, несомненно, руководствовался и автор настоящего исследования при разработке сайта «Симеиз. Путеводитель по старым дачам». Мы уже неоднократно отмечали, что последнее время тема становления ЮБК как курорта в конце XIX – нач. XX в. находится в центре внимания как историков, так и широкой публики, что неудивительно: именно в таком качестве Крым, в особенности его Южный берег, именуемый еще «русской Ривьерой», воспринимается сегодняшней Россией, а памятники истории и культуры, созданные в ту эпоху – императорские и великокняжеские дворцы, имения, особняки, дачи, гостиницы, парки, монументы, другие исторические сооружения – привлекают всеобщее внимание. Казалось бы, в источниках исторического знания для удовлетворения этого любопытства в условиях современного информационного бума, когда постоянно оцифровываются фонды архивов, библиотек и музеев в самах разных уголках страны, а значит - в поле зрения как профессиональных историков, так и любителей появляются все новые документы, мемуары, статьи в периодической печати, фотографии и открытки, – нет недостатка. Тем не менее, даже интересующаяся историей ЮБК аудитория подчас все еще довольствуется пересказом апокрифов и недостоверного знания о его самых известных обитателях и памятниках XIX – начала XX века. Серьезное изучение социальной, экономической, культурной истории курортов ЮБК рубежа XIX–XX вв. в отечественной историографии лишь начинается.

Разумеется, отчасти тема исследовалась в отдельных частях работ местных историков, искусствоведов и краеведов, но работы крымских специалистов выходили микроскопическими тиражами, не были известны за пределами

⁷⁹⁷ *Бородкин Л.И.* Историко ориентированные тематические сайты: источниковедческие аспекты разработки контента // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С.147–150; *Бородкин Л.И.* Digital history: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия? // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 14–21.

Крыма, историческое знание распространялось слабо. Одной из таких исследователей-подвижников была экскурсовод-методист из Алупки М.М.Петрова. На протяжении многих лет она с энтузиазмом, с опорой на комплексы исторических источников устанавливала, как были устроены имения и дачные курорты Южного берега Крыма начала XX века, кто покупал дачи и кому продавал, какие здания и по чертежам каких архитекторов строил, каких гостей принимал, как сложилась судьба дачников после революции 1917 года, перипетий Гражданской войны и окончательного установления советской власти. Увы, большинство накопленных исследователем знаний не распространялись: единственной за прошедшие десятилетия опубликованной работой М.М.Петровой стала небольшая книга М.М. «Симеиз. Путешествие по старым дачам», вышедшая в 2006 г. ограниченным тиражом и давно ставшая библиографической редкостью⁷⁹⁸.

Уже в ходе первичного сбора материалов по истории дачного строительства на ЮБК, когда речь зашла об истории Симеиза, нам стало очевидно, что с наступлением «цифровой эпохи» именно отрывочные сведения из указанной работы стали основой тиражируемой на разного рода сайтах в сети интернет – от блогов любителей старины до коммерческих страниц отелей и сайтов по сдаче жилья внаем – информации по истории Симеиза. Увы, в подавляющем большинстве это были неатрибутированные, переименованные, исковерканные, а зачастую и приписанные совершенно другим авторами цитаты из книги «Симеиз. Путешествие по старым дачам», что не могло не расстраивать и самого автора, не говоря уж о том, что речь шла об очевидном нарушении авторской этики и авторского права. Поэтому в ходе одной из встреч мы предложили краеведу новаторский «цифровой» ход: объединив усилия, использовать материалы, на основе которых была написана книга «Симеиз. Путешествие по старым дачам», для работы над принципиально новым форматом веб-сайта, где максимально широкой аудитории была бы предложена профессионально выверенная информация по истории Симеиза, утвердив тем самым авторский приоритет на исследования по этой

⁷⁹⁸ Петрова М.М. Симеиз: путешествие по старым дачам. Симферополь, 2006.

теме, а также проложить дорогу для расширения исследования темы. Мы также предположили, что современный формат сайта позволит избежать двух главных недостатков, присущих любой бумажной версии – ограниченности тиража и недостаточной наглядности материала.

Разумеется, опубликованными в книге 2006 г. материалами при подготовке сайта отнюдь не ограничились: источниковедческий поиск был существенно расширен, имевшиеся данные уточнены и дополнены на основе приемов и методик комплексного источниковедения (см. главу 1, разделы 1 и 3), работы в ГАРК, столичных архивах и библиотеках, музейных фондах, с помощью появившихся за последнее десятилетие онлайн баз визуальной информации. На сайте казалось верным не только представить реконструкцию истории дачного поселка Новый Симеиз в точном соответствии с обновленными и заново верифицированными данными критически проанализированных источников, но и проиллюстрировать ее большим количеством вновь выявленных и впервые представляемых широкой публике визуальных материалов. Историко ориентированный тематический сайт, с его возможностью вносить правки в контент и дополнять его в режиме реального времени, представлялся идеальной площадкой для создания исторического знания такого рода.

Структуру сайта, который зарегистрировали по адресу <http://simeiz.gardenacademia.com> и назвали «Симеиз. Путеводитель по старым дачам», разработал ставший его главным редактором/администратором/автором автор настоящего исследования. На сайте были созданы четыре раздела, связанных между собой гиперссылками и снабженных большим количеством иллюстраций. Раздел «Авторы» рассказывает об авторах сайта – А.В. Карагодине и М.М. Петровой. Раздел «История Симеиза» содержит девять богато иллюстрированных статей по указанной теме: «Природные и климатические особенности Симеиза» (авторы – А.В.Карагодин, М.М.Петрова), «Памятники древности в Симеизе и его окрестностях» (авторы – А.В.Карагодин, М.М.Петрова), «Первые путешественники в Крым о Симеизе» (авторы – А.В.Карагодин, М.М.Петрова), «Династия промышленников Мальцовых и Симеиз» (автор – А.В.Карагодин),

«С.И.Мальцов – титан бизнеса, кипучий хозяин Симеиза» (автор – А.В.Карагодин), «Новый Симеиз – образцовый курорт братьев Мальцовых» (авторы – А.В.Карагодин, М.М.Петрова), "Последние Мальцовы в Симеизе – триумф и трагедия" (автор – А.В.Карагодин), "Симеиз в годы советской власти" (автор – А.В.Карагодин), "Симеиз: история новейшая, богемная и пока грустная" (автор – А.В.Карагодин). Все они были заново написаны специально для сайта.

В разделе «Дачи» была создана и постоянно пополняется полноценная электронная база данных «Дачи Симеиза» по участкам дачного курорта Новый Симеиз и их владельцам, включая и имения И.С. и Н.С. Мальцовых, с полями, учитывающим время приобретения участка, его площадь, время постройки дачи, имена архитектора и строителя, сословную/профессиональную принадлежность владельца (либо владельцев, если участок менял собственника), и многие другие данные, а также свободными полями для нарративного повествования, объем которого в некоторых случаях весьма существенен, и иллюстраций. Вся информация снабжена аппаратом ссылок на источники исторической информации, что позволяет проследить происхождение всех элементов собранных данных.

Важнейшая часть базы данных «Дачи Симеиза» – фотографии, как ретро-, так и сделанные в наше время. Ретрофотографии по всем объектам (дачи, их хозяева) собирались во всех возможных источниках – начиная с собственных архивов фотографий и открыток, обращений к частным коллекционерам, изучения иллюстраций к книгам, собраний объектов музейного хранения, на тематических сайтах, в группах в социальных сетях и так далее. В этой работе мы исходили из важности соображения, на которое указывал видный источниковед, известный специалист в области разработки аудиовизуального источниковедения В.М. Магидов, говоря: «научно обоснованная методика публикаций кинофотодокументов предполагает проведение комплекса работ, связанных с отбором отдельных кинокадров и фотографий для использования в трудах историков, а также в других целях <...> особое внимание важно обратить на соблюдение обязательного условия, гарантирующего качество публикации: органическое сочетание кинофотоизображения с его описанием, где принцип репрезентативности может быть

обеспечен один или несколькими кинокадрами или фотографиями, которые в целом создают определенное мнение об исследуемом событии или факте»⁷⁹⁹. Был утвержден принцип: лучше несколько фотографий, чем одна, но в любом случае на сайте не может быть фотографии без подписи, атрибутирующей как то, что изображено, так и автора фотодокумента, время его создания, время и место первой публикации, нынешнее место хранения и так далее.

По возможности визуальный материал был представлен как бы стереоскопически: фотографиям, сделанным в начале или середине XX в., сопутствуют фото наших дней, сделанные с тех же точек или ракурсов.

Фотофиксация существующего культурного ландшафта, отдельных памятников, которые следует также рассматривать как исторический вещественный источник, вообще, требует особого внимания в сегодняшних исследовательских практиках историка-профессионала. Переосмысление роли и места вещественных источников в арсенале историка только начинается. Как указывает один из авторов вышедшего в 2020 г. сборника «Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки», хотя «после того, как в 1970-1980-е гг. И.Д. Ковальченко разработал концепцию о природе исторических источников с позиции учения об информации, появилась возможность теоретически четко позиционировать вещественные источники как отдельный тип с учетом специфического способа фиксирования и хранения ретроспективной информации, [однако] теоретико-методологические вопросы изучения вещественных источников до сих пор не разработаны»⁸⁰⁰.

Физический контакт исследователя с памятником или ландшафтом, осмотр его «своими глазами» может быть как ключевым моментом в поиске истины, так и «спусковым крючком» работы над новым проектом, источником вдохновения и первоначальной информации. Нельзя не процитировать и выдающегося историка искусства, профессора И.И. Тучкова: «Написание текста шло

⁷⁹⁹ Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания... С. 245.

⁸⁰⁰ Алексеев В.В. Теоретико-методологические основы изучения вещественных источников // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки. М., 2020. С. 23.

трудно, потому что я делал дополнительные усилия, чтобы понять, как все это может выглядеть... Когда я поехал в первую поездку в Рим, я сразу пошел по своим памятникам. Пришел на виллу Фарнезина, и все стало ясно. Я долго мучился, думал, почему у нее такая ориентация, почему она так повернута, а на месте сразу понял. Потому что там Ватикан, а владелец виллы был папским банкиром. Все становится ясно, когда ты видишь памятник, и очень тяжело понять, если ты изучаешь свой предмет по книгам»⁸⁰¹.

После такой «полевой» проверки «бумажного» знания знанием «физическим» помещению полученных изображений с сопутствующим описанием в формирующуюся базу данных, сопоставление с информацией иных изобразительных источников (старыми открытками, фотографиями и т.п) представляется вполне обоснованным этапом исследовательского проекта. Осуществлялась фотофиксация сохранившихся зданий и их деталей, подъездных дорог, парковых аллей, малых архитектурных форм (беседок). Так, благодаря работе над сайтом и под его эгидой нами была впервые осуществлена фотофиксация исторических зданий на территории бывших имений И.С. и Н.С. Мальцовых, находящихся ныне на закрытой территории санаториев – особняков обоих братьев Мальцовых (в одном из них ныне расположена школа санатория «Симеиз», другой законсервирован), а также старейшего здания имения Симеиз и всего Южного берега Крыма – винподвала Мальцовых, возведенного в конце 1820-х гг.

Сопоставление личных наблюдений и сделанных фотографий с видовыми открытками начала XX века, учет данных нарративных источников (переписки, мемуаров) позволили уточнить расположение многих дач Нового Симеиза. Разумеется, речь идет не только об уточнении границ участков и реконструкции внешнего облика зданий: «вещь остается безмолвной, пока в ходе интерпретации не будет восстановлен контекст породившей ее культуры, история бытования, среды пользования <...> задачи источниковедческого изучения вещественных

⁸⁰¹ Памяти Ивана Гучкова. [Электронный ресурс]. URL:<https://theartnewspaper.ru/posts/6087> (Дата обращения 12.09.2022).

источников заключаются в том, чтобы на основе анализа сущностных характеристик отдельно взятой вещи или их совокупности извлечь максимум информации об обществе времени их бытования и о взаимоотношениях внутри социума»⁸⁰².

Мы уже цитировали И.Д. Ковальченко, отмечавшего, что «вещественные памятники, будучи остатками, реликтами действительности, несомненно, содержат обширную и разнообразную информацию о ней. Однако эта информация выражена как результат практической деятельности людей и в этом отношении выступает в объективно-синтактическом смысле, т.е. как следы практической деятельности, которые должны быть переведены в синтактически-субъективную форму, или, иначе говоря, выражены в той или иной знаковой системе. Она может быть естественно-описательной, графически-изобразительной или иной»⁸⁰³. Следовательно, содержащаяся в вещественных источниках информация должна быть переведена в письменную или визуальную форму. Последняя, в современных условиях «визуального поворота», все чаще выходит на первый план – однако нельзя не согласиться с В.М. Магидовым, указывавшим, что «для повышения общего уровня исследований в области кинофотофонодокументов и приведения его в соответствие с требованиями современной науки необходимо широкое использование <...> опыта и традиций как отечественного, так и зарубежного исторического источниковедения [так как] сами кинофотофонодокументы, в отличие от письменных источников, не способны в своей массе выступить в качестве единственного и определяющего источника в последовательном освещении исторических событий и фактов»⁸⁰⁴.

Иными словами, при реконструкции исторической действительности нельзя довольствоваться одними изображениями, доверять только им – они должны быть помещены в систему исторического исследования, подвержены

⁸⁰² Алексеев В.В. Указ. соч. С. 28.

⁸⁰³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 134.

⁸⁰⁴ Магидов В.М. Указ.соч. С. 265.

тщательному источниковедческому анализу, верно атрибутированы и проинтерпретированы, соотнесены с полученной из других источников информации. Таким образом, способствовать решению проблемы достоверности данных о прошлом, отраженных вещественным источником, будет сопоставление этой информации с иными информационными массивами, извлеченными из источников других типов, сравнение внешнего вида памятника или ландшафта в наши дни с его изображением на фотографиях минувших лет или хранящимися в архиве планировочными чертежами – это позволит, помимо трансформации его внешнего вида, восстановить экономические, социальные, культурные особенности его бытования в разные периоды или даже эпохи, а упоминания о памятном месте в источниках личного происхождения – отразить судьбы связанных с местом героев.

Электронная база данных, характерной чертой которой является, с одной стороны, структурированность, системность, взаимосвязанность информации, а с другой – мультимодальность контента и формы кодировки информации – подходит для решения этой задачи как нельзя лучше.

С помощью системы гиперссылок база данных «Дачи Симеиза» была соединена на сайте с четвертым разделом сайта – «Ретрокарта». Это карта-интерфейс Симеиза, вернее, две карты, технологически наложенные одна на другую – современная карта Симеиза с сервиса Yandex и отсканированная карта участков из путеводителя В.М. Кузьменко «Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма», выпущенного в 1913 г. С помощью специальной функции пользователь сайта может выбрать, во-первых, один из двух «слоев» карты, чтобы увидеть интересующий его объект на современной либо ретрокарте, во-вторых, выбрать, какие объекты будут фигурировать на карте: все участки без исключения, либо только те, на которых были построены дачи, либо дачи, которые были разрушены, либо участки проданные, но к 1920 г. незастроенные (илл. 23).

Таким образом, было задействовано главное преимущество профессионального тематического научно-образовательного онлайн-ресурса – «его многомерный, гипертекстовый характер, обусловленный множеством связей между

различными информационными блоками и отдельными документами», что позволяет «свободно перемещаться между документами, а также видеть не только электронные тексты, но и оцифрованные образцы источников»⁸⁰⁵.

Сформированная нами база данных «Дачи Симеиза» относится, по приведенной выше классификации, к «проблемно-ориентированной». Ее преимущество в том, что она агрегирует воедино как для репрезентации, так и для дальнейшей разработки информацию, содержащуюся в различных источниках – от архивных документов до мемуаров и визуальных источников, например, открыток и фотографий из личных коллекций. Преобразование такой разнородной информации в формат базы данных позволяет, несомненно, «более эффективно использовать информационный потенциал источников», реализовывать «взаимодополняющее развитие аналитической и источниковой компонент исторического исследования»⁸⁰⁶.

Важно отметить, что у рядового читателя сайта и пользователя с доступом администратора сайта – разные интерфейсы и возможности работы с базой данных «Дачи Симеиза». Если пользовательский интерфейс разработан исходя из удобства знакомства с материалом в режиме занимательного повествования, то административный ориентирован на научное исследование, максимально облегчает системно-структурную работу с формализованной исторической информацией, ее анализ и обобщение через различные алгоритмы поиска по разным полям базы (профессия, сословие хозяина дачи, дата покупки и постройки, имя строителя и архитектора и так далее).

Таким образом, по сути, создан новый (вторичный) источник, произведенный в процессе исторического исследования источник следующего поколения или мета-источник, интегрирующий сведения нескольких исходных документов: ведь «специфика электронных данных ... заключается в том, что для ре-

⁸⁰⁵ Гарскова И. М. Разработка исторических Интернет-ресурсов: некоторые источниковедческие и методические проблемы // Технотронные документы – информационная база источниковедения и архивоведения. Сб. науч. статей. М., 2011. С. 232.

⁸⁰⁶ Там же.

шения любой конкретно-исторической задачи не существует специального, идеального источника, который содержал бы всю необходимую информацию, поэтому создаваемые электронные документы имеют, как правило, комплексный характер и аккумулируют материал из целого ряда источников, частично или фрагментарно содержащих нужные сведения; исходные же данные при переводе источников в электронный вид обычно подвергаются ряду трансформаций: текстовая информация кодируется, информация, заданная на индивидуальном уровне, агрегируется, исходные группы объектов реструктурируются, исходные признаки преобразуются в относительные или сводные и т.п.»⁸⁰⁷

Таким образом, разрабатывая структуру и логику базы данных и сайта, мы исходили из соображений, сходных с теми, что высказывал в уже упомянутой статье Л.И. Бородкин: процессы формирования структуры контента историко ориентированного тематического сайта «требуют введения определенных критериев «нового источниковедения», ориентированного на формирование репрезентативного комплекса вторичных (электронных) источников и различных материалов по определенной исторической тематике. Специфика источниковедческой задачи заключается здесь, прежде всего, в обеспечении пользователя ИОТС доступом к такому ресурсу, который создает возможности для комплексного, разностороннего исследования различных аспектов рассматриваемой исторической тематики. Т.е. речь идет о формировании представительной виртуальной коллекции тематических материалов, собранных на одном сайте»⁸⁰⁸ – ее и следует называть «вторичным», или мета-источником. Ранее в источниковедении, как указывал Л.И. Бородкин, задача такого рода не ставились.

Как отмечает Л.И. Бородкин, «важной компонентой цифровой истории» являются «практики краудсорсинга как формы коллективного участия в онлайн-

⁸⁰⁷ Гарскова И.М. Базы данных в исторических исследованиях.... С. 9.

⁸⁰⁸ Бородкин Л.И. Историко ориентированные тематические сайты: источниковедческие аспекты разработки контента.... С. 149.

проектах по созданию историко ориентированных информационных ресурсов»⁸⁰⁹. В полной мере это соображение можно отнести и к сайту «Симеиз. Путеводитель по старым дачам». Хотя в ходе заполнения базы данных «Дачи Симеиза» мы осуществили осенью 2018 г. и весной 2019 г. несколько полевых исследований в Симеизе – обходов исторических дач, бесед с старожилами и т.п. – для уточнения и верификации сведений, основной объем работ осуществлялся через функционал администратора сайта в онлайн-режиме⁸¹⁰.

Без малого четыре года, прошедшие с момента презентации нашего сайта широкой публике, показали несомненную эффективность выбранной формы распространения исторического знания. Сайт довольно быстро вышел в топ поисковых систем Яндекс и Google, оттеснив на вторые роли иными сайты, посвященные Симеизу и его истории, наполненные, как правило, с недостоверным, неавторизованным содержанием. Продвижению сайт в топ-позиции поисковых систем способствовали активные промоушн-кампании на страницах участников проекта в социальных сетях. По данным Яндекс-метрики, за время с июня 2019 г. по октябрь 2022 г. в среднем наш сайт ежедневно посещали от 150 до 200 человек в день, причем география пользователей самая разная – есть посетители из различных городов России, стран ближнего зарубежья, Европы, Америки, даже Азии. Благодаря сайту на сервисе Яндекс-карт самими пользователями были уточнены координаты некоторых исторических достопримечательностей Симеиза. Многократно публикации сайта цитировались в различных социальных сетях, в том числе на популярных страницах групп любителей истории Крыма – «Крымоустройство», «Старый Новый Симеиз», «Старая Ялта». Благодаря сайту создано несколько телепередач, посвященных истории Симеиза.

Убедительные результаты, полученные при создании сайта по истории дачного курорта Новый Симеиз, привели нас к мысли о необходимости создания

⁸⁰⁹ Там же.

⁸¹⁰ А.В.Карагодин работал из Москвы, краевед М.М.Петрова – из Алупки, фотограф Л.Т.Джебисашвили – из Симеиза, а разработчик сайта, к.э.н., программист К.А.Романов – из Тайланда, где живет и трудится.

схожих баз данных и историко ориентированных сайтов по другим дачным курортам Южного берега в конце XIX – начале XX в. Так, в процессе исследовательской работы сразу формализовывалась в виде электронной базы данных, а в дальнейшем – и историко ориентированного тематического сайта осуществлявшаяся нами реконструкция истории самого первого, хронологически, из дачных поселков ЮБК – Нового Мисхора. Эта задача, как мы уже указывали, осложнялась тем, что, в отличие от появившегося следом Нового Симеиза, не был издан путеводитель по курорту, не опубликован список дачников, не сохранился план разбивки участков. В путеводителях по Крыму той поры сообщалось лишь, что с 1898 г. крупные землевладельцы П.П. Шувалов и О.П. Долгорукова создавали на землях своего имения Мисхор курорт Новый Мисхор, право на долгосрочную аренду участков в котором продавалось до 1918 г. Облик местности претерпел существенные изменения в конце 1970-х гг., когда реализовали несколько масштабных перестроек располагавшихся здесь санаториев.

Обработка сведений из документов фондов ГАРК при поддержке справочной литературы позволила заложить основы электронной базы данных владельцев дачных участков Нового Мисхора. Дальнейшее ее наполнение происходило на основе поиска информации в опубликованных источниках личного происхождения выявленных дачников Нового Мисхора – мемуарах танцовщицы В.А. Судейкиной, О.К. Куприной-Иорданской, переписки М.П. Чеховой и др. Выявлялись, в первую очередь с помощью онлайн баз визуальной информации, анализировались изобразительные источники – открытки и фотографии начала XX в. Изучение ландшафта, сопоставление личных наблюдений с видовыми открытками начала XX в., учет данных нарративных источников (переписки, мемуаров) позволили вычислить местонахождение четырех не сохранившихся до наших дней дач Нового Мисхора (В.Н. Радакова, А.А. Хотяинцевой, Л.М. Браиловского, Л.Я. Таубера) и точно атрибутировать ряд сохранившихся зданий (дачи М.П. Чеховой, П.В. Мурзаевой, З.Г. Рейнбот).

База данных, сформированная по дачному курорту Новый Мисхор, была преобразована в историко ориентированный тематический сайт в сети интернет

для презентации и распространения вновь полученного исторического знания. Он в доступной, увлекательной форме сообщает, что в общей сложности до 1920 г. (время окончательного установления в Крыму советской власти) были отданы в аренду 16 участков в Новом Мисхоре. Среди арендаторов были известные предприниматели (С.Т. Морозов, А.С. Келер, Д.И. Баулин, М.Ф. Кульчицкий, А.С. Чичкин, Д.И. Демкин), деятели науки и искусства (Л.М. Браиловский, М.П. Чехова, А.А. Хотяинцева). Здесь бывали представители научной и художественной интеллигенции (писатель А.И. Куприн, историк М.И. Ростовцев); иногда последние приходились ближайшими родственниками коммерсантам, а последние, как было модно в ту эпоху, стремились приблизиться к кругу богемы. В проектах дач Нового Мисхора отразилась эстетика стиля модерн со свойственной ей тенденцией к «эстетизации быта» (в особенности это касается дач, построенных художником и скульптором Л.М. Браиловским для себя, М.П. Чеховой, художницы А.А. Хотяинцевой и общественного деятеля В.Н. Радакова). Сайт проиллюстрирован изобразительными материалами, обнаруженными в ходе исследовательской работы.

Был создан и отдельный сайт, посвященный истории замка «Ластокино гнездо» – с подробным, разделенным на две части («До 1913 года» и «После 1913 г.») и снабженным большим количеством иллюстраций повествованием об истории памятника. Все три родственных сайта – посвященных истории дачных курортов Новый Симеиз и Новый Мисхор и истории замка «Ласточкино гнездо» – были объединены на едином доменном адресе gardenacademia.com.

Важно, что вскоре после открытия через эти сайты начала работать и «обратная связь»: откликнулись потомки дачников, предоставив в наше распоряжение семейные архивы, которые проливают новый свет на различные обстоятельства развития дачных курортов и отдельных дач. Несколько примеров такой обратной связи были приведены в главах 1 и 2: с ее помощью удалось подтвердить предположения о том, что реконструкцию дачи «Ласточкино гнездо» в 1913 г. осуществлял архитектор-любитель Н.С. Шервуд, существенно продвинувшись в

реконструкции истории отдельных дач курортов Новый Симеиз (дача четы Керковых «Мечта», семьи Чуйкевич–Солововых «Ксения») и Новый Мисхор (дача инженера Уманского). А значит, сайты выполняют не только изначально заложенную в него создателями функцию распространения исторического знания, но и способствует приумножению этого знания, а следовательно – и сохранению историко-культурного наследия нашей страны.

Наконец, остановимся на еще одном цифровом канале распространения достоверного исторического знания – просветительских блогах. На примере материалов по истории дачных курортов Новый Симеиз и Новый Мисхор, замка «Ласточкино гнездо» нами была опробована и практика создания цифрового онлайн канала распространения достоверного исторического знания на платформе «Яндекс Дзен».

«Яндекс.Дзен» – популярная платформа для блогеров и средств массовой информации, разработанная интернет-гигантом «Яндекс». «Яндекс.Дзен» является примером реализации передовой технологии искусственного интеллекта: лента публикаций формируется, автоматически подстраиваясь под интересы пользователя. Подбор публикаций осуществляется на основе анализа истории посещенных страниц, указанных пользователем предпочтений, и других факторов. Для анализа интересов и предпочтений пользователя используются знания Яндекса о посещаемых сайтах, а также указанный пользователем круг интересов. Система анализирует любимые ресурсы пользователя и другие особенности поведения с целью создания уникальной модели его предпочтений. С увеличением объема данных о пользователе система предлагает ему все более актуальные и релевантные публикации, в том числе и из незнакомых источников. Также «Яндекс.Дзен» адаптируется под изменяющиеся интересы пользователя: если пользователь начнет читать или смотреть видео или трансляции об истории Крыма, материалов на эту тему в его ленте станет больше. И наоборот, если пользователь ставит дизлайки к публикациям на определенную тему и блокирует источники,

то таких материалов в его ленте будет меньше. Создавать и редактировать мультимодальный (тексты, изображения, гиперссылки, видео) контент можно с помощью интегрированного редактора, а также через мобильное приложение.

На платформе «Большая Ялтинская энциклопедия» автором настоящего исследования в марте 2021 г. был создан «блог ученых, архивистов, музейных работников, краеведов, писателей и фотографов из Москвы, Санкт-Петербурга и Крыма» – открытый канал «Большая Ялтинская энциклопедия» (<https://zen.yandex.ru/id/6037eeb17724493a987b34fd>). Общей целью канала было заявлено распространение достоверного знания о прошлом ЮБК и популяризация материалов, собранных за десять с лишним лет деятельности семинара «Краеведческие встречи в Ялте» (руководитель – ялтинский краевед, общественный деятель Н.А. Сырбу), который впоследствии был институционализирован в качестве ялтинской секции Российского общества историков-архивистов (почетным членом которой был избран автор настоящего исследования), а в 2020 г. трансформировался в краудсорсинговый проект «Большая Ялтинская Энциклопедия». До появления страницы в Яндекс.Дзен основным каналом публикации материалов семинара была рубрика «Страницы истории» в городской газете «Ялтинские вести».

За первый год работы блога «Большая Ялтинская энциклопедия» с марта 2021 по март 2022 г. в нем было размещено 102 публикации, которые в общей сложности собрали почти 277000 показов. Самой популярной публикацией в блоге оказалась статья «Кто построил «Ласточкино гнездо», в доступной иллюстрированной форме представляющая результаты нашего исследования: по данным на 24.03.2022 г., ее за год прочитали 193287 человек (илл. 24).

Востребованность созданных нами в сотрудничестве с профессионалами различной специализации – математиками, программистами, фотографами, краеведами – цифровых информационных ресурсов, открытых как для историков, так и для широкой публики, содержащих как авторскую информацию, так и воспроизводящих сами источники, то есть являющихся, по сути, метаисточником

по теме курортного развития ЮБК в конце XIX – начале XX века, свидетельствует о несомненной перспективности их дальнейшей разработки. Она подтверждает и верность высказывавшегося И.М. Гарсковой тезиса о повышении роли баз данных «в качестве потенциальных источников для других исследований.... Эти производные ресурсы не только аккумулируют информацию, содержащуюся в различных первичных источниках <...> но и иллюстрируют методику работы с данными»⁸¹¹.

⁸¹¹ *Гарскова И.М.* Базы данных в исторических исследованиях... С.16.

Заключение

В условиях современного «информационного общества», озабоченного, как указывают историографы, не только достоверной реконструкцией прошлого, но и, в первую очередь, поддержанием адекватной тем или иным общественным задачам памяти о прошлом, нового осмысления требует как историографическая практика, заново структурирующая серии исторических фактов в стройные нарративы, так и методологические и источниковедческие основания конструирования таких нарративов.

Для отечественной историографии особую актуальность приобретают проблемы способов репрезентации и объяснения «образов» прошлого, в особенности применительно к дискуссионным периодам отечественной истории. Стремление российских историков к насыщению картины экономического, социального, духовного состояния России «позднеимперского» периода, представленной в советской историографии через негативно окрашенные образы, а в популярной литературе первых постсоветских десятилетий – наоборот, подчас чересчур апологетическим образом, как «Россия, которую мы потеряли», увязано с использованием методологии социокультурного подхода и принципа междисциплинарности. Аналогичная мотивация двигала и автором настоящего исследования, целью которого было обогатить образ исторического пространства Южного берега Крыма в конце XIX и первые десятилетия XX века.

В историографии высказывается соображение по поводу судьбы русской усадьбы как социокультурного феномена: усадьба, взятая как исторический образ, по сути, «была и не Европой, и не Россией: она – особое пространство, то ли мифическая Аркадия, то ли географически реальная Италия, которую в России все равно ассоциировали с Аркадией <...> так же как Петербург – вовсе не русское пространство <...> Поначалу и глаз соотечественника, глаз западного путешественника видят чужеродность как Петербурга, так и усадьбы с парком среди

русских просторов. Постепенно и то, и другое начинает восприниматься как образ России»⁸¹². Однако социокультурные трансформации периода модернизации («серебряного века») и череды русских революций произвели «отчуждение» этого едва ассимилировавшегося в России пространства усадьбы – сначала символически, а потом и физически, через разорение, поджоги усадеб и разрушение усадебной культуры.

Характерны слова члена Государственной думы Н.Н. Львова, которые приводит в своих воспоминаниях цитировавшийся нами князь А.Д. Голицын, член 3-й Государственной думы, в 1925 г. в эмиграции ставший одним из организаторов Союза русских дворян во Франции: «Помещичий быт отошел в вечность, возродиться ему нет никакой возможности, но следует сохранить его облик до мельчайших подробностей... Для потомства будет чрезвычайно важно воскресить эту своеобразную культуру, которая в XIX в. дала нам таких непревзойденных литературных гениев, как Пушкин, Лермонтов, Тютчев, два графа Толстых, Тургенев. Этот быт был очагом культуры, просвещения и прогресса среди моря невежества, грубости и отсталости, в которые была погружена остальная Россия, составляющая девяносто процентов всего населения.... Я по памяти хочу восстановить рисунок той мебели, которая наполняла мою усадьбу... она является лучшим доказательством того просвещенного вкуса, которым обладали наши предки.... Вы должны писать... Вы этим дадите будущему исследователю богатый и ценный материал для установления быта и условий жизни эпохи, ныне отошедшей в вечность и более неповторимой»⁸¹³.

В контексте новых парадигм историографии – «мемориального», «пространственного» поворота – на первый план, как можно увидеть, выходит «субъективное измерение», при котором в приоритете находится индивидуальное, персонифицированное восприятие исторических событий их современниками,

⁸¹² Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. - М., 2008. С.18.

⁸¹³ Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 6.

очевидцами, участниками, зафиксированное в эго-документах – портретах личности на фоне эпохи. Эти историографические обстоятельства, как мы убедились в ходе исследования, располагают и к диверсификации источниковой базы, ее обогащению, в первую очередь архивными материалами, выявлению и введению в оборот новых исторических источников, не только письменных, но и визуальных, вещественных, повышению их информационной отдачи, совершенствованию приемов комплексного источниковедения, использованию рожденных «цифровым поворотом» в гуманитарных науках новых методов формально-количественного анализа: контент-анализа, дескриптивной статистики, компьютерной картографии, построению источник- и проблемно-ориентированных баз данных, которые становятся вторичным, или мета-источником по теме исследования.

При этом вопросы источниковедческого и методологического плана, разумеется, не могут рассматриваться как самодостаточные, за ними должна стоять актуальная исследовательская проблематика.

В настоящей диссертации были успешно решены как источниковедческие, так и конкретно-исторические задачи изучения общественно значимого региона России – Южного берега Крыма – в переломную эпоху конца XIX - начала XX века. Рассмотрение комплексов источников, в большинстве своем впервые введенных в оборот в контексте исследования, позволило документально атрибутировать, осуществить реконструкцию истории важных «мест памяти» на Южном берегу Крыма, напрямую связанных с формированием образа эпохи в глазах современников и последующих поколений – замка «Ласточкино гнездо», великокняжеских дворцов «Дюльбер» и «Чаир», заново нанести на историко-культурную карту Южного берега Крыма местность Магарач. Работа с архивными фондами Государственного архива Республики Крым при поддержке вновь выявленных эго-источников, с документами из неопубликованных семейных архивов, цифровыми базами визуальных материалов, в том числе не публиковавшихся ранее предметов из музейных фондов Российской Федерации, фото-

графий из частных коллекций дала возможность впервые в историографии осуществить реконструкцию истории дачных курортов Новый Симеиз, Новый Мисхор, Батилиман как пространства формирования новой культуры досуга нарождавшегося «среднего класса» русского общества на месте бывших помещичьих имений, восстановить историю проектов городов-садов Ласпи и Форос, решить задачи формирования коллективного портрета дачников ЮБК в начале XX века. Разработка эго-документов при поддержке иных материалов позволила построить ряд ярких биографических портретов современников, выйти на объяснение особенностей ментальности представителей различных общественных слоев в переломную историческую эпоху.

Осуществленное изучение источниковедческих и методологических аспектов реконструкции исторического пространства ЮБК «позднеимперского» периода, приобретенный опыт разработки электронных баз данных и историко ориентированных тематических сайтов, несомненно, должны способствовать популяризации темы истории культурного ландшафта ЮБК среди исследователей, разработке новых направлений научного поиска. Недаром исследователи сегодня говорят о повышении роли материалов, иллюстрирующих методы работы с комплексами источников, в качестве источников вдохновения для следующих изысканий: «разработка в будущем исторических баз знаний будет опираться <...> на историографические источники и историографические базы данных, наряду с метаданными, описывающими семантику источникового комплекса, тематическими справочниками, рубрикаторами и тезаурусами»⁸¹⁴.

Обратим внимание и на некоторые сюжеты, оставшиеся на полях нашего исследования, но при этом очевидно требующие дальнейшей разработки в историографии. Это, во-первых, вопрос сложного динамического взаимодействия в историческом пространстве ЮБК конца XIX – начала XX века двух социокультурных компонент: формировавшейся культуры досуга курортников, с одной стороны, и традиционной культуры татарского населения ЮБК – с другой. По

⁸¹⁴ Гарскова И.М. Базы данных в исторических исследованиях... С. 16.

данным переписей, в последние годы империи татары составляли 34,1 % всего населения Крымского полуострова (546 593 человек обоего пола), численностью превосходили все другие народности во всех уездах, достигая самого большого числа в Ялтинском (58,7 %) ⁸¹⁵. На Южном берегу татары держали рестораны, пансионаты и кафе, магазины и лавки, ателье и прачечные, работали извозчиками и проводниками в горы, выполняли подсобные работы в дворцах и гостиницах. В газетах выходили фельетоны на щекотливую тему стремления бледных барышень с севера в объятия южных красавцев (этому сюжету, в частности, посвящены рассказ А.И. Куприна «Меджид» и картина И.Е. Репина «Крым. Проводник» ⁸¹⁶).

Этнокультурная компонента культурного ландшафта Южного берега Крыма была неоднократно отрефлексирована и в эго-источниках. В своих мемуарах академик Д.С. Лихачев, вспоминая детские поездки на Южный берег до революции, писал: «Крым был другой. Он был каким-то “своим Востоком”, Востоком идеальным. Красивые крымские татары в национальных нарядах предлагали верховых лошадей для прогулок в горы. С минаретов раздавались унылые призывы муэдзинов. А татарские деревни, виноградники, маленькие ресторанчики! В любые парки можно было заходить для прогулок, а дав на чай лакеям, осматривать в отсутствие хозяев алушкинский дворец Воронцовых, дворец Паниной в Гаспре, дворец Юсуповых в Мисхоре... От Мисхора по берегу шла бетонированная дорожка до Ливадии, по которой мы всей семьей гуляли по вечерам за маяк Ай-Тодор» ⁸¹⁷.

Об этом же в «Других берегах» говорил и писатель В.В. Набоков, юношей проживший с осени 1917-го по весну 1919-го в Гаспре: «Крым показался мне совершенно чужой страной: все было не русское, запахи, звуки, потемкинская флора в парках побережья, сладковатый дымок, разлитый в воздухе татарских деревень, рев осла, крик муэдзина, его бирюзовая башенка на фоне персикового

⁸¹⁵ Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма... С. 533.

⁸¹⁶ Мальгин А.В. Указ. соч. С. 259.

⁸¹⁷ Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. СПб, 2017. С. 63.

неба; все это решительно напоминало Багдад – и я немедленно окунулся в пушкинские ориенталии»⁸¹⁸.

Воспользовавшись приобретенным в рамках настоящего исследования опытом разработки источников и методов изучения исторического пространства ЮБК «позднеимперского» периода, было бы любопытно изучить и то, какие изменения культурный ландшафт Южного берега Крыма претерпел после установления советской власти, ликвидации частной собственности и частновладельческих имений и дач, радикального общественного переустройства. Задача изучения советского периода развития культурного ландшафта ЮБК, разработки методов и источников такого исследования сегодня лишь формулируется в историографии, появляются первые серьезные работы на эту тему⁸¹⁹.

Средством решения такой задачи, несомненно, также станут приемы комплексного источниковедения, анализ документальных материалов разных типов и видов. 16 декабря 1920 г. председатель Ревкома Крыма приказал «изъять из частного владения как разных ведомств, так и частных лиц все имения Южного берега Крыма в районе от Судака до Севастополя включительно»⁸²⁰. Все они были объявлены достоянием РСФСР и отныне передавались в ведение созданного специально Управления Южсовхоза. 29 декабря 1920 г. был опубликован подписанный В.И. Лениным декрет СНК РСФСР, в котором провозглашалось: «Прекрасные дачи и особняки, которым пользовались раньше крупные помещики и капиталисты, дворцы бывших царей и великих князей, должны быть использованы под санатории и здравницы для рабочих и крестьян»⁸²¹. История этого декрета, цитатами из которого в советское время любили украшать санатории Южного берега Крыма, восстанавливается по воспоминаниям наркома здравоохранения РСФСР (1918–1930) Н. А. Семашко: «Как только Врангеля опрокинули в Черное море, я, по согласованию с Владимиром Ильичом, отправился в

⁸¹⁸ *Набоков В.В.* Рассказы. Воспоминания. М., 1991. С. 590.

⁸¹⁹ *Попов А.Д.* Всесоюзная здравница: история туризма и курортного дела Крыма в 1920–1980-е годы. Симферополь, 2019.

⁸²⁰ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 3. Л. 45.

⁸²¹ Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма.... С. 3.

Крым, чтобы закрепить курортное имущество (дворцы, обстановку), предохранить его от расхищения и наладить курортное хозяйство. С большим риском, когда все горы Крыма кишели белыми и зелеными, я объехал все курорты. Восторгу моему от курортных богатств не было границ. Вернувшись в Москву, я с расширенными зрочками повествовал Ленину о крымских прелестях. Владимир Ильич внимательно меня выслушал и сказал: "Напишите проект декрета СНК, но политический, такой, чтобы каждая фраза пела". За ночь я набросал проект и на другой день показал его В. И. Ленину»⁸²².

Драматическое изменение судеб имений, дач и их владельцев после установления советской власти может быть реконструировано по делопроизводственным, эго- и иным источникам. Так, в фонде Ф. Р-361 ГАРК нами были обнаружены документы национализации имения И.С. Мальцова в Симеизе. После получения телефонограммы Управления Курортного района от 13 января 1921 г. комиссия Санаторно-курортного управления Симеизского подрайона 24 февраля 1921 г. составила акт приемки имения. Из 24 зданий 18 являлись хозяйственными. Среди них, кроме центральной дачи, оранжереи, гаража и кухни, были дома «Новый дом», «Белый дом», «Фахверковый дом», флигель, столовая, электрическая станция; каменная и деревянная дачи в парке у скалы Панеа; два флигеля по Ивановской улице, там же контора, жилой дом, дома на базаре; приморский пансион, квартиры служащих имения; приморский парк, площадью около 10 дес., питомник с фруктовым садом и огородом в границах: с севера – земли имения «Старый Симеиз», с востока – усадьба Волкова, с юга шоссе в Алупку, с запада деревня Симеиз. В усадьбе находился небольшой виноградник⁸²³.

Уже в июле 1922 г. в Новом Симеизе в бывших дачах «Камея» В.М. Родевича и П.М. Завгородней открылся санаторий Центросоюза «для всех кооперативных работников». Рекламный проспект для санатория, выпущенный тогда же и обнаруженный нами в фондах Государственной публичной исторической

⁸²² Цит. по: *Неяченко И.И.* Симеиз-Форос. Симферополь, 1986. С. 19.

⁸²³ ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 43. Л. 5а об.

библиотеки, составил врач Д.И. Трисвятский. Еще в 1919 г., по данным хранящихся в ГАРК материалов о выборах гласных и кандидатов Ново-Симеизской поселковой управы, он проживал с женой в Новом Симеизе на даче Болховитинова (бывшей В.П. Семенова), тогда ему было 40 лет⁸²⁴.

Автор отмечает: «В Симеизе выстроено до 60 дач, которые в мирное время вмещали до 3000 приезжих. В настоящее время большинство дач находится в ведении Санаторно-Курортного управления. Центросоюз заарендовал для своего санатория у Курортного Управления две лучшие дачи – «Камею» и Завгородней сроком на полтора года, с преимущественным правом дальнейшей аренды. Здания великолепно выстроены и красивы по архитектуре, особенно «Камея». Они вполне приспособлены к зимнему сезону, имеют центральное отопление, теплы и могут функционировать круглый год. Общее количество комнат в двух зданиях 36: «Камея» 24 и Завгородней 12, вместимость – 65 человек. Комнаты все обращены на юг и юго-запад, много солнечного света, снабжены крытыми, просторными балконами для пользования воздухом. Комнаты комфортабельно обставлены. В окнах устроены фрамуги. Имеется хорошо обставленная гостиная с пианино. Освещение электрическое. Ванна. При даче «Камея» чудный садик с обилием цветов, с редкими экземплярами растений. Сад содержится в идеальном порядке и служит местом отдыха для больных. Больные большей частью размещаются по двое в комнате, хотя есть и одиночные номера. При санатории врач и сестра милосердия. В медикаментах недостатка нет. Кухня в руках хорошего повара, недостатка в главных продуктах нет»⁸²⁵.

Желающим отдохнуть и поправить здоровье в Симеизе врач Трисвятский предлагал морские купания, солнечные ванны, прогулки по парку бывшего владельца Симеиза И.С. Мальцова, «где имеется ряд великолепных и редких растений. Благодаря обилию можжевельников и других хвойных деревьев воздух в Новом Симеизе, особенно после дождей, пропитан смолистым запахом, что

⁸²⁴ ГАРК. Ф. Р-999. Оп. 1. Д. 119. Л. 72.

⁸²⁵ Трисвятский Д.И. Новый Симеиз. М., 1922. С. 8–10. См. также: ГАРК. Ф. Р-1128. Оп. 2. Д. 38а.

имеет важное значение в лечебном отношении, особенно для легочных больных». И резюмирует: «Санаторные гигиенические условия Нового Симеиза идеальны. Помимо природных достоинств (пористость грунта, рельеф местности, хвойная растительность) Новый Симеиз отличается благоустройством. Имеется и хорошо действует водопровод. Вода проведена из горных источников, расположенных в лесу почти под самой Яйлой. Источники каптированы, суточных дебет 30000 ведер, хотя в последнее время дебет немного понизился. Выстроен резервуар на 50000 ведер. Вода прекрасная. Кроме этого, имеется вблизи моря источник Ай-Панда с великолепной, вкусной водой, обладающей радиоактивными свойствами. Устроена правильная сплавная канализация, улицы хорошо распланированы и шоссированы, пыли нет. Проведено электрическое освещение, которое будет функционировать зимой. Благодаря хорошим санаторным условиям заразных эпидемических заболеваний наблюдается мало... Из развлечений можно указать на прогулки в окрестности – Филибер, на Кошку, на обсерваторию, Милютинский парк, катание на лодках. В рабочем клубе, помещавшемся в бывшем доме Мальцова, имеется читальня, бильярд. Раз в две недели устраиваются концерты»⁸²⁶.

После национализации советскими санаториями и домами отдыха стали почти все бывшие частные дачи Южного берега Крыма, включая Ливадийский дворец императора Николая II и дворцы великих князей. Уже к 1925 году в Крыму функционировало 49 курортов на 26 500 санаторных коек⁸²⁷. В Симеизе к началу 1930-х гг. под санатории и дома отдыха различных советских ведомств были отданы все без исключения бывшие частновладельческие дачи Нового Симеиза (в них разместили как корпуса санаториев для отдыхающих, так и служебные квартиры и общежития для сотрудников), а также имения братьев Мальцовых. В пансионе Н.К. Александрова-Дольник расположился санаторий № 39, он же ВЦСПС №4. В бывшем доме И.С. Мальцова сначала был рабочий клуб, потом устроили санаторий-пансион «Ай Панда» для детей с матерями на 70 коек,

⁸²⁶ *Трисвятский Д.И.* Указ. соч. С. 10.

⁸²⁷ *Самойлов А.В.* Санатории и дома отдыха. М., 1948. С. 25.

который в 1928 г. переименовали в санаторий имени 10-летия советской медицины для лечения больных с тяжелыми формами туберкулеза, а в 1935 передали детям и назвали «Санаторием имени Первого слета юных пионеров». Летом 1937 г. именно здесь отдыхали 115 детей испанских коммунистов, вывезенных в Советский Союз в дни гражданской войны в этой стране. В вилле Е.Г. Кошеверовой «Ампир», которая стала называться санаторием «Молот», в 1922 г. московским Медицинским институтом была открыта поликлиника, куда приезжали на лето практиковать профессора из столицы. В 1935 г. «Молот», который к тому времени переименуют в санаторий имени Фрунзе, объединят с санаториями «Камея», «Дельфин», бывшей дачей Завгородней в противотуберкулезный санаторий имени Семашко на 470 коек. В западной части Симеиза на базе бывших дач также устроили санатории: № 42 (бывший «Большой Богдан»), «Селям», которые в 1930 г. были объединены вместе с прочими близлежащими (бывшие дачи Кузьменко/Карпова, Свягина, «Дива», «Панеа», «Малый Богдан») в санаторий имени Ленина на 350 коек для нервных больных, сердечников и лечения начальных стадий туберкулеза. В центральной части поселка на базе частновладельческих дач был в 1925 г. открыт санаторий «Красный маяк» для больных с такими же показаниями. К 1927 г. была достроена вилла «Мечта» (б. А.М. Керковой), которая в дальнейшем была присоединена к санаторию «Красный маяк». На бывшей вилле «Ксения» В.А. Чуйкевич был открыт пансионат-общежитие на 30 коек. Больным, нуждавшимся не в санаторном лечении, а просто в отдыхе – «легким невропатикам, малокровным, переутомленным» – предлагалось «воспользоваться услугами поликлинического пансионата», проще говоря – снять комнату в одной из бывших частновладельческих дач Нового Симеиза. Все эти сведения восстанавливаются по справочной литературе указанных десятилетий и послевоенной краеведческой литературе.

Важным источником, дающим представления о повседневной жизни дачного курорта Новый Симеиз (переименованного после 1920 г. в Симеиз) и всего Крыма в 1920-х гг. являются мемуары биолога И.И. Пузанова, семья которого, несмотря на национализацию дачи, продолжала с разрешения властей занимать

в ней несколько комнат вплоть до 1930 г. По словам Пузанова, окончательное расставание с дачей было сопряжено с отставкой с поста покровительствовавшего ему наркома здравоохранения Н.А. Семашко, ликвидацией «остатков нэпа и связанного с ним времени сравнительно спокойного существования»⁸²⁸.

«Симеиз теперь – первоклассный государственный курорт с многочисленными санаториями, домами отдыха, поликлиникой и просто домами со сдачей комнат на летний сезон, в которых в течение года пребывает до нескольких тысяч больных и отдыхающих работников Союза Советских Республик,» – писал еще один из немногих оставшихся в Симеизе дачников В.М. Кузьменко в новом, советском издании своего путеводителя, изданном в 1928 г.⁸²⁹. Власти рапортовали, что пропускная способность курорта увеличилась с 10 тысяч человек в год в 1929–1930 гг. до 15 тысяч в 1934 г., причем санатории имени Ленина и имени Семашко работали круглый год. В 1926–1927 гг. у подножия горы Панеа, был устроен курзал более чем на тысячу мест. В августе 1927 года в нем выступал Владимир Маяковский, написавший про Южный берег Крыма знаменитые строки: «И глупо звать его “Красная Ницца”, и скушно звать “Всесоюзная здравница”. Нашему Крыму с чем сравниться? Не с чем нашему Крыму сравниваться!».

Хотя новое курортное строительство на Южном берегу практически не велось, советские специалисты, размышляя о будущем черноморских курортов, указывали, что «до революции застройка курортных районов... была целиком подчинена частным интересам крупных сановников и других влиятельных лиц. Занятые ими лучшие прибрежные участки с ценной парковой растительностью и красивейшими природными условиями оказывались недоступными для широкого использования, а также для проведения общеинженерных мероприятий... остальная часть территории курортных мест застраивалась так же, как любой город, т.е. путем отвода вдоль улиц участков под обывательские дома, выходящие

⁸²⁸ Пузанов И.И. Мемуары. В 3-х тт. Одесса, 2015. Т.3. С. 132-133.

⁸²⁹ Кузьменко В.М. Симеиз и его окрестности. Симферополь, 1928. С. 3.

на красную линию, без соблюдения каких-либо условий, регулирующих архитектуру курорта в целом. Каждый частный владелец по своему усмотрению решал вопросы организации и планировки на своем участке...»⁸³⁰.

В начале 1932 г. в Ялте высадился внушительный десант специалистов в самых разных областях – от архитектуры и садоводства до гидрологии, климатологии и медицины. Перед ними была поставлена цель спроектировать основные перспективы преобразования Южного берега с целью дальнейшего развития там социалистического курорта. Возглавлял коллектив авторов, собранный по просьбе СНК Крымской АССР, московский архитектор, профессор М.Я. Гинзбург, заявивший по этому поводу: «Грандиозная и чисто архитектурная задача, которая до сих пор в капиталистических условиях архитектору не снилась, советским архитектором должна быть выполнена во что бы то ни стало»⁸³¹. Крым Гинзбургу не был чужим: в молодости, вернувшись после учебы из Милана, он прожил в Крыму четыре года, с 1917 по 1921 гг., занимался архитектурной практикой, возглавлял Отдел охраны памятников искусства и архитектуры, подготовил научный труд «Татарское искусство в Крыму».

Результаты масштабного обследования были опубликованы в 1935 г. в виде 600-страничного сборника «Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма». Проект охватывал обширную территорию от мыса Айя до Алушты и далее – всего 650 кв. км. На основании проведенных исследований предлагалась новая схема районирования Южного берега. Все побережье было разбито на три основных района: западный (до горы Кошка), центральный (до горы Капель) и восточный (до Семидворья с потенциальным расширением до района Феодосии), причем центральный район рассматривали в основном как лечебную зону, а западный и восточный – как профилактические.

При вертикальном зонировании территории были выделены четыре основные зоны: приморская, предгорная (100–300 м над уровнем моря), среднегор-

⁸³⁰ Самойлов А.В. Указ. соч. С. 19.

⁸³¹ Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. С. 11.

ная и горная (выше 700 м). Для курортного строительства были отведены приморская и предгорная зона. Вблизи моря следовало расположить санатории для больных, нуждающихся в талассотерапии, а также парки и места общекурортного пользования. В предгорной зоне, богатой хвойными лесами, предполагалось размещение туберкулезных санаториев, склоны также предполагалось задействовать под виноградники. Было продумано строительство транзитных железных (Симферополь – Ялта – Симеиз) и шоссейных дорог, аэропорта (на горе Шишко рядом с вершиной Ай-Петри), фуникулеров, парков и садов. Много внимания уделялось местному сообщению, бульварам, туристским тропам-терренкурам и т. д. Озелененные дороги мыслились как своего рода парки, пронизывающие южный берег как вдоль, так и поперек, что позволяло каждой курортной местности примыкать к зеленому массиву и иметь выход к морю. Предполагалось развивать сельское хозяйство, организовывать в условиях большого количества мелких населенных мест больницы, школы и т. д. Однако реализации этих масштабных планов помешала начавшаяся Великая отечественная война.

По данным обследования коллектива М.Я. Гинзбурга, к середине 1930-х гг., 36% всего населения ЮБК и 94% его сельского населения составляли крымские татары, «по сути, определяя этническое лицо Южного берега»⁸³². После депортации в мае 1944 г. 183000 татар и последовавшего позже выселения 37000 болгар, греков и армян была объявлена кампания переселения на ЮБК колхозников из южных областей России, в частности, Ростовской и Краснодарской, а также жителей Урала и других регионов⁸³³. Новоприбывших заселяли в опустевшие татарские сакли и поселки и зачисляли в совхозы, занимавшиеся выращиванием табака, плодовоовощных культур и винограда. Эта страница истории Южного берега в течение долгого времени не афишировалась, однако на деле ее роль в дальнейшей трансформации культурного ландшафта Крыма и Южного берега

⁸³² Там же. С. 538.

⁸³³ См.: Депортация народов Крыма: Документы, факты, комментарии. Предисловие, составление, заключение и комментарии Н.Ф. Бугая. М., 2002; "По решению правительства Союза ССР..." : депортация народов: документы и материалы. Сост., авт. введ., коммент. Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик, 2003.

оказалась весьма существенной. Южный берег не просто опустел (по воспоминаниям очевидцев, некоторое время неоткуда было набирать персонал, во вновь открывавшихся поликлиниках и санаториях не было поваров, дворников, шоферов), изменилась социокультурная идентичность ландшафта (проезжая сегодня по деревням с названием Даниловка, Васильевка, Оползневое, Тыловое, Генеральское, следует иметь в виду, что вплоть до конца 1940-х годов у них были совсем другие названия: Ай-Даниль, Ай-Василь, Кекенеиз, Хайто, Улу-Узень, и до 1944 г. там жили другие люди).

Ждет своего исследователя и история трансформации культурного ландшафта ЮБК на протяжении послевоенных десятилетий (до 1991 г.): урбанизации, реализации масштабных архитектурно-строительных проектов (сталинский план преобразования природы ЮБК, строительство всесоюзного пионерского лагеря «Артек», новой автомобильной трассы Симферополь-Ялта-Севастополь, гостиницы «Ялта», других крупных курортных комплексов и т.п.). Представляется, что при реконструкции истории культурного ландшафта ЮБК после 1920 г. разработанные нами на примере изучения исторического пространства дачных курортов ЮБК «позднеимперского» периода источниковедческие алгоритмы, методологические модели, технологии современного информационного поиска, построения электронных баз данных и публикации результатов исследований в виде историко ориентированных тематических сайтов окажутся эффективными и на этом предметном поле.

Системно-структурный подход, примененный в настоящей диссертации, дал возможность извлекать из источников как явно выраженную, так и скрытую информацию, репрезентировать ее в виде баз данных – вторичных, или мета-источников. Мы исходили из системного понимания исторического пространства как явления, чья структура включает как культурный, насыщенный «исторической памятью», так и природный слой, находящиеся друг с другом, а также с персоналией исследователя в постоянном динамическом взаимодействии. В предмет исследования вошли социальные аспекты владения и хозяйствования,

культурного освоения территории ЮБК, характер заселения, бытования различных социальных групп, социокультурной ткани повседневности, рефлексии взаимодействия исторических деятелей с культурным ландшафтом.

Такой взгляд на культурный ландшафт ЮБК в конце XIX – начале XX века обусловил формирование комплекса источников, дающих представление о различных гранях этой сложной системы, а современная методологическая оптика с акцентом на изучение «исторической памяти» позволила разглядеть индивидуализированные нюансы исторического процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы

Государственный архив Республики Крым

Ф. 8 – Симферопольский земский суд, 1787-1861 гг.

Ф. 14 – Таврическая губернская палата гражданского суда, 1819-1869 гг.

Ф. 21 – Ялтинский уездный суд, 1842-1867 гг.

Ф. 24 – Комиссия, учрежденная для разбора споров по землям и для определения повинностей на Крымском полуострове, 1800-1810 гг.

Ф. 26 – Канцелярия Таврического губернатора, 1803-1917 гг.

Ф. 27 – Таврическое губернское правление, 1803-1920 гг.

Ф. 49 – Таврическое губернское дворянское депутатское собрание, 1803-1918 гг..

Ф. 62 – Ялтинская уездная земская управа, 1866-1920 гг.

Ф. 68 – Таврическая казенная палата, 1797-1920 гг.

Ф. 175 – Управление работами по устройству дорог в Таврической губернии, 1855-1903 гг.

Ф. 219 – Имение Ливадия, 1860-1917 гг.

Ф. 333 – Имение Симеиз наследников Мальцова, 1823-1903 гг.

Ф. 334 – Управление имением Мисхор княгини Долгорукой, Ялтинский уезд, 1903-1916 гг.

Ф. 339 – Имение Мисхор графа Шувалова, Ялтинский уезд, 1899 г.

Ф. 376 – Симферопольский окружной суд, 1869-1920 гг.

Ф. 377 – Таврическая губернская чертежная, 1784-1917 гг.

Ф. 522 – Ялтинская городская управа, 1871-1920 гг.

Ф. 529 – Статистические бюро Таврического губернского земства,

1896-1917 гг.

Ф. 539 – Фредерици Е.Ф. (Руффо), жена А.А. Фредерици, 1912-1919 гг.

Ф. Р-999 – Министерство внутренних дел Крымского краевого правительства, 1918-1919 гг.

Ф. Р-26 – Народный комиссариат здравоохранения Крымской АССР, 1921-1942 гг., 1944-1945 гг.

Ф. Р-361 – Главное управление советскими хозяйствами Южного берега Крыма, 1920-1923 гг.

Ф. Р-460 – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции Крымской АССР, 1920-1934 гг.

Ф. Р-1128 – Управление объединением общегосударственных курортов Южного берега Крыма, 1920-1929 гг.

Ф. Р-2230 – Центральное управление курортами Крыма, 1920-1924 гг., 1920-1925 гг.

Ф. Р-2732 – Районные земельные отделы. Ялтинский, 1922-1933 гг.

Ф. Р-2756 – Ялтинский местный коммунальный курортный трест, 1927-1932 гг.

Ф. Р-3855 – Государственный контролер по строительству при президиуме Ялтинского городского совета депутатов трудящихся, 1934-1941 гг.

Российский государственный архив древних актов

Ф. 1615 – Рейнбот-Резвая.

Российский государственный архив военно-морского флота.

Ф. 409 – Управление морской строительной частью г.Москва , 1911-1918 гг.

Российский государственный архив литературы и искусства

Ф.1117 – Найденов Сергей Александрович (наст. фам. Алексеев; 1869-1922 гг.) - драматург

Российский государственный исторический архив.

Ф. 229 – Канцелярия министра путей сообщения

Ф. 412 – Главное управление государственного коннозаводства

Ф. 789 – Академия художеств МИДв

Ф. 1298 – Управление главного врачебного инспектора МВД

Ф. 1343 – Третий департамент Сената

Ф. 1405 – Министерство юстиции

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Ф. 20 – Петроградская городская Петропавловская больница. Петроград. 1835-1918 гг.

Ф. 355 – Императорское училище правоведения. Петроград. 1835-1918 гг.

Ф. 436 – Петроградский женский медицинский институт. Петроград. 1897-1918 гг.

Государственный архив Пензенской области.

Ф.Р-235. Шеншинский государственный винокуренный завод №73, с. Чирково, Городищенского уезда.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

Ф. 169 – Милютины: Дмитрий Алексеевич, Алексей Михайлович, Владимир Алексеевич, Ольга Дмитриевна и др. родственники

Ф. 743 – Коллекция архивных материалов и списков XV - XXI вв..

Библиотека Конгресса США

Prokudin-Gorskii Collection

Музейные собрания

Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник

Государственный музей архитектуры имени А.В. Щусева

Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник

Музей-заповедник «Дмитровский кремль»

Музей Московского художественного академического театра

Ялтинский историко-литературный музей

Делопроизводство

Метрические записи балтийско-немецкого дворянства С.Петербургской лютеранской духовной консистории XVIII-XIX вв. Митава: 1908.

Общество благоустройства поселка "Новый Симеиз" (Ялтинский уезд). Устав Общества благоустройства поселка "Новый Симеиз" Ялтинского уезда, Таврической губернии. Ялта: 1912. 15 с.

Османский реестр земельных владений Южного Крыма 1680-х годов. Составитель А. В. Ефимов. Вып. 3. М.: Институт наследия, 2021. 600 с.

Отчет Верхнеднепровской уездной земской управы Уездному земскому собранию. Верхнеднепровск, 1869-1916. Т. 24-25. За 1908 год.

Петербургские Сенатские объявления о запрещении на имения.

Постановления Ялтинского Уездного Земского Собрания XXVII очередной сессии созыва 1892 года с приложениями. Ялта: тип. Н.Р. Петрова, 1893.

Постановления Ялтинского Уездного Земского Собрания 9 января и 15 мая 1895 года и XXX очередного 16-20 сентября 1895 года. Ялта: 1896.

Постановления Ялтинского Уездного Земского Собрания чрезвычайного созыва 28 июля 1897 XXXII, очередной сессии 30 октября-3 ноября 1897. Ялта: 1898.

Постановления Ялтинского Уездного Земского Собрания за 1900 г. Ялта: 1901.

Постановления Ялтинского Уездного Земского Собрания за 1902 г. Ялта: 1903.

Постановления Ялтинского Уездного Земского Собрания за 1907 г. Ялта, :1908.

Постановления Ялтинского Уездного Земского Собрания за 1908 г. Ялта: 1909.

Труды Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей / Под ред. д-ра мед. П.Н. Булатова. Т. 1. Вып. 1-3. 975 с. Т. 2. Вып. 4-6. Петроград, 1915. 1093 с.

Справочная литература, путеводители

Адрес-календарь Севастопольского градоначальства. Город Севастополь и город Балаклава. Севастополь, 1911. 339 с.

Альманах путеводитель по отечественным курортам и лечебным местам. 1915-16 г. М.: Ред. "Курорты и лечеб. места", 1915. 335 с.

Безчинский А. Ялта и ближайшие окрестности. Ялта, 1902. 134 с.

Вертинский А.Ч., Филиппов В.Л. Привет из Алупки. Иллюстрированный путеводитель. Евпатория: Бабенко Е.А., 2017. 205 с.

Весь Петербург. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: А. С. Суворин, 1894-1917.

Винодельческое хозяйство и виноторговля Токмакова и Молоткова в Алуште (Южный берег Крыма): 1889-1913 гг. М.: типо-лит. торг. д. А.П. Коркин, А.В. Бейдеман и К°, 1913. 36 с.

Вся Москва: адресная и справочная книга. М.: Суворин "Новое время", 1875-1925.

Головкинский Н.А. Путеводитель по Крыму Симферополь: В.А. Иванов, 1894. 552 с.

Государственный архив Республики Крым. Путеводитель. Ч. I – IV. Симферополь: Антиква, 1916-2020. Ч. 1: Фонды учреждений дореволюционного периода. 2016. 174 с.; Ч. 2: Фонды советского и постсоветского периодов. 1917-2014 гг. 2019. 286 с.; Ч. 3: Фонды советского и постсоветского периодов 1917-2014 гг. 2020. 295 с.; Ч. 4: Фонды советского и постсоветского периодов 1917-2014 гг. 2021. 272 с.

Записка об учреждении Общества крымских климатических станций и морских купаний : Культур. поселок "Ласпи" в Крыму. Петроград, 1915. 24 с.

Иванов Е.Э. Ривьера и Южный берег Крыма, их лечебные места и средства: С карт. Ривьеры и Юж. берега Крыма: Для врачей и образцов. публики. СПб.: журн. "Соврем. медицина и гигиена", 1897. 132 с.

Кеппен П.И. Об успехах виноделия на южном берегу Крыма. СПб.: тип. мед. департамента МВД, 1831. 50 с.

Кеппен П.И. О виноделии и винной торговле в России: сочинение Петра Кеппена, коллежского советника и кавалера, магистра правоведения, доктора философии и члена разных ученых обществ. СПб: Тип. Карла Крайя, 1832. 263 с.

Кондараки В.Х. Новый, обстоятельный путеводитель по Крыму с 65 полнотипажами В.Х. Кондараки, автора универсального описания Крыма. М.: тип. М.М. Борисенко и К°, 1885. 160 с.

Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 1. Николаев: тип. В.М. Краевского, 1873. 22 с.

Крым: Путеводитель. Под общ. ред. члена Президиума Моск. физио-терапевтич. о-ва и члена Правл. Рос. о-ва по изучению Крыма д-ра И. М. Саркизова-Серазини Моск. физио-терапевтич. о-во и Рос. о-во по изучению Крыма. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. 416 с.

Крымский областной государственный архив. Путеводитель. Симферополь: Крымиздат, 1961. 326 с.

Кузьменко В. М. Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма: с краткими очерками по геологии и археологии местности, 2 схематическими картами, 89 иллюстрациями и планом поселка с его окрестностями. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1913. 77 с.

Кузьменко В. М. Симеиз и его окрестности. Симферополь, 1928. 32 с.

Кузьменко В.М. Симеиз и его окрестности: Крым. гос. изд-во, 1930. 51 с.

Курорт и город-сад "Форос". Крым. Байдар. ворота. 1917 г. (Описание и краткое описание продающихся участков). М., 1917. 91 с.

"Ласточкино гнездо". История замка и его хозяев. [Электронный ресурс]. URL: <https://lastochka.gardenacademia.com/> (Дата обращения: 12.11.2022);

Ласпи: Альбом фотографий. Пг.: Тип. Акц. о-ва тип. дела, 191?. 18 с.

Лебедев И.Ф. Морские купания вообще и купания на Южном берегу Крыма в особенности доктора И.Ф.Лебедева. Москва: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1883. 37 с.

Лейкинд О.Л. Художники Русского зарубежья 1917-1939. Биографический словарь. СПб. : Нотабене, 1999. 713 с.

Лечебные места Южного берега Крыма. Руководство для едущих в Крым доктора В.И. Чугина. Ростов-на-Дону: 1882. 143 с.

Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. Киев: Стилос, 2011. 416 с.

Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. 13-е изд. Одесса: Тип. Л. Нетиче, 1904. 416 с.

Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Севастополю и окрестностям 17-е изд.-Одесса: Тип. «Техник», 1909. 62 с.

Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. СПб., 1913. 302 с.

Новый Мисхор. Первый дачный курорт Крыма. [Электронный ресурс]. URL: <https://novymiskhor.gardenacademia.com/> (Дата обращения: 12.11.2022)

Окс А.Б. Южный берег Крыма. Справочник для туристов. С.Петербург: Луч, 1912 г. 176 с.

План курортного поселка Форос 1915 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=8720> (Дата обращения – 12.09.2022).

Путеводитель по горам Крыма. Издание Ялтинского отделения ККГК под редакцией действительного члена ККГК и Ялтинского отделения В. А. Меркулова. СПб.: Типография М.Д.Ломковского, 1903. 72 с.

Путеводитель по Крыму Сосногоровой и Караулова. 5-е изд.. М.: Типогр. бр. Вернеръ, 1889. 391 с.

Путеводитель по старой Ялте. Ялта конца XIX - начала XX века в открытках. Симферополь: Н. Орианда, 2016. 129 с.

Симеиз. Путеводитель по старым дачам. [Электронный ресурс]. URL: <https://simeiz.gardenacademia.com/> (Дата обращения: 12.09.2022).

Симиренко Л.П. Крымское промышленное плодоводство: Т. 1. М.: типолит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. 746 с.

Сосногорова М.А. Путеводитель по Крыму для путешественников. Одесса: тип. Л. Нитче, 1880. 435 с.

Список врачей Таврической губернии с включением некоторых данных о их личном составе. Симферополь: 1894. 120 с.

Тимофеев А.Г. История С.-Петербургской биржи; издание С.-Петербургского биржевого комитета. СПб: типография Санкт-Петербургского Товарищества печатного и издательского дела "Труд", 1903. 298 с.

Трисвятский Д.И. Новый Симеиз. М., 1922. 14 с.

Периодические издания

Ведомости Ялтинского градоначальства

Вечерняя Москва

Ежегодник Общества архитекторов-художников.

Известия Таврической ученой архивной комиссии

Искусство и художественная промышленность

Крымская газета

Крымские известия

Курортная газета

Московские ведомости

Общественный врач

Правда

Родина

Русская Ривьера

Сезонный листок Русских Минеральных вод

Туберкулез. Журнал Всероссийской Лиги по борьбе с туберкулезом

La Cause Commune / Общее дело

Эго-источники

Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М: Феникс, 1992. 511 с.

Борщик Н.Д. Воспоминания о Крыме. Из архива ученого-естествоиспытателя, крымоведа И.И. Пузанова // Документ в современном обществе: исторические, концептуальные и методические аспекты изучения. Симферополь: 2019. С. 142–196.

Васильчикова Л. Л. Исчезнувшая Россия: Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой, 1886–1919. СПб.: АОЗТ «Петербург. сезоны», 1995. 542 с.

Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний // Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. 271 с.

Витте С.Ю. Воспоминания. Москва; Петроград: Гос. изд-во, 1923-1924. Т. 2: Царствование Николая II. 1923.

Водовозова М.М. Благословенный Олеиз // *Галиченко А.А.* Старинные усадьбы Крыма. Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. С. 310-328.

Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина / с предисл. В. И. Невского ; вступ. ст. и примеч. С. В. Бахрушина. М.: М. и С. Сабашниковы, 1929-1934. Т.2: Москва сороковых годов. 1929.

Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1816–1843 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: Студия «ТРИТЭ», 1997. 497 с.

Врангель Л.С. Крым. Paris: Умса-press, 1939. 158 с.

Врангель Л.С. Воспоминания и стародавние времена. Вашингтон: Kamkin, 1964. 221 с.

Врангель П.Н. Воспоминания (в 2 ч.) Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969. Ч.1. 312 с. Ч.2. 266 с.

Галиченко А.А. Князь Георгий Дондуков-Изыдинов. Расстрел. «Ялтинский мол» глазами очевидца// Крымский альбом 2000. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Выпуск 5. Феодосия; М.: ИД Коктебель, 2002. С. 26-32.

Голицын А.Д. Воспоминания. М.: Изд-во «Русский путь», 2008. 606 с.

Горький М. Крымские эскизы. Симферополь: "Таврия", 1974. 271 с.

Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. 588 с.

Ден Ю.А. Подлинная царица. М.: Вече, 2013. 295 с.

Дневник Д.А. Милютина / Ред., биогр. очерк и примеч. П.А. Зайончковского. Т. 1–4. М.: Б.и., 1947–1950.

Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1873–1875. Под ред. Л.Г. Захаровой. М.:РОССПЭН, 2008. 435 с.

Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1876–1878. Под ред. Л.Г. Захаровой. М.:РОССПЭН, 2009. 702 с.

Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1879–1881. Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2010. 598 с.

Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1882–1890. Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2010. 582 с.

Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1891-1899. Под ред. Л.Г.Захаровой. М.: РОССПЭН, 2013. 774 с.

Дневники императрицы Марии Федоровны (1914-1920, 1923 годы). - М.: Вагриус, 2005. 701 с.

Зинаида Серебрякова. 1884-1960. Письма. Современники о художнице. М.: Изобразит. искусство, 1987. 301с.

Иванова Е.Н. Мемуары принцессы-золушки // "Чайка". 2004. №1.

Князь Владимир Палей. Поэзия. Проза. Дневники. М., Альма матер, 1996. 413 с.

Куприна К.А. Куприн - мой отец. М.: Худож. лит., 1979. 287 с.

Куприна –Иорданская М.К. Годы молодости: Воспоминания о А. И. Куприне. - М.: Сов. писатель, 1960. 239 с.

Курчатов в жизни: письма, документы, воспоминания (из личного архива). М.: Изд-во Главархива Москвы, 2007. 622. с.

Лазари Н. де. Наброски на бумагу. Łódź, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://mostyeuroпы.pl/sites/default/files/2020-01/Николай%20де%20Лазари%20-%20Наброски%20на%20бумагу.pdf> (Дата обращения – 12.09.2022).

Литаиш О.А. Князь Петр Урусов. Из воспоминаний исчезнувшего времени. Крымские страницы мемуаров (США, 1984) // Крымский альбом. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Феодосия: Изд. дом «Коктебель», 2001. Вып. 7. С. 50–71.

Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Санкт-Петербург: Азбука, 2017. 444 с.

Маковский А.Л. На крымском берегу. [Электронный ресурс]. URL://<https://disk.yandex.ru/d/6D9AETY1-35BtQ> (Дата обращения – 12.09.2022).

Маковский С.К. Портеты современников. На Парнасе Серебряного века. Москва: Аграф, 2000. 763 с.

Мосолов А.А. При дворе последнего Российского императора: записки начальника Канцелярии Министерства Императорского двора. М.: Мир книги, 2008. 269 с.

Набоков В.В. Рассказы Воспоминания. М.: Современник, 1991.

О.Л. Книппер - М.П. Чехова. Переписка. М.: Новое лит. обозрение, 2016. Т. 1: 1899-1927. 2016. 733 с.

Оболенский В.А. Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейца. М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. 87 с.

Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж: YMCA-PRESS, 1988. 751 с.

Палей О.В. Воспоминания о России: с приложением писем, дневника и стихов ее сына Владимира [пер. с фр. Е. Кассировой]. М.: Захаров, 2016. 232 с.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции : [Пер. с фр.] / Морис Палеолог. М.: Междунар. отношения, 1991. 334 с.

Партикулярные письма А. И. Казначеева М. С. Воронцову, 1828–1837 гг. // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 2010. Т. XIX. С. 338–341.

Паустовский К. Г. Время больших ожиданий: Повести. Дневники, письма. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2002. Т. 1. 511 с.

Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905-1913. СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2007. 800 с.

Пузанов И.И. Мемуары. В 3-х тт. Одесса: «Плутон», 2015.

Пузанов И.И. По нехоженому Крыму. М.: Географгиз, 1960. 286 с.

Пузанов И.И. Талипот: стихотворения. Москва : Водолей, 2011. 151 с.

Радакова Е. Отчет о поездке по Старобельскому уезду // Записки Харьковского университета. 1901. № 3. С. 17 – 22.

«Русский холм». *La Favi`ere* (1920-1960). История русской колонии на юге Франции в воспоминаниях, дневниках и письмах. Сост. М.Макаров. Париж: 2017. 846 с.

Скальковский К. А. Воспоминания молодости: (По морю житейскому): 1843–1869 СПб.: тип. А. С. Суворина, 1906. 410 с.

С высоты престола. Из архива императрицы Марии Федоровны (1847–1928) // Наше наследие. 2002. № 62. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6203.php> (Дата обращения – 12.09.2022).

Соловов А. Московское лихолетье. Публикация и предисловие М.Хлудовой//Новый мир. 1997. №9. С. 144-166.

Станюкович Н.В. Саша Черный // Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. Мемуары. М.: Республика, 1994. С. 344-345.

Судейкина В.А. Дневник. 1917-1919. Петроград, Крым, Тифлис. М.: Русский путь: Книжница, 2006. 669 с.

Сурская В. Дача. [Электронный ресурс]. URL://<http://monologi.by/pdf/16.pdf#page=129> (Дата обращения – 12.09.2022).

Тимохович С.Я. Путевые заметки и жизнь на Южном берегу Крыма в Симеизе. Калуга: тип. Губ. правл., 1885. 34 с.

Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 20 томах. М.: Правда, 1984.

Фармборо Ф. Первая мировая война. Дневники с фронта [пер. с англ. В. В. Кузнецова]. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 397 с.

Хлудова М.С. Арбатская сага. М.: Московские учебники-СиДипресс, 2010. 527 с.

Хотяинцева А.А. Встречи с Чеховым. Литературное наследство. Т.68: Чехов. М., 1960. С. 610-612.

Христиани Г.Г. Воспоминания о графе Дмитрие Алексеевиче Милютине // Исторический вестник. 1913. Т. 131. № 2. С. 426–429.

Чехова М.П. Из далекого прошлого. М.: Гослитиздат, 1960. 272 с.

Шалапин Ф.И. Маска и душа: мои сорок лет на театрах. СПб.: Азбука-классика, 2010. 349 с.

Шмелев И.С. Солнце мертвых // *Шмелев И.С.* Пути небесные: избранные произведения. М.: Советский писатель, 1991. С. 23-154.

Farmborough F. With the Armies of the Tsar: A Nurse at the Russian Front in War and Revolution, 1914-1918. New York: Cooper, 2000. 422 p.

Литература

Абраменко Л.М. Последняя обитель. Крым, 1920–21 годы. Киев: МАУП, 2005. 480 с.

Авенариус Н.П. Исторический очерк Белостокского института благородных девиц: 1841-1891 г. / Сост. Н.П. Авенариус. Белосток: типо-лит. Л.И. Хараша, 1891. 71 с.

Алексеев В.В. Теоретико-методологические основы изучения вещественных источников // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки. М., 2020. С. 21-34.

Андрианова Е.Н. «Фотографии с натуры» – источник по социальной истории России конца XIX в. Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 140 с.

Антанасиевич И. Русский комикс королевства Югославия. Нови-Сад: Комико, 2014. 237 с.

Арсентьев Н.М., Макушев А.А. Хрустальные короли России: Промышленное хозяйство и предпринимательская деятельность Мальцовых в XVIII-XIX вв. М.: Наука, 2002. 302 с.

Артамонов А.Е. Госдачи Крыма. История созданий правительственных резиденций и домов отдыха в Крыму. Правда и вымысле. М.: Центрполиграф, 2015. 448 с.

Архитектор Н. Краснов: известный и неизвестный: акварели и фотографии. Симферополь: Н. Орианда, 2016. 107 с.

Асеев Ю.С. Архитектура Крыма. Киев: Госстройиздат УССР, 1961. 239 с.

Ашихмина Е.Н. Дворяне села Волкова Мценского уезда – друзья Тургенева и Фета // Тургеневский ежегодник 2019 года / Сост. и ред. Л.В. Дмитриухина, Л.А. Балыкова. Орел: Издательский Дом «Орлик», 2019. С.100-112.

Ашихмина Е.Н. Мценские родственники, друзья и соседи Фета на страницах воспоминаний «Ранние годы моей жизни» // Фет А.А. Материалы и исследования. Вып. II. / Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. СПб., 2013. С. 86-108.

Баренбаум И.Е. Книжный Петербург: Три века истории. СПб.: КультИнформПресс, 2003. 439 с .

Бертье-Делагард А.Л. Случайная находка близ Ялты // Записки Одесского общества истории и древностей. 1907. № 27, 1907. Т. 5. С. 270-278.

Бедарева Г.Я. Батилиман – Ла-Фавьер // История Южного берега Крыма: III Дмитриевские чтения. Сборник научных трудов. Ялта: Таврия-Плюс, 1999. С. 58-61

Бжикцы И. «Чудесный уголок земли»: Ла Фавьер как locus amoenus в литературе русского зарубежья // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 251-281.

Богданов Н.Н. О нуждах южного берега Крыма, как лечебной местности: Доклад пред. Ялтинской уезд. земской управы Н. Н. Богданова. Ялта: 1912. 12 с.

Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы. М.: Изд-во Независимая Газета; СПб.: Симпозиум, 2001. 695 с.

Бородкин Л.И. Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 14-30.

Бородкин Л.И. Историко ориентированные тематические сайты: источниковедческие аспекты разработки контента // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С. 147–150.

Бородкин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетейя, 2016. 303 с.

Бородкин Л.И. Сетевой анализ в исторических исследованиях: микромакроподходы // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 110-124.

Бородкин Л.И. Цифровая публичная история в оценке студентов-историков (на примере проекта «1917. Свободная история») // Историческая информатика. 2018. № 4. С. 123-142.

Бородкин Л.И. «Цифровой поворот» в дискуссиях на XXII Международном конгрессе исторических наук (Китай, 2015 г.) // Историческая информатика. №3–4. 2015. С. 56–67.

Бородкин Л. И. Digital history: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия? // Историческая информатика. 2012. Т. 1, № 1. С. 14–21.

Борщик Н.Д. Роль российских предпринимателей в создании курортов Крыма в конце XIX — начале XX в. (на примере Симеиза и Гурзуфа) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2022. № 24(1). С. 181–192.

Бочаров С.Г. Средневековый массандровский «Храм 1894 года». Один эпизод научной деятельности К.К. Косцюшко-Валюжинича // Церковная археология южной Руси (сборник материалов Международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия». Севастополь: 2001. С. 161–166.

Будзар М.М., Филатова Г.Г. Дворянские имения Ялты в XIX - начале XX века. СПб.: И.А.Минаков, 2014. 400 с.

Булавинцев А.А. К вопросу об истории городского кладбища Ялты // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2021. Т. 7. № 2. С. 115–139.

Булавинцева Е.В. Имение Джемиет и последняя воля фрейлины императорского двора баронессы Марии Петровны, из рода Фредерикс // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6. № 1. С. 19–27.

Бусырева Е.П. Лев Ильин. СПб: Гос. музей истории Санкт-Петербурга, 2008. 255 с.

В фокусе наследия: сборник статей, посвященный 80-летию Юрия Александровича Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева. М., 2017. 686 с.

В. И. Вернадский и Крым: люди, места, события... Киев: Либідь, 2004. 308 с.

В тени великих: образы и судьбы: сборник статей // Под ред. Л. П. Репиной. СПб.: Алетейя, 2010. 399 с.

Варфоломеев Ю.В. А. С. Зарудный – юрист и общественный деятель : диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Саратов, 2002. 244 с.

Веблен Т. Теория праздного класса. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. 367 с.

Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как хранитель памяти ойкумены //Человек: образ и сущность. 2019. № 1 (36). С. 21-37.

Великий Князь Дмитрий Константинович, 1860-1919: биография и документы. М.: Буки Веди, 2019. Кн. 1. 2019. 559 с.

Веникеев Е.В. Архитектура Севастополя. Симферополь, 1983. 208 с.

Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. М.: Наука, 1988. 412 с.

Виссема Йохан Г. Университет третьего поколения: управление университетом в переходный период. М.: Сбербанк, 2016. 422 с.

Владимиров В.Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. 191 с.

Волков С.В. Участники Белого движения в России. [Электронный ресурс]. URL://<http://swolkov.org/info1.htm> (Дата обращения – 12.09.22).

Володин А.Ю. Дискуссионный клуб журнала «Историческая информатика»: обсуждение книги Ханну Салми «Что такое цифровая история?» // Историческая информатика. 2021. № 1. С. 161-167.

Воронцова Е.А., Гарскова И.М. Информационное обеспечение российской исторической науки в информационном обществе: современное состояние

и перспективы // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 5. С. 487–505.

Вострова М. А.А. Фет, М.Ю. Лермонтов и В.А. Шеншин: их связь с Никольским районом. [Электронный ресурс]. URL://<https://riapo.ru/nikolsk/kultura/a.a.-fet-m.yu.-lermontov-i-v.a.-shenshin-ih-svyaz-s-nikolskim-rajonom> (Дата обращения – 12.09.2022).

Габелко Д.Е. Д.А. Милютин – государственный деятель и историк русской армии: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж: 2002. 194 с.

Гавлин М. Л. Российские Медичи: портрет предпринимателей. М.: Изд. центр «Терра», 1996. 317 с.

Галина Т. Лик Христа. Московский Мисхор и черноморские камеи. Анна Голубкина в Крыму. // Крымский альбом 2002. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Феодосия, М.: ИД Коктебель, 2003. С. 114-122.

Галиченко А.А. Имение Д.А. Милютина «Симеис». К истории одного визита // Пилигримы Крыма: материалы международной научной конференции 21–25 сентября 1998. Симферополь: Крымский архив, 1999. С. 33–37.

Галиченко А.А. Старинные усадьбы Крыма: Алупка, Гаспра, Лимена, Мисхор, Мухалатка, Мшатка, Новый Кучук-Кой, Олеиз. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. 415 с.

Галиченко А.А. Художественный феномен усадеб Южного берега Крыма в конце XIX – начале XX вв. // Культура Крыма на рубеже веков. Симферополь: Симферопольский гос. ун-т, 1993. С. 51-53.

Галиченко А.А., Абраменко Л.М. Под сенью Ай-Петри: Ялта в омуте истории, 1920-1921 годы: очерки, воспоминания, документы. Феодосия: ИД Коктебель, 2006. 230 с.

Галиченко А.А., Филатова Г.Г. Мисхор. Судьба имения и его обитателей // Материалы II Крымских международных Чтений «Мир усадебной культуры. Симферополь: Крымский архив, 2002. С. 27-47.

Ганжа И.С. "Можно было провести несколько жизней за чтением этих книг" // Старая Ялта. Историко-краеведческий альманах. №58-59, 2018. С. 25-30.

Гарскова И.М. Базы данных в исторических исследованиях: опыт и перспективы // Круг идей: базы данных в исторических исследованиях: сборник научных трудов под ред. В. Н. Владимирова, И. М. Гарсковой. Барнаул: Азбука, 2013. С. 7-17.

Гарскова И.М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб: Алетейя, 2018. 408 с.

Гарскова И.М. Разработка исторических Интернет-ресурсов: некоторые источниковедческие и методические проблемы // Технотронные документы – информационная база источниковедения и архивоведения. Сб. науч. статей. М.: РГГУ, 2011. С.221-235.

Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861-1892 г.) М.: Госфиниздат, 1960. 415 с.

Голенко И.Г., Гореликова-Голенко Е.Н. Экономические аспекты управления городом Павловском, мызой Стрельна и прочими имениями великого князя Константина Николаевича (1871-1884) // Константиновские чтения - 2019. Константиновичи - семья, традиции, служение России: к 100-летию со дня гибели великого князя Дмитрия Константиновича (1860-1919): сборник материалов научной конференции 30 октября 2019 года / Государственный комплекс "Дворец конгрессов". СПб: Фил. "Гос. комплекс "Дворец конгрессов" ФГБУ "Управление по эксплуатации зданий в Северо-Западном федеральном округе" Управления делами Президента Российской Федерации, 2019. С. 40-45.

Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории: учебное пособие для вузов / Под общ. ред. А.Г. Голикова. М.:, 2007. 461 с.

Голиков А. Г., Рыбаченок И. С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М.: Ин-т российской истории РАН, 2010. 328 с.

Головачева А.Г. Из истории Дома-музея А.П. Чехова в Ялте // Приют русской литературы». Сборник статей и документов в честь 90-летия Дома-музея Чехова. Симферополь: "Доля", 2014. С. 100-110.

Головин П.А. Бароны фон Штейнгели в истории России». Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект XVIII-XIX в. Кунсткамера. №8. с. 273-314. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-248-7/978-5-88431-248-7_28.pdf (Дата обращения – 12.09.2022).

Градостроительство России середины XIX – начала XX века: Общ. характеристика и теорет. проблемы / Редкол.: Кириченко Е.И. и др. М.: Прогресс-Традиция, 2001–2010. Т. 2: Города и новые типы поселений. 2003. 557 с.

Григорьева О.И. Знание о Московском университете в цифровую эпоху // Историческая информатика. 2017. № 2. С. 24-32.

Гудков Л., Дубин В., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. М.: РГГУ: Ин-т европ. культур, 1998. 76 с.

Гулди Д., Армитедж Д. Исторический манифест. Глава 4. Большие вопросы, большие данные // Ab Imperio. 2015. №4. С. 27-76.

Дворец в имении «Дюльбер» на Южном берегу Крыма. Статья акад. Н.П.Кондакова // Искусство и художественная промышленность. 1899. №7. С. 731-734.

Депортация народов Крыма: Документы, факты, комментарии / Предисловие, составление, заключение и комментарии Н. Ф. Бугая. М. : ИСАН, 2002. 237 с.

Диканский М.Г. О русских курортах: По поводу первого съезда по улучшению отеч. лечеб. местностей. Пг.: 1915. 80 с.

Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М.: О.Г.И, 2008. 524 с.

Долгих Е.В. Общественный быт. Культура повседневности // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 1: Общественно-культурная среда. Москва, 2011. С. 340–415.

Долженко Г.П. История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов на Дону: Изд-во РГУ, 1988 г. 192 с.

Доненко Н. Ялта – город веселья и смерти. Симферополь: Н. Орианда, 2014. 672 с.

Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. М., 1973. 319 с.

Дроздов М.С. Связи семьи Морозовых с Крымом // Крымский архив. 2015. №3 (18). С. 43-59.

Ермолов А.С. Русский туризм и отчизноведение. С прил. устава "Рус. о-ва туризма и отчизноведения". Пг.: Ред. журн. "Рус. Ривьера", 1915. 31 с.

Жерихина Е.И., Бринюк Н.Ю., Копытко В.К., Коришунов Э.Л., Михайлов А.А. Д.А. Милютин: министр, военачальник, ученый. СПб.: Аврора, 2017.

Зайончковский П.А. Д.А. Милютин. Биографический очерк // Дневник Д.А. Милютина: в 4 т. / Ред., биогр. очерк и примеч. П.А. Зайончковского. Т. 1. М.: 1947. С. 5–72.

Захарова Л.И., Трифанков Ю.Т., Дзюбан В.В., Федькина Н.Г. С.И.Мальцов: социальная инициатива в промышленном регионе во второй половине XIX века (взгляд из современности). Брянск: Издательство БГУ, 2014. 182 с.

Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: Антиква, 2008. 724 с.

Злочевский Г.Д. Русская усадьба: Ист.-библиогр. обзор литературы (1787–1992) М.: Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С. Лихачева, 2003. 463 с.

Злочевский Г. Д. Старинные усадьбы и дачи Подмосковья: библиографический указатель. М.: Российский науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, 2008. 541 с.

Иванов А.В. Ласпи: от Айя до Сарыча. Симферополь: Библекс, 2005. 207 с.

Ильин М.А. Иван Александрович Фомин М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1946. 51 с.

Историческая наука в Московском университете, 1755-2004. Под ред. С.П. Карпова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. 636 с.

История и память: Историческая культура до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 763 с.

История Крыма: в 2 тт. / отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2017–2018. Т. 1. 600 с. Т.2. 739 с.

История через личность: историческая биография сегодня// Под ред. Л. П. Репиной. М.: Квадрига, 2010. 720 с.

История Южного берега Крыма: VI Дмитриевские чтения: сборник научных трудов. Ялтинский историко-литературный музей / Ред. З.Г. Ливицкая. Ялта, Симферополь: Таврия-Плюс, 2002. 171 с.

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / Ин-т рос. истории РАН; Под общ. ред. А. К. Соколова. М.: РОССПЭН, 2004. 741 с.

Калинин Н.Н., Земляниченко М. А. Романовы и Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2002. 318 с.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый Хронограф, 2008. 317 с.

Карагодин А.В. Базы визуальных источников в сети интернет: проблемы эвристики (на примере изучения истории Южного берега Крыма начала XX в.) // Историческая информатика. 2022. № 2. С. 1–17.

Карагодин А.В. Большие данные, большие перемены: цели и некоторые результаты обновления учебного курса Количественные методы в исторических исследованиях на историческом факультете МГУ // Genesis: исторические исследования. 2018. № 7. С. 85–95.

Карагодин А.В. Великокняжеские дворцы Чаир, Дюльбер, Кичкине // Романовы. Воспоминания о Крыме: издание к выставке. Государственный музей-заповедник «Царицыно», 2022. Автор-составитель О.И.Барковец. СПб.: «Медный всадник», 2022. С.300-329.

Карагодин А.В. Группы в социальных сетях: анализ контента публикаций (на примере группы "Старый Новый Симеиз" в социальной сети "Facebook") // Историческая информатика. 2019. №1. С. 189-197.

Карагодин А.В. Дачный поселок Новый Симеиз на Южном берегу Крыма в 1902-1920 гг. как феномен социокультурной модернизации: источники, методы и этапы исследования // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 1. С. 41–64.

Карагодин А.В. Историко-ориентированный тематический сайт «Симеиз. Путеводитель по старым дачам»: этапы разработки и перспективы исследования // Историческая информатика. 2020. № 1. С. 143–157.

Карагодин А.В. Как в молодости бодрый и спокойный, как мудрец, постигший всю жизненную суету. Жизнь военного министра в отставке, генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютин на Южном берегу Крыма (1881–1912) и судьба его симеизского имения // Военно-исторический журнал. 2022. № 1. С. 102-112.

Карагодин А.В. Книги как предмет показательного потребления: опыт компаративной истории (на примере библиотек Н.С. Мальцова и И. Физия) // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 253–265.

Карагодин А.В. Крымская война 1853-1856 гг. в свете мемориального поворота: размышляя о книге английского историка Орландо Файджеса «Крым. Последний крестовый поход» // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 3. С. 93–103.

Карагодин А.В. Культурный ландшафт как вещественный исторический источник (на примере дач, дачных поселков и парков начала XX в. на Южном берегу Крыма // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. Авт.-сост. Е. А. Воронцова. Москва: 2020. С. 560-573.

Карагодин А.В. Малоизвестные страницы архитектурной истории Южного берега Крыма в XX веке: находки источниковеда // Научный вестник Крыма. 2022. №. 37. С. 1–15.

Карагодин А.В. Методологические аспекты изучения дач конца XIX — начала XX века на Южном берегу Крыма: новые находки и открытия // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Т. 27. СПб: Коло, 2021. С. 606–621.

Карагодин А.В. Новые подходы к созданию и распространению исторического знания о Крыме (на примере изучения курорта Новый Симеиз) // Научный вестник Крыма. 2020. № 5. С. 1–16.

Карагодин А.В. Пенсионер имперского значения. Труды и дни отставного военного министра графа Д. А. Милютин на Южном берегу Крыма (1881–1912) // Государство и общество в России и Европе. Памяти академика РАН Юрия Степановича Кукушкина. СПб: Алетейя, 2022. С. 302–317.

Карагодин А.В. Сделать не хуже, чем за границей: курорты Южного берега Крыма в годы Первой мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 4. С. 83–105.

Карагодин А.В. У самого синего моря: трансфер культуры русской дачи с Южного берега Крыма во французский Ла-Фавьер в первой трети XX века // Человеческий капитал. 2022. № 7 (163). С. 23–32.

Карагодин А.В. Фатальная праздность "бывших": Южный берег Крыма в годы гражданской войны (1917-1921) через призму истории повседневности. // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 2. С. 109-122.

Карагодин А.В. Цифровизация гуманитарного знания и школа академика И.Д.Ковальченко на историческом факультете МГУ имени М.В.Ломоносова // Дискуссионные вопросы современной исторической науки. Памяти академика РАН Юрия Степановича Кукушкина (1929 – 2019). Ред.: Д. И. Апальков, А. А. Вершинин, Л. Е. Гришаева и др. СПб.: Алетейя, 2020. С. 30–38.

Карагодин А.В. Южный берег Крыма в годы Гражданской войны: последние дни праздного класса // Гражданская война в России (1918 – 1922 гг.) // Ред.: Л. С. Белоусов, М. И. Голубева, С. В. Девятов и др. Т. 172 из Труды исторического факультета МГУ. СПб: Алетейя, 2020. С. 311–326.

Карагодин А.В., Булавинцева Е. В. Комплексное источниковедение на службе историков и краеведов: новые сведения об имениях Южного берега Крыма в XIX – начале XX в. и их владельцах (на примере изучения местности Магарач) // *Человек и культура*. 2022 (в печати).

Карагодин А.В., Панфилов И. О. Публикации изобразительных источников любителями истории в соцсетях на службе историка-профессионала (на примере группы Старый Новый Симеиз в социальной сети facebook) // *Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки*. Под ред. А.Г. Голикова. М.: 2019. С. 407–417.

Карагодин А.В., Петрова М.М. Владельцы и строители замка «Ласточкино гнездо» – символа Южного берега Крыма – без мифов и легенд // *Исторический журнал: научные исследования*. 2019. № 6. С. 54–68.

Карагодин А.В., Петрова М.М. Комплексное источниковедение – ключ к разрешению споров об истории создания замка «Ласточкино гнездо» на Южном берегу Крыма // *Научный вестник Крыма*. 2020. № 5. С. 1-20.

Карагодин А.В., Петрова М.М. Новый Мисхор – первый дачный курорт на Южном берегу Крыма (1898–1920): реконструкция социокультурной истории // *Человек и культура*. 2020. № 4. С. 103–127.

Карагодин А.В., Петрова М.М., Глубоков А.И. Приморские виллы «Мечта» и «Ксения» в Симеизе на Южном берегу Крыма: судьба зданий и их создателей на фоне «столетия крайностей» (1900–1990 гг.) // *Человек и культура*. 2020. № 3. С. 73–93.

Карагодин А.В., Петрова М.М. Супруги Михайловы – земские врачи и филантропы на Южном берегу Крыма: биография в контексте эпохи // *Человек и культура*. 2020. № 6. С. 124–140.

Карагодин А.В., Петрова О.С., Селунская Н.Б. Образ старой России в памяти русских аристократов-эмигрантов первой волны // *Человеческий капитал*. 2021. № 11 (155). С. 11–20.

Карагодин А.В., Сырбу Н.А. Из опыта работы над проектом «Большая Ялтинская энциклопедия»: предпосылки, преграды, перспективы // Научный вестник Крыма. 2022. №. 38. С.1-14.

Карагодин А.В., Х.Л. Южный берег Крыма в годы Первой мировой войны и русской революции в отражении эго-источников // Биографический метод и эго-источники в исследованиях российской истории XVIII – начала XX в. / Под ред.: А. Г. Голиков, А. В. Карагодин, О. С. Петрова, Н. Б. Селунская. СПб.: Алетейя, 2021. С. 21–35.

Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: АО "Комплект", 1993. 350 с.

Карташов В.С., Карташов А.В. Награда врачам участникам Крымской войны и обороны Севастополя в 1854-1856 года // Актуальные проблемы современной науки. 2016. №1. С.18.

Кеня И.А. Вклад предпринимателей и благотворителей в социокультурное развитие Крыма. Брянск: Автографф, 2020. 191 с.

Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830 – 1910-х годов. М.: Искусство, 1978. 399 с.

Китаев А.А. Василий Сокольников. Специализация - Виды Крыма // *Китаев А.А.* Субъектив: фотограф о фотографии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. С.99-126.

Кишкин А. С. Самородок русской деловитости. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. 42 с.

Княжна императорской крови Татьяна Константиновна, в замужестве княгиня Багратион-Мухранская, 1890-1979: биография и документы. М.: Буки Веди, 2015. 559 с.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 485 с.

Колесников А.И. Архитектура парков Кавказа и Крыма. М.: 1949. 175 с.

Корниенко С.И., Гагарина Д.А., Поврозник Н.Г. Исторические информационные системы: теория и практика. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 231 с.

Кочериди Ю.Д. Греки в истории Кубани. Краснодар: Книга, 2011. 545 с.

Кошман Л.В. Город в пореформенной России. Социокультурные и правовые аспекты. М.: Издательство Московского университета, 2018. 446 с.

Краснокутский В.С. Курорты Северного Кавказа в период Первой мировой войны. Пятигорск: РИА-КМВ, 2019. 239 с.

Краснолуцкий А.Ю. Южный берег Крыма: история имений и дач с 1783 по 1920 год. СПб.: Крига, 2020. 1109 с.

Крикун Е.В. Архитектура Южнобережья. Симферополь: Таврия, 1970. 96 с.

Крюкова И.В. Никитский ботанический сад. История и Судьбы. Симферополь: Н. Орианда, 2011. 416 с.

Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Ин-т Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 617 с.

Лавров В.В., Ишин А.В. В.И.Вернадский и Таврический университет // Крымский архив. 2000. №6. С. 182-183.

Лапина-Кратасюк Е. Как цифровые медиа изменили подход к истории. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/295707-kak-tsifrovye-media-izmenili-podkhod-k-istorii> (Дата обращения – 12.09.2022).

Левандовский А.А. Дмитрий Милютин – военный министр Российской империи // Знание-сила. 2019. № 1. С. 44–50.

Лезинский М.Л. Батилиман. Симферополь: «Крым», 1968. 47 с.

Лейкинд О.Л. Художники Русского зарубежья 1917-1939. Биографический словарь. СПб.: Нотабене, 1999. 713 с.

Линникова О.В. Стилиевые особенности усадебной архитектуры Крыма периода эклектики в контексте общеевропейских тенденций : диссертация. ... кандидата искусствоведения. М.: 2011. 233 с.

Лисовский В.Г. Иван Фомин и метаморфозы русской неоклассики. СПб.: Коло, 2008. 487 с.

Лихачев Д.С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. СПб.: Наука, 1991. 370 с.

Ловелл С. Дачники. История летнего житья в России, 1710–2000 / пер. с англ. Л. Г. Семеновой. СПб.: Академический проект, 2008. 347 с.

Ловелл С. Досуг в России: «свободное» время и его использование // Антопологический форум. № 2. «Исследователь и объект исследования». Пер. А. Блюмбаум. СПб., 2005. С. 136–273.

Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2005. 393 с.

Макаров М. Русский холм. История русской колонии во французском Провансе // Золотая палитра. 2019. № 2 (19). С. 55–77

Макаров М.Н. Алупка-Симеиз. Симферополь: Крымиздат, 1954. 179 с.

Майер-Шенбергер В. Большие данные: революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. Пер. с англ. И. Гайдюк. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 231 с.

Маликова А.А. Из истории создания и деятельности Воронежских медицинских обществ конца XIX - начала XX вв. // Сова. 2016. №2. С.29-30.

Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860-1914). СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 335 с.

Мальгин А.В. Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи: конец XVIII – начало XX в. Симферополь: СОНАТ, 2004. 349 с.

Манцыгина И.В. Архитектура усадеб «Царского берега» в Крыму в XIX - начале XX вв. : диссертация ... кандидата архитектуры. СПб.: 1999. 214 с.

Медяков А.С. Война формата 9x14: открытки в немецкой "культуре войны" 1914 - 1918 гг. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2021. 461 с.

Наше все – 2: Дмитрий Милютин, военный министр России. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/netak/741733-echo/> (Дата обращения: 12.09.2022).

Незабытые могилы: российское зарубежье. Некрологи 1917-1997. В 6 т. М.: Пашков дом, 1999-2007.

Нащокина М.В. Архитектура дачных поселков конца XIX - начала XX вв. // Ф.О. Шехтель и проблемы истории русской архитектуры конца XIX - начала XX веков. М.: ЦНИИПГрадостроительства, 1988. С. 89-90

Нащокина М.В. История и перспективы садовой археологии в России // Сады и парки. История садов в России: опыт, проблемы, перспективы. Из истории Царицынского парка. М.: 2013. С. 10-20.

Нащокина М.В. Стилистические предпочтения в творчестве архитектора Владимира Владимировича Шервуда // Династия Шервудов в истории и культуре России (под ред. Ю.Р. Савельева). М: Связь Эпох: Кучково поле Музеон, 2017. С. 216-229.

Немирович-Данченко В.А. Америка в России // Русская мысль. 1882. № XII.

Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: АНТИКВА, 2015. 935 с.

Неяченко И.И. Звезда в подарок. Симферополь: Таврия, 1984. 127 с.

Неяченко И.И. Симеиз: путеводитель. Симферополь: Таврия, 1982. 72 с.

Николай Краснов - русский зодчий Сербии, 1864-1939: к 150-летию со дня рождения: каталог выставки, декабрь 2014, Москва - январь 2015, Белград. М.: Дом рус. зарубежья им. А. Солженицына, 2014. 139 с.

Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. 287 с.

Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 325 с.

Открытый доступ и открытые архивы информации: ежегодный межведомственный сборник научных трудов. Редкол.: Я. Л. Шрайберг и др. М.: ГПНТБ России, 2010. 111 с.

Офицерова Е.В. Деятельность А.Л. Керкова по благоустройству Царицынского парка // Сады и парки. История садов в России: опыт, проблемы, перспективы. Из истории Царицынского парка. М.: Пробел-2000, 2013. 306 с. С. 248-252.

Очерки истории русской общественной медицины (к столетию земской медицины): сборник статей. Под ред. П. И. Калью. М.: Медицина, 1965. 299 с.

Павлова Т.Г. Харьковская профессорская эмиграция 20-30-х XX в. //Universitates:наука и просвещение. 2010. №1. С. 30-51.

Памяти Ивана Тучкова. 24 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://theartnewspaper.ru/posts/6087> (Дата обращения 12.09.2022).

Панина С.В. О К.А.Михайлове // La Cause Commune/Общее дело. 1920. 20.12.1920.

Пенперштейн П.В. Свастика и Пентагон. М.: Ad Marginem, 2006. 189 с.

Перфильева Л.А. Русская усадьба рубежа XIX - XX вв. // Очерки русской культуры. Конец XIX-начало XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. Т. 1: Общественно-культурная среда. С. 803-851.

Петрова М.М. Симеиз: путешествие по старым дачам: Очерк-путеводитель. Симферополь: СОНАТ, 2006. 175 с.

"По решению правительства Союза ССР..." : депортация народов: документы и материалы]. Сост., авт. введ., коммент. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 926 с.

Попов А.Д. Всесоюзная здравница: история туризма и курортного дела Крыма в 1920-1980-е годы. Симферополь: Антиква, 2019. 271 с.

Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 - март 1918 г.). Екатеринбург: 2000. 414 с.

Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.

Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.

Рейтблат А.И. Писать поперек. Статьи по биографике, социологии и истории литературы. статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 415 с.

Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М: Кругъ, 2011. 559 с.

Ретина Л.П. Новая историческая наука и социальная история. М.: ИВИ, 1998. 282 с.

Род дворян Коробьиных. [Электронный ресурс]. URL: http://www.domarchive.ru/archive/fonds/1_rod/1029 (Дата обращения – 12.09.2022).

Род Лансере. Связь с родом Коробьиных. [Электронный ресурс]. URL: http://www.domarchive.ru/archive/fonds/1_rod/1041 (Дата обращения – 12.09.2022).

Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: [сб. ст.]. Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.Г. Голиков. М.: 2019. 1030 с.

Романов А. История пушкинских мемориалов у Черной речки и в Святогорье. [Электронный ресурс]. URL: <https://his.1sept.ru/2001/05/4.htm> (Дата обращения – 12.09.2022).

Романовы. Воспоминания о Крыме: издание к выставке, Государственный музей-заповедник «Царицыно», 2022. Автор-составитель О.И. Барковец. СПб.: «Медный всадник», 2022. 496 с.

Ружжже В.Л. Генеральный план курорта Ласпи // Советская архитектура. 1963. № 15. С. 152-157.

Самойлов А.В. Санатории и дома отдыха. М.: Изд-во Академии Архитектуры СССР, 1948. 32 с.

Селунская Н.Б. Беллетризованные мемуары А.И. Куприна в контексте «новой биографической истории» // Феномен творческой личности в культуре: Фатющенковские чтения. Выпуск 8: Материалы VIII Международной научной конференции. М.: Наука, 2019. С. 263-270.

Селунская Н.Б. Историческая память и профессиональная идентичность историка // Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования: Материалы V Науч. чтений памяти акад. И. Д. Ковальченко, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 13 декабря 2013 г. Отв. ред. А. Г. Голиков. М.: Изд-во МГУ, 2014. С. 29–39.

Селунская Н.Б. «К проблеме объяснения в истории» // Материалы II Науч. чтений памяти акад. И.Д. Ковальченко, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 30 нояб.-1 дек. 1998 г. М.: Росспэн, 2000. С. 44-63.

Селунская Н.Б. "Спасение от забвения": репрезентация прошлого в источниках исторической памяти // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 2020. №4. С. 114-131.

Селунская Н.Б., Карагодин А.В. Культурный нарратив о европейской идентичности в контексте персональных историй (размышления о книге Орландо Файджеса) // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 415–420.

Селунская Н.Б. и др. Становление российского парламентаризма начала XX века. М.: 1996. 282 с.

Селунская Н.Б., Петрова О.С., Карагодин А.В. Измерение прошлого. Учебно-методическое пособие. СПб.: Алетейя, 2018. 242 с.

Семенов Я.П. Общее значение Ялта-Севастопольской железной дороги. СПб.: Типо-литогр. А. Ф. Маркова, 1902. 7 с.

Семья Демкиной и Раутиана (ДеРаут). В 2 кн. СПб.: 2001. 348 с.

Скифский роман. Scythian novel. Сборник о жизни и творчестве М. И. Ростовцева. Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории РАН и др.; под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. 623 с.

Соловьева О.М. Доклад владелицы курорта Суук-Су на Южном берегу Крыма Ольги Михайловны Соловьевой, прочитанный на Съезде (7-го-11-го января 1915 г.) по улучшению отечественных лечебных местностей в Петрограде. Пг.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1915.11 с.

Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма: Материалы район. планировки ЮБК. Симферополь: Гос. изд-во Крым. АССР, 1935. 581 с.

Струнина-Бородина Н.Г. Великокняжеские семьи Петра и Николая Николаевичей Романовых в дороге // Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / Российская акад. наук, Ин-т славяноведения. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С.234-252.

Супроненко Т.В., Хохлов В.Г. Семейные тяжбы Мальцова // Страницы истории края: сборник статей. №2. Дятьково, 2011.

Сухарев Ю.Н. Материалы к истории русского научного зарубежья. В 2 кн. Кн. 1. М., 2002. 605 с.

Тагрин Н.С. Мир в открытке. Москва: Изобраз. искусство, 1978. 127 с.

Тайны старой Ялты: улицы, дома, люди. Л. М. Иванова, З. Г. Ливицкая, Ю. З. Мельник и др.; Ялтинский историко-литературный музей. Симферополь : Н. Орианда, 2016. 414 с.

Тараканов Д.В. Дачные поселки Подмосковья в конце XIX – начала XX в. Дисс... к.и.н. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2007. 255 с.

Турова Н.П. Церковь Преображения Господня в Массандре – «Храм 1894 года» // История и археология Крыма. Вып. XIV. Сборник научных статей. Симферополь, 2021. С. 237–258.

Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи: XIX - нач. XX в. М.: Наука, 2005. 402 с.

Ульянова Г.Н. Дворцы, усадьбы, доходные дома: исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья. М.: Форум: Неолит, 2012. 270 с.

Ульянова Г.Н. Досуг и развлечения. Зарождение массовой культуры // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Редкол.: Л. В. Кошман и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. Т. 1: Общественно-культурная среда. С.455–529.

Фадеева Т.М. Южный берег русской аристократии: из истории крымского Южнобережья 1820–1830 гг. в неопубликованных письмах княгини А.С. Голицыной Александру I, М.С. Воронцову и другим лицам. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 412 с.

Файнштейн Э.Б. В мире открытки. М.: Планета, 1976. 131 с.

Филатова Г.Г. Книги и экслибрисы Н. Мальцова в собрании Алупкин-ского дворца-музея // Музей в XXI веке: новые реалии, новые подходы, новые возможности. Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком. Мир усадебной культуры: сб. науч. тр. Симферополь: Н. Орианда, 2017. С. 226-228.

Филимонов С.Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь: Н. Орианда, 2010. 406 с.

Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.) Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2004. 314 с.

Фирсов П.П. Форос. Страницы истории. Симферополь: 2004. 212 с.

Хан-Магомедов С.О. «Сталинский амфир»: проблемы, течения, мастера // Архитектура сталинской эпохи: опыт исторического осмысления. Сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М.: КомКнига, 2010. С. 10-24.

Хейзинга Й. Культура Нидерландов в XVII веке; Эразм; Избранные письма; Рисунки. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 677 с.

Хоменко С.В. Региональная периодическая печать как источник по истории выборов в I Государственную думу: на примере Таврической губернии: диссертация ... к.и.н. М.: 2019. 397 с.

Хоменок О.С. Дореволюционная периодическая печать Таврической губернии (1838–1916): Очерк истории и библиогр. указ. Одесса: Бахва, 2003. 177 с.

Хохлов В.Г., Нихуткина Т.В. Духовное завещание С.И.Мальцова // С. И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Ч. 2 / Оргком. Историко-краевед. конф. г. Дятьково, Музей хрустала ОАО "Дятьковский хрусталь". Брянск, 1998. С. 29-32.

Цоффка В. Крымские статьи. М.: Ким Л. А., 2018. 76 с.

Чернов Н.М. Провинциальный Тургенев. М.: Центрполиграф, 2003. 426 с.

Черняк Л. С. Web 2.0 // Открытые системы. СУБД. 2005. № 11: [Электронный ресурс] URL <https://www.osp.ru/os/2005/11/380523> (Дата обращения – 12.09.2022).

Шапоров Ф.Ф. Симеиз. Краеведческий очерк-путеводитель. Симферополь: Крымиздат, 1960. 80 с.

Шантырь С.П. Мисхор. Кореиз. Гаспра: Очерк-путеводитель. Симферополь: Крымиздат, 1960. 103 с.

Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006. 270 с.

Шафранский Е.И. Симеиз: Путеводитель. Симферополь: Крым, 1968. 80 с.

Шаханова А.А. Леонид Михайлович Браиловский: личность художника Серебряного века. СПб: Лики России, 2018. 263 с.

Шмидт С.О. Вступительное слово на Первом всероссийском съезде историков-регионоведов в Санкт-Петербурге (11-14 сентября 2007 г.) // Вестник РГГУ. 2012. № 6 (86). С.15-24.

Шмидт С.О. Краеведение – это всегда краелюбие. [Электронный ресурс]. URL: <https://his.1sept.ru/2004/22/4.htm> (Дата обращения – 12.09.2022).

Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Александра Петровича Соловова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www1.geol.msu.ru/deps/geochems/rus/pub/solovov100.pdf> (Дата обращения – 12.09.2022).

Южный берег Крыма. Материалы к описанию культурного ландшафта. / Государственный Эрмитаж, Фонд имени Д. С. Лихачева Составители: Е.В. Витенберг, А.В. Кобак. СПб.: Европейский Дом, 2019. Вып. 1. 378 с.

Юмашева Ю.Ю. Вещественные источники как потенциальная источниковая база исторической науки // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский. М.:, 2015. С. 290–308.

Юмашева Ю.Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 95-127

Юмашева Ю.Ю. Цифровая трансформация аудиовизуальных архивов. Аудиовизуальные архивы онлайн. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 600 с.

Юхименко Е.М. Рахмановы: купцы-старообрядцы, благотворители и коллекционеры. М.: Изд. дом Тончу, 2013. 518 с.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М.: Высш. школа, 1977. 240 с.

Bailey P. Leisure, Culture and the Historian // Leisure Studies. 1989. №8. P. 107-28.

Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Late Imperial Russia. Ed. by Edith W. Clowes et al. Princeton: Princeton univ. press, 1991. 400 p.

Bogucka M. Le Bourgeois et les Investissements Culturels // *Guarducci A (ed.)* Investimenti e Civiltà Urbana. Florence: Mondadori, 1989. P. 571-84.

Burke P. The Invention of Leisure in Early Modern Europe // Past and Present. 1995. № 146. P. 136-150.

Burke P. (ed.) New Perspectives on Historical Writing. Pennsylvania: 2001. 316 p.

Burke P. Res et Verba: Conspicuous Consumption in the Early Modern World // *Brewer J. and Porter R. (eds.)*. Consumption and the World of Goods. London: Routledge, 1993. P. 148-62.

Chartier R. The Order of Books: Readers, Authors and Libraries in Europe Between the Fourteenth and the Eighteenth centuries. Cambridge: Polity Press, 1994. 148 p.

Clifford D. A History of Garden Design. New York: Praeger, 1966. 252 p.

Cottin F. et F. Le Bassin d'Arcachon, à l'Age d'Or des Villas et des Voiliers. Bordeaux: Éditions l'Horizon chimérique, 2003. 365 p.

Darnton R. First Steps Toward a History of Reading // Australian Journal of French Studies. 1986. Vol. 23. P. 153-177.

Darnton R. What is the History of Books? // *Daedalus*. 1982. Vol. 111. P. 79-80.

Dmitrieva E. Botanical Books in the Bibliotheca Thysiana: Exploration in the Cultural History of Reading. Leiden, 2018. 78 p.

Dupouy R., Obolensky A., Guillemain M., Faucher F. Les Russes de La Favière. Catalogue édité à l'occasion de l'exposition au Musée "Arts et histoire" de Bormes-les-Mimosas du 5 Septembre au 14 Novembre 2004. Le Lavandou: Réseau Lalan, 2004. 79 p.

Egmond F. The World of Carolus Clusius: Natural History in the Making, 1550-1610. London: Routledge, 2010. 306 p.

Figes O. The Europeans: Three Lives and the Making of a Cosmopolitan Culture. New York: Metropolitan Books, 2019. 564 p.

Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891-1924. London: 1996. 1024 p.

Frank S. Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856-1914. Berkeley: University of California Press, 1999. 396 p.

Armitage D., Guldi Jo. The History Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 165 p.

Hobsbawm E. The Age of Extremes: The Short Twentieth Century 1914-1991. London: Abacus, 1995. 627 p.

Hoftijzer P.G. Bibliotheca Thysiana 'Tot Publijcke Dienst der Studie'. Leiden: Brill, 2008. 66 p.

Kissinger H.A. How the Enlightenment Ends // *The Atlantic*. 2018. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/06/henry-kissinger-ai-could-mean-the-end-of-human-history/559124/> (Дата обращения: 12.09.2022).

Kocka J. The Uses of Comparative History // *Societies made up of history*. Edsbruk: Akademitryck AB, 1996. P. 197-209.

McReynolds L. Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era. Ithaca; London: Cornell univ. press, 2003. 320 p.

Maghsudi S. et al. Personalized Education in the Artificial Intelligence Era: What to expect next // IEEE Signal Processing Magazine. 2021. № 38 (3). P. 37-50.

Mourits E. Wie Was Johannes Thysius? // Anrooij W., Hoftijzer P. Vijftien Strekkende Meter. Nieuwe Onderzoeksmogelijkheden in het Archief van de Bibliotheca Thysiana. Hilversum: Verloren, 2017. P. 15-25.

Schama S. The Embarrassment of Riches: an Interpretation of Dutch Culture in the Golden Age. London: Collins, 1987. 720 p.

Schama S. Landscape and Memory. London: Harper, 1995. 672 p.

Sewell W. Towards a Post-Materialistic Rhetoric for Labor History // Rethinking Labor History: Essays on Discourse and Class Analysis. Urbana, 1993. P. 100-115.

Stone L. Prosopography // Historical Studies Today. Ed. by F. Gilbert and St. Graubard. N.Y., 1972. P. 107-140.

Stone L. The Crisis of the Aristocracy, 1558 to 1641. Oxford: Oxford University Press, 1967. 384 p.

Thomas K. Work and Leisure in Pre-Industrial Society // Past and Present. 1964. №29. P. 50-66.

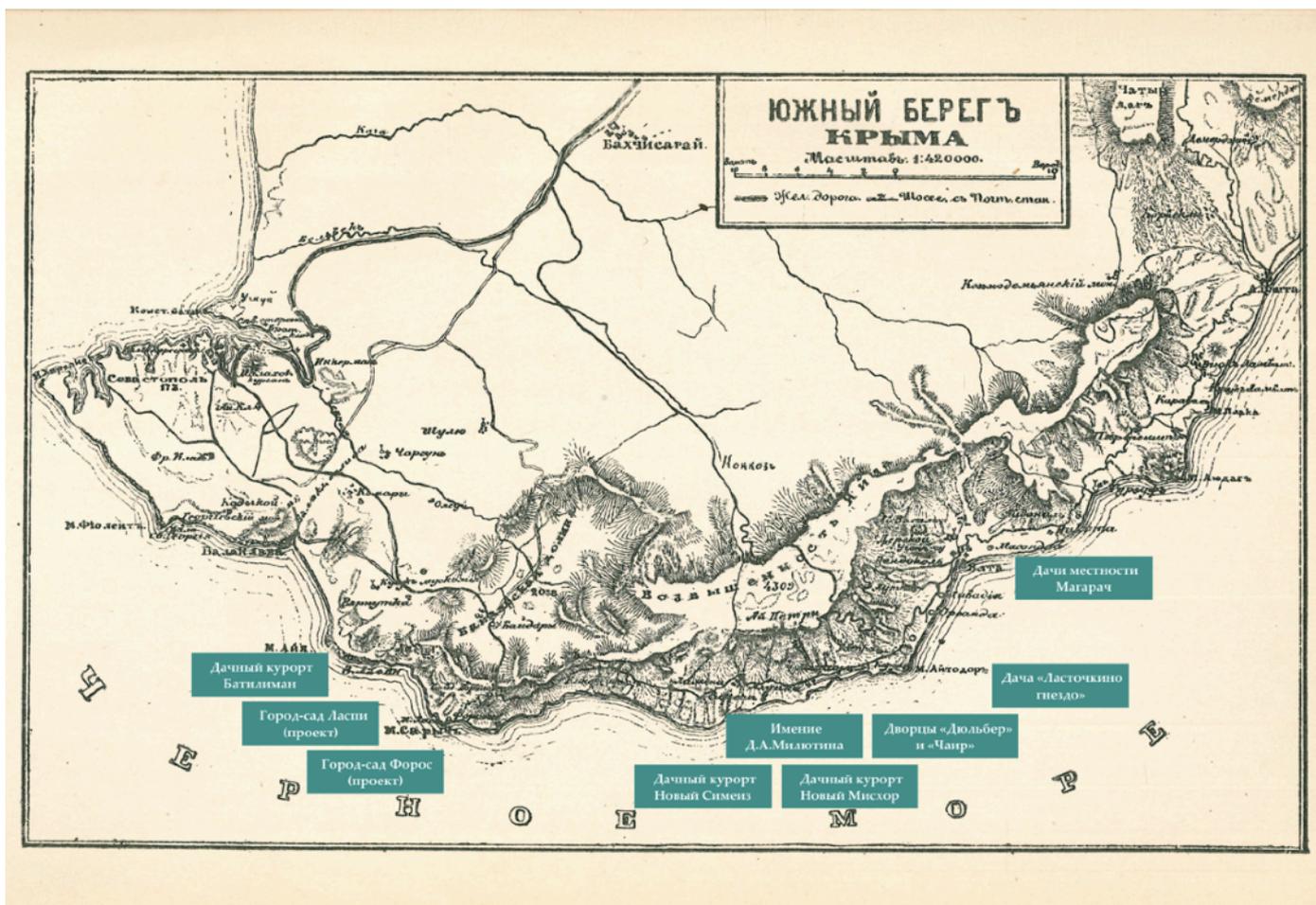
Thompson E.P. Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism // Past and Present. 1967. №38. P. 56-97.

Van der Weel A. Changing our Textual Minds. Manchester: Manchester University Press, 2011. 256 p.

Williamson B. Meta-edtech // Learning, Media and technology. 2021. №46 (1). P. 1-5.

Приложение: иллюстрации

Илл. 1. Южный берег Крыма. Карта из путеводителя Е.Э. Иванова 1897 г.⁸³⁴ Автором диссертации нанесены указания дачных курортов, местностей, дач, имений, дворцов, проектируемых городов-садов, о которых идет речь в настоящем исследовании.

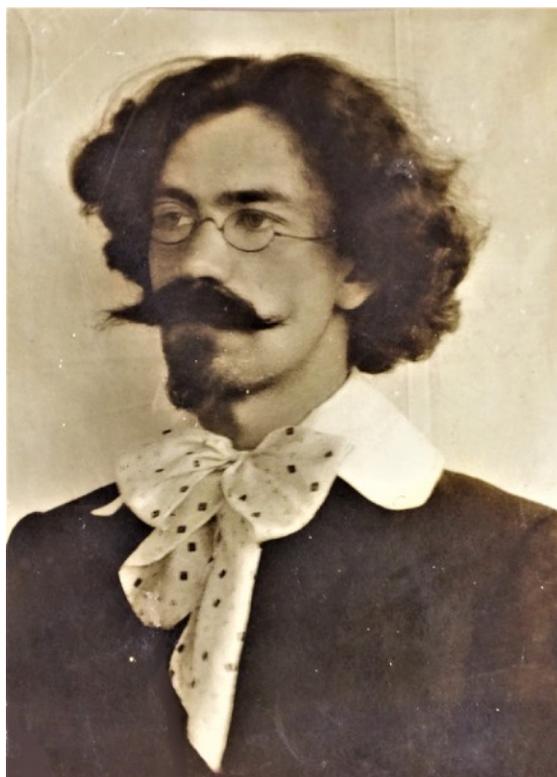

⁸³⁴ Иванов Е.Э. Ривьера и Южный берег Крыма, их лечебные места и средства: С карт. Ривьеры и Юж. берега Крыма: Для врачей и образов. публики. СПб., 1897. С. 135.

Илл. 2. Дача «Ласточкино гнездо» до и после перестройки в 1913 г. Фото С.М. Прокудина-Горского (1904 г.)⁸³⁵ и В.Н. Сокорнова (1910-е гг.)⁸³⁶.

Илл. 3. Н.С. Шервуд (1877-1917), автор реконструкции «Ласточкиного гнезда» (Российский государственный архив литературы и искусства⁸³⁷).

⁸³⁵ Prokudin-Gorskii Collection. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.loc.gov/pictures/collection/prok/search/?q=LC-DIG-prok-00188&co=prok> (Дата обращения: 12.09.2022).

⁸³⁶ предоставлено К. Гуртовым.

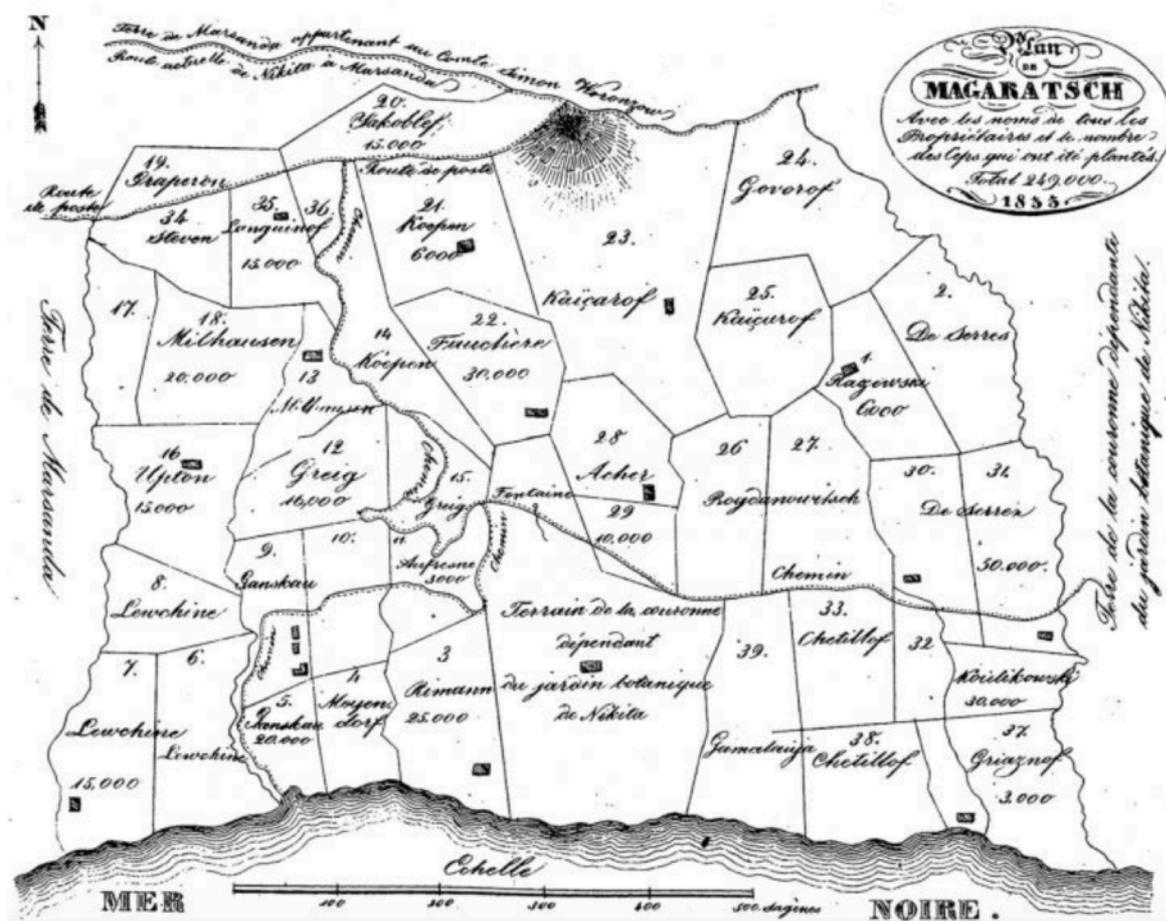
⁸³⁷ РГАЛИ. Ф. 1117. Оп. 1. Ед. хр. 109.

Илл. 4. Н.П. Краснов. Дворец великого князя Петра Николаевича «Дюльбер». Акварель. 1900-е гг. (Ялтинский историко-литературный музей)⁸³⁸.

⁸³⁸ Госкаталог Музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12350701> (Дата обращения: 12.09.2022).

Илл. 5. Магарач. План с именами всех владельцев и количеством посаженных ими лоз винограда (в общей сложности 249000 лоз)⁸³⁹.

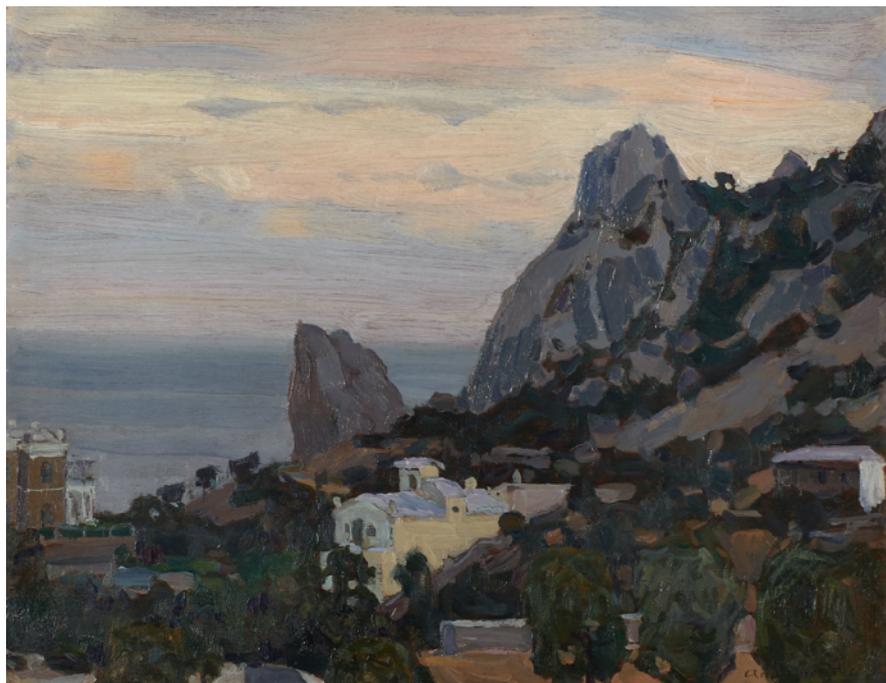

Илл. 6. Слева направо: план имения М.П. Фредерикс (литеры В и Г, ГАРК); фрагмент карты из «Путеводителя по горам Крыма» под ред. В.А. Меркулова; схема имения «Чам-Агач» на Яндекс.Картах, 2021.

⁸³⁹ Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. Киев, 2011. С. 131.

Илл. 7. А. Васнецов. Сумерки в Крыму. Новый Симеиз. Дерево, масло. 1906 г. (Государственная Третьяковская галерея⁸⁴⁰).

Илл. 8. План Нового Симеиза с показанием продаваемых участков (Государственный музей истории Санкт-Петербурга⁸⁴¹).

⁸⁴⁰ Госкаталог Музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4429508> (Дата обращения: 12.09.2022).

⁸⁴¹ План Нового Симеиза с показанием продаваемых участков. ГМИСПб. VIII-А-1202к. Кп. 204130.

Илл. 9. Дача инженера С.Я. Уманского в Новом Мисхоре. Рекламное объявление (Государственный архив Республики Крым⁸⁴²).

Илл. 10. Дача «Диль-Рюба» П.В. Мурзаевой в имении Мисхор. Рекламное объявление (Государственный архив Республики Крым⁸⁴³).

⁸⁴² ГАРК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 6. Л.1.

⁸⁴³ ГАРК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 4. Л.3.

Илл. 11. Андрей (Рене) Любимович Керков.
 Фото из семейного архива А.И. Глубокова⁸⁴⁴.

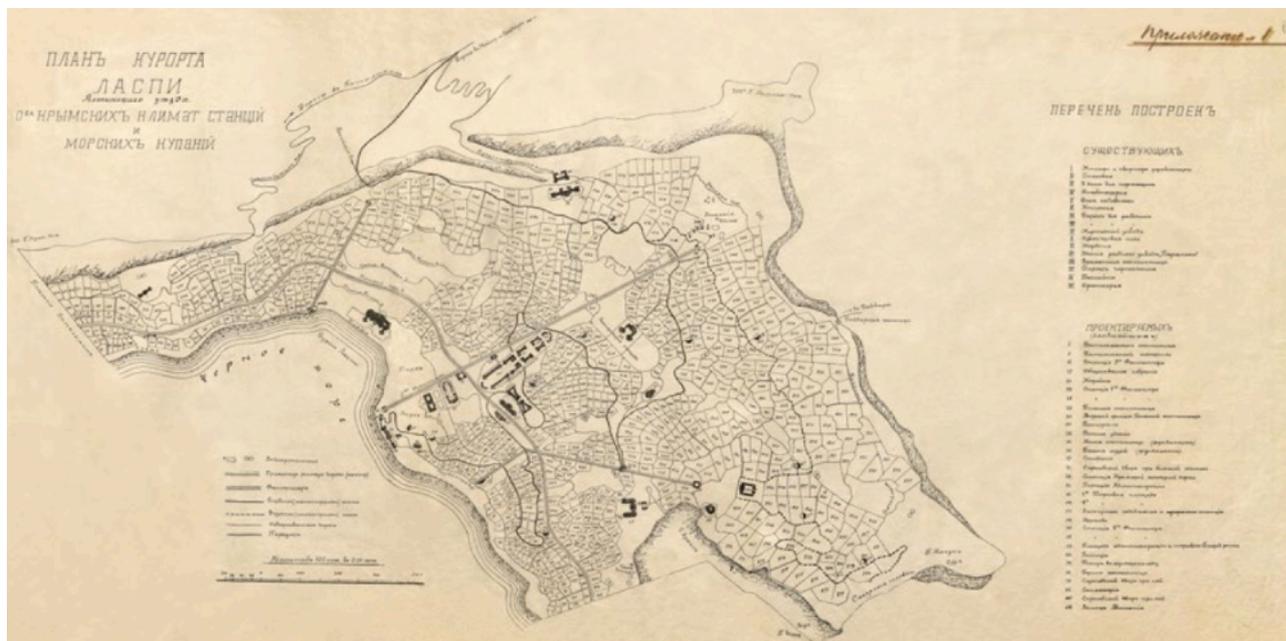
Илл. 12. Ситуационный план имения в Симеизе, предоставленный архитектором Н.П. Красновым господину А.Л. Керкову в 1913 г. (Алупкинский музей-заповедник⁸⁴⁵).

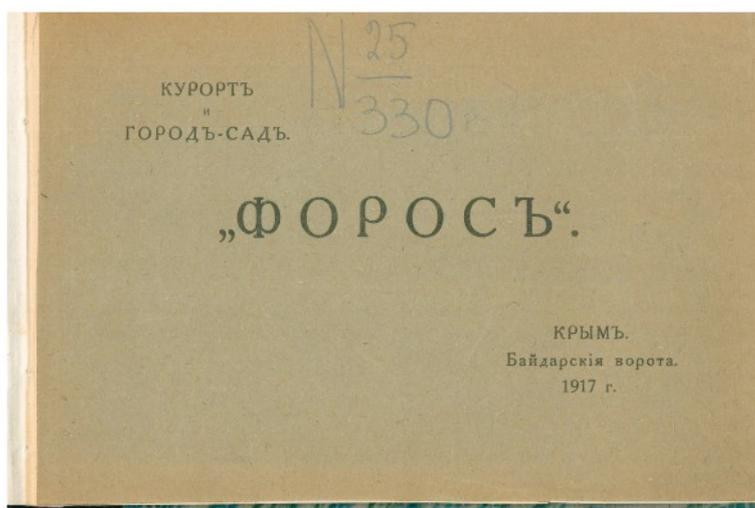
⁸⁴⁴ предоставлено А.И. Глубоковым.

⁸⁴⁵ АДПМЗ. Инв.№ Ч-992. Кл. 23561. Вилла "Мечта" в Симеизе. 1913 г. Ситуационный план.

Илл.13. План курорта Ласпи Общества Крымских климатических станций и морских купаний (Государственный архив Республики Крым)⁸⁴⁶.

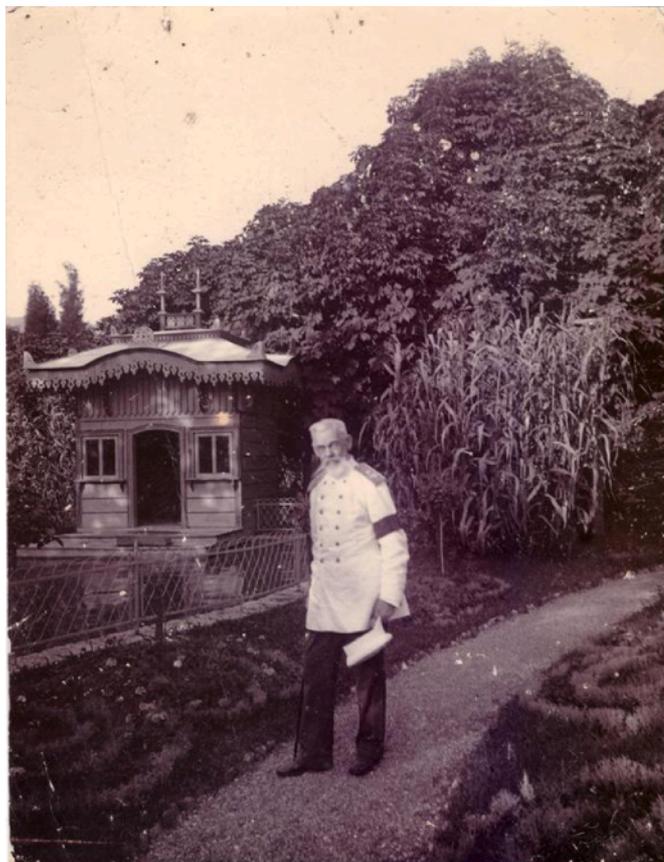
Илл. 14. Курорт и город-сад «Форос». Рекламный проспект. Крым, 1917 г.⁸⁴⁷

⁸⁴⁶ ГАРК. Ф. Р-361. Оп.1. Д.3. Л.7.

⁸⁴⁷ Курорт и город-сад "Форос". Крым. Байдар. ворота. 1917 г. (Описание и краткое описание продающихся участков). М., 1917.

Илл. 15. Граф Д.А. Милютин в саду имения в Симеизе.
Фото: Ф. Орлов, 1880-е гг. (Музей-заповедник «Дмитровский
Кремль»⁸⁴⁸).

Илл. 16. Семья Д.А. Милютина на фоне главного дома имения
«Симеис». Фото: Ф. Орлов, 1880-е гг. (Музей-заповедник «Дмитровский
Кремль»⁸⁴⁹).

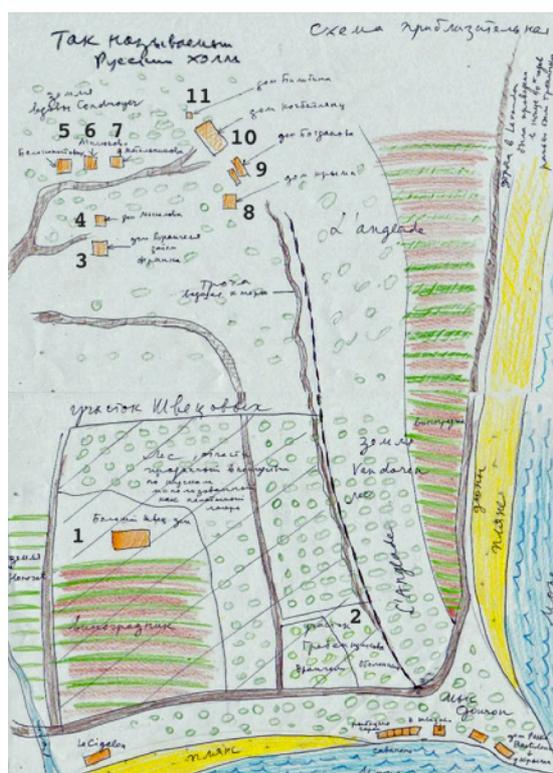
⁸⁴⁸ Госкаталог Музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16821623> (Дата обращения: 12.09.2022).

⁸⁴⁹ Госкаталог Музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16307526> (Дата обращения: 12.09.2022).

Илл. 17. Надгробие Е.Н. Радаковой с горельефом К.Н. Михайлова работы скульптора А.С. Голубкиной (фото из архивов семьи Михайловых⁸⁵⁰).

Илл. 18. Схема дач «Русского холма» в Ла-Фавьере, составленная А.Л. Оболенским⁸⁵¹.

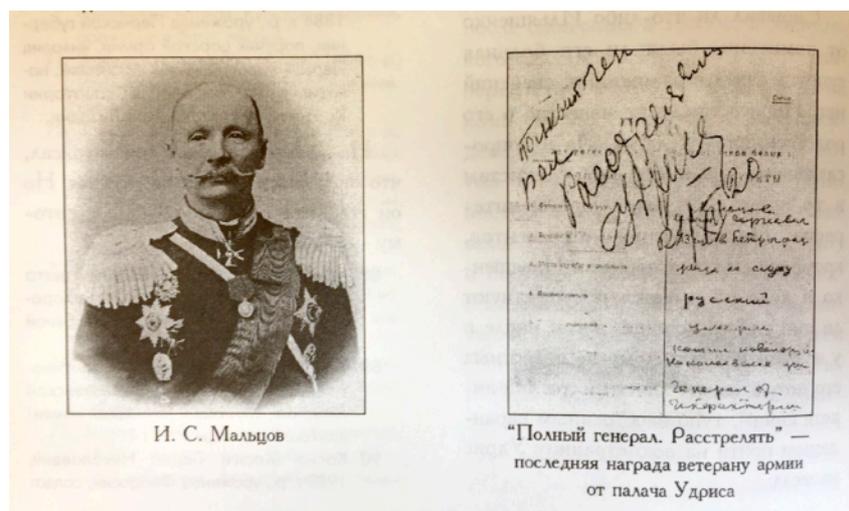
⁸⁵⁰ предоставлено Д.С. Зосимовым-Михайловым.

⁸⁵¹ «Русский холм». La Favière (1920-1960). История русской колонии на юге Франции в воспоминаниях, дневниках и письмах. Сост. М.Макаров. Париж, 2017. С. 780.

Илл. 19. Экслибрис Н.С. Мальцова (Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина⁸⁵²).

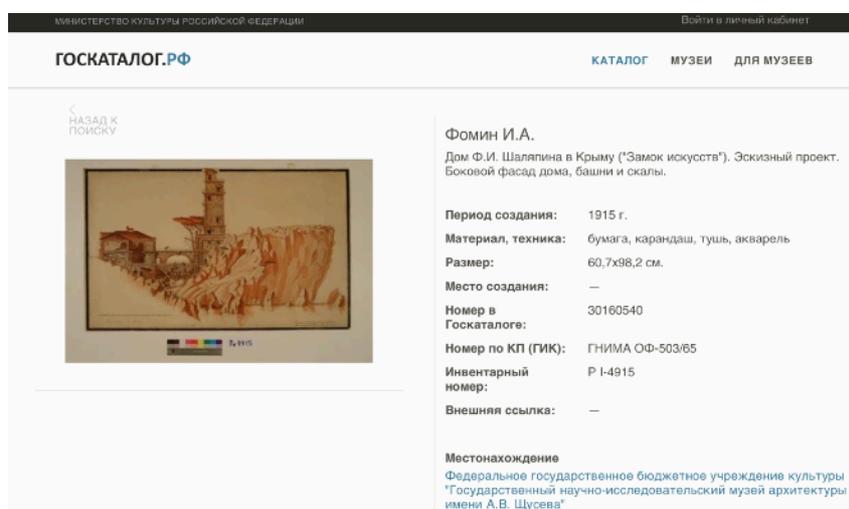
Илл. 20. Анкета основателя дачного курорта Новый Симеиз И.С. Мальцова с резолюцией "Полный генерал. Расстрелять!" 1920 г.⁸⁵³

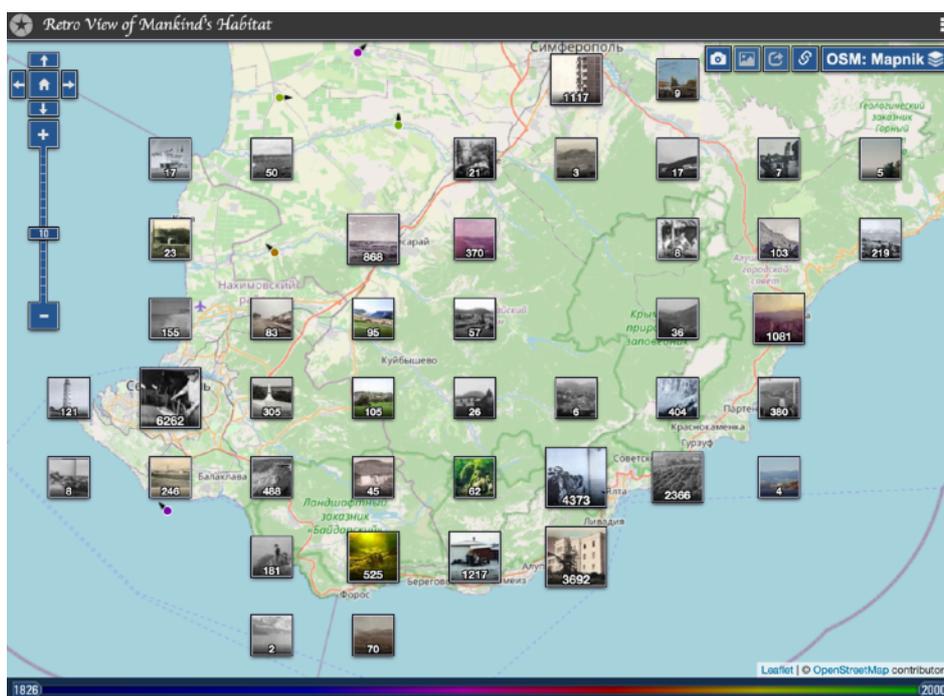
⁸⁵² Госкаталог Музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38119469> (Дата обращения: 12.09.2022).

⁸⁵³ Абраменко Л.М. Последняя обитель. Крым, 1920–21 годы. Киев, 2005. С. 398.

Илл. 21. Фомин И.А. Дом Ф.И. Шаляпина в Крыму («Замок искусств»). Эскизный проект. Страница предмета музейного хранения на сайте Госкаталога Музейного фонда РФ⁸⁵⁴.

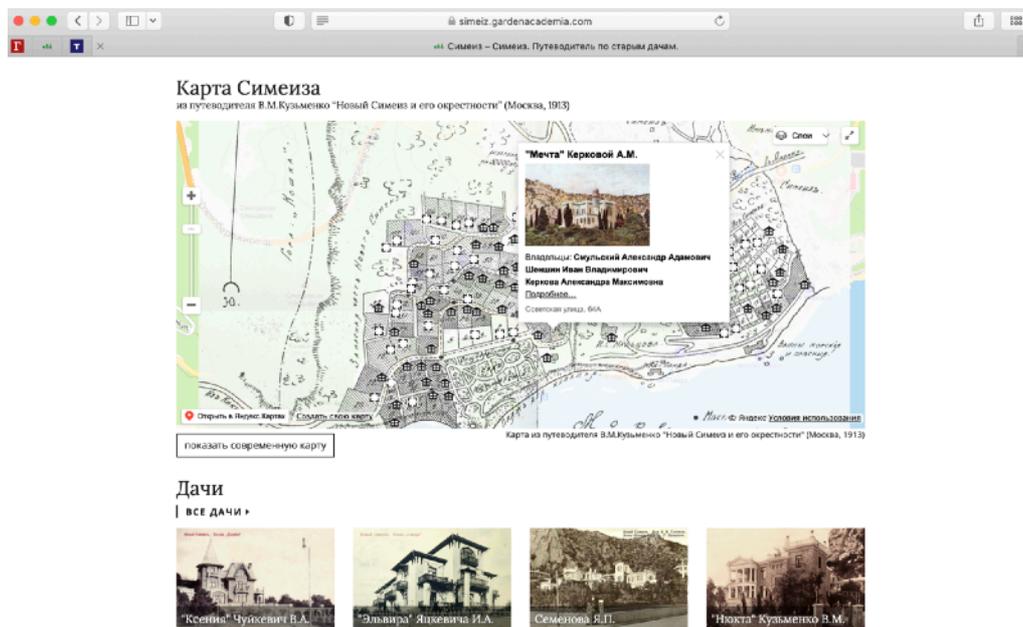
Илл. 22. Ретро-фотографии Южного берега Крыма на краудсорсинговой платформе ПастВью (<https://www.pastvu.com>)⁸⁵⁵

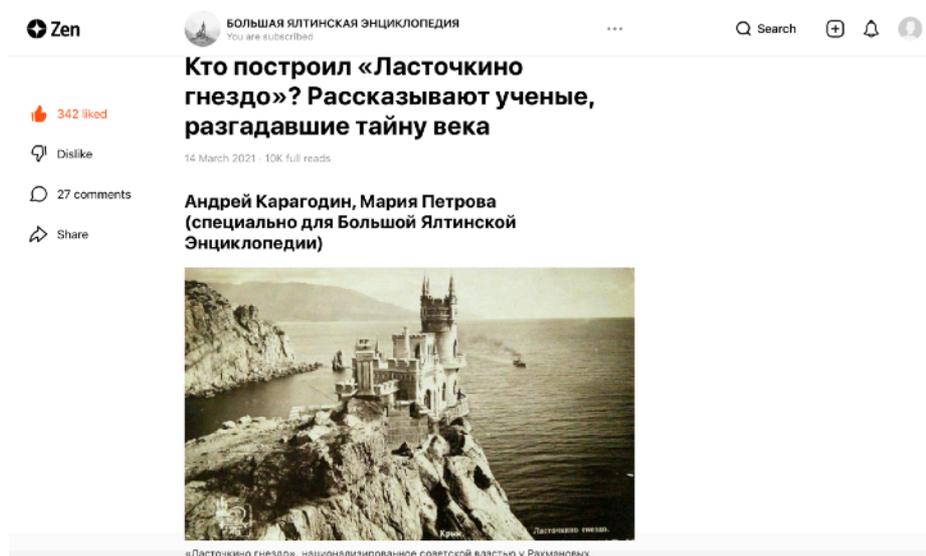
⁸⁵⁴ Госкаталог Музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=30335428> (Дата обращения: 12.09.2022).

⁸⁵⁵ Retro View of Mankind's Habitat [Электронный ресурс]. URL: <https://pastvu.com> (Дата обращения: 12.09.2022).

Илл. 23. Заглавная страница сайта «Симеиз. Путеводитель по старым дачам», фрагмент (URL: <https://simeiz.gardenacademia.com/>⁸⁵⁶).

Илл. 24. Одна из страниц блога «Большая Ялтинская энциклопедия»⁸⁵⁷.

⁸⁵⁶ Симеиз. Путеводитель по старым дачам [Электронный ресурс]. URL: <https://simeiz.gardenacademia.com/> (Дата обращения: 12.09.2022).

⁸⁵⁷ Большая ялтинская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/id/6037eeb17724493a987b34fd> (Дата обращения: 12.09.2022).